

ЭНДРЮ НОРТОН

Тисяццятворы
леопард

ЭНДРЮ НОРТОН

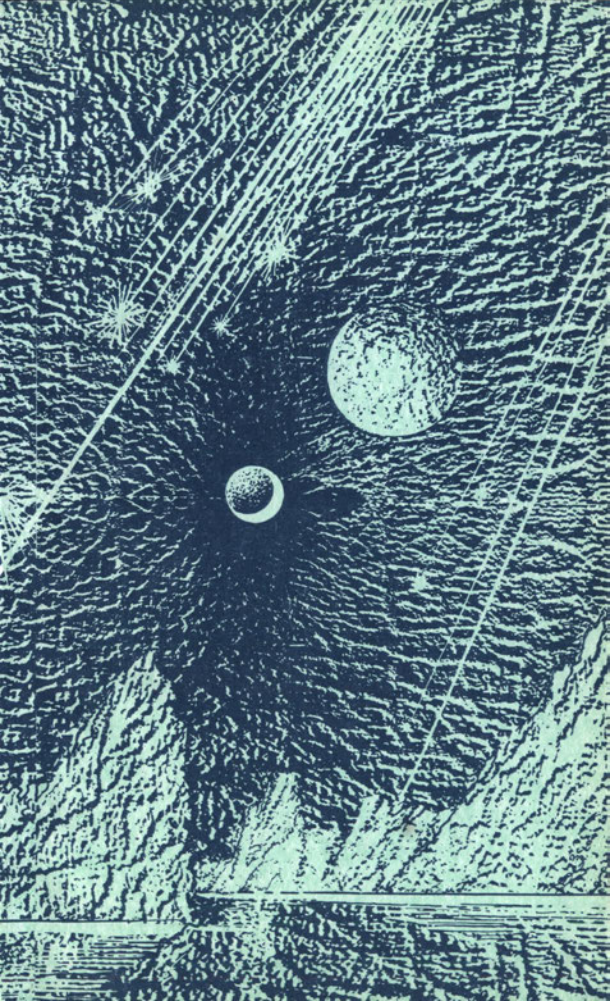
Тисяццятворы
леопард

ГЛАВНОЕ ПОПТОК

**ЭНАРЮ
НОРТОН**

**Тисцинтовый
леопард**

Фантастические романы

Перевод с английского

Минск
«ПЕЛЭВ»

1993

ББК 84.7 США
Н-83

Серия основана в 1993 году

Нортон Эндрю
Н-83   Гиацинтовый леопард. Фантастические романы: Пер. с англ.— Мн.: Пелев, 1993.— 464 с. с илл.

ISBN 985-6018-01-3

Заключительные три романа многотомной эпопеи, известной читателю под общим названием «Мир Ведьм».

ISBN 985-6018-01-3

ББК 84.7США

© Оформление. В. Макаренко,
1993

© Перевод. Н. Краснослободский,
1993

Ташкент деониз

ГРОБНИЦА ГУННОРЫ. И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ТАМ В ГОД КРАСНОГО КАБАНА

В летописях Арвона говорится, что земля существовала давно, так давно, что трудно представить даже потомкам Древней Расы. Некоторые легенды почти забыты, и в них сохранились немногие, оставшиеся в памяти факты. Другие — были вновь созданы и обросли деталями. И как длинношерстные овцы Далес всегда следуют за звуком дудочки своего пастуха, так и на земле, где существует и используется Сила, всегда происходят поразительные вещи.

Многое в Арвоне принадлежало Семи Лордам. Те, кто правил до них, все потеряли, хотя их законы до сих пор действуют на этой земле. Всего не знает никто, и никогда не узнает, даже если сможет достичь Власти.

Кто такая Гуннора? Когда-то она была Мудрой Женщиной и выглядела так, что в этих краях, после того, как ее не стало, некоторые говорили, что она была не материальным существом, а духом. Было ли это на самом деле — неизвестно. Но то, что влияние Гунноры сохранилось, знают в глубине сердца все женщины. Она из тех, чей символ — сноп слепой пшеницы, переплетенный виноградной лозой. Каждая девушка Арвона носит амулет Гунноры, кладет на него руку во время зачатия и крепко сжимает его во время родов.

К гробнице Гунноры приходили те, кому выпадали сомнительные руны, в ее святилище можно было излечиться от бесплодия, и период беременности там протекал легче. В ее власти было вылечить человека и исполнить все его желания.

Итак, в гробнице Гунноры начиналась летопись Кетана, или, если говорить языком не поэтическим, а более соответствующим языку проживающих на этой земле людей, моя собственная история. То, что случилось в этой гробнице во время моего рождения, долгое время скрывалось и было

тайной. И только колдовские силы, наконец, помогли этому выйти на свет, и люди узнали правду.

Следуя традициям Четырех Кланов — Красной Мантии, Золотой Мантии, Голубой Мантии и Серебряной Мантии, наследование идет старыми путями. Так, не сын мужчины, а сын женщины (его родной сестры) наследует престол, так как считается, что кровь женщины Клана в наибольшей степени передается по наследству. В доме Ка Ду Прон ребенок леди Героиз должен был стать наследником.

Хотя ее брат Эрак, Хозяин Дома, был давно женат и имел сына Могуса и дочь Тэни (еще младенец в колыбели), Героиз не проявляла склонности привести к себе мужчину. Она была невероятно гордой женщиной и не имела способностей к Силе. Будучи молодой девушкой, она училась вместе с Мудрыми Женщинами Гард Хавела, а когда пришло время вернуться, привела одну из них с собой, Урсилу.

Она вынашивала довольно простую идею: у нее должен будет родиться сын, который со временем станет Хозяином. Чтобы сын вырос, окрепло его тело и ум, она должна очень заботиться о нем; и однажды придет тот день, когда он будет поднят на щите оруженосцами, его имя прокричат во всех уголках Грейт Холла, и именно ее воля будет направлять все его действия. Для осуществления этого Героиз и заключила союз с Урсилой, с ее знаниями ремесла. Кто был отцом ребенка, которого она носила ранней весной 1'ода Красного Быка, никто не мог сказать. Все согласились, что это было ее право выбирать мужчину с целью временного альянса, если на то была ее воля. О ее избраннике рассказывались за спиной самые невероятные истории. Предполагалось, что его привела Урсила, и что будущий наследник будет более (а, может быть, менее) человеком, хотя люди предпочитали не вникать глубоко в его происхождение. Героиз, несомненно, считала, что наследником будет ее ребенок. Это же гарантировала ей и Урсила.

В Месяц Снежной Птицы леди Героиз, Урсила и приближенные им женщины поехали к Гробнице Гунноры, так как Урсилу беспокоило одно предсказание. Ее беспокойство, в свою очередь, передалось Героиз, и она решила не отказываться ни от какой помощи для достижения самого сокровенного желания. Итак, недолгими переходами, так как рваные сугробы снега лежали еще на земле (хотя признаки весны в полдень уже чувствовались в воздухе), они пришли к гробнице.

У Гунноры не было ни жриц, ни просто посетителей. Те, кто хотел, чтобы она явилась, могли это только почувствовать, но не увидеть. Никто им не встретился по пути. Но в

конюшне, неподалеку от гробницы, было две лошади, а во дворе, словно огромный кот в клетке, взад и вперед метался мужчина, не отваживающийся войти во внутрь гробницы.

Странник пристально посмотрел на Героиз, когда она неуклюже, из-за большого живота, вошла. Но быстро отвернулся, как будто испугавшись, что поступил неучтиво. Он не заметил даже, что Урсила посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом, и слабая тень легла на лицо Мудрой Женщины, будто ее обожгла какая-то мысль. Но у нее не было времени обдумать это, так как похоже было на то, что леди Героиз неправильно подсчитала сроки родов и схватки уже начались. Она устроилась в одной из небольших внутренних комнат, и только Урсила, как Мудрая Женщина, допускалась к ней, остальные женщины ждали в другой комнате. В воздухе чувствовалось томление, как будто все цветы лета цвели в изобилии, и казалось, что леди Героиз летала среди клумб зеленого сада. Она чувствовала боль, но эта боль была где-то далеко; она не была связана с ее телом и ничего не значила. Скорее, внутри ее росла радость, такая огромная, какой она не знала никогда раньше.

Не знала она и того, что в соседней комнате тоже была женщина, Мудрая Женщина, из соседней деревни. Она тоже была в радостном ожидании, ждала ребенка, и ей хотелось наполнить счастьем руки, так как сердце уже переполняла любовь к ребенку.

Не знала она и об урагане, который должен был вот-вот начаться. Мужчина, беспокойно ожидающий чего-то, чувствовал его приближение. Он вышел на порог и пристально рассматривал тяжелые черные облака с трепетом и нетерпением. И казалось ему, что он изведает уже всякое в течение многих лет, но нависшая над землей тишина предвещала нечто необычное. Внутренний голос заставлял его насторожиться и быть готовым ко встрече с невиданными силами, идущими не от людей из Арвона, а от Силы Арвона. Возможно, сейчас, когда Сила готова была проявить себя каким-то образом, это угрожало всем живущим.

Мужчина положил руки на пояс и быстро, будто искал что-то, чего у него уже не было, пробежал пальцами по нему. Он смотрел вверх на облака, и то, во что он наполовину верил, двигало их со злобным вызовом. Его одежда была обыкновенной и состояла из коричневого жакета без рукавов, надетого поверх рубашки цвета зеленого леса. Плащ лежал поодаль, тут же, во дворе. На ногах были ботинки наездника, поверх них — бриджи зеленого цвета.

И все-таки в его облике было что-то, указывающее, что он не был ни крестьянином, работающим в поле, ни фермером, имеющим какое-нибудь незначительное состояние, как это предполагалось по его одежде. Его темные жесткие волосы копной возвышались надо лбом, а глаза на обветренном лице были странного желтого цвета, будто это были глаза какой-то огромной кошки. И всякий, кто однажды посмотрел на него, обязательно оборачивался, чтобы взглянуть снова, привлеченный его Духом Силы, сквозившим в его облике, как будто это был человек, подчиняющийся только собственной воле (обладающий сверхъестественной силой).

Сейчас его губы шептали слова, которые не были слышны. Он поднял руку и сделал в воздухе знак. В этот момент из конюшни послышалось громкое ржание. Незнакомец быстро повернулся, хотя из-за угла он ничего не мог увидеть. При повторном ржании он подхватил свой плащ и ринулся к конюшне, где оставил своих лошадей.

Он застал там людей из Ка Ду Прона верхом на своих лошадях, спешащих поставить их в укрытие, так как приближалась буря. Но лошади незнакомца уже заржали и встали на дыбы, ударяя при этом копытами о землю, как это делали боевые лошади Далеса; слуги и охрана едва удерживали их.

Было что-то странное в облике этих двух лошадей, готовых защитить свое собственное место от любого посягательства. Они были серо-черного цвета в яблоках, нечетко очерченных и служивших, скорее, маскировкой, когда необходимо было скрыться в лесу от возможного преследования. Ноги их были длиннее обычного, а тело — более худощавым.

Лошади повернули головы к прибежавшему человеку, и в их ржании одновременно слышались радость приветствия и жалобы. Незнакомец молча проскочил мимо стоящих людей к лошадям. При его приближении лошади затихли и слышалось только их тяжелое дыхание и храп. Хозяин положил им руки на гривы, они успокоились, и незнакомец отвел их в противоположный конец конюшни. Он поставил их в одно стойло и впервые заговорил:

— Вас никто не тронет, но держитесь своего места. — Его резко произнесенные слова содержали в себе тон приказа.

Начальник охраны леди Героиз нахмурился. Этот обыкновенно одетый человек отважился так говорить с ним в присутствии его солдат. В другом месте он бы ему ответил. Однако это была гробница Гунноры. Здесь ни один мужчина не отваживался проверить, что могло бы случиться, если поднять оружие — оружие смерти обнажалось только в местах, предназначенных для жизни. И все-таки взгляд, кото-

рый он «выстрелил», не обещал ничего хорошего при встрече в будущем.

Среди людей из Ка Ду Прона был один человек, который пристально смотрел на странника, стоящего рядом со своими лошадьми, похлопывающего их гривы, когда они склоняли свои узкие головы, при этом одна из них трогала губами его волосы. Пергвин служил леди Эддрис в течение многих лет, которая была матерью лорда Эрака и его сестры леди Героиз. В глубине памяти его волновали некоторые мысли, но это было сокровенным, и он не собирался этим ни с кем делиться. Если то, что он наполовину подозревал, было правдой, какой ужасный сюрприз преподнесла судьба, организовав эту встречу в этот день и в этот час? Казалось, он хотел встать перед незнакомцем, назвать его имя и посмотреть на реакцию. И только клятва, произнесенная в прошлом, после того как изгнанник вышел за ворота Ка Ду Прона, мешала ему.

— Пергвин! — резкий голос командира вернул его в действительность. Необходимо было оказать помощь своим лошадям, так как приближалась буря, способная раздавить любое ничтожное человеческое существо.

Дождь был таким сильным, что они не могли видеть гробницу из ворот конюшни, хотя она была совсем рядом с гробницей. Дул сильный ветер, направляющий на них ледяной дождь и побуждающий оттородиться от него, закрыв дверь. Конюшня предостерегающе вздрагнула.

Кадок, несмотря на свой гнев, переминался с ноги на ногу под пристальным взглядом странника. И все-таки он остался на месте, в то время как незнакомец опять вернулся в дальнее стойло, где вновь стал между лошадьми, держа при этом руки на их шеях. Но Пергвин успел заметить, что глаза незнакомца закрыты, и он шепчет слова, которые не может или не хочет произнести вслух. У Пергвина возникло чувство неловкости, почти стыда, когда он смотрел на незнакомца: ему казалось, что он подсматривает за чем-то очень личным. Он повернулся к своим несчастным приятелям, которые вздрагивали и вжимали головы в плечи при каждом раскате грома. Казалось, что они укрываются в очень ненадежном пристанище.

Их собственные лошади, в отличие от лошадей незнакомца, проявляли признаки паники. Мужчины вынуждены были успокоить животных, позабыв свой собственный страх.

Находясь внутри гробницы, леди Героиз не знала, что происходит за ее стенами. Но Урсила, глядя поверх головы леди Героиз, внимала порывам и завываниям ветра, чувствуя дикую натуру природы через каждую клеточку этого

древнего сооружения. В ней росли страх и сомнения, и ей не хотелось думать, что это было предзнаменованием. Ей хотелось применить все свое Могущество и узнать значение происходящего. Но она не хотела отвлекать ни один из источников энергии, находящихся в ее распоряжении и сконцентрированных на леди Героиз. Их обоюдное желание быть в безопасности осуществилось.

В другой комнате женщина на кушетке пришла в состояние полувозбуждения и очнулась от транса, посланного Гуннорой. Она подняла руки, будто хотела защититься от угрозы. Мудрая Женщина, которая наблюдала за ней, взяла ее руки в свои, желая вернуть мир и покой. Она не обладала большой Силой. И, как сказала бы Урсила, ее способности пока еще не были раскрыты, и она не была обучена древним знаниям. И все-таки мир и спокойствие пришли к женщине именно через руки этой девушки, унесли чувство страха, и неясная тень, коснувшаяся лица женщины, находящейся в полубессознательном состоянии, исчезла.

В самом разгаре бури все слышали крик, доносящийся из обеих комнат, — один как бы был эхом другого. Урсила взглянула на ребенка, которого держала в руках. Ее лицо затрепетало и скорчилось в гримасу.

Леди Героиз открыла глаза и посмотрела вокруг. К ней вернулось сознание. Борьба закончилась; все, что она планировала, для чего страдала, свершилось.

— Дай мне посмотреть на сына, — сказала она. — Когда Урсила заколебалась, она приподнялась с дивана. — Ребенок, что случилось с ребенком? — требовательно спросила леди Героиз.

— Ничего, — медленно ответила Урсила, — у Вас дочь...

— До... — Казалось, что леди Героиз не могла заставить себя произнести это слово (дрогнувшим ртом). Ее руки так сильно сжали покрывало, что казалось, будто она хочет разорвать его на кусочки. — Этого не может быть! Ты творила заклинания этой ночью, что, что... — она задыхалась, и лицо ее было сплошной подергивающейся маской ярости. — Это было в предсказаниях, ты поклялась мне!

— Да. — Урсила завернула ребенка в покрывало. — Духи не лгут, и поэтому должен быть выход.

Ничего не дрогнуло на ее лице, а глаза, устремленные на леди Героиз, были безумны. Казалось, что душа покинула тело Урсилы в поисках ответа, который она должна была получить.

Героиз, с напряжением смотревшая на нее, затихла. Она ни разу даже не взглянула на ребенка, скулившего на руках Урсилы. Все внимание было приковано к Мудрой

Женщине. Она чувствовала Силу Духов. В памяти леди Героиз осталось достаточно после обучения, чтобы догадаться, что Урсила произносит свои собственные заклинания. И, хотя леди Героиз не высказывала упреков, она вся дрожала под покрывалом со скрюченными пальцами, даже не пытаясь как-то успокоиться.

В глазах Урсилы появилось осознанное выражение. Она слегка повернула голову и указала на стену слева.

— То, что у тебя будет, лежит там. Мальчик, который родился в одно и то же время, когда и твой ребенок...

Героиз задохнулась.

— Выход, единственный выход! Как... — начала она.

Урсила сделала ей знак в тишине. Все еще держа ребенка на руках, Мудрая Женщина повернулась к стене. Ее правая рука рисовала на стене какие-то знаки и символы. На какой-то момент некоторые из них вспыхнули красным светом, и будто отблески огня здоровья светились в них. За другими Героиз не могла уследить из-за быстроты жестов Урсилы.

Во время этих движений Урсила пела, — при этом звук ее голоса то падал, то поднимался, — декламировала слова, произносила Имена. И все это шепотом, хотя леди Героиз все-таки удалось расслышать некоторые слова, несмотря на бурю. При звуке одного или двух Имен она вздрогнула и отпрянула назад, но не протестовала. Она только смотрела, и жажда исполнения самого сокровенного желания жила внутри нее.

Урсила закончила.

— Все сделано, — сказала она Героиз. — Я вызвала Духов Забвения. Сейчас они спят. А когда проснутся, у них будет ребенок, который покажется им своим.

— Да, и сделай это быстрее! — потребовала Героиз.

Урсила ушла. Леди Героиз откинулась на спину. Это сделала она: родился наследник Ка Ду Прона. Пройдут годы — ее глаза сияли, — и она, о-н-а будет там хозяйкой. И со всеми возможностями землевладельца, властью феодального лорда, стоящими за ее плечами, и с помощью Урсилы нет ничего невозможного для нее в будущем. Она громко засмеялась, когда вернулась Урсила с ребенком, завернутым в покрывало для новорожденных.

Подойдя к Героиз, она передала ей ребенка.

— Ваш прекрасный ребенок, леди. Посмотри на него и назови его так, чтобы у него была хорошая жизнь, — она сказала фразу, принятую (говорить) в таких случаях с давних времен.

Героиз неловко взяла ребенка. Она всматривалась в его лицо. Глаза его были плотно закрыты, и только маленький

кулачок был прижат ко рту, волосы были темного цвета. И это было хорошо, в силу того, что ее собственные волосы были почти такого же оттенка. Она раскрыла ребенка, чтобы критически его осмотреть. Он был хорошо сложен и на теле не было знаков, которые могли бы впоследствии служить для опознания.

— Он — Кетан, — сказала Героиз быстро, будто кто-то собирался оспаривать не только его имя, но и сам факт обладания им. — Он мой настоящий сын, наследник Ка Ду Прона. Я клянусь в этом перед Духом Силы.

Урсила покачала головой.

— Я соберу всех женщин, — сказала она. — Гроза прошла, и будет лучше, если мы начнем собираться.

Героиз посмотрела на нее с тревогой.

— Ты сказала, — она кивнула в сторону находившихся за стеной, — они никогда не узнают...

— Это так, но если мы замешкаемся, возникнут препятствия, способные разрушить наши планы, несмотря на то, что я взывала к Могучим Духам. Она... — Урсила заколебалась, — та, кто является матерью ребенка, что-то есть странное в ней... у нее есть талант.

— Тогда она узнает, — Героиз так сильно прижала ребенка, что он проснулся и заплакал, замахал в воздухе своими кулачками, как бы желая сразиться за свободу в этой схватке.

— У нее могут быть колдовские способности, но они не сравнятся с моими. Ты знаешь, мы можем оценивать себе подобных. — Героиз кивнула. — Но будет все-таки лучше, если мы уйдем.

— Пришли мне моих женщин, — сказала леди Героиз. — Мне бы хотелось, чтобы они увидели ребенка в первые часы и знали, что он мой, только мой.

В другой комнате зашевелилась мать. Тень беспокойства, которая раньше лежала на ее лице, вернулась. Она подняла голову с подушки и открыла глаза. Над ней склонилась Мудрая Женщина.

— Вот, миледи, Ваша прекрасная маленькая дочь. Она действительно такая. Посмотрите на нее, назовите ее так, чтобы у нее была хорошая жизнь.

Мать радостно взяла ребенка на руки.

— Это Эйлин, моя настоящая дочь и дочь моего Господина. О, пойди и быстро приведи его, так как даже сейчас, когда я еще нахожусь под покровительством Гунноры, я чувствую беспокойство. Приведи его быстро!

Она прижимала ребенка к груди и что-то тихонько напевала. Эйлин открыла глаза и издала звук, как будто не бы-

ла уверена в том, что находит этот мир вполне приятным. Женщина радостно засмеялась.

— О, моя маленькая дочь, добро пожаловать! Трижды, четырежды добро пожаловать! И, конечно, жизнь твоя будет лучшей, чем она была у меня в молодости. Мои руки будут всегда обнимать тебя, а сила моего Господина защитит тебя. И оба наши сердца ты держишь в своих руках!

Гроза начала затихать. Незнакомец вышел из конюшни навстречу Мудрой Женщине. И так как он очень спешил, то не обратил никакого внимания на шум, доносившийся из другой комнаты. Он даже не заметил, что утром следующего дня люди из Ка Ду Прона уехали со своей госпожой на носилках и с сыном на руках.

А для троих оставшихся спустя некоторое время тоже настал час отъезда. Они уехали на север, к дикому лесу, который был для них домом.

О НАСЛЕДОВАНИИ КЕТАНА И О ЖИЗНИ В КА ДУ ПРОНЕ

Ка Ду Прон не был ни самым большим замком, подчиняющимся Повелителю Красной Мантии, ни самым богатым. Но на владения его стоит посмотреть. Там и вишневые и яблоневые сады, которые в сезон дают не только фрукты, но и сидр, вишневые наливки, которые прославились в Арвоне. Есть и хлебные поля, дающие всегда хороший урожай, и стада крупного рогатого скота. В центре этого плодородного места стоял замок, а рядом с ним — небольшая деревня. Расположена она была прямо под солнцем, а дома были все с остроконечными, причудливо изогнутыми крышами. Стены домов были сделаны из светло-серого камня, крыши — синева-серые, а их остроконечные вершины были окрашены в зеленый и золотой цвета. Но сам замок, будучи построенным из того же камня, не производил впечатления праздничной нарядности. Казалось, какая-то невидимая туча нависла над ним. На башнях — всегда тень какой-то таинственности. А внутри всегда зябко, даже в разгар лета, и от этого никто не может спастись. У меня было чувство, что там вся жизнь двигалась по длинным темным коридорам, по углам и затемненным комнатам, следуя при этом своим собственным путем, имеющим очень мало общего с путями, которыми следовало все остальное человечество.

Сразу, как я стал осознавать себя, моя леди Мать сказала мне, что в будущем я буду править здесь. Но от этого у меня не было чувства гордости. Более того, я часто задумы-

вался: сможет ли вообще кто-нибудь призывать к верховному полновластию в таком призрачном месте. Возможно, моя собственная природа была моей защитой, так как ни матери, ни Урсиле, которая внушала мне благоговейный страх, я никогда не говорил о беспокоящих меня мыслях, связанных с Ка Ду Пронем.

До того, как мне исполнилось шесть лет, я жил в Башне для Женщин, где моим единственным компаньоном по возрасту была леди Тэни. Она была старше меня на год и являлась дочерью лорда Эрака. Еще в детстве мне было сказано, что наши судьбы должны были стать единой судьбой, и что, когда придет время, мы обвенчаемся, закрыв таким образом судьбу Дома. Но пока это ничего не значило для меня и, возможно, для нее.

Для своих лет Тэни была высокого роста, очень знающая, а также очень хитрая. Я давно понял, что совместное пребывание приносит нам только зло, и было ясно, что в любой ситуации ответственность падет на меня. Я был безразличен к ней и терпел ее присутствие, как терпел процесс одевания и приема пищи.

С ее братом дела обстояли совсем иначе. Он был на шесть лет старше и жил в Башне для Юношей, приходя в нашу Башню иногда, чтобы навестить бабушку, леди Эдрис, так как его мать умерла от лихорадки вскоре после рождения Тэни. Я сказал, его бабушку, хотя это была и моя бабушка. Однако леди Эдрис сделала свой выбор, и она либо игнорировала меня, либо ругала за что-то всякий раз, когда я попадался ей на глаза. Так что я старался держаться подальше от ее апартаментов.

Станный у нас был домашний очаг, хотя я и не осознавал этого в силу того, что очень мало знал. Я был уверен, что все семьи живут так же. У леди Эдрис были свои апартаменты, и предполагалось, что Тэни, когда подрастет, останется там (хотя во многом это было и ее собственное желание), так как женщина, прислуживающая леди Эдрис, была старой, более чем ленивой и должным образом не смотрела за комнатами.

Визит Могуса в их апартаменты был для меня сигналом держаться на чеку. Когда мы оставались с ним наедине, что случалось довольно редко, он вел себя враждебно и нес мне зло. Он был невероятно горд, и у него во многом были те же амбиции, что унаследовала и моя мать. Факт, что он не будет лордом замка, как его отец, вызывал в нем чувство горечи и съедал его, даже когда он был ребенком. С возрастом, я хорошо знал это, он ненавидел меня за то, кем я был, а, может быть, ненавидел просто за то, что я вообще существовал.

Моя мать, леди Героиз, и Урсила, в свою очередь, тоже имели свои комнаты, которые были расположены в верхней части Башни. Мою мать очень привлекала власть. Может быть, в прошлом когда-то скрестились ее Сила и Сила леди Эддрис, и победила Сила моей матери, я не знаю. Однако в отсутствие лорда Эрака именно леди Героиз собирала Феодальный Суд в Грейт Холле и отдавала приказы. В таком случае моя мать держала меня рядом с собой, сидящим на маленьком стуле немного позади трона Великого лорда, на котором была красная мантия нашего клана, задрапированная вокруг черного. Я слушал, какие приказы она будет отдавать. Она объясняла мне, почему так поступает: либо в соответствии с традициями, либо по собственному разумению.

Что она хотела занимать это место постоянно, я понял еще в раннем детстве, инстинктивно. Казалось, будто всеми признанные качества мужчины были заключены в теле женщины, и она главенствовала, несмотря на то, что не признавала наших традиций; таким образом она ограничивала узкие рамки собственной жизни декретами и приказами. В одном только она была свободной — в использовании своего Могущества.

Урсила была единственной женщиной в замке, которую моя мать ставила выше себя. Знания и способности Мудрой Женщины, я знал это, вызывали у леди Героиз чувство постоянной зависти. И хотя у моей матери были небольшие способности, но их было недостаточно для того, чтобы учиться в течение длительного времени, дисциплинировать свой дух и достичь уровня Урсилы. К счастью, у нее хватило ума признать это. В остальном же она не допускала и мысли, что она чего-то не может.

У леди Героиз не хватило характера, чтобы обуздать свои собственные желания и эмоции и в учении пойти другими путями, чем те, которым она следовала в своей юности. Она даже не была сосудом, который принес наследника Ка Ду Прону, не могла до конца освоить навыки колдовства. Сильно желать чего-то и не получить этого в силу отсутствия каких-то внутренних качеств — позволяет испытывать к этому человеку чувство жалости.

Если леди Героиз не могла иметь Силу в каком-то одном деле, она старалась превзойти себя в другом, при этом прилагая всю силу своих амбиций.

Я уже говорил, что я боялся Урсилу и с удовольствием бы не встречался с нею. Но так же, как моя мать насаждала мне свою форму обучения, так и Урсила считала себя вправе вмешиваться в мои дела. Хотя Сила, которой она обладала, была силой колдуньи, а не Силой Ворлока и Визарда,

все-таки она давала мне те знания, которые считала полезными, при этом тщательно избегая тех материалов, которые я мог использовать при попытке избежать судьбы, которую они для меня уготовили. Но это я понял позже.

Именно Урсила научила меня читать руны, именно она дала мне тщательно подобранные рукописи, в основном те, что были связаны с Четырьмя Кланами, Арвоном и Ка Ду Проном. Может быть, потому, что меня никогда не интересовали такие вещи, я находил такое обучение скучным и напрасным времяпрепровождением. Но я развил в себе любовь к летописям, которые Мудрая Женщина считала полезными для формирования моего характера, и поэтому учился с охотой.

Я узнал, что Арвон не всегда жил такой благополучной жизнью, которая на сегодняшний день казалась безупречной. В прошлом — в летописях не точно указывались даты, так как летописцы не ставили себе целью хронологически отражать события, — произошла великая битва, которая разрушила всю упорядоченную жизнь.

До периода хаоса наши владения не были ограничены горами на юге и востоке, а протяженность границ на юге была почти бесконечной. У живущих в Арвоне людей всегда были необыкновенные способности, и часто наши лорды были хозяевами Силы. Они начали эксперименты с самой Силой, создавая таких людей, которые им служили. При ошибочных результатах получались садисты, которые убивали врагов самыми ужасными способами. Амбиции, такие же сильные, как и у моей матери, были тогда у многих из них, и каждый пытался навязать на этой земле только свою волю.

Они разбудили многое, что никогда не было позволено, — открыли ворота жизни в странные и страшные другие измерения. Затем они воевали и грабили. Многие существа, которым они дали волю, были настоящим бедствием, разрушающим даже саму Силу. Сопrotивляющиеся лорды отступили, так как их численность становилась все меньше, и вернулись домой, в сердце своей страны. Одни вернулись быстро, встревоженные и испуганные проявлениями сил, которые они не могли контролировать. Другие задержались надолго. Некоторые никогда не вернулись в Арвон.

Возможно, на юге, на земле Дэйлзов, где живут уже другие люди, они или их потомки живут там жизнью теней. Но никто не знает, так ли это, так как после их последнего ухода пути, ведущие из Арвона, были закрыты, и никто не отваживался войти опять.

И все-таки не все из тех, кто нашел убежище, были довольны результатами своего безрассудства. Они продолжа-

ли вести себя вызывающе до того дня, когда Семь Лордов поднялись в гнев и мощи, покончив с ужасной конфронтацией между теми, кто выбрал путь борьбы, и теми, кто хотел только мира и, возможно, забвения.

Многие из тех Великих, которые пользовались Силой по своему усмотрению, были либо изгнаны за врата, ведущие в другие измерения и времена, либо их убивали, когда их сила воли была совершенно уничтожена. Спустя некоторое время изгонялись и их последователи.

Когда я дошел до этого места в летописях, я спросил у Урсилы, возвращался ли кто-нибудь. Я не знал, почему это было важно для меня; мое сознание будоражила мысль о себе самом, высланном из Арвона и безнадежно скитающемся во враждебном мне мире.

— Некоторые возвращались, — коротко ответила она, — но их мало. Великие не возвращаются. Да это и не важно сейчас, Кетан. Тебя это не должно заботить, мальчик. Радуйся, что ты родился в этом месте и в это время.

Она всегда говорила со мной резким голосом, как-будто ждала, что я совершу какой-то проступок, который станет поводом для наказания. Часто, когда я читал и случайно поднимал голову, я видел, как она пристально смотрит на меня, полная решимости наказать за те небольшие грехи, которые сразу же приходили мне на ум. Я вжимался в стул и ждал, что она будет добиваться от меня признания, применяя свою Волю. Но этого никогда не случалось.

Все изменилось, когда я, по традиции, по достижении определенного возраста должен был перейти жить в Башню для Молодых. Там из меня должны были сделать воина, хотя в течение многих лет не было никаких войн, кроме набегов дикарей с гор. За ночь до этого события Урсила и Героиз привели меня в комнаты Урсилы. Это была собственная гробница Урсилы, если можно в таком случае употребить слово гробница.

Стены там были голые, незадрапированные, с тусклыми рисунками знаков и рун, которые я не мог расшифровать. Посредине комнаты стояло что-то типа каменной кровати для человека. Она была освещена у изголовья и ног четырьмя свечами толщиной в мою руку, стоящими в высоких подсвечниках, сделанных из серебра, таких старых на вид, будто они прослужили бесчисленное количество лет.

Над столом висел глобус, сияющий серебряным лунным светом. Я не заметил цепи, на которой он был подвешен; а пятиконечная звезда на полу была такой яркой, будто она только что была нарисована.

У каждого конца звезды стоял высокий подсвечник, а восковые свечи были на уровне плеч Урсилы и гораздо вы-

ше моей головы. Свечи в ногах и у изголовья были красного цвета, а у концов звезды — желтые.

В углу комнаты стояли жаровни, сделанные из такого же серебра, что и подсвечники; комната окуривалась благоуханиями, и исходящий из жаровен дым образовывал уже целое облако.

Урсила сняла свое обычное унылое серое платье. Чепец, собранный в складки, всегда обрамлял ее резко очерченное лицо, скрывая волосы. Теперь она стояла с обнаженными до плеч руками. Темные посеребренные волосы лежали на ее платье голубого цвета с оттенками лунного блеска. На груди ее сверкал большой медальон в форме полной луны, сделанный из серебра и усыпанный лунными камнями и геммами цвета зимнего льда.

Моя мать была одета по-другому. Не богаче — она всегда одевалась богато, — но более просто. Ее платье было оранжевого цвета, напоминающее огонь, на котором, словно мантия, лежали темные волосы. В качестве украшения на груди ее висел простой медный медальон, ничем не украшенный.

Она привела меня в комнату. Мы стояли около звезды, и ее руки крепко сжимали мои плечи, будто она боялась, что я убегу. Я был переполнен таким благоговейным страхом, что и подумать не мог, какую роль мне предстоит здесь играть.

Урсила подошла к каменному ложу, и всякий раз, когда она показывала пальцем на свечу, та гасла. Скоро осталась только одна горящая свеча около того места, где стояли мы с матерью. Затем меня подтолкнули вперед, так что мы оказались внутри звезды. Моя мать неторопливым жестом взяла меня за руку и заставила лечь на кровать. Как только я там оказался, то сразу же почувствовал, что не могу двигаться. Чувство страха также исчезло.

Горела только одна свеча, но Урсила тем же жестом зажгла еще по одной у моего изголовья и у ног. Дурманящий запах, исходящий из облака, стал окутывать меня. Я почувствовал потребность закрыть глаза. Откуда-то издалека доносились какие-то слова, но их значения я не мог разобрать.

Когда я проснулся, было раннее утро, и я лежал в своей собственной постели. В эту странную ночь мне даже ничего не снилось. Но память уже включилась. И я, несмотря на свой возраст, понял, что мне не следует расспрашивать о том, что со мной произошло, да и никто мне ничего не объяснит. Это была тайна, о которой лучше не упоминать.

Кадок, мой дядя, лорд Эрак, и почти все солдаты были в отъезде. Они после сбора урожая повезли подарки — вино, виноград — Главному Лорду Клана Красной Мантии.

За мной пришел в это утро Пергвин, которого я видел много раз. Он сопровождал экипаж леди Эддрис, когда она выезжала куда-то за пределы замка.

По внешнему виду это был мужчина средних лет, неразговорчивый. Среди солдат он пользовался хорошей репутацией, так как мастерски владел шпагой и был хорошим наездником. Но почему-то он не мог попасть в число приближенных лорда Эрака, хотя, по-видимому, он к этому и не стремился. Я немного побаивался его, так как в Башне Молодых я буду часто встречаться с Могусом, а Пергвин, относясь к свите леди Эддрис, будет, конечно, все делать на благо моего недруга Могуса.

— Лорд Кетан, — обратился он ко мне официальным голосом, отдавая при этом честь, как это делают солдаты при обращении к офицеру. Затем он посмотрел поверх моей головы, туда, где стояла моя мать, прямая, молодая, ни тени эмоций на лице, и только глаза ее были глазами старухи. — Моя Госпожа, лорд Эрак поручил мне на время лорда Кетана. С ним все будет в порядке.

Она кивнула.

— Я знаю это, Пергвин. Сын, — сейчас она обращалась ко мне, — перенеси с честью все, что выпадет теперь на твою долю. Детство осталось позади, и научись всему, что позволит тебе быстро стать мужчиной.

Мое волнение росло, и росли мои плохие предчувствия. Так как в этот момент я чувствовал себя не мужчиной, а ребенком, которому негде спрятаться. Этот Пергвин заберет меня из безопасного места, где я провел всю свою жизнь, и прямо поведет меня в другой, враждебный мне мир, в котором у Могуса есть Сила, а меня защитить некому. Я не мог привыкнуть к мысли, что должен буду вставать при его появлении, вкусив достаточно от его коварства во время его кратких визитов, когда мне не удастся избежать его компании. Но о том, что я попрошу защиты у моей матери или у этого человека, который пришел, чтобы забрать меня, не могло быть и речи. Потому что, несмотря на молодость, я решил для себя, что никто, и прежде всего Могус, никогда не догадается, какое чувство страха я испытываю перед ними. Мне было очень стыдно от этого, но я не позволял себе расстроиться при нем.

— Вам будет здесь одиноко, мой лорд, — сказал Пергвин, но не взял меня за руку. И я был благодарен ему за это; а когда он обращался ко мне, то разговаривал со мной как равный по возрасту, не пытаясь вести нелепую беседу на языке маленького мальчика. — Лорд Могус уехал с подарками, и Башня для Молодых в нашем распоряжении.

Я надеялся, что мое облегчение не было очень заметно со стороны. По крайней мере судьба дала мне время, чтобы осмотреться на новом месте без моего кузена. Мне хотелось о многом расспросить Пергвина, но я боялся, что мои вопросы будут расценены как слишком детские.

Мы пересекли широкий двор и были уже у двери Башни, где мне предстояло жить, как послышался громкий лай. Собака мне показалась огромной, с большой челюстью. Угрожающе рыча, она хотела броситься на меня, но вдруг как-то обмякла и легла на землю, и ее рычание переросло в жалобный вой. И хотя я знал очень мало о собаках, так как видел их только на расстоянии, я был уверен, что ее поведение не было обычным. Все еще скуля, с открытым ртом, она смотрела на меня, потом с громким лаем бросилась бежать; лай опять превратился в жалобное поскуливание, будто она встретила врага, слишком сильного, чтобы напасть на него.

Я смотрел на нее с чувством немного изумления. Когда я ее увидел, то испугался, но чувство паники в глазах собаки меня очень удивило. Может, это Пергвин сделал что-то, чтобы защитить меня?

Однако, когда я повернулся, чтобы посмотреть на моего компаньона, в его глазах я увидел восхищение. Он пристально изучал меня, как будто за это время я вырос до гигантских размеров. Затем он покачал головой, будто пытаясь стряхнуть какое-то наваждение.

— Что за невероятные вещи, — сказал он медленно, хотя я был уверен, что он обращается не ко мне, а отвечает своим собственным мыслям.

— Почему Лэчет так реагировал? — Он слегка нахмурился, но тень озадаченности все еще была на его лице. — Удивительно. Ну, ладно, мой лорд, пойдем лучше. Уже около полудня, а после обеда нам предстоит многое.

Я нашел, что пища, принесенная мне Пергвином, была гораздо проще той, к которой я привык, и состояла, в основном, из кусочка холодного мяса, сыра и хлеба. После того как я вымыл руки, мне вдруг захотелось побыстрее приступить к занятиям, которые должны были начаться верховой ездой. Моя жизнь с матерью проходила только в стенах замка, и только раз или два я выходил за его пределы, чтобы в сопровождении служанки совершить прогулку по полю или по саду. Но, если я научусь ездить верхом, я смогу увидеть большой мир, и, возможно, в следующем году я смогу сопровождать моего дядю, как и Могус. Так что в конюшню после обеда я пошел с Пергвином с удовольствием.

Он вел меня через стойла. Лошади смотрели на меня через полуоткрытые двери, но не двигались, хотя и потрясали

головами, хрипели и издавали пронзительные звуки. И это меня снова удивило, так как, когда из окна Башни я смотрел наездников, ездивших взад-вперед по двору, никогда у меня не было впечатления, что возникают какие-то сложности в обращении с ними.

Люди смотрели на меня, и толпа странно гудела. Кто-то пытался их успокоить, но от этого шум становился еще больше. Я почувствовал руку Пергвина на моем плече, он повернул меня лицом к выходу и сказал:

— Подождите меня во дворе, мой лорд, пока я вас не позову, — тоном приказа сказал он мне.

Я не побегу, говорил я себе, хотя чувствовал непреодолимый страх: сердце билось все быстрее, а дыхание стало прерывистым. Но я шел, надеясь, что люди не увидят мой страх и я ничем себя не выдам.

О ТОРГОВЦЕ ИБИКУСЕ И О ПОЯСЕ С ГИАЦИНТОВОЙ ПРЯЖКОЙ, КОТОРЫЙ ОН ПРИНЕС

Выбор Пергвином верховой лошади был очень странным, я подумал об этом, но ничего не сказал. Лошадь была старой, неторопливой, и я ей очень обрадовался, так как для меня пока любая лошадь была чудом.

Хотя и эта лошадь хрипела и вздыбилась раз или два, но, в основном, она стояла достаточно смирно, пока Пергвин показывал мне, как на нее садиться. Однако, как только я сел в седло, она опять захрипела и начала трясти головой. Но Пергвин взял ее за повод и что-то нежно зашептал на ухо. Казалось, он знает, как успокоить ее.

Пергвин повел лошадь на выгон, где уже тренировались другие наездники. Так начались мои занятия. Я ловил каждое слово инструктора, так как мне казалось, что верховая езда — это свобода, обещание лучшей жизни. А пока Пергвин шел рядом, держа руки на поводьях, которые я неумело держал, а лошадь шла иноходью.

Я расстроился, когда Пергвин, проведя лошадь по кругу, спустил меня с седла и, указывая на вход в Башню Молодых, приказал ждать его там, пока он отведет лошадь в конюшню.

Впервые я увидел, что за мной наблюдают. Конюхи и оруженосцы многочисленной толпой стояли во дворе. При моем приближении они расступались, глядя при этом мне прямо в лицо. Я дрожал от страха, пока дошел до той двери, где мне нужно было ждать. Так как я был неглупым мальчиком, то, несмотря на возраст, был уверен, что вокруг меня внезапно вырос барьер, о котором знали и люди, и живо-

тные, хотя я сам не видел и не осознавал его. А память вернула меня к той ночи в комнате Урсилы. Что там происходило? Что со мной делали?

Сейчас к моему страху перед матерью и Урсиллой примешивалось чувство негодования, так как, если они своим колдовством держали меня в замке, не допуская во внешний мир, я, конечно, многое потерял. Больше мне не хотелось одиночества, каким бы безопасным оно ни было, даже если оно и защищало меня от Могуса.

При приближении Пергвина люди стали быстро расходиться, стараясь, чтобы он не заметил их любопытства. Но я держал голову высоко, открыто смотрел вокруг, будто не замечая их исчезновения. Я понял, что должен скрывать свои мысли и эмоции здесь, как я это делал, когда жил с матерью и Урсиллой.

Таким было мое вступление во взрослый мир Ка Ду Прона. И если бы ни постоянное присутствие Пергвина, ни его помощь, я не знаю, что могло бы со мной произойти, потому что я быстро понял, что все животные меня очень не любили. Если я приближался к охотничьим собакам, вначале они высовывали язык, как делали это, преследуя добычу, затем затихали и начинали жалобно скулить.

Я не мог взобраться ни на одну лошадь, пока Пергвин не успокоит ее пучком сухой травы, и даже тогда лошадь сильно потела и дрожала. Меня не ждало разочарование только в военных искусствах. И, хотя я был меньше Могуса, у меня был меткий глаз, и я научился метко стрелять и владеть мечом. Уже через год я отменно стрелял, используя облегченный арбалет, который дал мне Пергвин.

К моей радости, он нашел где-то и меч с более тонким лезвием и очень легкий. Когда я взял его в руку, мне казалось, что он был прямо для меня и предназначен. Я спросил однажды, не было ли это оружие сделано специально для Могуса, когда он был таким же, как я. Я не хотел пользоваться его оружием, даже если оно ему уже не было нужно. Это могло стать еще одним поводом для напряженности между нами. Но Пергвин сказал, что это оружие было сделано гораздо раньше. Когда он сказал мне это, то слегка нахмурился. И, хотя он смотрел на меня, все равно было такое чувство, что он видит не меня, а кого-то другого.

И, хотя я не часто задавал вопросы, сейчас я спросил:

— Кто это был? Ты знал его?

Прошло долгое время, прежде чем он ответил. По правде говоря, у меня было чувство, что я переступил границу дозволенного, как если бы я спросил Урсилу о чем-то запретном. Пергвин оглянулся по сторонам, возможно, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь нас. Но замок был

пуст, потому что мой дядя уехал в северный лес. Он быстро понял, что поездки такого рода не для меня, потому что ни одна лошадь или собака не будут спокойными в моем присутствии. На мне, благодаря Могусу, лежало еще одно пятно, и я ничего не мог опровергнуть.

— Он был сыном хозяйки дома, — неохотно начал Пергвин. — Или, вернее, наполовину сыном. — Затем он опять надолго замолчал, так что я не выдержал и спросил:

— Что значит наполовину сын, Пергвин?

— Это случилось давно, когда леди Элдрис была молодой. К ней пришел дух любви, и она ответила.

Я был поражен. Казалось, леди Элдрис жила столько, сколько жил наш род. Для меня она была всегда суровой дамой и только. И подумать о ней, что она была женщиной, которая ответила на зов любви, было все равно, что сказать, будто Западная Башня поднялась над землей и шаловливо начала танцевать.

Я думаю, что Пергвин прочитал мои мысли, так как тон его стал более сухим и резким.

— Все мы были молоды когда-то, лорд Кетан, и, несомненно, придет день, когда кто-нибудь другой будет поражен вашими словами. Да, леди Элдрис откликнулась на зов любви. Но тот мужчина был не из нашего Клана.

— Это были дни Последней Битвы, и на собрании Кланов вырабатывался план защиты от лорда Рагаарда Младшего. А так как все должны были идти на это собрание, и охраны в замках оставалось мало, всех женщин и детей отправляли в крепость Клана на случай нападения. Но мы знаем, что не все леди соглашались на это. Некоторые из них сражались с оружием в руках, собирали подати со своих земель.

В Крепости Красной Мантии леди Элдрис увидел и пожелал один из оборотней Вере, лорд среди них. Это он послал дух любви и привел леди Элдрис к себе в ложе. Но дух любви длился недолго, и с ее стороны настоящее чувство не пришло. Так что спустя некоторое время она вернулась в свой Клан и принесла с собой сына.

Говорят, что, когда она оставила лорда Вере, он был в отъезде. Они всегда воевали друг с другом, так как война была их ремеслом. И к тому времени, когда он получил известие о ее уходе, было уже слишком поздно что-либо предпринимать.

Ее брат, лорд Кардис, который спустя несколько лет погиб в битве при Тхос, разрешил леди Элдрис и ее сыну жить в Клане. Однако с возрастом у мальчика все более явно стали проступать признаки крови и силы отца. В конце концов он пошел в Серые Башни, где нашел себе подобных. Позже, когда Семь Лордов достигли мира, все из Клана Вере были

отправлены в ссылку, так как у них была слишком горячая кровь, и они с трудом могли переносить мир без войны. И только несколько лет назад они снова вернулись в Арвон. Я не думаю, что леди Эддрис слишком долго горевала. Она взяла себе в мужья отца лорда Эрака и родила его и леди-мать. Так что, возможно, время все сгладило из памяти. Но это правда, что ее старший сын здесь жил в годы юности, и это оружие принадлежало ему. Однако, мой лорд, все это лучше сейчас забыть.

— Вере-наездники, — я повторил, желая еще что-нибудь узнать о своем неизвестном наполовину дяде. Жалко только, что Пергвин больше ничего о нем не расскажет.

Много странных племен было в Арвоне. Все разные по натуре. Некоторые очень от нас отличаются. Другие же были просто враждебны, и Кланы старались не переступать границ их территорий. Многие были похожи на нас, но что-то в них было недоступное нашему пониманию. И все-таки не физическая разница восстанавливает барьеры между людьми, а, скорее, дух, который мешает жить мирно. Я видел лесных людей, которые свободно приходили на наши праздники урожая. Мы приветствовали их, но было видно, что им ближе не наш мир, а растительный. Также мне приходилось видеть людей из другого Клана, от вида которых я трепетал, как от порыва холодного ветра.

Вере-наездники, как лесные люди, имели что-то от человеческого природы и от природы зверя. В летописях, которые давала мне Урсила, встречались ссылки на людей, способных изменять свой внешний облик, но в то время они меня мало интересовали. Сейчас, после рассказа Пергвина, мне бы хотелось, чтобы я о них больше знал. Чувствовали ли они такой же невидимый барьер между собой и всем остальным миром, и было ли у них чувство одиночества, как у меня?

Я был одинок и погружался в собственные мысли все больше и больше. И не история ли, рассказанная Пергвином, усугубила это чувство?

Он всегда сопровождал меня. Прошло уже несколько сезонов, и он начал брать меня в небольшие поездки. И я увидел еще что-то новое, кроме полей, которые я и так видел во время прогулок верхом. Я знал, что Пергвин следовал указаниям моей матери ни одну ночь не проводить вне замка.

Мне необходимо было присутствовать в Грейт Холле всякий раз, когда там был Совет. Сейчас я сидел за дядей, как раньше сидел за своей матерью. Лорд Эрак не питал ко мне особых симпатий. Тот факт, что я не мог охотиться, что лошади и собаки боялись меня, я знаю, был поводом для его

беспокойства. Он даже советовался с Урсилой. Что она ему ответила, я никогда не узнаю. Но после этого он стал относиться ко мне еще с большей холодностью, что причиняло мне страдания.

Открыто Могус не издевался надо мной, пока я был ребенком, хотя никогда не упускал возможности подчеркнуть, что я никогда не приспособлюсь к жизни в замке. Часто я видел, как он смотрит на меня, еле сдерживая гнев, который отчасти был страхом.

Из мальчика я превратился в юношу. В этом году собрали очень большой урожай, что всех нас очень радовало, хотя это и был год Оборотня, которого мы боялись. По закону в этом сезоне должна была состояться моя свадьба с Тэни. Но свадьба в этом году могла принести несчастье, и Урсила, так же, как и Героиз, несмотря на желание быстрее превратить в жизнь свои планы, объявили, что свадьба откладывается до следующего года Рогатого Кота, очень многообещающего в этом смысле.

Тэни я видел редко, так как она давно уже училась в Гард Хавеле, где обучались колдовскому мастерству Мудрые Женщины. Говорили, что у нее к этому были способности, что, как я знал, не устраивало мою мать. Но в силу того, что, по установившимся традициям, было недопустимо открыто выражать недовольство по такому поводу, леди Героиз никак не выразила свое мнение по поводу целесообразности дальнейшего обучения там своей племянницы.

Могус часто отсутствовал, так как был посланцем своего отца при различных встречах Кланов, потому что в это время все четыре Клана лихорадило.

В Арвоне также было беспокойно. Сами названия лет говорили о том, что баланс Силы был слегка нарушен: год Вампира, год Химеры, год Гарпии, то есть золотые годы мирного детства были как-то затемнены, и никто не мог объяснить этого. Обращались к войсам*, чтобы узнать будущее. Они говорили, что спущались тучи; но не было предсказания, которое бы могло удовлетворить всех и объяснить причину происходящего.

Пергвин однажды за вечерней трапезой заметил:

— Это как морские приливы и отливы, приливы и отливы Силы. Когда ее слишком много, на земле наступает неспокойное время. — Он задумчиво смотрел на высокую кружку с прошлогодним сидром. — Это всегда начинается, когда на земле слишком большое изобилие, нам как будто

---

* Войсы — представители высшей расы, которые жили в горах и могли предсказывать будущее по звездам.

дают наполнить хранилища и готовиться к трудным временам. Когда в нас собираются тревоги Духа, что-то как будто шепчет нам на ухо, побуждает к действиям, которые мы не хотим совершать. И тогда появляется Тень, как прилив и отлив. Хорошо, что нечасто.

— Морские приливы и отливы, — я поймал его на двух словах, которые он повторял. — Пергвин, ты видел море?

Он даже не взглянул на меня, а вместо ответа, в свою очередь, задал мне вопрос:

— Мой лорд, сколько, вы думаете, за моими плечами лет?

Когда я мальчиком пришел в Башню Молодых, он мне показался старым. Но с возрастом я стал считать его мужчиной средних лет. Возраст у людей в Арвоне трудно определить, пока они не приходили к концу их долгой жизни. Мужчины умирали либо от внезапной болезни, либо от смертельного проклятия, либо от уменьшения энергии и в бою.

— Я не знаю, — сказал я правдиво.

— Я был одним из тех, кто встал на Дорогу Памяти через Потери в Далесе, — медленно сказал он. — А до этого был период Великих Волнений. Да, я видел море, потому что родился под звуки никогда не стихающих волн.

Тот же страх, что я испытывал к Урсиле, пришел ко мне сейчас. Казалось, что сам герой Летописей сошел со старых свитков ко мне.

— Я помню слишком много, — сказал он и отпил немного сидра. Это был способ закончить разговор, и я не отважился больше спрашивать.

Затем наш вечер прервал звук трубы, и мы узнали, что прибыл странствующий купец, несомненно, для того, чтобы торговать у нас на празднике урожая. Мы с радостью приветствовали его, так как купцы, путешествуя везде, привозили не только товары, но и рассказы о том, что делают люди в других землях.

Наш посетитель был не просто купцом, а главным среди своих братьев, потому что он не вел ни одной лошади и ничего не нес. Его сопровождали несколько всадников и множество животных с поклажей, среди которых были не только лошади, но и еще какие-то животные с длинными ногами и горбами на спине.

По приказу лорда Эрака ближайший загон был отдан им под лагерь, и там сопровождающие караван быстро организовали сторожевую линию для животных, разделяя лошадей и тех других, горбатых. Их хозяин с благодарностью отнесся к гостеприимству лорда и к тем, кто его пригласил за стол на ночном гулянье, где также присутствовали леди и

их приближенные, желающие послушать рассказы чужестранца.

Он был невысокого роста, этот купец, называющий себя Ибикусом. Имя звучало странно для нас и не было похоже ни на одно из ранее слышанных имен. Несмотря на свой невысокий рост, он был очень презентабельным, с приятными манерами, говорящими о его высоком происхождении. В нем чувствовался дух человека, привыкшего командовать, как это чувствовалось и в моем дяде.

И чем дольше я смотрел на него, тем все больше убеждался, что он не принадлежит к нашим людям. И несмотря на молодость внешнюю, казалось, что ему примерно столько же лет, сколько и Пергвину, который еще не вернулся из своей последней поездки. Ибикус производил впечатление не только своим возрастом, но и сдерживаемой мудростью. Мне казалось, что он не просто купец, а, может быть, даже колдун, зачем-то выдающий себя за купца.

Если это было правдой, то это был замечательный человек, и для нашего стола он был как луч света. Тень, которая, как мне думалось, всегда была в стенах замка, на время исчезла. Мы слушали его рассказы о землях, которые он недавно посетил. Он передал письма от наших родственников.

Сначала я смотрел только на него. Затем случайно я перехватил взгляд Урсилы. То, что она вообще пришла встретиться с гостем, было удивительным фактом, потому что она редко выходила в Грейт Холл, оставаясь, в основном, в своих комнатах, а сейчас...

Да, в ее взгляде чувствовалось беспокойство, как будто странник нес какую-то угрозу. Я был уверен, что видел, как ее пальцы незаметно делали какие-то жесты. Возможно, используя колдовство, она пыталась обнаружить какую-то опасность. Но я вдруг понял, что ей это не удалось. И эта неудача вызвала у нее чувство страха.

Когда стол был убран, купец приказал своему приближенному принести большой ларец. Затем он сел возле него, похлопал по крышке рукой и сказал:

— Здесь у меня много всего, причем все самое лучшее. Сейчас вы увидите.

Леди с нетерпением просили его быстрее показать. Мужчины также ждали. Наконец, ларец был открыт.

Вначале он достал черную, со множеством складок, длинную скатерть и постелил ее на стол. Затем достал много разных маленьких коробочек: деревянных, инкрустированных костью или какими-то кристаллами. Из каждой он вытряхивал содержимое, чтобы разложить его на скатерти. Я и не подозревал о существовании таких богатств, разве что

в сказках о сокровищах Огненного Дракона. Там было и золото, и серебро цвета луны, и красная медь, которые служили основой для украшений с драгоценными камнями. А из этих драгоценных камней, я уверен, никто из нас не мог назвать и половины.

Мы замолчали, казалось, будто все затаили дыхание. Затем послышался возглас изумления. Все оставшиеся за столами встали со своих мест и подошли поближе. Никто не пытался протянуть руку и потрогать. Зрелище было слишком потрясающим. Должно быть, у всех нас было чувство, что все это слишком дорогое, чтобы кто-либо из нас мог обладать им, у нас не было на это никакой надежды.

Я также придвинулся поближе к столу, ослепленный блеском увиденного. Потом мои глаза сделали выбор, и я сосредоточился на ближайшем ко мне предмете.

Это был пояс, сделанный из золотистой кожи, такой гладкий и блестящий, что, несмотря, на сверкание драгоценностей вокруг него, кожа на ремне светилась ярче, или это мне только казалось. Застежка была сделана из цельного большого драгоценного камня, желто-коричневого оттенка. Подобного я никогда не видел. Драгоценный камень на застежке был в виде головы кота. Но, присмотревшись, я увидел, что эта голова не похожа на голову обыкновенного кота, а, возможно, на кота, охотящегося в горах, страшного Снежного кота, сражающегося лучше любого зверя за свою добычу.

— Это заинтересовало вас, лорд Кетан?

В этот момент мне не показалось странным, что Ибикус обратился ко мне по имени, и то, что он стоял рядом со мной. Остальные, наконец, заговорили о том, что они предпочитают.

Но сам торговец взял пояс и подал мне.

— Прекрасная ручная работа, мой лорд. Пряжка сделана из гиацинта, довольно часто встречающегося камня. Но основное здесь — прекрасная работа по камню, сделанная человеком, знающим в этом толк.

— А пояс? — что-то толкнуло меня спросить.

— Пояс?.. Это из кожи леопарда. Теперь таких животных можно видеть редко. Они такие же бесстрашные охотники, как и их родственники снежные коты, только немного меньше ростом.

Мои пальцы испытывали непреодолимое желание взять этот пояс. В то время как моя воля не позволяла мне поступить подобным образом, так как я знал, что, если сейчас возьму пояс, то уже никогда не откажусь от него. А у меня не было средств купить его.

Ибикус улыбнулся и кивнул, будто бы он задал несколько вопросов и получил на них ответ. Потом он отвернулся, чтобы ответить на какой-то вопрос лорда Эрака.

Я отошел от стола подальше от света. Надо было бы уйти из Грейт Холла вообще, потому что у меня было такое непреодолимое желание обладать этим поясом, что я испугался того, что теряю контроль над собой. Я стоял в темноте и думал, что такая сила может побудить человека и на воровство.

О ПОДАРКЕ ЛЕДИ ЭДРИС И НАСТУПЛЕНИИ ПЕРВОГО ДНЯ ПОСЛЕ ПОЛНОЛУНИЯ

Я добрался до своей комнаты, охваченный сильными чувствами, которые вызвал во мне пояс. Я лег на постель, но никак не мог уснуть. Было новолуние. Узкий серп Луны был недостаточно ярким, чтобы проникнуть ко мне в комнату. Я лежал в полной темноте в голой, ничем не украшенной комнате, в которой провел уже много ночей.

Пояс! Стоило мне только закрыть глаза, как он возникал в моем воображении, ярко сверкающий и переливающийся. Любопытная мысль пришла мне в голову: вдруг у этого пояса была своя, собственная жизнь. Мне вдруг захотелось провести рукой по мягкой, пушистой поверхности пояса, ощупать выточенную из драгоценного камня в форме головы леопарда пряжку, всмотреться в его резную поверхность, как будто таким образом я мог узнать свое будущее, как это умеют делать Мудрые Женщины.

Я больше не мог лежать: так растревожил меня пояс, неотступно стоявший перед глазами. Я встал, подошел к окну, положил руки на подоконник и стал смотреть из окна, которое находилось на уровне моего лица. Башня Юношей стояла на северной стороне замка, окна ее также выходили на север. Я смутно различал темневшие внизу поля и сады. Деревни видно не было. Она находилась южнее. Дальше находился лес, который отделял нас от невысоких гор, тянувшихся так далеко, что страшно было даже подумать.

Когда в Арвоне произошла катастрофа, Силы, вызвавшие ее, отступили в эти леса и горы. Мудрейшие, обитавшие в замках, объединились и установили при помощи колдовства невидимую для глаз защиту против них. Но никто из людей по-прежнему не знал, находятся ли те, кого мы считаем своими врагами, в лесах и горах или они нашли способ и преодолели барьеры защиты, установленные обитателями нашего мира, и возвратились сюда.

Кое-кто из тех, кто служил им, представителям Зла, по-прежнему жил рядом с нами и представлял определенную угрозу. Но обитатели нашего мира, постоянно живущие на определенном участке земли и не часто покидавшие его, привыкли к ним. Они воспринимали этих служителей Зла как часть природы. При желании можно было избежать общения с ними. Некоторые из этих лесных племен являлись даже дополнительной защитой нашей земли: они охотились на пришельцев с Юга из пустынь Дэйлз, которые время от времени забредали в наши земли.

Пустыни Дэйлз... Я вспомнил рассказ Пергвина, что он был одним из тех, кто шел по дороге Памяти, дороге Горя, а следом за ним шли высланные из наших земель, пришедшие сюда в темные для Арвона времена. Сейчас здесь жили представители другой расы. Они меньше нас ростом и не умеют использовать колдовскую силу. В принципе, они и не люди в полном смысле этого слова: лишь несколько поколений тому назад они вышли из полного хаоса. Представители этого народа недолго живут. Казалось, проходило совсем немного времени, а они уже достигали зрелости и очень скоро умирали в возрасте, predetermined с самого рождения. У нас с ними не было ничего общего.

Было очень темно, хоть звезды ярко сверкали над головой, напоминая те драгоценности, которые предлагал Ибикус. С севера дул ветер, он оведал мои руки и лицо, охлаждая нагую плоть. Я не мог и не хотел возвращаться в постель и накрываться теплым одеялом.

К своему удивлению, я обнаружил, что голова у меня ясная. Я никак не мог надыхаться свежим воздухом, как будто он нес мне какое-то сообщение. Во мне возникло смутное волнение, рожденное где-то глубоко — ничего подобного я раньше не ощущал. Ночная тьма тянула и завораживала. Мне вдруг захотелось куда-то бежать, босиком по траве, прыгнуть в воду и барахтаться там, не обращая внимания на...

Волнение прошло так же быстро, как и возникло. Теперь я дрожал от холода. Тьма предвещала беду. Я отошел от окна и лег. И вдруг сон, который никак не приходил, накрыл меня своим крылом. Я зевнул, мои глаза слипались, будто я целую вечность не спал. Повернувшись на бок, я заснул.

Я видел какой-то сон и от него проснулся. Сердце мое билось так, будто я долго и быстро куда-то бежал, все тело покрылось потом, хоть в комнате было по-прежнему прохладно. Я сел на кровати — так что же я видел во сне?

Но ничего не мог вспомнить, ни малейшей детали. Не понимал, страх ли охватил меня или какое-то другое чувство. Даже этого я не мог сказать. Вернуться в сон я не мог при всем своем желании.

Медленно двигаясь, я умылся в тазу, стоявшем на столе в углу комнаты. Вода была не слишком холодной. Я начал одеваться, все еще стараясь проникнуть в свою заблокированную память за любой подсказкой о том, что я пережил во сне. Но не мог ничего вспомнить, и это мучило меня. Я знал, что этот сон очень важен. Я должен...

Когда я полностью оделся, напряжение, охватившее меня, постепенно спало и скоро совсем прошло, когда я бесшумно вышел из комнаты. Мне было не по себе: казалось, я торопился на какую-то встречу, но не знал, с кем. Когда я вышел во двор, то увидел там человека. Это был торговец Ибикус, который, не отрываясь, смотрел на дверь, откуда я только что вышел. Сдержанно улыбаясь, он кивнул мне. Я почувствовал, что встреча эта была заранее спланирована, хотя о ее цели я не догадывался.

— Прекрасное утро, хоть и очень раннее, лорд Кетан. — Его голос звучал тихо, но отчетливо.

Я растерялся, чувствуя, что он не случайно встретил меня здесь, но не мог понять, зачем. Он вел себя так, будто встретил старого знакомого, хоть поздоровался со мной достаточно сдержанно. Со своей стороны я ощущал в нем что-то необычное и мог поклясться, что никакой он не торговец, а человек очень знатный, не менее знатный, чем Верховный Лорд нашего Клана.

— Прекрасное утро, милорд, — вымолвил, наконец, я.

— Милорд? — он наклонил голову, глаза его ярко блестели. Ибикус осматривал меня, будто я был товаром, который ему надо было оценить. — Я торговец, а не лорд.

В глубине души я был по-прежнему уверен, что, если ему ничего и не принадлежало в Арвоне, он все равно не был торговцем, а был человеком знатного происхождения. Я смело ответил на его взгляд, ожидая пояснений.

Не промолвив ни слова, Ибикус поднял руку и потер подбородок. На указательном пальце я увидел кольцо с большим камнем, который был совсем не похож на те камни, что он продавал: тусклый, блеклый, безжизненный, будто его откололи от простого булыжника. По цвету он был мутно-серым и, как мне показалось, в серебряной оправе. Серебро также было тусклым и мертвым, такого серебра я никогда не видел. В общем, кольцо было совершенно безликим и никоим образом не соответствовало обладателю таких сокровищ, как Ибикус.

— Вы очень проницательны, лорд Кетан, — добавил он, улыбаясь.

Я вспыхнул: неужели он прочитал мои мысли? Говорили, что такой способностью обладают только самые мудрые и знатные представители Арвона. Вдруг он резко протянул

руку вперед, но не для того, чтобы пожать мою, а для того, чтобы я смог получше рассмотреть кольцо.

— Что ты видишь? — повелительно спросил он.

Я облизал пересохшие губы, не понимая, чего он от меня хочет. Я чувствовал, что за этой встречей кроется какая-то тайна. Подчиняясь ему, я взглянул на кольцо. Камень начал странно мерцать, его бесцветная поверхность изменялась, как гладь воды, если бросить в нее камень.

Думаю, не стоит объяснять, как велико было мое удивление. Через несколько мгновений я увидел в камне голову снежного кота, его клыки обнажились в угрожающем оскале. Столько жизни было в нем, что я не мог поверить, что это просто вырезанное из камня изображение, такое же, как в пряжке пояса.

— Что ты видишь? — В его вопросе слышались нотки приказа, и я не мог промолчать или сказать неправду.

— Я видел голову снежного кота.

После этого Ибикус поднес кольцо к своим глазам и, внимательно посмотрев на камень, энергично кивнул головой.

— Неплохо, лорд Кетан, неплохо.

— Для вас, может быть, и неплохо, но зачем?.. — я не мог не спросить об этом.

Ибикус не дал мне закончить вопрос.

— Когда нужно будет, мой юный лорд, вы все узнаете. Думаете, я загадываю вам какие-то загадки? — он засмеялся. — Разве, будучи маленьким, ты не учил вначале самые простые руны, а потом все сложнее и сложнее? Разве смог бы сейчас читать любую хронику без такой подготовки?

Я хотел было рассердиться на Ибикуса за то, что он как-то использует меня, за все эти намеки и загадки. Но в нем было что-то, что заставило меня молчать.

— Я уйду, лорд Кетан, но прошу вас, навсегда запомните то, что я вам сейчас скажу: руководствуйтесь в жизни своими желаниями, а не теми, что навязывают вам другие. Даже я не могу объяснить некоторые руны — это можно будет сделать, только когда придет для этого срок. Время иногда течет медленно. Очень скоро ты получишь подарок. Береги его и дорожи им! — С этими словами он резко повернулся и ушел, прежде чем я смог что-то сказать.

Я остался стоять посреди двора с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. Каким-то образом я понимал, что не должен идти за ним и требовать объяснений. Какая-то сила удерживала меня на месте и заставляла молчать.

Он прошел прямо к Женской башне. Его, без всякого сомнения, там ждали. Как только он дотронулся до двери,

она тут же распахнулась. Я остался стоять на том же месте, обдумывая его слова.

Больше я не видел Ибикуса. К вечеру он собрал свои сокровища и сопровождавших его людей, и животных и покинул замок. Было ясно, что ему удалось продать кое-что из своих сокровищ. Моя мать и леди Эддрис надолго задержали его, прежде чем выбрали то, что могли бы купить. Но у него осталось достаточно сокровищ, когда он уезжал из замка. Я же глубоко сожалел о поясе.

Успокаивал я себя тем, что у меня не было никакой возможности купить его. В Ка Ду Проне не было ни одного человека, у которого я мог бы попросить денег. И хотя я был законным наследником лорда Эрака, своих денег у меня не было. Через три дня был день моего рождения. Когда я жил с леди Героиз и Урсилой в башне Дам, его никогда не отмечали. Скорее, торжественно праздновали те дни, когда Урсила придумывала новое заклинание или что-то в этом роде, а моя мать помогала ей. И они испытывали на мне силу своих колдовских чар, как они объясняли мне, для того, чтобы защитить меня, такого слабого и беспомощного.

После того как я переехал в башню Юношей, если они как-то и праздновали день моего рождения, то обходились без моего присутствия. В общем, до сих пор этот день ничем не отличался от всех остальных дней в году, за исключением того, что в этот день я становился на год старше, и от меня требовалось проявлять больше мудрости и силы.

Я был страшно удивлен, когда получил сообщение о том, что леди Эддрис хочет, чтобы я пришел по случаю дня моего рождения. Предыдущей ночью приехала Тэни в сопровождении Могуса и соответствующей ее положению свиты дам и носильщиков. Одевая свой самый лучший праздничный наряд с вышитым девизом рода, к которому принадлежал, я подумал, уж не собираются ли они объявить сегодня о нашем предстоящем бракосочетании.

День клонился к вечеру, когда я, миновав двор, вошел в другую башню. Здесь было темно, и ожидавшая меня служанка держала в руке лампу, источающую аромат. Я последовал за ней вверх по старым, истертым от времени ступеням в комнаты, принадлежавшие моей бабушке, хотя по старой памяти я чуть было не пошел выше, где когда-то жил сам.

В комнату, куда я вошел, дневной свет не проникал вообще. Стены ее были задрапированы гобеленами неярких, сливающихся тонов. То там, то здесь свет лампы выхватывал лицо человека или морду страшного чудовища и на мгновение оживлял их.

Ламп было много: и на стенах, и на свисавших с потолка цепях. Все они ярко освещали, обогревали и наполняли бла-

гоуханием комнату; так что, побыв в ней совсем немного, я начал задыхаться. У меня появилось желание сорвать всю эту драпировку, чтобы найти окно и открыть его — так хотелось подышать свежим воздухом.

Леди Эддрис сидела в кресле с высокой спинкой, по сторонам которого стояли две лампы. Когда она встала, ее волосы, без единого седого волоска, украшенные золотом и драгоценными зелеными и бледно-желтыми камнями, волнами ниспадали ниже пояса. Она, как и я, была одета в праздничное платье, соответствующее церемонии и закрывающее ее от шеи до пят. Единственным ее украшением был огромный зеленый камень, сверкавший во лбу и казавшийся мне третьим глазом, который неотступно следил за мной. Как и Пергвин, она совсем не постарела и выглядела женщиной средних лет. И хотя она не была особенно надменной и вроде не стремилась к первенству, в ее натуре чувствовалась власть, наполняющая каждое ее движение.

Я изо всех сил старался соблюдать ритуал: опустившись на колени, я поцеловал ей руку, прохладную, несмотря на жару в комнате. Хотя я стоял, склонив голову в вежливом поклоне, и не смотрел на нее, я был совершенно уверен, что она оглядела меня с головы до ног без удовлетворения, которое она испытывала, глядя на Могуса, равнодушно и с легкой враждебностью, которую она, как правило, не выставляла напоказ.

— Приветствую тебя, Кетан, — сказала она не выражающим ни приветствия, ни радости ледяным тоном.

— Удачи тебе, тепла и света, миледи, — ответил я, как было положено по этикету.

— Встань, мой мальчик. Давай посмотрим, как ты изменился за эти годы. — В ее голосе появился оттенок раздражительности. Это значило, что кто-то или что-то вынудило ее провести эту встречу, но она не собиралась делать ее легкой ни для себя, ни для меня.

Я встал с колен. Теперь я видел, что возле нее стояли две служанки, но ни моей матери, ни Урсилы не было видно. По знаку бабушки к ней подошла молодая женщина. Я ни минуты не сомневался, что это Тэни.

Она выглядела, совсем как ее бабушка в те далекие времена, когда получеловек-полузверь произнес любовное заклинание, дабы покорить ее. Она стояла, такая же высокая, как и я, в жестком официальном одеянии, которое скрывало и одновременно показывало все изгибы ее тела, вполне созревшего для женитьбы. У нее были темные, как у бабушки, волосы, но завитые и уложенные в высокую прическу с помощью шпилек и гребешков, украшенных драгоценными камнями.

Черты ее лица, насколько я помнил, были правильными, но в изгибе маленького рта чувствовалась скрытая раздражительность, и между темных бровей уже появилась слегка заметная хмурая морщинка. Она не улыбалась и выглядела отрешенной, как будто твердо решила для себя быть где-то в другом месте в это время.

Я знал, что требовалось от меня по этикету, но нежелание следовать ему росло во мне. У меня не было вобора, и я пошел ей навстречу, чтобы пожать руку и поцеловать в щеку. Я почувствовал напряжение ее тела и прекрасно понял, что она испытывает ко мне только неприязнь.

— Хорошо, девочка, — обратилась леди Эддрис к Тэни. — В конце концов он не так уж плох и прилично выглядит.

Мне она не сказала ни слова. Я остро почувствовал их общее презрение по отношению ко мне, как будто они вслух кричали об этом. Но был твердо уверен, что не должен этого показывать. Помолвка, несмотря на всю торжественность этой церемонии, еще не свадьба. К этой мысли я привыкал сейчас, так как в глубине души был уверен, что Тэни никогда не будет моей женой. Мне нужно найти способ, чтобы стать свободным.

Леди Эддрис не ожидала ответа ни от меня, ни от Тэни. Вместо этого она стала развязывать тесьму на шелковой сумочке, висящей у нее на поясе. Когда она развязала ее, она достала... пояс из леопардовой шкуры!

Увидев его вновь, я почувствовал все ту же острую потребность иметь его, чувство, которое я немного подзабыл — так давно я его не испытывал.

— Это хороший знак для твоего будущего. Он образует замкнутый круг, таким кругом должно стать для тебя твое замужество. Отдай его, с обещанием выйти замуж, твоему будущему мужу.

Тэни не сразу взяла его: ей мешала меховая накидка, висевшая на руке леди Эддрис. Или, может, она боялась, что, выполнив просьбу леди Эддрис, она будет неотвратимо связана в будущем с человеком, которого не любит. К счастью для меня, она не смогла не выполнить приказ.

Она, наконец, взяла пояс и сказала с презрением, выраженным в изгибе ее губ:

— Милорд, примите от меня этот символ нашего будущего союза.

Я слушал ее вполуха. Все мое внимание было приковано к поясу. Я изо всех сил сдерживал себя, чтобы не вырвать пояс у нее из рук. У меня хватило здравого смысла поблагодарить ее и леди Эддрис.

Тэни даже не кивнула в ответ, и мои слова потонули в напряженной тишине. Я видел, как леди Эддрис иронически улыбнулась.

— Надеюсь, ты сохранишь его,— сказала она.— Это очень ценная вещь. Теперь ты можешь идти. Мы сделали все, что положено. Я очень устала...

Мне было совершенно ясно, что она ушла так быстро, чтобы разозлить меня, но ни ее поступки, ни ее слова не затрагивали моей гордости. Честно говоря, я был даже доволен, что смог быстро уйти из жаркой, наполненной благоуханиями комнаты со своим сокровищем в руках. Возвратившись в свою комнату, я погрузил пальцы в длинный мех, который на ощупь был шелковистым и теплым. В отличие от одежды, я не сложил его в сундук. У меня возникло всепоглощающее желание одеть его на голое тело под жилет. Для меня мои действия были совершенно естественны. Пояс мне пришлось в самый раз. Я чувствовал, что просто не должен его снимать.

Ложившись спать в тот вечер, я не снял его. Было уже довольно поздно, но я никак не мог уснуть. Смотреть через окно в темноту, как я делал это несколько дней назад, уже казалось недостаточным. Полная луна поднималась все выше и выше. Я чувствовал странное желание выйти за пределы этих стен и на время освободиться от этих отполированных временем камней.

Я одел штаны и башмаки, не дотронувшись до рубашки и жилета — ничего подобного в своей жизни я никогда не делал, — и вышел из башни, у которой в это мирное время не было часовых. Выйдя за ворота, я побежал. Во мне нарастала какая-то первобытная дикость.

Я миновал поля и попал в зону кустов, которая отделяла нас от Лесов. Там я двинулся вдоль реки. Освещенные лунной водой тихо струились у моих ног. Наконец, я дошел до поляны, с которой хорошо была видна полная луна, а посередине был пруд. Я сбросил одежду и окунулся в неглубокое озерцо, брызгаясь, как ребенок. Пояс отчетливо выделялся на моем теле, камень, изображавший леопарда, ярко сверкал в свете луны. Ничего подобного я раньше не видел. Он вспыхивал все ярче и ярче, и меня окутывало рожденное им огненное облако. Во мне проснулась первобытная дикость, подавившая все остальные чувства. Я видел только сверкавшую оскаленную голову леопарда.

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ УРСИЛЫ И ТУЧАХ, СГУЩАВШИХСЯ НАД АРВОНОМ

Проснувшись утром, я услышал пение птиц над головой. Луна была еще в небе, но уже не отражалась в озерце. Я несколько раз открыл и закрыл глаза, ошеломленный тем,

что увидел. Во мне было слишком живо воспоминание о той свободной, никем и ничем не ограниченной жизни, которую я познал ночью. Я глубже видел, острее слышал и обонял мир, ставший вдруг шире. Никогда я не был так полон жизни, как сейчас. Именно такой свободы я давно и страстно желал в глубине души. Возвращение в замок было равносильно возвращению в клетку, но выбора у меня не было.

Что-то подсказывало мне, что, если станет известно о моих ночных похождениях, мне просто не позволят повторить их вновь. Я должен сделать так, чтобы никто ни о чем не догадался. Я быстро сел, нащупал свои штаны и башмаки, надел их на мокрое от росы тело. Пояс, надетый на голое тело, превратился в обычный пояс, даже камень на пряжке блеснул совсем тускло, как будто вчера ночью он утратил часть своего сияния. Я бегом бросился к замку, положив руки на мохнатую поверхность пояса.

Было еще очень рано. Мне хотелось пробраться к себе в комнату, пока все спят. Опять смутное предчувствие заставляло меня прятаться. Я напоминал лазутчика, пробирающегося во вражеский стан. Добравшись до ворот, я проскользнул в них и бросился к двери своей башни. Я должен был миновать башню Дам. Вдруг кто-то вышел из нее прямо передо мной.

Урсила!

Я никак не мог избежать встречи с ней. Она повернулась ко мне и сделала знак следовать за ней в башню, куда она сама направлялась. Она молчала, а я нервно переминался с ноги на ногу. Вдруг она увидела на мне пояс.

— Откуда это у тебя? — резко прошептала она, стараясь напугать меня и вырвать правду.

Опять, подчиняясь непонятному инстинкту, я положил руки на пояс около пряжки со сверкающим камнем. Откуда-то я знал, что она мне угрожает. Я злился на себя за то, что беспрекословно ей подчиняюсь, пусть даже она и Мудрейшая.

— Это подарок, — ответил я недостаточно вежливо. — Леди Эддрис и Тэни преподнесли мне его по случаю нашей помолвки.

Черты лица Урсилы затвердели, губы растянулись во что-то, напоминающее оскал, точь-в-точь как у собаки в беззвучном гневе.

— Отдай его мне, — она протянула пальцы, скрюченные, как когти, будто хотела сорвать его с меня. — Отдай его мне! — Ее волнение помогло мне противостоять заклинанию послушания, которое она произнесла.

— Нет, — крикнул я, затем повернулся и убежал.

Мне было все равно, видят меня или нет. Я смог овладеть собой, только вбежав к себе в комнату и отдышавшись. Я лег на постель, пытаясь, по мере возможности, разобраться, почему я убежал от Урсилы, как напуганный ребенок.

Ощущение свободы, с которым я проснулся, прошло, вместо него появилось чувство тревоги, смешанной со страхом. Я был в клетке — и Урсила никуда меня не выпустит. Она все сделает для этого. В этом я был абсолютно уверен, как будто это было написано огненными рунами на стене моей комнаты.

Пояс! Я расстегнул пряжку, поднес к глазам волшебный камень и внимательно осмотрел его. Да, днем он не так сверкал. Нет, у Урсилы не было никакой возможности отобрать его у меня — никакой. Он принадлежит мне и только мне, как еще ничто и никогда не принадлежало. Я понял это, когда в первый раз увидел его среди сокровищ Ибикуса. Тот факт, что этот пояс дала мне леди Эддрис с каким-то тайным умыслом, стремясь использовать меня в своих целях, ничего не менял. Самым важным для меня в этот момент было то, что я могу носить его. Что я и сделал — я вновь одел его.

Урсила знает сильные заклинания, но я ей не отдам пояс. Не знаю, почему я был так уверен в этом. Нелегко будет справиться с Мудрейшей.

В полдень я получил записку. У меня как раз был тренировочный поединок с Пергвином, и я сумел заслужить его похвалу, хотя обычно он имел склонность бранить, а не хвалить. Я чувствовал внутренний подъем. Возможно, более глубокое восприятие жизни, которое подарил мне пояс, помогало мне повысить свой авторитет. У меня было прекрасное настроение, которое не испортило даже настоятельное приглашение посетить мою мать в ее покоях.

Когда я шел по двору, я вдруг осознал, что за этим приглашением стояла Урсила, и что мне следовало с особой осторожностью входить в комнаты, где были сконцентрированы ее колдовские силы. Но я уже не был маленьким мальчиком, которому можно приказывать все, что угодно. В эту минуту я чувствовал себя вполне взрослым мужчиной, хозяином своей жизни и судьбы.

Я не встретил ни леди Эддрис, ни Тэни, когда проходил через их комнаты, поднимаясь на этаж матери, где всегда присутствовала Урсила. Пока я поднимался вверх, тошнотворное благовоние прошло. Стены комнаты, куда я вошел в сопровождении служанки, не были завешены гобеленами, окна открыты, сквозь них проникал дневной свет и даже аромат свежескошенного сена с окружающих полей.

Богатство в комнате все же чувствовалось. Кресло моей матери было с такой же высокой спинкой и так же богато

украшено подушками с наброшенной сверху Красной Мантией династии, как у леди Эддрис. Вместо гобеленов стены из грубого камня были украшены полосками пергамента, на которых изображались бесхитростные звери и птицы, совсем не похожие на тех, что я видел вокруг себя. Их чешуя, перья, рога и когти были нарисованы яркими красками и сверкали, как драгоценные камни.

Моя мать сидела за небольшим столом, перед ней лежал пергамент, на который в промежутках между темными очертаниями она наносила сначала мазки алым цветом, затем, взяв другую кисть, стала оттенять их позолотой. Когда я вошел в комнату, она ничего не сказала и даже не подняла головы. Я давно привык к такому обращению: она никогда не оторвется от работы, пока не завершит определенный этап. Я удивился, что она в комнате одна, ожидая увидеть Урсилу. Но Мудрейшей нигде не было.

Леди Героиз сложила на небольшой поднос, стоявший на столе, кисти и отодвинула его. Затем осмотрела меня с головы до ног холодным критическим взглядом.

— Ты глупец! — сказала она, наконец.

Подобный прием был оказан мне не в первый раз и не вызвал во мне никакого протеста, а только желание, чтобы она поскорее объяснила, что именно она считала глупым.

— Ты позволил им подчинить себя, как будто ты простая собака из стаи лорда, — продолжала она холодно. — Почему у меня такой ограниченный сын? Он никак не может понять, что его используют в своих целях. — Она пожала плечами. — Но что сделано, то сделано.

Я ждал. Ей нравилось подходить к теме разговора изда-лека. Когда я был маленьким, подобные маневры еще оказывали на меня воздействие, и я чувствовал себя тем скованнее, чем дольше она не раскрывала мне мою вину. Теперь, после стольких лет тренировок, я умел подавить в себе любое чувство, вызванное ее словами, пока она не переходила к основной теме разговора.

— Леди Эддрис — это... — она начала и заколебалась.

Я уже давно понял, что между нею и ее матерью не было любви, лишь видимость. При встречах они умели сдерживать свои чувства и демонстрировали полное единство, как того требовали традиции. То, что моя мать отодвинула леди Эддрис на задний план и стала полноправной хозяйкой замка, не вызвало сомнений, но я никогда в течение стольких лет не заметил ни малейшего намека на протест против этого. Со стороны казалось, что мать была рада передать заботы и обязанности хозяйки своей дочери.

— Ты попал в сети, — жестко сказала леди Героиз. — Если ты быстро не преодолеешь ее влияние... — она опять за-

колебалась, затем, наконец, решилась на то, чтобы сказать всю правду. — Пояс заколдован. — Я не сомневался, что она верила тому, что говорила. Но я также был уверен, что эту мысль ей внушила Урсила.

— Почему ты так решила? — были первые мои слова после прихода.

— Он принадлежал племени оборотней. Урсила узнала его, когда увидела впервые. Леди Элдрис также узнала его, и в этом наше несчастье. Она поняла, что с его помощью сможет получить то, чего давно хотела.

— Он принадлежал племени того оборотня? — спросил я опять. Раньше, обращаясь с матерью, я не позволял себе таких вольностей. Сейчас, впервые в жизни я имел свое мнение и был самим собой. Это стало возможным лишь потому, что не прошло и суток с тех пор, как я вкусил свободы, никогда ранее не испытанной.

— Она хочет сделать Могуса наследником. — Опять моя мать смогла в нескольких словах выразить суть долгой и внешне незаметной борьбы между нею и леди Элдрис. — Она отдала тебе эту заколдованную вещь так, что ты не мог отказаться: она сделала его подарком по случаю вашей помолвки. Пояс уже начал оказывать на тебя свое действие... Где ты бегал прошлой ночью, Кетан, и в каком виде? — Склонившись вперед, она в упор смотрела на меня, в ее глазах горел огонь, очень похожий на тот, который сверкал в камне в свете луны, но немного тусклее.

— Я спал на берегу реки в Стране Лесов. Я никуда не бегал. Я не оборотень, миледи. — Без сомнения, все это внушила ей Урсила. В этот миг у меня в памяти возник другой образ — проницательного и умного торговца. Что он сказал мне при нашей встрече? «Принимай во внимание только свои желания, а не те, что тебе навязывают другие. Ты получишь подарок — береги его». Я задал матери еще один вопрос, что также противоречило правилам этикета: — Как узнала леди Элдрис о том, что пояс заколдован?

В лице моей матери мелькнуло не просто раздражение, а самый настоящий гнев.

— От торговца, как еще?! Урсила распознала в нем колдовские способности. Он из тех, кого посылают к нам сеять зло и раздор. И раньше к нам приезжали такие путешественники, стремившиеся воздействовать на нас самыми разными способами. Урсила проанализировала положение звезд: оно не слишком благоприятно для Ка Ду Прона и для других наших кланов.

— Ты сказала, что леди Элдрис покровительствует Могусу, я об этом знаю. Но традиция есть традиция. Она не

сможет пренебречь тем, что я твой сын и, значит, наследник. — Я осторожно гнул свою линию, скрывая свои настоящие мысли. Так я скрывался утром, возвращаясь в замок, только утром я прятался за ветвями, образующими укрытие в открытом поле, а сейчас — за словами.

— Глупец! — Моя мать резко встала, зацепив стол с картиной, так что один набор красок упал на пол. Она не обратила на это внимания. — Оборотни легко уязвимы. Они могут управлять переменной облика только после долгих и упорных тренировок. Как ты думаешь: ты сможешь стать лордом, если станет известно о твоих занятиях? Здесь такое уже было. До Эрака у нас был двойной законный наследник, рожденный от другого отца. Он был наполовину оборотнем, и, когда его мать узнала об этом, она изгнала его из замка. Надев этот пояс, ты становишься настоящим оборотнем. Ты не сможешь управлять своими превращениями. Сейчас человек, через минуту — зверь. Ты думаешь, Тэни или даже самая последняя служанка выйдет за тебя замуж? Тебя изгонят отсюда. Чем дольше этот пояс воздействует на тебя, тем глубже он овладевает тобой. Отдай мне его! — Она протянула руку, стремясь забрать у меня пояс.

Бедняжка, она верила тому, что говорила. Я, в отличие от нее, не верил. Я считал, что это Урсила так ее обработала. Я не забыл, как она смотрела на торговца, как скрытно ворожила, стремясь заклинаниями поймать его в свои сети. Я никогда особенно не любил Мудрейшую. А за последние несколько дней, прошедшие после встречи с Ибикусом, благоговейный трепет и робость перед ней сменились отвращением.

— Это приказала Урсила, — медленно произнес я.

Мать уронила руки. Кончик языка показался между губ, как будто слизывая что-то очень неприятное для нее. Глаза сузились, с лица исчезло всякое выражение — оно застыло.

— Ты должен выполнить мой приказ.

До сих пор я и не подозревал, что могу противостоять ее воле. Когда я осознал это, меня охватило чувство, отдаленно напоминающее то, что я испытал сегодня утром после пробуждения. Почему меня должны волновать чьи-то интриги?

Не услышав от меня ответа, леди Героиз вдруг улыбнулась, справившись с той вспышкой гнева, которую я видел.

— Очень хорошо. — Перемена, произошедшая с ней, была настолько стремительна, что я не успел сориентироваться и на какой-то момент потерял бдительность. — Забавляйся со своей игрушкой, ребенок. Когда ты все поймешь, молись, чтобы не было слишком поздно, иначе ты потеряешь все из-за

своей глупости. Уйди с моих глаз, если ты не хочешь поступить так, как тебе подобает. Не приходи, пока не поймешь этого.

Она вновь принялась за работу: придвинула к себе стол, взяла в руки кисть. Я для нее больше не существовал. На лице у нее появилось удовлетворение от одержанной надо мной победы, которое я никак не ожидал увидеть. Неужели?..

Я ушел из башни озадаченный. Неужели Урсила говорила правду? Значит, торговец с какой-то целью дал леди Элдрис оружие против меня. Какие аргументы я мог выдвинуть против этого утверждения? Впечатление, которое торговец произвел на меня, ощущение уверенности и правоты, которые подарил мне пояс, и воспоминания о ночи, проведенной в лесу. Все это было незначительно, нереально, и все же, благодаря этому, я не верил, что моя мать и Урсила правы.

Я знал, что леди Элдрис не испытывала ко мне добрых чувств, Тэни была солидарна с ней. Кто же тогда в Ка Ду Проне относился ко мне по-дружески? Для моей матери и Урсилы я был лишь средством достижения власти. Понял я это уже давно, когда только начал осознавать мир вокруг себя. Лорд Эрак никогда не испытывал любви ко мне, основой наших отношений была лишь вежливость. Могус, я был уверен в этом, ненавидел меня. Кто еще — Пергвин? Может быть.

С ним я не мог говорить о поясе. Я заранее знал, что он мне посоветует не обращать внимания на такие мелочи. Так что ко мне не могли относиться хуже, чем относились до сих пор. Когда я возвращался к себе, то чувствовал себя совершенно одиноким. У себя в комнате я расшнуровал жилет и, выпустив рубашку, нащупал голову леопарда.

Я не мог расстегнуть его! Вновь и вновь я судорожно пытался расстегнуть пряжку. Но она была так плотно закрыта, как будто никогда раньше не расстегивалась. Меня охватила паника. Я уже верил, что пояс заколдован, и мне его дали, чтобы подчинить.

Пошатываясь, я подошел к окну и прислонился к подоконнику, вдыхая прохладный воздух. Сердце мое громко стучало, руки слегка дрожали, изо всех сил я пытался овладеть собой. Я не должен поддаваться страху. Спокойно, неторопливо я должен найти возможность расстегнуть пояс.

Я вытер вспотевшие пальцы о штаны и стал медленно, не торопясь, вновь расстегивать пряжку. Одно движение — и... голова леопарда пошевелилась, пояс ослабел и растянулся так, что, если бы я его не подхватил, он упал бы на пол.

Я стоял у окна с поясом в руках, охваченный злостью на себя. Как они умеют играть мной: они почти заставили меня поверить в эти выдумки. Поймали, как рыбу на крючок, — и я тут же поверил, что пояс заколдован. Мать назвала меня сегодня глупцом. Всматриваясь в пояс, я понимал, что это не так. Я был бы гораздо большим глупцом, если бы позволил им управлять моими желаниями. Ощущение чуда, которым я был обязан поясу, вернулось. Это ценная для меня вещь, в ней не было зла. Наоборот, за то время, что пояс был у меня, я стал другим человеком, стал самим собой. Если Урсила хочет подчинить меня вновь, ей нужно отобрать у меня пояс. Но я ей этого не позволю.

Я решительно надел пояс, спрятав его под рубашкой. Я как раз заканчивал зашнуровывать жилет, когда вошел Пергвин и передал мне просьбу лорда немедленно явиться в Грейт Холл.

Да, похоже, все знатные люди нашего замка жаждали видеть меня сегодня. Нельзя сказать, чтобы я занимал какое-то положение или мог высказать свое мнение, просто, как законный наследник престола, я должен был присутствовать на церемонии принятия решения. Там уже были командующий Кадок и маршал Герджил, спокойный пожилой человек, страстью которого было собирать древние руны. Считалось, что он лучше, чем кто-либо другой, знал колдунов и оборотней. Герджила не было в замке целый месяц. Но он был настолько незаметным, что почти никто не обратил внимания на его отсутствие. Однако, если нужно было получить сведения о событии, произошедшем в прошлом, за консультацией обращались только к Герджилу.

Самым заметным в замке был Мокус. Казалось, что разница в возрасте между нами возрастала, а не сглаживалась, как должна была бы, по мере моего взросления. Если раньше он мучил и унижал меня, то теперь он меня попросту игнорировал. Меня это совершенно не волновало. Сейчас он сидел возле своего отца с кубком в руках. Он без конца поворачивал его в руках, как будто восхищался сеткой трещин, появившихся на нем от времени.

Я тихо зашел и сел рядом с Герджилом (никто не заметил моего появления), как обычно, подавленный дыханием времени и власти, остро ощущавшимися в этом холле.

— Итак, это правда, — медленно сказал Эрак, как будто то, что он собирался сообщить, было ему неприятно, — что скоро состоится совместный смотр наших сил. Мы организуем союз с Высочайшим лордом Эйденем, а также с Кланами Синей и Золотой Мантии.

— Как насчет Клана Серебряной Мантии? — поинтересовался Кадок, когда мой дядя замолчал.

— Никто не знает. Между замками, расположенными на западе Арвона, и внутренними землями было замечено оживленное движение. Клан Серебряной Мантии всегда стремился объединиться с Высшей Расой, обитающей в высокогорье, — прокомментировал Герджил. — Ведь они удерживали Ястребиного Когтя почти полгода, когда мы еще не встали на Дорогу Памяти, покидая долину Дэйлз. Половину своей крови они унаследовали от Древней Расы, жившей в Арвоне.

— Так кто же угрожает нам? — спросил вдруг Мокус. — Я, в качестве посланца, объехал почти 20 замков. Я побывал даже в Уайтфлоу, и везде народ озабочен. Покидая пределы своих замков, они вооружаются. Однако пока не поступало сообщений о набегах Древних с Гор, не слышно было и сигналов военного сбора.

Я вспомнил, как Пергвин рассказывал мне о том, что время от времени Древние совершают набеги на Арвон, а затем отступают. К несчастью, пришло время, когда мирный период заканчивался. Но мы еще не знали своего будущего противника; это означало, что нам предстоит жить в состоянии неопределенности, точно не зная, с кем и с чем нам придется столкнуться.

— Мы не знаем, — подтвердил его отец. — Но мы умеем заранее предчувствовать беду. Говорят, что представители Высшей Расы могут предсказывать по звездам. Даже если они и сделали недавно очередной прогноз, то не прислали нам никакого предостережения. Вполне возможно, что в защите, установленной вокруг Арвона Мудрейшими, будет проделана брешь, и враги наши, ушедшие отсюда в прошлом, вернуться, окрепшие и хорошо вооруженные, чтобы сразиться с нами.

— Так и будет, — сказал Герджил тихо. Несмотря на его тихий голос, все повернулись к нему. — Жители долины Дэйлз сражались с безжалостными захватчиками, а затем, через много лет, они вновь вернулись. Родственные нам племена, живущие за морем, также были втянуты в битву, из которой смогли выйти победителями, почти победителями. Ту войну они выиграли, но, стремясь к победе, они израсходовали почти весь запас колдовской энергии, и после этого многие поколения не смогут воспользоваться ею для себя.

Таким образом, наша способность защитить себя малопомалу иссякала: и у племен нашей крови, и у тех, кто лишь похож на нас. Кто знает, не стало ли это причиной ослабления защиты вокруг нашего мира. Так что те, кто живет за его пределами, чувствуют, или знают, что пришло время возвращаться.

— Приятное сообщение, — отметил мой дядя. — Возможно, в этом кроется горькая правда. Все, что мы можем сделать — это попытаться, чтобы нас не захватили врасплох. Нам нужно готовиться к осаде. Тогда, если и придет беда, мы будем по мере сил готовыми к ней, даже не имея точных сведений о противнике. Вот задача для каждого из вас, — он ознакомил каждого с тем, что мы должны сделать в ближайшем будущем.

Итак, в ожидании какой-то опасности, не зная точно, откуда, я почти позабыл о своих собственных бедах.

О ПЛАНЕ МОГУСА И О ТОМ, ЧТО Я УЗНАЛ

По желанию моего дяди я отвечал за уборку урожая на северных полях замка. Я работал с полевыми работниками, и не только проверял, что и как они грузят на телеги, отправлявшиеся в замок, но и сам помогал им закреплять снопы. В том напряжении, в котором мы тогда жили, не было деления на ранги, и мы все вместе трудились, чтобы в случае необходимости быть готовыми к любой осаде.

Во всех других замках нашего Клана люди работали, как и мы. В те недели к нам не приезжали гонцы оттуда. Никто не строил радужных планов к предстоящей Ярмарке Урожая, как это было в прошлые годы. Считалось, что лучше отказаться от всех поездок и оставаться дома.

Каждый вечер я добирался до своей кровати, спотыкаясь от усталости, настолько измотанный физически и душевно, что у меня было только одно желание — лечь и спать до тех пор, пока не прозвучит утренний рог, вновь зовущий к труду. Я продолжал носить пояс, но в те дни для меня он ничем не отличался от другой одежды. Больше я ничего не слышал от матери и Урсилы.

Они также трудились в поте лица. Приготовление тонирующих напитков, заготовка фруктов, выпечка особого хлеба, который долго не портился, лежали на них. Даже дети совершали набеги на ореховые деревья окрестных лесов, состязаясь с лесными обитателями за право заготовить орехи, пригодные для приготовления муки, добавлявшейся в хлеб и другую пищу. Они чистили их в лесу и корзинами приносили в замок.

Проходили дни и недели. Вновь наступило полнолуние. Наша работа подходила к концу. Большая часть урожая была уже убрана и переработана. Стояла прекрасная погода: дождей не было, и даже облака нечасто появлялись в небе. Мы почти верили, что нам помогают сверхъестественные силы.

Однако время от времени я слышал, как ворчали в полях работники. Во время коротких перерывов они насто-роженно оглядывались по сторонам, и в их глазах не было радости, только желание поскорее вернуться в замок. Слишком легкой была в этом году уборка, и они не дове-ряли этой легкости, опасаясь, что это лишь затишье перед бурей.

Вечером перед полнолунием я возвращался в замок на последней телеге, закончив работу. У меня ломило все тело, как будто я не отдыхал целую вечность. Рабочие, с которы-ми я возвращался, не смеялись и не шутили, как это обычно бывало после успешного окончания страды. Я заметил, что старший жнец последним поднял кубок с сидром, прислан-ным в поле, за здоровье Покровительницы Урожая, деревян-ная фигура которой возвышалась над телегой. Все выпили, но как-то понуро и безрадостно, как будто выполняя непри-ятную обязанность.

В замке также никто не приветствовал нашего появле-ния, хотя по старой памяти присутствовавшие во дворе повернулись в нашу сторону. Мой дядя подал знак провоз-гласить второй тост в честь Покровительницы Полей. Кружку сидра мне поднесла девушка, которую я изредка видел в поко-ях матери. Только сейчас она не улыбнулась мне, не поздра-овалась, а молча отошла.

Прислонившись к башне Юности, чтобы не упасть, ру-ками настолько обессиленными, что они отказывались мне повиноваться, я поднес кружку к губам и жадно выпил. Но в этом году даже у сидра был горьковатый привкус, и я не смог дотпить его до конца.

Я так устал, что, поднявшись к себе в комнату, не разде-ваясь и не умываясь, направился прямо к кровати, упал на нее и закрыл глаза. Сразу же я провалился в глубокий, без сновидений сон. Ничего больше о той ночи я не запомнил.

Проснулся я не сразу. Солнце нарисовало яркую полосу на полу, настолько яркую, что на нее было больно смотреть. Сильная боль в спине, с которой я лег спать, перебралась в голову и там пульсировала. Я приподнял голову, и каменные стены поплыли у меня перед глазами, острая боль пронзила горло.

Напрягая все свои силы, я встал и подошел к кувшину с водой. У меня тряслись руки, я смог поднять кувшин только обеими руками. Больше воды я вылил на пол, чем в таз для умывания. Набрав в руки то небольшое, что все же в него попало, я погрузил в воду лицо.

Прикосновение прохладной воды вывело меня из того странного состояния, в котором я пребывал. Мне удалось

немного успокоить взбунтовавшийся желудок. Я не верил, что заболел. Мой разум работал медленно, но я постепенно вспомнил горький привкус сидра, который пил вчера вечером. А та, что мне принесла его, находилась под воздействием Урсилы.

Только сейчас я заметил, что измятая и запачканная рубашка, в которой я спал, расшнурована и свободно болтается, открывая мое тело и пояс!

Мои руки поспешили ощупать его, чтобы подтвердить то, что я уже увидел: его не украли у меня. Но я подозревал, что его хотели украсть. Напиток, который я вчера выпил, был одурманивающим. Урсила, как любая Мудрейшая, хорошо знала свойства трав, полезных и вредных. Но я не мог понять, почему она не сделала того, что задумала, пока я был в беспамятстве. Не мог я и открыто обвинить ее или мою мать только на основании своих подозрений.

То, что произошло, доказывало, что я не должен доверять тем, кто меня окружает. Я был по-прежнему убежден, что не подчиняюсь поясу, независимо от того, с какой целью леди Эддрис мне его подарила. Это чувство только усилилось от возникших у меня подозрений. Если я смогу противостоять Урсиле, меня не принудят к чему-либо, не ограбят.

Я напряженно обдумывал свое положение, пока раздевался, мылся оставшейся водой, одевался в чистую одежду. Мне пришло в голову, что фазы Луны как-то влияют на ее колдовские способности, и захотелось побольше узнать об оборотнях. Может, спросить у Герджила — но смогу ли я? Я колебался, боясь проявить слабость, которой сможет воспользоваться Могус. А леди Эддрис и Тэни, разве они не ждут, чтобы я допустил промах? Я одел свежую рубашку, приятно пахнущую травами, защищавшими одежду от сырости и плесени, и зашнуровал ее, спрятав пояс.

Сегодня ночью также было полнолуние. Я вновь ощутил дикое волнение, которое пояс подарил мне лишь однажды (в первую ночь полнолуния). И если снадобья Урсилы помещали мне вчера ночью испытать его, то, может, во вторую ночь стоит попробовать?

Я должен выяснить это, не доверяя никому, даже Герджилу, не говоря уже про мать и Урсилу. Следовательно, сегодня я должен действовать с оглядкой, с еще большей осторожностью есть и пить, что будет нетрудно. Во время празднования Дня Урожая в Грейт Холле не было каких-либо ограничений. Присутствующие ели хлеб, сыр и сухое мясо, принесенное прямо с кухни. По тому, что я увидел вчера, я не думал, что сегодня будут праздновать вообще. А если

все же будут, я буду есть овощи и фрукты, избегая приготовленной пищи, чтобы не быть одурманенным вновь.

Когда я вышел из комнаты, было уже позднее утро, так долго я находился под действием зелья. Двор замка, в отличие от напряженной деятельности последних недель, практически спал. Я слышал голоса в подсобных постройках, но никого не видел. Несмотря на то, что утром мой желудок беспокоил меня, я почувствовал острый голод и направился к кладовой, где можно было получить хлеб и сыр в любое время.

Свернув за угол, я увидел поваренка, который что-то доедал, слизывая крошки с губ. Увидев меня, он покраснел, как будто я поймал его за мелким воровством.

— Чего изволите, лорд? — пропищал он, поперхнулся и в большой спешке проглотил целиком большой недожеванный кусок.

— Хлеб, сыр, — кратко попросил я.

— А сидр?

Я покачал головой.

— Только то, что я сказал, больше ничего.

Возможно, я произнес это слишком резко: мальчик очень удивился. Я же злился на себя за то, что нарушал свой собственный план. Осторожность и еще раз осторожность — я должен помнить об этом всегда. Он вернулся, как положено, с салфеткой. В ней был толстый кусок хлеба с неровными краями и кусок сыра. Хлеб был еще теплым и растопил сыр. Я решил, что могу смело съесть его.

Поблагодарив мальчишку, я с салфеткой в руке вышел во двор. Солнце светило у меня над головой, в небе не было ни облачка. К этому времени роса с травы и кустов уже сошла. Убранные поля казались коричневыми от пыли и вымершими. Я повернулся к ним спиной и пошел по древней дорожке, выложенной заросшими мхом камнями, в сад. Здесь росли цветы и травы, используемые для ароматизирования и лечения.

Здесь уже кто-то был. Я услышал голоса, а затем увидел трех женщин среди кустов поздних роз. Они собирали раскрывшиеся бутоны, которые использовали для приготовления специй и сладостей. Заметив служанок первым, я свернул на другую дорожку, вдоль которой росли кусты ягод.

Вдруг я услышал свое имя и остановился. У меня не было никакого желания подслушивать разговор женщин, собирающих розы, но они говорили обо мне, и я остановился.

— Это правда — они послали старуху Малькину в башню Юности. Она возвращалась, громко шаркая ногами, как будто чего-то испугалась, у нее даже уши дрожали. Нет, не хотела бы я служить этой Мудрейшей.

— Лучше попридержи свой язык, Хильда. У нее глаза и уши повсюду, — в этом упреке слышалось сильное предупреждение.

— Я думаю, много глаз наблюдают за нашей молодой леди. У нее целыми днями плохое настроение, которое ухудшается после восхода солнца, но не улучшается и после заката. Вчера она запустила зеркалом в Бертольду и совсем разбила его.

Мне слышался звук, напоминающий предупреждение.

— Это неразумно!

— Леди Эдрис сказала ей то же самое, — продолжала рассказывать первая. — Леди также сказала, что торговцы вообще нечасто привозят зеркала, а в эту пору года они могут просто не приехать, и Тэни не у кого будет купить другое. Потом вошел лорд Могус, они сделали приветливые лица, выпроводили всех из комнаты и беседовали втроем.

— Да, в это время Малькина долго стояла на лестнице около их дверей. Она повсюду ходит и все слышит.

— Если она слышит сквозь стены и двери, то слух у нее острее, чем у многих. Она такая старая, удивительно, что она вообще в состоянии передвигаться.

— Ты думаешь, — спрашивающий голос понизился до шепота, но я отчетливо его слышал, — что Малькина когда-нибудь выглядела иначе?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она служит только Мудрейшей и больше никому. Я слышала, как старшая леди Ксения как-то говорила, что Малькина пришла в замок вместе с Мудрейшей, и что даже тогда, в те давние времена, когда нас еще не было на свете, Малькина выглядела так же, как и сейчас: старая, изношенная тень, едва способная передвигаться. Знаешь, ведь она никогда не выходит на солнечный свет и никогда ничего не говорит, как я слышала, пока ее не спросят. А ее глаза, они какие-то странные.

— Она всегда смотрит под ноги, как будто прячет глаза от того, кто смотрит на нее. Но, ты знаешь, в темноте она не берет ни свечи, ни лампы и ходит, не спотыкаясь, как будто вокруг нее светло.

— Похоже, что Мудрейшая доверяет ей. Интересно, зачем она приходила к молодому лорду? Ральф видел ее, когда она открывала дверь в его комнату. Но он не слышал ни единого звука из комнаты, как будто она только принесла ему записку. Он хотел разузнать побольше, но как раз в этот момент лорд позвал его, и у него не было возможности.

— Подсматриваете, подслушиваете, ты и Ральф. Вы что, хотите чтобы Мудрейшая обратила на вас внимание, Хильда? Глупо испытывать судьбу.

— Ты права. И, пожалуйста, не рассказывай нам ничего. У меня нет ни малейшего желания обратить на себя внимание или гнев Мудрейшей. Нам вполне достаточно перепадов в настроении молодой леди или редкого, но грозного гнева леди Эддрис. Нам достаточно своих собственных неприятностей. Давай-ка посмотрим в корзины. Для первого раза вполне достаточно. Следите оба за своими языками, и поменьше думайте о том, что Малькина делает или не делает ночью.

Мимо меня прошелестели их юбки. То, что я услышал, полностью подтвердило мои подозрения, что вчерашним дурманом я обязан Урсиле. Да, ее прислужница не получила вчера того, за чем приходила, но это не моя заслуга. В дальнем конце сада я нашел скамейку, с двух сторон укрытую кустарником, сел и принялся за еду, думая больше о своей судьбе, чем о еде.

Я был до конца уверен в том, что, когда сегодня наступит ночь, я не буду выполнять волю Урсилы. Остаться бы здесь, подальше от замка. Одного воспоминания о той волнующей ночи, когда я впервые одел пояс, было вполне достаточно, чтобы ждать ее повторения. Однако, если меня не будет в замке, моя мать может организовать мои поиски. Будет лучше, если то, что я собираюсь сделать, останется незамеченным для посторонних. Хотя вполне возможно, что за мной уже наблюдают.

Я сидел в тени, среди дремотной тишины сада, мне вдруг захотелось спать. Жирные пчелы собирали урожай с таким же упорством, с каким мы работали последние недели, летая с тяжелым грузом от цветка к цветку; пели птицы. В этом уюлке покоя было трудно думать об интригах и опасностях.

Вдруг я ощутил что-то необычное: чувства мои обострились, как никогда. Цветовая гамма вокруг меня стала ярче, очертания растений и цветов — отчетливее, запахи — богаче, а слух — острее. Я почему-то сразу же поверил в это.

Мне необходимо было побыть наедине с растениями, которые окружали меня. Соскользнув со скамейки, я встал на траве на колени, прошелся так, будто расчесывал травинки пальцами ног, как шкуру огромного спокойного зверя, сонного и умиротворенного. Я склонил голову к самой земле, чтобы вдохнуть нежный, волнующий аромат мелких цветов, колокольчиками свисающих с тонких, как ниточка, стеблей, и дрожавших в воздухе, потревоженном моим дви-

жением. Чудо, произошедшее со мной, изумляло, и я забыл обо всех неприятностях и только радовался тому, что нахожусь здесь, в этом райском уголке.

Подобное состояние не могло длиться долго. По мере того, как восприятие мира притуплялось, старые сомнения и проблемы моей жизни охватили меня сильнее, чем до сих пор. В этом уголке покоя я чувствовал себя дерзким пришельцем, и я ушел оттуда.

Праздника, к которому мы привыкли, не было, состоялась лишь общая трапеза. Сидя за столом, я переводил взгляд с одного лица на другое, замечая каждый, самый мимолетный взгляд, любое изменение выражения лица, чтобы узнать, что происходит. Кое-где слышался смех, раздавались тосты и здравницы щедрому урожаю. Но все равно, весь этот шум и гам были неестественными, голоса казались приглушенными, как будто собравшиеся за столом изо всех сил пытались погромче шуметь, может быть, для того, чтобы заглушить свои мысли.

Ел я умеренно, с осторожностью. Когда мне предлагали присоединиться к тосту, я в глубине души благодарил непрозрачный металл, из которого был сделан мой кубок, — он надежно скрывал неуменишавшееся количество сидра. Иногда я ухитрялся незаметно вылить его в красивую большую вазу с цветами, стоявшую у меня за спиной.

Урсилы не было видно. Моя мать сидела напротив леди Эддрис, Тэни расположилась среди незамужних девушек, которые по традиции сидели за отдельным столом. Я чувствовал, что Могус время от времени поглядывает на меня. Но после того, что я испытал, я уже не боялся его взглядов. Я знал, что его ненависть будет открытой, и он не будет прятаться, если решит помешать мне.

Обед закончился рано. Для песен и танцев не было настроения. Во время застолья лорд Эрак, сидевший за столом, в мыслях был где-то далеко. Время от времени он что-то шептал Герджилу, становясь все угрюмее после каждого обмена мыслями.

Во мне росло напряжение. Мне страшно хотелось вновь быть самим собой: убежать из замка и не видеть его обитателей, мчаться во весь дух в поисках свободы, которой я жаждал. Все труднее становилось мне контролировать свое напряжение. Я незаметно вышел из-за стола и пошел к себе в комнату, дорогу к которой я знал гораздо лучше, чем дорогу из замка, где любой мог увидеть меня.

Пробыв недолго там, я решил, что пришло время выйти из замка. Я случайно дотронулся до пояса и вдруг обнаружил, что он торчит из-под рубашки. Да, на меня, наверное,

наложили заклинание глупого поведения. Но ведь как легко с его помощью подчинить меня. Неужели Урсила сделала так, чтобы я выставил на всеобщее обозрение свою святую, без всяких предосторожностей?

Я ходил по комнате взад-вперед. Прохладный воздух из окна не проникал сюда. Лишь стены вокруг меня излучали тепло. Когда поднялась луна и осветила все вокруг, я пылал, я задыхался от жары.

Я разорвал на себе одежды, срывая ненужную ткань, пока на мне не остался только пояс. Я посмотрел на него. Пряжка из гиацинта сверкала так, будто она жадно впитывала жар, который я ощущал, и использовала его для превращения в собственную энергию.

Камень ослепил меня и...

Я поднял голову. Мое положение показалось мне неудобным. Я мог смотреть только под углом. Но что это? Я стоял на четвереньках — нет! У меня было четыре лапы и тело, покрытое светло-золотистой шерстью. Мой хвост слегка подергивался при неосознанном сокращении мышц. Я и не знал, что он у меня есть. Я открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвалось какое-то полурывание, полувой.

На дальней стене комнаты висел отполированный щит, которым в военное время пользовались как щитом, а в мирное — как зеркалом. Я подошел к нему и увидел в нем изображение леопарда.

Через одно-два мгновения я уже не испытывал ни страха, ни ужаса. Наоборот, я поднял высоко голову и ощутил счастье и радость от своего нового тела. Почему люди с таким ужасом думают о перевоплощениях? В своем невежестве они не понимают, насколько обогащает того, кто испытал это, новое знание и мудрость, не человеческая, звериная.

Я гордился своими мышцами, стремительным изгибом своих движений, когда крался вдоль комнаты. Я был настолько поглощен этим чудесным превращением, что не услышал, как открылась дверь. Только когда свет лампы стал ярче лунного света, я резко повернулся и зарычал.

И как раз вовремя, чтобы увидеть Могуса с обнаженным мечом. Он хотел, чтобы я напал на него и погиб от меча. Но, несмотря на мой новый облик, разум во мне присутствовал. Нет, я не буду играть в игру, которую задумал мой кузен. Он был не один. Тэни, одетая в темный плащ с наполовину сползшим капюшоном, стояла у него за спиной.

Ее лицо перекошилось от брезгливости.

— Убей его! — ее резкий шепот громким выстрелом прозвучал для меня.

Могус покачал головой.

— Нет, он должен сам напасть на меня: всем слишком хорошо известно о моей ненависти к нему. Никто не должен говорить, что я пролил кровь, чтобы получить наследство. Но то, что ты видишь, — правда. Он — оборотень. Нам стоит только рассказать об этом, и люди в их теперешнем состоянии, с ужасом ожидающие прихода сил Тьмы, сами убьют его для нас.

Он двинулся назад, держа меч наготове. Дверь закрылась, и я услышал стук запираемого снаружи засова. Я стал пленником.

О ДРЕВНЕЙ ОХОТЕ И НАПАДЕНИИ СВЕРХУ

На какой-то момент зверь во мне взял верх, и я бросился к двери, ударившись о нее с огромной силой. Подпорка Могуса выдержала. Я услышал свое собственное рычание. Этот звук помог мне обуздать зверя в себе. Что замышлял против меня мой кузен, я не знал. Вероятно, это будет очень опасно для меня, я могу даже умереть.

Недолго я восхищался своим новым телом. Теперь мне хотелось расстаться с ним и вернуть свой прежний облик, который мне всегда принадлежал. Но я не знал ни заклинаний, ни каких-либо других средств для обратного превращения. С грустью я понял, как правы были Урсила и моя мать, не доверяя поясу. Моя мать назвала меня глупцом. В теперешнем, практически безнадежном положении я называл себя более грубыми и обидными словами.

То, что произошло, было до обидного простым. Как-то, возможно, через торговца Ибикуса, леди Элдрис узнала тайну пояса и сделала так, чтобы он попал в мои руки. Таким образом она хотела убрать меня с дороги, очистив ее для своего любимца. Я прекрасно осознавал, что оборотни в Кланах пользуются дурной славой. Их считают чужими из-за общения с лесными людьми, полукровками и гибридами, которым чистокровные люди никогда не доверяли.

Люди замка сейчас настолько напряжены ожиданием чего-то неизвестного, совершенно лишившего их покоя, что они могут поступить со мной так, как они давным-давно поступили с сыном леди Элдрис, полуоборотнем, — его отправили в изгнание. Моя судьба будет хуже: у меня не было ни отца-оборотня, которого я мог бы найти, ни жилища, где я мог бы поселиться.

Пояс! Я нагнул голову и посмотрел на свое заросшее шерстью тело. Несмотря на то, что я был зверем, пояс был

на месте. Я не видел его меховой части: он сливался с моей шерстью. Но гиацинтовая голова сверкала чисто и ярко. Что если попробовать снять его? Может, я опять стану человеком?

Я зацепился за пряжку когтями передней лапы, я рвал, тянул и толкал, как только мог, — она оставалась плотно закрытой. Окно? Смогу ли я выпрыгнуть из окна, найти укромное место и спрятаться там до захода Луны? Сведения о том, что полная Луна способствует превращениям, я почерпнул из древних Хроник.

Я встал на задние лапы, поставив передние на подоконник, вытянул голову и плечи вперед и глянул вниз. Моя комната была на втором этаже башни, стена подо мной была отвесной, ни единой опоры. Я еще недостаточно привык к своему новому телу, чтобы осмелиться на такой прыжок. Пока я так стоял возле окна, я вдруг услышал у двери слабый звук.

Мне понадобилось одно мгновение, чтобы встать на четыре лапы, приблизиться к двери и прислушаться. Я не был уверен, действительно ли я слышал звук отпираемых засовов.

Если я уже не заперт, то кто открыл дверь? Могус, стремясь выманить меня отсюда с темной целью? Или у меня появился друг, который хотел помешать планам моего кузена?

Я приподнял переднюю лапу, выпустил когти и зацепил ими дверь. Медленно я потянул ее на себя. Та поддалась и немного сдвинулась с места. Дверь была не заперта. Убедившись в этом, я замер и прислушался. Я был совершенно уверен в том, что слух, которым я обладал, был острее слуха любого из людей. Воздух, который я вдыхал, также был насыщен таким богатством ароматов, которого я раньше никогда не чувствовал.

Нигде не было слышно ни звука. Я не слышал ни намека на дыхание того, кто приготовился напасть на меня, когда я буду выходить. Я стоял перед выбором: оставаться в комнате и положиться на милость Могуса или убежать — если я смогу убежать — и встретиться с ним позже, когда я сам буду ставить условия.

Весы склонились в пользу второго решения. Я опять приблизился к двери и потянул на себя. На этот раз с большей силой, чем раньше. Дверь широко распахнулась. В коридоре не было света, но я неплохо видел в темноте: сказывалось влияние леопарда. Я уже продумал, что буду делать. В этих каменных стенах был лишь один человек, который мог мне помочь (не ради меня, а ради своей собственной выгоды) — Урсила. Изучавшая древние руны, она,

несомненно, должна знать, как избавить меня от моего нового облика, или, по крайней мере, спрячет меня, пока не произойдет естественное перевоплощение. Тогда, в свою очередь, я должен буду подчиниться ей и отдать мой заколдованный пояс. Когда это произойдет, Могус ничего не сможет доказать, и тем более сделать.

Я бесшумно выскользнул из комнаты. На лестнице я почувствовал сильный запах человека, и вместе с ним другой запах, который вызвал у меня неосознанный гнев, — запах собаки. Но я никого не видел и не слышал. Кто бы ни освободил меня из ловушки, в которую превратилась моя комната, он не опоздал. Пергвин? Как он мог узнать — разве что Могус открыто обсуждал свои планы.

Неслышно ступая, я спустился вниз по лестнице. Перед мной была другая дверь, также запертая. Запор был с моей стороны. Я встал на задние лапы, передние поставил на дверь, подsunул морду под засов и начал неуклюже толкать.

Вначале металл сопротивлялся, затем со скрипом, прозвучавшим в тишине как удар грома, сдвинулся с места. Я остановился и прислушался, подозрения переполняли меня. Что если Могус устроил все это, чтобы выманить меня во двор? Все смогут увидеть, что со мной произошло еще до того, как я найду Урсилу. Но разве у меня был выбор? Что-то в моей натуре не позволяло мне послушно прятаться в комнате и ждать, пока меня разоблачат.

В конце концов я справился с засовом, открыл дверь и выскочил во двор. Там я стремительно метнулся в ближайшую тень, чтобы прислушаться и принюхаться.

Лошади, собаки, люди — запахи сильные, но знакомые. Я знал их, когда еще был человеком. Одновременно я уловил и незнакомые запахи. Несмотря на настоятельное желание избавиться от пояса, во мне росло приятное волнение и ни с чем не сравнимое ощущение свободы. С большим трудом я смог обуздать эти чувства и до конца осознать, что будущая свобода зависела от того, смогу ли я освободиться от пояса и облика, который он мне подарил.

Я внимательно осмотрел башню Дам. Входная дверь, должно быть, заперта изнутри. Вдруг я вспомнил о Тэни. Если она тайно покинула башню, то, возможно, оставила дверь незапертой до своего возвращения. Нет, я не мог надеяться на это. Вдали чернела внешняя стена замка. Может, мне стоило бы забраться туда? Вполне возможно, что сверху я смогу заглянуть в окно моей матери, выходящее на эту сторону. Я не видел другого выхода.

Но, чтобы подняться на стену, мне нужно пройти через комнату для охранников и затем подняться по лестнице до

верхней площадки. Во дворе стояла какая-то неестественная тишина, и это меня беспокоило.

Чтобы добраться до комнаты охраны, мне нужно было пройти мимо конюшни и загона для охотничьих собак. Зная, как остро я сам ощущаю запахи других животных, я вдруг понял, что лошади и собаки обязательно учуют леопарда, проходящего неподалеку. А вслед за этим во дворе поднимется страшный шум и суматоха.

Но мне нельзя было оставаться на месте. Я начал скрытно двигаться к выбранной цели. Но так и не смог добраться до конюшни.

Громкий шум собак вдруг взорвал тишину ночи, как будто небо разверзлось над головой. В лунном свете появилась стая моего дяди, который часто хвастался, что они не испугаются даже встречи со снежным котом. Собаки громко лаяли, но не сбивались в стаю, чтобы напасть на меня. Страх и злость, вызванные их вмешательством, наполнили меня, моя человеческая сущность отошла на задний план, предоставив свободу зверю.

Я прыгнул, когти мои обнажились. Собаки, сбившись в кучу, продолжали лаять. Сейчас и лошади в конюшне почувствовали мой запах и, казалось, совсем обезумели. Их дикое ржание становилось все громче и громче. Закричали люди, выбегая во двор. Стрела, пущенная из арбалета, просвистела поблизости.

Собаки находились между мной и воротами. Если мне не удастся миновать их, я погиб. Во дворе почти не было темных мест, где я мог бы спрятаться, да и собаки найдут меня в любом укрытии. Самый крупный из них, вожак стаи Ферванг, стоял сейчас между мной и воротами. Он один в этой беснующейся и рычащей своре, казалось, был готов к схватке со мной. Он приближался ко мне, глаза его горели красным огнем, зубы обнажились в боевом оскале, хотя он не издал ни звука. Зверь, оживший во мне, знал, что, пока другие собаки дрожали от страха, он жаждал только схватки.

Я подготовился к прыжку, мой хвост дрожал от напряжения, и я взлетел вверх. Прыжок перенес меня над собакой, которая угрожала мне. Не останавливаясь, огромными прыжками я помчался к воротам, стремясь оказаться подальше от своих врагов. Только за ними меня ожидала свобода.

Собаки, осмелевшие после моего бегства, громко лаяли. Я знал, что Ферванг будет первым среди моих преследователей. Отовсюду слышались крики людей. Над моей головой пронеслась горящая стрела. Упав в поле, она подожгла оставшуюся там солому.

Стрела стала ответом на вопрос, попал я в ловушку, расставленную мне, или нет. Кто-то заранее отвязал собак, подготовил эту стрелу и все остальные, пронесившиеся в воздухе и нацеленные в меня. Меня не просто предали, превратив в леопарда, но и, в довершение всего, организовали на меня охоту. Если меня убьют во время этой охоты, тот, кто все это задумал, поклянется, что принял меня за настоящего леопарда, в облике которого я был. Я понял, что Могус решил навсегда от меня избавиться.

Ослепленный, я мчался дальше и дальше, надеясь ускользнуть от собак и охотников. В том, что они появятся, я уже ни минуты не сомневался. Опять мой разум смог подчинить себе испуганного зверя. Мне нужно было отделаться от охотников и найти подходящее укрытие, чтобы дожидаться прихода дня, когда колдовские чары будут разрушены. Необходимо было что-то придумать, я не мог просто убежать от преследователей.

Никогда в своей жизни я не участвовал в охоте. Неприязнь лошадей и собак не позволила мне изучить это «искусство», которое считалось обязательным для каждого мужчины. У меня не было знаний, которые помогли бы мне. А что, если... я совершенно сознательно уступаю первенство своей звериной натуре? Могу ли я сделать это? Мне очень не хотелось, но страх смерти поставил меня перед горьким, но неизбежным выбором. Я старался изгнать из себя человека, и оказалось, что это очень просто делается.

То, что произошло затем, я воспринимал как посторонний наблюдатель своих собственных поступков. Разделение, произошедшее во мне, трудно передать словами для тех, кто этого не пережил. И леопард остался жив и, я думаю, спас меня от того, что задумал Могус.

Я бежал гораздо быстрее всадников, но хорошо слышал их крики и даже звук охотничьего рожка в замке. Если сейчас на землю упадет горящая стрела, она останется далеко позади. Я уже миновал поля и добрался до леса.

Вцепившись когтями в мягкую кору, я взлетел на первое достаточно массивное дерево. Само по себе оно не укрытие. Собакам нужно только собраться внизу, и они отрежут мне путь к отступлению и задержат до появления охотников. Вокруг было много огромных деревьев с крепкими нижними ветвями, казалось, что по ним вполне можно передвигаться. Я долго готовился к первому прыжку, затем прыгнул. Долго летел в воздухе и, наконец, зацепился за нужную ветку одной лапой. Вскрабкавшись на нее, я приготовился ко второму прыжку.

Я совершил четыре прыжка, стремясь запутать своих преследователей. С пятого дерева прыгать было некуда. Я только мог попытаться прыгнуть как можно дальше в кустарник.

Полоса леса, достаточно узкая, тянулась далеко на север, приближаясь к Горной стране; люди из Кланов там обычно не появляются. Я знал, что там жили другие племена, некоторым из них мои преследователи могли передать известие о моем появлении. Другие племена были такими, что мне не хотелось встречаться с ними ни в зверином, ни в человеческом облике. Найти бы укромное место и спрятаться там до рассвета, и я был бы уверен, что мой побег удался. Заглядывать дальше в будущее я не осмеливался.

Лай собак затихал вдали. Возможно, мне удалось обмануть их, взобравшись на дерево. Скорее всего, они струдились под деревом, на которое я забрался в самом начале. Я уже не мчался изо всех сил, а замедлил движение.

Справа я услышал звук журчащей воды. Возможно, это был тот самый ручей, к которому я приходил во время своей первой ночной вылазки с поясом. Я свернул к воде. Луна здесь светила всюю. Я видел все ясно и отчетливо — человек так видит только днем.

Войдя в воду, я инстинктивно зашипел. Вода доходила до плеч; мне не понравилось ощущение мокрой шерсти, но я заставил себя двигаться вверх по течению. Не знаю, как далеко я ушел таким образом. Я дошел до места, где начинались горы, изрезанные широкими расщелинами, которые показались мне вполне пригодными для укрытия. Луна опустилась к горизонту. Пока я вышел победителем. Мне оставалось лишь дожидаться утра и...

Вся моя осторожность и хитрость оказались напрасными. В воздухе надо мной послышался звук крыльев. Затем эти крылья начали бить меня по голове и плечам. Боль пронзила мое тело, когда огромный ястреб вонзил когти и клюв мне в спину, как раз над поясом. Я бросился вниз и покатился по траве, отбиваясь от птицы, потрясенный внезапностью нападения. Я не знал, как с ней справиться. Пока я отбивался, шипя, как любой разъяренный кот, ястреб, схватив то, что ему было нужно, стал подниматься вверх. Мой последний безумный прыжок был слишком низким, а птица по спирали продолжала набирать высоту. В когтях у нее был мой пояс, он слегка покачивался, пряжка его была застегнута, сзади он был разорван на две части.

Я вполз на камень. Рваные раны, оставленные у меня на спине после безжалостного нападения птицы, наполнились болью. Меня охватил страх, что я потерял пояс и буду вы-

нужден оставаться леопардом. Если бы я хоть что-то знал о перевоплощениях! А почему ястреб?..

Птица не могла служить Могусу. Обычный ястреб-охотник не мог быть обучен этому. Нет, это был какой-то неизвестный и вызывающий ужас враг из леса. Неожиданная мысль мелькнула у меня. Урсила?

Я не знал широты познаний Урсилы, но был твердо уверен, что она могла это сделать. Она могла совершить подобное — этого нельзя отрицать. Я даже начал сомневаться, настоящий ли это был ястреб. Широко известно, что Мудрейшие могут заставить другие существа служить себе. Но ничего подобного в прошлом не происходило.

Значит, пояс мог попасть к Урсиле. Глубоко потрясенный, но не напуганный, я осмотрелся и, выбрав самую большую расщелину, вполз в нее.

Как всякий кот, я начал облизывать свою шерсть, стараясь дотянуться приносящим облегчение языком до царапин, оставленных у меня на спине нападавшим. Затем я вытянулся во всю длину, опустил голову на лапы. Ночь и погоня были длинными, мое тело требовало сна и отдыха. Отдых! Я не мог больше сопротивляться.

Думаю, я все же ожидал, что, проснувшись, обнаружу вокруг себя охотников. Я также надеялся, что к тому времени вновь стану человеком. Солнце, проникнув в расщелину, заставило меня открыть глаза, и я узнал горькую правду — я по-прежнему был леопардом. Осознав это, я испытал всю глубину отчаяния и страха. Впервые я испытал эти чувства, увидев, как ястреб взлетает ввысь с моим разорванным поясом. У меня был теперь только один облик, облик леопарда, и не было никакой возможности избавиться от него.

Проснулся я также с чувством голода, которое может испытывать только зверь, и настоящей потребностью успокоить ноющий желудок. Если я хотел выжить, я должен позволить животным инстинктам подавить человеческие чувства. Этот инстинкт привел меня на берег реки, в которой плескалась рыба. Увидев ее, слюна наполнила мой рот и начала капать на землю. Я нагнулся, поднял лапу, быстрое движение — и рыба трепещется на траве передо мной. При этом я испытывал огромное удовлетворение от своей сноровки. Мои челюсти сомкнулись, и я жадно проглотил добычу, едва распробовав.

Другая рыба скрылась, ловить было нечего. Я пошел вдоль ручья, мимо скал, предпринял вторую попытку и — промахнулся. Третья попытка принесла мне небывалую добычу — рыбу, вдвое большую, чем первая. Покончив с ней, я присел на задние лапы, чтобы осмотреться.

Я не знал, где точно находился, знал только, что в Лесной стране. Мне было неизвестно даже, в каком направлении был замок. Я мог пойти вниз по течению ручья, вдоль которого шел вчера, и поискать там. Но я не сомневался, что встречу там Могуса и охотников. Пока обитатели замка не закончат охоту, мне нельзя было возвращаться. Но совершенно необходимо узнать, действительно ли ястреб служил Урсиле, и она ли поймала меня в ловушку, более страшную, чем моя комната, превратив меня в леопарда и отобрав средство для обратного превращения.

Конечно же, жителей Лесов, дружественных Клану, попросят сообщить, если они заметят меня. Я знал, что леопард очень редко встречается так далеко на севере, обычно они живут в Юго-Западной пустыне. Вдруг я ощутил чей-то взгляд. Мысль об этом отбросила меня назад в скалы, в расщелину. Я ненавидел себя за этот страх. Но осторожность тоже оружие, когда нет другого. Я сыт, и мне стоит пробыть здесь до вечера, не показываясь никому на глаза. Большие кошки — ночные животные; и, может быть, окруженное тьмой, мое ночное появление в этих лесах будет нескоро замечено.

Мысли по-прежнему беспокоили меня, и я мало спал в тот день. Я видел, как два маленьких лесных оленя купались в ручье. Животная моя часть тут же отметила возможность поесть свежего мяса, а человек любовался грациозностью их движений, желая им всего хорошего.

Человек был жив во мне... Эта мысль вызвала во мне дикий и всепоглощающий ужас. Меня спрятали в тело леопарда. Как долго в нем сможет существовать мой человеческий разум? Возможно, аппетит и другие желания леопарда будут становиться все сильнее со временем, пока окончательно не вытеснят человеческую натуру Кетана. Останется только кот, чтобы убивать и быть убитым, если его враги смогут это сделать.

Урсила смогла бы спасти меня, только бы добраться до нее. За эту сделку придется заплатить страшную цену. И...

Другая мысль пришла на смену первой. Стоит ли платить такую цену? Может, лучше навсегда остаться леопардом, чем полностью подчиниться Урсиле и моей матери? Перестать быть хозяином своей судьбы, подчиняясь их поведеньям, как подчиняются им лошади-тяжеловозы, не имеющие в этом мире иной участи, кроме как таскать телеги, исполняя долгие годы желания людей, которые о них совсем не думают?

Нельзя сказать, чтобы мне совсем не нравилось чувство свободы, охватившее меня после того, как я обманул своих преследователей. Быть слугой, рабом — нет! Моя животная

сущность сопротивлялась этому. Лучше уж умереть, чем попасть в сети Мудрейшей! И все же — если бы мне удалось получить пояс без всякой сделки?

Думать об этом было просто глупо. Я не был достойным противником Урсилы, опытной Мудрейшей. Как я мог даже думать о победе над ней.

Мудрейшая!

Я приподнял с лап голову. Стремительное движение вызвало острую боль в ссадинах, оставленных когтями ястреба.

В Арвоне жили и другие Мудрейшие. А были еще представители Высшей Расы — те, кто умел колдовать. Такие люди должны были быть и здесь, в лесу. Они могли плохо относиться к обычным людям, но их можно было обхитрить и вынудить поделиться частью их знаний.

Эту дикую мысль вряд ли удастся воплотить в реальность. Но она полностью завладела мной. Волнение, порожденное поясом, также способствовало этому.

О ДЕВУШКЕ В ЛЕСУ И ЗВЕЗДНОЙ БАШНЕ

Мне удалось немного поспать до сумерек. Проснувшись, я опять почувствовал голод. Я довольно далеко прошел вдоль ручья, пытаясь вновь поймать рыбу, но все было безуспешно. Либо мой утренний успех был вызван участием сжалившейся надо мной Фортуны, либо рыбы предупредили своих сородичей об опасности. Второе вряд ли было возможно за такое короткое время.

Я должен был поест. Пища, которая годилась мне в человеческом облике — ягоды, растения, — теперь меня не устраивала. Мне нужно было мясо. Моя звериная суть, гонимая голодом, заставляла меня отправиться на настоящую охоту.

Я по-прежнему шел вдоль реки, когда сильный запах вдруг обострил все мои звериные инстинкты. Это было мясо, на копытах и не очень далеко. Как и во время бегства из замка, звериные инстинкты полностью овладели мной. Я был только леопардом, не человеком.

В два прыжка я взлетел на вершину каменной гряды. Легкий ветер, наполненный сильным запахом предназначенной мне жертвы, обдувал меня. Мои глаза, лучше приспособленные к сумеркам, чем человеческие, тут же заметили что-то, что фыркало, хрюкало, сопело и рылось в земле. Семья диких кабанов во главе с устрашающих размеров кабаном двигалась к реке...

Даже леопард заколебался, стоит ли бросать вызов столь мощному противнику. Кабан заслуженно считался одним

из самых сильных обитателей леса. Его боялись даже те, кто не избегали битвы со снежным котом. Клыки кабана были острыми, как бритва. Они в полной мере обладали звериной хитростью, которой пользовались обычно, уходя от преследователей. Было известно, что порой, уходя от погони, они возвращались и нападали из засады на любого охотника, имевшего глупость охотиться на них на их собственной территории.

Неожиданность нападения станет моим лучшим оружием. Я, крадучись, совершенно бесшумно двигался вдоль камня, приближаясь к кабанам. Молодые поросята и даже свинья были бы более лакомой добычей, но я знал, что должен напасть на кабана, потому что, обезвредив или убив его, я устранял самого сильного противника. Мои мышцы напряглись перед прыжком.

Свинья с поросятами и двумя более взрослыми подсвинками фыркали в некотором отдалении. Кабан взрывал землю клыками, как будто искал лакомство, которое он унюхал на глубине.

Я выпрыгнул без единого звука. Точно приземлившись, я опрокинул это сильно пахнущее животное своим весом на землю. Мои челюсти совершили одно, но очень мощное движение, затем я ударил его лапой, вложив в удар все свои силы. Кабан лежал неподвижно с переломанной шеей, умер он мгновенно.

В этот миг я услышал громкое сопение и приподнял голову, издав свой собственный угрожающий рык. Передо мной монолитом возвышалась свинья, ее малыши прятались за ней. Ярость отчетливо отражалась в каждой линии ее туши.

Я зарычал вторично и взглянул в ее небольшие красные глаза. Неужели она осмелится напасть? Хотя она и не обладает силой самца, но способна самозабвенно сразиться с любым врагом, что обычно заставляло противника не спешить с нападением. Я принял боевую стойку, готовясь дать отпор в случае нападения.

Поросята пищали, издавая тонкие, неприятные звуки, оба подсвинка рыли землю. Но они не двигались с места, будто ожидая им одним понятного приказа от матери.

Свинья не сдвинулась с места, и я понял, что она защищала свое потомство. Я вцепился зубами в свою законную добычу и медленно потащил ее, удаляясь от них, почти не глядя на свинью. Она продолжала хрюкать, опустив голову, и рыла плотную землю клыками меньших размеров. Несмотря на бурлящую ярость, она не тронулась с места.

Наконец, она подняла свою тяжелую голову, фыркнула в последний раз и побежала прочь со скоростью, просто не-

обычной для кабанов. Подгоняя малышей перед собой, сопровождаемая по бокам подсвинками, она уводила свое семейство. Я остался один со своей добычей, втащил ее на вершину скалы и там утолил голод, отключив свою мыслящую часть и предоставив полную свободу зверю.

Прежде чем я закончил трапезу, я услышал шуршание прибывших стервятников, питающихся падалью, привлеченных запахом моего пиршества. Они собирались на безопасном расстоянии. Когда я уйду, они бросятся сюда, чтобы в драке вырвать себе оставшийся кусок мяса, пока среди камней не останутся только полностью обглоданные кости.

Я утолил голод, теперь мне нужно было напиться, только подальше отсюда, чтобы не встретиться со свиньей и поросятами. Я уже встречался с ней лицом к лицу, но если встречу еще раз, и ей покажется, что я угрожаю ее потомству, я буду втянут в битву, исход которой виделся мне в мрачных тонах. Опять Фортуна улыбнулась мне — я быстро и уверенно справился со своим противником, а сам совсем не пострадал. Не имеет смысла испытывать ее слишком часто.

Луна медленно поднималась в небе. Ее отражение еще не блестело в воде, когда я, жадно напившись, сидел на берегу, вылизывая свой мех. Голод и жажда прошли — моя звериная сущность удовлетворена. Я был готов к тому, чтобы вновь пытаться обдумать свое положение.

Казалось совершенно нереальным и практически неосуществимым найти Мудрейшую в этом лесу, чтобы она согласилась помочь мне. Но я пока не собирался возвращаться в окрестности замка, где меня, без всякого сомнения, ожидали Могус и охотники. Или моя мать и Урсила оказали на него сильное давление, вынудив отказаться от своего плана избавиться от меня? У меня не было возможности узнать, что там происходит. Лучше подумать о том, что ожидает меня здесь.

Пока я шел вдоль реки, мои уши и глаза докладывали мне обо всем, что они видят и слышат. Я прислушивался к движению в ветвях деревьев, изучал новые для себя запахи. Ночные бабочки с огромными крыльями порхали над водой, поедая мелких насекомых, которые поднимались из зарослей тростника. Время от времени другой крылатый хищник выбирал уже бабочек в качестве добычи. Земля, вода, воздух передо мной кишели жизнью, о которой раньше, будучи человеком, я и не подозревал.

У меня не было других ориентиров, и я решил двигаться вдоль ручья. То там, то здесь были видны следы животных, приходивших к ручью на водопой. Может, мне имело смысл найти животных, служивших людям или им подобным, и

через них сблизиться с их хозяевами. Я был вынужден зацепиться за эту сомнительную надежду.

Я уловил много запахов, пока шел. Но все они, как сообщила мне моя звериная половина, принадлежали животным. Если бы мне удалось попасть на территорию, где жили лесные племена, я бы не узнал об этом даже при помощи моих более острых чувств — я ведь не знал их запаха. Я уже начал впадать в отчаяние, что никогда больше не встречу мыслящее существо, которое смогло бы понять меня и мои проблемы.

Когда моя надежда упала до самого низкого уровня и почти совсем исчезла, я вдруг услышал негромкую музыку, звучавшую из леса. Звуки, высокие и низкие, сменяющиеся в определенном ритме, очень похожие на пение, привлекли мое внимание.

Я поднял голову так высоко, как только мог, вызывая этим острую боль в ранах, оставленных когтями ястреба на моей спине, и припнулся к ночному воздуху. Человек! Передо мной был один из тех, кем был и я, прежде чем был заколдован с помощью пояса и превращен в леопарда. Любый человек, выбравший лес местом своего жительства, обязательно обладает колдовскими способностями.

Я шел среди деревьев, пение становилось все громче и громче. Теперь я мог уже разобрать и слова, но я не понимал их. Это были слова заклинания, от которых я весь задрожал, такое влияние они на меня оказали. Никто не мог пройти неподалеку от места, где творилось колдовство, не почувствовав его воздействия.

Наконец, стараясь остаться незаметным, я добрался до упавшего дерева и выглянул на поляну, где луна ярко освещала огромную глыбу сверкающего и переливающегося кварца, очень похожего на драгоценный камень. Свет Луны, преломлявшийся в нем, заставлял его светиться изнутри. Этот огонь освещал всю поляну, испуская теплые лучи.

У его подножия, окружая его со всех сторон, росло много цветов. Каждый из них был увенчан единственным серебристо-белым соцветием, в котором отражалась миниатюрная Луна. В ее свете цветы раскрывали свои лепестки, как будто жаждали ее света. Они издавали слабый аромат, свежий, как дуновение весеннего ветерка, несмотря на то, что стояла осень.

Из-за освещенного изнутри камня вышла та, чье пение я слышал. В руках у нее была широкая неглубокая корзина, куда она собирала распутившиеся головки цветов, аккуратно срывая их. Выбрав нужный ей цветок, она начинала петь.

В свете Луны ее тело было таким же серебристо-белым, как цветы, которые она собирала. Ее единственным одеянием был пояс, охватывающий тонкую талию. С пояса свешивалась короткая бахрома юбки, издававшая мягкий, еле слышный звон при каждом движении. Она состояла из множества серебряных полумесяцев, соединенных в цепочки.

Между маленькими юными грудями висел символ Луны, вырезанный, наверное, из того камня, вокруг которого она ходила. Длинные темные волосы девушки были перевязаны серебряной лентой у изгиба шеи и спускались ниже серебряной юбки расчесанными волнами.

Я никогда не видел ничего подобного у лесных людей. Мой нюх леопарда подсказывал мне, что это человек. Но ни одна девушка Кланов не стала бы гулять ночью в лесу, выполняя под действием колдовских сил какой-то странный ритуал в свете Луны. Она, наверное, Мудрейшая. Но она отличалась от Урсилы, как свежая утренняя заря от пыльных вечерних сумерек.

Девушка обошла вокруг сверкающего камня еще три раза, срывая головки цветов, пока корзина не наполнилась доверху. Затем она взяла корзину обеими руками, стоя вполоборота ко мне, высоко подняла ее и, глядя на Луну, громко запела. Казалось, она благодарила Луну за то, что ей удалось сделать.

Была ли она красивой? Я не знаю и не могу судить об этом с точки зрения стандартов Клана. Что-то во мне стремилось освободиться от звериного заклатья. Когда я смотрел на незнакомку, я чувствовал себя человеком, мужчиной, очарованным самыми прекрасными чертами, присущими женщине.

Ее колдовские способности были настолько сильными и так на меня действовали, что я, не рассуждая, встал и направился на поляну, освещенную лунным светом, забыв о своем теперешнем облике и обо всем остальном. Она опустила корзину и смотрела прямо на меня. В ее лице был испуг.

Ко мне вернулось ощущение реальности, которое заставило меня вернуться в укрытие. Девушка взяла корзину одной рукой, а другой стала рисовать в воздухе какие-то знаки. Я думаю, для защиты и распознавания противника.

Я увидел в воздухе какой-то рисунок, он горел как пламя факела какое-то мгновение. Она громко заговорила, как будто спрашивая меня о чем-то. Но слова были непонятными и какими-то странными.

Мне не удалось ответить так, как она этого ожидала, и, казалось, я в чем-то убедил ее. Она стала рисовать знаки

опять, как будто хотела удостовериться, что в первый раз сделала все правильно. Затем, когда рисунок исчез, девушка заговорила опять, на этот раз на языке Кланов.

— Кто ты, ночной путник?

Я попытался произнести свое имя. Но вместо этого из моей звериной пасти вырвался странный гортанный крик.

Теперь она показывала на меня двумя пальцами и говорила другие колдовские слова, напряженно глядя на меня в это время.

Я вновь попытался заговорить. Но, к своему изумлению, вдруг обнаружил, что не могу пошевелить ни языком, ни губами. Незнакомка наложила на меня какое-то заклинание. Она больше не смотрела в мою сторону и, кажется, была уверена в том, что я воздержусь от вмешательства в ее дела. Она пошла к краю поляны, поставила там ненадолго корзину на землю, чтобы одеть накидку с капюшоном, которая полностью скрывала ее. Из серебристо-белой она в мгновение ока превратилась в серую тень.

Девушка подняла корзину и растаяла между деревьями. Мне хотелось плакать, как человеку, потерявшему последнюю надежду, или выть, как зверю, потерявшему принадлежавшую ему по праву добычу. Но заклинание, которое она наложила на меня, не позволяло двинуть ни рукой, ни ногой, как будто меня туго спеленали.

Пока я прилагал всю свою волю и силы, чтобы освободиться, чары начали ослабевать. И вскоре я мог уже шевелиться, но очень медленно. Мои силы понемногу возвращались. Как только я был в состоянии сдвинуться с места, я направился туда, где она исчезла. Здесь я заставил свою звериную половину найти ее след.

Хотя меня сильно качало, иногда даже я ударялся о стволы деревьев, походка моя становилась все тверже и тверже. Я вынужден был идти медленно, чтобы не потерять след. Несмотря на всю остроту моего обоняния, я с трудом находил след, оставленный той, которую искал, будто она хотела обезопасить себя от поисков.

Вскоре запаха, который вел меня, не стало совсем, он растворился в сложном аромате, который окружал меня, сладковатом, немного остром и слегка пряном, подобного которому я никогда не вдыхал. Я вышел на другую поляну, во много раз больше той, где моя юная фея исполняла свой волшебный ритуал. Это была не совсем обычная лесная поляна, а, скорее, заботливо ухоженный сад.

Растения, совсем не похожие на те, что выращивали в замке, со всех сторон окружали башню. В свете Луны я увидел, что она отличается от построек замка, в которых я рос.

Башня была не круглой и не квадратной, какими обычно бывают башни, а пятиконечной, похожей на большую звезду, нарисованную на полу в личных покоях Урсилы.

Между каждой парой лучей был установлен тонкий шест, доходивший до узких окон, видневшихся на втором и третьем этажах. Эти шесты слегка светились неярким светом, который, как дымка, окружал башню. Я решил, что этот свет был формой защиты, более эффективной, чем известные в замке. Камни башни блестели в этом неярком свете, не похожие на грубые блоки башен замка. Они были сине-зеленого цвета.

В некоторых окнах был виден свет. Я заметил его, когда обходил всю башню, двигаясь вдоль опушки леса, чтобы получше рассмотреть ее. Я не сомневался, что здесь живет моя Лунная Фея. Я был уверен, что живет она не одна. Пока я дошел с того места, где впервые увидел башню, до ее противоположной стороны, я набрел на загон и конюшню рядом с ним. Они были точь-в-точь такими, которые я знал. В них не было ничего странного, в отличие от башни. В загоне паслось несколько лошадей, около двух стояли жеребята.

Должно быть, они уловили запах при моем приближении. Лошади подняли головы, а жеребец заржал. Я не подходил ближе, и он успокоился, но продолжал двигаться вдоль изгороди между мной и своим табуном. Я был очень удивлен, что другие лошади не слишком бурно реагировали на мое присутствие, в отличие от их сородичей из Клана. Они опять начали щипать траву, и даже жеребец успокоился, пока я не двинулся, но повернулся так, чтобы видеть каждое мое движение. Других признаков страха не было.

Я обошел всю поляну. В башню вел один вход с северной стороны, маленькая дверь почти не отличалась от окружающей стены и находилась между двумя лучами. Вся постройка несла на себе печать тайны — мне оставалось только уйти. Похоже, обитатели башни не стремились иметь дело с людьми.

Мне было совершенно ясно, что у них была возможность и средства, чтобы защитить свои владения. Но мы, потомки Древней Расы, всегда знали, если кто-то принадлежал к Царству Теней. Над Звездной башней не было зловония Дьявола. Я подыскал себе уютное место, чтобы отдохнуть и одновременно наблюдать за дверью.

Во мне опять зародилась надежда, правда очень слабая.

Время от времени я поглядывал на освещенное окно, которое видел со своего места, и думал, там ли живет моя Лунная Фея. Зачем она собирала Лунные цветы? Какие

заклинания она читает с их помощью? Если бы я только знал ответы на эти вопросы.

Я встал, размял затекшие лапы и вновь лег. Ночь близилась к концу. Луна уже не висела над головой, а двигалась к горизонту. Тусклый свет в окне погас. Только дымка от шестов клубилась вокруг Звездной башни.

Моя голова опустилась на лапы. Легкий ветерок овеивал меня. Пролетая через сад, он пропитался ароматом трав. Теперь я вдруг понял, что это сад, где выращиваются только травы. Сад, где знакомые растения перемешались с огромным количеством таких, названий которых я не знал. Дорожки, выложенные из гладких, обработанных водой камней, делили сад на участки и облегчали доступ к растениям разных видов.

Некоторые растения уже завяли, впад довольно рано в долгий зимний сон. Другие, наоборот, росли в полную силу, как будто приближение холодов заставляло их расти так интенсивно.

Я видел только, как Урсила произносит свои заклинания. В них она использовала травы и многое другое, что в небольших количествах покупала у странствующих торговцев. Те растения, которые она выращивала, составили бы лишь малую часть здешнего изобилия. Я видел, как Лунная Фея занималась сбором цветов. Должно быть, она занималась колдовством с помощью растений — Зеленой Магией.

Непосвященные в тайны колдовства считают, что существует только Белая и Черная Магии. Первая направлена на благо человека, вторая — Магия Великих Теней — действует во вред людям. Но посвященные в таинство так не думают. Наоборот, они утверждают, что Магия различается по-иному, и каждая ее разновидность имеет темную и светлую стороны.

Есть Красная Магия, которая имеет дело со здоровьем тела, физической силой, а также с искусством ведения боя. Второй идет Оранжевая Магия, которая занимается силой духа и верой в себя. Желтая Магия — магия разума, требующая знаний логики и философии. Ею занимаются, в основном, представители Высшей Расы.

Зеленый — цвет не только природы, растущей и плодоносящей, но также красоты и произведений искусства, создаваемых человеком. Голубая объединяет различные аспекты отношений со всякими божествами, в которых верит человек, а также составление и толкование пророчеств. Синяя связана с явлениями природы, погодой, а также предсказаниями по звездам.

Бордовая — магия, которой пользуются с особой осторожностью, потому что ее объекты — человеческие страсти

— похоть, ненависть, страх, и ее легко использовать не по назначению. Фиолетовая — магия общения с миром духов и привидений. Немногие, даже среди Высшей Расы, позволяют себе воспользоваться ею. Коричневая Магия — магия лесов, их обитателей.

Насколько мне стало известно, обитатели лесов занимаются Зеленой и Коричневой Магией. Эти виды магии олицетворяют отношения с Землей, со всем, что на ней растет и живет.

Но, насколько мне было известно, никто из обладающих колдовскими способностями не занимается какой-то одной разновидностью магии, а смешивает их для достижения поставленной цели. Но всегда может быть допущена ошибка в заклинаниях или выборе средств, необходимых для колдовства, и тогда заклинания идут во вред человеку и служат обитателям Царства Зла. Мудрейшие, выбравшие для себя этот скользкий путь, иногда достигают вершин колдовского мастерства, но в случае ошибки горько за нее расплачиваются.

Зеленая Магия этой поляны успокоила меня. Я с удовольствием вдыхал терпкий аромат трав, восхищаясь нежной правильностью сада. Если бы я смог рассказать здешним обитателям о заклинании, наложенном на меня, вполне возможно, что они смогли бы мне помочь.

Я заснул, воодушевляемый надеждой, и не видел, как предрассветные сумерки стерли неяркое свечение шестов, расположенных вокруг башни, когда дневной мир готовился к пробуждению. Я крепко держался за мысль, беспомощно проваливаясь в какой-то странный сон, что здесь я смогу найти, нет, не друзей, на такое я и не надеялся, но того, кто поймет и, быть может, предложит мне помощь...

О МОЕМ СНЕ И О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ

Я был очень далеко, в месте, чужом для представителей моего рода. Моего? Но кто я сейчас: человек или зверь? Потому что здесь я остро ощущал двойственность своей натуры, обе части которой вели между собой, не прекращая, борьбу за первенство, и то одна часть, то другая ненадолго достигали успеха.

Там, где я был, обе части, находящиеся в состоянии войны, заключили временное соглашение; и та, и другая ощущали приближающуюся угрозу... Почему я был так уверен в этом, я не знал. Моя двойственная сущность, с большим

трудом объединившаяся по этому поводу, куда-то двигалась.

В этом странном месте я передвигался не так, как обычно. Скорее, я напоминал лист, влекомый ветром, силе которого невозможно противостоять.

Ни зверь, ни человек во мне ничего не видели, вместе с тем я воспринимал происходящее вокруг меня каким-то другим чувством, которому я не мог дать названия. Я знал, что нахожусь в странном сером мире, где не было ничего постоянного, твердого, а только тени. Большинство теней, среди которых я летел, были неуклюжими и непривычными. Некоторые из них напоминали зверей, некоторые — чудовищ. Одни были в виде мужчин, другие — женщин. От них исходило ощущение сотрясающего душу страха и ужаса, я всячески уклонялся от контактов с ними.

Казалось, никто меня не замечал, как не замечали они и всех остальных. Каждый был окутан своим собственным страхом и отчаянием. Их никуда не несло, в отличие от меня, и они обреченно двигались с места на место, как будто в поисках чего-то или кого-то.

Чем дальше я летел, тем сложнее и отчетливее становились формы теней. Серые клочья тумана потемнели, стали более плотными. Они не пассивно двигались над землей, а быстро бежали, резко ускоряясь и вдруг останавливаясь. Некоторые двигались очень медленно, как будто их темные тела были очень тяжелым бременем, от которого они не могли избавиться.

Я отчетливо видел, что ожидало меня впереди, потому что там появился неяркий свет, то, что притягивало меня, хотя другие тени, казалось, ничего не замечали. У меня не было ни выбора, ни спасения. Страх во мне начал войну с ужасом, как будто две части моей натуры вновь собрались сцепиться. Но это было не так: и зверь, и человек очень боялись того, что ожидало их в освещенном месте.

Свет становился все ярче, освещая и землю, что была вокруг, не похожую на ту, что я когда-либо видел. Здесь были острые, как лезвие ножа, горы, между ними — глубокие ущелья, заполненные плотной тьмой, где таилась опасность, распознать которую я не мог.

Я не карабкался на скалы, к счастью, не спускался и в ущелье. Я видел, как некоторые тени спускались туда, их поглощала тьма, и они исчезали. Воздушный поток нес меня все дальше и дальше. На скалах что-то росло, извиваясь и выбрасывая вверх усы. Тени старались избегать их, как обычно избегают ядовитых растений.

Свет стал настолько ярким, что ослепил тот орган чувств, которым я воспринимал происходящее. Затем он

начал пульсировать. Я вдруг понял, что свет исходил от слов заклинания, которое требовало моего безоговорочного послушания.

У меня не было пути к спасению. Скованный сильнейшим колдовством, я несли к его источнику. Я повис над ним, совершенно беспомощный, вынужденный подчиниться. Я осознавал, что передо мной находится выход из этого мира. Заклинание заставляло меня заглянуть в него.

Я увидел огромную пятиконечную звезду, очертания которой горели оранжевым пламенем. В центре ее стоял кто-то, кого я не мог рассмотреть, таким ярким и слепящим был свет, исходящий от этой магической фигуры. Но колдовство было направлено на меня.

Урсила!

Она жаждала получить власть надо мной. Она хотела бы...

Я начал неистово сопротивляться. Человек и зверь во мне объединили свои силы для сопротивления. У меня не было никакой действенной защиты от ее колдовства, только сила воли. Эта человеческая составляющая была усилена стремлением, свойственным каждому животному, — бороться с тем, что навязывается извне. Это сопротивление оказалось очень мощным из-за двойственности моей натуры. Я точно знал, что, если подчинюсь желанию Урсилы, Кетан, человек, перестанет существовать. От меня останется только оболочка, которая будет выполнять все приказанья Мудрейшей.

Теперь вся звезда пылала как факел, втягивающий меня. Гнев Урсилы, который был вызван моим упрямством, питал огонь. Она приготовилась воспользоваться другим оружием, приготовленным на случай моего упорного сопротивления. Хоть Урсила не сказала ни слова, мне были понятны ее поступки. Если я подчинюсь ей, Кетан, человек, останется в живых, сделавшись ее слугой. Если я заставляю ее воспользоваться другим средством, чтобы подчинить меня, тогда моя душа станет одной из этих теней, обитающих в этом странном мире. То, что останется от меня в том мире, где я жил до этого, будет только моей оболочкой, которую она заполнит другим содержанием, выполняющим все ее приказания.

Оранжевое пламя, означающее власть и подчинение, начало изменяться, превращаясь в огонь другого цвета, сопротивляться которому было невозможно. Языки пламени другого цвета охватили почти всю звезду. Мне оставалось немного. Еще чуть-чуть, и вся звезда станет бордовой, а это цвет смертельной опасности. Подчиниться или погибнуть?!

Моя двойственная сущность, напуганная до смерти и полная ужаса, не могла не подчиниться. Я знал о том, что меня ждет Кетан, но не мог жить, подчиняясь чужой воле, не мог позволить Урсиле делать все, что ей хочется. Не знаю, как я узнал об условиях сделки с Урсилой, но это не поколебало моего решения.

Затем...

Вдруг пламя, уже почти везде бордовое, расступилось. Лучи горели по отдельности, не образуя одного общего узора. Мир Теней расступился, как будто его кто-то разрезал. Меня подхватило и понесло в эту трещину, наполненную крошечной тьмой.

Ощущение жары не прошло, хотя она стала не такой нестерпимой, как жар, исходивший от звезды, направленный на то, чтобы подчинить меня. Я открыл глаза: был полдень, солнце, словно мяч, висело у меня над головой. Мое возвращение было слишком стремительным, я не ощущал четкой границы между миром теней и реальностью. Когда я окончательно пришел в себя, то увидел женщину, стоящую на дорожке у луча Звездной башни, той, что делила травяной сад на участки.

Память медленно возвращалась ко мне. Я поднял голову, убедился, что я по-прежнему леопард, избежавший страшной опасности. Мне стало ясно, что кто-то спас меня от Урсилы. С удивлением я взглянул на женщину, уверенный, что это дело ее рук.

Это была не Лунная Фея, но такая же стройная. Все в лице ее было молодым, кроме глаз, в которых светилась мудрость прожитых лет. Полная женственности, она была одета в штаны и жилет зеленого цвета, прекрасно гармонизировавшие с окружающей ее зеленой травой, достигающей до колен.

Ее волосы, заплетенные в косы, были уложены в прическу, напоминающую корону, темно-коричневого цвета с каштановым отливом. Кожа ее была покрыта ровным загаром, как будто она проводила много времени на свежем воздухе.

У ног стояла корзина, наполненная свежесорванными травами. Мой взгляд задержался на предмете, который она держала обеими руками. Его конец был направлен прямо на меня. Так человек поднимает копье, чтобы напугать противника.

Я узнал колдовской жезл, но он очень отличался от того, который принадлежал Урсиле. Тот жезл, сделанный из кости, разукрашенный в черный и красный цвета, был покрыт древними рунами и хранился в самом укромном месте. Жезл женщины, скорее, напоминал свежесрезанную ветвь,

прямую и без сучков. На конце, направленном на меня, был расположен один-единственный листок, по форме напоминающий наконечник копья, ярко-зеленого цвета.

Я смотрел на женщину так же внимательно, как она смотрела на меня. Ее глаза изучали меня, как изучала бы Урсила. Она была Мудрейшей, хотя я чувствовал, что силы, которыми она пользовалась, отличались от тех, к которым прибегала Урсила, когда звала меня.

— Кто ты? — Женщина не опустила колдовской жезл. Я знал, что стоит мне предпринять враждебное ей действие, и я мгновенно обнаружу его отличие от обыкновенной ветки с листом.

Я не мог вымолвить ни слова. Мои попытки заканчивались звуками, напоминающими хрипы. Она слегка повернула голову, как будто прислушиваясь к чему-то.

— Колдовство, — сказала она опять. — Сильное по мощи, но плохо выполненное. Ночью я почувствовала, когда ты пришел. На тебя воздействовали силы Зла, посланные за тобой. Мы не можем себе этого позволить. Позволить силам Зла приблизиться к нам. Нет! — она резко покачала головой.

Я издал звериный крик, молящий о помощи. Если эта Мудрейшая разрушила заклинание Урсилы, стремящейся добраться до меня (я был уверен, что это она изгнала Мир Теней), то, наверное, она сможет помочь мне избавиться от тела леопарда и вернуть мой настоящий облик.

Я решил медленно двинуться вперед. Из кустов, где я лежал, я выползал на животе. Может быть, движениями я смогу выразить то, что мне нужно, и уговорю ее помочь мне? Я унижался, как мог.

Лист больше не был направлен мне в голову. Веточка слегка покачивалась у нее в руках. Яркий, как день, листок чертил в воздухе символы, оставляя зеленый дым, быстро рассеивающийся.

— Нет! — отказала она мне. — Когда силы Зла наступают, и Дьявол идет по стране, мы не можем пустить тебя к нам в дом и нарушить систему его защиты от сил Зла. Я не знаю, кто ты и зачем пришел сюда со своими проблемами. Я ничего не могу для тебя сделать. Позволить тебе остаться, даже... — она колебалась, — даже если ты сможешь. А мне кажется, ты не сможешь пройти нашу защиту. Ну ладно, если ты сможешь — тогда другое дело...

Ее первоначальное твердое «нет» слегка ослабело. Я пополз вперед. Но как только попытался поставить лапу на дорожку, где она стояла, произошла сильная зеленая вспышка. Источником ее был не колдовской жезл, а земля передо мной. Лапу, которую я вытянул вперед, пронзила ос-

трая боль. Я коснулся невидимой стены защиты. Она сказала мне чистую правду. Защита Зеленой Магии не пропускает меня.

Шок от произошедшего ослабил власть человека во мне. В следующее мгновение я уже не был Кетаном, человеком, запертым в зверином облике, как в тюрьме. Во мне поднял голову леопард, охваченный гневом, которому было отведено в том, чего он сильно хотел. Мой хвост напрягся, я издал громкий звериный рев и рванулся вперед, чтобы получить очередное поражение от системы защиты.

Выражение лица у женщины изменилось. Она подняла свою ветвь, несколько раз качнула ею. Я вдруг почувствовал острую боль в ранах, оставленных у меня на спине крылатым агрессором, хотя она была далеко и не прикасалась ко мне.

Я испустил громкий, полный боли крик, гнев мой стал еще сильнее, моя человеческая часть была полностью подавлена. Убей! Убей! Казалось, кто-то кричал мне эту команду прямо в уши. Я прыгнул опять и ударился о преграду, отделявшую меня от моей законной добычи.

Ее жезл качнулся вновь. Удар пришелся как раз по израненной спине и бокам. Постепенно даже зверь начал понимать, что сделать ничего нельзя. Продолжение борьбы сулит лишь новые муки. Испустив протяжный вопль, я отступил в лес. Я шел не оглядываясь.

Пока я шел, моя человеческая половина попыталась обуздать леопарда, что ей вполне удалось. Горечь поражения была настолько же непереносима для моего разума, как боль — для моего тела. Моя последняя прерванная атака, конечно же, отрезала все пути к продолжению переговоров с обитателями Звездной башни. А я был совершенно уверен, как будто Мудрейшая с ветвью поклялась мне в этом, что только здесь я мог найти помощь.

Мне было все равно, куда я шел. И не было никакой надежды найти в лесу кого-то, кто захотел бы стать моим другом и помочь мне. Были другие, кто мог бы предложить мне убежище, но для своей собственной выгоды. Их мне нужно избегать, как и Урсилы.

Женщина из башни помогла мне справиться с заклинанием Урсилы. Но она сделала это, потому что колдовство Урсилы угрожало ее собственной безопасности. Я сомневался, что смогу и впредь рассчитывать на подобную удачу. Урсила может составить огромное количество новых заклинаний, не менее могущественных.

Моя бесцельная прогулка привела меня туда, откуда я пришел. Я увидел небольшую поляну, огромную кварцевую глыбу и лунные цветы. При свете дня они были плотно за-

крыты. Я видел лишь серо-зеленые стебли да несколько увядших цветов. В кварцевой глыбе не было того огня, который пронизывал ее вчера ночью. Я стоял под ветвями дерева, не решаясь выйти на поляну: может, и она закрыта для меня. Я знал с уверенностью обреченного, что только силы Добра могут спасти меня от Урсилы. Где мне искать их? Я приготовился, затем, как я уже делал это перед Мудрейшей, медленно пополз вперед.

От плотно закрытых цветов не исходило никакого аромата, исчезло также ощущение очарования и красоты. Атмосфера волшебства исчезла: я легко смог выйти на Лунную поляну, дойти до глыбы, не ощущая исходящей из нее энергии, как это было вчера.

Носом я коснулся камня. Да, это был самый обыкновенный камень. Здесь не было ничего, что могло бы мне помочь.

Медленно я ушел с поляны. Пойти к реке? Я был голоден. Но мой голод лишь частично был рожден плотью. Всю свою жизнь в замке я был одинок. Тогда я лишь наполовину представлял себе, что такое одиночество. Сейчас ко мне пришло его полное осознание, я как будто заглянул в бездну. Человек в облике леопарда, я никогда не смогу встретить другое существо, которое будет понимать меня.

Но ведь то же самое свойственно оборотням. Я подумал, что если мне удастся найти их, то, может, они, с детства привычные к изменениям своего облика, примут и поймут меня. Возможно, но они были оборотнями по крови и по собственному выбору, привыкшие к этой необычности. В то время как со мной все произошло так, как и предсказывала моя мать: колдовство разъединило меня с моим миром.

Я мог поверить, что все это произошло из-за того, что леди Эдрис решила убрать меня с дороги Могуса. Я хорошо помнил крик Тэни:

— Убей его! — когда она смотрела на меня из-за плеча своего брата, стоявшего с обнаженным мечом и готового убить меня. Я не испытывал привязанности к своей нареченной, чтобы сожалеть о ней.

Образ Тэни, так живо воссозданный в моем воображении, растаял. Появилась другая девушка, как будто я видел ее перед собой в лунном свете, сверкающая и полная жизни, с корзиной цветов в руках. Юная фея, Лунная певица. Но она жила в Звездной башне, плотно закрытой для меня.

Внизу текла река. Я направился туда по песчаной косе, которая далеко вдавалась в реку и как будто делила ее на две части, опустил морду в прохладную воду и начал пить. Утолив жажду, которой я не чувствовал, я успокоился. Мои ви-

дения кончились, и я мог подумать о необходимости жить сейчас, в данный момент, а не в прошлом и ничего хорошего не сулящем будущем.

Я опять занялся рыбной ловлей. Удача улыбнулась мне, полав двух крупных рыб, которых я с аппетитом съел, не оставив ни единого кусочка для стервятников. Жизнь вокруг меня продолжалась без видимых изменений. Я не чувствовал ни врагов, ни охотников, ни сверхъестественных сил.

Я нашел скалу, нависающую над землей, под которой я мог спрятаться от солнечного зноя, лег под ней, хотя боялся спать, чтобы опять не попасть в сон, посланный мне Урсиллой. Кетан боялся уснуть, а тело леопарда уже забыло о той опасности. И крупные, и не очень крупные кошки спят больше, чем люди. Я не мог бороться с потребностями моего теперешнего тела.

Я проснулся вечером, в сумерках. Возможно, звериные инстинкты помогли мне выйти из дремы, которая в этот раз не омрачалась сновидениями. Подняв голову и посмотрев по сторонам, я почувствовал опасность. Что это была за опасность и откуда она исходила, я не мог понять. Я только чувствовал, что сердце мое билось быстрее, чем обычно, а губы сложились в гримасе беззвучного рычания — такой была реакция леопарда. Несколько мгновений я пытался определить, что так угрожало мне, и пришел к выводу, что опасность исходила не из окружающего меня мира, а из какого-то другого источника. Урсила! Я почувствовал, что наша борьба не закончена, она продолжается.

Моим мгновенным ответом был прыжок. Я выскочил из своего укрытия и побежал, повинувшись звериным инстинктам, не успев даже понять и обдумать, что произошло. На берегу реки я вдруг увидел, что я не один спасался бегством.

Не обращая на меня никакого внимания, хоть я был их злейшим врагом, рядом со мной бежали два небольших лесных оленя с глазами, побелевшими от страха. Перед ними на огромной скорости неслись три волка, которых люди из Кланов встречали очень редко. Мелкие животные бежали в траве и кустарнике, росшем вдоль реки, в просветах которого мелькали их тела. Я был поражен, когда понял, что это охота не на меня, вернее, не только на меня. Моя уверенность, что это дело рук Урсилы, сильно поколебалась. Тем не менее, как только я пытался остановиться, ужас, гнавший меня вперед, многократно усиливался, пока я не подчинился ему окончательно, отправившись в долгое бесцельное путешествие вместе с другими четвероногими обитателями леса. Люди иногда организовывали охоту на зверей подобным образом. Они, согнав животных с места и заставив их

двигаться в нужном направлении, дожидались их там, чтобы уничтожить. Как вначале считал Кетан, эта гонка имела к такой охоте самое непосредственное отношение. Но не было слышно ни звуков охотничьих рожков, ни шума нападения. Нет, люди не могли заставить меня так мчаться, потеряв голову от страха.

На нас кто-то охотился, но это был представитель сил Зла, простое появление которого вызвало эту гонку. Когда я пришел к выводу, что это объяснение соответствует действительности, мне показалось, что моя паника несколько уменьшилась, и я смог немного контролировать свои действия, вызванные присутствием сил Зла.

Я начал, нет, не замедлять скорость, я просто не смог бы этого сделать, а сдвигаться к правому краю в своем движении. Потому что я заметил определенную закономерность этого бегства: все бежали по одной довольно-таки узкой дорожке, как будто кто-то наметил ее для этого.

Все больше и больше я отклонялся вправо, пока не добрался до самого края этой дорожки. Там я собрал все свои силы для прыжка — не вперед, а в сторону. Мое тело взметнулось. Затем...

Я был не в состоянии управлять своими мышцами. Падая вниз, я почувствовал, что паника вновь переполняет меня, вытеснив разум и оставив только страх. Через мгновение я буду опять на земле.

Но... Что-то сомкнулось надо мной. Я начал биться, извиваться, стараясь вырваться из той ловушки, в которую угодил.

О СНЕЖНОМ КОТЕ И ОБИТАТЕЛЕ ДРЕВНИХ РАЗВАЛИН

Моя борьба не принесла освобождения. Попытки вырваться лишь плотнее затягивали на мне нити той огромной ловушки, в которую я попал. А там, где эти веревки прикасались к моим ранам, они жгли, как огонь. Я издал громкий крик, полный безысходности, выражая в нем ту боль и ужас, которые переполняли меня.

Мне казалось, что я попал в какую-то огромную паутину. Пытаясь достичь ясности мысли и победить звериный страх чувствами человека, я смог заметить, что ловушка, в которую я попал, очень похожа на паутину, которую можно увидеть ранним утром в поле или в саду между травинками, украшенную росой.

Кто же мог свить такую паутину, настолько большую и крепкую, чтобы удержать вырывающегося леопарда? Лео-

пард постепенно прекратил рваться, Кетан все больше контролировал его, когда эта мысль пришла мне в голову.

Никто из нашего Клана не рисковал уходить так далеко в лес. Наши познания об этом запретном месте были ограничены несколькими давними впечатлениями и рассказами. Считалось, что здесь живет множество странных существ. Одно из них готовилось приветствовать меня в качестве своей добычи.

Сражаясь с паутиной, я обмотался ею несколько раз. Паутина натянулась и подтащила меня к огромному камню, что лежал неподалеку. Он весь был покрыт сетью трещин, свидетельствующих о его преклонном возрасте. На расстоянии двух-трех метров от этого камня находился второй камень, похожий на первый. Между ними и была соткана паутина. Мои попытки освободиться все больше натягивали крепкую паутину, все крепче привязывая меня к камню, около которого я висел. Такими тонкими и непрочными казались опутавшие меня нити, но я убедился в их крепости.

Я пытался подчинить себе леопарда, прекратить его бессмысленное сопротивление, чтобы попробовать оценить свое положение. Я что-то чувствовал.

Находясь возле Звездной башни, я чувствовал, что внутри системы защиты нет сил Зла, и она вполне может служить убежищем от них. Здесь же все было наоборот. Из камня, рядом с которым я висел, на меня излучался холод, мертвенная прохлада, способная превратить сердце и мозг человека в лед. Холод сил Зла окутал меня неприятным, враждебным облаком, и я постепенно погружался в густую, полную опасностей грязь.

Сначала Зло было бестелесным, бесформенным облаком. Чем плотнее оно меня окутывало, тем сильнее я ощущал его, оно стало почти осязаемым. Я увижу это, и скоро.

Дрожь, с которой я не мог справиться, сотрясала мое тело. Несмотря на то, что мое тело было покрыто шерстью, я ощущал себя голым перед морозящей силой того представителя сил Зла, в ловушку которого я попал. Я ничего не мог сделать, мне оставалось только беспомощно ждать его появления.

Движение!

Я попытался повернуть голову подальше, чтобы лучше рассмотреть то, что я заметил краем глаза. С большим трудом мне все-таки удалось повернуть голову, что значительно расширило круг моего обзора. Две глыбы, между которыми я висел, находились рядом с беспорядочно нагроможденными обломками скал, нет, не скал — они были слишком правильной формы, несмотря на воздействие времени. Когда-то здесь стояло здание, а эти огромные глыбы охраняли его. Сейчас постройка была разрушена, упав-

шие с высоты блоки образовали большую грудку. Здесь не росла трава, хотя трещины между блоками были заполнены выгоревшей землей. Вокруг этих развалин также не было видно никакой растительности. В центре этого нагромождения блоков темнела дыра.

В ней-то я и заметил движение. Наконец, я нашел источник сил Зла. Создатель этой паутины отдыхал там, разглядывая меня с явным удовольствием, которое потрясло меня.

Двигаясь рывками, из норы показалась лапа, по форме напоминающая паучью, но огромных размеров. На конце этой лапы был виден страшный большой коготь, которым без особых трудов можно было бы вырвать горло из тела леопарда. Лапа была покрыта плотным защитным слоем, напоминающим панцирь насекомых, в местах соединений сегментов лапы во все стороны торчали пучки седых волос.

Ноготь зацепил одну из нитей паутины, закрепленную на камне, и начал сильно трясти. Я изо всех сил сопротивлялся. Это убедило спрятавшегося охотника, что добыча попала в сети. Нога с когтем быстро исчезла в норе. Я хорошо понимал, что достиг лишь временной передышки. От неудобного положения шея моя затекла и начала болеть. Вместе с тем я должен был видеть, кто выйдет ко мне оттуда.

Чем дальше я смотрел в нору, тем отчетливее видел, что она не совсем черная: там были видны желтые тусклые огоньки. Я насчитал восемь штук, расположенных в два ряда. Глаза! Глаза, внимательно изучающие меня, чтобы удостовериться, что я крепко опутан паутиной.

Вдалеке стих шум убегающих животных. Мне показалось, что какое-то время я висел в полной тишине, в ожидании. Затем из норы опять показалась лапа или рука, а затем и вторая. За ними виднелись только глаза, остальная часть чудовища пряталась глубоко в норе.

Мне показалось, что я закричал. Но в следующий миг я понял, что яростный крик издал не я, а кто-то другой. В поле моего зрения попала фигура зверя, появившегося неподалеку, но не из норы, в которую скрылись лапы при первом звуке, а на вершине того нагромождения блоков, которые образовали жилище моего врага.

Снежный кот! И значительно больших размеров, чем я когда-либо видел. Он был охвачен гневом, желтые глаза его горели, хвост летал из стороны в сторону. Взгляд его глаз остановился на мне, и он зарычал.

Я слишком хорошо знал, что представляет из себя этот гигантский горный кот. Они тщательно охраняют свою тер-

риторию охоты, бьются насмерть, защищая ее от пришельцев из Лесов и Гор. Свою территорию они считают своей собственностью. Они не связываются с противником только во время брачного периода, все остальное время охотясь в одиночку, неприступные в своей дикой гордости.

То, что леопард забрел на территорию снежного кота, было поистине вызовом. Вместе с тем я был беспомощной добычей чудовища, спрятавшегося в норе, и не представлял никакой угрозы для хозяина. Почему же он собирается напасть?

Это был самец, что я легко определил по его огромной, полной силы и мощи фигуре. При других обстоятельствах это было бы потрясающее зрелище. Но, возможно, смерть от его стремительного броска будет легче той, что подготовил мне мой невидимый охотник.

Я задержался опять. Не от боли в ранах, а от страха, охватившего меня сильнее, чем при появлении лап с когтями. У меня в голове раздался голос! Было хорошо известно, что некоторые Мудрейшие умели общаться подобным образом. Но они осмеливались на это лишь после долгих и упорных тренировок. Никто из обычных людей не обладал такой способностью и даже не помышлял об этом.

— Не шевелись!

Кто предупредил меня? Чудовище? Или снежный кот? Может быть, крупные хищники умели общаться между собой подобным образом, а люди просто не знали об этом?

— Не шевелись! — повторный приказ вонзился в мой разум.

Кот. Ну, конечно, это кот! Сейчас он полз, прижавшись животом к камню, постепенно продвигаясь к соседнему блоку, расположенному чуть ниже, над самой норой. Затем он несильно подтолкнул его лапой; я видел, как глыба слегка покачнулась. Кот быстро отошел от нее. Наклонившись, он обнюхал камень со всех сторон. Может, он почувствовал запахи своих сородичей?

То, что он обнаружил, заставило его пригнуться и податься назад. Я видел, как напряглись его мышцы, как задрожал темный конец его серебристо-белого хвоста. Он не собирался больше ничего искать, а приготовился к прыжку. И вот он прыгнул, опустившись всем весом своего тела на неустойчивый блок. Тот сдвинулся под ним и рухнул вниз. Движения кота были такими стремительными, что он успел вторично прыгнуть, на этот раз в направлении меня. Блок, который он сдвинул с места весом своего тела, с грохотом упал на землю, завалив нору. Неужели он помогал мне?

При приземлении он попал лапой в липкие нити паутины. Но он не рвался, в отличие от меня. Наоборот, кот дви-

гался с величайшей осторожностью: он оттянул назад лапу так, что паутина натянулась. Затем, прижимая нить паутины к земле, он начал перепиливать ее, двигая взад-вперед по куче гравия, из которого состояла почва вокруг развалин.

В то время, как моя ожесточенная борьба закончилась лишь более крепким пленом, его аккуратное обращение с ловушкой разрушило ее, и он освободил свою лапу. Если бы я только смог повторить его действия, но я был слишком крепко спутан.

— Успокойся! — услышал я новый приказ. Кот несколько раз обошел вокруг меня, изучая мое положение и состояние паутины, в которую я угодил. Вдруг он повернулся и ушел, блестя, как серебро.

Я остался один на один со своей ловушкой. Снежный кот и так очень помог мне. Логово чудовища было завалено, никакие лапы с когтями больше мне не угрожали. Быстрая смерть, угрожавшая мне, сменилась перспективой медленной смерти от голода и жажды, или от ужаса, если стервятники, ввиду моей беспомощности, осмелятся на меня напасть. Я мрачно ожидал подобного конца. Лапы мои были крепко спутаны. Боль в местах, где паутина попала на израненные бока и спину, утихла, но мои задние лапы онемели.

Я вновь увидел снежного кота. Он держал в зубах конец ветви, обгрызенный и измочаленный, как будто он содрал ее с дерева при помощи клыков. Листья, изодранные из-за того, что их волочили по земле, издавали сильный, раздражающий запах, настолько резкий, что я закашлялся, а мои глаза начали слезиться, когда он подошел ближе.

Кот с огромной осторожностью положил свою ношу на землю так, чтобы ни один листок не касался его шкуры. Подойдя ко мне, он внимательно осмотрел мое положение и опутавшую меня паутину.

— Опасно, — его мысль пронзила меня. — Единственный способ — не двигаться.

Он опять взял ветку в зубы. Сделав видимое усилие, приподнял ее с земли, занес над паутиной и опустил так, чтобы истекающие соком листья ветки попали на паутину, не касаясь меня. Над паутиной начал подниматься дым.

В местах, где листья прикасались к паутине, она скручивалась, чернела и издавала отвратительное зловоние. Затем начала обугливаться паутина вокруг меня, все дальше и дальше от ветви. Мне показалось, что моя ловушка сожжена. Вполне вероятно, что именно это и произошло, потому что остатки паутины упали с меня изорванными, почерневшими лохмотьями.

Я был в состоянии думать лишь о своей свободе и побрел подальше от ловушки. Вдруг я заметил, что мне трудно двигаться: онемелость задних лап не проходила. Меня качало, и я обязательно бы упал, если бы снежный кот не поддерживал меня плечом.

Я уже понимал, что это вовсе не кот. Вместе с тем, я не ощущал в нем принадлежности к силам Зла, которую исторгал обитатель развалин и его паутина. Мы уходили все дальше от этого пристанища темных сил. Кто же он тогда? Оборотень? Мог ли я поверить, что наконец встретил оборотня?

Мой спутник поддерживал и направлял меня туда, где проходило беспорядочное бегство. У меня больше не возникало желания бежать. Я не мог поверить, что скрывающееся в развалинах чудовище было основной причиной паники, охватившей всех без исключения лесных обитателей. Я не сомневался, что тот, кто устроил эту охоту, явился из Царства Тьмы.

Снежный кот вел меня к реке, поддерживая во время ходьбы. Онемение задних лап начало понемногу проходить, но это еще не означало, что мне стало лучше: раны на спине с новой силой начали беспокоить меня. Боль, возраставшая с каждым шагом, превратилась в настоящую пытку. Я начал воспринимать окружающий меня мир сквозь какую-то плену, агонизирую от боли.

Не знаю, как я не упал от этой страшной боли. Так же, как некоторое время назад меня заставляли бежать силы из Царства Тьмы, теперь я двигался благодаря решимости снежного кота. В мыслях он не общался со мной, но излучал сильную энергию, которая, как кнут, гнала меня вперед.

Неподалеку от реки он остановился, поднял голову и втянул в себя воздух. Вокруг нас высились скалы, изрезанные расщелинами. Он подтолкнул меня к одной из них. Я вполз в нее настолько измотанный, ведь каждый раз, когда мне приходилось поднимать или опускать лапу, мне казалось, что это последнее движение, на которое я способен.

Там я свернулся клубком и замер. Во рту у меня пересохло, мне страшно хотелось напиться из ручья, журчание которого я слышал, но добраться до него был не в состоянии. Снежный кот стоял между мной и внешним миром, всем своим видом выражая ожидание. Сквозь землю, на которой я лежал, я услышал ослабевшим от боли слухом стук копыт. Люди? Охотники из замка?

Если они заметят снежного кота и смогут одолеть его, то они получат две добычи вместо одной. Его нужно предупредить... Только я не умел обмениваться мыслями. Я смог издать лишь слабое рычание.

— Это не то, чего ты боишься, — кот даже не повернул головы, чтобы взглянуть на меня, но его мысль была мне понятна. — Молчи...

Вдалеке я увидел всадника, он был один: больше я никого не заметил. На нем было рацарское одеяние, на голове богато украшенный боевой шлем. Натуральной величины орел с приподнятыми крыльями, будто он собирался взлететь, венчал этот шлем. Лошадь, на которой сидел всадник, отличалась от лошадей замка, но напоминала тех, что паслись около Звездной башни, с пятнистой шерстью и более длинными, чем обычно, ногами.

Заметив кота, всадник не схватился за меч, висевший у него на боку. Он поднял свою закованную в панцирь руку в приветствии, как человек обычно приветствует своего хорошего знакомого. Кот двинулся ему навстречу, вспрыгнув на скалу, его украшенная клыками голова оказалась на одном уровне с головой всадника.

Всадник, лицо которого было в тени шлема, так что я не мог его разглядеть, натянул поводья, чтобы остановить лошадь. Свободно сидя в седле, он повернулся к коту. Я ничего не слышал ни ушами, ни в мыслях, но был уверен, что они разговаривали между собой как-то по-своему.

На теле кота я не видел никакого пояса: если он был из рода оборотней, то ему были не нужны никакие атрибуты колдовства для изменения облика. Может, этот оборотень путешествует здесь в одиночку? Считалось, что живут они к юго-востоку от земли Кланов, но могут путешествовать и в других местах.

Всадник вновь поднял руку, попрощавшись с котом. Он отправился в путь, возвращаясь туда, откуда приехал. Может, он передал какое-то сообщение?

Кот, не дожидаясь, пока он скроется из виду, вернулся к моей расщелине. Когда он приблизился, его мысленное сообщение было в высшей мере повелительным:

— Мы должны спешить, силы Зла тронулись в путь.

Моя человеческая часть ответила на его требование. Мне удалось подняться на ноги. Но тело леопарда казалось полностью обессиленным. Кое-как я добрался до воды, ощутив, как она поднимается вокруг меня, прижимая шерсть к телу. И опять только благодаря силе кота, которая толкала меня вперед, я преодолел ручей и вышел на другой берег.

Там я упал, лишенный всяких сил. Кот пытался поднять меня на ноги, подталкивая носом. Я опять услышал стук копыт. Кот отошел от меня, направляясь к опушке леса. Может, это возвращался всадник в шлеме, украшенном орлом? Или в самом деле это приближался охотник из Цар-

ства Тьмы, и мой спутник, так много сделавший для меня, счел за лучшее спастись бегством?

В этот момент меня не волновало ни то, ни другое. Я был слишком обессилен, чтобы волноваться о чем-то. Охваченный апатией, я лежал с открытыми глазами, неспособный даже приподнять голову, чтобы побольше увидеть. Кот остановился у дерева, явно опять кого-то дожидаясь.

Из тени дерева появился всадник, державший под уздцы вторую лошадь. Я узнал ее — Лунная Фея, несмотря на то, что сейчас она была одета в штаны, рубашку и жилет, на ногах были башмаки зеленого и коричневого цветов. Эти цвета так причудливо перемешались, что я смог рассмотреть ее только, когда она вышла на открытое место.

Кот поднялся на задние лапы, поставив передние на попону ее лошади. Лошадь, не выказав никакой тревоги при появлении зверя, стояла спокойно. Фея слегка наклонилась так, что они смотрели друг другу прямо в глаза, затем она кивнула.

Из-под своего маленького жилета она вытащила небольшой предмет, который висел там на цепочке. Сняв его, она направила прямо ко мне. Кот следовал за ней.

Остановив лошадь в нескольких шагах от меня, она соскользнула с нее. Лошадь стояла спокойно, не испытывая ни малейшего беспокойства. Девушка подошла ко мне. В руках у нее был хрустальный шар на цепочке, внутри которого было какое-то растение, яркое и зеленое.

Лунная Фея надела на меня цепочку, когда я приподнял голову, чтобы приветствовать ее. Шар с зеленым побегом коснулся меня. И...

Я стал человеком!

Моя шерсть исчезла. Я видел свою кожу, хотя и не пользовался поясом. Я совершил обратное превращение.

Шок от этого превращения без всякого предупреждения был настолько велик, что мир у меня перед глазами зашатался. Я чувствовал прикосновение ее рук. Меня подняли и куда-то понесли, затем осторожно положили на седло. У меня перехватило дыхание от боли, которая пронизывала тело при каждом движении лошади.

Кто-то сел в седло позади и поднял меня. Прикосновение к спине вызвало хрип из моего пересохшего горла. Это был мужчина, а не Лунная Фея, которая позаботилась обо мне. Откуда он взялся, я не знал.

У меня появилось смутное ощущение, что надо мной кто-то наклонился: темная голова, потемневшая от солнца и ветра, на которой возвышалась корона волос. Его лицо казалось скрытым, он не привык выставлять свои мысли на показ. Как и женщину из башни, его можно было принять

за молодого человека, если бы не глаза, желтые, как у кота, усталые и старые. Глаза смотрели на меня. Я не воспринял никаких мыслей, ощутил лишь сильное воздействие, которое перенесло меня в какое-то бессознательное состояние, где я не ощущал ни боли, ни времени.

Под воздействием воли незнакомца я не полностью утратил ощущение реальности. Я будто воспринимал исходящее вокруг меня на расстоянии. Я знал, что мы ехали на лошади по лесу, и был убежден, что незнакомец не хотел причинить мне вреда, а, скорее, хотел помочь. Но я не должен сейчас думать об этом, сейчас моя задача — восстановить свои силы и волю. Мое волшебное превращение в человека произошло под воздействием Лунной Феи. У себя на груди я почувствовал тепло, исходящее от талисмана, который она на меня повесила. Я должен держаться за этот талисман, чтобы остаться человеком.

ОБ ОБИТАТЕЛЯХ БАШНИ И О ТОМ, КАК Я ВНОВЬ ПОПАЛ В ОПАСНУЮ СИТУАЦИЮ

Я лежал лицом вниз, голова была повернута в сторону, так что я, ошеломленный, мог видеть только каменные блоки стены. На спине у меня лежало что-то прохладное, успокаивающее, уносящее из моих ран жгучую боль, которая появилась в них после того, как я выбрался из паутины. Я слышал над собой голоса, на этот раз не мысленные, а вполне реальные.

— Моли скоро потеряет свою силу, и что потом, милорд? — говорила женщина. В ее голосе слышался вызов.

— Нам нужно узнать, кто он и откуда. Я не доверяю развалинам Серой башни. Как мог попасть сюда оборотень? Да, он не принадлежит к Царству Тьмы. Если он очнется до изменения облика, мы сможем узнать.

Мужчина, может быть, тот, который держал меня, когда мы уезжали от реки? Где я? Кто стоит около меня? Переход от сна к реальности произошел, мне хотелось получить ответы на все вопросы. Я слегка приподнялся на постели и повернул голову, чтобы увидеть стоящих вокруг меня.

Да, этот человек спас меня. Я очень надеялся, что увижу Лунную Фею, но ошибся. Рядом с ним стояла женщина из травяного сада, которая прогнала меня. Почему сейчас она приютила меня и помогла? Скорее всего, я находился в Звездной башне. Стены, которые я видел за двумя незнакомцами, глядевшими на меня, были причудливой формы. Комната, скорее всего, находилась в луче звезды и была какой-то усеченной.

— Кто вы? Почему вы помогли мне? — спросил я, пока они молчали.

Женщина подошла ко мне. Ее прохладные пальцы задержались на мгновение у меня на лбу. От ее рук исходил слабый аромат трав, как будто не очень давно она работала в саду.

— Жар прошел, — сказала она и стала снимать повязку у меня со спины. Я почувствовал приятную прохладу от прикосновения воздуха на плечах и на спине. Она дотронулась до спины в нескольких местах, где должны были бы быть раны, оставленные ястребом. — Все зажило, яд удален, — гласило второе заключение. — Ты спрашиваешь, кто мы? — она подошла поближе. — Мы те, кто живет отдельно от других. Мы ничего ни у кого не просим. Мы просим только, чтобы нас оставили в покое и не вмешивались в нашу жизнь.

В ее лице не было видно приветливости, но не было и ярко выраженной неприязни. Наверное, она ждет, чтобы я что-то сделал или сказал, из чего она могла бы заключить, друг я или враг. Несмотря на всю ее сдержанность, я знал, что не имею права считать ее своим врагом. Что-то в ней говорило мне, что она ненавидит Зло во всех его проявлениях.

— Кто ты? — произнес мужчина, подойдя к ней и встав рядом.

— Я — Кетан, наследник Ка Ду Прона, замка Красной Мантии. Кто я сейчас, не знаю.

Я заметил, как изменилось выражение его лица после того, как я назвал себя. Неужели охотники Могуса так далеко распространили весть о моем исчезновении, что она дошла до Звездной башни? Вместе с тем я сомневался, что эти люди согласятся выполнить приказ такого человека, как Могус. Оба они обладали колдовскими способностями. Я чувствовал, что они, как и Урсила, больше видели и иначе действовали. Люди без способностей так не умели.

— Ка Ду Прон, — повторил мужчина. — Там правит лорд Эрак, если вы наследник... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Я сын леди Героиз, его сестры.

— По крови это чисто человеческий род, — продолжал мужчина. — Как ты превратился в зверя, каким заклинанием? Или тебя кто-то заколдовал?

— По своей собственной глупости, как и предупреждали меня моя мать и Урсила, из-за пояса...

— Он расскажет о себе позже, — прервала меня женщина. — Самое время принять лекарство, чтобы восстановить силы, иначе моли быстрее завянут.

Я не понимал, о чем она говорила. Тем не менее, когда хозяин усадил меня, а хозяйка принесла чашку с каким-то горячим напитком, я послушно выпил ее, несмотря на горький вкус. Пока я пил свое лекарство, кто-то еще вошел в комнату.

Лунная Фея! Она была в костюме для верховой езды, в котором я видел ее у реки. За ней следовали два молодых диких кота желто-коричневого цвета. Для меня было тайной, как их можно было приручить. Дикае коты отличаются особой злобой. Эти же с любовью терлись о колени Лунной Феи, мешая ей идти. Она была вынуждена взять того, что посмелее, на руки и почесать у него за ушами.

— Над башней летает пестрый ястреб. Он уже четыре раза облетел вокруг сада. Мне кажется, он не охотится, а наблюдает за нами.

— Понятно, — женщина кивнула и посмотрела на меня. — Раны, которые были у тебя на спине, человек из Кланов, оставлены когтями ястреба. Это твой враг?

— Единственный мой враг, обладающий колдовскими способностями, — Мудрейшая Урсила, — пробормотал я.

Девушка была так взволнованна своим сообщением, что даже не взглянула на меня ни разу. Но вот она повернулась, и наши взгляды встретились. Меня охватило волшебное чувство, не имеющее с колдовством ничего общего.

Впервые я увидел ее на лесной поляне, окутанную величием общения с высшими силами. Во второй раз я видел ее у реки, она помогла мне. Сейчас я вижу ее в третий раз. Всего три раза в своей жизни я видел ее, а мне казалось, что я знал ее всю жизнь. Или, может быть, знал, что девушка, похожая на нее, есть где-то на земле, и подсознательно повсюду искал ее. Она же смотрела на меня с полным равнодушием. Котенок, которого она гладила, был для нее важнее, чем я.

— Мудрейшая Урсила. Она живет в Ка Ду Проне? — спросил незнакомец.

— С тех пор, как моя мать вернулась из Гард Хавела. Я не... — Рассказать о себе самое сокровенное... Мне было очень трудно показать перед Лунной Феей, что я не хозяин своей судьбы. Но я знал, что этим троим я должен говорить только правду. — Урсила мой враг, но не до конца. Она хочет, чтобы я выполнял ее волю. Ее посланец (я был уверен, что ястреб служил ей) отобрал у меня пояс. Сейчас она, наверное, ищет меня опять.

— Расскажи-ка мне об этом поясе, — приказал незнакомец таким тоном, каким пользовался Пергвин, обучая меня искусству боя.

Я рассказал о том, что произошло: как я получил пояс в подарок, о превращении, которое он вызвал, о том, как Могус воспользовался этим, чтобы изгнать меня из замка, и о нападении ястреба.

— Значит, ты считаешь, что без пояса ты не станешь опять человеком? — спросил незнакомец, выслушав меня.

— Я так думал до сих пор. Но что же сделали вы, Миледи, чтобы превратить меня в человека?

Она показала пальцем на мою голую грудь. Взглянув туда, я увидел небольшой хрустальный шар, а внутри него побег растения, который уже не казался таким свежим, как раньше, — он слегка подвял.

— Моли, — сказала Лунная Фея. — Это трава, которая разрушает любое колдовство, пока не завянет. Как только она увянет, — она пожала плечами, — ты опять станешь леопардом, пока не узнаешь какое-нибудь более сильное средство.

Мне показалось, что я увидел удовлетворение в ее глазах. Неужели из-за того, что я совершил столько глупостей в своей жизни, я не достоин помощи и сочувствия? Мое отношение к ней слегка изменилось, потом я сильно разочаровался на нее. Кто она такая, чтобы осуждать меня?

Незнакомец не обратил на нее никакого внимания, а, наоборот, приказал:

— Дай мне твою руку!

Когда я протянул руку, он внимательно осмотрел линии, которые увидел на моей ладони. Я опять заметил, как почти незаметно изменилось выражение его лица.

— Твое превращение было вызвано не поясом, — его голос звучал глухо. — Он только послужил средством, с помощью которого оно произошло. Став причиной твоего превращения, он стал и средством, с помощью которого Мудрейшая может управлять тобой. А если она уничтожит пояс...

— Я навсегда останусь леопардом? — спросил я, пока он молчал.

— При теперешнем положении дел — да, — согласился он.

Если пояс попадет к Могусу, ему нужно будет просто уничтожить его, и все. Силы возвращались ко мне, они толкали меня к немедленному возвращению в замок. Если я встречу Могуса в человеческом облике, я смогу вызвать его на бой. Что сказала девушка о моли? Я уставился в шар. Сомнений не было: она засыхала.

— Можно получить другую? — взяв шар в руки, спросил я у всех троих.

Женщина покачала головой.

— Моли действует на человека только однажды.

— Тем не менее,— девушка продолжала поглаживать котенка, которого держала на руках, второй в это время встал на задние лапы, поставив передние ей на брюки,— ястреб продолжает летать над башней. Может, он сообщит в замок о том, кто здесь находится...

— Нет, пока — нет,— не согласилась хозяйка.— Я прочитала заклинание...

— Оно не действует,— спокойно возразила девушка, напугав своим сообщением мужчину и женщину.

Женщина заторопилась из комнаты, девушка — за ней. Я посмотрел на мужчину, надеясь получить разъяснение того, что происходит, и увидел, что он изучает меня.

— Здесь чувствуется колдовство,— сказал он медленно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что ты привязан к поясу, а он находится вне этих стен в руках Мудрейшей, владеющей колдовством.

— Значит, пока я здесь,— я понял его мысль,— ваша защита не действует.

— Сейчас это не имеет значения,— он пожал плечами, как будто так и было.— Расскажи мне о том странствующем торговце Ибикусе. Что он из себя представляет?

— Моя мать сказала, что он гораздо именитее, чем кажется. Она считает, что он посвятил леди Элдрис в тайну пояса, чтобы она могла использовать его против меня. Я... Я тоже считаю, что он не настоящий торговец.

— Если все это так, почему тогда ты взял пояс?

— Потому что, стоило мне взглянуть на него, как меня охватило непреодолимое желание иметь его, я ничего не мог поделать,— я сказал ему правду, понимая, что после этого он мог подумать, что я слабый человек, не умеющий противиться своим желаниям. Не знаю, почему, но мне не хотелось, чтобы незнакомец плохо думал обо мне из-за того, что ему пришлось спасти меня из-за моего упрямства.

Все три обитателя Звездной башни смотрели на меня, как на низшее существо, им было совершенно все равно, что я о них думаю. Это открытие вынуждало меня что-то предпринять, чтобы изменить их мнение обо мне.

— Пояс,— я попытался вложить в эти слова все свои чувства,— дал мне свободу.

— Да, но сейчас он подчиняет тебя чужой воле,— сказал незнакомец.— Чтобы справиться с этим колдовством, есть только одно средство.

— Вернуться в замок и попробовать получить пояс от Урсилы? Вернуться в человеческий облик и уничтожить его? — я закидал его вопросами.

— Пояс — лишь атрибут колдовства, ты должен научиться им пользоваться.

— Но как? — спросил я.

— Ответ находится в тебе, и ты должен сам найти его. — Его слова были не понятны мне. — Я уверен только в одном: Ка Ду Прон очень опасен для тебя.

— Если я хочу вернуть себе пояс, я должен вернуться туда, — медленно сказал я. — А если действие моли продлится недолго... — я испустил громкий стон, взглянув на засыхающую в шаре травку, — тогда я должен придти туда в облике леопарда.

Он пристально смотрел на меня. Было что-то такое в его желтых глазах, что...

— Вы снежный кот?

Он не отрицал, но и не подтвердил мое открытие, но я знал, что я прав.

— Но... — я взглянул на пояс, сделанный из обычной выделанной кожи, который был надет поверх жилета. Многие обитатели замка носили такие. — У вас нет пояса, тогда как...

Он покачал головой в ответ. Я почувствовал, что в комнате присутствуют колдовские силы. Теперь я понял, почему эти трое не называли мне своих имен. Древнее правило гласило: никогда не называй своего имени незнакомым людям, если не хочешь, чтобы на тебя воздействовали с помощью колдовства. Я был уверен, что мне ничего не грозит от обитателей Звездной башни. Я также считал, что они поступают правильно, отказывая мне в убежище: ведь из-за этого они сами могли пострадать.

— Зло собирает силы, — прервал молчание снежный кот. Я не понял, что он хотел этим сказать. — Те, кто выбрал для себя путь служения Тьме, готовятся вновь напасть. У меня вопрос насчет Ибикуса. Тебе не показалось, что он посланец сил Зла?

Я покачал головой.

— Нет, скорее, наоборот. Я почти спросил у него, не является ли он посланцем Высшей Расы.

— Высшей Расы, но тогда это меняет дело. — Он взялся за рукоятку длинного охотничьего ножа, слегка вытащил его из ножен, затем отправил назад. — Да, возможно, наступает время, когда мы, жители Арвона, должны решить, с кем мы. Очень кратким был мирный период. — Он плотно сжал губы и прикрыл глаза, обдумывая услышанное. В этот миг он не казался таким молодым, как раньше. Я подумал, что он уже очень долго живет в Арвоне. — И сейчас, — он окинул меня тяжелым взглядом, — шутить с силами, значит, приглашать к себе зло. Мне не нравится, что ястреб, который, скорее всего, был послан твоей Мудрейшей, кружит сейчас над этой башней.

В нем чувствовалась решимость, я бы даже сказал, угроза. Не прощаясь, он вышел, а я остался стоять возле кровати, всматриваясь в моли, которая на некоторое время освободила меня от колдовства, но на какое — неизвестно.

Когда незнакомец вышел, я с интересом посмотрел по сторонам, чего не мог сделать, когда хозяева находились в комнате. Странная форма. Одна стена была скошена из-за того, что комната находилась в луче звезды. В помещении не было ни картин, ни украшений, как это принято в замках. В комнате стояла узкая кровать, похожая на полку. У стены стоял красивый резной сундук, напротив — небольшой стол, на котором были кувшин с водой и таз для умывания. Поистине бедная обстановка. Да, но здесь я чувствовал себя самым собой, в замке такого не происходило. На стенах были видны признаки времени, как в замке — истлевшие гобелены. Но не время давило на меня и заставляло чувствовать бесцеремонным, навязчивым гостем, а что-то другое, что окружало меня.

Такое ощущение в доме, куда привезли меня не по своей воле, казалось странным. Я никогда не имел дела с колдовством: у меня не было способностей. Но это была настоящая обитель, нет, скорее, крепость, насыщенная колдовскими силами. Очень немногие были способны на это. Тогда почему мне не хочется уходить?

Встав на ноги, я почувствовал, что силы возвращаются ко мне. Я мог двигаться, не испытывая никакой боли, нажимал на свои раны изо всех сил, затем вывернул шею так, чтобы рассмотреть их — они почти зажили, покрывшись новой розовой кожей. Я не имел права оставаться здесь дольше — я был здоров. Ястреб в небе свидетельствовал об этом. Я не мог принести неприятности тем, кто так помог мне, хотя они и считали меня недостойным.

Последнее было весьма неприятно для меня. Равнодушные Лунной Феи особенно задевало. Почему мне хотелось заслужить ее расположение? Ведь я обручен. Нет, просто глупо ждать нежного отношения от Тэни. Я должен отбросить эти мысли.

Я...

С той же скоростью, с которой я недавно стал человеком, я превратился в леопарда. Шарик, который я только что сжимал в руке, потускневший, висел около моей лапы. Я опять был леопардом с четырьмя лапами, покрытый шерстью. Зеленый побег в шаре засох и потемнел.

Я услышал звериное рычание у дверей. Один дикий котенок рычал на меня, второй шипел. Это вернулась Лунная Фея со своими друзьями. Ее не удивило мое превращение.

Возможно, она раньше уже догадывалась, что действие моли прекращается. Да, теперь чем скорее я покину Звездную башню и вернусь в лес...

В первый раз я заметил, как смятчился ее взгляд, и она улыбнулась, а я не смог сдержать рычания. В этот миг все мои попытки остаться равнодушным к ней рухнули. Она опустила котенка на пол, и он тут же удрал, продолжая шипеть. Затем она подошла ко мне и сняла цепочку, на которой висел шар.

— Послушай.— Ее пальцы легко коснулись меня, и я еще долго ощущал прикосновение после того, как она убрала руку.— Ты хочешь уйти — это хорошо. Но послушай! Есть еще одно средство, чтобы избавиться от колдовства, наложенного на тебя. Мы не можем сказать тебе, какое, — нам запрещено — и мы не можем послушаться. Если ты сам сможешь узнать, как это сделать, ты будешь обладать способностями, о которых и не подозревал. Я не могу больше ничего сказать. Я верю — ты найдешь способ.

Она отошла в сторону, и я вышел из комнаты. Через другую дверь я вышел во двор и побежал мимо ароматных грядок с травами к опушке леса. Я оглянулся, только добежав до деревьев. Я ожидал увидеть в небе ястреба, но там никого не было. Был день; от шестов, которые ночью напоминали неяркие факелы, сейчас исходил не свет, а что-то, похожее на клубы дыма, поднимающиеся над церемониальной жаровней Урсилы. Понаблюдав, как клубы дыма соединяются в одно облако, я попробовал шагнуть назад. Эта проверка подтвердила мое предположение: я не мог вернуться. Тот, кто мешал установить защиту, ушел. Те, кто, без всякого сомнения, помогли мне — спасли мою жизнь и дали, пусть ненадолго, отдохнуть от колдовства, — были вновь окружены стеной защиты.

Мне хотелось остаться неподалеку, но это было бессмысленно. Их защита не пропустит меня обратно. Может быть, если я смогу, благодаря невероятному чуду, стать человеком еще раз, тогда я смогу вернуться сюда и миновать любую защиту. Но надежда была очень слабой.

Вместе с тем слова Лунной Феи... Как бы мне хотелось узнать ее имя. Она и оборотень, которые спасли мне жизнь, подсказали, что есть еще один способ, кроме пояса и моли, чтобы вернуть себе человеческий облик. Я не обладал колдовскими способностями, они должны были почувствовать это: использование колдовских сил нельзя скрыть от тех, кто обладает способностями. Они не подали бы мне надежды, если бы знали, что я не смогу этого сделать.

Теперь я должен заняться этим, хоть у меня нет особых познаний, которые могли бы мне помочь... Если ястреб Ур-

силы все еще ищет меня, то сначала нужно найти место, где он не мог бы найти меня. А затем заняться поисками ответа на загадку, которую мне загадали в Звездной башне.

ОБ ОТКРЫТИИ, КОТОРОЕ Я СДЕЛАЛ, И О ТОМ, КАК Я СОБИРАЛСЯ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ

Мне некуда было идти, и я решил вернуться к реке. Там я наловил рыбы, поел, затем нашел укромное, защищенное сверху место среди скал. Я забрался туда, в небольшую пещеру, надеясь, что крылатые лазутчики Урсилы не найдут меня здесь.

У меня в голове крепко засело то, что мне сказали в башне. Они не пытались подшутить надо мной, они были уверены, что существует иной способ вернуть человеческий облик, значит, он и в самом деле существует. Незнакомец, который был снежным котом, не носил пояса, хотя он вполне мог быть оборотнем.

Может, мне заняться поисками какой-то травы, вроде моли? Полная невозможность осуществить это на практике потрясла меня, и я тут же отбросил эту мысль, как совершенно нереальную. Может, мне поможет какой-нибудь ритуал? Но я не мог узнать его. Только обладающие колдовскими способностями умели произносить заклинания и выполнять ритуалы.

Вновь и вновь я вспоминал последние слова Лунной Феи. Есть средство. Если его не существует в окружающем меня мире — тогда внутри... Внутри меня! Значит ли это, что у меня есть какие-то способности? Если это так, то Урсила должна была бы давно понять это. Или...

Моя память перенесла меня в тот странный день, когда Мудрейшая и моя мать произнесли надо мной какое-то заклинание перед моим переходом в башню Юности. Предположим, что Урсила распознала во мне какие-то способности и решила подавить их, не дать им развиваться. Для этого она вместе с матерью наложила на меня заклинание той ночью.

Колдовству, общению с Силами нужно учиться, хотя нужно иметь и врожденные способности. Потребуется немало труда, прежде чем ими можно будет воспользоваться. Можно овладеть мудростью, заключенной в древних рунах, и не суметь применить ее на практике. Да, Урсила, когда давала мне уроки, выбирала лишь некоторые руны для чтения, остальные были закрыты от меня, и она не давала мне ни малейшей возможности взглянуть на них. Может, в тех рунах было что-то, и она боялась, чтобы я не узнал

об этом. Чем больше я об этом думал, тем крепче становилось мое убеждение, что меня сознательно не допускали к знаниям, которые могли подсказать мне путь достижения свободы.

Есть у меня способности или нет, но обитатели Звездной башни знали, что я смогу освободиться от заклятия, перенесшего меня в тело леопарда, если найду, как сделать это. А их мнению я доверял.

Вокруг ничто не могло помочь мне. Я склонялся к этому все больше и больше. Я должен искать ответ в себе самом, возможно, он спрятан там с помощью чар Урсилы, или я просто никогда не думал об этом.

Кто я? Для обитателей замка я был Кетаном, наследником лорда Эрака. Для матери и Урсилы я был средством достижения власти. Для Могуса, Тэни и леди Эддрис я был препятствием, мешавшим достичь того, чего они хотели, — все той же власти. Для всех них я был не человеком, а предметом, который мог помочь или помешать осуществлению их желаний. Какое значение для них имели мои собственные чувства и желания?

Пояс! Зачем Ибикус принес его? Я был совершенно уверен, что торговец, а, может быть, и вовсе не торговец, имел определенную цель для этого. Кто такой этот Ибикус, и почему он решил вмешаться в мою судьбу? Возможно, я придавал слишком большое значение той короткой встрече с ним ранним утром. Воссоздавая эту встречу в памяти, я вновь и вновь ощущал в ней какую-то цель. Он не принадлежал к силам Зла. Моя мать подозревала, что, передавая этот пояс леди Эддрис, он хотел причинить мне вред. Я не верил в это. То, что он говорил мне, звучало не как угроза, а как доброе пожелание. Значит, в поясе скрыт какой-то смысл, это не просто средство для Урсилы. Пояс не лгал мне, он и вправду обещал свободу. Только у меня его не было.

Опять я возвратился к тому, с чего начал: если и существует средство снять заклинание, то я не знаю его, у меня нет шансов узнать его без подсказки со стороны.

Я лежал, глядя на скалы и реку. Пару раз я слышал шум крыльев над головой, но ни разу не видел злобного посланца Урсилы. Ключ внутри меня... Во мне сейчас объединились человек и леопард, как я это уже давно обнаружил. Во мне жил человек, который планировал наперед, надеялся и поддавался отчаянию, и был леопард. С ним приходилось считаться: он жил по инстинктам, испытывал вспышки ярости и голода, разум его весьма отличался от человеческого. Может, в этом разуме и было спрятано средство?

Разве мог я позволить, чтобы человек по своей воле, без борьбы уступил первенство леопарду, растворился в нем?

Меня передернуло от этого. Мне было страшно, что моя человеческая сущность может раствориться в звере. Но если я хочу найти средство возвратить себе человеческий облик, то должен искать, и не где-то во вне, а исследовать запутанные и непредсказуемые глубины в себе самом.

Полный решимости, я собрал все силы человеческого разума и дал свободу душе леопарда, чтобы погрузиться в нее и изучить. Я по-прежнему лежал в своем укрытии, готовясь совершить путешествие, не сходя с места. Глубже, глубже, мимо слоя охотничьих инстинктов, инстинктов нападения и защиты, вниз, глубже, глубже. То, что было Кетаном, погружалось в атмосферу мыслей, абсолютно чуждых для человека. Он почти растворился в незнакомом мире. Но Кетан опускался все ниже и ниже. Ум человека достиг точки, откуда уже не было возможности выбраться. Остаться здесь — ну, нет! Бороться за себя, за свою свободу, выбраться из этих глубин. Я выдержал такую битву, с которой не могло сравниться ничто, никакой поединок. Вверх, вверх, прочь из этих глубин! Как утопающий, вынырнув из воды, стремится вдохнуть как можно глубже, захватив больше воздуха, чем ему нужно, и задыхается, также и душа Кетана стремилась вырваться из второй составляющей его натуры, в глубь которой он проник. Наверх, прочь!

Я лежал, тяжело дыша, будто и в самом деле выдержал схватку с врагом. Кетан вновь был хозяином положения. В глубинах сущности леопарда не было того, что я искал. Теперь я знал это почти наверняка. Тогда это знание должно быть скрыто во мне самом.

Но как искать в себе самом? Может, воспользоваться тем же приемом: позволить леопарду искать во мне, как он ищет свою добычу. Я не знал, как это сделать. То, что я обнаружил в глубинах зверя — бешеную энергию, беспредельное терпение, стремление к победе над противником, — все это вместе составляло силу, не уступающую силе человеческой воли. Если я смогу воспользоваться этим, обуздав остальное, присущее леопарду, то, может быть...

Моя память не могла мне помочь в этом, туда я уже обращался, нет, не в моих воспоминаниях крылся ответ на этот вопрос. В том, что скрыто в подсознании, о чем я и не подозревал, — вот где нужно было искать.

Я воссоздал в своем воображении комнату, в которой стояли высокие стеллажи со свитками рун, плотно уложенных на полках. Каждый свиток содержал какую-то часть древних знаний. Но какую из них мне нужно взять в руки и прочесть, чтобы обрести необходимое?

Картина, рожденная в моем воображении, становилась тем отчетливее и острее, чем сильнее становилось мое желание и

усилие воли. Медленно, с огромной осторожностью я собирал энергию звериной натуры леопарда, прилагая большие усилия, чтобы сдерживать свою собственную волю. И вдруг свершилось — свитки рун, рожденные в моем воображении, были передо мной. Я как бы очутился рядом с ними, и мне оставалось только выбрать нужный свиток, развернуть его и прочесть. Да, я попал в комнату, которую представил себе. Кетан шел вдоль стеллажей как человек, действительно находящийся в комнате. Время от времени я останавливался, но ничто не подсказывало мне, что я находился в нужном месте, что именно здесь хранится знание, в котором я так сильно нуждался. Может быть, я искал не там? Я с яростью отбросил всякие сомнения. Нет, знание было где-то здесь, и я должен найти его.

Все глубже и глубже погружался леопард в мое подсознание, острее и реальнее становилась картина, я отчетливее воспринимал руны, записанные в свитках. Я путешествовал в самых глубинных пластах своего подсознания. И вдруг передо мной возникла темная тень, ловеще преграждая путь Кетану. Я знал, что это то самое препятствие, которое когда-то воздвигла для меня Урсила. Сил одного Кетана было явно недостаточно, чтобы преодолеть его. Но, объединившись, Кетан и леопард смогли сделать это. Продвигаться вперед было очень трудно, временами мне казалось, что я шел через болото: ноги до колен проваливались в засасывающий ужас трясины, тропинка то и дело сужалась до минимума. Но я продирался вперед, черпая в звере силы и волю, необходимые для победы. И вот препятствие позади. Что-то хранилось здесь в запертых от меня глубинах памяти, то, чего боялась Урсила. Вполне может быть, что это способ перевоплощения. Какой свиток, где?

Дальше, дальше! Я так долго искал, что надежды на удачу почти рассеялись. На стеллажах оставалось все меньше и меньше свитков. Какие воспоминания были скрыты в таком раннем детстве, и какое значение они имели сейчас?

Я дошел до последнего стеллажа — оставалось всего три свитка. Но моя рука (я представлял, что я и в самом деле нахожусь в комнате) потянулась к последнему свитку. Я вытащил его и развернул.

Там был рисунок, но совершенно понятный, его яркие краски переливались. На полу лежит тело леопарда, над его головой появляется человек, а в глазах у него... Теперь я знал!

Я покинул воображаемую комнату и вернулся в окружающую меня действительность. Мне хотелось побыстрее узнать, смогу ли я воспользоваться найденным средством. Я лежал в укрытии настолько обессиленный, что не мог даже

приподнять свою теперешнюю голову, покрытую шерстью. Я был так измотан, как будто только что без отдыха пробежал огромное расстояние. Но я победил!

Осталось только проверить, смогу ли я воспользоваться тем, что обнаружил. Но не сразу. Мне нужно отдохнуть. Приближались сумерки. Вдруг я почувствовал чье-то присутствие. Я был настолько глубоко погружен в себя во время поисков, что не услышал предупреждения внешних органов чувств. Я увидел всадника, который целенаправленно двигался вдоль реки, приближаясь к моему укрытию.

Я уже видел его раньше. На нем был шлем, увенчанный орлом. Это он тогда беззвучно разговаривал со снежным котом неподалеку отсюда. Лошадь его шла уверенно, не спотыкаясь, по рыхлому берегу ручья. Всадник свободно держал поводья, не натягивал их, позволяя лошади самой выбирать дорогу.

Чем ближе подъезжал он ко мне, тем глубже забирался я в свою расщелину. Его встреча со снежным котом была, без всяких сомнений, дружественной, но это ни в коей мере не означало, что он так же отнесется ко мне: ведь я был в облике зверя. У меня не было причин привлекать его внимание.

Я пытался рассмотреть его лицо, скрытое шлемом, но это было трудной задачей даже для зорких глаз леопарда. В нем было что-то знакомое, а когда он подъехал ближе, я понял, что. Человек, увенчанный орлом, был очень похож на незнакомца из Звездной башни — еще один оборотень.

Стук копыт и легкое позвякивание кольчуги о седло стихли вдали. Я осмелился выползти из своего укрытия и взглянуть туда, где скрылся всадник. Лошадь переходила вброд мелкий ручей, направляясь к башне. Я наблюдал за всадником, спрятавшись за камень.

Перед наступлением ночи я убил какое-то тихходное создание, названия которого я не знал и никогда раньше не видел. Оно очень напоминало ящерицу, только гораздо большую. У него был яркий разноцветный хвост, который вызвал омерзение у моей звериной части, так что я полакомился лишь половиной его.

Силы мои возвратились. Я мог теперь приступить к испытанию. Я знал, что мне делать. Если то, что я узнал, поможет мне стать снова человеком, нужно испытать полученное знание. Я не мог быть самим собой, не получив назад свой пояс. Возвратиться в замок, в логово моих врагов, я мог только в облике человека, тщательно все спланировав.

Луна в ту ночь убывала. Ее сильное воздействие на меня во время моего перевоплощения уменьшилось. Лучшего момента для первой попытки нельзя было выбрать. Под убывающей Луной на вершине горы я начал борьбу. Как раньше я пытался вызвать свои воспоминания, так теперь я пытался воссоздать в своем воображении облик Кетана, человеческого облик. Все четче и четче становилось изображение. Наконец, я закончил, Кетан был создан. Это напоминало движения ключа в заржавевшем замке, который никак не поддается. И вот...

Ночной ветер охлаждал голое тело, которое уже не было покрыто меховой шубой. Я стоял, протянув руки к Луне, охваченный триумфом, мне хотелось кричать от счастья. Но я недолго оставался в облике человека, я смог удерживать изображение Кетана лишь несколько мгновений. Я вновь стал леопардом.

Но я совершил его. Я знал тайну перевоплощения. Как это мне удалось, если я ни по крови, ни по рождению не был оборотнем, оставалось тайной. Теперь время от времени я мог изменять свой облик и становиться человеком, я понимал это. Мне придется напрячь все человеческие силы, чтобы подчинить зверя своей цели до тех пор, пока я не научусь надолго становиться человеком. Так надолго, чтобы вернуться в замок. Урсила и Могус ожидают зверя. Я же явлюсь к ним в человеческом облике, и они не смогут ни схватить меня, ни убить, потому что понесут наказание за вред, причиненный законному наследнику.

Я был еще далек от формы, необходимой для возвращения в замок. Времени у меня было немного, и я не мог позволить себе необдуманных поступков. Так началось мое самообразование. Днем я прятался в расщелине, а ночью «вставлял ключ в замок» и поворачивал, поворачивал. Серп Луны уменьшался с каждым днем, мое умение оставаться Кетаном крепло с каждой попыткой. Я надеялся, что к наступлению новолуния буду готов для посещения Ка Ду Прона. Я отправился в путь к замку, прячась днем и передвигаясь по ночам.

Что-то происходило в лесу под огромными деревьями, я был уверен в этом, ощущая мир новыми, рожденными во мне способностями. По дороге я не встретил лесных племен и, сделав большой круг, миновал Звездную башню, закрытую для меня даже после того, как я научился менять свой облик. Я не видел и не слышал, а ощущал какое-то движение. Я не знал, происходит ли это благодаря острым чувствам леопарда или проснувшимся во мне колдовским способностям.

В лесу мне встречались участки, которых я избегал с внутренним содроганием. Мне казалось, что их становится все больше и больше, как будто посеянное кем-то зло росло и размножалось, охватывая все большие территории. Когда я был здесь в первый раз, я совсем не ощущал этого.

Возможно, наступление Царства Тьмы, о котором говорил Пергвин, началось. Если это так, то новая Луна помогает им, потому что Тени из Царства Тьмы действуют только в темноте, свет вреден, иногда даже смертелен для них.

Я добрался до полей, окружающих замок, вечером перед новолунием. Именно этой ночью я должен был проникнуть в замок. Меня очень озадачило то, что происходило в лесу. Казалось, что с заходом солнца над полями растекалась опасность.

В окнах домов в поселке и в башне зажглись огни, хоть было еще очень рано, я с испугом отметил это. У ворот, без сомнения, должны быть часовые. Я не смог бы войти туда даже в облике человека. Впрочем, мне нужна одежда.

На опушке леса, недалеко отсюда, есть хижина пастуха. Я пошел туда. Флаг лорда не развевался над башней. Это означало, что его не было сегодня в Ка Ду Проне.

С большим трудом, как будто это происходило год назад, я вспомнил разговор о смотре сил в замке Верховного Лорда всех представителей Клана Красной Мантии. Я не считал, сколько дней провел в лесу, возможно, пришел уже день сбора. Может, отсутствие основной части воинов облегчит мою задачу? А если, наоборот, их отсутствие заставит оставшихся быть более бдительными?

Я обнюхал дверь в хижину: овцы, человек, но запахи старые. Я всунул лапу в щель, потянул на себя, и дверь открылась. В единственной комнате никого не было. Удача опять сопутствовала мне: в комнате висела лохматая овечья шуба, такие обычно носят пастухи, когда зимой перегоняют скот в утепленный хлев.

Этой ночью было очень темно, или мне просто хотелось этого. Я старался не позволить моим желаниям обмануть меня. В конце концов, я настроился, сосредоточился — и Кетан стоял в комнате. В длинной пастушьей шубе я направился в замок. Я шел вдоль стены, окружающей его, скрываясь в тени. У ворот был часовой — отлично. Он внимательно всматривался в окружающую темноту, в любую минуту ожидая появления врага.

Я притнулся. Возможно, мне стоило напасть на него. На время я мог бы стать леопардом. Но я не мог принести вред человеку, выполняющему свой долг. Мне вдруг пришло в голову, что, если я пролью сейчас чью-то кровь, меня ожидают огромные неприятности. Мне не подходят звериные повадки.

Дойти до места и не иметь возможности пройти дальше — я не мог этого вынести. Но я не видел выхода и был на распутье, во мне росло чувство обреченности. Вдруг я ощутил присутствие колдовских сил; так в лесу я чувствовал присутствие сил Зла.

Я, совершенно потрясенный, смотрел на часового. Я видел, как он вдруг застыл, уставившись в одну точку, и как бы окаменел. Откуда мне пришла помощь, которая убрала эту преграду, я не знал. Я тут же воспользовался случаем и проскользнул во двор. За спиной я услышал движение и быстро обернулся, ожидая увидеть часового с обнаженным мечом. Но часового, даже не повернувшись ко мне, продолжал ходить вдоль ворот. Он вышел из состояния окаменения, ничего не почувствовав.

Но почему? Моя радость сменилась гнетущим подозрением. Я не ощущал сил Зла, но уж слишком быстро кто-то пришел мне на помощь. У меня в замке не было друзей. Урсила?..

Каким-то образом я почувствовал, что должен встретить ее. Но я уже не был тем зеленым юнцом, которого она легко подавляла раньше. Познав натуру леопарда и глубже осознав самого себя, я стал другим. Но я должен быть начеку: нельзя недооценивать Мудрейшую.

— Приветствую тебя, Кетан!

Я совсем не удивился. Как я и предполагал, Урсила стояла в тени башни около дверей. Как воин идет навстречу своему противнику на поле боя, я двинулся к ней. Не успел я подойти, как она открыла дверь и вошла в башню. Я видел лишь слабый свет лампы. Выбора у меня не было: я должен был следовать за ней. Мой гиацинтовый леопард был там, где была Урсила. Но я не знал, как себя вести с ней. У меня не было никакого плана. Одно я знал точно: на сделку я не пойду...

Я вошел в башню и увидел ее на лестнице. В руке у нее была лампа, слабый свет которой осветил меня. Я увидел, как ее глаза блеснули от неожиданности: она не ожидала увидеть меня в человеческом облике. Неужели она не видела меня во дворе? Урсила, наверное, почувствовала мое присутствие благодаря своим способностям.

Она пошевелила свободной рукой, и я заметил ее колдовской жезл, длинный, красно-черный, вырезанный из кости, весь покрытый рунами. Мне было ясно, что она именно этого и хотела. Могус в аналогичной ситуации тоже стремился убедиться, что я вижу его обнаженный меч, готовый к бою.

— Приветствую тебя, Мудрейшая! — проговорил я впервые после встречи. Повелительным движением жезла она звала меня дальше.

Я почувствовал, что леопард во мне набирает силу, я не сопротивлялся этому. Не нужно, чтобы Урсила знала, на что я способен. Если ей хочется узнать, как хорошо я овладел способностью к перевоплощению, пусть верит, что пока не очень хорошо. Мне нужно собрать всю свою волю и до поры до времени скрыть ее. В критический момент только сильная воля сможет спасти меня.

В облике зверя я медленно поднимался за ней по лестнице.

КАК УРСИЛА ПОЙМАЛА МЕНЯ В ЛОВУШКУ, А МОЯ МАТЬ ПРЕДСКАЗЫВАЛА МОЕ БУДУЩЕЕ

Только когда я зашел в комнату Урсилы, она повернулась ко мне. Кроме лампы, которую она держала в руке, здесь было еще три лампы. В их свете мы хорошо видели друг друга. Урсила улыбалась.

— Ты понял, Кетан, что не нужно меня избегать? — медленно спросила она. Урсила смаковала каждое слово, как гурман смакует редкое блюдо. Я всегда высоко ценил ее способности, но не мог сказать об этом. Я был леопардом.

Мудрейшая села на единственный в комнате стул, похожий на те, что стояли в комнате моей матери и леди Эддрис. Она медленно осмотрела меня со всех сторон, с головы и до хвоста. На ее лице появилось удовлетворение. Я почувствовал в ней веру не только в свои собственные способности, но и в меня, лежащего перед ней. Она испытывала удовлетворение от того, что я был рядом.

— Дважды я звала тебя, — продолжала Урсила. — А ты по своей глупости отказался. За это ты в свое время будешь наказан. Но сначала...

Она опять направила на меня свой волшебный жезл. Я закричал от боли. Мне показалось, что она вонзилась мне в горло и колола, и рвала его изнутри. Я давился, изо рта потекла слюна. Урсила наклонилась ко мне, она смотрела прямо в мои глаза.

— Ты понимаешь, Кетан? Я могу превратить тебя в прах, ответь мне! — Настолько повелительным был ее приказ, что язык и губы у меня зашевелились.

— Понимаю, — слова звучали расплывчато, ведь говорил леопард, никогда в жизни не говоривший по-человечески. Но их можно было понять.

Она энергично кивнула.

— Хорошо! А сейчас ответь мне: какие силы встали между нами во время нашей последней встречи?

Она имела в виду путешествие в стране Теней. Но, в этом я был уверен, в отличие от снежного кота, она не умела разговаривать мыслями. В противном случае она не наделила бы меня способностью говорить. Из этого также следует, что она не могла читать мои мысли. У меня была возможность подобрать такие ответы, которые раскрывали бы лишь часть правды, чтобы она поверила мне. Но не всю правду.

— К-о-г-д-а в-ы п-о-з-в-а-л-и,— мне было очень трудно говорить, мое горло болело от постоянного напряжения,— я б-ы-л н-а г-р-а-н-и-ц-е м-е-с-т-а, г-д-е с-и-л-а-м-и б-ы-л-а п-о-с-т-р-о-е-н-а з-а-щ-и-т-а, и о-н-а п-р-е-р-в-а-л-а н-а-ш к-о-н-т-а-к-т.

— Место, где действуют силы,— повторила Урсила.— В лесу много таких мест, давно забытых. На что похоже место, которое ты обнаружил?

Мне не хотелось говорить ей о Звездной башне или о поляне, где росли лунные цветы. Хоть меня там и не приютили, но помогли в трудную минуту и залечили мои раны. А снежный кот спас мне жизнь (и не только физически, он вернул мне надежду), разорвав паутину страшного охотника. Развалины! Я никому не наврежу, если расскажу о развалинах.

— Д-в-е-г-л-ы-б-ы с д-р-е-в-н-и-м-и р-и-с-у-н-к-а-м-и, н-о и-с-т-е-р-т-ы-е в-р-е-м-е-н-е-м. О-н-и о-х-р-а-н-я-ю-т р-а-з-в-а-л-и-н-ы: б-л-о-к-и, с-в-а-л-е-н-н-ы-е в б-е-с-п-о-р-я-д-к-е. Я н-е-м-о-г-у с-к-а-з-а-т-ь, ч-т-о э-т-о б-ы-л-о з-а м-е-с-т-о.

Колдовской жезл шевельнулся, и я почувствовал острую боль между глаз. Таким образом, насколько я понял, она проверяла, говорю ли я правду. Мне стало не по себе из-за того, что она сможет узнать от меня то, что я хочу скрыть от нее.

— Ты говоришь правду. Позже ты расскажешь мне подробнее об этом месте. Если даже его развалины могут разрушить мое заклинание, то какой силой обладал тот, кто собрал в одном месте столько сил в далеком прошлом! Ты смог опять стать человеком рядом с этим местом, Кетан?

— Да.— Я приготовился ко второй проверке на правдивость. Интересно, что она сделает, если решит, что я обманываю ее. К моему огромному облегчению, она приняла мой ответ, не проверяя его правдивость.

— Колдовские силы! Да, обязательно нужно найти это место.— Пальцы руки, в которой не было колдовского жезла, как будто пытались схватить что-то. Затем она вздохнула.— Нет, это может подождать до лучших времен. Что же касается тебя, оборотень,— она опять обратила все внимание на меня,— ты будешь делать то, что я скажу. Мой посла-

нец, оставивший раны у тебя на спине, сделал все, как нужно. Пояс — у меня, с его помощью я многое могу сделать. Ты сможешь узнать об этом лучше, если будешь сопротивляться моей воле!

В ее ледяном голосе звучала не простая угроза, а явное предупреждение. Самое ужасное было то, что я не знал, на что она способна. И мог ли я, находясь под воздействием ее сил, воспользоваться своим умением возратить человеческий облик, пусть даже ненадолго. Ответ я мог получить, только испробовав это умение. Но я не должен поступать так, пока не пойму, что это единственный способ защиты от Урсилы.

— Могус стоит во главе замка, пока лорд Эрак уехал на смотр объединенных сил Клана, — продолжала Урсила. — Он приказал выковать серебряные стрелы после первой охоты, когда тебе удалось скрыться, и поклялся, что уничтожит тебя. Сейчас никто в замке не осмеливается перечить ему. Из-за страха перед грядущими событиями — наступлением Теней, — ему было очень легко доказать, что присутствие оборотня в замке откроет двери для сил Зла. Он выступает...

Она замолчала, закусив губу, как будто сказала мне слишком много. Я понял, что она имела в виду. Могус был настроен и против нее, Урсилы. Я решил, что это достаточно глупо. Хорошо зная, на что способна Урсила, я понимал, что у Могуса мало шансов, если Урсила решит открыто выступить против него. Если бы я был на его месте, я бы очень и очень подумал, прежде чем настраивать Мудрейшую против себя — она многое может сделать; и мало найдется людей, способных противостоять ей.

— Здесь ты в безопасности, — сказала она. Ни одна черточка не дрогнула у нее на лице, но я понял, что она довольна этим. — У тебя здесь нет друзей, Кетан. Даже твоя нареченная, — она злобно улыбнулась, — расторгла вашу помолвку, и ее отец не препятствовал ей, получив свидетельство тех, кто ловил леопарда в стенах замка.

— Если лорд Эрак, — я выдавливал слово за словом из своей звериной пасти, — так сказал, то зачем я тебе нужен? Они никогда не провозгласят меня наследником...

Скупая улыбка не покинула ее лица.

— Ничего подобного. То, что сделало колдовство, оно же может и отменить. Я поклялась, что к тебе вернется человеческий облик, если ты подчинишься мне. И тогда править в замке буду я...

Конца этой фразы я тоже не слышал. Но я мог и сам закончить ее. Если она освободит меня от проклятия, которое, по ее словам, наслали на меня леди Элдрис и Могус,

тогда ее положение будет непоколебимым. Ее станут бояться не только за ее колдовские силы. Я же стану ее рабом, и по малейшему ее капризу опять буду превращен в леопарда. Да, положение Урсилы в замке будет надежным, если я останусь в живых. Могус не сможет до меня добраться, если она сможет воспользоваться поясом и вернуть мне человеческий облик.

В эту минуту мне не хотелось становиться человеком на условиях Урсилы. Я всегда подозревал, что, поддерживая мою мать, она вынашивает свои собственные планы. Сейчас я имел возможность убедиться в этом. В случае, если лорд Эрак умрет, и власть перейдет ко мне, править будет Урсила.

— А теперь, — она встала с высокого кресла и щелкнула мне пальцами, так обычно привлекают внимание собак, — мы спрячем тебя до поры до времени. Это позволит мне обезопасить мое будущее от всяких случайностей.

Униженный, я двинулся за ней во внутреннюю комнату, на полу которой была нарисована звезда. Я как раз находился в центре звезды, когда она направила на меня свой жезл. Затем Урсила направила этот символ колдовской власти, по очереди, на свечи, стоявшие на концах звездных лучей. Все они загорелись, хотя огонь не прикасался к ним.

— Ты в безопасности, — промурлыкала она. — Никто не может подойти к тебе, но и ты не можешь выйти отсюда, мой оборотень. Здесь ты будешь дожидаться моей благосклонности.

Она повернулась и вышла, свечи горели ровным пламенем. Я остро почувствовал присутствие колдовской энергии, мне казалось, что надо мной летало невероятное количество невидимой силы.

К печальному результату привело меня желание освободиться от Урсилы. Пояс был у нее, и в замке найдется никак не меньше полусотни мест, где его можно спрятать. Меня же заперли в ловушку, и я даже не мог отправиться на поиски пояса. Итак, подведем итоги. Что у меня есть? Только способность превращаться в человека, и то очень ненадолго, которую я недавно приобрел.

Я обошел вокруг каменного алтаря, стоявшего в центре звезды, того самого, на который много лет назад моя мать положила меня, а Урсила установила в моем мозгу защиту! Моя мать? Знает ли она, что я вернулся в Ка Ду Прон? Или она настолько находится под влиянием Урсилы, что Мудрейшая не считает нужным посвящать леди Героиз в свои планы насчет меня?

Их взаимоотношения меня мало волновали. Меня волновало то, что я был в ловушке, благодаря колдовству Урсилы. Я осторожно подошел к ближайшему краю звезды.

Поставив ногу на границу, я ощутил такую же адскую боль, как и тогда, когда я пытался войти в сад Звездной башни.

Звездная башня! Я сел на задние лапы. Как Лунная Фея предложила мне, я искал и нашел средство, хотя я еще не слишком хорошо овладел им. Можно ли это средство применить с какой-то иной целью, а не только для перевоплощения? Можно ли собрать мою волю и направить ее наружу, чтобы разрушить невидимую преграду, установленную Урсилой?

Я могу...

Но у меня не было времени, дверь комнаты открылась, и вошла моя мать. Ее богато украшенное платье шуршало по полу пышными юбками, она пристально осматривала меня. Как и Урсила, она улыбалась. Но в ее улыбке не было радости от встречи со мной, а только удовлетворение от того, что я угодил в ловушку.

— Ты сам выбрал свой путь, дурак,— сказала она, остановившись у самого края звезды между двумя свечами. Их прямое, направленное вверх пламя отражалось в ее ожерелье и серьгах. Она была очень пышно одета, как на праздник.— И что из этого вышло?

Я даже не пытался ей ответить тем подобием человеческого голоса, который Урсила вернула мне. Она и так вся светилась от удовольствия, что видит меня в западне. Не стоило добавлять ей еще одного повода для радости.

Леди Героиз засмеялась.

— Ты пытаешься противостоять нашей силе? И ты думаешь, у тебя есть шанс?

Она сказала «нашей силе». Я знал, что Урсила вряд ли согласится с этим утверждением. Неужели моя мать настолько наивна, что думает о Мудрейшей, как о своей помощнице в деле моей поимки. Тогда, возможно, намек на правду раскроет ей глаза и разъединит их. Я подал голос:

— Урсила привела меня.— Я с трудом выговаривал слова.— Она хочет воспользоваться мной. О тебе не было сказано ни слова.

Ее улыбка не изменилась.

— Урсила очень сильна, Кетан. Но я тоже обладаю способностями. Мы с ней сейчас не ссоримся: мы действуем заодно и стремимся к одной цели.

С присущей ей грацией она повернулась между свечами и подошла к столу, над которым висела единственная в комнате лампа. Как и Урсила, она зажгла ее, не прикасаясь. Мне кажется, этим она хотела показать мне, что у нее есть колдовские способности. Я знал, что этот трюк не принадлежал к числу очень сложных.

В этой комнате не было стула с высокой спинкой, а только табуретка на трех ножках, такую можно увидеть в кухне простых обитателей замка. Она была резная и очень старая. Мать села на табуретку и взяла в руки небольшую резную коробочку, которая на цепочке висела у нее на поясе. Я увидел, что она покрыта рунами.

Привычным движением сняв крышку, она вытащила колоду карт, сделанных из жесткого пергамента. Я знал, что она их очень ценила: с их помощью она предсказывала будущее. Обычно люди не пользовались картами. Считалось, что они были связаны с колдовскими силами, чуждыми Арвону. Картами пользовались те, кто давно открыл ворота в иные миры и покинул Арвон. Ими крайне редко пользовались, потому что лишь немногие могли понять, что они предсказывали. Моя мать понимала это и очень гордилась своей способностью. В Гард Хавеле, где ее обучали колдовству, она показала значительные способности в чтении карт, поразив тех, кто обучал ее этому таинству. Во всем другом она не проявила особых талантов. Сейчас она улыбалась, глядя на карты.

— К несчастью, Кетан, ты не можешь перетасовать карты и снять колоду из-за отсутствия рук. Сейчас наступил день и час, благоприятные для предсказания, и я буду думать о тебе, пока делаю это вместо тебя.

Она быстро перемешала карты и, выбрав одну, показала ее мне.

— Это карта будет означать тебя. Это валет треф, молодой и сильный.

Она положила эту карту на стол. И опять быстрыми точными движениями перетасовала колоду и трижды сняла ее в моем направлении, перемешала опять и сняла, а затем еще раз перетасовала. Она уже не обращала на меня внимания, на ее лице явно читалась полная сосредоточенность. Я вдруг обнаружил, что с интересом наблюдаю за ее движениями, с нетерпением ожидая того, что предскажут мне карты.

Сейчас она раскладывала карты в круг, валет треф лежал в центре. Она начала слева, и выкладывала карты против часовой стрелки. Она не взглянула на них, пока не закончила раскладывать. Мать резко отложила в сторону не нужные ей карты и сосредоточилась на тех двенадцати, что лежали на столе.

— В первом доме — Зло, это дом, где ты живешь, — она задержала дыхание, — полная зависимость, колдовство, направленное на тебя. Во втором доме — двойка пик — это место, где ты будешь жить. Лорд, удача, влияние...

Третий дом — здесь лежит Луна — опасность, мечты. Четверка пик в четвертом доме: наступление мира, покоя,

самосовершенствование, убежище.— Она говорила все быстрее и быстрее, по лицу ее вдруг пробежала тень, которой я не мог понять.— В пятом доме — туз пик — рождение, да, приход удачи, наследство. Правильно, все правильно! — кончиками пальцев она барабанила по каждой карте, значение которой она в данный момент объясняла.— В шестом доме — успех, осторожность, успешное преодоление опасности!— С каждым словом ее голос становился все громче, а волнение все очевиднее.— Седьмой дом — шестерка треф — трудности закончатся, за неопределенностью придет успех.

Теперь восьмой дом: здесь сказано о том, что тебе дано от природы, Маг! — Она долго не могла отвести взгляд от этой карты. Удовлетворение на ее лице сменилось удивлением.— Высшее мастерство, мудрость, высокий уровень колдовских способностей, управление высшими силами по своему желанию. Но как это может быть? О нет, это явно не о тебе. Ты только средство, с помощью которого другие могут исполнить свое желание.— Мне показалось, что после этой карты она уже не до конца верила тому, что предсказали предыдущие карты. Что же касается меня, то меня по-настоящему захватило ее предсказание.

Обретение способностей, данных свыше, их использование для выполнения своих желаний. Разве не это я делал, когда научился изменять свой облик? Если она и в самом деле говорила правду, что еще она предсказала мне? Успех, мир. Можно ли верить тому, что это правда?

— Девятый дом,— моя мать явно торопилась быстрее переключиться от этой восьмой карты, такой непонятной и загадочной,— пятерка пик, вот это правда, борьба, чтобы достигнуть успеха, потери, если не проявишь осторожности. Мы будем осторожны и осмотрительны — в этом нет сомнения.

Теперь — одиннадцатый дом. Что здесь? Семерка пик. План, который может провалиться, неопределенность, опять предупреждение. Для нас оно не имеет значения. И самый последний — двенадцатый дом. Хиерофант, доверие, потребность общения с другими людьми.— Она убрала руки со стола и смотрела не на карты, а на меня сквозь пламя окружающих меня свечей.— Ты веришь этому, Кетан? Тебя ожидают великие дела, ты это чувствуешь? Твой путь труден, но дорога к власти не бывает легкой. Я знаю, что ты устал, но тебе обещан успех и объединение с людьми, близкими тебе по духу. Хорошее предсказание, но,— она опять бросила быстрый взгляд на карту, которую назвала Магом в восьмом доме,— этой карты я совсем не понимаю. Часто какая-то часть предсказания остается скрытой до поры до времени. Все остальное совершенно ясно, насколько я по-

нимаю. Ты будешь править в Ка Ду Проне, мой сын, а может, и не только здесь...

Она смотрела на стену у карточного стола. В мыслях моя мать была где-то далеко, в чудесной фантазии, рожденной в ее воображении. Дважды она кивнула в ответ на свои мысли. Затем, быстро собрав карты, она сложила их в футляр и поднялась из-за стола.

— Радуйся, что Урсила защищает тебя, — сказала мать, двигаясь к двери. — Могус выковал серебряные стрелы, он поклялся уничтожить тебя. Серебряные стрелы означают смерть для оборотней. Пусть он правит, пока имеет возможность, он недолго продержится.

Я услышал шуршание ее чудесных юбок по полу, и мать ушла. Ее предсказание вызвало во мне некоторые мысли. Сейчас я пытался припомнить каждую карту и то, как она расшифровывала ее. Предсказание не произвело бы на меня такого впечатления, если бы не Маг, и то, как она интерпретировала эту карту, которая просто потрясла мою мать. Высшее мастерство и мудрость — к этому мне еще стремиться и стремиться. Но такие люди существуют: это представители Высшей Расы, еще несколько служителей сил Добра и несколько, использующих силы Зла. Но они живут отдельно от людей. И можно прожить всю жизнь и не встретить ни одного такого, и даже того, кто знал их.

Без отдыха я бродил вокруг алтаря. Я не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости. Возможно, какая-то сила внутри той ограды, которую выстроила Урсила, освобождала от физических неудобств... Я не мог только проявить терпения и ждать. Мне хотелось выполнить то, за чем я пришел в Ка Ду Прон.

Я начал осматривать комнату, используя всю остроту зрения леопарда. Мне казалось, что Урсила должна спрятать пояс в этой комнате, где хранятся все ее колдовские принадлежности. У стены стоял секретер, двери которого были плотно закрыты. В нем хранились запасы трав, различные жидкости и порошки, которые она использует в заклинаниях. Нет, это слишком просто. В другом шкафу у стены хранились свитки рун, до которых она никогда не давала мне дотронуться. Может, пояс спрятан среди них? Если это и так, то для меня они так же далеки, как Луна.

Я ходил взад-вперед. Нетерпение во мне нарастало. Свечи по-прежнему горели, не уменьшаясь в размерах. Пройдет много времени, прежде чем они догорят до конца. Аромат трав стал гуще, начала болеть голова, на меня опускалась апатия медленно, но верно. Мне казалось, что удача может улыбнуться только Урсиле. И для этого она с удовольствием принесет меня в жертву.

ГЛАВА О ТОМ, КАК ТРОЕ ИЗ ЗВЕЗДНОЙ БАШНИ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ МОЕЙ СУДЬБОЙ

Не знаю точно, когда я почувствовал, что мои враги не интересуют меня. Возможно, внутри меня, когда я пытался и проверял, насколько я могу контролировать себя, большая дремлющая часть моего разума возвращалась к жизни. Возможно, это усиливалось рассказом, который так приятно поразил мою мать, несмотря на то, что она была потрясена той единственной картой.

Такие размышления ни к чему не приводили. Разум Кетана начал принимать на себя ответственность за управление моей двойной натурой. Я умышленно сдерживал неутомимый шаг леопарда и удлинял шаг человека, живущего во мне. Кто-нибудь из тех, кто наблюдал за мной, мог подумать, что я сдался и сейчас покорно ждал, пока Урсила осуществит свои планы.

Это было далеко не так. Я познавал все другим способом, не просто чисто физически. Сначала я исследовал горящие на концах звезд свечи. Мысль, что они каким-то образом контролировали рамки моей формы, становилась все настойчивей. Их пламя было оранжево-красным. Эти цвета перемешивались, что влияло на физическое восприятие и уверенность в себе.

Да, это было колдовство Урсилы. Что стояло за ним? Как никогда раньше, я начал концентрироваться на Колдовстве и Силе. Хотя Урсила тщательно отбирала для меня летописи, которые я должен был прочесть, многие из них детально описывали исследования жителей Арвона в то далекое время, когда лорды и Высшая Раса сражались, не применяя силы или оружия.

Я еще раз вызвал видение в моей памяти. Видение, которое я никак не мог вызвать раньше. На этот раз картина вырисовывалась гораздо быстрее и реалистичнее. Больше я не следил за чем-то неизвестным, а был почти уверен, где лежит то, за чем я буду наблюдать. Против Красного цвета тела стоит Желтый цвет разума? Нет, это было не то, что я искал сейчас, так как Желтый включал логику, о которой у меня не было ни знаний, ни навыков. Что еще может противостоять магии — твердые знания? Магия, которая отвечала за эмоции, преданность и веру. Голубой!

А теперь, что можно противопоставить оранжевому оттенку уверенности в себе: несокрушимую веру в собственную Силу? Опять я погрузился в мысли...

Внутри своей природы человек не создает нечто, а свой собственный образ. Или нет? Кто имел дело с красотой, обращался с ней очень осторожно, зная, что он был только

инструментом, а не действительным творцом, тот мог лелеять красоту, хранить ее. Но то, что рождалось из его собственных усилий, никогда не было таким чудесным, каким казалось до начала рождения. Поэтому он всегда был в состоянии покоя и никогда не чувствовал себя достигшим всего, чего хотел.

Зеленый цвет был Магией этого поиска, лежал на всем, что давно исчезло с земли.

Итак, Голубой и Зеленый. Но если у меня был ответ, то как его применить? Где я когда-либо видел такие цвета, являющиеся признаком Власти?

Картина, представшая в моем воображении, исчезла. Я еще раз начал всматриваться в тропинку в саду, где стояла Звездная башня, в зелено-голубые камни, находящиеся в пышно раскинувшихся травах. Башня сохраняла тайну, а без знания ее я был как бы окружен стеной.

Настолько сильным было мое желание вырваться отсюда, что я заставил себя восстановить в памяти картину башни. Вспомнив, как шел по тропинке, я мысленно вошел в странных размеров комнату, где находился среди тех, кто ухаживал за мной.

Я никак не мог сосредоточиться. Комната качалась взад-вперед, как поверхность водоема, по которому плавали водяные мухи. Комната — она такой и была! Всю свою волю я сосредоточил на этом усилии, но... Я не узнавал эту комнату. Там не было кровати, ничего из того, что я помнил. Вместо этого на стенах были петлеобразные круги сверкающих дисков, светящихся внутренним светом. Трое человек стояло в кругу, образованном из цепочки таких же дисков. Круг, разорванный в нескольких местах, был украшен высокими подсвечниками, в каждом из них горело по зеленой свече! Пламя, исходявшее от них, было голубого и зеленого цветов, как, впрочем, и стены вокруг.

На первый взгляд, цифры внутри круга были плохо очерчены. Однако, посмотрев на пламя свечи, я увидел их достаточно ясно, словно с них была снята какая-то невидимая оболочка.

Лунная девушка! На нее сначала я обратил свой взор. Опять на ней были юбка из лунных дисков и ее знаменитый лунный медальон. Тело ее было таким же серебряным, как и линии круга, внутри которого она стояла. Руки ее сжимали серебряный жезл, увитый лунными цветами, которые она собирала, когда я увидел ее впервые.

Рядом с ней, лицом во внутрь круга, стоял незнакомец. Он был оборотнем, хотя сейчас имел человеческое обличие. Обнаженный до пояса, в руках он держал рукоятку меча,

конец которого упирался в пол. Стальное лезвие сияло голубоватым цветом.

Третьей была женщина, которая вначале отказалась укрыть меня в Звездной башне, а после ухаживала за моим раненым телом. Она уже не носила мужской одежды. На ней было платье зеленого цвета. По талии проходил пояс из виноградной лозы с неопавшими листьями, такой же пояс был вплетен и в косы.

Я перевел взгляд на Лунную девушку. Жезл ее был направлен внутрь круга. Я видел, как губы ее, вздрагивая, что-то шепчут, и был уверен, что в этот момент она разговаривает с духами или обращается ко всемогущей Силе, которая будет исполнять ее волю.

Все это было толчком к тому, чтобы крикнуть: «Посмотрите на меня! Я здесь!» Желание, чтобы они узнали о моем присутствии, было непреодолимым, так как я осознал себя там, в этой комнате, среди них.

И Лунная девушка повернулась в ответ на мой немой крик. Она говорила, но слов я не слышал. Они звучали у меня в голове. Так было и тогда, в случае со снежным котом.

Те, кто находились с ней рядом, посмотрели в мою сторону. Я четко видел восхищение в глазах женщины, мужчина же приподнял свой меч. Женщина подняла свой жезл, лист на нем указывал на меня. Ее губы зашептали снова.

Было это видением или сном, не знаю, но я смог все увидеть снова. Они, как сверкающие насекомые, летали в воздухе и приближались ко мне, мигая и исчезая одновременно.

Восхищение, которое исходило от лица женщины, все росло. Она быстро взглянула на жезл, который держала. Раскачиваясь в стороны, он писал какую-то фразу. Я догадался, что жезл проделывал все эти манипуляции без ведома женщины, самостоятельно. Женщина снова заговорила, и мужчина двинулся вперед. Он поднял меч, острием указывая на меня. Но чувство страха я не испытывал. Из того, что я видел, складывалось впечатление, что все происходящее — реальность. Это было то место, где я, наконец, чувствовал себя хорошо, где меня приветствовали искренне. До моего сознания должно было только дойти, что все так и было.

Льющиеся лучи от лезвия меча засверкали ярче. Только мгновение человек удерживал в таком положении меч, затем опустил его. В отличие от женщины, взгляд мужчины не был восхищенным, скорее, задумчивым. Затем он кивнул Лунной девушке, и ее увитый цветами жезл поднялся.

Из сердец каменных цветов вырастали другие цветы, яркие, светящиеся белым светом. Каждый из них мог сойти за источник света. Цветы загорались и мгновенно потухали, умирали. Казалось, что меня проверяют, и их попытки защититься от меня не срабатывали. У меня не было ни чувства страха, ни беспокойства: я только хотел, чтобы с ними было все хорошо.

— Вы здесь. Что вы хотите от нас? — женщина говорила, а ее слова отпечатывались в моем сознании.

— Я взываю к Голубому и Зеленому, к тем, кому вы служите, кому служу и я. — Ответ я не обдумывал, он пришел сам по себе, из глубины Кетана.

— Скажи нам свое имя.

Я знал значение вопроса. Имя человека — это частично сам человек. Недоброжелатель, зная имя человека, может принести ему вред. С детства меня называли Кетаном. Урсила могла приказывать мне, используя это имя, если обращалась за помощью к Силам Тьмы. Был ли я Кетаном? На какой-то момент это имя показалось мне чужим, оно не было частью меня настоящего. Но так как другого я не знал, то ответил:

— Я — Кетан.

— Где ты?

— В Ка Ду Проне. Я связан колдовскими нитями Мудрейшей.

— Чего ты хочешь от нас?

— Я хочу знать, как можно освободиться от чар Мудрейшей.

— Кажется, ты уже многому научился с тех пор, как ушел от нас, — заметила женщина.

— Мне сказали, что ко всякому колдовству есть ключ, мне необходимо его найти. Я постоянно ищу его, и что из этого? Дело вовсе не в поясе, а во мне самом.

Женщина кивнула.

— Прекрасно, Кетан. — С ее лица сошла маска, которую она надевала, обращаясь ко мне. — По правде, ты прошел большой путь по этой странной дороге, но это — не дорога Теней. Я до сих пор не могу понять, как могло случиться, что ты так тесно связан с нами? Мы хотим узнать это. Но то, что ты делаешь, доказывает, что мы должны идти вместе, по крайней мере, по космическому пути. Итак, тебя поймала в колдовские сети Мудрейшая. — Она словно задумалась над какой-то проблемой. — Скажи нам, каким способом она держит тебя?

В тот момент я не мог видеть комнату Урсилы, но стал подробно описывать ее, говоря о свечах в ней, которые горели, убеждая, что именно они и держали меня в плену.

— Ты прошел гораздо больший путь, чем мы думали, — сейчас говорил мужчина. — Если ты сможешь найти то, что может противостоять твоей тюрьме, и освободишься от духов, что будешь делать ты?

— Я должен найти свой пояс.

— Это верно. С его помощью Урсила и удерживает всю власть над тобой. Ты знаешь, где он спрятан?

— Нет еще. Освободите меня, и я уверен, узнаю.

Впервые заговорила Лунная девушка:

— Если у тебя будет для этого время.

— Я попытаюсь найти его, — ответил я.

— Можешь на нас рассчитывать, мы поможем тебе, чем сможем. — Женщина встретилась взглядом с женщиной, и их взоры как бы соединились. Возможно, соединились и их мысли. Она сдержала свое обещание и сказала, спустя некоторое время: — Иди от нас. Посмотри на свои свечи. Используй тот ключ, который ты нашел.

Я открыл глаза. Не было больше комнаты, где стояли те трое. Я опять находился в заколдованной звезде Урсилы. Повернув голову, я следил за светом пламени. Оранжевый, красный... но он может меняться. Собрав всю силу желания освободиться, я вспомнил, что Зеленое и Голубое должно быть там, где сейчас находились другие оттенки.

Кетан — сила, леопард — сила, мужчина — сила... Внутри меня росла Сила, для которой я в данный момент был проводником. Я знал о слиянии. Я был Кетаном. Я был леопардом. Я был чем-то другим. Я был теми тремя, которых вызывал не так давно в своем воображении. Различными были только потоки энергии, как различны были и люди, которые нацеливали их на меня, чтобы достичь нам всем единой цели, помочь мне. Никогда до этого момента я не испытывал такого сильного родственного чувства.

Пламя становилось темнее, пурпурным, скорее. Тени? Нет. Просто изменялся оттенок. Он уже не был оранжево-красным. Зелено-голубой цвет вклинился в пламя. Затем пламя свечи стало такого оттенка, который принес мне свободу.

С осторожностью леопарда я подкрался к свече. Я не мог поверить, что, наконец, разорвался круг, держащий меня в неволе. Еще, еще, все! Я выбрался.

Те, другие, которые посылали мне свою силу, ушли. Да я и не смог бы их удержать, но без них мне стало вдруг как-то пусто. Однако прочь все мысли! Я должен найти пояс до появления Урсилы. С ним Урсила могла угрожать мне, но у меня появился шанс противостоять ей.

Я подошел к шкафу, открыл дверцу. Внутри были всякие баночки, бутылочки, коробочки. Для чего это предназна-

лось, я не знал. И все-таки все это дало мне ощущение Власти. Волосы встали дыбом, уши прижались к телу — никогда прежде я не испытывал волнения к атрибутам Власти. Но теперь у меня возникло подозрение, что Урсила никогда не принадлежала к Миру Теней, а, скорее, относилась к Силам Тьмы. Она была посвящена в старые, тщательно ею скрываемые знания.

В действительности я не предполагал найти пояс там, но это было первым местом, где я искал. Внимательно оглядев комнату, я остановил взгляд на свитках рун. Я многое знал (возможно, даже больше, чем предполагалось для такого рода знаний), но этого было недостаточно, чтобы я смог перевести все знаки. В Арвоне было много секретных языков, рожденных Властью много лет назад. Урсила имела самые древние свитки из них. Пропуская небольшие по размеру свитки, я тряс большие, надеясь, что пояс можно спрятать только в объемный свиток. Чувство осторожности обращения со старыми документами напрочь покинуло меня.

Мои поиски подходили к концу. Гора свитков была почти пересмотрена, а пояса нигде не было. Когда я бросил на пол последний из них, щелкнула входная дверь. С рычанием зверя я повернулся на этот звук.

Урсила перешагнула порог и остановилась. Зрачки ее глаз сузились. Она смотрела то на меня, то на круг, где горела зелено-голубоватая свеча, указывая ей тайну моего освобождения. Потом, когда взгляд ее упал на брошенные свитки, она дико захохотала, тело ее при этом сотрясало, и рот был широко открыт. Она радовалась, и это сразило меня. То малое, что я узнал, чему научился, было напрасным. Я наказал себя сам. Теперь она удвоит контроль надо мной.

— Твои поиски бесполезны, Кетан, — наконец, произнесла она, успокоившись. — Глупый, неужели ты думаешь, что можешь скрыться от меня? Я думала, что после стольких лет обучения у меня ты узнаешь больше. Хотя, — она остановилась и опять посмотрела на зелено-голубое пламя свечи, — возможно, я недооценила тебя. Как ты дошел до этого? — Она пыталась изобразить что-то наподобие улыбки. — Нет времени разбираться с тобой. У меня новости: лорд Могус знает, что ты в замке. Он просматривает комнату за комнатой. К счастью...

Что она еще собиралась сказать, я не знал. В комнату кто-то вошел. Урсила повернулась, но недостаточно быстро, чтобы преградить путь.

Освещенная светом свечей, нашему взору предстала леди Эддрис. Увидев эту сцену, она подумала, не сон ли это.

Леди Эддрис подняла правую руку, пытаясь общим жестом тех, кто не был способен к колдовству, избавиться от воздействия Силы.

— Чем это вы занимаетесь? — спросила она высоким раздраженным голосом.

Урсила все еще улыбалась.

— Я использую Силу во благо вашему дому, леди. Посмотрите на это бедное животное, — она указала на меня. — Можете вы назвать его? — ее глаза сверкали при этом. — Я думаю, вы можете назвать его. Я знаю, почему вы так сделали, миледи. Но то, что сделано Силой, не может быть незаконченным. Кетан снова станет Кетаном. А в это время, леди, позаботьтесь о собственной безопасности. Очень часто разбитые духи оборачиваются против тех, кто их создал. Сможете ли вы сами бежать в лес на четырех лапах, если за вами гонятся охотники? — Она подошла ближе к леди Эддрис.

Та отпрянула назад, а ее взгляд сосредоточился на Урсиле. Руками она опять хотела защититься от опасности, хотя и боялась, что силы неравные.

— Нет, — воскликнула она, пытаясь выбежать в дверь. Но на пороге стоял уже кто-то. Пламя свечи отражалось на поверхности лезвия его меча. — Могус! — Леди Эддрис схватила его за руку, пытаясь удержать.

Он попытался оттолкнуть ее, освободиться и убить меня. Я просто почувствовал, как он желал моей смерти, и закричал. Урсила подошла ко мне, одной рукой держась за стену, позади меня. Она двигалась вдоль стены, стараясь при этом освободиться от свитков, разбросанных по полу, которые увязли в ее юбках. Еще мгновение — и ее рука была на углу хранилища, где они когда-то были собраны.

— Убей, — ее голос обращался ко мне. — Убей, или ты будешь убит.

Леди Эддрис отчаянно пыталась удержать Могуса, который грубо старался освободиться от объятий, в которые она его заключила.

— Нет! — она снова пронзительно закричала. — Она погубит тебя Силой. Могус, позови людей с серебряным мечом. Сталь не сможет убить оборотней.

Могус перестал сопротивляться. По его лицу было видно, как напряженно работает его мозг, просчитывая варианты. Но я не был приверженцем этого древнего утверждения, относительно серебряного оружия. Для меня его меч выглядел достаточно реальным и смертельно опасным для всего живого. Хотя серебряное оружие, насколько я знал, было намного опаснее для таких, как я.

— Убей! — снова закричала Урсила.

Обеими руками она схватила угол хранилища, где еще лежали бумаги, пытаясь его отодвинуть, что меня чрезвычайно удивило. Мне было не понятно, почему Урсила не могла воспользоваться своими знаниями? Хотя я тут же нашел ответ: ей нельзя было причинять вред ни одному из членов семьи, которая так долго давала ей приют. Это было понятно.

— Убей! — и, когда она вскрикнула в третий раз, во мне проснулся леопард.

Я оставил только реакцию зверя в себе, чтобы руководствоваться ею при малейшей опасности.

КАК Я НЕ ВЫБРАЛ ПУТЬ ЗВЕРЯ, И ТАЙНЫ УРСИЛЫ

— Убей,— приказала Урсила мне. И ярость вспыхнула внутри леопарда.

Но только я приготовился напасть на своего врага, как во мне опять проснулся человек. Надо ли убивать? Ведь это может оказаться тем ключом, который запрет меня в тело животного. Могус был моим врагом, представлял угрозу моей жизни. Но он должен сразиться с человеком. А если я челюстями и когтями пролью его кровь, я сам попаду в ловушку тела зверя.

Леди Эддрис пронзительно кричала. Если бы вооруженные люди Могуса пришли вместе с ним, они бы, несомненно, прибежали на эти крики. Смерть стояла рядом. Но упрямство человека в теле животного не позволяло мне напасть первым.

Я издал воинственный крик леопарда, животного во мне, пытающегося ускользнуть от контроля меня — человека. Ни одно из животных не ждет покорно приближения смерти. Проколет ли стальное лезвие меня, тем самым освобождая меня? Смогу ли я в последний момент нанести ответный удар?

Только тот факт, что Могус в эту минуту мог поддержать леди Эддрис, возможно, и сдерживал меня в выборе действия. Его лицо выражало такую звериную ненависть, что она смогла бы сравниться лишь с ненавистью животного. Леди Эддрис мертвой хваткой вцепилась в Могуса, крича при этом, что он должен подождать, пока его охрана не разберется со мной. Она выталкивала его при этом из комнаты, и он не мог высвободиться от нее иначе, как оттолкнув ее. Но даже его гнев не смог заставить его поступить таким образом. Поэтому они оба оказались за порогом. Дверь, никем не придерживаемая, захлопнулась.

— Почему ты не убил?

Я повернул голову. Мудрейшая пыталась по-прежнему сдвинуть с места хранилище, где лежали свитки папируса.

Я зарычал, поскольку не мог ответить на ее слова. Ее попытка навязать мне свою волю провалилась.

— Убивай, или будешь убитым, — продолжала Урсила. — Хотя худшее для Могуса еще впереди. А Элдрис... Это также ответ моей госпоже.

Послышался громкий стук, громче, как если бы это стукнула тяжелая входная дверь. Я знал, что это прибыли оруженосцы Могуса. Однако мое внимание было сосредоточено на Урсиле, и я наблюдал за ее действиями. Наконец, тяжелый шкаф поддался. Отодвинув его, Урсила стала собираться, бросая в какую-то сумку всякие баночки и коробочки, которые ее порхающие пальцы отбирали из множества имеющихся. За образовавшейся щелью между стеной и шкафом я увидел дверь. Последним она взяла свой жезл Власти. Показав им на дверь,скомандовала мне:

— Иди.

Я догадывался давно, что в каждом замке, тем более в таком древнем, как Ка Ду Прон, должны быть подземные переходы, хотя никаких доказательств на этот счет не имел. Урсила не зря прожила в нем долгие годы, и я не сомневался, что она точно знает, куда мы идем и куда выйдем.

Шум за дверью становился все громче. Уже сняли запоры. Сейчас их сдерживали только заклинания Урсилы, которые она слала им. Но как долго они будут действовать? Я вошел в дверь. Мы двинулись в путь по тайному коридору между лестницами вниз. Он был очень узким и тесным, так как, возможно, был встроен внутри стены. Позади нас оставался какой-то тусклый свет, который исходил от жезла Урсилы, хотя освещать эти грубые темные камни бесконечного спуска было бесполезно.

Я не знал, как далеко мы ушли, но был уверен, мы находимся под землей. А лестница все еще не кончалась. Я услышал голос Урсилы, отдающийся эхом.

— Храбрый Могус! Он ничего не найдет. А те, кто придут с ним, будут повсюду рассказывать, как легко Мудрейшая могла скрыться, благодаря своей Силе. Они будут косо смотреть на Могуса и с подозрением на любую тень. Нет, я не думаю, что Могус может спокойно спать этой ночью. — Она засмеялась уже не так, как прежде. Отвратительный хриплый смех прокатился по подземелью и показался хуже любого кощунства. — Да и не только Могус будет плохо спать, но и все, кто находится в этом замке. Наше исчезновение будет беспокоить их по многим причинам.

Она перестала произносить слова, которые мне были понятны, и начала говорить заклинания монотонным голосом. Это было так страшно, что шерсть встала дыбом на моих боках и загривке, и я боялся в этот момент привлечь ее внимание. Пока она будет занята тем, чтобы сделать Могуса несчастным, она не вспомнит обо мне. Я был уверен, что она крайне недовольна тем, что я не напал на Могуса, и это еще отразится на мне. Теперь она будет держать меня под неустанным контролем, боясь моего бегства. А путь через потайной ход был только короткой передышкой перед атакой на меня.

Я стал думать, для чего предназначен этот ход. Лестница вела глубоко под землю, и мы уже достигли уровня подвалов замка. Если это был потайной ход на случай опасности, то выход должен вести на поверхность земли. В стенах появились окна для вентиляции, но даже они не могли освободить воздух от едкого, усиливающегося запаха, знакомого мне. И все же этим воздухом можно было дышать. И чем глубже мы спускались, тем больше я был уверен, что мы продвигаемся к месту, где живет Сила.

Я не чувствовал ни враждебности места Теней, ни покоя, который изведal в Звездной башне. Здесь было что-то другое: тяжесть духа, место, где как бы сконцентрировался груз столетий.

Урсила прекратила свои заклинания, и мы продолжали двигаться молча. Тишину нарушал только шелест ее юбок. Слабый свет, исходявший от жезла, по-прежнему освещал ей дорогу. Когда я стал думать, что ступеньки приведут нас в мифический Центр Земли, из которого жизнь ушла давным-давно, они закончились. Мы вошли опять в коридор. Он был немного шире, чем лестница, но продолжал уклон вниз. В некоторых местах стены коридора состояли из гранитных плит. Несмотря на то, что я был сейчас леопардом, и мое зрение было острее человеческого, я ничего не смог рассмотреть на этих плитах: ни знаков, ни символов. Плиты были покрыты толстым слоем пыли, та же пыль находилась на полу. Было ясно только, что мы проходили здесь не первыми.

Во мне росло чувство, что я нахожусь во враждебном месте, которое не терпело моего вторжения. Без сомнения, это место было гораздо более древним, чем Ка Ду Прон и, возможно, относилось к первому столетию существования Арвона.

— Подожди, — остановил меня голос Урсилы. — Дальше я должна идти впереди.

Я прижался к стене, чтобы пропустить ее. Двигалась она легко, словно дальняя дорога и взятая ею ноша не утомили

ее. И так как она продолжала жезлом освещать наш путь, я заметил, что мы подошли к гранитной арке, которой заканчивался этот коридор. Мы прошли через нее и оказались в каком-то широком месте, хотя это могло мне и показаться из-за недостаточного освещения. Мои мягкие лапы ступали бесшумно, в то время как стук обуви Урсилы отдавался эхом. Уже не было стены, которая направляла нас вперед, но Урсила шла так уверенно, что казалось, будто она хорошо знала дорогу.

Давящее чувство враждебности продолжало преследовать меня и тормозило ход мыслей. Я боролся с усталостью, которая росла с каждым шагом. И все-таки я надеялся в этой бездне неизвестности что-либо познать, но не знал, каким образом применить свои способности. В общем-то от этого места не исходило ни зла, ни добра. Я знал только, что здесь находится Сила, о которой я никогда прежде ничего даже не слышал. Это было место, не похожее ни на что в этом мире:

Меня опять остановил звук голоса Урсилы. На этот раз она обращалась не ко мне. Она невнятно говорила, проглатывая звуки, почти шипела, и то, что исходило от нее, не имело ничего общего со словами, которые я знал. Это были даже не слова-заклинания, которые она говорила по пути нашего следования. Урсила говорила с перерывами, и казалось, что она произносит слова в диалоге, словно после своих реплик ждала ответа от кого-то невидимого. Затем она продолжала говорить. В полутьме подземелья не доносилось ни звука.

Вместо этого откуда-то налетел ветер, обвинил наши тела, как гигант, невидимой рукой, готовый в любой миг покончить с нами. Его завывания внизу казались голосом того, невидимого. Всегда наступает момент, когда перестаешь бояться, или теряешь силы бояться. Или, возможно, в этом месте, со всеми его странностями, был некий дух, который не позволял чувству страха достичь мозга. Я уже не боялся, не было у меня и чувства любопытства. Я воспринимал все, как часть другого мира, к которому не принадлежал.

Жезл Урсилы двигался в ее руке вверх-вниз. Сейчас из острия исходил яркий свет. Прикасаясь до чего-то впереди, он отвечал на это касание яркой вспышкой. То же происходило, когда Урсила поворачивалась налево-направо: везде ответом были островки света.

Мы вошли в круг, из которого исходило сияние. Скалы окружали его. Каждая из них была в виде фигуры либо просто сидящих, либо сидящих на троне. Странно сидели они на своих каменных блоках. Лиц у всех сидящих не было.

Там, где должны быть лица, находился овальный шар. Я сказал шар, потому что они были не каменные. Какой-то неведомый мне материал, за которым двигался свет, образуя причудливые узоры. Из всех шаров исходил свет, разбуженный прикосновениями жезла Урсилы, переходящий от одной фигуры к другой, пока у них всех не появилось нечеткое, но сверкающее выражение на лицах. У них были причудливые прически, причем у всех — разные. Их тела были похожи на человеческие, закутанные в мантии, и о деталях трудно было судить. У каждой из фигур была вытянута вперед рука. (Я сказал, рука, хотя пальцы были так тонки, что больше походили на когти.) В руках они держали различные предметы, среди которых был шар, жезл (не слишком отличающийся от жезла Урсилы), цветок, с широко удаленными в разные стороны лепестками. Но та фигура, к которой повернулась Урсила, держала в руках человека. Маленького, как игрушка, безжизненно поникшего, будто мертвого, а может быть, еще неродившегося. Вид этого существа поразил меня; хотя я практически не воспринимал ничего, потому что это предполагало, что люди — только игрушки этих безликих сил, и это вызывало во мне протест.

Урсила встала на колени перед фигурой. Но не для того, чтобы засвидетельствовать ей почтение, она стала доставать и раскладывать коробочки и флакончики перед фигурой, казалось, не обращая внимания на присутствие светящихся ликов. Но я не забыл о них, и они все меньше и меньше мне нравились.

В самом центре круга стояла жаровня, вытесанная из камня. Внутри нее сохранились остатки пепла. Из этого я заключил, что Урсила пользовалась ею не в первый раз для своих целей. Но то, что Урсила играла с тем, что лучше было и не трогать, в этом я не сомневался.

Что это была за Сила, из чего она состояла? Из чего-то старого и примитивного, что находилось вне границ добра и зла. Существовавшая тогда, когда никого из тех, кто бы смог развязать вечную войну вражды в сердцах людей, не было. Разбудить такую силу — необдуманно. Только собственные амбиции могли привести Урсилу к этому. У меня проснулось чувство большее, чем страх или ненависть. Мне захотелось уйти, но я был пленником этого места, как и пленником тела леопарда. Я взглянул на сверкающий шар-лицо и быстро отвел глаза, чтобы не быть пойманным светом, который с гипнотической скоростью менял свои оттенки. Возбужденный, я ходил по кругу, избегая Урсилы, которая находилась сейчас в роли хозяйки, расставляющей свое добро. Мне казалось, что я слышу

шепот — не ушами, — а умом, как Вере-оборотни говорили со мной. Он был недостаточно четкий, чтобы разобрать смысл.

Урсила выбрала определенные снадобья из своего сундучка-сумки и, подойдя к жаровне, осторожно высыпала приторшнями измельченные травы. Она делала это медленно, казалось, она подсчитывает листья. Когда упал последний, она вытерла руки и платье и впервые посмотрела на меня.

— Что будет сделано, должно быть сделано, — сказала она таинственно. — Моя Сила привела меня сюда много лет назад. Я нашла самый древний из наших свитков рун, чтобы узнать тайну этого места. Перед тем, как мы поселились здесь, другие люди жили в Арвоне. Они служили своим Силам и делали с Силой такое, что мы и представить не можем. Прошло их время, но они позабыли источники своей Силы и ослабли, хотя все еще были более могущественными, чем Духи или Тени. Я дожидалась своего часа, чтобы узнать все это, — ее голос звучал триумфально. — Я знаю, что надо сделать и как использовать свои возможности. Надо сделать так, как я.

Я думаю, что она скорее выражала свои мысли вслух, нежели старалась произвести на меня впечатление. Ее лицо светилось внутренним светом, а кожа горела, как безликие головы фигур, окружающих нас.

— Мы не должны спешить, — продолжала Урсила. — Как это трудно — ждать. Но надо правильно выбрать время, все необходимое у меня здесь.

Она подошла к фигурам, нашла там свою сумку, достала оттуда хлеб, разломала его и половину бросила мне.

— Ешь, — скомандовала она.

Мне не хотелось ей подчиняться, но я должен поддерживать свои силы, поэтому я подчинился. Я быстро проглотил его, хотя, на вкус леопарда, он был безвкусным. Я знал, из чего пекут этот дорожный хлеб, знал, что он, как никакой другой продукт, надолго может утолить голод и поддержать силы путника.

— Скоро она придет, — Урсила сложила руки. — Послание, отправленное ей, должно привести ее сюда. А потом мы начнем! А какой будет конец?!

Она положила голову на колени, так как сидела у подножия той фигуры, которая держала человека. Может быть, она спала, а может, находилась просто в трансе. Я лежал на безопасном расстоянии от нее. Идти в темноту было бессмысленно. Это место будет держать меня здесь, пока ее заклинания не отпустят меня. В этот момент я даже не желал освободиться от тела леопарда. Здесь было слишком много

неизвестного и старинного, которому я не доверял, да и впереди у меня ничего не было. Может, я тоже спал, или находился в какой-то полудреме под действием заклинаний Урсилы, но когда я очнулся (длительность я не мог определить), Урсила стояла рядом.

Она все еще ждала, и я напряженно вслушивался. Пытался слышать какой-то шорох и шум шагов, на слух, скорее, женских. Звуки становились более отчетливыми. Наконец, в освещенном кругу появилась женщина, леди Героиз. Ее лицо было искажено. Сейчас она выглядела намного старше, даже старше, чем ее мать. В руках она держала предмет, к которому не хотела прикасаться, судя по тому, что держала она его на вытянутых руках.

Пояс! Пояс, который привел меня снова в Ка Ду Прон. При виде его я готов был броситься за ним, но Урсила махнула рукой в мою сторону — жест, которому я не мог противостоять, — и заставила меня беспомощно застыть на месте.

Глаза моей матери были неподвижны. Она двигалась так, как ходят лунатики во сне. Когда Урсила подошла к ней, чтобы забрать пояс, она будто очнулась и с ужасом сказала:

— Урсила, Могус и Эдрис сошли с ума. Они ворвались в твои комнаты. Могус приказал разрушить их до основания, а когда солдаты ему не подчинились, он стал сбрасывать их из окон башни во двор. Потом собственными руками разрушил твою половину и поджег. У него был меч, — продолжала она, — чтобы убить Кетана, как имеющего дело с миром Теней. Он послал гонца в Ка Ду Йелт, где сказали, что Кетан имеет дело с Духами, и что надо очистить от них замок. Он как сумасшедший! Он даже перед братоубийством не остановится.

Лицо Урсилы не выражало никакого волнения.

— Он, наверное, просто не в себе, Героиз. Нормальный человек не стал бы угрожать Мудрейшей.

Леди Героиз дрожала.

— Ты вывела его из границ страха. Он больше ничего не боится. Он только ненавидит и жаждет крови.

— Дайте ему остыть. Много времени для этого не понадобится, — спокойно сказала Урсила. — Даже если вы найдете дверь, ведущую сюда, он не войдет, пока я не позволю. Здесь есть охрана, которая не пропустит его. Не дрожи, женщина. Пришел час, которого мы так ждали. Ты хотела править Ка Ду Проном, я же говорю, что ты будешь более могущественна.

Моя мать крепко сжала руки, затем подняла их и опустила, как будто хотела стряхнуть с них пятно, которое оста-

лось на ее ладонях от ремня. Бессмысленным взглядом она смотрела на Урсилу, будто не узнавая ее.

— Урсила, он Маг! Маг лежит в Шестом Доме Кетона. Это знак, знак...

Урсила пожала плечами.

— Знак величия. Ты говорила мне это и раньше, и я тебе объясняла, что это может значить. Глупо «предсказывать» большее, чем там было. Нам не требуются никакие знаки здесь, где дремлет Сила, пока мы ее не разбудим.

— Я не хочу,— начала моя мать. Слезы побежали по ее щекам и даже попадали в рот, пока она говорила.— Пожалуйста, Урсила. Это место... Оно пугает меня.

Урсила равнодушно пожала плечами.

— У тебя будут приступы малодушия до тех пор, пока не будет слишком поздно. Но сейчас отступить некуда.

Моя мать закрыла лицо руками и плакала, как ребенок. Возможно, у меня должно было появиться чувство жалости, но увы... Может быть, в этот момент мы и были близкими родственниками, но у меня к ней не было никаких чувств, так как я понимал, что только непомерная гордыня привела нас сюда.

КАК УРСИЛА РАСТОЛКОВАЛА РУНЫ И ПОСЛАЛА МЕНЯ ВЫПОЛНЯТЬ ЕЕ ПРИКАЗАНИЯ

Урсила двигалась с уверенностью женщины, которая знает, что надо делать. Она сделала круг около сидящих фигур, остановилась на мгновение, посмотрела на светящийся шар, служивший им лицом. Она была поглощена рассмотрением фигур и ждала какого-нибудь знака, посланного через быстро меняющиеся оттенки света, исходившего от их лиц. Затем опять посмотрела на фигуру, держащую чело- века.

Она стала говорить более высоким голосом, достала из кармана маленький свисток на серебряной цепочке, взяла его в рот и извлекла такой тонкий и пронзительный звук, что мои уши не могли этого вынести, и я хотел зарычать, выразить тем самым протест, но не сделал этого.

Затем откуда-то издали послышался ответный свист. Возможно, расстояние разъединяло пересвистывающихся, а может быть, времена. Три раза повторила Урсила этот зов и три раза получила ответ. С каждым ответом звук становился все громче, как будто тот, кого она звала, приближался.

Урсила обернулась, чтобы указать жезлом на жаровню, которую она незадолго до этого так тщательно приготовила.

Из конца жезла появился живой огонь, ослепляющий глаза. То, что было в жаровне, загорелось. Однако пламя быстро погасло, и из жаровни стал идти дым.

Хотя холодный ветер, который чувствовался здесь раньше, давно утих и воздух был неподвижен, дым быстро потянулся в сторону фигуры с человеком в руках, обволакивая ее до тех пор, пока она не исчезла, осталось только ее светящееся лицо-шар. Вспыхивающие на нем цвета стали ярче, и смена их стала чаще. Я не поднимал голову, боялся посмотреть в центр круга. Так как я считал, что, может быть, это тот момент, когда древние силы могут воздействовать на своих жертв. Урсила уронила свисток, и он остался висеть у нее на шее, как полумесяц у Лунной колдуньи.

— Лунная колдунья! — Я был поражен этой догадкой, я не должен думать в этом месте о ней и вообще ни о ком из тех, кто был в Звездной башне. Смогут ли силы, которые собирала Урсила, нарушить покой этого укрытия в лесу, не знаю. Но я не хотел, чтобы мои мысли были мостом.

Теперь тело Урсилы качалось из стороны в сторону, хотя ноги не двигались. Облако дыма качалось вместе с ней, разнося при этом дым во все стороны и покрывая таким образом все фигуры, на которые она смотрела.

Таким же образом дым продолжал распространяться и дальше, пока мы не оказались как бы за дымовой оградой. Когда была заполнена последняя щель, дым перестал идти. Почти все сгорело, осталась только горстка пепла. Шары теперь горели. Моя мать дышала тяжело и прерывисто. Ее страх был как видимая мантия, сдуваемая с плеч во время шторма.

— Далее бояться не было смысла. Когда я повернул голову, чтобы посмотреть на нее, я увидел, что она стоит с пустыми глазами, хотя ее тело качалось из стороны в сторону, как и тело Урсилы. Хотела ли леди Героиз, чтобы ее желание исполнилось? Она была сейчас частью всего, что делала Мудрая Женщина.

А я — нет. Что-то внутри меня упрямо держало вдали от этого колдовства. Я знал, кем я был и почему я здесь. Эти факты я хранил в памяти, стараясь не смотреть на мерцающие огни. Сейчас я отказался смотреть прямо на мать и на Урсилу, чтобы они, поглощенные своим занятием, не волекли в него и меня.

Урсила подняла жезл и указала в пространство. На этот раз никакого огня не последовало. Вместо этого она направила его на дым и как будто писала в воздухе гигантским карандашом. Какой она получила ответ, у меня не было возможности узнать. Я наблюдал лишь изредка за ее жестами,

из-за боязни попасть в ловушку. Для меня все они были бессмысленными.

И все-таки какая-то сила здесь была. Моя кожа дрожала, холод шел со спины и затем переходил на лапы. Хотелось поднять мою голову зверя, громко завывать, выплеснув, таким образом, страх наружу. Возможно, это исходило из старой скалы, находящейся за нами. Это была стихийная сила. Она не может ничего сделать со мной. Не могла этого, я был уверен, и Урсила. Я наполовину предполагал, что эти сидящие фигуры могут встать и растоптать нас всех за то, что мы нарушаем их покой своими мелкими желаниями.

Урсила опустила свой жезл. Дым начал рассеиваться. Фигуры стали уходить в темноту гранита. Моя мать вскрикнула.

Она стояла на коленях, закрыв лицо руками. Ее тело сильно вздрагивало. Но Урсила стояла прямо напротив выбранной ею фигуры и просила у нее милости, если она вообще что-нибудь просила.

Урсила медленно повернулась. Лицо ее было похоже на маски этих фигур. Ее глаза были широко открыты, и никогда я не видел такого выражения в глазах человека. Можно было сказать, что перед вами была масса меняющихся цветов, как и у этих безликих фигур. Затем она заговорила голосом спокойным и далеким, какого я никогда не слышал.

— Началось. Хорошо началось. А теперь время тебе сыграть свою роль. — И она указала своим жезлом не на леди Героиз, а на меня. Я был очень удивлен и не подготовил никакой защиты.

Из конца жезла на этот раз не появился огонь. Вместо этого пришла команда и необходимость ее выполнять. Это шло прямо в мозг. Я не мог ее не выполнить. Ее желания господствовали над моим телом, телом Кетана и леопарда.

— Иди. — Она опять указала жезлом на необходимость двигаться не в том направлении, откуда мы пришли, а в противоположную сторону, в темноту, мимо сидящих фигур.

Во мне сейчас жили и Кетан, и леопард, оба в каком-то третьем теле, и своей командой Урсила полностью его контролировала. Казалось, что Кетан смотрит на то, что случилось, как смотрит человек из окна.

Она приказала, и я пошел в темноту, без какого-нибудь указывающего дорогу освещения. Мне это было ненужным. В мозгу было имплантировано Урсией чувство направления, как будто вокруг горла застегнули ошейник и потянули в нужном направлении.

Темно было в пещере, даже лунный свет нигде не проникал. Она была огромной, так как, несмотря на то, что я

быстро бежал, конца не было видно. Наконец, я пришел к тому, что можно было назвать дальним краем пещеры. Там я немного замедлил бег, так как необходимо было вслепую подняться вверх. На этот раз ступенек не было, только ряд выступов, каждый последующий был более крутой, чем предыдущий. Несмотря на срочность команды, я старался выбрать оптимальный путь, взбираясь в темноте вверх.

И чем дальше я отходил от этого странного места, тем легче я становился. Я не мог никуда спрятаться от Урсилы. Я думаю, что нашу связь мог разорвать только тот, кто хорошо знал колдовские приемы (если они вообще могли быть разорваны), и тогда он побеждал, как говорилось об этом в древних книгах. Но я сам решил попробовать еще раз разрушить колдовство Урсилы.

То, что я вернусь в замок или Ка Ду Прон, было маловероятно. Я был уверен, что мне нечего бояться Могуса. Но мне хотелось узнать, чего хотела Урсила. Я должен быть сильным к моменту, когда надо будет выполнять приказ. Я должен противостоять ей.

Все вверх и вверх. Сколько нужно времени, чтобы достичь живого мира? Впереди меня была только темнота, и мне уже казалось, что ей не будет конца.

Вскоре высоко над головой я увидел звезду. Наконец-то! Сердце часто забилось при этом, я опять стал двигаться быстрее, хотя ноги очень устали от напряжения, а ребра болели при каждом вздохе. Точка в небе становилась все ярче. Но это, конечно, было не солнце. Но все, чего мне сейчас хотелось, это оказаться на поверхности земли. Наконец, я стал на последний выступ, который был самым крутым из всех, и оказался на земле.

Была ночь. Вокруг меня, простираясь, насколько это было видно, были холмы. Сквозь некоторые из них вырисовывались стены из обработанного камня. Наверное, я был в каком-то очень старом и забытом храме или замке. Я повернулся посмотреть, откуда я вышел. Это была темная дыра в одном из холмов.

Однако команда, которую я должен был выполнять, не позволяла мне долго изучать окрестности. Моя невидимая уздечка побуждала меня к действию. Я должен был идти, пока Урсила мне не укажет, где остановиться. Это должен был быть человек. Я не знал, кто, Урсила знала, даже его портрета в мыслях не было. Но мысленно посланный приказ должен был вывести меня на него.

Как и раньше, человек внутри леопарда отказался выполнить ее приказ.

— Убей! — И человек и зверь во мне противились выполнить приказ. Но не сейчас. Инстинкт, или что-то родст-

венное этому, сказал мне, предупредил не тратить зря силы на борьбу, пока час не пришел.

Я быстро шел, поворачивал, где необходимо, направляемый мысленными командами Урсилы. Я был в лесу и не узнавал его, но мне казалось, что он был где-то на востоке, там, где я раньше никогда не был.

Опять холмы были передо мной, на этот раз деревья скрывали их. Лес был очень молчаливый. Не было заметно никакого движения.

Я подошел к ручью и жадно напился, одновременно отмывая горло от пыли пещеры. Но у меня не было ни чувства голода, ни чувства усталости. На небе появился молодой месяц. Это навело меня на мысль, что мы провели в пещере гораздо больше времени, чем я предполагал. Месяц не освещал дорогу, но я по-прежнему не нуждался в этом. Дважды я наткнулся на места, где чувствовался, как у зловонных водоемов, запах Теней. Я даже зарычал, крадучись мимо них, мне хотелось разорвать их на кусочки.

Чем они были опасны, я не знаю, и у меня не было времени выяснять это. Однако я ненавидел сам факт появления их в лесу.

Я подошел к реке и догадался, куда привела меня Урсила: назад к замку! Кто был моим врагом? Могус? Эдريس? Даже, может быть, Тэни? Я не любил их всех. Но в последний момент я все-таки буду бороться, чтобы защитить их. Или я умру, хотя, возможно, мое тело останется жить.

Когда я стал переходить реку, уже на другом берегу мне пришла мысль, что это был не тот замок, куда направила меня Урсила. А потом я узнал: это была Звездная башня.

Догадалась ли Урсила или, может быть, прочитала в колдовских предсказаниях, что живущие здесь помогли мне не подчиниться ей? Это, наверно, было ее мстью.

Я пытался бороться, контролировать тело леопарда. Бесполезно. Я был в ярости от своей беспомощности, но продолжал двигаться в заданном направлении, к людям, которым я должен причинить зло. Мой ужас от того, что Урсила сделала со мной, заставил бы меня умереть, бросившись с мечом на Могуса, если бы тот оказался передо мной.

Сейчас я старался как-то предупредить их. У нас не было мысленного контакта, но я надеялся, что их собственное чувство безопасности, данное им Силой, позволит им почувствовать угрозу.

Мне хотелось убить себя, как вдруг я услышал:

— Мы знаем.

Это был снежный кот, Вере-оборотень. Так как и раньше, он был сейчас со мной в контакте.

— Убей! — Я хотел, чтобы он это сделал. Лучше умру, чем Урсила добьется своего. Я знал только, что должен буду вернуться к Урсиле с тем, кого она выбрала. Об остальном можно было догадаться.

— Иди,— это сказал не снежный кот, а Женщина из Звездной башни.

Дрожа всем телом, я старался передать им свои мысли. Я не знал, насколько сильным было действие приказа, сколько в него вложено силы колдовства Урсилы. Но я боялся, что те силы, которые она собрала в пещере, были намного сильнее, чем в Арвоне. Мне казалось, что Звездная башня не сможет защитить себя от них.

Передо мной был сад и Звездная башня. Я вдыхал разнообразный запах трав. Я надеялся увидеть защитную невидимую стену, и, как и раньше, возможно, Урсила не смогла бы преодолеть ее. Но стены не было. На тропинке в тени стояли трое, как будто хотели приветствовать меня. Я сражался с собственным телом, так как был уже близко от них.

— Лунная колдунья! Убей меня,— подумал я снова. Не было никакой надежды остаться в живых сейчас. Или я должен умереть здесь, или такой враг, как я, должен будет забрать девушку, возможно, и остальных, но ее обязательно.

Но никто не отступил назад, и никто не внял моей безумной мольбе. Одеты они были так же, как и тогда, когда я разговаривал с ними в комнате Урсилы. Они держали над головой свои символы Силы: ветку с единственным зеленым листом, прут, увитый лунными цветами, и меч. Меч должен быть направлен в мое сердце.

Я яростно рычал. Почему они не делали то, что я прошу? Я пришел, чтобы принести им несчастье, и все-таки они не двигались с места.

Женщина первой протянула свой символ ко мне. Может быть, она таким образом хотела меня убить? Вместо этого в мои безумные мысли пришел покой, а травы успокоили мое тело, когда я лежал под ее ласковой рукой.

— Я — опасность,— думал я, хотя уже и не надеялся мысленно передать это, но, может быть, оборотни все-таки прочитают мои мысли.

— Мы знаем. Мы видели.

Этот ответ четко отпечатался у меня в голове. Я хотел спросить, как, но у них, наверное, были свои способы прочтения заклинаний, направленных на них.

— Я должен взять ее!

Я еще раз предупредил их, и они должны были понять, что Урсила не оставила мне шанса не подчиниться. Либо я должен привести Лунную девушку в пещеру, либо должен умереть. Из этих вариантов последний был лучше.

— Это не так, — опять пришел ответ оборотня. — Мы можем читать по воде, по звездам, по огню. Судьбы наши как бы переплетаются. Мы не можем защититься до тех пор, пока не встанем перед лицом этой колдуньи из Ка Ду Прона, так говорят нам наши духи. Это время пришло, — продолжал он, — время человека. Есть время Ветра и время Звезды. Это времена Лордов и Голосов. А время Оборотней и время Заклинаний связывает и ведет нас.

Я не вполне понял, что он сказал, но меня очень обрадовало, что наши судьбы переплетаются, и я не сомневался в этом. Так как, если он был не голосом, а направлял свои силы оборотня, то это я хорошо знал. А сейчас голос женщины прорвался через мои мысли:

— Земля и Воздух, Огонь и Вода. Рассветом Востока, Белой Луной Юга, Лунным Светом Запада, Глубокой Ночью Севера, тисом, боярышником, рябиной, Законом Знаний, Законом Имен, Законом Правдивой Лжи, Законом Баланса нами движет Земля.

Эти слова не оставили ничего в моей памяти, кроме удивления. Лунная колдунья подошла ко мне и положила руку на мою голову, как раньше. Ее рука дала мне облегчение.

— Луна молодая, но она живет, — сказала она громко. — Она растет, и это дает нам силу. Что ты должен был сделать, должно быть сделано. И я думаю, что твоей колдунье придется нелегко.

И действительно, когда я повернулся, чтобы идти, увидел, что Лунная колдунья идет рядом. А позади шли женщина и снежный кот. Мы перешли реку и пошли той же дорогой, что я пришел сюда, которая, как выпущенная стрела, направляла меня. Та легкость, с которой они согласились идти, позволила несколько уменьшить темп. Мы шли, а не бежали, в ночь. Время от времени рука девушки гладила мою голову, и от этого прикосновения освещалось мое сердце, росла надежда.

Какой-то неестественный свет освещал то место, где был вход в пещеру, и, когда мы собрались войти, женщина закричала.

Я быстро повернулся. Казалось, что-то остановило ее, она двигала рукой вверх и вниз, будто по поверхности преграды. Я ничего не видел. Я и Лунная колдунья прошли через нее. Снежный кот зарычал, и ноги его были тоже на каком-то невидимом барьере.

Моя слабая надежда в один момент разрушилась. Мне и не надо было говорить, что это за сила держала их. Допускались только я и моя жертва, но те, которые могли нам помочь, оставались за барьером. Я пытался что-то сделать, чтобы женщина тоже прошла, но, увы, я уже не мог вернуться: передо мной была стена.

Какая-то сила тянула меня вперед, и я знал, что не могу противостоять ей. Она тянула меня и Лунную колдунью в пещеру. Лучше бы оборотень сделал то, о чем я просил его. А теперь переплелись наши судьбы или, нет: это они уже не могли нас догнать, а мы не могли остаться с ними.

КАК ЛЕДИ ГЕРОИЗ СКАЗАЛА МНЕ ПРАВДУ, А Я ПРОТИВОСТОЯЛ УРСИЛЕ

— Иди! — подал мне команду снежный кот. Я был как бы между двумя командами, каждая из которых тянула меня в своем направлении.

— Иди! — вторила ему женщина. — Ты ничего не сможешь сделать, а мы преодолеем эту преграду. Но если ты останешься, та, которая тебя ждет, может сделать этот барьер непреодолимым.

Мне бы хотелось, чтобы это было правдой. Но смел ли я на это надеяться? И только Лунная колдунья, чья рука опять легла на мою голову, повернулась ко входу в темноту, и мне стало ясно, что, если я и не поверил, она была уверена полностью. У нее не было страха, или она не отдавала отчет в своих действиях.

Неохотно я пошел вперед. Она шла рядом.

— Там такая темнота... — подумал я. — Меня будет направлять неведомая сила, хотя я и не знаю, как это делается.

— Меня тоже будут направлять, — эхом отозвалась она. — Так как с этого момента мы едины.

Так вместе мы спустились с первого выступа, и я потерял ее из вида, несмотря на мое кошачье зрение, но ее рука никогда не покидала меня.

Затем я вдруг заметил позади меня свет, от которого исходило тепло, родственное теплу Звездной башни. Он исходил от ее глаття, сделанного как бы из лунных дисков, и от медальона на груди.

— Здесь находится много Силы. Она разбудит все. — Второй рукой она взмахивала своим увитым цветами жезлом. Я видел, что все цветы раскрылись, и из их чашечек тоже исходит сияние. — Хотя Мать Луна не достигает своими лучами так глубоко под землю, ее сила чувствуется и

здесь. Давным-давно, наверное, кто-то шел этой дорогой, кто знал зов Луны и использовал ее силы.

И так как она была спокойна, мой страх за нее стал расти. Я пытался выразить свой страх голосом, забывая, что могу только рычать. И опять она, должно быть, прочла мои мысли.

— Нет, Кетан. Я не отрицаю, что твоя Мудрейшая знает то, чего не знаю я. Меня хорошо этому научили. Когда я была ребенком, я могла видеть душу человека. Моя мать уже на первых годах моей жизни догадалась об этом. Она знала, что у меня есть талант. Она была Колдуньей Зеленого Пути. Мой отец был всадник-оборотень. — Она сказала об этом с гордостью, как будто говорила о герое. — Моя мать, зная, что я буду иметь дело с Силой, отправила меня в Храм Нив. Те, кто служил там, взвесили мой талант и определили, что я Лунный Дизайнер. Повзрослев, я отправилась учиться в Линарк и многое там почерпнула. А от своего отца и матери я научилась еще большому, когда вернулась в Риис. Потому что Лунная магия там имела очень древние корни. Знания о ней уходят в тьму веков. Именно мои родители построили Звездную башню.

Она говорила легко. Как будто делилась сокровенным с другом в момент прогулки по полям. А тем временем мы продвигались все дальше и дальше, в глубь земли к той Силе, которая, как я был уверен, была еще более древняя, чем Лунная магия. Я вновь вспомнил, что снежный кот был оборотень. Так почему же он не жил в Серой башне?

— Моя мать, — продолжала девушка, возможно потому, что вновь прочла мои мысли, — была Невестой Далеса. Ты слышал об этом легенду, Кетан? Она настолько известна, что вошла в Летописи.

— Да, я слышал об этом. Оборотни были среди тех, был выслан из Арвона, когда закончилась война Лордов. Они были приговорены к скитаниям до тех пор, пока произойдет изменение в расположении звезд. Только после этого они смогли вернуться.

Они ушли на юг от Далеса. Позже, задолго до моего рождения, началась война человека с человеком, и Всадники-оборотни заключили договор с лордами Хай-Халлака. Они помогли лордам изгнать завоевателей из их земель.

В обмен на их службу Всадники-оборотни установили цену. Когда закончится война и Хай-Халлак будет свободным, они получают от лордов девушек, которые станут их женами.

Итак, в году Единорога тринадцать девушек было отдано Всадникам-оборотням. Каждая из них выбрала себе избранника, и они вернулись в Серые башни Арвона. Но сре-

ди них была девушка-колдунья. С этого момента мне больше ничего неизвестно.

Никто не знал, что моя мать была по крови колдуньей. Ее в Хай-Халлак привезли ребенком из дальних стран, нашли в плену на корабле завоевателей. Но она обладала талантом! Среди оборотней начались разногласия, так как они инстинктивно боялись тех, кто обладает чуждой Силой. Большинство хотело бросить ее где-нибудь в другом мире, но она и мой отец сражались за право поступать по собственной воле и победили. И все же они недолго прожили в Серых башнях. Им не нравилась открытая неприязнь остальных оборотней. И они нашли другое место, как ты уже догадался, Риис. Мы начали жить в Звездной башне, и она стала местом, где обучали Зеленой и Коричневой магиям, способным противостоять Силам Теней.

Но сейчас в Арвоне опять беспокойно. Пошли разговоры, чтобы вновь открыть Врата, чтобы разрешить вернуться всем изгнанникам. Но не все хотят видеть мир таким, каким его видят Всадники-оборотни. Не так давно оборотни сами прислали гонцов к моему отцу, чтобы передать, что наступит день, когда всем им придется собраться вместе, чтобы отразить наступление врага и защитить свои земли. Отец пока ничего не ответил. Я думаю, что, с одной стороны, его сдерживают родственные узы, а с другой — гнев. И пока он не решит, что делать, он не примет решения. Но мы с мамой надеемся, что Риис держит его сильнее, чем память, тем более, что в прошлом у отца было много несчастливых моментов. А здесь, как говорят знаки, очень важное место. Хотя его давным-давно покинули, но в нем сосредоточена очень могучая Сила.

Она продолжала, а я почти видел сквозь сплошную тень, как поднимались стены Звездной башни, слышал запах трав. Мое желание оказаться там было похоже на боль.

— Да, — сказала она, и я почувствовал, что ей тоже хочется туда. — Риис, Звездная башня, как теплая рука, дают защиту. А сейчас мы делаем все возможное, чтобы эта рука победила.

Мои мысли вернулись к тому, что происходило в настоящий момент. Я боролся со своим телом. Я боролся против власти Урсилы, с ее способностью повелевать мной. Неужели Урсила сыграет злую шутку с Лунной девушкой? Я не мог этого позволить!

Я рычал и метался. Мои ноги не отвечали на команды Кетана. Урсила имела власть над леопардом. И опять рука девушки легла на мою голову. Я не мог успокоить ее, а она меня успокаивала. Или она не понимает, куда я ее веду?

— Кетан! Меня зовут Эйлин, мою мать Джиллан, а отца — Херрел...

Прошло несколько секунд, прежде чем я сообразил, что она сделала. Открывая свое имя и имена тех двоих оставшихся, она как бы снимала защитную маску, устанавливала что-то вроде родственных отношений, так как имя — это внутренняя суть человека, его духовная Сила. Назвать себя означает полное доверие.

— Тебе не надо было это делать! — запротестовал я.

— Но я уже сделала,— смеясь, сказала она в ответ. Это был не злорадный смех Урсилы, символизирующий ее победу, а просто веселый смех, какой можно услышать в кругу друзей. Звук этого смеха согрел меня, как не согрел бы огонь. Ведь даже если в Ка Ду Проне у меня и было много родственников, никого из них я не мог назвать своим другом.

— Долгая дорога,— сказала Эйлин, будто теперь решила говорить о незначительных вещах.

— Я даже не знаю, насколько длинная,— в тон ей ответил я.

Пока она рассказывала о себе, я не вспоминал о темноте. Теперь она обволакивала нас. Я с сожалением подумал, что зря не считал ступени, пока поднимался вверх: теперь я бы знал, сколько осталось идти. Но затем мои размышления прервала единственная мысль о том, что я должен доставить Урсиле то, за чем она меня посылала.

Все ниже и ниже. Свет, исходящий от юбки и медальона девушки, продолжал освещать нам путь. Он не был ярким, но в таком месте любой свет дает чувство комфорта тем, кто вырос на поверхности земли, а не в ее темных глубинах.

Наконец, под ногами был пол. Я повернул налево, чтобы рассмотреть, что было в центре этого огромного зала, так как казалось, фигуры должны стоять именно там.

Но какая-то сила заставила меня податься назад. Я чувствовал, что каким-то образом Урсила знает о нашем приходе, и я предупредил девушку об этом. Ответ Эйлин прозвучал прямо в моем мозгу:

— Она уже идет сюда. Однако, Кетан, она не знает, что Джиллан и Херрел уже преодолели барьер и спешат сюда.

— Как они узнали об этом?!

Ответом мне был нежный смех.

— Кетан, по таланту Силы мы можем становиться одним целым, и любая часть знает, когда целое близко.

Я не вполне понял, что она имела в виду, но ее уверенность дала мне надежду.

Я не знал, на что способна Урсила, и поэтому боялся, как бояться всего неизвестного. Однако уверенность моей спутницы передалась и мне, и я подумал, что, возможно, сейчас Урсила встретит противников, которых не так-то легко победить.

Какая-то сила упрямо тянула вперед, и мы бежали вперед. И вот подошел конец изнурительной гонке. Мы приблизились к фигурам, и среди них я внезапно увидел Могуса! Как он попал сюда? И леди Эддрис! Мой кузен и леди Эддрис стояли неподвижно, как статуи. Руки Могуса были пусты, а обнаженный меч лежал у ног. Его лицо было маской, где застыли страх и ярость. В то время, как на лице леди Эддрис можно было прочесть только страх, хотя, когда глаза ее встречались с глазами моей матери, в них сквозила ненависть.

Урсила ждала нас, ее жезл Власти был похож на удочку, которую рыбак собирается дернуть вверх, так как добыча попала на крючок. Эйлин рядом не было. Когда я увидел ее, то понял, что ее лицо освещается светом, исходящим от лиц каменных фигур. Оно было спокойным и не отражало никаких эмоций, только глаза живо реагировали на происходящее. Жезл, увитый цветами, она держала в руке, как будто это был не символ Власти, а веточка, случайно сорванная по дороге. Если Урсила верила, что Лунная колдунья была действительно важной добычей, возможно, она будет удивлена.

— Добро пожаловать, Кетан, — нарушила тишину Урсила. — Ты хорошо все исполнил... А ты, — она осмотрела Эйлин с головы до ног. В глазах ее промелькнул испуг. Она повела жезлом, как будто воин проверяет лезвие своего меча. От него исходил мерцающий свет.

Я увидел, как улыбается Эйлин, не язвительно, а открыто, как ребенок.

— Вы звали меня, Мудрейшая? Я пришла. Что вы хотите от меня?

Моя мать сорвалась с места. Ее лицо выражало открытое восхищение.

— Кто вы? — она задышалась, словно преодолела огромное расстояние. Ее руки прижались к груди, словно пытаясь остановить учащенное сердцебиение.

— Я та, кого позвала Мудрейшая, — ответила Эйлин.

Глаза всех присутствующих были обращены к ней. Она держалась с таким достоинством, как это было с моей матерью, когда на ней были парадные одежды.

— Нет! — Моя мать отступила на шаг, в то время как Эйлин сделала шаг к ней. Лицо леди Героиз исказилось от ужаса, словно она вдруг увидела перед собой кого-то из ми-

ра Теней. С видимым усилием она глянула на Урсилу. Ее голос дрожал. — Ты вызвала не ту...

— Я не ошиблась, — перебила Урсила. Она опустила свой жезл, но Эйлин, казалось, не замечала этот символ Власти. — Заклинания не могут быть ошибочными. Что означает...

Моя мать покачнулась, пораженная до такой степени, что потеряла равновесие и вынуждена была ухватиться за плечо Урсилы.

— Этого не может быть! — ее протест был криком отчаяния. — Я что, не могу узнать кровь нашего Клана? Она обладает Силой!

Я слушал их разговор с чувством недоумения. Между моей матерью и Урсилой происходил какой-то чрезвычайно важный разговор, что позволяло им игнорировать всех присутствующих.

— Почему ты не спрашиваешь об отце? — губы Урсилы искривились в гримасе, должествующей означать улыбку. — Ты знаешь его родственников по крови?

Моя мать сняла руку с плеча Урсилы и отошла, сжимая кулаки.

— Нет! Кого ты привела в мою постель? Кого я родила? Урсила рассмеялась жутким смехом.

— Зачем ты об этом спрашиваешь, миледи? Ведь неважно, к какому Клану принадлежал мужчина. Важен сам факт рождения ребенка! — Ее рука нарисовала в воздухе знак, вспыхнувший оранжевым пламенем.

Сбитый с толку, я смотрел то на мать, то на Урсилу. Мокус первый понял, в чем дело. Его тело качнулось, словно он хотел сделать шаг, но не смог. Его лицо выражало триумф.

— Так вот что произошло, миледи! Теперь все стало ясно! Вы пошли к Гунноре, чтобы там родить наследника. Но ваши планы провалились! У вас родилась дочь! Дочь, а не сын! Так где вы взяли этого ублюдка? — Желание убить меня сквозило в его взгляде.

И тут мне все стало ясно. Я представил, какой шок испытывали леди Героиз и Урсила, когда у нее родилась девочка. И они поддались искушению обменять детей. И если Урсила заставила меня привести сюда Эйлин, следовательно, она и была дочерью леди Героиз. Но кто был я?

— Замолчи! — Урсила указала жезлом на Мокуса. Он закрыл рот, хотя лицо было красным от гнева. — Мы ничего не потеряли, — спокойным тоном продолжала Урсила. — Почему я позвала ее? — Конец жезла указал на Эйлин. — Пока она жива, жива и угроза. Она та, кто она есть. Я собра-

ла всех сюда, чтобы раз и навсегда избавиться от угроз. И... — Она вновь рассмеялась ужасным лающим смехом. — В процессе избавления мы свяжем вашего приемного сына такими узами, которые он никогда не разорвет. А заодно избавимся от этого болтливого глупца! — Она мельком глянула в сторону Могуса.

Моя мать отпрянула еще дальше. Она будто в трансе смотрела на Урсилу. Леди Эддрис вскрикнула, и ее голос разбудил странное эхо, словно доносящееся из-под земли.

Урсила достала мой сложенный в несколько раз пояс, позволяющий ей иметь власть надо мной. Она взмахнула, расправляя его. Место, где коршун разорвал, было тщательно зашито.

В этот момент, за миг до того, как она собралась полностью подчинить меня своей воле, я напряг всю свою волю. Человек! Человек! Это было моим единственным желанием. И вот... Я стал Кетаном. Зверь перестал существовать. Опять леди Эддрис вскрикнула. Леди Героиз тоже. Я увидел, что жезл Эйлин направлен в мою сторону. Через него я получал дополнительную энергию.

Урсила не казалась удивленной такой метаморфозой. Это привело меня в ярость. Я нагнулся и подобрал меч, валявшийся возле ног Могуса. Урсила взмахнула жезлом. У меня мелькнула мысль выбить это страшное оружие из ее рук. Ведь железо противостоит некоторым формам колдовства. Но позволит ли Урсила сделать мне это? Я боялся, что нет.

Однако на этот раз она направила жезл не в мою сторону. Конец его указал на жаровню. Она вновь была заполнена травами. Содержимое жаровни вспыхнуло, повалил густой дым, показались языки пламени. Урсила вновь расхохоталась.

— Ты хорошо вооружен, Кетан, для того, чтобы действовать. Здесь собраны все Темные силы. Они жаждут свежей крови. Насытившись, они станут деятельными. Так что их пир должен состояться! — Сейчас ее жезл был на уровне моей груди. — Убей! — сказала она спокойно, как будто это была обычная команда слуге за столом или конюху в конюшне.

Моя рука поднялась, хотя я задерживал ее изо всех сил, напрягая волю даже сильнее, чем тогда, когда хотел стать человеком. Мне хотелось, чтобы конец меча опустился, чтобы он вообще упал на пол, покрытый тысячетлетней пылью.

Но моя борьба, как когда-то и борьба Могуса, была напрасной. Я сделал шаг, второй. Мой меч теперь был направлен прямо в грудь Эйлин.

— Нет! — я смог остановиться. Лучше бы я вновь стал зверем! Но Урсила полностью использовала преимущество этого места. Пусть убьет мое тело, мою душу, находящуюся в этом теле. Я не сделаю того, что она хочет!

Меч в моих руках дрожал, пока моя воля сражалась с волей Урсилы.

— Беги! — закричал я, и эхо откликнулось. — Беги! Беги! Беги!..

Но Эйлин стояла неподвижно. Ее глаза смотрели на меня. Я не мог понять, почему она не убегает. Может быть, Урсила заставила ее стоять неподвижно, как она это сделала с Могусом и леди Эддрис?

— Убей! — команда Урсилы стала более настойчивой. В ней чувствовался гнев.

Я собрал остатки воли и... Боль, никогда раньше не испытываемая, пронзила меня. Я закричал. Урсила держала мой пояс над огнем жаровни. И по мере того, как огонь сжигал кожу пояса, точно так же горело и мое тело.

— Убей! — закричала она. — Убей! Или умрешь в муках!

Неужели она победит? Я больше не мог удерживать ее сконцентрированную волю, боль подавляла мое сопротивление. И все же я держался.

НАСЛАННОЕ И СНЯТОЕ ЗАКЛЯТИЕ, И КАК МЫ УЗНАЛИ СВОЮ СУДЬБУ

Через красную завесу боли я увидел, как жезл Эйлин направился в мою сторону. И сразу же последовало некоторое облегчение. Но ненадолго. Опять Урсила подняла пояс над огнем, и вновь пламя жгло мое тело.

И вдруг, несмотря на муки, испытываемые мной, я увидел, что пояс в руках колдуньи как бы ожил и пытается вырваться. Это было настолько неожиданно, что даже Урсила пришла в замешательство. Пояс вырвался и перелетел через огонь. Чья-то рука поймала его. Боль, сжигавшая мое тело, моментально прекратилась. Пояс держала в руках та, кого Эйлин назвала Джиллан и Зеленой Колдуньей. Возле ее ног стоял снежный кот, в глазах которого светились отблески пламени от жаровни. Урсила пошатнулась. Сила, вырвавшая пояс из ее рук, ослабила ее не только физически. Она снизила уровень контроля над силами Зла, собранными в этом подземелье.

Словно не веря в происшедшее, она посмотрела на свою пустую руку, а затем перевела взгляд на двоих пришельцев. За ними не было сил тьмы, но свет, исходящий от их тел, был светом Силы.

За эти несколько секунд Урсила словно постарела на десятки лет, кожа на черепе собралась складками.

— Кто вы? — скрипучим голосом произнесла она.

— Те, кого позвали сюда. Или ты думаешь, что можно позвать одного из семьи, а остальные будут празднично стоять в стороне?

Родные!

Урсила уже оправилась от шока. Она запрокинула голову и захохотала.

— Вы думаете, — она указала жезлом на Эйлин, — она родная вам по крови? Ты ошибаешься, женщина! В ней нет твоей крови. Ты и твой лохматый лорд не имеете с ней ничего общего! Если ты хочешь взглянуть на ребенка, которого действительно родила, посмотри на этого глупца! — Она жезлом указала на меня.

— Мы это уже слышали. — Джиллан ничуть не удивилась. — У вас состоялся разговор, а у нас имеются уши, чтобы слушать. Сын! — она посмотрела на Урсилу, а потом на меня. — Возьми то, что твое по праву.

Она бросила пояс через огонь и я поймал его. Он будто прыгнул мне в руки. Желание надеть его было сильнее моей воли.

Урсила зарычала, как зверь. Ее жезл делал хаотические движения, она была готова напасть на меня. Но я уже застегнул пряжку. Меч все еще был в моих руках. Я смотрел на Эйлин. Как она отреагирует на все сказанное здесь? Она, которая столько лет считалась дочерью Джиллан и Херрела!

Но она и теперь принадлежала им. Я понял это, едва взглянув на нее. Может быть, она и не была дочерью по крови, но она была дочерью их сердец и мыслей. Эйлин не выжила и капли удивления.

— Ты думаешь, Мудрейшая, что можно пройти через Храм Нив и не узнать правду? Это наш ребенок по воле тех, кто гораздо выше нас всех.

Я посмотрел на них, на Зеленую Колдунью, на Всадника-оборотня, того, кто был мне отцом, на Эйлин, данную моей матери и отцу Высшей Расой. И я понял великую справедливость этого выбора. Во мне росло понимание того, почему я все время чувствовал себя одиноким. Только теперь этому пришло обоснование.

Я не был наследником Ка Ду Прона. Могус будет им. И к этому он стремился всю жизнь. Теперь я не буду для Урсилы и моей матери орудием для исполнения их тщеславных амбиций. Но я опять буду одинок.

Но эти рассуждения оборвались. Урсила опять предприняла попытку перехватить инициативу. Ее жезл вновь взметнулся и теперь был направлен на Эйлин. Стена огня

замкнула в кольцо Лунную колдунью. Я услышал ее крик из пламени.

Не раздумывая, я бросился в огонь. Нестерпимая боль охватила тело. Левой рукой я пытался сбить пламя со спины Эйлин. Мы были вместе в круге огня, не оранжевого или красного, а пурпурного — огня Теней. Отступать было некуда, так как за спиной находилась каменная фигура.

Лунная колдунья держала свой жезл прижатым к груди, и я чувствовал ритм ее песни-заклинания, хотя слов и не понимал.

Бросив бесполезный теперь меч, я поднял девушку и поставил ее на лапу каменной статуи. Возможно, Джиллан и Херрел предпримут ответные меры на действия Урсилы.

Сквозь языки пламени я иногда видел лица присутствующих. Урсила яростно манипулировала жезлом, пытаясь соорудить охранный круг вокруг себя и жаровни. Сорвав что-то с груди, она бросила в каменную жаровню. Поднялся густой дым и скрыл ее из глаз. Но ее заклинания будили все новые Силы. В огромном зале началась невидимая схватка.

— Кетан, поднимайся! — это был голос Эйлин. Она соорудила вокруг себя защитную стену и теперь звала меня. Но для меня там не было места. Пурпурные языки пламени подбирались все ближе, становилось все труднее дышать. Я закашлялся. Казалось, все Зло этого мира собралось в подземелье.

— Поднимайся! — Эйлин ухватила за мое плечо настолько крепко, что оставила царапины. Я почувствовал силу ее воли.

Я сам не понял, каким образом оказался поднятым на импровизированный пьедестал, и теперь стоял рядом, крепко прижимаясь к ней. Это была не фигура с человеком, вид которой вызывал у меня инстинктивную неприязнь. В руке этой фигуры был полураспустившийся цветок. Жезл Лунной колдуньи дотронулся до этого цветка.

Эйлин уже не была напряжена, как в тот момент, когда языки пламени взметнулись вокруг нее. Она чего-то ждала, только я не знал чего — события или сигнала.

Защитный круг Урсилы охватывал как раз ту фигуру с человеком в руках. Дым полностью скрывал их. Светящийся шар головы еще более потемнел. Атаки магии Урсилы не прекращались. Раз за разом стена пламени кидалась на нашу защиту, но пробить ее не удавалось.

На какой-то момент мы почувствовали себя в безопасности. Урсилы не было видно из-за клубов дыма. Трое из

замка стояли неподвижно, и ужас ясно читался в их глазах. Чары, насланные на Могуса Урсилой, постепенно ослабевали. Леди Эддрис прижалась к нему. Он освободил руку и попытался придержать ее. Леди Героиз опустилась на колени возле них. Она больше не плакала. Только страх был в ее глазах, наблюдающих за клубами дыма, скрывавшего Урсилу. Только на этом зрелище она концентрировала свое внимание. И никто не смотрел на нас, стоящих за завесой пламени.

Я начал понимать масштаб битвы, происходящей здесь. Заклинания Урсилы открыли Врата в иной мир.

«Врата из легенд?» — Эйлин повернулась ко мне. Удивление читалось в ее глазах.

Мы, рожденные после Великой Битвы между Силами Арвона, знали только из легенд о событиях тех далеких лет. Только в Хрониках говорилось о Вратах и о том, какие Силы могут пройти сквозь них. Но о природе самих Врат и о ключах, их открывающих, и где они расположены в этом мире, никогда не говорилось. Это было табу для всех, кто имел дела с Силой, до тех пор, пока не вмешались Тени. Их действия контролировать было трудно.

Я понял, что в этом подzemелье находились Врата в иные миры. И если заклинания Урсилы открыли их!..

Но где же двое из Звездной башни? Я был так поглощен тем, чтобы обезопасить Эйлин, а затем нейтрализовать колдовские заклинания Урсилы, что почти забыл о их существовании.

Сейчас я всматривался в мрак зала, пытаюсь определить их местонахождение. Но Джиллан и Херрела нигде не было видно. Рука Эйлин легла на мою руку. Жезл в другой руке указывал на цветок, который держала фигура.

— Дай мне, — тихим голосом сказала она, — дай мне всю Силу, которую ты можешь дать, родственник!

Она не смотрела на меня, а полностью сосредоточилась на цветке и на манипуляциях с жезлом. И вдруг я понял, что она стала каналом для передачи Силы. Часть этой Силы дала ей фигура, а часть шла через меня. И хотя раньше мне никогда не доводилось это делать, я старался изо всех сил. Мое желание быть ей полезным было таким сильным, что весь мир для меня сузился до размеров цветка, на который указывал жезл. Энергия исходила от меня, и Эйлин принимала ее, обретая мощь.

Крут огня побледнел. Каменные лепестки оживали, приобретая сходство с лунными цветами жезла Эйлин. Силой наших желаний каменный цветок оживал. Да и с самой каменной фигурой происходили еле заметные изменения.

Она завибрировала, и это не было биение сердца или дыхание, но что-то очень похожее.

Все мои чувства сосредоточились на Эйлин. Я напряженно ждал ее следующих действий.

Цветок начал светиться чистым серебряным светом, его лепестки увеличились в размерах, он словно рос на наших глазах. Бутоны раскрывались, появлялись все новые и новые лепестки, из середины цветка уже шел луч серебряного света.

Я видел цветы во время цветения и во время созревания семян, когда ветер разносил семена далеко вокруг. И теперь я наблюдал, как семена-искорки покидают оживший цветок и летят в дым, в языки пламени.

Эйлин подняла жезл. Она оглянулась, словно пытаясь что-то отыскать. Ее взгляд остановился на шаре-голове, прямо над нами. Поток энергии, изливающийся из меня, прекратился. Слабость волнами накатывала на меня, я даже не мог сдвинуться с места.

В шаре не прекращалось движение. Волны красок бежали по его поверхности. Но внутри было и еще что-то! Видел ли я это? Или это только плод моего воображения? Всего лишь на миг я допустил возможность того, что уже видел эти глаза: глаза, наблюдающие за мной с очень большого расстояния, для которых я ничего, или почти ничего не значил, только что открывшиеся после тысячелетнего сна. Я не был уверен полностью, но мне казалось, это было так.

Глаза исчезли. Жезл Эйлин потемнел. Лепестки лунных цветов опадали, а семена-искорки — если это были семена — разлетались во все стороны. Огонь отступал, кое-где уже были видны бреши в некогда сплошной стене. И в дымной стене Урсилы семена-искорки как бы проделали окна. Через них мы могли наблюдать за ее действиями. Она не прекращала заклинаний, призывая все новые и новые Силы.

Джиллан и Херрел появились возле одного из таких окон. Снежный кот припал к полу. Память леопарда как бы повторяла все его движения. В следующее мгновение он прыгнул в окно, и Джиллан последовала за ним. Ее жезл был направлен в голову Урсилы.

Урсила стояла, запрокинув голову и закрыв глаза, концентрируясь на заклинании. Вдруг голова ее поникла, песнь-заклинание прекратилась, словно колдунья полностью истощила Силу. Снежный кот покачнулся, как от сокрушительного удара. Жаровня перевернулась, и содержимое рассыпалось по полу. Дыма больше не было. Но...

Фигура около Урсилы пришла в движение. Фигурка мальчика лежала на полу, как что-то не имеющее ценности, а когти каменной фигуры вцепились в мех снежного кота. Я видел, как оборотень пытается защититься. Был слышен нечеловеческий крик Урсилы. Она хлестала кота жезлом, пытаясь пододвинуть его поближе к каменному истукану.

Надо было что-то делать. Эйлин закричала. Я не понял, что она хотела сказать этим криком, так как сконцентрировался на том, чтобы как-то помочь отцу.

Жезл в руках Джиллан дрожал. Страх читался на ее лице, но не за себя, а за Херрела.

Спрыгнув с пьедестала, я наклонился и поднял меч. Медленно я двинулся вперед, пытаясь подчинить тело своей воле.

Снежный кот легко проник сквозь брешь в дымовой завесе. Дым исчез, и окон в стене не стало видно. Но стена существовала, и у меня не было времени отыскать окно в ней. У меня был только меч, и я знал, что некоторые заклинания бессильны перед железом. Собрав все силы, я поднял меч и ударил. Я не попал в Урсилу, удар пришелся по ее жезлу.

Яркая вспышка на миг разорвала мрак подземелья. настолько яркая, что на миг ослепила меня. Итак, мне не удалось...

— Кетан!

Рука Эйлин легла мне на плечо. Я узнал ее прикосновение, даже не оглядываясь. Туман застлал глаза, я покачнулся. Сквозь него я видел нечеткие очертания снежного кота. Джиллан стояла слева. Кот подошел поближе.

Неистовый вихрь закружил вокруг Урсилы. Она припала к земле. И... и только пустая оболочка, без души, лежит на земле. Умерла ли она? Над телом Урсилы повисла пустая рука каменного истукана, чтобы взять себе новую игрушку и пронести ее, как и предыдущую, через тысячелетия.

— Ее Сила... — голос Джиллан донесся ко мне сквозь рев вихря. — Ее Сила была разбита и обернулась против нее самой. С ней все кончено!

— Так и надо! — Этот голос я тоже знал. Могус оставил женщин и смотрел на нас безумными глазами. — Если ты думаешь, что будешь править в Ка Ду Проне... — казалось, все, происходившее только что, не имело к нему отношения. Он обращался к Эйлин.

Она засмеялась.

— Что я буду делать там? — Эйлин пододвинулась к Джиллан. — Мне не нужно наследство. У меня уже есть дом.

— А ты? — он повернулся ко мне. — Ты будешь претендовать...

— И я не буду, — ответил я устало. — Иди в Ка Ду Прон, Могус. Никто теперь не отнимет у тебя твое право.

Он с сомнением смотрел на меня. Возможно, он не верил, что я откажусь от своих законных прав и не буду бороться за власть в замке. Но Ка Ду Прон для меня ничего не значил.

— Да, лорд Могус, Ка Ду Прон твой!

Мы обернулись. В кругу света стоял человек. Взмах его руки — и остатки пламени исчезли. Стих рев вихря.

Ибикус! Я слишком устал, чтобы удивляться тому, что вижу его здесь.

— Да, это я, Кетан. Рад, что ты правильно используешь мой подарок.

Моя рука сжала шелковистую кожу пояса. Одна половинка души жаждала выбросить его, другая запрещала это. Зверем я могу стать в любое время, но сейчас Кетан будет контролировать инстинкты леопарда.

Он кивнул. Я знал, Ибикус легко прочел мои мысли.

— Все правильно. — Ибикус повернул голову на голос. Это была Джиллан, а рядом с ней стоял Херрел, который вновь стал человеком.

Я увидел, что они обменялись теми же жестами уважения, которыми обменивались только лорды замков с представителями Высшей Расы.

— Вы считаете, леди, что это была плохая шутка? — обратился он к Джиллан.

Она заколебалась.

— Я думаю, что участники этой затянувшейся игры не все знают.

— Вы правы. Урсила играла свою роль. Она делала все, чтобы у леди Героиз родился сын и стал наследником лорда. Но делала она это лишь для своих собственных целей. Ее усилия разбудили того, кто отвечает за баланс сил в Арвоне. Итак, мы воспользовались ее амбициозными желаниями для того, чтобы успокоить нрав тех, кто должен молчать. Для вас, леди Джиллан, Эйлин стала тем человеком, кем она и должна была быть. В Ка Ду Проне Урсила играла не свою роль. Эта женщина не знала возможностей своей Силы. В то время как Кетан, — он улыбнулся мне, — закалился, как закаляется меч, и стал еще сильнее. События последних часов говорят за то, что вы четверо стали единым целым.

Едва Ибикус замолчал, заговорил Херрел.

— Я услышал в ваших словах определенные намеки, Посланец. Мы сейчас втягиваемся в новую борьбу?

— Мы думаем, что это возможно, но наш дар предсказания ограничен. Всадники-оборотни и их невесты, полученные от лордов Хай-Халлака, являются основателями новой расы. Эти двое,— жестом он указал на меня и Эйлин,— тоже продолжают этот род... А сейчас...— его глаза изучали нас.— Там нет места тем, кто из Арвона.— Он повернулся в сторону Могуса и двух леди:— Это очень древний мир, и вам нет места там. Уходите.

И Могус, и леди Эддрис, и Героиз исчезли.

Нас он не разделял по одному. Но рука, которая указывала на нас, как будто объединяла нас четверых. Словно холод и тьмадохнули на нас и...

Было теплое, солнечное утро. Мы стояли на лужайке перед садом совсем другого мира, и трое смотрели на меня с теплотой, которая для меня была жарче лучей солнца.

— Добро пожаловать домой, Кетан,— сказал мой отец, а Эйлин потянула меня вперед по тропинке в сад.

Троїка меча

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕДЯНОЙ МЕЧ

Глава первая

Моя мать была из расы Древних, из тех, за кем охотились в Карстене, кого герцог Ивьян призвал объявить вне закона, хотя они и были из рода гораздо более древнего, чем его род, этого выскочки-наемника, любителя запретного, одного из тех, кто водился с этими ужасными колдерами.

Спасаясь от смерти, из всего древнего наследия моя матушка сохранила в Экскарпе, кроме самой себя, лишь троих телохранителей, принадлежавших еще ее отцу. Но и их ей пришлось отправить к пограничникам, что служили под главенством лорда Симона Трегарта для защиты от зла, которое пришло в наш мир. Сама она получила убежище у своей отдаленной родственницы леди Крисвиты. Позже она вышла замуж за мужчину не из своего рода, а из сулкоров и таким образом резко оторвалась ото всех.

Однако муж ее был убит в одном из набегов на южные порты. С тех пор моя мать не чувствовала привязанности людей его рода, а потому и вернулась в свою семью, неся во чреве ребенка, зачатого во время своего короткого замужества. Жизнь в ней едва теплилась, и к концу того дня, когда родился я, она ушла из жизни, точно свеча, задутая неровным дыханием.

Леди Крисвита взяла меня и вырастила. И она была замужем за другим лордом, спасшимся с юга, Хервоном. Его семья погибла во время резни, но он был обучен военному делу и оказался очень полезным на Границе. Пограничники доверяли ему и поднимались по его команде. У него были две дочери и сын Имхар. Этот мальчик был двумя годами старше меня, здоровенный парень, готовый подняться по первому зову тревоги, потому что мы выросли в тревоге и войне.

Не так было со мной. С самого рождения я был слабым и нуждался в неусыпной заботе из-за частых недомоганий. Поэтому я был причиной и постоянным источником раздражения для всех, кроме моей госпожи. Это раздражение сделало их равнодушными ко мне; и как только я достаточно вырос, я осознал их отношение ко мне. Хотя я и

пытался состязаться с Имхаром на протяжении всех наших мальчишеских лет, у меня не было ни единого шанса. Меч его был сделан с высокой точностью и искусством и приспособлен к руке так, будто лезвие было продолжением его самого. Наблюдать за ним было одно наслаждение. Имхар бесстрашно скакал на лошади и ходил в дозор еще до того, как мог просто сосчитать годы своей юношеской тренировки. И лорд Хервон справедливо гордился своим наследником, в юности уже получившим все необходимое для того, чтобы пробить себе дорогу в трудные времена.

Я тренировался с мечом и арбалетом, но боевое оружие было слишком тяжелым для моих рук. Среди темнокожих из расы Древних я был чужаком не только потому, что был физически слаб, но еще и потому, что у меня была светлая кожа и светлые волосы сулкоров. Но, к несчастью, ни ростом, ни силой, характерными для этого народа, я не обладал.

Хотя я так серьезно старался состязаться с Имхаром, в глубине души я стремился совсем к другому. Не к морю народа моего отца, что было бы вполне естественно, но к учению, забытому учению, которое было частью нашего прошлого.

Это правда, что нет мужчин, которые могли бы обладать Властью. По крайней мере, так провозгласили Мудрые Женщины, колдуньи, которые правили Эксарпом. Однако в старых легендах, обрывки которых я слышал время от времени, которые хранились в моей памяти, говорилось, что так было не всегда. Иногда по разным причинам на эту дорогу мог ступить и мужчина.

Я умел читать достаточно хорошо и охотился за всем, что имело отношение к этому исчезающему далекому прошлому. Я никогда не говорил о таких вещах с окружающими, поскольку они могли решить, что я повредился в уме, и, пожалуй, сочли бы меня даже опасным для дома, если бы Ведьмы узнали о моей ереси.

В тот год, когда я получил свой меч и отправился верхом с Пограничной Стражей, Карстен выпустил против нас величайшую угрозу из всех возможных. Колдеры исчезли. Лорд Симон и его леди находились в рискованном предприятии за морем и закрыли Ворота Мира, сквозь которые пришел этот ужас. Ивьян, лорд на юге, был частью угрозы колдеров, от них он и умер. И вот через некоторое время по всему Карстену начался хаос, и тогда лорды сражались друг с другом за господство.

Наконец, победил Рейган из Клина. И чтобы объединить свой народ, объявил крестовый поход против Ведьм. Как всегда бывает в таких обстоятельствах, хитрец направил свой народ против внешнего врага, против которого надо

было бороться совместно, но не задумываясь о более близких домашних тревогах.

Итак, пришло огромное войско, но не с человеческими мечами, а, скорее, с Силой. И вот почему Ведьмы объединились на один день и одну ночь, собрав все свои силы, какие только можно было призвать. Затем они направили эту объединенную Силу на юг, и сама земля повиновалась их командам. То здесь, то там двигались горы, земля скручивалась и разрывалась. При этом они и сами заплатили высокую цену, так как многие из них погибли. Их использовали в качестве канала для этой Силы, отчего они сторели сами.

Лорд Симон и леди Дженит к тому времени уже давно были потеряны в северных морях, и не было другого, достаточно великого полководца, который мог бы внушить почтение и лояльность к Экскарпу.

Но от поместья к поместью, от фермы к ферме передавалась странная история о том, что дети из дома Трегартов спасались бегством от великого гнева Ведьм, и что теперь они изгнанники, которым никто не смеет оказывать помощь под угрозой осуждения в этой стране, где все мужчины были подняты по закону, чтобы повернуть их.

Шептали, что известная Сила, которой обладал лорд Симон, была также и в его сыновьях. И что они против всех обычаев организовали заговор, чтобы помочь своей сестре выбраться из Дома Ведьм, где она обучалась. О них говорили очень странные вещи, совершенно невероятные: все трое родились одновременно! Таким образом они были очень близки.

Я говорю об этих троих потому, что они были причиной изменения моей жизни и жизни всех в доме Хервона. И я сам был полон страстного желания услышать все, что только можно, о молодых лордах, которые, как до них и их отец, отличались от нашего рода.

Когда Карстена можно было больше не опасаться, лорд Хервон приступил к осуществлению своих представлений о будущем. Пока он метался верхом по земле со своим войском туда-сюда, он приглядел себе место, которое показалось ему удачным для основания поместья. Это место было расположено далеко на востоке, в той части страны, которая была давно покинута и почти забыта, так что некому было помешать осуществлению его планов.

Таким образом, когда наступил мир, который казался нам странным, мы приступили на этом месте к новостройке. Мы все еще сомневались в прочности мира и из-за вечной и привычной тревоги ходили вооруженными, а вокруг здания выставляли часовых. Нас было пятьдесят человек, в

большинстве мужчин. Правда, в хозяйстве леди Крисвиты было пять женщин, с нею были также ее дочери, ее сестры и их мужья, а также ребенок, рожденный двумя годами позднее меня ее младшей сестрой и умершей к тому времени, о котором я рассказываю.

Теперь я должен рассказать о Крите, хотя это трудно. Дело в том, что с того мгновения, как я заглянул в ее колыбель на домашней половине, было нечто, связавшее меня с ней, несмотря ни на что. Это не были родственные узы, да и никакие другие, ибо, по древнему обычаю нашего рода, она должна была, когда придет время, выйти замуж за Имхара. Закладывался таким образом фундамент объединенного лордства Хервона.

Она была истинно из Древних темнокожих и стройная. И, на мой взгляд, в ней всегда было что-то, слегка отталкивающее собеседника, так как она временами говорила о своем, не слушая окружающих.

Из-за моего слабого здоровья в детстве, я был в приятельских отношениях, скорее, с Критой, нежели с Имхаром. И она стала обращаться ко мне по пустячным поводам, например, просила, чтобы я помог ей выпянуть птичку со сломанными крылышками, и тому подобное. Ведь с самых ранних лет она заметила, что имеет дар врачевания.

У Криты были и другие таланты, о чем я узнал позднее, когда приблизился к возрасту, позволяющему мне отправляться к Пограничникам.

Я набрел на нее неожиданно у ручья, бежавшего вдоль ограды фермы, которую леди Крисвита в те времена называла домом. Крита очень тихо сидела на траве, которая почти скрывала ее с головой. Глаза ее были закрыты, как будто она спала, но она плавно двигала руками взад-вперед. Я в замешательстве глядел на нее, а затем с тошнотворным ужасом, поднявшимся во мне, увидел в колыхающейся траве змею, длиной, пожалуй, с мою руку с мечом. Голова змеи была поднята и качалась, следуя мановениям руки Криты. Мне следовало бы выхватить меч и изрубить ее, но обнаружилось, что я не в состоянии пошевелиться.

Вдруг Крита хлопнула в ладони и открыла глаза. Змея опустила голову и скрылась в траве, как будто только приделась мне.

— Не бойся, Ионан.

Она не поворачивала головы и не могла видеть меня, но все же знала, что это я. И как только она заговорила, сковывающее меня оцепенение исчезло, как исчезла змея. Я сделал к ней пару шагов, и гнев, поднявшийся во мне, составил пару страху, что держал меня до этого.

— Что это ты делаешь? — требовательно спросил я.

Она обернулась ко мне.

— Подойди и сядь, — кивнула Крита, — иначе вывихну свою бедную шею, разговаривая с тобой. Ну и жара!

Прежде чем сесть, я тщательно осмотрел траву, борясь со страстным желанием потыкать туда мечом, чтобы не сесть на ее недавнего товарища с ужасными последствиями для нас обоих. А затем присел рядом с ней.

— Я думаю, что это часть врачевания. — Голос ее звучал неуверенно. — Меня не боятся ни крылатые, ни мохнатые. А сегодня я убедилась, что и чешуйчатые тоже. Я думала, мы зря закрываем свое сознание и оттораживаемся от такого явления, как это. — Она наклонилась немного вперед и, прикоснувшись кончиком пальца к моему мечу, вложенному в ножны, продолжала: — Вот почему мы не можем слышать многое из того, что лежит вокруг нас — добро большого мира.

Я перевел дух. Мой гнев остывал. К тому же какое-то внутреннее чувство говорило мне, что Крита так же знает, что делает, как я знаю движения клинка.

— Ионан, ты помнишь те старые сказки, что прежде рассказывал мне? — Обрывками легенд и древних песен я делился только с Критой. — В этом мире Силу имели и мужчины.

— Эта Сила была в Экскарпе, — уточнил я. И вдруг во мне всколыхнулся новый страх. Ведьмы старались сохранить свои ряды. До сих пор они не высовывались, пока у некоторых девочек не обнаруживалась склонность к способностям. Крита... Крита не должна исчезнуть за серыми стенами, в мире, лежавшем вне этой жизни, отдав за эту Силу все.

— Я не ведьма, — сказала она мягко, — я Ионан, ведь всем, что я знаю, я делюсь только с тобой. Потому что ты понимаешь, что свобода важнее Силы, которую кое-кто чрезмерно любит.

Я крепко схватил ее за запястье, но взгляд ее прямо встретил мой взгляд.

— Поклянись, что ты не попытаешься сделать это снова. Ни с кем из чешуйчатых!

— Я не стану клясться, Ионан, — она улыбнулась. — Самое большое, что я могу обещать тебе, что не стану рисковать.

Мне пришлось удовлетвориться этим, хотя в глубине души я вовсе не был доволен, особенно когда думал, что она все еще может решиться сделать. Но больше мы об этом не говорили. Вскоре я присоединился к Пограничникам, и мы с Критой виделись очень редко.

Но когда мы отправились на восток и стали строить новое поместье, все изменилось. Крита приближалась к возрасту замужества. До того момента, когда Имхар может потребовать ее, оставалось не так уж много времени. Мысли об этом окутывали меня темным покрывалом горя. Я пытался обуздать их, но уже знал свои чувства, которые следовало обуздать и отбросить.

И перед тем, как нам закончить дом, пришел этот человек. Он пришел с холмов в сопровождении одного из наших часовых и обратился к лорду Хервону с надлежащим приветствием, как гость к хозяину. Однако в нем была странность, которую почувствовали все мы.

Он был молод и явно относился к расе Древних, хотя его глаза были не серыми, а синими. И держался он с достоинством, как имеющий право приветствовать взрослых воинов, как равный. Сначала он сказал, что находится под заклятием, но позднее открылся нам. Он был одним из сыновей Трегарта, он был вне закона и пришел вербовать сторонников для заселения земли, расположенной далеко на востоке — Эскора, той прародины расы Древних, откуда происходили все мы.

Лорд Хервон увидел в нем опасность, и эту точку зрения поддержал маршал Годжер. Было решено, что его отдадут в руки стражи, иначе мы тоже окажемся вне Закона. После того, как Годжер и незнакомец ускакали, нами овладели тревога и интерес. Мы грезили и высказывали свои мечты вслух. И мы не пошли рубить лес, а беспокойно ходили вокруг строения, глядя на горы, которые высились к востоку от нас. В нас зрело напряжение и желание что-то сделать.

А затем вернулся Годжер со своими мужчинами и рассказал невероятную историю, хотя мы и знали, что в этой призрачной земле происходит много странных вещей. Однако собрались огромные стаи птиц и зверей и остановили их путь на запад. И под эскортом этих пернатых и мохнатых Киллиан Трегарт отправился назад к горам. И эта компания не причинила вреда Годжеру и его людям и позволила им невредимыми вернуться к нам.

Затем появилась леди Крисвита и обратилась ко всем собравшимся:

— Этому можно верить. И неужели хоть кто-нибудь в этом доме станет отрицать, что у него или у нее возникло сильное желание сесть на коня? Я говорила с Киллианом Трегартом наедине — он прав. Я думаю, мы должны отправиться с ним в это путешествие, и мы уже не можем противиться этому.

Как только она прервала словами мои чувства, тревога моя исчезла, и во мне возникло страстное желание уже

быть в дороге, как будто меня ожидало великое и радостное событие. Я, глянув вокруг, увидел на лицах окружающих признаки того, что все были согласны с ней.

Вот так и получилось, что мы отправились в путь, не зная, куда, бросив поместье, которое собирались сделать своим домом, и окунувшись в дикость, вероятно, скрывающую опасности, может быть, даже худшие, чем Карстен или колдеры.

Глава вторая

Таким образом мы пришли в Эскор, местность давным-давно разрушенную волшебством природы и законов человеческих. Эта местность в течение поколений была местом, сохранившим неустойчивое равновесие между Силами Света и Силами Тьмы. Адапты исчезли. Часть их погибла в диких ссорах со своими же, оставив эту землю мрачной и разрушенной. А другие сотворили Врата в другие времена и миры и ушли через них — кто из любознательности, а кто в жажде власти.

Но на их месте, на месте исчезновения Великих, осталось запретное наследство. Путем мутаций они творили разные жизненные формы, нечеловеческие по обличию. Некоторые из них были достаточно близки к человеку, чтобы угадать какое-то родство. Другие принадлежали Тьме и по своей воле и желанию опустошали страну.

Еще до того, как раса Древних вызвала к жизни такую силу, на этой земле жил другой народ. Не люди, но вроде того. И они имели более тесную связь с жизнью самой земли, чем кто-либо из людей, поскольку они не стремились бороться с ней или изменить ее, как это в обычае у людей моего рода. Скорее, они жили в единении с ней, подчиняясь сезонным ритмам, и жизнь их питала и поддерживала сама Земля.

Это был народ Зеленого Покоя. Когда судьба, подготовленная адаптацией, обрушилась на эту землю, они переселились в пустыню, расположенную к востоку, позвав с собой некоторых созданий, вскормленных адаптами, а некоторых даже просто утащив с собой насильно. Там они и жили, на большом удалении от жителей этой несчастной земли.

Были и другие остатки расы Древних, которые не добились запретного знания. Эти переселились на запад, терзаемые творениями Мрака, пока не достигли Экскарпа и Карстена. Там те из них, кто обладал Силой, произвели мощное землетрясение, отрезавшее их от древней родины, так же, как это сделали Ведьмы, чтобы победить Рейтана.

Заключение, которое было наложено ими на людей, было таким сильным, что мы даже и думать не можем о востоке — он исчез из нашей памяти. И так было до тех пор, пока полукровки, лорды из дома Трегарта, и их сестра, нечувствительные к подобным нюансам, не осмелились вернуться.

Наше путешествие было нелегким. Сама земля поставила преграды на нашем пути. К тому же, хотя к нам из-за Миллэна относились хорошо, нас выследили создания Тьмы. Поэтому до Зеленой Долины мы добрались такими же гонимыми, какими были, спасаясь от Карстена, поколением раньше.

Но Долина не была беззащитной. В ней очень далеко были спрятаны резные руны и знаки. Тем не менее от соприкосновения с Тьмой здесь никто не был свободен. Тьма могла вторгаться в жизнь людей и других созданий.

Дома Зеленого народа были странны, но все же радовали глаз. Они не были построены людьми не из дерева, не из камня, а, скорее всего, выращены. Кусты и деревья сплетались, образуя как сплошные стены, так и небольшие загородочки, а крышей служил сияющий зеленый навес. И птицы здесь повиновались леди Дахаун.

Она словно бы вышла из самых древних наших легенд — лесная женщина, которая могла призвать растения цвести или плодоносить; и не оставалось ничего иного, как только повиноваться ее желанию. Кроме того, как и весь ее народ, она выглядела иностранкой. В глазах мужчины она не была одной и той же, менялась ежеминутно. Так она могла в один миг иметь рыжие, с солнечными кончиками волосы женщины сулкоров, а в следующий — черные локоны и кожу цвета слоновой кости, как у расы Древних.

Ее соправителем здесь был Этсутур. Он так же непрерывно менялся, хотя и не так удивительно, как сама леди Дахаун. И при всех изменениях единственное, что оставалось у него неизменным, — маленькие слоновьи бивни, начинающиеся над его лбом от первых завитков волос...

По приказанию лорда Хервона для нас в Долине был разбит палаточный город, потому что могли наступить холода. Приблизжалась зима, и у нас не было стен укрепления.

Казалось, легенды претворялись в жизнь. Вокруг нас летали, шагали, резвились странные создания, известные нам по древним песням. Мы долго думали, что они плод нашего воображения... Там были фланнэны — очень маленькие, но в достаточной степени человекоподобные существа, на расстоянии казавшиеся детьми. Они были крылаты и иногда танцевали в воздухе, доставляя окружающим истинное наслаждение при мысли, что они существуют на самом деле. Там были и рентэны — большие, как лошади, но, в отличие

от лошадей, имевшие пушистые хвосты, которыми они обмахивались. У каждого из них на лбу был единственный рог: красный, светящийся, изгибающийся наподобие арки.

Они привели нас от гор, но ни в коем случае не были рабами своих всадников. Это был гордый и интеллигентный народ, союзник, а не слуга.

И там был народ Ящериц, которых я узнал хорошо, потому что из них был мой первый друг.

Крита вошла в рай, или она так думала. Она расцвела, превратившись из полуребенка-полудевушки в личность, странную даже для меня. Она неотступно следовала за Дахаун в страстном желании узнать все, чему эта леди стала бы ее учить.

Имхар постоянно был в совете воинов, в большинстве своем тех, кто не был нам равен по возрасту. Он впитывал в себя все сведения о военном деле, как домашняя кошка свежее молоко.

Мы пришли в Долину, где был мир, но Долина была лишь малой частью этого края. Эсکور вокруг нас кипел и бурлил. Сам Этсутур поскакал как вестник войны с лордом Кемоком Трегартом к Крогэнам, жителям вод. Другие вестники также были отправлены во все стороны, чтобы поднять всех, кто мог стать под военное знамя, когда начнется война.

Существовали особые формы оружия и испытанные кольчуги, чтобы спастись, и этого было мало, потому что здесь мы столкнулись не с людьми, а с чужой нам жизнью, дьявольским порождением.

Как и другие, я стал бы сражаться в свое время, но меня не оставляло чувство одиночества. Во всей нашей компании не было никого, кого я уверенно мог бы назвать братом-защитником или хотя бы собутельником. А с Критой мы встречались редко.

И наступил день, когда грянула буря, с которой и начинается истинная история Ионана, потому что, если обернуться назад, до этого я был полужаконченной вещью, вырубленной грубо, и не очень ценной. В тот день я ушел с подразделением мечников лорда Хардона и с одним из Зеленого народа в качестве гида. Мы поднимались на каменные уступы, которые служили нам защитой, чтобы посмотреть по ту их сторону и увидеть, что лежит за ними, а также и на будущее подобрать места, где мы могли бы встретить и отразить любую атаку. Когда мы начали подъем, стоял солнечный день. Но затем собрались тучи, и наш предводитель Магат участливо оглядел нас всех и сказал, что нам следует вернуться до того, как худший из ветров обрушится на нас.

Тучи — было ли это порождение тьмы или работа природы — надвигались так быстро, что мы и в самом деле затопились. Но так уж случилось, что я был в колонне последним. И когда на нас с ревом обрушился ветер, заглушивший все другие звуки, я поскользнулся. Не успев восстановить равновесие, я начал соскальзывать вниз, обламывая ногти и обдирая до крови пальцы камнями, за которые я пытался цепляться. Занавес из ветра и тьмы отдалил меня от всего, оставляя в поле моего зрения только впадину в скале, куда меня занесло. Кольчута не защищала меня от болезненных ушибов, и вода лилась таким потоком, как будто наверху утеса кто-то опустошал одно ведро с водой за другим.

Собрав все силы, я поглубже залез в эту временную тюрьму, где выступ породы над головой защищал меня от дождя и немного от ветра. Позднее, как я надеялся, мне удастся подняться наверх, но сейчас я не осмеливался на это под натиском воды и ветра на таком крутом утесе. Молнии били так свирепо на крошечном участке неба, что был в поле моего зрения, что это напоминало мне о самом эффективном оружии Зеленого народа — их силовых книгах. Затем раздался ужасный оглушительный треск, сопровождавшийся странным запахом, который заставил меня думать, что молния ударила рядом, и больше ничего не было. Поток воды нес с собой мелкие камешки и потихоньку начал затоплять расщелину, в которой я утеснился, хотя она и имела выход наружу от Долины. Вода добралась мне до колен, затем поднялась повыше, но никакого укрытия там не было.

Пока лил дождь, тяжелый грохот грома не утихал ни на минуту. Когда я повернулся, то ощутил такую острую боль в правой лодыжке, что раз или два почувствовал головокружение. Поэтому я затих в своем капкане, пережидая, пока не кончится гроза.

И вдруг при одной из ярких вспышек молнии я увидел ответный отблеск света на стене справа от себя. Сначала я не понял, что это означает, затем догадался, что там должно быть что-то, от чего отражались эти вспышки. Потом я немного покрутился в попытках высвободить плечи и добился того, что смог ощутить стену. Ободранные кончики моих пальцев скользнули по грубому камню и нащупали что-то гладкое... и не только гладкое, но и в некотором роде странное, холодное и приятное. В темноте я исследовал свою находку. Как мне показалось, она была чем-то вроде жезла, имея длину не меньше моего большого пальца, пожалуй, даже побольше. Я попробовал подергать его, и мне показалось, что он поддался, но тех сил, которые я мог напрячь в

своем скрюченном положении, не хватило на то, чтобы выдернуть его.

В моей невидимой находке было что-то еще. Она не отпускала моих пальцев. Я сомневался в том, что она была частью шершавой скалы. Ее поверхность была слишком гладкой, как у металла или кристалла, обработанных специально. Но она высовывалась из цельной скалы. И ее, казалось, ничто не держало, как я смог установить на ощупь, а это свидетельствовало о том, что она не была сделана человеком.

Стихия не унималась. Со своего вынужденного насеста я пытался рассмотреть мир за Долиной, но темнота не позволяла разобрать ничего. Оставалось только рассматривать вспышки, свидетельствующие об остатках мощи Силы, все еще разрушительной. Голубая вспышка указывала на пункт безопасности, и человек там мог найти приют. Болезненно вялая белая или зеленая, или, хуже всего, красная с черными вспышками сигнализировала о ловушке для нас. В своем путешествии в горы мы старались отмечать такие места.

Гроза стихла, вокруг прояснилось. Мне показалось, что прошло уже очень много времени. Вода в расщелине убывала, и вспышки молний больше не полосовали холмы. Я высунулся из-под навеса пород, служившего мне убежищем, и попробовал распрямиться. Мое тело было мокрым, а поврежденная лодыжка сделала это движение болезненным. Я мог цепляться за камни, чтобы выбраться на гору, но для этого мне нужно было наступить на ногу всем весом, а этого я сделать не мог.

И вдруг я застыл. Надо мной слышались какие-то звуки: не раскаты грома и не шум дождя. Больше всего это походило на то, что кто-то карабкался по камням надо мной. Может, это было создание Тьмы, и мне следовало опасаться нападений?

В следующей вспышке молнии я разглядел зубастую морду существа народа Ящерич. А затем его передние лапы, так похожие на тоненькие ручки с пальчиками, появились в поле моего зрения. Вместе с ними ко мне спускался источник слабого света, и я увидел, что он исходит от камня, лежавшего в ячейх тонкой сети, закрепленной на металлической нити.

Народ Ящерич, подобно другим негуманоидам, общается путем обмена мыслями. Я и подумать не мог, что у Криты выработалось такое умение. Я протянул руку и ухватил святящийся камень. С его помощью мне удалось осмотреть свою ногу. Ботинок был тесен, а нога выше него опухла. Я очень неудачно подвернул ее, и было ясно, что нагружать ее мне не следует.

Я постарался объяснить свое положение жестами. Мой спаситель уставился на меня своими бриллиантово-яркими глазами, а затем исчез. Я очень хотел надеяться, что он отправился за помощью. Но теперь я стал побаиваться этого. Моя неприспособленность долгое время была предметом грубых шуток среди людей лорда Хервона. Здесь, в первом же патрульном походе на стены, которым я руководил, я зарекомендовал себя наихудшим образом.

С уходом Ящерицы любопытство потянуло меня назад, под выступ, посмотреть, что же я нашел в стене. Я протянул вперед свой неяркий свет, и оттуда брызнул ослепительный свет.

Это... это, скорее всего, был жезл, выполненный в форме кристалла, излучающего свет. Теперь он накалился до синеватого оттенка. Да, он торчал прямо из породы, но в том, что это продукт иного разума, сомнений не было. Было, скорее всего, удивительно, что он найден вот так, в породе, словно упакованный в ней.

Я протянул руку и дернул изо всех сил. Жезл чуть-чуть подвинулся. Было ясно, чтобы высвободить его совсем, надо было разрушить породу, в которой он находился. Как быть? Я должен это сделать! На всех на нас, пришедших с Секор, были наложены чары. Теперь я узнал, что какая-то сила вне меня толкает меня на это. Я мог бы поклясться в том, что эта моя находка очень важна.

Я быстро повернулся. Сверху слышался отдаленный шум. Это мужчина-Ящерица с легкостью карабкался по стене. Для него каменная стена была чем-то вроде лестницы. Он нес веревку, кольцами намотанную на одном плече. Спустившись вниз, он сделал мне знак, чтобы я обвязался.

Так случилось, что в эту бурю я нашел и свое предназначение на этой земле, так долго покрытой тьмой, и друга, потому что Тсали был другом, который на самом деле может отдать за тебя жизнь и даже больше, чем жизнь.

Глава третья

Итак, на время я стал пленником Долины. Но леди Дахаун передала Крите свои знания, и девушка принесла мне банку пузырившейся красной глины. Когда ботинок разрезали, то она смазала глиной мою лодыжку. Боль постепенно угасала, и я уснул.

Мои сны никогда не были реальны, и ни в одном из них не могло быть названо назначение Силы, которую время от времени имели люди моей расы, что служило, скорее, пре-

достережением. Однако в этот раз мой сон был так реален, что я как будто и не спал. Я держал в руке меч, и он подходил к моей ладони так точно, будто был продолжением моего собственного тела. И в своем сне я не мог вообразить себе без него свою жизнь.

Однако я испытывал великую печаль и страх, но не за себя, а за других. Я шел и безмолвно оплакивал потерю, великую потерю, которая давила меня к земле тяжелее, чем мой рюкзак разведчика. Кольчуга, в которую я был одет, местами была порвана и поржавела пятнами. Прижатая к боку, моя левая рука была скривлена. От ее нажима меня съедала боль, которой я боялся больше всего на свете, так как мое тело еще должно было служить мне. Прежде чем я умру, я должен кое-что выполнить.

Смерть настигла меня — это была истина, которую я знал. Все было потеряно, все было отдано Тьме, осталось лишь то, что я нес. Мой засыпающий мозг знал, однако, что этот меч не должен попасть в руки тем, кто шел сейчас по моим следам. Но я пытался идти, и тяжесть боли и слабющего тела гнули меня к земле. Все, что было у меня перед глазами, мелькало и расплывалось. Меня подгоняло время, жизнь вытекала из меня капля за каплей. Если я упаду, мне уже не поднять свое тело, которое отказывалось мне служить.

Земля равномерно поднималась под моими заплетающимися ногами, и при всей решимости шаги мои становились все короче. Я еще двигался вперед. Все вокруг было как в тумане. С моих губ сорвались слова, непонятные мне самому. Однако когда-то я знал такие слова... они были для меня или оружием, или же надежными, как меч... Пожалуй, именно сила слов помогла мне перешагнуть пределы человеческой выносливости. Дыхание мое срывалось, я не мог больше справляться с болью, съедавшей меня, но все еще держался усилием воли.

Наконец, я доковылял до конца пути, слизывая с губ капли пота. Снизу поднимался туман, и какой-то частицей своего одурманенного сознания я знал, что он порождение того, что лежало подо мной: горная порода пенилась и вдруг начинала кипеть, как вода. В это бурление я метнул свой меч. И одновременно меня оставила Сила, державшая меня на ногах, которая заставила меня дойти сюда с поля брани, где восторжествовала Тьма. Итак, я распластался на земле, зная, что теперь могу встретить смерть, и что сделаю это достаточно охотно...

И вдруг настало пробуждение. Я был в поту, а моя рука была крепко пристегнута к боку. Я глянул вниз, ожидая увидеть еще и кровь, просачивающуюся сквозь продранную

кольчугу. Но вместо этого увидел гладкую нетронутую кожу. И только тут осознал, что это был сон. И в этом сне я не был Ионаном, нет. Но я не мог назвать имя человека, которым я был. И из этого смертельного сна я вынес с собой одну мысль: то, что я нашел в камне, в моей руке удобно и надежно. Пусть так будет снова!

И у меня было смущение, что все это нужно сохранить в тайне. Не знаю, почему я так решил... Я вытерпел глумление Имхара над своей непригодностью. И когда Крита пришла осмотреть мою ногу, я попросил ее позаботиться о мужчине народа Ящериц, который нашел меня и помог мне.

Она-то и назвала его имя — Тсали. И еще сказала, что он был одним из разведчиков на вершине. Я позавидовал ей, ее дару общения с другими животными, и попросил передать ему мою благодарность. Однако я был удивлен, когда позднее в тот же день он забрался в маленькое помещение, где я лежал, и присел на корточки рядом со мной, разглядывая меня своими изумрудными глазами.

Ростом он доставал мне почти до плеча и был очень велик для представителя своего народа. Теперь он сидел на задних лапах, откинув назад хвост для равновесия; и нить с чередующимися красными и белыми бусинками скользила на одном его запястье, а он пропускал бусины по одной между своими тонкими пальцами, как будто получал что-то, трогая их поодиночке. Я и прежде видел, как его народ делает это, и слышал от наших людей кое-какие замечания на этот счет, что таким образом, очевидно, народ Ящериц охраняет свои записи.

Я уставился на его голову, украшенную гребнем, продолжая говорить, хотя знал, что звучащие слова даже на древнем языке не имеют для него смысла. Лишь немногие из Зеленого народа умели говорить из мозга в мозг со всеми теми, кто, как и они, был частью Света и противостоял Тьме.

Внезапно Тсали еще раз обернул бусы вокруг своего запястья из мешочка на поясе, который был единственной вещью, надетой на его радужное тело, достал кусочек тонкого гладкого камня, размером в мою ладонь. На нем были видны вырезанные строчки рун. Первая заполнена золотом так, что знаки были ясно различимы. Второй ряд — красными... а последний — зловеще черными.

Я и прежде видел такие. Они служили для предсказаний, и ими пользовались Мудрые Женщины, у которых было недостаточно Силы, чтобы стать истинными Ведьмами. Но когда Тсали держал плитку перед моими глазами, стало ясно, что эти руны чем-то отличаются от виденных мною раньше.

Держа плитку в одной руке, Тсали протянул вторую руку и схватил меня за правое запястье прежде, чем я понял, что он собирается делать. Держа мою руку в своей, он поднимал ее до тех пор, пока мои пальцы не ощутили гладкость камня, не почувствовали неровности глубоко вырезанных значков. Было достаточно странно уже то, что камень был не холодным, как я ожидал, а, напротив, теплым, как будто он лежал недалеко от костра.

Под моими пальцами символы стали гораздо более четкими и как бы зажглись. Первые — золотые, вторые — красные и, наконец, черные. Правда, от последнего ряда мои пальцы отдернулись, потому что, хоть я и не очень близко соприкоснулся с Силой, но знал, что эти последние были знаками дурных предзнаменований и отчаяния.

Тсали наблюдал, как при моем прикосновении руны возрождаются к жизни и, в свою очередь, гибнут, и это отражалось в растущем напряжении его чешуйчатого тела. Казалось, что если я сам не мог читать того, что не вызвал к жизни, то он мог. Когда, наконец, я указал на последний из символов, он взял у меня пластину и спрятал ее, но не оставил меня. Наоборот, он наклонился вперед, его глаза сфокусировались на мне в каком-то настойчивом взгляде, как будто требовали от меня ответа. Медленно, очень медленно в моем мозгу что-то слабо зашевелилось. Для начала я представил себе, что снял с него кожу... Велико же было мое изумление, и я никак не мог поверить, что это воображение и ничего больше.

Между нами не было ясной умственной речи, я был совсем лишен умения общаться подобным образом. Однако же вопрос определенного свойства я мог ощутить. И этот вопрос имел какое-то отношение к отдаленному прошлому. Но в моем прошлом не было ничего, что стоило бы отметить, что заставило Тсали так закопаться в мой мозг. Пожалуй, я был наименее значительным лицом в доме Хервона. Я не был даже чистокровным Древним. Или... кем я был?

На один головокружительный миг мне показалось, что я вернулся обратно в свой сон, когда я шел к смерти, чтобы сохранить или разрушить что-то более важное, чем я сам, хотя это и принадлежало мне. И обнаружилось, что, даже пробудившись, я помню теперь в подробностях этот подъем к краю кратера и утрату меча, который до такой степени был частью меня самого.

Но это был только сон... это было не здесь и не сейчас. И не я был этим чужестранцем, смертельно раненным в неизвестной битве. Я — Ионан, полукровка, слабак.

Я... оба!.. Теперь я это узнал, но, каким образом, я не мог бы объяснить. Мне доводилось слышать утверждение от не-

которых чужаков, что, хотя адапты могли прожить много жизней, были и другие, обычные люди, которые возвращались в жизнь, рожденные заново, если не выполнили какую-то задачу, возложенную на них. Так что они снова могли выбирать, действовать в надежде, что на этот раз у них получится лучше.

Был ли такой и внутри меня? Может быть, мой сон был не просто фантазией, но в чем-то и оправдан? Кто мог доказать или опровергнуть это? Однако, как реальна была моя смертельная прогулка, так и я ощущал себя тем, кто вчера или когда-либо еще шел этим путем.

Теперь я знал, что должен выяснить это для самого себя. Но чтобы сделать это, оставалось одно: я должен вернуться на вершину горы, отыскать то, что заключено в камне, и освободить это. Если бы я увидел это еще раз, еще раз взял его в руку, тогда... тогда, пожалуй, это знание, которое было моим, которому предназначено быть моим! — могло бы вернуться назад.

Со стороны Тсали послышалось шипение, и, что бы оно ни означало, оно разрушило мою сосредоточенность. Тсали все еще глядел на меня, но уже не столь требовательно, а пристально. Теперь он кивнул, его украшенная гребнем голова серьезно двигалась вверх-вниз. И было ясно, что, хотя я и не мог читать его мысли, которые он и не открывал, мои для него были вполне понятны.

Я заговорил, хотя и не был уверен, что издаваемые мною звуки будут понятны его ушам, устроенным иначе, чем мои.
— Мне нужно туда.

Казалось, он понял, поскольку торжественно кивнул еще раз. И этот кивок его был чем-то вроде разрешения, будто бы он имел в виду, что я именно так и должен поступить.

Теперь я нетерпеливо ждал, когда заживет моя лодыжка, и надоедал Крите просьбами избавить меня от тяжелого глиняного комка. Надоедал до тех пор, пока она не разбила его и не освободила меня. Если я не чувствовал боли, то от опухоли не осталось ничего. Когда я поднялся на ноги, то почувствовал себя совершенно нормально.

Однако, чтобы сделать то, что я хотел, нужно было выбрать время, а это оказалось нелегкой задачей. Я не мог уйти из строя, не мог избежать постоянных упражнений с оружием для защиты нашего маленького гарнизона. Странно было и то, что во мне жила твердая уверенность, что я ни с кем, кроме Тсали, не должен делиться рассказом о своей выходке. И вот спустя три дня нетерпеливого ожидания и крушения планов я ускользнул, чтобы еще раз подняться на скалу. И, прежде чем я достиг первых выступов, воин-Яще-

рица появился из ниоткуда, мелькнув позади меня на грубом камне с проворством, на какое не способен ни один человек.

То, что Тсали присоединился ко мне, было хорошо. Я был наверху только раз и не заметил ориентиров, не знал даже, в каком направлении начинать поиски расщелины, в которую так неожиданно свалился. Это было ясно и Тсали, так как, поглядев на меня и затем свернув направо, он ясно дал понять, что поведет меня.

В этот день не было грозowych облаков. И суровые вершины должны были быть хорошо видны. В этих горах было много расщелин, и все они походили одна на другую. Но Тсали сразу же пошел по одной из них, жестом позвав меня туда же.

Наконец, я встал на колени, нащупывая в породе трещину... Отсюда ничего не было видно. Моя находка должна была лежать значительно дальше, под полузатененным навесом скалы. У меня на поясе были маленький молоток, который я тайком взял у кузнеца, и остро заточенное зубило. То и другое было из металла, но я не знал, смогут ли они одолеть пещеру.

Я осторожно пополз вниз в расщелину. Тсали уже лежал на брюхе на ее краю и спокойно наблюдал за мной. Я мог бы и не найти то, что искал, поскольку цветом он не отличался от породы, заключающей его. Мне помогло то, что он немного высывался из камня. Хотя жезл и напоминал формой кристалл, был он не прозрачным, а серым, пехожим на любой выступ вокруг. Но как же тогда вспышка молнии заставила его сверкнуть? Я тронул его пальцами. Да, он немного шевелился. Приблизившись и вглядевшись, я обнаружил черту, отделявшую его от породы, куда он был заключен.

Я начал работать зубилом и молотком так осторожно, как только мог, боясь разбить его, постукивая медленно и очень тщательно. Крошка по крошке камень начал отваливаться. Набравшись терпения я работал с такой осторожностью, как никогда ранее. Мысль, что так необходимо, целиком владела мной, заполняя сознание. Я не замечал, как палило солнце, превращая расщелину в раскаленный котел, как я сбросил сначала кольчужную рубашку, затем поддетый под нее кожаный жилет, так что кожа покраснела от слепящего солнца.

Руки начали дрожать, я откашлялся и откинулся назад к стене расщелины, внезапно испугавшись, что неосторожным движением, неровным ударом молотка могу разбить то, что выковырял с таким трудом. Сверху послышалось шипение. Я взглянул вверх, и Тсали спустил мне бутыл,

сделанную из тычквы, которые росли в Долине. Вытащив за-тычку, я с благодарностью отпил. Плечи болели, но, когда я посмотрел на камень, над которым трудился, мой дух возродился, как глотка, когда ее промочишь. То, что я с такой тщательностью освобождал, на самом деле было рукоятью меча. Но чтобы освободить клинок, нужно было потратить часы. Да можно ли это сделать вообще? Мог ли хоть какой-нибудь металл выдержать, побывав в расплавленном камне? Ибо так было в моем сне.

Я протянул руку, согнул пальцы и коснулся рукояти. Чувство, владеющее мною во сне, снова наполнило меня. Эта вещь была моей. Никогда прежде у меня не было такого сильного чувства собственности, как будто этот предмет был предназначен только для одной руки — моей. Я ухватился покрепче. Не сознавая, что делаю, я рванул рукоять на себя. После короткого сопротивления она с треском освободилась, так что я не удержался и упал назад к противоположной стене расщелины. Но в моих руках была одна только рукоять, за которой не было видно лезвия, крепкого и с острыми краями.

Мое разочарование было так велико, что еще секунда-две — я мог бы зареветь, как ребенок. Меч был мой, но часть его исчезла, затерявшись, как я и опасался, во времени и расплавленной лаве.

Однако выбросить обломок я так и не смог. Мои пальцы крепко сжимали его, как будто теперь их воля противостояла моей, или даже ими командовала какая-то часть меня, которой я не знал и не понимал. Я держал свою находку, отставив ее подальше, на солнце. Пожалуй, кто-нибудь из деревенских кузнецов мог бы восстановить клинок. Насколько я понимал, сама по себе рукоять не была сокровищем. По цвету кристалла эфес был серым, даже на солнце я ловил только слабые отсветы внутреннего огня. На нем, как каракули, были вырезаны руны, для того, пожалуй, чтобы он не вращался в руке. Они стерлись настолько, что теперь были всего лишь неразличимыми неровностями на его поверхности. Поперечник был из того же самого материала. При этом я был уверен, что это не кристаллы кварца, которые я бы узнал.

Я вздохнул. Взявшись снова за свою кожаную куртку, я случайно прикоснулся к ней своей находкой. Бесполезная вещь, однако что-то такое в ней было. Был ли это проблеск прежней памяти, что зашевелилась глубоко-глубоко в моем сознании? Я не уловил этого, но знал, что то, что находилось сейчас в моих руках, было мне необходимо, как жизнь. И раз оно снова попало мне в руки, значит, тому была причина.

Глава четвертая

В последующие дни я не раз порывался отдать рукоять кузнецу и увидеть, если только это возможно, ее приложенной к какому-нибудь клинку, который кузнец выкует. Но каждый раз, как эта мысль приходила мне в голову, обнаруживалось, что я не могу сделать этого. Не знаю, что меня останавливало. Но как показало время, было только одно лезвие, пригодное для этой рукояти. Так что моя находка пока что оставалась бесполезной.

Но странное дело, во сне по неведомой причине всегда, в темноте и тайне, эта вещь неизменно оказывалась у меня в руках. Может, я хотел использовать ее в качестве ключа, отпирающего прошлое? Должно быть, хотя другая часть меня этого не желала. И предмет оставался у меня. Пожалуй, он принес воину некую добрую удачу. А, может быть, я все еще рос, и жизнь под небом Вселенной изменяла меня и лечила. И я стал более способным как мечник. Однажды даже обездорожил Имхара на занятиях. И это не было случайностью, так как именно этим способом он обычно заставлял меня выглядеть неискусным и неуклюжим.

Мы, из дома Хервона, были не единственными людьми, попавшими в Зекор через горы. Этим же путем в свое время пришли и другие. И мы ушли вместе с Зеленым народом, так как леди Дахаун всегда знала о пришельцах. Эти сведения приносили ей крылатые вестники. Эта земля была под властью Зла, за исключением тех немногих мест, которые охранялись остатками Силы. Вот почему мы всегда были настороже, когда отваживались на вылазку.

И вот однажды ночью, несмотря на то, что мы расположились в месте, охраняемом Силами Света, нас атаковали Тасы. Они жили под землей, изредка забираясь в Верхний Мир, да и то только ночами или в пасмурные дни. Конечно, они не были главными последователями Земных Сил, но в эти часы они прислушивались к голосу Тьмы и таким образом становились нашими врагами. На протяжении всей ночи длилась атака, в которой они были побеждены лишь благодаря тому, что лорд Кемок и Годжер из нашего войска сумели пустить на них водяной поток. Но сам лорд Кемок был тяжело ранен, а затем и погиб в скачке из-за того самого потока, который спас нас.

Это была ощутимая потеря. Дело в том, что, хотя лорд Кемок и был мужчиной, он узнал древние летописи в Дормте. Он кое-что знал и умел, и однажды даже вызвал Великих Древних и получил ответ, хотя считалось, что все они исчезли из Эскора. Его сестра, колдунья Каттея, отправилась на место, где был совершен обряд, пытаясь получить

ответ, жив ли он или умер, потому что она была убеждена, что он еще не отправился в Последнюю Дорогу.

Со временем Крита становилась все более близкой компаньонкой леди Дахаун, хотя она и не была тренирована в колдовстве, как леди Каттея. И поэтому я видел ее все реже. Сезон свадеб еще не наступил, и меня согревала эта мысль: пока вокруг бушевала война, Имхар не мог потребовать ее.

Мы дважды отбивали атаки Темных Сил. Чудовищные создания окружили стены Долины в попытках подняться на них и принести смерть всему живому. Серые, которые не были ни людьми, ни волками, но являлись худшей частью тех и других, приходили с целью пожрать нас, а с ними и другие, более страшные творения Зла. Над нами в небе кружили, сражаясь за нас, огромные птицы. Но и в кошмарном сне не увидишь созданий, с которыми мы временами сражались.

Я обнаружил, что Тсали присоединяется к патрулю на вершине каждый раз, когда туда назначали меня. Отсюда следовало, что наше безмолвное товарищество с мужчиной народа Ящериц стало частью моей жизни. Когда мы оставались наедине, хотя такое случалось нечасто, он жестами давал мне понять — а понимал я его с трудом, — что хочет взглянуть на рукоять меча. Я мог бы брать ее с собой, она всегда ощущалась мною, как часть меня самого, и он бы смог взглянуть на нее попристальнее.

Я догадывался, что, несмотря на то, что меч был похоронен в скале, он, пожалуй, знал о нем побольше моего. Не раз я мысленно спрашивал его об этом. «Люди имеют свои легенды, — отвечал он. — Быть может, у народа Ящериц тоже есть свои сказки о давно ушедшем прошлом. И одна из них о том умершем мужчине, который был не Ионаном».

Я очень старался передать свои мысли, но оказалось, что этого таланта я лишен. Иначе все бы объяснилось, нет сомнений. Трудно сказать, что бы произошло, если бы нить моей жизни держала другая рука.

Благодаря Крите пришел конец одной части моей жизни и начало другой. Ибо настало утро, когда она исчезла со своего ложа в доме леди Дахаун. И леди Зеленого Покоя пришла в палаточный городок Хервона с озабоченным лицом. Когда она протянула руку, на ее ладони все увидели грубую скульптуру из глины. К ее голове была приделана прядь женских волос, одеждой служил кусочек шали, в которую Крита любила заворачиваться в сырую погоду.

Глядя на эту вещь, леди Крисвита побледнела. Руки ее дрожали, когда она протянула палец, чтобы прикоснуться к фигуре, но не осмелилась сделать это. Затем в ней поднялся

гнев, какого я никогда прежде в ней не наблюдал. Она выкрикнула:

— Нам сказали, что эта земля безопасна!

— Так и было, — ответила леди Дахаун. — А эта мерзость сделана не здесь. Не знаю, как это попало в кровать вашей дочери. Я выяснила, что она вышла на рассвете, сказала людям, что хотела бы отыскать ложе Иллбейна, чтобы собрать декоративные травы, пока не ляжет роса, как и следует для правильного врачевания. Выглядела она обычно, но, судя по всему, на сей раз ею определенно управляла чужая сила.

Леди Крисвита глядела поверх наших голов, как будто ее глаза могли видеть путь Криты. Она сжала губы — я это видел и прежде, — взяла себя в руки, овладев своим страхом.

— Не можете ли вы отправиться за ней?

— Мы так и сделали, — ответила леди Дахаун, — но конец ее пути оказался вот там. — Она жестом указала на вершину, естественно опускавшуюся в долину.

— Почему... почему Крита? И откуда появилось это? — требовательно спрашивала моя приемная мать. — Ее... ее нужно найти!..

— Почему Крита? Потому что она то, что она есть: зародыш еще не тренированной Силы, и в том возрасте, когда эти Силы могут быть использованы другими. Откуда оно пришло, зловонное дыхание Тасов? Они обладают определенными талантами, о которых сейчас можно только гадать. Они развивают их до не известной нам степени. А что до этой находки, то я попытаюсь посмотреть в Магический Кристалл, потому что передо мной стена, которая препятствует дальновидению.

Я думал о Тасах, которых видел во время нашей последней битвы с ними, когда они нападали и были отброшены мощным потоком воды. Стоя на земле, они были ниже человека. Их приземистые тела были покрыты жесткой, корнеподобной растительностью. На самом деле они не были рождены, но выросли. В наших глазах они были омерзительны, подобно легендарным демонам. И подумать только, что они утащили Криту!

В этот момент я забыл, что был вассалом своего господина, что я воин, под началом других. Не раздумывая, я потянулся к этому грубому изображению в руках леди Дахаун.

— Ионан!.. — Леди Крисвита уставилась на меня, как будто внезапно я обрел облик одного из жителей подземных глубин. — Что с тобой?

Но я больше не был Ионаном, которого она вырастила, не был слабаком, который самой своей жизнью был обязан

ее заботе. Как только мои пальцы коснулись изображения, я ощутил, как глубоко внутри меня, как тогда, во сне, что-то шевельнулось. Я был еще кем-то, борющимся за свободу с большей настойчивостью, какую когда-либо имел Ионан. Кажется, я больше не был малообещающим юношей. Обе мои половинки слились воедино, сделав меня сильнее. Я даже не ответил леди Крисвите, я не мог разобраться.

— Где на вершине мы потеряли ее след? — обратился я к леди Зеленого Покоя, говоря с ней, как с равной.

Когда она оглянулась на меня, ее глаза расширились. Мгновение она колебалась. И пока она была в нерешительности, леди Крисвита обронила:

— Ионан, ты не можешь...

Я обернулся, забыв приличия.

— Это мое дело. Либо я верну Криту, либо умру.

На этот раз настало ее время удивляться, и ее удивление превзошло ее гнев и страх.

— Но ты...

Я сделал ей знак помолчать и снова обратился к леди Дахаун.

— Так где? — повторил я резко.

Ее глаза изучали мое лицо слишком долго, как мне показалось. Затем она ответила:

— Ни один человек не может безнаказанно пройти сквозь норы Тасов. Это их земля, и она сражается за них.

— Разве? Я не верю этому, леди. — Левая моя рука легла на грудь, закрытую кольчужой, и на этот раз, уже не во сне, я почувствовал, как рукоять древнего меча шевельнулась у меня на теле.

Леди Дахаун закусил губу. Ее правая рука поднялась и начертила в воздухе какой-то символ. Возник слабый свет, следующий за движениями ее руки, и немедленно исчез. Но теперь леди Дахаун кивнула:

— Рискни, воин. Мы не осмеливаемся вторгаться в норы Тасов без высшей защиты, каковой мы сейчас не имеем. Может быть, они сделали это, чтобы получить контроль над расцветающим талантом, который они надеются извратить и использовать для своих целей, но, может быть, и для того, чтобы ослабить наши воинские силы, которые и нужны нам для защиты.

— С уходом одного человека ваша защита ослабнет не намного, леди. С вашего позволения или без него, я это сделаю.

— Твой выбор сделан, — ответила та серьезно. — Но вот о чем я хочу предупредить тебя. Возможно, Тасы сделали это не по своей воле, а под управлением кого-то из Темных, и иногда против такого может бороться маленький человек.

Но ты не знаешь никого из тех, кто мог бы приостановить эту власть.

— Верно. Но кто знает, ложась спать, что принесет ему восходящее солнце?

Слова моего встречного вопроса, казалось, были не мои, они попали мне на язык по воле того, сумеречного другого, который пробудился во мне, потеряв рукоять.

Внезапное шипение заставило меня вздрогнуть, и леди Дахаун тоже. Слева от меня поднялся Тсали. Его яркие глаза на единый миг встретились с моими, после чего он посмотрел на леди Дахаун. Я знал, что между ними сейчас идет разговор, которого я не могу слышать. Я мысленно крепко стиснул эту омерзительную вещь из глины, волос и обрывка одежды. Мне было достаточно много известно о том, как проявляется Сила, поэтому и не стоило пытаться разрушить изображение. Это могло принести вред той, кого я надеялся защитить. К тому же, это была и связь с ней. Мою грудь наполнило тепло и ощущение единства с моей другой, более великой половиной, которую я пока ощущал неотчетливо.

— С тобой пойдет Тсали.

Настала моя очередь удивляться. Мужчины народа Ящериц происходили от земли, но они в Зеленой Долине не были подобны Тасам, ненавидящим солнце и укрывающимся от него в своих глубоких норах.

— Он может помочь тебе, как не может ни один человек, — продолжала леди Дахаун. — И на это есть его добровольное согласие.

Пожалуй, я был склонен отказаться тащить с собой кого-либо еще в неизведанные владения Тьмы. Однако та часть меня, которая была Ионаном, более нерешительная, воспрянула от этого сообщения. К тому же лишь один Тсали был посвящен в мой секрет. И не имело значения, что его кожа была чешуйчатая, а моя гладкой, и даже то, что мы не могли говорить друг с другом. Я почувствовал, что он прав, и что надо поступить именно так.

Я надел на плечи ранец с провизией, взял две бутылки с водой, полные до самого горлышка, и с хорошо пригнанными пробками. Из оружия я взял один меч. Брать арбалеты мне не хотелось, поскольку их у нас было мало, а те, что еще оставались, были предназначены для защиты Долины... Леди Дахаун принесла мне мешочек со снадобьями для лечения ран, и я прикрепил его к поясу. И последние напутствия я получил от леди Крисвиты, поскольку лорд Хервон все еще отсутствовал, патрулируя Долину. Прежде чем отправиться в неизвестность, я услышал:

— Она уже помолвлена. — Моя приемная мать говорила торопливо, как будто ей трудно было говорить то, что она

должна была сказать, и она хотела скорее избавиться от этого долга.

— Знаю.

— Если бы Имхар сейчас был здесь...

— Он сделал бы то же самое. Но его нет, а я здесь.

Тогда она сделала то, чего не делала с тех пор, как я был болезненным мальчиком. Она взяла в свои руки мое лицо. Мое горло закрывала тонкая кольчуга, свободно свисавшая со шлема, и я почувствовал на щеке тепло ее рук.

— Ионан, Ионан,— повторила она.— На что ты идешь? Прости мою слепоту. Крита моей крови, но в ней есть что-то чуждое моему духу. В ней жило то, что умерло в других, что принадлежало девам Экскарпа. Другой бы этого не понял. Она из моего рода, однако...

— И помолвлена с Имхаром,— продолжал я мрачно.— Миледи, я полукровка, но честь свою не утратил. Она вернется назад, или же я умру. Клянусь, что не потребую ее и после этого.

Теперь из ее глаз текли слезы, а ведь она была не из тех, кто легко пускает слезу. И все, что она ответила мне на это, было мое имя:

— Ионан...

В одно это слово она вложила все, чем могла ободрить меня.

Глава пятая

Я взял с собой изображение, упаковав в пояс и прочно закрепив с помощью трижды провязанной мертвой петли. Дело в том, что такие вещи, даже если они связаны с работой Зла, всегда связаны с жертвой. Могло случиться так, что эта грубая вещь из глины, тряпки и волос послужит мне проводником.

К полудню мы поднялись на скалы, следуя тропой, прежде проторенной Критой. И, как обычно, меня вел Тсали, его руки и ноги с когтями были пригоднее моих в таком деле. Он опередил меня, и я добрался до него, когда он отдыхал в глубокой расщелине, из тех, куда никогда не проникает пылающее солнце.

Я тоже улегся плашмя под скалой, нависающей над щелью, стараясь разглядеть, что там внизу. Но в густой тени не было видно ничего, кроме кусочка грубой стены. Чем ближе я прижимался лицом к этой дыре, тем более мерзким казался мне ее запах, к тому же, после холодного и чистого воздуха Долины. В нем был дух гниющего дерева и чего-то еще, предвещавшего нам всякие неприятности.

Проветрив свою ношу — оружие, пояс, — я перегнулся через этот барьер, служивший упором для рук. Спуск был крутым и малоприятным. Как только я начал спускаться, запах усилился. Тсали следовал за мной, но медленнее обычного. У него вокруг шеи была намотана веревка, стягивающая мешочек, сделанный из сетки, в котором в беспорядке были навалены камни. Когда мы вошли в тень этого зловещего разлома, они стали светиться, распространяя слабый и чуть видимый свет.

Расщелина была глубокой, более глубокой, чем мне представлялось прежде. И при всей своей осторожности я производил, думаю, слишком много шума. Ботинки мои разорвались на камнях, и я чувствовал пальцами ног землю. Я то и дело застыл, прижимаясь к стене и прислушиваясь. Однако ничего не было слышно, кроме моего собственного дыхания, так как Тсали вообще не издавал ни звука.

Тем не менее мы ощущали неуловимое предостережение об опасности, знание того, что мы и в самом деле на вражеской территории. Поэтому я призвал себе на помощь все, чему научился в качестве разведчика.

Наконец, я достиг горизонтальной поверхности и осторожно нагнулся, думая, что это просто выступ. На этот же выступ слева от меня приземлился Тсали и вынул из своей сумки светящиеся камни. В их неверном свете мы увидели, что находимся на дне пропасти. Край гигантского болота и слева и справа огибали узкие тропинки, но Тсали без колебания указал на левую.

Я недоумевал, но он должен знать о таких местах больше меня, и не стал спорить. Наш выбор был сделан. Дорога была неровная. Нам приходилось карабкаться по шатающимся глыбам. Затем трещина превратилась в пещеру. И когда я повернул голову и посмотрел назад, не было видно больше ни клочка неба.

Внезапно Тсали начал что-то выцарапывать когтями на стене, а затем протянул мне щепотку волокнистого материала. От него исходил сильный неприятный запах, но я с воодушевлением коснулся находки. Это были волосы, похожие на палочки, грубее любых волос, какие я когда-либо в жизни трогал. Я понял так: это отметка, след одного из Тасов, кусок шкуры, содранный с него острыми краями скалы.

Тсали засвистел и отбросил от себя эту находку. Его жест явно выражал отвращение. Прежде я не знал его личного отношения к Тасам, но этот жест прояснил все в достаточной степени. И связывающая нас сила еще более укрепилась.

Дорога пошла вниз. Вода каплями покрывала стены вокруг нас, сочились сквозь камень, скапливалась лужами на

земле. К счастью, все это скоро кончилось, и мы поползли дальше, и лишь скользкие от влаги камни были под нами.

Светящиеся камни Тсали давали очень слабый свет. Мы едва различали что-либо дальше, чем на шаг впереди себя, хотя он ставил свой мешочек как можно дальше. Вскоре свод приблизился, и нам пришлось спуститься на четвереньках, чтобы проползти под ним. Я снял свой тюк и толкал его перед собой. Тем не менее мои плечи то и дело цеплялись за камни.

Если не считать запаха и этого пучка волос, на моем дальнейшем пути не было других признаков того, что наши враги пользовались этим проходом. Видимо, он был скрыт недавно или недавно его начали использовать в качестве какого-то пробного подземного выхода в Долину... Вообще-то выходов было много, но большинством из них нельзя было пользоваться, потому что Зеленый народ очень давно наложил на подступах к ним такие знаки Силы, какие никто из служителей Тьмы переступить не мог.

Не знаю, долго ли мы ползли, но этот лаз привел нас к огромной пещере, такой большой, что у нас не было ни малейшей возможности составить представление о ее размерах, поскольку мы зависели от того хилого источника света, который у нас был. Ряды сталактитов поднимались подобно свирепым клыкам, стремясь соединиться со сталактитами, свисавшими сверху, точно ножи.

Тсали припал к земле, ворочая головой из стороны в сторону. Даже мой слабый человеческий нюх, куда более слабый, чем у него, уловил тяжелый запах, который стоял здесь. Мужчина-Ящерица обеими руками закрыл сумку со светящимися камнями, убрав даже этот малый источник освещения. Я понял, что он таким образом дает мне понять, что необходимо быть чрезвычайно осторожным.

Ничего не видя, я вслушивался так напряженно, что, казалось, на это была направлена вся сила моих чувств. И я слышал звук. Частично его можно было идентифицировать как равномерное капанье воды из устойчивого, хотя, скорее всего, маленького водопада. Однако из значительно более удаленного места уже куда глуше доносился ритмичный спад и подъем звуков, которые не были ни различными словами, ни песней, которую, как я был уверен, издавала не пещера, а те, кто ее использовал.

Слева от меня обозначился весьма отчетливый всплеск. Тсали снял одну руку с сумки с камнями. Затем я почувствовал, как его когтистые руки сомкнулись вокруг моего запястья. Ухватив меня таким образом, он дал мне маленький,

но полный смысла толчок, и хотел, чтобы мы передвинулись на другое место, в великую черноту неизвестности.

Я слышал, что народ Ящериц может видеть часть спектра, недоступного человеческому глазу, что они в состоянии пронизать то, что для нас является полной темнотой. Казалось, теперь мой компаньон сможет доказать, истинно ли такое утверждение.

Забросив багаж за спину, я встал рядом с Тсали. Мы отважились переместиться, но осторожно, шаг за шагом. Наш путь не был прямым, так как Тсали двигался зигзагами, очевидно, стараясь обходить нависающие скалы, которые образовывали этот гигантский лабиринт, ловушку для любого; столь же во тьме слепого, как и я. Пока мы шли, тот, другой звук становился все слышнее, то повышаясь, то понижаясь, как песня. Но если те, за кем мы охотились, были в пределах видимости, у нас не было света, который бы их выдавал.

Тсали сделал еще один крутой поворот налево. Теперь я мог видеть солнце слабое, зеленоватое, не достаточное, чтобы разорвать плотную тьму этой пещеры. Напротив нас известковые образования создали уродливые орудия, подобные решетке, иногда достаточно толстые, чтобы вообще закрыть отблески света.

Пение продолжалось, став громче, но язык мне был незнаком. От этого пения у меня на теле особенным образом стянуло кожу. Это было тем предупреждением, которое получают существа моего вида, когда восстают против Тьмы. Тасы теперь пели, отпустив меня, поскольку отдаленный свет служил нам ориентиром. И я, в свою очередь, старался двигаться настолько бесшумно, насколько это было для меня возможно.

Когда мы подползли поближе, чтобы заглянуть во вторую, меньшую полость, на нас полилось нездоровое сияние. Там столпились Тасы, в чем нельзя было ошибиться из-за их огрубленного и отвратительного облика. Я насчитал их не менее дюжины. Но то, что возвышалось над их уродливыми телами, была Крита.

Они окружили ее полукольцом, но их низко посаженные головы были обращены не к ней, как было бы, если бы они наблюдали за ней. Скорее, они все стояли лицом к высокой, вертикально стоящей колонне, сверкающей в свете каких-то стеблей, которые держали перед собой некоторые из Тасов. Уродливые, похожие на бесформенные комки, как поклонники держат свечи перед некоей святыней...

Колонна ровной и гладкой поверхностью была обращена к Крите. Теперь можно было видеть, что ее глаза плотно закрыты, но лицо безмятежно, не как у человека, который

испытывает на себе воздействие врагов, а, скорее, как у человека, погруженного в сон.

Я мог заметить, и это произвело на меня тяжелое впечатление, кое-что под этой поверхностью, как будто колонна содержала пленников или сокровище. Тасы не имели видимого оружия. Медленно и осторожно я высвободил из ножен свой меч, оставив тот лежать в стороне. Силы были слишком неравны, но там стояла Крита, которую они каким-то образом заставляли выполнять свои приказания. В том, что сейчас она была вовлечена в какое-то волшебное занятие Тьмы, не было никакого сомнения. Я рассматривал участок пещеры между собой и этой грязной компанией, размышляя, что же может стать ответом на внезапное нападение. Тасы, казалось, чувствовали себя в полной безопасности в этой дыре, раз мы не обнаружили часовых. Но почему у них было ощущение такой защищенности в этом месте? Что-то здесь было не так, однако в этот момент мне ничего не приходило в голову.

Крита подняла руки. Не касаясь поверхности колонны, перед которой она стояла, девушка сделала подметающее движение, сначала вверх-вниз, потом взад-вперед. В то же время Тасы вокруг нее продолжали петь на своем не известном мне языке. Я приготовился к прыжку, который, как я надеялся, позволит мне добраться до девушки. Может быть, мне бы тогда удалось уничтожить наговор, который они налили на нас...

Тсали засвистел. Что-то коснулось моего плеча. Я обернулся. Из темноты к нам тянулись длинные нити, подобные уродливым корням. Прежде, чем я осознал опасность, одна из них обвила мои лодыжки, сделала резкий рывок, подтягивая меня к полу. Я поднял меч, чтобы разрубить путы. Металл ударил сильно и резко, но отскочил от поверхности, на которой не осталось и следа надреза. Пока я пытался снова замахнуться рукой, другая, такая же крепкая нить закрепилась на моем запястье, несмотря на мое яростное сопротивление.

Итак, я был безоружен и беспомощен, и располагал пространством в несколько вздохов. Но Тсали все еще был на ногах. Казалось, нити избегают тех камней, которые служили нам для освещения. Нити извивались, пытались схватить его, но мужчина-Ящерица маневрировал так, что молниеносные взлески из его мешочка держали их на расстоянии. Наконец, он сделал большой прыжок влево и исчез, оставив меня в плену.

Пение позади меня не прерывалось. И, к моему бесконечному удивлению, ни один из Тасов не подошел ко мне и не поинтересовался мной. Мной занимались только нити,

затягивающиеся на моем теле до тех пор, пока я не был полностью обездвижен. Теперь я мог видеть оба конца нитей; они будто бы не использовались в качестве оружия, но являлись в некотором роде живой субстанцией, действующей самостоятельно. Однако все, что я видел и чувствовал, — это длинные, цельные корни... и все.

От них тоже исходил запах Зла, который окутывал меня, душил. Я давился и кашлял, мои глаза наполнились слезами, как у тех, кто надыхался едким дымом. Выходит, Тасы в конечном счете имели часовых, о которых я никогда не слышал. Я надеялся, что Тсали удалось убежать. Теперь я зависел только от его помощи. Если он не поможет, мне предстоит умереть задушенному этим ужасающим зловонием. Моя голова стремительно закружилась, и я полетел в черноту.

Это не было настоящим сном. Скорее, где-то очень далеко отсюда было названо имя. Оно было мне незнакомо, но принадлежало мне. Зов становился все более настойчивым.

Я пошевелился, призыв требовал ответа. Затем я открыл глаза. Вокруг стоял запах гнили, но не настолько сильный, чтобы привести меня в беспамятство, как раньше. Справа от меня пробивался слабый свет. И когда я попытался повернуться к нему, вокруг меня что-то сопротивлялось, а затем разрушилось. Еще одно дуновение мертвого запаха произвело на меня впечатление удара: задохнувшись, я снова чуть не потерял сознание.

Свет шел сверху. Я вытянул шею... и увидел, что лежал у подножия колонны из льда! От нее исходил жгучий холод. Однако передняя часть колонны была гладкой и прозрачной, как стекло. А внутри... внутри нее стоял человек!

Тело имело человеческую форму и было, насколько можно судить, обычных человеческих размеров. Только его лицо было закрыто странным образом: на нем лежало три куска мерцающего металла, ограненных, как алмазы, и скрепленных цепями из того же самого материала. Два из них закрывали глаза, третий — рот, оставляя на виду только нос и по кусочку правой и левой щеки. На голове человека был воинский шлем хорошей работы с гребнем в форме дракона с изумрудными глазами, смотревшими на меня. На теле была кольчуга, а руки были сложены на рукоятке топора с двумя лезвиями.

Я приподнялся, и прежде всего от зловония, поминутно накатывающего волнами. Когда я посмотрел вниз, то увидел, что почерневшие, сгнившие нити-корни упали к моим ногам. Несомненно, у этих странных часовых Тасов была недолгая жизнь. Правда, они затащили меня внутрь своей святыни, так как я был уверен, что это та самая колонна,

перед которой они ранее занимались песнопением. Тем не менее, скоро ли они вернутся? Может быть, они решили, что я умер, и положили меня сюда, как еще одну жертву тому, что был заключен в колонне?

Действие! Вот что мне нужно было сейчас — действие, а не домыслы! Отшатнувшись от ледяного холода колонны, я с трудом встал на ноги. Пожалуй, и с таким оружием я мог бы разрушить каменную клетку... Мой взгляд не отрывался от топора, спрятанного во льду. Тому, чьи руки держали его, он теперь был не нужен. Правда, он слишком тяжел для меня... Но другого оружия вокруг не было видно.

Теперь я разглядел, что в этом помещении из льда образована не только колонна. За ней, справа от меня, с кровли свисали длинные сосульки. Некоторые из них имели очень острые концы, ну чем не оружие?! Я чуть не засмеялся от этой мысли. Ну, конечно, только помешанный мог придумать такое. Они же разрушатся от прикосновения!

— Толар!..

Я повернул голову. Кто назвал мое имя? Именно оно прозвучало во тьме и вернуло меня к жизни. Я... Я же Ионан! Но во мне что-то отозвалось.

Едва ли понимая, что делаю, я начал ослаблять шнуровку на своей кольчуге до тех пор, пока не смог нащупать под ней и вытащить рукоять меча. Она светилась в этой темноте! Серо-белесые невзрачные кристаллы возродились к жизни, в них сверкали яркие внутренние огни.

Если бы только у меня было лезвие! Лезвие!..

Обежав пещеру, мои глаза сами собой вернулись к тем длинным сосулькам, которые свисали со сводов пещеры, как будто их что-то подталкивало. Тогда я пошел к ним, уже точно зная, что делаю сейчас нечто бессмысленное. Затем я оторвал одну из сосулек с острым концом и длиной с лезвие нормального меча. Лед отломился легко, точно отрезанный. Действуя неосознанно, точно кто-то мною командовал, хотя команды этой я не понимал, я приложил рукоять меча к сосулке. Внезапная вспышка света ослепила меня.

Возможно, я все еще спал. Или же на самом деле помешался. То, что я держал в руках, не было ни ледяным, ни смесью металла и льда. Это был меч совершенный и сбалансированный, вторично вызванный к жизни из Времени ради Света.

Глава шестая

Тут я снова вернулся к пленнику в глыбе льда. Конечно, он мертв. Какая-то тревога съела меня, пока я изучал его,

как если бы я ушел и оставил его закованным в лед, лишившись боевого товарища. Я подошел ближе к колонне, отпавывая по сторонам сгнившие путы. Стояла глубокая тишина. И где-то в глубине меня слабо и отдаленно снова прозвучало то же имя: «Толар!»

Меч в моей руке продолжал излучать сияние, правда не такое яростное, как в тот момент, когда я присоединил лед к металлу. Но достаточно сильное, обеспечивающее освещение гораздо более сильное, чем камешки Тсали. И я обеспокоился, как бы этот свет не выдал меня. Но и отложить меч в сторону было выше моих сил. В этом таинственном месте, месте темных обрядов, он был мне опорой.

Крита... и Тсали... где они? Удастся ли мне найти их в этом лабиринте? Без ключа я потеряюсь здесь и сам. Запах Тасов оставался, но следов не было видно. Под ногами была скала, а на ней отпечатков не видно.

Мои глаза то и дело возвращались назад к неподатливой фигуре в толще льда, как будто какое-то сильное принуждение призывало меня к ней. Более сильное, чем побуждение искать способ освобождения Криты. Против своей воли я двинулся обратно к этой холодной, оледенелой колонне. Она источала холод, как мой меч источал свет. Мое странное, необычно выкованное оружие... Но рукоять в моей руке была успокаивающе теплой.

Кто этот пленник? Как он пришел сюда? И почему остался на территории Тасов? Я ясно видел, что у него не было физического родства с приземистыми, уродливо сформированными людьми земли. Может быть, он был их богом? А может быть, в давние времена они поймали его и сделали пленником, дабы насмеяться над ним в веках? Но зачем тогда они привели сюда Криту? Почему поступали с ней так странно?

Ни на один из этих вопросов я не мог ответить. Но бессознательно, лишь кончиком меча коснулся поверхности ледяной тюрьмы. И как только я это сделал, я был охвачен так же крепко, как прежде, странными сторожами-нитьями. Теперь у меня не было своей роли. Да, эта другая сила превосходила Ионана, и он не мог освободиться.

Я поднял меч и рубанул по колонне. Одна несокрушимая поверхность столкнулась с другой. Мускулы мой едва не рвались, но я уже не мог остановиться. После каждого удара нацеливаясь для следующего... но ни на лезвии, ни на колонне, насколько я мог понять, следов не оставалось. Но и прекратить этого я не мог, как человек, опутанный чарами, обреченный рубить безуспешно, бесконечно сотрясаясь от боли каждый раз, когда неразрушимый меч со стуком врубался в неразрушимое.

Или... или все-таки ее можно разрушить? Уверенности у меня не было. Но, кажется, тонкая сетка трещин стала разбегаться от той точки, по которой бил мой клинок. Это же верх глупости — так бороться за то, чтобы освободить тело человека, давно умершего. Мое сознание знало все это. Но то, что двигало моей рукой, не признавало никакой логики.

Девять раз ударил я по ледяной колонне, а затем моя обессиленная рука упала вдоль туловища, до того утомленная этим бесполезным трудом, что я не мог собрать силы для следующего удара. Но...

Трещины, которые, как я думал, были плодом моего воображения... Они были! И сейчас, когда я устался на них, они расширились, тянулись вдоль по поверхности. Вот уже кусок льда, размером с мою руку, вывалился наружу, звякнув на камне. Затем другой... и еще один!

Теперь человека внутри колонны не было видно, так как трещин стало так много, что они затянули всю поверхность и укрыли от взгляда все, что было за этой поверхностью. Один кусок вываливался за другим, все больше и больше, а вместе с тем оттуда тянуло воздухом столь холодным, что я как будто бы очутился лицом к лицу с цепенящим дыханием Ледяного Дракона. Я шагнул назад, насколько мог, и следил за происходящим, защитившись от этого ветра спасительным гребнем скалы.

Теперь расколотые глыбы льда валили лавиной. И вот между мной и телом уже ничего не было... Все это время лезвие моего меча пульсировало странным светом.

«Толар... Так долго... так долго...»

Я чуть не вскрикнул, но мой язык, мои губы, мое горло не могли издать ни звука. Должно быть, эти слова не были сказаны вслух, а прямо попали в мое сознание, однако они звучали как крик, содержащий ноту триумфа.

«Толар... помоги...»

Это не было приветствием, скорее, мольбой. И я знал, откуда она пришла. От этого тела, вмерзшего в лед. Мое движение было быстрым. Как будто другой ум и другая воля, пробудившиеся в каких-то неизведанных глубинах внутри меня, отдали приказ моим конечностям; будто бы Ионан был отодвинут в какой-то боковой закоулок, где его желания и поступки не могли никому помешать.

Я приостановился, с трудом положил свой ледяной меч на камень и двинулся вперед, чтобы скорее дотянуться до плеч человека, лежавшего внутри этого склепа, не обращая внимания на ледяной ветер, истекающий из этого отверстия.

Его кольчуга была холодна, как лед, а тело под ней вовсе казалось каменным. Но я тащил и дергал его до тех пор, пока мужчина в маске не упал вперед, чуть не сбив меня с ног весом своего тела. Он совсем не стибался, как замороженный, как лед, в который его запаковали.

И снова я тянул и дергал его, пока мне не удалось перевернуть его на спину. Его руки все еще сжимали рукоять боевого топора, а спрятанное под маской лицо было теперь обращено вверх. Затем я опустился рядом с ним на колени, раздумывая, что же мне дальше делать. Мне казалось, что человек из плоти и крови не может выжить при таком холоде. Но ведь в Эскоре в давно минувшие дни были адапты и люди Силы. И этот человек мог быть из тех, кто умел отсрочить смерть способами, забытыми и давно утерянными за время нашей ссылки.

Отогреть его плоть... Огня здесь не было, а доставить его на поверхность я бы не сумел, если бы даже и хотел! Зеленый народ часто предупреждал нас, что многие из тех, кто находился вне их родной долины, были более склонными к Тьме, нежели к Свету. Возможно, это был какой-то господин из Темных, поверженный кем-то из своих и попавший в такое положение из-за того, что его Знание и Сила были меньше, чем у его противника. Если это так, то освобождать его не следовало, хотя я уже сделал это под принуждением, возможно, послужив замыслом Зла.

Приподняв, я разглядывал его. Тело по форме было человеческим, но это ничего не значило. Были и такие дьявольские штучки, когда скрывалась истинная форма и создавалась иллюзия подобия человеческому облику.

Его шлем и кольчуга не были похожи ни на что, виденное мною раньше. Никогда не видел я и такого топора с обоюдоострой двойной верхушкой. Но эти странные куски блестящего металла... Они прилегали к телу слишком тесно, и судить, кто под ними, я не мог.

Но принуждение, владеющее мной, исчезло. У меня в голове не звучал больше крик «Толар». Любое принятое мною решение было бы теперь только моим. К тому же я собирался оставить его здесь и пойти искать Криту. Однако...

У воинов был кодекс чести, законами которого мы связаны, хотим ли мы того или нет. Если этот пленник принадлежал Свету, я не мог оставить его Тасам. Но кто он: друг или заклятый враг?

Я положил меч не на камень, а поперек его груди, так что таинственный металл коснулся топора. Мои пальцы потянулись к цепям, державшим маску. Мне показалось, что для того, чтобы сделать выбор, мне мало взглянуть на его истинное лицо.

Цепи не казались особенно прочными, и я коснулся их, приподняв немного над одервеневшей плотью. Я потянул за те, которые лежали на висках под тенью шлема, увенчанного драконом. Внезапно цепи подались, и я смог сорвать их. Вторым рывком я сбросил ту пластину, которая была прикреплена к его подбородку.

Передо мной было чистое человеческое лицо, не искаженное злом, насколько я мог определить. Однако Зло могло таиться внутри. Казалось, человек, освобожденный мною, лишен возраста, как это бывает у людей из расы Древних после того, как они достигли зрелости, их долгая жизнь подошла к концу, если они не пали по случайности или в битве.

Затем... Пристальный взгляд глаз поймал и ударил меня. Моя рука замерла на полпути к рукояти меча. На этом лице появилась очень слабая морщинка недоумения, залегшая между темными его бровями.

— Толар?..

Опять это имя. Но теперь его выговорили эти губы, которые медленно оставляла холодная синева.

— Я — Ионан! — свирепо ответил я. — Довольно шуток. Я тот, кто я есть. Я не тот умирающий человек, которого видел во сне.

Морщинка на его лбу стала глубже. Я почувствовал что-то, а затем вскрикнул: он безжалостно читал во мне, и я скорчился от боли, не в силах отвести взгляд в сторону. Он был...

— Урук, — он сообщил мне имя. Подождал, изучая меня глазами, как будто ожидал ответа от моей памяти.

Я рванул на себя меч и оттолкнулся от него. В этот момент мне показалось, что я возродил врага. Тем не менее, убить его я не мог... такого беспомощного, каким он был сейчас.

— Я... не из Тьмы... — его голос был сильным, грубым, точно он заржавел от долгого неупотребления. — Я — Урук, Владелец Топора. Неужели прошло столько времени, что забыто даже мое имя?

— Так и есть, — вяло ответил я. — Ты был похоронен здесь Тасами, — и я жестом левой руки указал на ледяную колонну, держа, однако, в правой наготове оружие.

— Тасы? — он старался приподнять голову, но был подобен в этом движении жуку, перевернутому на спину. — А как насчет Бэннера из Ерка, Форса из Клингхелда и битвы... да, битвы?

При каждом имени я отрицательно качал головой.

— Ты простоял здесь очень долго, ты, кто называет себя Уруком. Я не знал ни Ерка, ни Клингхелда. Но мы боремся с

Тьмой. Мы объединились с Зеленым народом и другими, более половины страны на нашей стороне.

Сзади послышался хлюпающий звук, и я поспешно обернулся, с мечом наготове. И оказалось, что моя воинственность придала сил этому оружию, так как лезвие вспыхнуло ярче. Тсали крутился, все еще окутанный сетью с камнями вокруг груди. Он поглядел на меня, затем на Урука, а потом двинулся к нему. И хотя его рот был открыт, и мне было видно, как играла полоска его языка, он не свистел.

В то же время Урук приподнялся на локтях, хотя это движение потребовало от него больших усилий. Теперь он смотрел на мужчину-Ящерицу тем же самым ищущим взглядом, как раньше на меня. Во мне появилась уверенность, что они сейчас ведут мысленный разговор, и я снова огорчился, что не имею этого дара. Мои башмаки скользнули на ледяных оскоках, так как я переместился к ним ближе.

Урук прервал этот разговор взглядами.

— Я понимаю частично. Прошло много времени, и мир, который я знал, исчез. Но... — морщина недоумения все еще пересекала его лоб. — Толар... Это же Толар! Ледяной меч мог держать в руках только Толар! Однако я вижу его в твоих руках, а ты называешь себя иначе. — В его словах был вопрос.

— Я — не Толар, — твердо ответил я. — Рукоять меча я нашел в камне, нашел случайно. Когда я попал к Тасам, они отняли у меня мое оружие... Что-то заставило меня обломить одну из ледяных сосулек, вон из тех, я приложил ее к рукояти — и вдруг меч стал цельным. У меня нет таланта, и я не понимаю, как могла произойти такая вещь.

— Это лезвие не могло попасть в твои руки случайно, и у тебя не было бы Власти исправить его, — медленно проговорил Урук, — если бы в тебя не перетекла какая-то часть Силы Толара. Это — Ледяное Жало. Этот меч служит лишь одному человеку и приходит к нему по своему выбору. И он приносит с собой маленькую частицу памяти того, кто владел им последним. А может быть, верны домыслы Белой Бретрен, в которых, возможно, содержится зерно истины, что человек, который не завершил своего предназначения на земле, может родиться повторно только для этого. Если он пришел к тебе, тогда ты тот, кто несет в себе его жизнь, не более того.

Тсали, который отложил в сторону свою сумку со светящимися камнями, щелкнул, открывая другой карман у себя на поясе. Из него Тсали вынул круглый предмет. Зажав его в когтях, он начал водить им по телу Урука — от плеча с драконом на голове до башмаков на ногах. Этот новый ка-

мень рождал розовый туман, который рассеивался, оседая на теле, ложась на белую, холодную плоть мужчины.

Теперь Урук поднялся и уже сидел.

— Если ты говоришь о Тасах, — сказал он, обращаясь ко мне со скрежущей хрипlostью в голосе, — я бы с ними встретился опять. Видимо, и у тебя есть причины охотиться за ними...

Крита!

Я прижал к себе оружие, которое этот пришелец из прошлого называл Ледяным Жалом.

— Да, — ответил я спокойно, но в этом слове прозвучали одновременно и обещание, и угроза.

Глава седьмая

Наш новый товарищ сперва двигался судорожными рывками, как будто за долгий период, что прошел с тех пор, когда он шагал по своей воле, у него исчезли все суставы. Однако по мере того, как мы шли, он начинал двигаться более свободно. А еще я заметил, что он поводил головой из стороны в сторону, и его глаза под шлемом были приспособлены к темноте, которая так давила на нас. Только обнаженный клинок Ледяного Жала да камешки Тсали кое-как раздвигали тьму вокруг нас.

Я снова должен был довериться мужчине из народа Ящериц, как проводнику, потому что он сначала поманил нас, а затем пошел уверенно среди каменных клыков; причем казалось, что он совершенно уверен, что идет, куда надо. Я надеялся, что, избежав плена, вместе со мной он проследовал за Критой и группой, которая держала ее в плену, когда они бросили меня в ледяной пещере.

Ни я, ни Урук не говорили ни слова, и я боялся, что любой звук может насторожить тех, кого мы искали. Но мне было видно, что, по мере того, как он шел, он стал размахивать топором, сначала правой рукой, а затем и левой, как будто он свободно владел ими одинаково.

Великий топор Вольта, который попал к Корису из Горма... Скорее всего, это произошло без вреда для тела самого Вольта, хотя оно и рассыпалось в пыль, как только топор оказался в руках Кориса... Насколько я понимал, это был только боевой топор. И это оружие не было излюбленным ни для сулкоров, ни для людей расы Древних. По крайней мере, в пределах обозримого времени. Но в упражнениях Урука была такая уверенность, что было ясно: топор для него — основное оружие, в большей мере, чем меч или арбалет.

Я терзался от вопросов. Кто такой Урук? Как случилось, что он оказался заключенным в этот ледяной склеп? Какую роль играл он на протяжении последних дней Хаоса, поглотившего Эсмор после того, как адапты переиграли в свои безответственные и дикие игры с Силой? Он и сам мог быть адаптом, но я склонялся к тому, что это не так. Однако внутри него было что-то от Силы, в этом не было сомнения.

Мы вышли из большой пещеры в другую по проходу, который был дорогой Тасов. Здесь держался их стойкий запах. Я обратил внимание, что топор в руках моего компаньона приподнялся. Он был настороже.

Тсали снова поманил нас и привел к проходу. К нашему счастью, там никого не было, потому что нам пришлось ползти. А еще дальше проход был настолько узок, что идти по нему можно было только поодиночке. Сам Тсали шел первым, следующим Урук послал меня кивком головы, как командир в поле посылает подчиненного офицера. Шестом указав на мое сверкающее оружие, он отметил, что, благодаря его свету, мое участие в авангарде необходимо.

Проход делал несколько крутых поворотов. В каком именно месте относительно верхнего мира мы могли сейчас находиться, я и не пытался угадать. Однако нам пришлось пройти по ребру каменистого столба, положенного через темную трещину в качестве моста. А потом далеко внизу я уверенно разобрал журчание воды.

Внезапно Тсали остановился. В тот же момент на мое плечо легла рука Урука, требуя молчания. И хотя мой слух, в сравнении со слухом Тсали, был очень слаб, я уловил звук и заметил, что темнота рассеивается. Кажется, проход, которым мы шли, открывался в более обширное и лучше освещенное помещение, хотя и этот свет на самом деле был очень слаб.

Еще один жест Тсали: отсюда мы должны были двигаться вперед с величайшими предосторожностями. Сам он, чтобы затаиться, припал к земле на все четыре конечности. Люди народа Ящериц редко так делают в присутствии людей. Я зажал в зубах лезвие Ледяного Жала и тоже на четвереньках пополз в направлении этого света.

Мгновением позже мы оказались у выхода из туннеля. То, что лежало перед нами, должно было быть пещерой таких размеров, что превосходило любые представления. Свод этой пещеры, дугой поднимавшейся над нашими головами, провалился давным-давно, и его пересекала широкая трещина невообразимых размеров. А этот разлом был ничтожных размеров по сравнению с самой крышей! И эта трещина пропускала свет, похожий на свет пасмурного дня или на свет зарождающегося рассвета. Поэтому света было

слишком мало для того, чтобы осветить дно гигантской полости.

Перед нами был город, или, говоря более точно, городок. Грубые строения были сложены из разномерных кусков пород, что делало их уродливыми и неуклюжими. Между ними бежали узкие кривые переулки. Стены, пожалуй, были такой высоты, как рост высокого человека, вставшего на цыпочки. И эти образования не имели ни крыш, ни окон, и в них не было ничего, кроме единственной двери на уровне пола.

Тасы были здесь в своих домах-коробках, разбросанных по узким улочкам. Казалось, центром этого скопления было строение с круглыми стенами, расположенное почти посередине этого сборища хибарок без крыш. Резкое, прерывистое дыхание слышалось со мной рядом, и я чуть повернул голову. Рядом Урук прижался к стене так, что чуть не расплющился, но обе его руки лежали на рукоятке топора. Он уставился вниз на бурлящую жизнь в деревне Тасов, и в выражении его лица не было ни любопытства, ни спокойствия, а одна только холодная решимость.

— Они утащили девушку, — сказал он еле слышным шепотом, — в главную башню. Мы либо доберемся до нее, либо нет.

Главная башня, должно быть, и была этим строением, расположенным в центре. Хотя в верхнем мире я бы не назвал ее башней, так как ее высота была не намного выше моего роста. В этот момент я более всего был заинтересован тем жильем, вблизи которого мы находились.

Казалось, камни стены были навалены как попало, но, проследив их взглядом до самого верха, я мог видеть, что, независимо от формы кладки, они лежат прочно. В моей памяти всплыло очень давнее детское наблюдение: мастер-каменщик, который укладывал такую же сухую каменную стену, почти со сверхъестественным мастерством выбирал именно такие камни, прямые и плоские, которые можно было уложить друг на друга.

Улицы, которые так неровно рассекали поселение, создавали много возможностей для засады. Было бы совершенно глупо бороться на уровне Тасов, когда они, возможно, имеют в своем распоряжении много неожиданностей, вроде корней-веревки.

Вместо этого я стал намечать путь от одной стены до другой, насколько это было возможно, по прямой линии к тому месту, в котором могла находиться Крита. Можно влезть на ближайшую стену, достаточно неровную, так что для рук и ног была хорошая опора, а затем со всей осторожностью перепрыгивать с одной на другую, перемещаясь по верху. Только одно место не позволяло совершить такой

прыжок, и оно представляло собой открытое пространство, окружающее бапню.

Тасы были меньше людей. Пожалуй, самый высокий из воинов едва ли дотянулся бы макушкой до моего плеча. Однако их было много, и если нам не удастся пропутешествовать по верхушкам стен, от одного дома до другого, сквозь этот потаенный город, то они просто стащат нас вниз. Но в минуту отчаяния приходит какая-то уверенность, о которой никогда прежде не думаешь, что она у тебя есть.

Я быстро объяснил, что, по-моему мнению, следовало сделать. При этом я обращался к Уруку, справедливо полагая, что он мысленно все может передать Тсали гораздо лучше, чем я, с помощью своих неуклюжих жестов. И Тсали свистнул, затем прочно обернул свою сумку со светящимися камнями вокруг шеи.

Мне была ненавистна мысль выпускать Ледяное Жало из руки, но обе руки нужны были для этой попытки. Поэтому меч был вложен в ножны. Свет его погас почти полностью. Но в его рукояти все еще скользили внутренние вращающиеся отблески живого света.

После двух неудачных попыток Урук пристроил свой топор за спиной так, чтобы его было удобно выхватить из-за плеча. Сделав эти приготовления, мы направились вниз по склону, на каждом шагу прижимаясь к земле до тех пор, пока не оказались внизу за первым домом, который я наметил для начала.

Нам хорошо была слышна гортанная речь Тасов, но не совсем рядом с нами. И хотя я потерпел неудачу на высоте над долиной — тогда во время грозы я был уверен, что делаю то, что следует делать, — все мысли о неудаче пришлось выбросить из головы.

Как я и думал, подниматься было легко. И в одно мгновение я добрался до верха стены. К нашей радости, она была достаточно широка, так что можно было поставить ногу. Тсали забрался следом за мной и, завернув за угол, перепрыгнул на другую стену с грацией и легкостью, свойственными его роду. В единственной комнате под нами никого не было, но это вовсе не означало, что нам так же повезет во второй или третий раз. Достаточно одному Тасу посмотреть вверх... заметить нас — и...

Тем не менее я выбросил из головы эту неприятную возможность и последовал за ним. Мой прыжок не был таким легким и грациозным, как у него, но я приземлился удачно и удержался в кильватере за мужчиной-Ящерицей. У меня не было возможности обернуться и посмотреть, следует ли за нами Урук, хотя раз или два я слышал за собой его непрерывное дыхание.

Мы уже на три четверти приблизились к цели, когда нас, наконец, заметили — один из жильцов дома, который мы так бесцеремонно использовали в качестве мостовой... Пронзительный крик заставил меня отшатнуться, но я на самом деле и не надеялся на то, чтобы пройти через весь город незамеченным. И мне казалось, что у нас еще есть шанс, пока враги не вооружатся чем-либо более надежным, чем зловредные корни.

Тсали сделал следующий прыжок, я снова последовал за ним. Однако же то, что нас обнаружили, должно быть, сильно взволновало меня, так как я закачался на камне, затем упал на стену и крепко уцепился за нее, чтобы не упасть в комнату подо мной.

Теперь со всех сторон слышались крики, отражающиеся от стен, и я вынужден был закрыть уши, чтобы сконцентрироваться и добраться до места, где могла быть Крита. Наконец, я добрался до последнего дома. Передо мной было пространство, которое вряд ли можно было пересечь по верху. Я увидел, как Тсали прыгнул и приземлился на стене башни, но мне такого прыжка не сделать.

Пока я колебался, Урук оказался рядом со мной.

— Слишком далеко, — выразил он вслух то, что я думал про себя.

Внизу Тасы выплескивались из всех кривых улочек, собираясь толпой. Нам не оставалось ничего другого, как проложить себе дорогу сквозь них. Я вытащил Ледяное Жало. Казалось, это странное лезвие узнало, что мы в опасности, и ободрило нас перед лицом ее, так как меч по всей своей длине ярко засверкал.

Тасы завопили. Я не ожидал такого эффекта, какой оказало на них это оружие. Не теряя времени, я прыгнул прямо в толпу, сбив, по крайней мере, одного своим весом, но удержался на ногах. Теперь блистающий меч вращался над моей головой, издавая жужжащий звук, но свет лезвия померк.

Тасы отхлынули от меня, что-то выкрикивая, поднимая руки, чтобы заслонить глаза. Затем Урук спрыгнул ко мне с топором наготове. Его появление было еще более сильным ударом для Тасов. Они боролись. Некоторые из них умерли от меча или под топором, но можно было видеть, что один только вид этих двух предметов, а может, и нас тоже, ослабил их морально. Я слышал, как пел Урук, размахивая топором, но слов не понимал. В этот момент возникла еще одна вспышка памяти от моего короткого второго теневого «я», того именно, кем я был во сне. Несомненно, мы сражались так и прежде. И Ледяное Жало, рожденный водой, уже вырывался однажды из земли.

Мы усиленно прокладывали себе путь к двери башни. Как только мы достигли ее, Тсали переступил ее порог изнутри, идя задом наперед. Его глаза были устремлены на Криту, которая шла сзади. Он тянул ее, как тянут лошадь, напрягаясь, чтобы управлять вожжами. На ее лице не было никакого выражения, а глаза были закрыты, как у спящей. Урук оказался рядом с ней. Прежде чем я успел шевельнуться или запротестовать, его рука обвилась вокруг ее хрупкой фигуры: он перебросил ее через плечо, оставив свободной свою правую руку, державшую топор, а девушка лежала у него на плече безвольно, точно мертвая.

Теперь Тсали присоединился к битве. Из своего кармана на поясе он черпал пригоршни пыли, которую швырял в морды Тасов, окруживших нас кольцом. Они вскрикивали, затем руки их опускали дубины и колья, и они закрывали глаза, как делают внезапно ослепшие.

Мы не могли забраться обратно на стену, а самая большая группа Тасов находилась между нами и тем проходом, по которому мы пришли. Теперь командование принял на себя Урук.

— Сюда! — его приказ был уверенным, как будто он точно знал, что делать. Поскольку я не мог предложить ничего лучшего, мне оставалось только следовать за ним.

Мы отступали не вниз по переулку, а прямо внутрь башни, что для меня было высокомерной глупостью. Урук все еще держал Криту и топор, тогда как Тсали и я стояли, готовые защитить дверь, и смотрели на него, как на человека, который очень хорошо знает, что нужно делать.

— По крайней мере это не изменилось, — сказал он. — Держи дверь, Толар. Я не думаю, что они нашли нижний путь, как бы там ни было.

Он положил Криту на каменный пол и мощным толчком плеча попытался сдвинуть каменный стол, занимающий середину помещения. Так как стол не шевельнулся, он поднял топор и стукнул им по столу так, что я физически ощутил силу удара. От этого удара стол раскололся, рассыпавшись на куски, которые Урук нетерпеливо расшвыривал ногой.

Я услышал свист Тсали и успел обернуться и обнажить меч против прорвавшихся Тасов. Они несли куски камня, чтобы защитить глаза, в то время как позади них зловец надвигались другие.

— Идем! — Тсали задержался, чтобы швырнуть в воздух последнюю пригоршню своей удивительной пыли. Она оставила белое облако, надвигавшееся на Тасов и оседавшее внизу. Но, благодаря этому, мы выиграли крошечное жизненное пространство. Там, где прежде стоял стол, обнару-

жился темный прямоутольник. Урук, с Критой через плечо, спустился в отверстие уже по талию.

— Торопись!

Мы с Тсали поспешили к этому отверстию и струдились так, что мои ноги были совсем рядом с пальцами Урука. Спуск был недолгим. Камни и меч давали нам достаточно света, чтобы разглядеть, что мы стояли в проходе, ведущем в темноту.

— Держи ее!

У меня едва хватило времени, чтобы подхватить Криту, прислонив ее к себе. Урук снова поднялся на лестницу, чтобы захлопнуть дверь нашей ловушки. Я слышал звуки падения камней и понял, что он наваливает на этом месте преграду, которую, как я думал, никто не сможет разрушить.

— Итак, — я услышал его мрачный смех, — выяснилось, что человек на самом деле никогда не забывает того, что ему следует знать. Теперь, Толар, который сейчас Ионан, — он снова спустился по лестнице, — мы пойдем путями, которые уже существуют давно, с тех пор, как в этих горах появились Тасы, причинившие вред. И я уверен, что мы пройдем по ним беспрепятственно. Пошли!

Хотя Крита не выходила из своего состояния, подобного трансу, Тсали частично ее мог контролировать. Поэтому, пока мы шли гуськом по этим древним коридорам, которые, должно быть, забыло само время, она шла своими ногами. Кроме того, чем дальше мы шли, тем более она возвращалась к жизни. Когда, наконец, мы достигли конца последнего длинного прохода, и Урук начал ощупывать руками стену, нажимая то тут, то там, Крита уже почти очнулась, узнав меня и Тсали, хотя Урук, казалось, вызывал в ней беспокойство.

Камень, который загораживал нам выход, скользнул в сторону с резким скрежетом, позволив нам выйти в верхний мир. Я глядел вокруг, отыскивая знакомые орнаменты. Один из них был прямо над нами. Мы снова были на стене гор, окружавших Зеленую долину. Как только мы вернемся туда, леди Дахаун, несомненно, полностью вернет Крите здоровье.

Урук подбросил вверх свой топор и поднял его за рукоять.

— Хорошо быть снова живым! — сказал он.

Мои пальцы погладили рукоять Ледяного Жала.

— Да, хорошо быть живым, — согласился я.

Мне все еще не было известно, что же за союзника я невольно привел в наши ряды; но в том, что он друг, сомнений не было. Не сомневался я и в том, что теперь могу вступить в битву с той же легкостью, что и любой другой из моего рода с таким мечом.

Во мне росло доверие, какого я никогда прежде не знал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МЕЧ ПРОИГРАННЫХ БИТВ

Глава первая

Утренний свет, казалось, ни намеком не угрожал этой земле. Внизу под нами лежала живая чаша Зеленой долины, сверкая под солнечными лучами, как огромный драгоценный камень. Для нас четверых, стоящих на стене, или, по крайней мере, для троих это звучало как приглашение или обещание безопасности, насколько на это можно было рассчитывать в этой расколотой, беспокойной стране.

Я подошел к Крите, забыв на мгновение, что у меня нет права требовать от нее чего-либо, кроме просто дружеского расположения или же, самое большое, чувства, какое может быть в ее сердце к брату. Она ведь была уже обещана Имхару, сыну моего воспитателя и господина Хервона. Я был только Ионаном, чуть ли не наименьшим из вассалов в его владениях, хотя с самого моего рождения его супруга открыла для меня свое родительское сердце.

Но руки Криты безвольно висели по бокам. Она не смотрела на меня. Нет, она сама закусилла нижнюю губу, моргая, как человек, медленно пробуждающийся после загодочного сна. То, что она была полностью во власти Тасов, укравших ее и околдовавших для своих темных нужд, потому что она принадлежала к тем, кто имеет талант к Власти,— это я понял с того момента, как увидел Криту в окружении этих подземных жителей, когда старался освободить ее. В кармане у себя на поясе я мог, если бы захотел, найти отвратительную фигурку из глины, волос и тряпки, которая тайно была подложена в ее кровать.

А это — Тсали, мужчина из рода Ящериц, который контролировал ее с помощью мозгового касания, когда мы расчищали себе путь. Но на протяжении последней части нашего перехода к ней полностью вернулись ее чувства, хотя с нами она еще не разговаривала.

Сейчас я осмелился нарушить молчание.

— Крита?..

Ее голова очень медленно повернулась и глаза встретились с моими. Однако взгляд ее пробудил во мне страх: если

глядеть внимательно, в нем не было глубины. Я догадался, что она все еще смотрит внутрь, а не наружу, к несвободному выбору.

— Крита! — настойчиво повторил я, надеясь достичь ее с помощью слуха, потому что мысленно я не мог до нее добраться.

Глубоко в ее глазах что-то шевельнулось. На лбу появилась морщина, как у озадаченного ребенка. Она потрясла головой, как бы для того, чтобы изгнать звук от имени, которое я выговорил. Затем она почти шепотом сказала:

— Толар...

— Нет! — я взмахнул рукой, вооруженной мечом. Это имя, как призрак, преследовало меня, пришло из мертвого сна, из прошлого. Однако я почувствовал в своем сознании слабое шевеление, нечто, принявшее команду над моим телом, как тогда, когда я принес ко второму существованию этот сверхъестественный меч, теперь висевший на моем бедре, независимо от того, хотел я этого или нет. Такой странный меч, недавно выкованный некоей Силой из рукояти, давно и надолго погребенной в горных породах, возраст которым века, и длинной ледяной сосульки, которую я отломил со стены пещеры. Еще... еще он прилип к моей руке, как будто был предназначен только для меня.

— Я — Ионан! — почти выкрикнул я.

Она хихикнула и в страхе отшатнулась от меня. Тсали, свистя мне, метнулся между нами радужной молнией. Четвертый в нашей компании заговорил первым.

Он отстал от нас, когда мы вышли на внутренний край стены долины: он шел по тропе как бы нехотя, и тем не менее тянулся к нам, поскольку не знал других.

Уру-к... Но кто же он был? Он пробыл в плену у Тасов столько времени, что поколения сменялись поколениями, насколько это известно нам смертным, стоя в середине ледяной колонны в одной из потайных пещер. И этот мой странный меч, который он назвал Ледяным Жалом. Меч, который освободил его. И это он называл меня Толаром...

Он изучал меня, глядя из тени своего шлема, на котором горбился дракон с глазами из драгоценных камней. Его топор покоился на камне лезвием вниз, но сжатый обеими руками. Во мне снова проснулось беспокойство, и я вызывающе уставился на него. Должно быть, он был древним врагом Тасов, но в эти дни войны это вовсе не означало, что враг врага обязательно друг и союзник. И, по правде говоря, я знал Урука так недолго.

— Она слишком долго и далеко была под Тенью, — сказал он. — Пожалуй, на нее это подействовало не так, как на большинство.

— Я — Ионан, — сказал я утрюмо. На этот раз я выдернул Ледяное Жало из ножен и хотел было отбросить его от себя. Но не смог.

— Ты держишь Ледяное Жало, — сказал Урук. — Возрожденный, он служит своему волшебству. Это произошло бы с тобой, кем бы ты ни был, и каково бы ни было твое собственное имя. Это — Великое Оружие... одно из Четырех, и оно выбирает себе хозяина само.

Другой рукой я старался разогнуть себе пальцы, оторвать их от кристаллической рукоятки, которую они сжимали. Рукоять не была больше туманной, как тогда, когда я нашел ее. Она блистала сияющим светом. Внутренне я сознавал, что то, что я пытаюсь сделать, бесполезно. Я был не хорошим хозяином, а, скорее, слугой того, что носил. И раз я не мог выучиться господству, которого был лишен, тогда я мог бы...

Я увидел, как Урук кивнул головой, и понял, что он может читать мои мысли, как и все, владеющие Силой.

— Время — змея, много раз сворачивающаяся кольцами и разворачивающаяся. Возможно, человек может по какой-то случайности или волшебству соскользнуть с одного кольца, своего собственного, на другое. Если такое случится, ему остается только принять это, поскольку возврата нет.

— Толар из Хахарка. — Крита кивнула тоже, как будто получила наконец-то ответ на не известный мне вопрос.

Хахарк? Разрушенные руины, лежащие за пределами долины, место настолько источенное временем и, пожалуй, уничтоженное Тенью, что ни один человек не мог уверенно сказать, что там было домом, а что дорогой, если он проходил среди его развалин.

Люди говорили, что те холмы заплясали, где он пал, что они заплясали, выбрасывая клубы Тьмы. Наша легенда, имеющая отношение к этому, теперь была отрывочной.

— Я — Ионан! — Я вложил Ледяное Жало обратно в ножны. — Хахарк давно мертв, и те, кто жил там, забыты равно и людьми, и монстрами.

— Итак, Хахарк исчез, — задумчиво сказал Урук. Он больше не рассматривал меня так пристально, нет, он смотрел в долину, лежавшую под нами. — И это — твой враг, Толар, обернувшийся Ионаном?

— Это мир народов Зеленого Покоя, его союзников и тех, кто пересек горы.

— Это они и есть? — Он снял руку с рукояти своего топора, чтобы сделать жест, и тут я увидел группу, поднимавшуюся к нам.

Крита внезапно слабо вздохнула и села, как будто ноги больше не держали ее. Тсали стрелой метнулся вниз на-

встречу тем, кто шел к ним. Когда и я двинулся за ним, стремясь на помощь Крите, обнаружилось, что я не могу сделать ни шагу.

Во мне поднялся страх. Долина была защищена не только доблестью тех, кто стоял на страже ее стен, но и древними, самыми сильными знаками Силы. Если кто-нибудь на себе принес печать Тени, он не сможет пересечь границу Долины...

Но я не был... я не был из Тени! Может быть... Я взглянул на Урука, но губы мне не повиновались. Я освободил этого человека против своей воли, но сделал это все же именно я. Если он из Тьмы, такое действие запятнало бы и меня тоже.

— Ты!..

Он не дал мне времени добавить к этому угрозу или обвинение. В ответ он просто шагнул вперед, перешагнул через камень и нагнулся над Критой. Он приподнял ее, а затем поддержал, тогда как я не мог пошевелиться.

Во мне бушевали страх и ярость. Стало ясно, что опасность для тех, кто в долине, представлял не Урук, а в некотором смысле я, или этот меч! Правда, его рукоять нашел я в самой долине, выцарапал из камня стены; и это повергало меня в страх: возможно, защита несовершенна и где-то барьера Злу нет? Может быть, я, как и тогда, заснул да так и сплю до сих пор? Или тем был кто-то вместо меня?

Я сел и трясущимися руками стал расстегивать пряжку пояса, на котором висел меч. Надо попытаться еще раз избавиться от этой обуви, этой угрозы тому монстру, каким я был раньше. Может быть, если я не коснусь самого меча, мне это удастся?

Должно быть, в этом своем умозаключении я был прав, потому что, как только перевязь с мечом упала с меня, я смог перешагнуть через них и подойти к тому самому краю утеса, где раньше был Урук. Но я за своей спиной услышал его голос.

— Ни один человек не в силах снять с себя участь, возложенную на него.

— Так!.. — из моей груди вырвалось рычание барса, во мне вспыхнул гнев, какого я не знал раньше. — Посмотрим!

Я бы отшвырнул этот меч, спихнул бы его с утеса. В камне много трещин... если дать ему упасть в одну из них, он будет похоронен так надежно, как незадолго до этого была спрятана рукоять.

Но прежде, чем я решил, как мне поступить, до нас добралась группа людей, поднимающаяся по склону. Леди Дахаун двигалась почти так же быстро, как Тсали, и она

первой подошла к нам. За ней подошли лорд Кемок, Имхар и с ними еще трое: двое из Зеленого народа и один из наших.

Со слабым вскриком радости Крита оторвалась от Урук и упала в раскрытые объятия леди Дахаун, там она разразилась рыданиями, сотрясавшими ее юное тело. Леди Дахаун что-то мягко нашептывала ей, и рыдания постепенно стихли.

Но мужчины направились к нам с Уруком, и, прежде всего, они взглянули на моего товарища, а затем их взоры обратились ко мне. Урук слабо улыбнулся. Улыбка чуть-чуть приподняла его губы, но не затронула наблюдательных глаз. Я видел, как лорд Кемок защищен по-своему, а Имхар хмурился. Однако никто не решался первым нарушить молчание, казалось, они еще не знают, какими словами воспользоваться в такой момент.

Урук заговорил первым, но не с ними, а с леди Дахаун. Он подбросил вверх свой топор, а затем удержал его лезвие на уровне груди жестом, который, вне сомнений, являлся салютом.

— Привет тебе, госпожа Зеленого Покоя. Мархарт здесь?

Все еще прижимая к себе Криту, она подняла голову, как бы желая проникнуть в его мысли.

— Очень долгое время это имя не сходило с губ живого человека...

— Я догадался, госпожа. Но прошло много времени с той поры, как я был в состоянии ходить по земле. И мало кто мог бы узнать меня.

Она серьезно кивнула.

— Да, Урук, Владелец Топора, годы, убегаящие в прошлое, пока неисчислимы.

— Для меня они прошли точно сон, — пожал он плечами. — Я был пленен Тарги, он избрал для этого веселую шутку, как ему казалось. Я стал богом Тасов, если кто-то поверит, что Тасы желают поклоняться Богу. Но я бы мог догадаться, что великая дань лет, о которой ты говорила, еще не разрешила наших противоречий.

— Это так. Мы много потеряли и позволили Тени разрастись, но не дали ей разорваться от ее собственной ярости. Исчезло большинство Великих, и мало кто оставил свой след на Земле, да и те, как грибки, пятнают еще твердое здоровое дерево. И война Меча еще впереди. Нас еще надо поднять.

Урук засмеялся.

— Тогда, кажется, меня разбудили вовремя. Урук — Владелец Топора — никогда не отказывался от битвы.

Лорд Кемок прервал их, и я понял, что он все еще смотрит на Урука с милой симпатией и большим подозрением.

— Этот человек действительно из наших, Дахаун?

— Он — легенда, — ответила она. — И легенда растет...

— Не в пропорции с истиной, — прервал ее Урук. — Да, господин, я не из Тени. Некогда я был правителем города. Я вел провинции этой земли в битву. Но теперь я снова — одна пара рук, голова, начиненная старыми навыками войны... и все это, — он поднял свой топор повыше, — одно из Четырех Великих. — Тут он немного повернулся, показав подбородком на меня. — Вот еще один, он держит другое — Меч Ледяное Жало, возродившийся в его руках.

Я услышал, как леди Дахаун быстро вздохнула. Она перевела взгляд с меня на меч и перевязь, которые я сбросил, а затем на меня снова. В ее глазах стояло легкое недоумение, все более становившееся заметным.

— Меч Проитранных Битв! — сказала она.

— Да. И этот молодой господин только что открыл один из его секретов: он не может пересечь твоих охранных рун.

— Я не буду владеть им! — выкрикнул я и далеко отшвырнул меч от себя, как и собирался это сделать.

Но леди Дахаун медленно покачала головой.

— Ты можешь оставить его здесь, — сказала она. — Однако он тебя не оставит. Каждое из Четырех Великих Оружий выбирает себе только одного владельца, и на это время оно становится с этим человеком единым целым. Думаю, ты имеешь о нем неверное представление. Он предназначен служить Свету, но, когда его отливали, в нем появилась трещина. Поэтому тому, кто им владел, он приносит болезнь — по причине, которая заключена в нем самом. Тем не менее эта вещь не из Тени, мы это знаем, и она ненавидит все, что принадлежит Тьме.

— Да, — добавил Урук, — до тех пор, пока он не будет возвращен к своему источнику, он будет приносить плохую судьбу. Но кто сказал, что время возвращения не пришло!

Я покачал головой и решительно отодвинулся от меча.

— Пусть он тогда лежит здесь. Нам нужна удача. И разве я хозяин времени, чтобы вмешиваться в прошлое? Пусть он лежит и ржавеет в небытии там, где сейчас находится.

И я затолкал правую руку под мышку и держал там, так как в этот момент моя плоть восстала против меня, а мои пальцы чуть не рванулись вперед против моей воли, чтобы срезать еще раз это лезвие, предвещающее несчастье.

Глава вторая

Языки пламени поднялись высоко, и свет их теперь хватывал то одно, то другое лицо в нашей компании. А собрались здесь люди всякого положения, как низкого, так и высокого: леди Дахаун и лорд Этсутур от Зеленого народа, лорд Кемок и лорд Хервон от людей из-за гор, кто-то от царствующих, верлонгов и крылатых, а также главный человек от народа Ящериц. С ними пришли их лучшие воины, строившиеся за каждым из них, сзади, во тьме, куда не достигал свет костров. Среди людей высшего ранга сидел Урук, прислонив топор поперек колен, не отрывая от него рук.

В пальцах леди Дахаун была та самая фигурка из глины, волос и тряпок, которая выманила Криту из защищенного места и отдала во власть Тасов. На эту вещь и были обращены взоры всех собравшихся.

— Кажется, — лорд Этсутур прервал молчание, — наша защита недостаточно надежна... не настолько, как мы думали раньше. И эта вещь не могла попасть к нам извне.

Я крепко сцепил руки перед собой. Правая ладонь зудела, пальцы ее были судорожно сжаты, как будто они держали нечто. И меня одолел голод, тот голод, с которым мне приходилось бороться изо всех сил. Потому что я сделал так, как поклялся: Ледяное Жало лежал там, куда я забросил его, и я не должен сожалеть... не должен сожалеть!

— Это, — леди Дахаун покачала на ладони отвратительный талисман, — было сделано не за пределами наших стен, а внутри них.

Как только это было произнесено, наши беспокойные взгляды заматались по круту с одного лица на другое. Неужели... она сказала, что предатель среди нас? Не может быть!.. Неужели у кого-нибудь достаточно Сил, чтобы преодолеть защитные барьеры от Темных Сил, устанавливаемые и восстанавливаемые так часто?

— Эта глина, — продолжала она, — с берега нашего ручья, эти волосы с головы Криты, и это тоже от нее. — Она кончиком пальца показала на обрывок ткани, обмотанный вокруг изображения.

— Кто? — Рука лорда Кемока легла на рукоять меча. Его молоджавое лицо было угрюмым, а вид у него был такой, будто он глядит в будущее, на какую-то битву, в которой он может потерпеть поражение.

— Крита. — Ответ леди Дахаун был таким спокойным, что нам потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать его.

Когда я запротестовал, лорд Хервон уже опередил меня:

— Как, леди, неужели она могла создать ловушку, в которую сама же и попалась? Но это же бессмысленно!

— Она, милорд, и не делала этого,— осознанно сказала она.— Однако эта девушка из вашего дома обладает таким большим талантом, что мы и осмыслить этого не можем. Нелатренированная Сила может быть обращена как к Добру, так и Злу. Ее Сила извлекает из Криты то, что в ней скрыто, так энергично, как человек мог бы пить из чистого озера, когда его мучит жажда, не предвидя зла, поскольку все, чего он желает, направлено к добру. Она прирожденный врачеватель. Но в ней есть не только талант. Ее натренированная Сила может открыть дверь тому, чего мы все боимся...

Мы поставили такую надежную охрану, и наша долина стала неуловимой для физического проникновения. Но изощренный мозг нашел способ чем-то воздействовать на ее сознание, на ее незащищенное сознание. Не обладая тренированной Силой, Крита и не могла обнаружить это чуждое влияние; и, к тому же, талант действует как щит.

Мы закрыты таким щитом. Но других, не имеющих такого щита, можно использовать против них, если они даже не будут знать и понимать этого. Но не всем надо этого бояться теперь, когда это Зло обнаружено. Они не могут использовать Криту в качестве оружия в своих руках.

— Урук,— обратилась она прямо к нему,— кто управлял Тасами?

Он ответил не сразу, а когда начал говорить, то был замечив, как будто стоял лицом к лицу с какой-то загадкой.

— Госпожа, ты сказала, что я легенда в этом вашем мире. Это так. Я жил в иные времена, другом Эскоре. Моим врагом был Тарги. Тасы платили ему какую-то дань, что позволило ему использовать их пещеры в качестве этой тюрьмы. Но Тарги...— тут он медленно покачал головой и прищепнул ладонью по лезвию топора.— Мне нужно узнать это! Мы слишком связаны все, и я должен обязательно знать это!

— Тарги был убит в Эмнине,— эти слова, слетевшие с его губ, не принадлежали мне. Я увидел, что все перевели на меня пораженные взгляды.— Это была престранная битва, конечно, это продолжал не Ионан,— проигранная для Ионанов из Эфта, для товарищества Хахарка. Однако Тьма также была отброшена, и ни одна сторона не могла провозгласить победу в тот день.

Моя правая рука взлетела к губам, прикрыв их. Я сам был потрясен внезапным пробуждением того, другого. И мне было ясно видно, что все остальные отшатнулись от меня, как будто я обнаружил себя как неведомый враг. Но нет... я выбросил Ледяное Жало... Я — Ионан!

Этсутур глядел на меня нахмурившись. Его губы шевельнулись, вроде как он собирался говорить, но леди Дахаун жестом остановила его. Она подняла руку и начертила в воздухе какие-то символы. Они загорелись зеленым светом, затем зеленый стал синим. А мне казалось, что я лечу, вращаясь до головокружения, мчусь через огонь, подвешенный в воздухе, обнаженный и незащищенный перед знаками ее могущества.

— Кто ты? — ее губы двигались, но слова звучали неясно и издалека. Между нами разверзлась бездна.

Я боролся. Ионан, я — Ионан! Но мой голос прозвучал также издалека.

— Толар... Толар, Владелец Ледяного Жала.

— Зачем ты здесь, Толар?

— Прошлое должно быть стерто и замыслы Зла разбиты.

— И это по твоей воле, Толар?

— Здесь нет моей воли. Это волшебная сеть, наложенная на меня. Моя неудача была прощена и время соткано заново...

Теперь я, или то создание, которое было частью меня, уже не висело в воздухе перед леди Зеленого Покоя. Я снова был в своем теле. Но я больше не был среди людей Хервана. Напротив, я двигался по открытому пространству, а дыхание пламени едва не лизало мои ботинки. Я с горечью сознавал, что тот, с кем я так упорно боролся, пробудился и сделал меня слабым. Мне тут больше не было места, а предстоял какой-то странный и ужасающий путь в места, что имели мало общего с миром, который я знал с рождения.

— Я должен вернуться. — Мои губы были скованы, и я весь был как замороженный, несмотря на жар костра. Я окоченел как и тогда, когда рубил ледяную колонну, чтобы освободить Урука. И во мне крепло убеждение, что я иду к смерти, но я был уже не в силах противостоять принуждению, которое управляло мной.

Урук поднялся.

— Это также и мой путь. Пусть Тарги одолел меня когда-то, но на сей раз этого не будет. Леди, — он отсалютовал леди Дахаун топором, — мы идем во Тьму, так пожелай же нам доброй дороги, так как наш путь будет очень странным, причудливым, и нас ждут такие опасности, какие мало кому доставались в жизни.

— Мальчик, — я сознал, что это лорд Хервон рядом со мной, и его рука сжимает мою руку. В моей руке возникло ощущение растущей боли, которая не оставит меня до тех пор, пока я снова не опояшусь Ледяным Жалом. Я пронес сквозь все опасности и трудности и этот сверхъестествен-

ный меч и этого чужака внутри меня, желавшего...— Ионан, что ты собираешься делать?

В его тоне я почувствовал участие. А та часть, которая еще была тем юношей, которого он знал, съедала вывод о его мужестве, о ходе его мыслей обо мне. Но такая маленькая часть моей личности была теперь Ионаном, что, возможно, ему ответил незнакомец.

— Милорд, — я обращался к нему в точности по ритуалу, предписываемому вежливостью, для меня он теперь казался отдалившимся куда-то, как это недавно случилось с нашими голосами, — я иду туда, куда должен идти, собираюсь сделать то, что должно быть сделано. Потому что теперь я то, чем сделал меня этот Меч, и я должен служить ему до конца. — Пожалуй на этот раз во мне билась маленькая надежда, что конец будет лучше.

Я снова почувствовал острую боль в теле, когда мысленно потянулся к тому месту, куда бросил Меч, боясь, чтобы Зло не нашло его и не превратило в еще большую опасность.

Его рука оставила мою. Эта компания уже двигалась назад, прочь от нас, по темной тропе, уходя от веселого пламени костра. Они шли вниз по этому темному пути, я же и — плечом к плечу рядом со мной — Урук направлялись вверх. В то же время внутри меня что-то разрушилось и начинало отмирать. Когда оно и в самом деле умрет, я стану человеком без надежды, с единственной идеей и сущностью, которая останется, чтобы руководить мною.

Хотя было темно, мои руки и ноги, казалось, сами находили дорогу, хотя приходилось карабкаться по обрывам. И я шел наверх с большей скоростью и легкостью, чем когда-либо раньше. Я слышал, как Урук двигается справа от меня, но это не приносило мне облегчения. Он был знаком с вещью, которая держала меня в плену, которая так удивила Ионана, как будто разорвали его груди, чтобы вырезать сердце.

Когда мы достигли вершины, я увидел свет, и он магически потянул меня. Меч, отброшенный мною, пылал, как факел. Я остановился, подобрал пояс и застегнул его на себе. Когда я дотянулся до рукояти, то обнаружил, что она теплая, а не холодная, как обычный кристалл.

Урук заговорил впервые с тех пор, как мы ушли от костра. Он произнес единственное слово, не задавая вопроса, а, наоборот, вроде бы утверждая принятое решение.

— Хахарк.

— Хахарк, — отозвался я, соглашаясь. Ведь этот незнакомец, которого они называли Толаром, не был под контролем моего мозга, подавляя мою волю и тело. У меня не было

его памяти, за исключением отдельных картин, разорванных во времени. Но как только Урук произнес это название, я тут же понял, что это и есть наша цель.

Нам не удалось достичь этих почти забытых руин незамеченными. Когда мы опускались по наружной стене горного окружения долины, у меня между лопаток закололо кожу. Неосознанно я начал припихиваться и прислушиваться. В ночи было разлито Зло. Его угроза была явной и достаточно сильной, чтобы держать наготове все инстинкты предосторожности. Я не мог пожертвовать своей жизнью, наоборот, по неизвестной причине я должен жить, чтобы выполнить то, что от меня требовалось. Мой слух обострился. Казалось, у меня появились новые чувства, которые принесли мне уверенность, равную сообщению об опасности, ожидавшей внизу. В этот момент у меня в мозгу вспыхнули слова, но мысли снова не были моими.

«Те, из Тени, движутся...»

У меня не было Дара, как мог я уловить такое предостережение? Ионан Дара не имел, но что я мог знать о способностях в Силах Толара?

Порыв ветра принес нам густое зловоние. Это не Тасы, это — Серые. Эти бегуны по дороге Зла не были ни людьми, ни зверями, а хуже и тех и других преданные Злу. И я замедлил спуск и прислушался.

Отчетливое постукивание по породе, не прямо под нами, а, пожалуй, откуда-то справа. Я взгляделся вниз, в крошечную темноту. Затем увидел бледный отблеск глаз, которые светились сами, и они двигались в моем направлении.

«Давай налево, — на этот раз мысленное послание Урука было совершенно отчетливым. — Здесь выступ, я уже стою на нем».

Серые не издавали ни звука. Я передвинулся налево, к надежному выступу. Карниз был широким, и мне удалось пройти без затруднений. Чуть позже я нащупал башмаком твердую поверхность и перебрался к Уруку, расставшись со своей прежней опорой.

«Обычно эти охотники не молчаливы, — мой компаньон продолжал свое беззвучное сообщение. — Их только пятеро». Он упомянул об этом так, как будто пятеро Серых вообще ничего не значили для вооруженных мужчин. И я мимолетно подивился этому.

Внизу были видны предательские глаза. Они двигались точно вдоль основания обрыва, пожалуй, на высоте человеческого роста или чуть больше, до тех пор, пока не оказались точно под нами. Я вытащил Ледяное Жало.

Впечатление было такое, точно я внезапно зажег факел, хотя свет меча и был неярким. Меч в моей руке сам рванулся вперед и издал звук настолько странный, что, если бы мои пальцы не прилипли к нему столь безвольно и прочно, я бы непременно выронил его.

Создатели песен, которые хранят, рассказывают и передают из уст в уста наши легенды, давно исчезнувшие из мира людей, порою рассказывают о «поющих» мечах, изумительных клинках, которые пронзительно звучат, когда готовы к бою. Но Ледяное Жало рычал. Чтобы описать звук, который он издавал, другого слова не подберешь.

И его рычание вызвало ответный рык снизу. Что-то темное рванулось к нам, но не Серые, так как это не имело светящихся глаз.

Урук шевельнулся, и в свете моего клинка я увидел, что его топор опустился в эту темную массу, услышал ужасающий вой, когда создание, чем бы оно ни было, свалилось назад. Теперь Серые прыгали наверх, как будто сошли с ума от той простоты, с какой был поражен их товарищ. Наше положение над ними давало нам превосходство, которого ни один нормальный воин не стал бы игнорировать.

Ледяное Жало снова закричал, когда я отрубил незадачливую голову, почуял кровь, перерубив кость. Серые прыгали, стараясь добраться до нас, как безумные, принужденные атаковать, несмотря на то обстоятельство, что при нашей удобной позиции нам было несложно иметь с ними дело.

Таким образом, мы убивали и убивали, а снизу доносились вскрики и всхлипы. Но мы двое молчали, не издавая военного клича. А Ледяное Жало говорил не по моей воле и не благодаря упражнению, а как будто он сам испытывал такую ненависть к тем внизу, что только так он и мог ответить душу.

Наконец, я уловил мысль Урука: «Довольно, эти уже мертвы». Я осмотрел меч, выискивая какие-нибудь признаки отблеска зловещих глаз, ловя хоть какой-нибудь звук. Нет, теперь ночь была черна и тиха. Я почувствовал усталость, мои силы истощились, как будто Ледяное Жало опустил мою душу.

— Можно отправляться, — сказал Урук. Но во мне при этом ощущение необходимости действия боролось со слабостью. — У этих имеются хозяева, которые скоро узнают о их смерти.

Мы немного прошли по гребню и обнаружили, что в конце концов он сужается, так что нам предстояло снова спускаться. Когда, наконец, под нашими ногами оказалась земля, Урук решительно повернулся спиной к полю битвы.

— В Хахарк, — сказал он. — Мы еще не хозяева времени.

Что он имел в виду, я так и не понял, но вытер Ледяное Жало о кочку и отправился вслед за ним, держа обнаженный клинок наготове.

Глава третья

Луны не было, а звезды были так далеки, что вовсе не давали света. Однако мы шагали сквозь ночь так же, как оставили костер в долине — плечом к плечу. Можно было идти по тропе, освещая себе дорогу факелом, но во мне была уверенность, как будто мой мозг сейчас видел вместо глаз. Однако другая моя часть все время была настороже, думая о том, кто может красться сзади по нашему следу.

Я уже был утомлен, когда мы вернулись из рискованного путешествия по запутанным коридорам подземелий Тасов. Отдых мой был недолог, только до Совета, который я уже описывал. Правда, теперь я не чувствовал усталости, только нарастающее желание идти куда-то вперед и выполнить предназначение. Но в чем оно заключалось, я до сих пор не мог себе представить.

Урук не нарушал тишины ни словом, ни мыслью. Леди Дахаун назвала его легендой, но она тут же согласилась с ним, когда он упомянул, что он не из Тени. И он знал Толара... но я боялся попытаться восстановить прежнюю связь между нами, какой она была. Ионан все еще слабо трепыхался у меня внутри, его страха было достаточно, чтобы навязать мне эту «последнюю и безнадежную сдержанность».

Если зло и вынюхивало этой ночью наш след, то оно сохраняло приличную дистанцию. Резня, которую мы учинили у подножия обрыва, пожалуй, сделала наших врагов осторожнее. Или, может быть, они собирались, в надежде на нашу глупость, заманить нас подальше от долины, где мы стали бы для них легкой добычей. Идя все время настороже, я тихонько размышлял, какая из этих догадок ближе к истине.

Тот бледный проблеск серого света, который был первым пробуждением утра, позволил рассмотреть дикую и искореженную землю. Здесь произошло какое-то хаотическое смещение почвы. Урук замедлил ход. Я видел, как его голова, увенчанная шлемом с драконом, поворачивалась вправо-влево, как будто он разыскивал некий исчезнувший отсюда знак.

Теперь мы должны были продираться сквозь плотные заросли и кусты, которые выросли вдруг возле разбросан-

ных темных кусков камня. Когда я рассматривал этот хаос полускрытыми, прищуренными глазами, мне удавалось разглядеть образы, как будто бы туманные строения вздымались вверх над этими разрушениями и дорогами, по которым мы шли.

Урук остановился. Взглянув на него, я увидел, что его лицо застыло, а рот искривлен гримасой. Свирепо вытаращившись, он изучал руины наверху, как будто стараясь вырвать у них какой-то очень важный секрет одной лишь силой своей воли.

— Хахарк!..

Он не воспользовался мысленным касанием, а говорил вслух, вроде бы не мог поверить в то, что видел. Затем размахнулся топором, и в этом взмахе была ярость, хотя своим оружием он обезглавил всего лишь жидкий кустик. Этим бесполезным ударом он как бы восстал против всего прошлого. Затем он долго стоял молча, не шевелясь, а увядающие ветви и листья, которые он отсек, так и лежали на земле, как и сталь, которая отделила их, вдавив их останки в горку земли. Затем он покачал головой, еще раз внимательно огляделся, и я почувствовал, что он ищет какую-то примету местности, совершенно необходимую, для чего она и была здесь оставлена. Но тут снова началось сражение с чужаком внутри меня, и я внезапно почувствовал упадок сил да и всего интереса к тому, что нам предстояло.

Урук снова двинулся вперед, колеблясь и не имея, как прежде, точной цели. Могло быть и так, что перед этими руинами он не заметил какого-то ориентира на местности. И мы по-прежнему продолжали свой путь среди блоков, продираясь сквозь заросли, но теперь я шел только волей за ним.

Долина, в которой стоял Хахарк, на выходе была узкой. В свете разгорающегося рассвета я мог заметить, что она была тут искусственно сужена стеной или фортификационным сооружением, протянувшимся от одного берега до другого по всей высоте долины. Правда, камни этого сооружения были настолько разбросаны вокруг, что казалось, сама земля стряхнула с себя этот пояс, как, должно быть, и было на самом деле.

После этой точки дорога перед нами расширилась, а обломки стен казались менее разбросанными. Камни были сильно выветренными, и на них то там, то тут даже в слабом свете раннего рассвета я мог заметить следы резьбы. Иногда на миг-два я закрывал глаза, потому что замечал, как дымка сворачивается, поднимается вверх, унося призрачные тени того, что, должно быть, было здесь.

Мы остановились на вымощенной, хотя и засыпанной кучками земли улице, на которой укоренились травы и мелкие кустики. И она тянулась прямо к центру разрушенной крепости и города, ибо я знал и без разговоров, что перед своим разрушением Хахарк был на самом деле и тем и другим. В свои лучшие дни он, подобно Зеленой долине, стоял надежным оплотом безопасности против Тени.

Урук упорно шел, направляясь при этом вперед, как будто наконец нашел знак, который искал. Так мы и пришли наконец на открытое пространство, где развалины стояли стеной в окружении каменных блоков, теперь наклонившихся и потрескавшихся. На внутренней стороне этого круга на равных расстояниях расположились монолиты, испещренные письменами, увенчанные головами, изъеденными временем. Некоторые человеческие, а некоторые — звериные, странные, угрожающие, но в них было угрозы не больше, чем в тех творениях разума, которые дружили с народом Зеленого Покоя. Некоторые из них лежали на мостовой, разбитые вдребезги, а другие, хоть и наклонялись в разные стороны, но все еще стояли на своих местах, а два или три из них стояли прямо и твердо. Внутри под их защитой стояло другое здание, которое, несмотря на то, что было теперь разрушено, а стены его обвалились, было, как я думал, высокой башней. Отличалось от тех, какие я видел повсюду в развалинах, так как это был тот самый блеклый голубой свет, который отмечал островки безопасности повсюду в Эскоре, которые нас учили распознавать, в случае какого-нибудь похода, как возможное место защиты.

Урук остановился снова, на этот раз обратясь лицом к башне. Если там и был у дверей какой-нибудь барьер, он давным-давно исчез. Сквозь дыру я видел в темном помещении глыбы, упавшие с верхних ярусов и беспорядочно нагроможденные.

— Башня Иючара, — он снова заговорил вслух, и его голос, хотя Урук говорил негромко, странным эхом отразился от стен Иючара... Иючара...

Моя вторая память боролась за свободу Иючар... я же знал...

...Человек высокий, как Урук, хоть я его не видел в человеческом облике. Скорее, это... что? Призрак, который можно было вызывать по воле людей, чтобы ободрить воинов, которые в поздние дни Хахарка очень нуждались в каком-то символе для спокойствия и защиты, так как чувствовали, что война ими уже проиграна. Иючар из Хахарка... Некогда он был жив... но уже давно он был... мертв!

Я отрицал Иючара, как и его башню. Урук, опершись о топор, повернул ко мне голову. Я видел его глаза под обод-

ком шлема с драконом по гребню: в них горел мрачный гнев.

— Иючар, — он повторил это имя еще раз, ожидая ответа. Он, как мог, словами предупредил меня.

Затем он поднял топор в официальном салюте перед этой пародией на башню. И я обнаружил, что сам позволил тому, другому в себе, также вытащить Ледяное Жало и сделать приветственный жест в направлении открытого дверного проема.

Урук пошел впереди, я следовал за ним. Мы прошли под этим широким порталом. На его стенах были следы пламени, точно башня Иючара была сердцем какого-то большого пожара. Но внутри...

Я остановился сразу, как только кончился портал. Ледяное Жало блеснул у меня в руках, и ответом ему был огонь, пробежавший вдоль двоянного лезвия топора Урука. В этом месте была энергия, поток какого-то вида Силы, который вызывал покалывание кожи, а сознание, содрогнувшись, попыталось избежать зондирования. Однако, хотя тяжелые времена и бедствия изменили Хахарк, здесь в его истинном сердце, оставался Свет, какие-то яростные требования. И... оно принесло с собой страх, который не был рожден Тенью, а, скорее, был предположением великого призыва, сосредоточения мужества и духа, от которого простой человек должен уклониться.

Но в этом месте уклониться было нельзя. Мои руки дрогнули, и Ледяное Жало затрепетало при этом. Но я не уронил меч, этого я сделать не мог. Урук передвинулся с того места, где стоял, к самому центру этой другой комнаты, затем обернулся и поманил меня.

К несчастью, не представляя себе, что не смогу сопротивляться тому, что находилось там и ждало так долго, я сделал три или четыре шага и присоединился к нему. И земли здесь не было, камень под башмаками был чист, а упавшие глыбы лежали близко к стенам. Могло быть и так, что Сила, которая царила здесь, стремилась сохранить сердцевину своих владений чистой. Теперь я видел, что каменный пол вдоль и поперек пересечен линиями, в которые набилась пыль, так что узор, который они образовали, был не вполне отчетливым.

Урук взял топор и опустил на колено, используя одно из лезвий, и с величайшей осторожностью стал соскабливать эти наслоения древней пыли. И вот стало ясно, что мы стоим внутри звезды. В это же время внутри меня снова зашевелилась воля того другого, моего внутреннего «я», и кончиком Ледяного Жала я стал действовать сходным образом, доводя до четкости определенные письмена и символы,

которые были начертаны близ каждого конца этой звезды. Два из них я знал: в долине они использовались для охраны ее безопасности, другие... Я мог, пожалуй, покопаться в памяти Толара, но упрямо сопротивлялся этому.

В то же время повсюду вокруг нас, подавляя ум и волю, росло ощущение ожидающей Силы. Неужели она не истощилась за века разрухи Хахарка? Вероятно, думал я, это была накопленная энергия, нетерпеливо ожидающая освобождения, которое ей несли мы, быть может, даже неосознанно... я — во всяком случае.

Выполнив свою задачу, Урук поднялся и сделал мне жест:

— Огня!

Я знал, что он имел в виду, хотя разум Ионана отрицал, что это может быть сделано, невзирая даже на то, что меч Толара уже двигался, выполняя его приказ. Я медленно прошел по кругу внутри звезды, обнажив Ледяное Жало. И этим сверхъестественным льдом, неизвестно как превращенным в металл, я прикоснулся к верхушке каждого луча звезды, вырубленной в камне. Эти прикосновения и родили огонь — огонь не лампы и не питаемый вообще никаким топливом, неестественно поднимающийся кверху от самой голубой скалы.

Затем Урук высоко поднял свой топор, его голос загремел, как гонг в одной из святынь, за которыми ухаживали колдуны. Я не понимал произносимых им слов, пожалуй, я даже не задумывался над тем, что в незапамятные времена Толар мог знать их. У каждого адапта своя собственная тайна, а я к тому же был уверен, что Толар никогда не был одним из Великих Зекора. Может, им был Урук, но в этом я каким-то образом тоже усомнился, по крайней мере, он не подал других знаков этого. Но в том, что он может призвать сюда нечто, я не сомневался.

Из точек пламени, которые мой собственный меч вызвал к жизни, во все стороны теперь разливался туман, хотя полыхающие голубые столбы все еще поднимались, подобно колоннам, в направлении разрушенной кровли над нами. А туман поднимался все плотнее.

В то время как голос Урука поднимался, падал и поднимался снова, стена тумана утолщалась. Я чувствовал, что наваждения, не видимые нашему глазу, собираются в тени, пришедшие и ищущие, объединенные каким-то действием, которым Урук вызвал их. Я держал в руке Ледяное Жало обнаженным и готовым к действию, хотя та часть меня, которая была Толаром, не чувствовала опасности. Возбуждение горячило меня, гнало кровь в жилах, ускоряло мое дыхание.

Туман поднялся и заполнил все помещение, кроме того пространства внутри звезды, где стояли мы. Голова у меня кружилась. Я ощущал, что мое тело теряет устойчивость, так как у меня появилась странная мысль, что снаружи за стеной тумана весь мир вертится колесом в сумасшедшем танце, на который ни один человек не осмелился бы посмотреть, а увидев — не поверил бы.

Пение Урука стало мягче. Он уперся топором в пол, лезвием вниз, наклонился на его рукоять, как человек, нуждающийся в опоре. Вся его поза говорила о таком переутомлении, таком полном истощении энергии, что, не размышляя, я сделал шаг вперед к нему, так что мне удалось левой рукой поддержать его за плечи. И он снес мою помощь, должно быть, в тот момент он в ней нуждался.

Он выговаривал слова грубым, напряженным голосом, и, наконец, они замерли в отдалении. Его глаза были закрыты, пот ручьями тек по его щекам и капал с подбородка. Он шатался, так что я напрягал все силы, чтобы удержать его на ногах, чувствуя, что должен поступить именно так.

Огни на концах звезды замерцали слабее, в дымке явно что-то происходило. Затем туман разорвался в клочья, в нем появились дыры, сквозь которые можно было видеть окружающее. Но я не видел упавших глыб, хотя комната была та же самая, в которую мы вошли. Теперь пол был чистым, а за нашими огнями был виден другой свет, отражавшийся от ламп, расставленных в нишах. Между этими лампами висели полосы гобеленов. Их цвета, пожалуй, уже неясные, были все еще достаточно различимы. Голубой, зеленый, золотисто-желтый с металлическим отливом и с проблесками, как будто настоящий драгоценный металл был превращен в нить и соткан.

Затем огни на лучах звезды одновременно погасли, как будто задутые дыханием гиганта. Мы остались в сиянии ламп, а сзади из открытого дверного проема лился яркий солнечный свет. Я увидел возле двери стол, а на нем сосуд и чашу.

Поддерживая Урука, который еле двигался, как человек, вконец обессиленный, я подвел его к этому столу. Положив на столешницу Ледяное Жало, я свободной рукой налил бледную жидкость из сосуда в одну из чаш и поднес ее к губам своего товарища. Лицо его осунулось, глаза были закрыты, но он жадно проглотил то, что я предложил ему, как будто это было ему жизненно необходимо.

И как только он опустил чашу, я услышал звуки голосов, городской шум. Взглянув через плечо Урука, я увидел, что, как изменилась комната, так же изменился и Хахарк. Руки у

меня задрожали, так как только сейчас я осознал случившееся.

Мы были... в прошлом!

Нет!

Память Толара боролась теперь не с Ионаном, а только со своей собственной половиной. Я не мог... Я не мог пережить это снова! Боль, испытанная в том, первом сне, пронзила мое сердце и тело. Я очень живо помнил все, что случилось тогда... то самое, что теперь вернулось, чтобы встретиться со мной повторно...

Нет!

Глава четвертая

В этот день солнца больше не было. Сумеречные облака покрыли часть небосвода, а от земли клубился туман, похожий на дым от бесчисленных костров. Густым и злым был этот туман, ни один глаз не мог пронизать его клубы, ни один мозг не мог отправить сквозь него излучающую мысль. Вот почему мы знали, что он рожден волшебством, и что тот, кто его создал, — наш враг.

Я стоял с Уруком и с другими, одетыми в боевые кольчуги и шлемы, причудливо выкованные, то тут, то там увенчанные легендарными созданиями. Большинство своих товарищей я знал по имени, но мы не разговаривали друг с другом. Наше упорное молчание повисло над Равниной, как туман.

Урук изменил позу. Я мог догадаться, что у него на уме, так как память вернулась ко мне полностью: память Толара. Но эта память непостижимым образом протянулась в будущее. Это была Проигранная Битва. Правда, я не мог видеть их, не мог даже перечислить по памяти названия и виды тех, кто собрался внизу в тумане.

Я был уверен, что никто — ни человек, ни адант — никогда не пытался выполнить задачу, которая лежала на мне и на Уруке. Неужели мы могли, зная происшедшее, изменить прошлое? Или мы были просто его рабами, вынужденные повторить снова ту же судьбу, которая в прошлые времена застала врасплох людей Хахарка?

Да, я интересовался древними легендами, собирая их по крохам, но мне никогда не встречалось ни одного рассказа о путешествиях во времени, ни о возможности изменить то, что уже случилось. И, если бы нам повезло, какой мог быть результат? Падет ли Хахарк позже от другого натиска Тени?

Время... Что такое время? Измерение, которое мы сами навязали миру, считая сначала постройку городов и правле-

ние родовитых Лордов... Сейчас время все еще стояло, так как мы построились в линию для битвы и смотрели, как перед нами полз туман.

— Будь готов, — полушепотом Урук достиг моих ушей только потому, что мы стояли с ним плечом к плечу. Это приближалось. По моей коже ползли мурашки, тело напряглось. Первое, что нам предстояло, это бороться с памятью о том, как это было в прошлый раз. Мой рот был полон слюны. Я ее раз за разом сглатывал.

Если мы не марионетки времени, тогда... В тумане внезапно возник вихрь. Темная человекоподобная фигура перешагнула туманный занавес и встала прямо. Но это не был человек.

— Приспешник Тарги, — топор Урука поднимался медленно, очень медленно.

Память подсказала, что сейчас случится. В этот раз Урук уже встретился с этим созданием, убил его и потом сам был поглощен туманом. Я наблюдал, ожидая, что все произойдет по старому сценарию, готовый на этот раз поддержать его. Я видел, как он зашатался, будто притянутый неведомой силой.

— Нет! — загремел его голос, как в битве. — В эту игру я дважды не играю!

Мужчины вокруг нас зашевелились, заворчали и обратили на него изумленные взгляды. Для них-то не было кольца времени, для них все происходило здесь и сейчас, а не в отдаленном прошлом.

Тот, кто был слугой Тарги, был совершенно не защищен. Он был толст, покрыт только шкурой с грубыми спутанными волосами, а кольчуги на нем не было. Голова его по очертаниям напоминала и кошачью, и обезьянью. Издавая рычание, он изгибал губы, обнажая клыки. В одной из огромных когтистых лап существо держало короткое копьё с длинным зазубренным металлическим наконечником.

Окружающие все еще смотрели на Урука. Теперь мы все услышали вызов. Создание не бросило копьё. Это был только сосуд с ненавистью Тарги. Его ноги гнулись под огромным весом безобразного туловища, и оно приближалось к нам. Он немного покачивался из стороны в сторону.

Вызов достиг нашего разума, как страстное желание начать пылающее неистовство битвы, как красная ярость. Я видел человека, выросшего перед нами, готового смешать наши ряды, выхваченного из хаоса каким-то неконтролируемым способом. И к тому же, так и случилось раньше.

Урук не шевелился. Ему приходилось напрягать все силы, и он все еще сдвигался на шаг-два. Вызов был послан ему. Однажды он уже ответил на него...

— Нет! — это слово снова сорвалось с его губ. Его глаза полыхали яростью, поднявшейся в нем. Он знал, к какой судьбе это может привести его, и не смог бы долго держать себя под контролем.

Если бы Урук вышел, чтобы сразиться с этим существом в единоборстве, оно могло бы погибнуть, но и мы потеряли бы наше маленькое преимущество. Это было первое испытание, предложенное нам двоим.

А если Урук не выйдет? Двое мужчин уже спускались по склону, давая ответ на этот ошеломляющий вызов. В то же время воины вокруг нас рычали, недоверчивыми глазами глядя на Урука. Они могли все погубить, ринувшись вперед в этот туман. И только Урук мог удержать их от этой глупости. Но как же...

Я побежал. Не имея никакого четкого плана, я держал курс на зверя, уши которого прижались, как у рассерженной кошки. Слюна хлопьями покрывала его клыки. Ледяное Жало свободно двигался в моей руке, и я еще раз услышал низкое рычание, которое было его собственным боевым кличем. Но когда я приблизился к слуге Тарги, на меня навалился страх. Волосатое создание возвышалось надо мной, точно башня. Оно замахнулось своим оружием, чтобы вдребезги разбить меч, который был у меня в руках. Если клинок встретит клинок — я был уверен, мой меч не выдержит.

Еще несколько темных форм прорвалось сквозь занавес тумана. Я услышал человеческий вскрик, но не осмелился отвести взгляд от монстра, перед которым стоял. Толар бы этого не сделал. И все-таки, хоть и в малой степени, я и в самом деле разъединил поток времени прошлого. Я не разделял поток времени, что-то вне моего сознания командовало моим телом. Эта тварь наклонилась и двигалась своей внешне неуклюжей поступью куда проворнее, чем я мог подумать. Я упал на одно колено. Ледяное Жало выскользнул из моей руки, и на мой мозг обрушился мозговой натиск врага, что было куда хуже, чем получить удар кованой сталью.

Может быть, я закричал от страха и ужаса, когда этот мозг обрушил удар на меня? Я искал ответ в той памяти и не находил ничего подобного. Но на этот раз я использовал меч не так, как обычно, как делают в славной и честной, открытой битве. Я бросил его тени метательный нож.

Он не был сбалансирован для подобного, но стремительность моего броска донесла его до цели. Я видел точку, где пламенное лезвие ударило в брюхо качающегося чудовища, поразив его не настолько глубоко, пожалуй, чтобы расстаться с ним, но рассекло кожу и плоть.

Косматая тварь остановилась, уставясь вниз на лезвие, пронзившее его тело. Лево́й лапой оно попробовало ухватиться за лезвие, затем отдернуло ее и завыло. Красные глаза чудовища горели утрюмым огнем. Я почувствовал, как страдает это создание, и мой собственный дух воспрянул. Итак, оно не могло прикоснуться к этому оружию. Сила, изготовившая Ледяное Жало, была полностью враждебна ко всему, что принадлежало Тени.

Теперь монстр размахивал своим оружием, но не для того, чтобы добраться до меня, как раньше, а чтобы расшатать меч в теле. Один из зазубренных концов копья поймал рукоять меча и выдернул его из тела. Ледяное Жало завертелся на земле, слева от меня.

Я потянулся за ним с такой силой, что тело мое забуксовало по земле, жесткая трава была приглажена полосками тумана, нацеленными на меня. Но как только я дотянулся до клинка, разжав пальцы, чтобы взять рукоять, огромная когтистая лапа наступила мне на запястье. Вес зверя придавил меня, зловоние его тела едва не повергло меня в панику. Итак, если я не умер на поле боя в Проигранной Битве, мне предстояло умереть иначе. Нам не удастся изменить окончательный результат, даже если мы пустим время вспять.

С усилием повернув голову, я прилагал все силы к тому, чтобы встретить смерть лицом к лицу, так как она должна прийти от рук слуги Тарги. Вокруг нас раздавались крики, но я никак не мог оторваться от того, другого, поймавшего меня в этой борьбе. Мой мир сузился до размеров громадного горба, нависшего надо мной. Из открытой раны на его животе капала кровь. Он отшвырнул прочь свое оружие. Одной рукой он старался закрыть эту рану, когти другой приготовились пронзить меня вместе с кольчугой. Эта рука опускалась вниз. Если она достигнет цели, я буду разорван на части. Я боролся как сумасшедший, не в силах отбросить давящий груз со своего запястья. Затем последние остатки разума стали отдавать приказ. Прекратив борьбу, я безвольно спустился наземь, становясь легкой добычей в этом кошмаре. При этом моя левая рука старалась поймать Ледяное Жало. У меня было время только для одного действия. Попав в руку, лезвие рассекло мне ладонь, но выбора не было. Я немного приподнялся навстречу этой опускающейся лапе и поставил меч стоймя. Пожалуй, сила удара этого создания, нацеленная на меня, помогла мне в этой отчаянной попытке. Лезвие пронзило лапу так же, как до этого разрезало брюхо.

Тварь пронзительно закричала и отдернула лапу вверх, потащив за собой меч, к несчастью, разрезая мне ладонь. Я

больше не мог владеть собой. Все происходящее было так же бесполезно, как и сотрясать кулаками. Зверь вновь освободился от Ледяного Жала, отшвырнул его за пределы видимости.

Теперь он поднял другую ногу, в то время как первая балансировала на моем запястье. Вторая втирала его в землю, так что от боли я испытывал головокружение и был близок к обмороку. Я знал, что эта тварь собирается делать: один удар той, другой ноги — и я был бы растерт подошвой, как насекомое.

Защиты не было. Я даже не мог отчетливо видеть, поскольку боль в изувеченном запястье затянула мои глаза кровавым туманом, став между мной и неминуемой смертью. Однако удар, которого я ждал, так и не обрушился. Вместо этого зверь отшатнулся от меня. Из огромной раны на его горле хлестала кровь, ибо его безобразная голова была почти отделена от тела.

— Нет! — Несмотря на волны боли в запястье, я сохранил сознание. Ошибиться было невозможно: это ударил топор. Спасая мою жизнь или, возможно, потому, что древнее принуждение было гораздо сильнее, чем то, которому мог бы противостоять, Урук последовал модели прошлого — он убил слугу Тарги.

Я видел, как он идет полусогнувшись и с топором наготове. Не знаю, каким образом я немного поднялся с помощью своей искалеченной руки, ибо каждое движение было подобно удару по моей сбегавшейся плоти. Ледяное Жало? Но тут я заметил кое-что еще, вихрем вытянувшееся из тумана. У меня нашлось достаточно голоса, чтобы предупредить:

— Сзади!..

Урук отвернулся с мастерством, рожденным долгими часами упражнений. Пока он поворачивался, его топор уже поднялся. Что-то темное, веревкообразное ударило по лезвию и мягко отдернулось назад, отрезанное. Но это была только первая атака. Он наклонялся и рубил, наклонялся и рубил... снова и снова. Затем, шагнув назад, чтобы избежать большей из этих летающих нитей, зацепился за тело слуги Тарги. И, прежде чем он успел подняться, одна из нитей затянулась вокруг его рук, стянув их вместе, хотя он боролся изо всех сил, чтобы дотянуться до топора, лежавшего тут же.

Я уже знал эти живые пути, работу Тасов. Я встал на колени, прижимая к груди сломанное запястье. На другой руке засыхала кровь. Двигать рукой или даже просто пальцами было мучительно...

Как раз позади того места, где Урук сражался за свободу, я кое-что заметил. Ледяное Жало стоял, воткнувшись в

землю. Его рукоять была для меня путеводным лучом. Кое-как я встал на ноги, обошел обрезки корней, все еще извивающихся, и добрался до меча. Я не мог взять его ни той, ни другой рукой. Испытывая головокружение, я встал на колени, наклонился к сияющему клинку, широко открыв рот, наклонив голову набок, и зажал рукоять зубами. Пришлось сделать усилие, чтобы выдернуть меч из земли. Это мне удалось. Урук... Я обернулся. Теперь он был уже полностью пленен. Даже отсеченные концы корней подползли, чтобы сплестись вокруг него, как он ни боролся и ни напрягался.

У меня не было сил снова встать на ноги. Поэтому я пересек пространство между нами, не вставая с колен.

Я увидел, как расширились его глаза, когда он заметил меня. Он лежал неподвижно, поскольку я двигался к нему. Туман не рассеялся, но нам были слышны выкрики и удары оружия по оружию. Несмотря на все наши планы и надежды, воины Хахарка были вытянуты на выбранном Тарги поле битвы. Если бы Урук был свободен, все могло бы измениться: его приказам они стали бы повиноваться.

Я добрался до него. Рукоять Ледяного Жала качалась у меня во рту. Какой удар я бы ни нанес, его сила была бы ничтожно мала. Теперь у меня оставалась только одна очень слабая надежда. Создание Тарги было не способно тронуть мой меч. Может быть, то же самое действие он окажет и на живые веревки?

Нагнув голову, я надавил кончиком меча на корень, который оплел руки Урука. У меня не было сил, лезвие не могло бы перерезать его, моя рискованная попытка была почти безнадёжной.

Но... Под кончиком меча корень извивался, старался избежать этого прикосновения, как будто это был Свет. Я упрямо боролся за то, чтобы все давление, какое я мог выдерживать, перенести на эту точку. Внезапно как будто металл пропилил насквозь что-то жесткое и добрался до ядра, мягкого, как глина, острие погрузилось в корень. Корень щелчком освободил запястье Урука, ударил вверх, задел меня по плечу и поймал. Я больше не мог удержать Ледяное Жало, меч выпал у меня изо рта. Падая, он ударился о верх топора Урука, и топор сверкнул от этого прикосновения, как это случилось прежде с мечом.

Так как я резко упал вперед, корни скорчились от боли при этой вспышке, выпрямились, вместо того, чтобы сжимать меня. Но я видел, что Урук уже занес топор, еще и еще раз изрубив то, что было слева от его пут.

Как только он смог вскочить на ноги, наполовину повернувшись ко мне, туман принял другую форму: эту тварь по-

меньше размером я уже знал в будущем. Тас! И тут же тот, вокруг кого они роились гроздьями...

Я услышал крик Урука:

— Тарги!..

Глава пятая

Как и его мертвый слуга, этот Господин Тьмы башней возвышался над маленькими Тасами. Он имел такой облик, будто встал из могилы. Его темная, тусклая кольчуга была покрыта росой от сконцентрировавшегося тумана. Он был лысый, и у него не было оружия, за исключением тонкого черного жезла, верхушка которого заканчивалась побелевшим черепом какого-то маленького животного. Кожа его была бледно-белой, указывая, что его защитой была темнота. Его щетинистые волосы были темно-красными, похожими на языки пламени, вздымающиеся и опадающие с его продолговатого черепа, когда волосы топорщились, вставая дыбом. И его лицо не было вполне человеческим. На нем не было никакого выражения, жили только его глаза. И в них кипела такая злоба, что ни один человек не смог бы этого выдержать.

Урук был на ногах, его топор пламенел. И тут я увидел Ледяное Жало. Клинок лежал на земле. Тасы метнулись, чтобы схватить его, и отскочили назад с гортанными криками. Я изо всех сил держался, чувствуя вину.

— Хорошая встреча, — голос Урука не дошел до крика, хотя и перекрыл шум долины, покрытой туманом. Эта наша встреча давно просрочена. Тарги!

Волшебник не отвечал, его побледневшее лицо было безжизненным. Но во время паузы я увидел, как его взгляд перешел с Урука на его топор.

«Ты же мертв!» — Эти слова возникли у меня в мозгу, холодные, равнодушные и без каких-либо эмоций. Родившиеся с такой необъятной самоуверенностью, они нанесли удар по зарождающейся надежде, которая вдруг появилась у меня, так как с этого момента мы изменили прошлое — Урук не был теперь пленником предводителя Тасов.

Я видел, как Урук смеется, хотя и не слышал звуков смеха. Они оба забыли обо мне. Все еще прижимая к себе сломанное запястье, я старался приподняться. По моему телу что-то слегка ударило. Один из корней-нитей образовал петлю. Я кое-как сорвал его со своей искалеченной руки. А затем Тасы приблизились, хотя и не тащили меня с поля. Они просто стояли вокруг меня, наблюдая за своим хозяином и Уруком.

Один из них издал кашляющий звук и упал. Из-за его плеча был виден конец стрелы. И остальные рассыпались и прижались к земле, стремясь таким образом представлять из себя меньшую мишень для стрел. Я увидел Серого, прыжками выбежавшего из тумана. Он с минуту постоял, наблюдая и вывалив язык из клыкастого рта. Затем он убрался прочь.

Могло показаться, что Тарги составляют его собственное творение.

Черный жезл соткал в воздухе образ между Темным и Уруком. Но последний поднял топор и рубанул им сверху донизу. Его целью все еще не был ни человек, ни его жезл, скорее, оружие было использовано для того, чтобы разрубить возникающие в воздухе красноватые символы. Как только топор прошел сквозь них, они разбились на клочки тумана кроваво-красного цвета.

Мне хотелось бы выкрикнуть то, что наполняло мой мозг: там грохотали звуки. Казалось, мои мысли разрушились до того, как я мог осознать их. Тарги... Какой человек может устоять, когда командует сам Тарги?

Толар... Он был в то время, он сформирован знанием таких, как Тарги... Но... Ионан не был таким. И... я не Ионан!..

Я погрузился в глубину себя, борясь одновременно против боли тела и ума, отыскивал того, другого, который не знал ни Тарги, ни Хахарка, ни этого мира вообще. Ионан не имел таланта, нежели я в этот момент, спрятать за всеми его недостатками тот недостаток, которым чуть ли не возмущался всю свою жизнь. Моя голова тоже была полем битвы. Воля волшебника в основном была направлена на Урука, но часть его принуждения проникала и в мой мозг, смешивая и затемняя мои мысли. Прежде всего я сконцентрировался на боли, подавив сначала боль в запястье, чтобы преодолеть ее, взять над ней верх. И лишь победив ее, я нашел Ионана.

Он был почти мертв, как был мертв любой, если бы приблизился к последнему пределу. Но я был Ионаном! И над Ионаном давно умершие люди не имели власти, как бы могущественны ни были их таланты. Я — Ионан! Свою боль я сохранил, использовал как барьер, когда нашел способ вернуть к жизни эту маленькую искру из отдаленного будущего.

«Ионан!» — призывал я другую свою половину.

И опять Тарги поднял жезл, нацелился на Урука. Каждым нервом в своем избитом теле я мог чувствовать, как он тянет к Уруку Силу. Она, эта Сила, была почти различима глазами.

Урук продолжал раскачивать топором взад-вперед перед собой, ничего не замечая. А могло быть и так, что этим беспрестанным покачиванием своего оружия он выстраивал защитный барьер против атаки своего противника. Потом он медленно двинулся вперед.

Крючковые руки Тасов сомкнулись на моем теле и потащили его, связанное, с территории между этими двумя. Они старались убраться подальше. Собранные там Силы очень даже могли быть смертельны для маленьких существ. Я — Ионан... На время я был отвлечен от своих внутренних поисков. Нет, я еще не осмелился ослабить свою ненадежную защиту. Волны злой Воли накрывали меня, принеся черное отчаяние, так что, будь я свободен и будь Ледяное Жало достижимо для меня, я обратил бы его лезвие против себя. Кто мог бы устоять против навешанного мыслями Тарги? Он был Хозяином Силы, и кто бы еще направил себя вперед, на врага?

Само его тело в тусклой черной кольчуге, казалось, распухало, росло. Глаза Тарги были двумя пылающими солнцами на небе, все еще закрытыми тучами. А тот мужчина, который стоит вперед ним, кто он такой, чтобы оспаривать силы Тарги? Этот вопрос красным цветом прорвался у меня в голове.

— Кто я, Тарги? Я — тот, кого ты сам сделал таким, — вслух ответил Урук, как будто не смог мысленно прикоснуться к мозгу волшебника. — И вот инстинкт подсказал мне, где прячется опасность. За каждое Зло, Тарги, придется отвечать. Вот почему мы так прочно связаны, — его топор качнулся еще раз.

Теперь Темный больше ничего не заставлял нас воображать. Он протянул меня между пальцами левой руки. И тут я увидел — да, в самом деле увидел это, потому что не был в это время околдован тем, что задевало и держало мой мозг! — что череп, которым заканчивался жезл, открыл свои челюсти, лишённые плоти, и издал звук — пронзительный вопль, как по покойнику.

Боль, которую я призвал себе на защиту, в этот момент стала моим мучением. Она выросла в кровавую агонию и пульсировала в ответ на завывания черепа. Я видел Тасов, зарывшихся в землю. Их шишковатые руки, похожие на переплетенные ветви, плотно закрывали уши.

Кажется, раскачивание топора Урука замедлилось. Я не мог быть уверен. Теперь Тарги балансировал Жезлом, как человек балансирует легким метательным копьем. Даже та моя часть, которая была Толаром, не знала, что случится, если оружие Тени поразит Урука. Но в том, что это воздействие будет мощнее какого угодно клинка, я догадывался.

Ледяное Жало... Я бросил взгляд на меч, который своим сверкающим клинком как бы спорил со скоростью и серостью дня и тумана... Он был далеко от меня, вроде бы и в самом деле пребывал в другом времени.

...Ледяное Жало повинуеться только одному хозяину... Разве Урук однажды не сказал этого? И как надежно это повиновение? Осмелюсь ли я... осмелюсь ли я позволить Ионану отойти в сторону, спрятаться в глубь меня? Я был уверен, что сейчас внимание Тарги занято только Уруком. Мне приходилось опасаться только бокового удара той Силы, которую он хочет использовать против человека с топором. Толар... и Ледяное Жало. Странно уже то, что я не пытался прежде использовать того чужака внутри меня, который знал все о своем могучем оружии. А я не знал...

Нет, это было неверно! Толар выскочил из моей памяти, как по команде. Ледяное Жало — одно из Четырех — становится частью того, кто владеет им, но только если он один из тех, кому оно станет отвечать. Относительно того меча были и такие вещи, о которых даже сам Толар знал только по слухам.

Получив такой шанс, я стал бороться против стены боли, которую так заботливо я воздвигал себе на защиту. И еще раз широко открыл дорогу для Толара.

Хотя Тасы сидели на корточках вокруг меня и я, несомненно, был их пленником, мой разум не был связан. Я направи́л свое внимание на меч. «Ледяное Жало!»

Из своего желания и необходимости я лихорадочно соткал нить, крепкую и гибкую, как нить-корни. В этот момент я не был даже в сознании, поскольку то, что я делал, было полностью за пределами знаний как Ионана, так и Толара. В том мире, где я теперь находился, существовало только две вещи: Ледяное Жало и моя воля.

Я слышал много разговоров о том, что дисциплина тех, кто владеет Силой, должна накладывать отпечаток на них самих, потому что они должны годами тренироваться, чтобы владеть иллюзиями и волшебством. Зато потом они оказывались в состоянии направлять энергию в нужное русло, могли заставить саму землю повиноваться им, пусть даже если они умрут, сожженные этой самой энергией.

«Ледяное Жало!»

Неужели это и вправду? Клинок засверкал ярче, накаляясь, подобно яркому языку пламени в траве, вытоптанной нашей борьбой... Я отодвинул в сторону все догадки. Все, кроме моей управляющей воли. Это было похоже на закрытие всех дверей вдоль коридора, так что сознание было сосредоточено только на том, что лежало на его дальнем конце.

«Ледяное Жало...»

Под моим взглядом меч начал приподниматься, как будто его поднимала невидимая рука, делая гигантский замах. И он начал двигаться...

Тень триумфа на миг разрушила мое сосредоточие, но я быстро выстроил перед ним стену. Все, что лежало внутри меня... то, что я называл «волей», «желанием» и «решительностью», должно быть сфокусировано на том, что мне предстояло сделать.

«Ледяное Жало!»

Я вложил в этот безмолвный призыв все силы, какие смог собрать, молчаливо направляя этот призыв с такой мощью, какой обладал только талант Толара. Клинок выскользнул вперед, как будто мои мысли и в самом деле были нитью, обвившей его рукоять.

Он прошел между Уруком и Тарги. Темный все еще балансировал своим жезлом, как копьем, но пока не метнул его. А собирался ли он это сделать? Или он просто нацеливал всю свою энергию? Урук отступил на шаг, затем еще на шаг.

«Ледяное Жало».

Я вложил в свою безгласную команду последние остатки того, что мне удалось собрать. Я даже не знал за собой такой способности, не знал, что обладаю таким даром, до тех пор, пока не выложил свое сущее в этом последнем испытании.

Меч двинулся рывком, его кончик поднялся вверх, хотя пылающий кристалл рукояти все еще лежал на земле. Он приподнялся и снова упал, так как энергия вытекала из меня слишком быстро. Но меч упал по направлению к Тарги и ударил его по ногам.

...И была вспышка Силы, которую никто не мог видеть, но ударившая меня в мозг, который моим последним усилием был поставлен широко открытым. У меня было только одно-единственное мгновение, чтобы подумать, что это — смерть, а потом вообще не было больше ничего.

Но если смерть ничто, она не звала бы меня. Так как сначала меня отыскала боль, которую я не мог отодвинуть в сторону, она наполнила меня глубоким страданием. Потом я очнулся, потому что кто-то коснулся моего лба. Сначала это легкое, почти невесомое прикосновение усилило мою боль, которая пульсировала и била меня, превращая в сжимавшееся животное, не знающее даже, куда спрятаться.

Потом от этого прикосновения распространилась прохлада, пригасившая огонь моей агонии. Мало-помалу боль утихла, хотя во мне сохранилось опасение, что это бушую-

щее страдание распространится опять. Но нет, эта прохлада была подобно дождю, падающему на иссушенную почву, она впиталась и подкрепила меня.

Я открыл глаза. Сверху было небо, по-прежнему одно-тонно-серое. Но, кроме него, надо мной нависло лицо, которое мой отупевший и изнуренный мозг все же смог припомнить.

— Урук?.. — я через силу выдавил его имя непослушными губами, но он прочел его, и часть морщин, спрятанных под козырьком его шлема, разгладилась. Память моя прохромала назад. Я вспомнил и второе имя. — Ах, Тарги? — я сказал это только затем, чтобы увидеть, как морщины появились снова.

— Мы обмануты, он жив! — сказал Урук вслух, как будто мысленно послание почему-то нельзя было использовать.

Я вскользя подумал, что могу догадаться, почему мой мозг был похож сейчас на взбитое яйцо. Он был изранен, пожалуй, так же, как и все тело, и проникнуть в него сейчас означало сделать меня умалишенным.

— Где?..

— В конце концов, он создал иллюзию и сбежал в нее. Но раз Тарги обещал — безопасности нет.

— Проигранная Битва? — память опять зашевелилась и каким-то образом причинила такую боль, что я вздрогнул.

— Это мы изменили. Когда Тарги сбежал, его последователи поступили так же.

— Но прежде он умер, — мои памяти сменились. Когда я пытался мыслить ясно, чтобы отделить одну от другой, этот процесс был столь болезненным, что повергал меня в головокружение, близкое к обмороку.

— Не в этот раз. Но, так или иначе, мы изменили время, товарищ. К лучшему или же нет, — Урук пожал плечами, — нам знать не дано. Насколько мне известно, Тарги должен быть нами побежден.

— Почему? — Выяснилось, что это слишком трудно — задать такой вопрос. Но Урук должен понять его даже в том хаосе, где память была смешана с памятью.

— Почему он сбежал? Это сделал ты, Толар. Твой меч, упав ему на ногу, помешал его чародейскому броску. Его же Сила отразилась обратно на него, как это бывает, когда волшебное действие не завершено. Он избежал той участи, которую накликал на нас, но он достаточно силен, чтобы построить где-то, в не доступном нам месте, свой чародейский мир. Теперь нам остается лишь быть гончими на его пути.

Я закрыл глаза. В этот момент я не мог управлять ни своим телом, ни своим погибающим мозгом. Мне хотелось

лишь одного, чтобы снова наступила темнота, и какое-то милосердие дало мне ее.

Глава шестая

Мое запястье было жестко закреплено лубком для неподвижности, разрезанная рука была обработана лечебной глиной, за которой при нужде обращаются к людям и неизвестные. Ледяное Жало покоилось у меня на боку. Но мы все еще были в прошлом: Долина Хахарка находилась позади нас, а открытая деревенская местность перед нами. И хотя облака исчезли, а на их месте сияло солнце, мне продолжала мерещиться тень и призраки в ней.

Память больше ничем не могла мне помочь, потому что мы изменили направление действия. Теперь я не полз, шатаюсь, смертельно раненный, прочь от тумана, сотворенного Тарги, чтобы уничтожить свой меч и умереть среди скал, безнадежно и бесполезно... Ионан тоже вряд ли мог быть мне полезен, если бы я его призвал. И пусть я некогда со всей решительностью пытался изучить способы ведения войны, здесь и сейчас я был подобен зеленому юнцу, который никогда еще не скакал в своем первом дозоре.

Урук стоял немного в стороне, изучая топор. Он смотрел прямо перед собой, но я думал, что он не видит сейчас ничего, что лежит перед ним. Видимо, его сознание обратилось в другом направлении... разыскивая...

Были здесь и воины Хахарка, добровольно вставшие рядом с нами, однако Урук отказался от их помощи. Получилось, что охота за Тарги ложится только на нас двоих.

— Он пойдет к Тасам, — в первый раз заговорил Урук, не изменяя своего ненавидящего взгляда. — Он будет разыскивать свое сердце.

— Его сердце? — отозвался я.

Видимо, в тот момент величайшего успеха, когда я так успешно командовал Ледяным Жалом, я выжег из себя большую часть памяти Толара, в точности так, как колдунья Экскарпа выжигала свое основание, когда заставила южные горы обрушиться на захватчиков Карстена.

Урук мигнул. Задумчивость, напоминавшая маску, осталась на его лице.

— ...его сердце — это та его часть, которая является для него талисманом и средоточием его Силы. Он не рискует им никогда, даже в битве с нами, хотя считает нас незначительными. Но, когда ему нужно вновь пополнить свои силы, он размахивает этим талисманом и пополняет энергию, потерянную в бою.

— К Тасам? Мы будем искать его под землей?

Урук мигнул еще раз.

— А где же еще? И если мы сделаем это, то отправимся в ловушку. Он дождется нашего прихода, устроит засаду и расположит свои силы так, чтобы победить нас. Он уже выстроил лабиринт, сквозь который не может проникнуть путеводная нить мысли. И он нападет, чтобы получить нас и наши тела. И ту часть, которая для него наиболее желанна, — наше сознание. Вот наша ставка, товарищ. Результат легко может обернуться против нас.

Раньше, когда его тело умирало, — продолжил Урук, — его внутренняя сущность была беспомощна и заключена туда, куда он ее прятал. Я помню. — Топор немного сдвинулся в его руках. — Почему, как ты думаешь? Он поместил меня в ту колонну живым. Ему нужно было тело. Но каким-то образом Тасы помешали ему в этом. Пожалуй, как раз для этого они и схватили твою девушку из Долины, чувствуя в ней намек на талант, который мог выполнить то, чего им одним сделать не удалось бы.

Я живо вспомнил ту сцену, свидетелями которой мы с Тсали были в пещере, где Крита полностью во власти неведомых нам чар стояла перед колонной, которая открывала Урука. Может быть, это была попытка дружеского контакта с Уруком?

Но тут я подумал о тех корнях, которые подчинились существам, живущим под землей, вспомнил темноту их подземных жилищ и то обстоятельство, что у нас не было проводника... На другой чаше весов лежала моя мрачная уверенность в полной правоте Урука: мы должны сокрушить Тарги либо в одном времени, либо в другом. И могло показаться, что сама судьба решила, что это должно произойти в прошлом.

Все перевязанное запястье... Я уже мог держать Ледяное Жало в своей недавней вылеченной руке, но не был еще способен работать в битве обеими руками. И при любом внезапном нападении сразу бы выяснилось, что это существенное неудобство! Тем не менее, сам меч был пригоден против Тасов, и я имел надежную защиту.

— Когда мы пойдем? И куда? — мой голос прозвучал утомленно в моих собственных ушах. Это спросил Ионан, который знал так мало и большую часть своей жизни был лишен уверенности в себе.

— Мы пойдем сейчас, — ответил Урук. — А Ледяное Жало поможет нам разыскать дверь в какую-нибудь нору Тасов. У меня не выходит из головы, что они сейчас подрывают эти холмы, стремясь ослабить стены города снизу, что приведет к уничтожению Хахарка.

Это предположение было более чем правдоподобным. Я мельком подумал об одной старой легенде: кто-то или что-то подул в трубу, и стены Хахарка рухнули от этого. Если под стенами существовало переплетение туннелей, такое могло произойти на самом деле.

Итак, мы отправились прямо с того места, где туман скрыл долину битвы. Тела наших убитых соотечественников были уже собраны, сложены в почетный погребальный костер и постепенно истаяли до чистого пепла.

Темные тоже собрали своих убитых, но не честью платили им. Так как все люди знали о том, что некоторые из Темных лордов могут оживлять мертвых, хотя душа не возвращалась к ним, и глаза их оставались пустынными. Скорее всего, эти поднятые мертвые были неуклюжими орудиями, трудными в использовании, так как они должны были вечно выполнять какую-то задачу, возложенную на них.

Серые, монстры... некоторые из них тоже были людьми, иногда настолько внешне похожими на тех, кого я знал всю свою жизнь, что, встретив их, я мог и не предположить, что они продали себя Великой Тьме.

Хотя тела исчезли, остались еще носилки с оружием, которое нужно было собрать. И отряд мужчин Хахарка как раз был занят этим. Хотя они, казалось, двигались прямо на нас, никто не спросил, куда мы идем, что собираемся делать.

На почве были видны следы колес, кое-где со вздутыми животами лежали Серые, с когтистыми получеловеческими ногами. Были еще канавы, слизистые внутри, омерзительно пахнущие, как будто бы выдавленные созданиями, вроде гигантских слизней, пресмыкающихся на чистой земле.

Урук недолго шел по этому очевидному следу тех, кто бежал с поля битвы. Он направился, я в этом был уверен, к линии холмов, очень маленьких, в сравнении с хребтом, который сторожил Долину у нас за спиной, но достаточно высоких, чтобы служить заметными ориентирами на местности.

На одном из холмов я заметил под слабым и своенравным солнцем три высоких камня, торчащих, подобно стволам деревьев, ветви которых в незапамятные времена были обломаны ураганом. И там совсем не было тех гладких голубых камней, которые отмечали безопасные островки. Наоборот, эти камни были странны для глаза, будучи ржаво-красными и сильно испещренными.

Я понял, что эти камни мне не нравятся, и чем ближе мы приближались к ним, тем сильнее росло мое беспокойство и отвращение. Мне приходилось сглатывать, как человеку,

который усиленно старается преодолеть тошноту. Ледяное Жало, который я вынул из ножен и неловко нес в левой руке, теперь светился заметно даже при солнечном свете. И моя рука, лежавшая на рукоятке, получила у него нечто вроде предупреждения.

— Куда? — осмелился я прервать наше молчание. Но Урук не взглянул на меня и не ответил. Его широкий шаг был обдуманно размеренным. Без малейшего колебания он поднялся на холм и направился к тем зловещим колоннам.

Ледяное Жало шевельнулось у меня в руке. Его конец опускался по мере того, как я поднимался на холм, стараясь удержаться рядом с Владельцем Топора. Я видел Мудрых Женщин, определяющих место, где глубоко под землей находится вода или металлические предметы; видел, как жезлы поворачиваются у них в руках, независимо от их желания, указывая на неопределенное место в земле. Так вот казалось, что Ледяное Жало вне времени действует таким же образом. Мне бы не хватило сил, чтобы преодолеть его тягу к земле, которая лежала у подножья красных колонн. Урук снова был прав, поскольку Меч Проигранной Битвы был нашим проводником.

Я заметил, что Урук осторожно обошел первую колонну, как будто не хотел, чтобы какая-нибудь часть его тела или его одежды или же вооружения прикоснулась к этой угрожающей поверхности. Около второго камня он остановился. Ледяное Жало в моей руке указал на землю прямо под ногами. Я должен был бороться с ним, чтобы удержать его, как и он боролся со мной, чтобы удержать меня, будто у него была своя собственная воля; и он стремился зарыться в землю острием.

Губы Урука изогнулись, и он издал скорее рычание, чем смех.

— Ну, разве я не верил? Мы нашли то, что искали, — дверь в подземелье. Но я думаю, такие двери не для осторожных. Было бы лучше найти свой собственный выход во владения Тарги. Может быть, ты постарайшься проследить ход за пределами этой точки?

Я боролся с мечом, наконец отдернув его с этого места, где он, казалось, готов был остаться. Урук обошел первую из трех колонн, отыскивая на склоне холма противоположную точку. Затем шагнул назад, давая мне дорогу.

Меч продолжал указывать в землю, и Урук издал звук, похожий на резкий смех.

— Ну что ж, пойдем. — Он поглядел назад, отмеряя расстояние от последней колонны, и затем быстро кивнул, как бы отвечая на какой-то свой невысказанный вслух вопрос.

Подняв топор, он нацелил его и ударил изо всех своих сил тренированного тела в землю на склоне холма.

Топор пробил глубокую дыру в дерне и поднял в воздух облако пыли. Еще и еще раз опускал Урук свое оружие на то же место. Четвертым ударом он пробил что-то насквозь, проделав небольшую дыру, и стал очищать землю, сбрасывая ее прямо в отверстие. Дыра была ненамного больше лезвия топора, но я лег на землю и медленно просунул в эту дыру Ледяное Жало. Отверстие было мало, и солнечный свет в него почти не попадал, но и в свете клинка было видно, что это, пожалуй, не пещера, а туннель в земле, достаточно большой для того, чтобы мы могли воспользоваться им.

Глубоко вздохнув и разом выбросив из головы все предупреждения, которые удерживали меня от этого похода, я зажал Ледяное Жало в зубах и, извиваясь, протиснулся в отверстие, оказавшись как бы в маленькой пещере, хранившей в своем спертom воздухе запах Тасов. Признаков засады не было. Я быстро продвинулся вниз по проходу, чтобы дать возможность Уруку последовать за мной.

Проход был подперт то здесь, то там тяжелыми корнями, глубоко проникавшими в землю, а грубо отесанные куски камней крепили его ради предосторожности, как будто бы здесь была дорога, которую для подземного народа было важно хранить открытой.

— Тьфу! — сплюнул Урук. — Какая отвратительная вонь!

Мы быстро обнаружили, что проход явно был проделан не для таких посетителей, как мы, так как при движении нам приходилось останавливаться. Мы шли согнувшись, но то тут, то там задевали плечом за кровлю, отчего с нее сыпались струйки земли, о чем я старался не думать. Здесь Урук снова пошел впереди, как будто точно знал, куда мы направимся.

Поскольку мы двигались прочь от выхода в верхний мир, нашим единственным источником света был Ледяное Жало. Я поднял его как можно выше, чтобы его тусклый свет был виден из-за плеча моего спутника. Земля у меня под ногами была плотно утрамбована, точно площадка для игр, и отовсюду пахло Тасами.

Вскоре проход закончился широким отверстием, ведущим вниз. Урук встал на колени и почувствовал под собой каменную осыпь.

— Здесь у них лаз в норы, — сказал он тихим шепотом. — Тесно, но, я думаю, мы сможем пролезть, цепляясь пальцами рук и ног.

Он закинул топор за плечи и стал осторожно спускаться к темному отверстию. Я все еще держал Ледяное Жало в

зубах, так как чувствовал, что не осмелюсь лишиться того слабого света, который он давал нам. Но я долго не решался наклониться над краем отверстия, и лишь тихий шепот Урука заставил меня начать искать выступы на скале.

Вниз, вниз, вниз... Мои челюсти уже болели, и я положил руку на рукоять. Потом боль распространилась по моему телу, всему сведенному напряжением: по плечам, рукам, пальцам рук и ног, по стопам. И казалось, этому спуску не будет конца. Я боялся, что из-за царившего здесь зловония могу глотнуть и выронить меч, или... что меня вырвет тем, что я съел в последний раз. Но я упрямо висел на стене, ограничивая свой мир только двумя вещами: удержать в зубах Ледяное Жало и отыскать следующую, а затем опять следующую опору.

Этот путь казался бесконечным, но, вероятно, для кого-нибудь другого, кто не был бы так напряжен, как мы в тот момент, карабкаться по нему не было бы таким уж великим подвигом. Тем не менее я был очень рад, когда услышал предупреждение Урука, и еще раз почувствовал под ногами широкую и твердую поверхность.

Здесь в стенах было больше скальной породы, но эта порода во всех направлениях была пересечена опорами из корней. И на каменных стенах обнаружили признаки того, что они грубо обработаны с целью расширить проход и убрать самые неудобные из естественных ступенек. Нам больше не нужно было спускаться, но сам проход наклонялся все больше и больше, и становилось очевидным, что мы быстро удаляемся от поверхности.

— Стой!

По правде говоря, мне не нужно было это предупреждение Урука. Толар еще не совсем умер внутри меня, и ощущение присутствия Зла было таким сильным, что заставило меня покрепче ухватить Ледяное Жало и приготовиться к отражению нападения. Я увидел, что над головой у нас свесились извивающиеся, светящиеся усики тумана, которые и напомнили мне о том, другом тумане, который Тарги использовал, чтобы собрать свои силы. Здесь свет был частью Зла, а волны зеленоватого излучения заставили меня вспомнить нечто давно забытое, похороненное в памяти. И запах... Он был еще более мерзким, чем запах Тасов.

Глава седьмая

Смех Урука поразил меня, так как в моем представлении эти зловещие руки тумана уже тянулись к нам. Но в его смехе звучало презрение, когда он спокойно смотрел, как

они тянутся к нам: тонкие, похожие на щупальца какого-то морского чудовища, о которых рассказывали сулкоры, живущие далеко на юге. И, не переставая смеяться, он начал такую песнь.

Я видел его слова! Каким подвигом волшебства это получилось, объяснять не мне. Но слова, слетая с его губ, образовывали голубые искры в этом мраке. Искры потоком разлетались в стороны и собирались в сияющие, растущие облака. Затем это сияние голубых искр прикоснулось к одному из угрожающих у синего тумана. Возникла вспышка. Туман отпрянул назад, собрался в центральное ядро, ставшее непрозрачным, затем темным, — это был материал, не имеющий названия, — которое стягивалось к нему.

Теперь тумана уже не было, из него возникла колышущаяся фигура, которая не становилась четче и не принимала конкретных очертаний. От нее истекало такое сильное ощущение угрозы, что было подобно удару. Но если эта вещь, чем бы она ни была, рассчитывала застать нас врасплох своей контратакой, она быстро поняла, что этого не случилось, когда она растеклась по каменному полу у нас под ногами и стремилась подползти к нам. Голубой туман, в свою очередь, тоже исчез.

— Та, Тарги! — Урук больше не пел. Урук кричал, как мужчина, бросивший личный вызов своему врагу. — Неужели ты считаешь меня уже своей удобной игрушкой? Сокрушитель Шлемов, — тут он впервые назвал свое оружие по имени, — это сталь, выкованная не человеком. Ты должен знать это.

Туман как сдуло.

Урук кивнул.

— Должно быть, он сильно потрясен, — задумчиво сказал он. — Тарги не из Великих... не более, чем я. Но мне показалось, что он воображает, что он сильнее и лучше владеет Темной Силой. — Тут голос его стал резким, и он требовательно спросил меня: — Как он умер? В тот раз, о котором мы знаем...

Я вытащил наружу память Толара. Тарги... Видел ли Толар его убитым? Если только слышал об этом, прежде чем смертельная рана заставила Толара уйти с поля битвы.

Слова пришли ко мне обрывчатые, так как картины у меня в уме были темными и отдаленными.

— Он умер от топора. Когда несли его тело, поднялся крик, и мне...

— От топора, — повторил Урук. — Тогда...

Я понимал, что его тревожит. Если это его Сокрушитель Шлемов таким образом имел дело с Тарги, то, даже убив его снова, мы мало что можем изменить, если нам не удастся

достичь его внутреннего Ядра, его сущности, где Тарги — настоящий Тарги! — мог найти безопасное место.

— Он постарается сделать так, чтобы все пошло в прежнем порядке,— сказал Урук, на этот раз вроде бы сам себе.— Итак...

Дорога перед нами была неясной. Тот предмет из свернувшегося Зла, где было мало реального вещества, исчез. Но мы не утратили бдительности, и это оказалось правильным. Потому что теперь из тьмы пришло, проползло не то, что обычно предполагается ползающим, стараясь покрепче опутать наши ноги, те самые нити-корни. Топор рубил — я мог пока пожалеть руку, лежавшую на рукояти Ледяного Жала,— и колот эти пресмыкающиеся и извивающиеся линии темноты.

Там в полутьме шла резня. Ни Тасы, ни нити-корни не могли противостоять нашему оружию, когда мы, опершись спинами о стены прохода, опускали сверкающий металл, несущий им смерть. Рычание меча было похоже на звуки, какие издает волчья глотка, тянувшаяся к добыче. И хотя Сокрушающий Шлем не издавал звуков такого рода, все равно движение его двойного изголовья в воздухе издавало нечто вроде пения, тогда как Тасы визжали и хрюкали.

Голос Урука перекрыл все эти звуки.

— Довольно! — приказал он.— Тарги использовал их, чтобы купить себе время,— добавил он мне,— время, которого у него не должно быть. Он думал, что будет в безопасности в этом месте, которое он сам придумал. Так что мы должны добраться до него раньше, чем он запрется и станет неуязвимым.

Мы напряженно оторвались от стены. Урук громко заревел древний боевой клич Хахарка. В этом маленьком пространстве звуки его голоса почти оглушали, а сияние наших клинков сделало их огнем у нас в руках.

Тасы рассыпались. Я давно знал, что они были бойцами только во тьме, которая придавала им уверенности. И тел, разрубленных в основном Уруком, было достаточно, чтобы лишить их мужества. А может быть, Тарги снял то принуждение, которое наложил на них, заставив их атаковать,— этого мы никогда не узнали. Но когда пошли вперед, они рассыпались и бежали. Некоторые бежали вперед, вниз по проходу, остальные оттянулись направо и остались позади нас.

Урук двигался быстро. В этом мире нельзя было ни бежать, ни даже быстро идти, но он делал громадные шаги, какие только позволяло ему это скрюченное пространство. А я охранял его спину и часто оглядывался, чтобы не поте-

рять уверенности в том, что те, кто бежал, не вернутся и не станут преследовать нас.

В моем времени Тасы пользовались отравленными копьями. Но те, через трупы которых мы переступали, лежали на земле или были в руках, не способных уже поднять их, и на их концах не было изменения цвета. Хотя в этом нам повезло на сей раз.

Мы миновали развалину прохода, затем еще одну и потом третью. Каждый раз Урук поворачивал налево или направо без колебаний. Я не задавал вопросов, но почему-то был уверен, что он знает, куда идет.

И вот мы вырвались из бокового прохода на участок, который привел нас в те пещеры, через которые мы с Тасами когда-то уже проходили, а если и не в те, то настолько похожие, что невозможно было отыскать отличий. Сталактиты обнаруживали себя кристаллическими структурами, когда на них падало сияние Ледяного Жала. Я бы запутался во множестве и разнообразии этих долгоживущих минеральных образований, но мой компаньон не задерживался и ничего не отыскивал. Я видел, что Сокрушающий Шлем немного раскачивался из стороны в сторону в его руке, и теперь это было похоже на действие одной из тех игр, которые сулкоры помещают внутри шаров, указывающих им дорогу в море.

Итак, мы достигли еще одного отверстия в стене — трещины, которую нам следовало осмотреть, так как она постепенно сужалась, а посреди нее находилась громадная глыба породы. С другой стороны шел узкий проход, только его стены были, несомненно, гладко обработаны, и я видел то здесь, то там письмена, которые не знал. Казалось, если притронуться к ним, то холод пронзит человека до самого нутра, пробуждая в нем тревогу и отчаяние. Только теплая рукоять меча в моей израненной руке боролась с этим неуловимым наступлением на мое мужество.

Урук замедлил шаг. Его голова была высоко поднята, так как этот проход не заставлял горбиться на высоте, излюбленной Тасами. Человек, или что-то очень похожее на человека, сделал этот проход.

— Теперь, — он выдохнул это слово, — мы победим или падем. Человек, который был Толаром, потому что выследили Тарги, никогда бы не поверил, что человек, рожденный в Свете, способен на это. И на этот раз, припертый к стене, он соберет против нас все свои Силы.

Не успел он договорить последнее слово, как из ничего против нас обоих обрушился удар. Этот удар отшвырнул меня назад, и я, пошатываясь, двигался к полускрытому входу. Было такое чувство, будто гигантская и всесильная рука

толкнула меня в грудь, бросив назад, оставив без защиты. Я дико взмахнул Ледяным Жалом, не видя ничего осязаемого, на что можно было бы напасть, но чувствуя, что должен делать хоть что-нибудь, или буду полностью побежден и останусь беспомощным.

Урук тоже был отброшен назад, но только на шаг или два. Его плечи немного сторбились, расставленные ступни ног уперлись, будто он решил больше не отступать. Я пытался скопировать его позу. Более того, я боролся за то, чтобы снова присоединиться к нему, продвинувшись вперед.

Давление продолжалось. Я был не в состоянии продвигнуться вперед ни на ладонь, и вместо этого я отступал примерно на две ладони назад. Гнев, непреклонность и алчность, каких я раньше никогда не испытывал в жизни, не похожие ни на что, наполнили меня. Гнев Толара, в который переплавилось все отчаяние. «Толар» — я еще раз обратился к нему, к той, другой своей части, которую этот меч породил к жизни.

Но Урук двигался вперед! Его движения походили на действия человека, пробивающегося сквозь густоту глины. Каждый шаг, который он делал, был короткий, но он делал его. Я ободрал плечо о стену там, куда меня впечатало мое последнее отступление. Теперь я взял меч в правую руку, освободив левую, потому что очень хорошо чувствовал опору в глубине стены, так как был прижат к ней. Теперь кончиками пальцев я уцепился за линии письмен. Приобретение такой опоры дало мне очень мало, но я пошел вперед, медленно делая один неверный шаг за другим, в точности так, как двигался Урук.

Пожалуй, его древний враг не мог так хорошо разделить свою силу, чтобы противоборствовать нам обоим одновременно. Таким образом мы преодолевали шаг за шагом. Горловая завеса моего шлема свободно раскачивалась, я тяжело дышал, сконцентрировавшись на борьбе за продвижение вдоль стены. Урук был удачливее. Его шаги становились длиннее. Под угрожающим драконом гребешка его шлема видны были горящие глаза.

Таким образом, хотя время казалось бесконечным, мы все-таки продвигались вдоль прохода. И давление на нас, казалось, никогда не ослабнет. Я задыхался, и биение моего сердца колоколом отзывалось в ушах: бом, бом! Затем так же быстро исчез туман, исчезло и все это. Я упал на одно колено, не удержавшись, когда давление внезапно исчезло, между вдохом и выдохом. Урук пошатнулся, но сделал не более шага. Все еще держа топор перед собой, он, подпрыгивая, бросился бежать, и я стремился не отстать от него.

И вот мы ворвались в место, залитое серо-зеленым излучением, таким, как я давно знал, — какое отмечает мощные центры Темных Сил. Здесь сталактитов не было. Вместо них были колонны — изваянный ужас. Каждая изображала чудовище или человека, и последний, казалось, испытывает невообразимую муку, от которой его не может освободить даже конец времени.

Между этими колоннами, на которые после первого взгляда я не решался смотреть, так как, раз взглянув на них, я почувствовал, как во мне зашевелился страх, который, я боялся, не смогу преодолеть, было обширное пространство. И Урук шел прямо к центральному ядру этого места.

Вероятно, это был храм. Но какому бы Богу или Силе ни поклонялись здесь, на мой взгляд, они не вызывали обожания. Колонны тут образовывали круги, и в центре этого круга находился трон: на половине ржавой красной колонны, где лежал кристаллический череп. У подножия колонны лежал человек, которого я видел на поле битвы, — Тарги. Его глаза широко и невидяще уставились вверх, а тело было безвольным, как у недавно умершего.

Но в центре всего — череп! Он был источником пульсирующего излучения, и я не мог отвести взгляд от этого вихря цветов, причинившего боль только при одном взгляде на него. Цвета волновались, перемешивались в некоем порядке и... в этом был символ. Мне только нужно было поглядеть чуть подальше, и этот смысл стал ясен для меня... Это была бы величайшая вещь, какие я когда-либо делал. Я мог бы стать избранным среди всех людей моего вида — я бы правил! Правил!

Я увидел, как Урук переступил через тело и поднял топор. Урук... он может разрушить... он... это он — враг в этом месте!.. Убить!.. Убить!..

Только благодаря поврежденному запястью мой удар оказался слабым. Ледяное Жало ударил в кольчугу, покрывавшую плечи. Но и этого оказалось достаточно: топор изменил траекторию и, вместо того, чтобы расколоть череп, звякнул о колонну.

Череп вглядывался на своем постаменте, и пляска света, исходившего от него, стала невыносимой. Цвета менялись в сумасшедшем чередовании. Я держал руку на рукояти меча, но держал его слабо. Мой плохо нацеленный удар чуть не вышиб меч у меня из рук.

Урук... он опасен! До тех пор, пока он жив...

Череп обратил на меня свои ярко горящие глаза. «Выпусти меня, друг, — в моем сознании его мощный голос был подобен взрыву боли. — Мы можем покончить с ним вместе».

Топор Урука он поднял вверх. Я был бессилен против него — даже с Ледяным Жалом!

«Ударь снизу! — это другой у меня в мозгу подгонял меня. — Есть слабое место пониже руки, проткни его сердце! И тогда...»

— Ионан!

Я шатался, подняв руку к голове, выкрикивая боль, которая была моим мучением. И меч тяжело оттягивал мою руку, его конец был нацелен на блоки породы у нас под ногами.

— Ионан! — раздался зов опять.

«Ударь вниз!» — приказывало еще одно командующее присутствие, поселившееся в моем сознании. Я вроде даже знал или догадывался, что происходит...

Подняв меч, я направил его вниз. В основном клинок падал только под действием собственного веса, поскольку сил у меня оставалось очень мало. Ледяное Жало попал прямо на свод черепа. Затем у меня в голове возникло такое мучение, что я швырнул меч, упал на колени, ухватил голову руками и застонал.

Я не знал, как Урук снова поднял топор, не услышал треск, когда одно из лезвий его топора коснулось черепа на постаменте, рассекая его, разбивая вдребезги, как будто это на самом деле была просто старая кость. В голове у меня стоял дикий шум, я готов был сойти с ума — тот, кто пытался овладеть мной, мог бы понять это так. Забормотав что-то, я опустил лицо вниз на пол, а свет, от которого болели глаза, взвихрился вокруг, накрывая меня.

Как долго я был под действием воли Тарги — я никогда не узнаю. Но сохранилась непобежденная маленькая частичка Ионана, который вступил в укрытие. И теперь этот лоскуток того, кем я когда-то был, вышел из укрытия, пожалуй, с отчаянием. Я был твердый, холодный, но все еще живой, и узы Тарги больше не держали меня. Я собрал то, что осталось от моей собственной воли, и попробовал шевельнуть рукой, чтобы доказать, главным образом себе, что могу сделать это. Поэтому, хотя у меня болел каждый мускул, я изо всех сил карабкался, пытаясь подняться.

Вокруг меня был серый цвет, конечно, непривлекательный, но это лишь слабая тень угрозы, которая висела здесь раньше. И в пределах достижимого для меня расстояния лежал Урук, а позади него, там, где мы видели тело Тарги...

Разве эти обломки разбитых костей, этот пепел когда-то на самом деле были человеком или чем-нибудь подобным? От кристаллического черепа, лежавшего в этом зале, стремившегося подавить нас, не осталось даже битых черепков.

Но там было кое-что еще... там лежала рукоять меча, оружие без клинка, теперь такая же тусклая и серая, как окружавший свет.

Я подполз к Уруку. Его топор не испытал такого изменения: он неповрежденный лежал у него под рукой. Сбоку, на горле, я уловил слабое биение пульса. Урук был еще жив. Я нащупал свою бутылку с водой, отстегнул ее с пояса, поднял его голову, положил на свое плечо и плеснул жидкость ему между зубов. Урук глотнул, закапшлялся и открыл глаза.

Мгновение он глядел на меня, будто не узнавая. Затем...

— Толар! — но это имя прозвучало неуверенно.

Я покачал головой. Отставив в сторону бутылку с водой, я добрался до рукояти меча и подержал ее так, чтобы ему было видно.

— Я — Ионан, потому что даже ты призывал меня так.

Его губы очень слабо изогнулись.

— И ты вернулся, чтобы спасти нас. Тарги, каким бы великим волшебником он ни был, не мог подчинить себе того, кто еще не родился. Итак, Ледяное Жало покинул тебя. Интересно знать, на добро или зло на этот раз?

— На добро, в этом я уверен. Я работал с плохо отлитым оружием и побывал в древней битве, где пришлось победить или погибнуть. Будущее будет таким, каким я сделал его!

Потом я попросил выяснить, были ли мы все еще в прошлом. Единственным доказательством у меня было то, что осталось от Тарги, и это поддерживало мою надежду, что мы освободились от изменения времени.

Урук проследил за взглядом, который я бросил на эти почти исчезнувшие останки, и поймал мои мысли.

— Я думаю, что теперь твое время, Ионан, который больше чем Ионан. Тарги, наконец-то, окончательно мертв. И разрушение его мощи могло бы сослужить нам хорошую службу, когда мы снова выберемся. Если бы так, Эскор может быть нам полезен. Попробуем превратить это.

Рукоять Ледяного Жала была мертва. Я чувствовал, что он никогда больше не заискрится в мужской руке, не примет участия ни в каких предприятиях. Я положил ее на широкий уступ, поддерживающий колонну, на которой прежде был череп. Тарги приложил усилия, чтобы использовать меня, и пал. Это был неосоздаемый трофей, который я вынес из нашей борьбы. Ни один мужчина, за исключением меня, не должен когда-либо увидеть эту вещь.

Нет, я не Толар, но что-то от него навсегда остается внутри меня, оттачивая часть меня, как заботливая рука во-

ина точит свой клинок. Я не мог отрицать этого и не хотел. Просто я — Ионан, но, тем не менее, я не хотел ни отрицать, ни забывать случившегося. Пожалуй, время и в самом деле перенесло нас вперед, как морской прибой выплескивает то, что он несет с собой. Если так, должны быть другие мечи, другие битвы, и для меня не вся жизнь, к которой я должен приспособливаться, осторожно и с большим самосознанием, чем большинству людей дано понять.

«Время было, время есть, время будет», — сказал Урук, но не произнес этого: слова сами просочились в мое сознание. И во мне возникла внезапная опьяняющая вспышка радости. Толар... Я мог благодарить его за это, потому что у меня появилось наконец убеждение, что этим ощущением другого я буду обладать всегда. Я встал на ноги и протянул руку, чтобы помочь Уруку.

«Время будет», — эти слова пели у меня в душе, пробуждая во мне нетерпение. Ледяное Жало больше не держал меня, и весь Эскор ждал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕЧ ТЕНИ

Глава первая

Вокруг стояла глубокая ночь, но казалось, что за пределами моего взгляда, слышимости моих ушей существовало движение. Я плотно прижала ладони одну к другой, дыша глубоко и медленно, призывая не только мужество, но и ту странную часть своего ума, которую я никогда не принимала, но которая, как я догадывалась, даже в самом раннем детстве была частицей меня, нечто, что могло бы изменить для меня весь мир, если бы я могла этим воспользоваться. Но не было никого, кто бы тогда научил меня этому умению. Я располагала только неразвитым инстинктом, но его было недостаточно.

Я поглядела на свои тесно переплетенные руки. Они были лишними от глины и... нет, я не собиралась думать об этом. Потому что воспоминание было спрятано очень глубоко и могло открыться — этим можно напутать кого угодно — Ворота Древних, проложить дорогу тому, что, как я чувствовала, подкрадывалось оттуда.

Движения, которые я уловила, были теперь близко от меня, любое из них пробуждало желание вызвать защиту, оградить себя со всех сторон от страха Тени. Но во мне было нечто ущербное. И теперь глубина и серьезность этой ущербности могли бы проявиться, ослабляя меня. Она была частью моего сна, иногда настолько ясного, что я лежала, казалось, в полном сознании, обмирая, задыхаясь и вздрагивая от страха, что я могла сделать в течение того времени, пока мой пробудившийся ум не получал команд изнутри.

В моей расе многие женщины были такими проклятыми. Большинство их считали свой дар, скорее, благословением, но я — нет. В Экскарпе те, кто имел талант, выявлялись раньше, и их тренировали, обучали всем предосторожностям, всему, что должен уметь тот, кто имеет дело с Силой, даже Светлой.

Но я была рождена во время хаоса, когда мой народ спасался бегством, уходя через горы от Карстена, и с нами немногочисленная, оставшаяся в живых часть очень древней

расы, которая некогда правила этой землей, была объявлена вне закона. И поэтому даже когда нас оставили в покое, я так и не смогла развить свой необыкновенный дар, поскольку в Карстене не было Ведьм, которые бы отыскивали таланты и обучали своих людей, тогда как Мудрые Женщины, которые жили среди нас, не вмешивались в дела более могучей Силы, несмотря на то, что несли в себе частицу Таланта.

Меня родила сестра леди Крисвиты, той, что удочерила меня, когда моя мать умерла от болезни, которую, как я думаю, она сама и вызвала, поскольку не могла стоять лицом к лицу с миром, в котором умер ее господин. Говорили, что при моем появлении на свет она отвернулась к стене и даже не взглянула на меня. Потому что так оно и было на самом деле: защищая ее во время бегства от карстенских пограничных налетчиков, мой отец погиб.

Но леди Крисвита имела достаточно большое сердце, которое широко распахнула мне. И я была не единственным ее приемным в те беспокойные дни: у нее был еще Ионан, полукровка от Старой Расы и от сулкоров — сын ее сердечного друга. Были в доме и ее собственные дети — Имхар, наследник Дома леди Далхис и леди Тиган, обе старшие и выданные замуж молодыми за вассалов лорда Хервона. Но со мной было иначе...

Сначала думала, что мне был дан только дар целительницы. Дело в том, что я могла, только взглянув на человека или животное, каким-то образом увидеть болезнь, которая гнездилась в нем. Но было у меня родство и с животными, так что иногда я просто не могла есть мясо или желать кому-либо хорошей охоты. Правда, эту свою особенность я хранила в тайне.

Когда Ведьмы Экскарпа совершили свой последний и величайший подвиг, заставив в битве холмы и горы двигаться по объединенной воле и таким образом оттородиться от Карстена, тогда казалось, что нам предстоит новая и более мирная жизнь. Я не могла ничего вспомнить о днях войны: они казались очень странными и дикими в дни мира.

И я удивилась тому, как могли жить такие, как Имхар. Дело в том, что он рожден был для войны и не знал ничего другого, и ни о чем другом не заботился, в этом можно было быть уверенной. Я мало что знала о нем, хотя он должен был стать моим господином, таким образом, еще более прочно скрепляя семью. Но я думаю, что это вряд ли что-нибудь значило для него, и, главным образом, это соображение вселило в меня тревогу.

Ионан был больше другом, чем Имхар. Он происходил от двух рас, созданных для того, чтобы держать меч, мерять-

ся сталью с врагами, однако он был мнимым сыном как той, так и другой расы. Он упрямо тренировался на мечах, стрелял в цель из арбалета, стараясь делать все, что полагалось мужчине в его возрасте. Но со мной он говорил о других вещах: о старых легендах и странных историях, которые он слышал. Возможно, он смог бы стать создателем песен, если бы не его неуклюжие палыцы, касающиеся струн арфы: они были еще более неумелыми, чем когда держали меч. Было такое впечатление, что внутри него произошло разделение на расы, которые каким-то образом исказили или преуменьшили человека, каким он на самом деле должен был стать.

Что случилось бы с нами, останься мы в Экскарпе? Иногда мне очень хотелось бы знать это. Правда, тогда бы я вышла замуж за Имхара и никогда бы не узнала о том, что было похоронено во мне. Порою мое сердце говорило «да», но другая моя часть отвергала это замужество. Я не могла пойти за него.

Но когда мы уже работали на строительстве Дома, к нам с востока пришел молодой человек. И его разговоры о том, что нам нужно сделать, так глубоко поразили наше сознание, что мы сделали этот шаг не раздумывая. И вдруг обнаружили, что уже идем не только в неизвестное, но и в войну, еще более мрачную и черную, чем все битвы, какие мы знали раньше.

Вот так мы совершили переход через горы в Долину. И там я почувствовала себя подобно растению, пересаженному на плодородную почву, полную питания, солнца, воды. Ибо я встретила леди Зеленого Покоя — ту, которая имеет много имен в наших Древних сказаниях, но в этом цикле отзывается на имя Дахаун. Она и ее люди не принадлежали к нашей расе, пожалуй, даже к нашему виду, но они были гуманоидами по облику. И с теми из Старой Расы, кто не запятнал себя с Тенью, они поддерживали родственные, дружеские отношения.

Когда мы с леди Дахаун впервые увидели друг друга, мы мгновенно поняли, что ищем одну и ту же дорогу. Она взяла меня в свой дом, где меня впервые начали обучать тому, чему меня следовало учить. Как много мне нужно было узнать, и как мало я была в состоянии дать, потому что была лишена подобных знаний! Подобно человеку, который долгое время томился в пустыне от жажды, мне будто бы предложили бутылку холодной воды. Но я знала, что так же, как тот, кто жаждет, я должна все это получать постепенно, глоток за глотком, ибо талант, слишком интенсивно используемый, может обратиться против того, кто им владеет.

Долина была сожженной крепостью. Свет против Тьмы. В этой древней земле Эскора было много старого Зла, осе-

давшего адаптами, которые поставили себя выше правил таланта, наслаждаясь своим искаженным духом и тем, что они могли своими делами преобразовывать природу. И это древнее Зло, заметно ослабевшее со временем, теперь пробуждалось, объединяя свои силы и готовясь взорваться снова.

Внутри Долины, говорили нам, было безопасно, Долина защищена мощными заклätиями Света, и ничто из того, что несло грязный знак Тьмы, не могло проникнуть в нее. Но наши мужчины вместе с теми, кто не были мужчинами по облику, но все же были подчинены Свету, патрулировали верхние проходы на вершинах и отбивали атаки темных, которые прилагали усилия к тому, чтобы преодолеть отвесные скалы и добраться до нас.

Затем... когда я проснулась однажды утром, мои руки были липкими от глины, как будто бы я была на берегу реки. И во мне жила такая тревога, что я почувствовала себя такой виноватой, как тот, кто, приоткрыв дверь, позволил войти врагу. И еще, я никак не могла заговорить об этом ни с леди Дахаун, ни с моей приемной матерью. Но у меня были занятия, требовавшие внимания. Ионан, упав с вершины, поранился и умер бы, если бы Тсали из народа Ящериц не нашел его в трещине, где его заклонило.

Я была рада, что должна вылечить его лодыжку, занимая себя, чем могла. Потому что, хотя я уже смыла эту глину с пальцев, мне казалось, что каким-то образом на мне осталось пятно. А мое беспокойство было частью того, что лежало за пределами моего разума там, где я была уже прочно связана. Я трижды пыталась заговорить и каждый раз обнаруживала, что не могу выговорить ни слова. Поэтому мое беспокойство росло, и я использовала мастерство, которому леди Дахаун учила меня, все еще не предполагая, что нечто из Тени уже проникло сквозь наши барьеры.

Но этой ночью я засыпала нехотя, желая чтобы хоть кто-нибудь наблюдал за мной. Однако я обнаружила, что не в состоянии попросить об этом.

Сон пришел внезапно, как будто я пересекла дверь. И он был настолько же живым, реальным, как пробуждение, таким реальным, что все, что осталось позади меня в этот момент, казалось более сном или иллюзией, чем то место, где я стояла теперь.

Это был зал, но не похожий на те, что я знала в Эскарпе, если только древний Эскор мог иметь такой. Стены находились так далеко, что были скрыты во тьме. И с каждой стороны от меня были высокие колонны с резьбой, где были изображены странные чудовища; резьба была очень четкая. Свет не был теплым светом солнца и не исходил ни от

какой лампы, но, зелено-желтый, он сочился от своих колонн, создавая полную видимость.

И здесь был кое-кто, ожидающий меня, кого я должна была встретить.

Мне казалось, что я не иду, как обычно, поскольку я скользила вперед и вниз по четко намеченному проходу, сквозь воздух, лишенный веса, и не имея сил сопротивляться. Затем проход окончился круглым пространством. На колонне в его центре лежал череп — обычной величины, вырезанный из чего-то, что казалось чистейшим кристаллом. Его котелок был наполнен завихряющимися, танцующими линиями радужных цветов, переходящих друг в друга, оттеняющих и углубляющих друг друга.

Облокотившись одной рукой на постамент, на котором помещался череп, стояла женщина. Она была того же облика, что и леди Дахаун, однако ее цвет менялся. Ее волосы были то пламенными, почти алыми, то темнели до коричневого и, наконец, до черного. Кожа ее одно мгновение была цвета слоновой кости, в следующий миг — цвета загара. Она излучала Силу, как будто нацеленную прямо на меня. И, невзирая на постоянные изменения цвета, ее черты не меняли одного и того же выражения. Полные губы были изогнуты в слабую тайную полуулыбку, как будто она что-то знала и пребывала по этому поводу в ликовании, что своим знанием не поделится ни с кем.

Ее тело было прикрыто только взвихренным туманом, который тоже дергался и двигался, открывая то багровый сосок на груди, то гладкое бедро, то начало слабого изгиба живота. Было что-то совершенно произвольное в игре одеяния, которая несколько меня тревожила или, вернее, ту часть меня, которая не была здесь, где находилась я, вызванная ее волшебством.

«Крита!»

Одна ее рука взлетела в жесте, пародирующем дружеское приветствие, а ее голос прозвучал у меня в голове, но не в ушах: «Отличная встреча, сестричка!»

Было во мне что-то, что возмутилось ее бессмысленным призывом к родству. Я не принадлежала к ее роду, нет! И, пожалуй, это внезапное изменение моего настроения нарушило чары, которые она наложила на меня, потому что я увидела, что ее улыбка исчезла, а глаза, обращенные ко мне, загорелись злобой.

«Ты будешь тем, что мне потребуется от тебя! — Она спешила наложить руку на свою собственность. — Ты станешь поступать так, как я скажу! Ко мне!»

Я могла бороться с этим принуждением не больше, чем смогла бы разрубить цепи, если бы мои руки и ноги были закованы, и я пошла к ней.

«Сюда!» — Она провела рукой в сторону черепа с его блистанием внутреннего огня, который теперь стал ярче, резче, живее.

Против воли мои руки протянулись вперед и коснулись висков черепа справа и слева. В меня ворвалась чужая воля, повелительная, подавляющая последние остатки того, чем я была. Мне были отданы приказы. И я знала, что должно быть сделано.

«Итак, — женщина засмеялась, — мы сделали хороший выбор, а, Тарги? — Она говорила с черепом, как с живым существом. — Теперь ты, — она презрительно глянула на меня, — иди и делай свое дело!»

От колонны поспешно оторвались уродливые Тасы — подземный народ, который уже пытался однажды предать нас. Вожак их банды поймал меня за руку, и мне удалось ее выдернуть. Но он поймал вторично и потянул меня направо.

Мы шли по подземным норам. Много ли их было, и где они пролегли, я не смогла бы сказать. Во мне, как сияющий череп, горела необходимость выполнить то, что я должна была сделать. Это что-то было вложено в меня этой женщиной и сверкающим черепом. Оно значило для них так много, но ничего не могли они сделать сами, потому что пути, по которым мы шли, были для них запретны. Скорее всего, проход находился где-то под утесами Долины и, к тому же, где-то глубоко под землей. Так что охранные руны имели здесь ослабленную силу. Если это так, новая работа не становилась для меня желанной. Я, правда, достаточно легко могла проследовать этим путем, но не могла освободиться от поручений, возложенных на меня.

Потом... сон стал расчлененным, более отрывочным, эпизодическим, где одна картинка сменялась другой или кусочком действия, без какой-либо логической связи. Я помнила предназначенные слова, которые кто-то чужой, то ли женщина, то ли череп, поместил в мой мозг. И потом...

Однажды что-то было неправильно. Я могла ощутить, что волшебный замок на мне стал даже крепче, но под этой связанностью поднимался освободительный гнев. Я не закончила свое дело — существовало невидимое вмешательство. Тасы окружили меня, тащили и толкали по своим норам. Того, что случилось после, я никогда потом не могла соединить в единое целое.

Но вот настал момент, когда я поняла, что, передвигаясь по земле, видела лица, которые должна была помнить. Но что-то держало мой мозг, все еще не позволяло мне этого.

Затем... я полностью пробудилась или ожила еще раз. Я стояла на вольном воздухе, и меня обдувал сладкий ветер, холода которого я не замечала, потому что он нес свежесть

знакомому мне мира. И там был Ионан, и с ним другой, одетый в страшное вооружение и несший огромный топор с двойным лезвием. Там был также и Тсали, а после к ним наверх поднялись те, кто правил Долиной: леди Дахаун, рука об руку с ней лорд Кемок, а за ними остальные.

Я зарыдала: это должно было быть реальностью, а не еще одним сном. Но как только леди Дахаун приняла меня в свои объятия, я, наконец, поверила в это.

Глава вторая

Барьера, запрещающего мне говорить, больше не было, и я свободно рассказала леди Дахаун все, что случилось со мной во сне. Во сне?.. Пусть все это казалось сном, но сном не было! Меня на самом деле вытащили из «безопасной» Долины, и это с помощью предательской части моего собственного разума. Ибо мне показали фигуру, сделанную из глины, и помещенные на ее округлую голову волосы, которые были моими собственными волосами. Вокруг фигурки была обернута ткань, которую я когда-то носила. И это, я знала без разъяснений, принадлежало древнему злу. Так меня достигла и покорила Сила: большая, чем мы подозревали, которая все еще стремилась преодолеть наши границы.

Когда я описала женщину, общавшуюся с черепом, леди Дахаун нахмурилась. Она заставила меня остаться внутри ее собственного, охраняемого волшебной Силой обиталища, взяла белую свежеччищенную волшебную палочку и начертила вокруг подушек, на которых я лежала, символы, заключенные замкнутым кругом. И еще до того, как она закончила эту работу, необходимость во сне так утяжелила мои веки, что я стала уплывать прочь, несмотря на все свое сопротивление, так как, кроме всего прочего, боялась, что потеряю волю и мысли, и меня снова утащат во сне.

Как только пришел сон, мне снова стало плохо. Я опять очутилась в том же зале с колоннами и черепом, где уже была до этого. Но... я могла видеть... могла слышать.

В ней, кто соткал тот прежний наговор, произошло изменение. Но я была так уверена, что это та самая женщина, которая вытащила меня к себе через подземные норы Тасов, что могла бы в этом поклясться, несмотря на то, что была полностью во власти ее заклятия и не знала, куда направляюсь.

Она больше не выказывала ни гордости, ни высокомерия, которые делали ее лучше, чем туман в нашу предыдущую встречу. И ее красота испортилась, как будто время плохо отразилось на ней. Но она все еще была той, кого бо-

ятся. И я не забывала об этом, хотя на этот раз она и не глядела на меня и не подавала никаких признаков, что знает о моем присутствии. Напротив, она стояла около постамент, на котором лежал череп, и ее руки ласкали кристалл, из которого тот был сделан. Сияние его света утасло, либо он стал немым, так что оставалась почти бесцветная дымка в его внутренней части.

Я видела, что ее губы движутся, и была уверена, что она поет или разговаривает с предметом, которого она касается пальцами. Ее лицо выражало страсть, более сильную, чем гнев, хотя одна эмоция подразумевала другую. Я ощущала силы, которые она стремилась направлять, разрушить и контролировать своей волей, и ее тревогу, и отчаяние, что она не может этого сделать.

Затем она перестала обращать свои губы к бесплотному рту кристалла. Она поступила так, как, я уверена, поступает женщина, если она поклоняется предмету своей любви, тому, кто стал центром всей ее жизни. Ее руки схватили колонну так, что «лицо» этой оскалившейся вещи плотно прижалось к рубиновым кончикам грудей. В этом месте было что-то настолько бесстыдное, что я содрогнулась. Но убежать я не могла. Что-то притянуло меня сюда и все еще держало здесь, хотя это и был сон.

Внезапно она повернула голову, и глаза ее стали искать меня. Видимо, теперь она знала, что какая-то моя частица еще попала к ней в сети. В ее глазах я увидела яркий торжествующий блеск:

— Итак, заклятие все еще держит тебя, не так ли, сестричка? Я поработала лучше, чем надеялась.

Ее руки взлетели в воздух и начертили символы, которых я не понимала. Сразу же то, что там было мною, оказалось заперто. Тут она отошла от черепа, и в ней затрепетала Темная Сила, такая, что ее волосы сами собой зашевелились и поднялись огромным пламенным облаком вокруг головы. Это было более поразительно, чем если бы она надела королевскую корону. Ее губы были слегка раскрыты, и их горящая краснота была подобна пятну крови на ее призрачно-белой коже.

Она подошла на шаг, затем на два, руки ее протянулись ко мне. В ней и вокруг нее нарастал триумф, подобно какому-то церемониальному действию.

«Самое время с пригодным инструментом.— Я думаю, что эта мысль не была предназначена для меня.— Ай, Тарги,— она на мгновение обернулась к черепу,— мы пока еще не пропали!»

Но если у нее и был план, то он провалился. Потому что немедленно, как только раздался слова, женщина и череп,

к которому она так страстно тянулась, исчезли. Я открыла глаза снова в гостиной Дахаун и увидела леди Зеленого Покоя, стоявшую у меня в ногах. Она трясла надо мной пригоршней почти увядших трав, а их листья разлетались во все стороны и смешивались, ложились на мое плечо. Я почувствовала иллбейн — это очень древнее средство от болезней духа, лэнглон, трилистник, который очищает чувства, призывая обратно блуждающий ум. Но я знала, что случилось, и сжалась на своем ложе из трав, засушенных весной... Из глаз у меня полились слезы, рожденные как страхом, так и чувством беспомощности, и ручьями стекали по щекам.

Хотя леди Дахаун и выглядела храброй, она держалась от меня подальше на расстоянии более чем вытянутой руки, тогда как я и сама отпрянула от нее, зная теперь, что какая-то часть меня уже созвучна Тени, и что меня поймало наибольшее Зло в этом мире.

— Ты спала, — сказала она, но не воспользовалась мысленным касанием, напротив, она разговаривала вслух, как с малым ребенком, который проснулся, испуганный кошмаром.

— Она... вытащила меня снова... — пробормотала я. — Она может по-своему желанию вытянуть меня!..

— Та же самая женщина?

— И та же женщина, и тот же череп, и то же место с колоннами, я была там же, где и в первый раз!

Леди Дахаун наклонилась вперед, ее глаза не отрывались от моих. Я же не могла уклониться от ее пристального взгляда, из-за моего ощущения вины и беды.

— Подумай, Крита, все ли было в точности тем же самым?

В ее вопросе была какая-то цель. Я сняла защиту и позволила ей заглянуть в мою память, так что ее разум в моем мог видеть все, чему я была свидетельницей. При этом я начала бояться за нее: если не того, что можно запятнаться знанием моего сна, то того, как бы не заразить и ее тоже.

Леди Дахаун сидела, скрестив ноги, у меня на постели. Растерев в руках остатки иллбейна, она коснулась кончиками своих душистых пальцев моих висков.

— Думай! Смотри! — уверенно скомандовала она.

Таким образом, я пережила в памяти так отчетливо, насколько это возможно, все то, что увидела во сне. Когда все кончилось, она прижала руки к груди.

— Лайдан... — она с трудом выговорила это имя, — и... и Тарги...

— Кто это — Лайдан? — наконец отважилась я спросить.

— Она из метисов... и мне казалось, что она до сих пор должна жить, отправившись в какую-нибудь нору... Она взяла худшее у двух рас, соединившихся в ней. По матери она из людей... Ее отец... — леди Дахаун вздрогнула. — В свое время было много домыслов, предположений, кто им мог быть, но явно он был не из наших. Наиболее общепринято, что ее отец был одним из лордов Холмов, добровольно принявший господство Тени. Лайдан и Тарги... — задумчиво повторила она. — Так... Значит, это сочетание может стать ответом. Те, кто отправился в путь прошлой ночью, если они смогут сделать так, как надеется Урук, пожалуй, могут добиться того, что у Тарги больше не будет уверенности ни в каком начинании. Но Лайдан они не смогут встретить в прошлом, так как во время Битвы она была где-то в другом месте, занимаясь своими делами очень далеко отсюда.

— Битва? — для меня все, что она говорила, было загадкой.

Поглядев на меня долгим оценивающим взглядом, леди Дахаун не ответила на мой вопрос. Напротив, она заговорила о том, что сейчас казалось для меня более срочным.

— Может показаться, что Лайдан и тот, кто так долго защищает ее, частично наложили на тебя клеймо, Крита. Как это могло случиться, мне непонятно. Но корни всего этого, должно быть, лежат в далеком прошлом. Однако, если она смогла принудить тебя прийти к ней даже во сне...

Я уже знала ответ на это, но мое тело так оледенело от внутреннего страха, что я начала дрожать мелкой дрожью, которую никак не могла унять.

— Тогда... тогда я опасна для вас, как Открыватель Ворот, — сказала я тихим голосом, который не могла заставить не дрожать. Я знала, что добавить к этому, но мои губы и язык не повиновались мне. Тот страх, что охватил меня, был уже почти под контролем. Однако, если бы я угрожала сломить защиту Долины, тогда совершенно ясно, что мне здесь больше не место. И я молча смотрела на нее, не в состоянии сделать то, что повелевал мне долг.

Леди Дахаун медленно покачала головой:

— Мы не так уж беззащитны перед Силой... Но, может быть, тебе придется столкнуться с тем, что ты станешь пленницей, сестричка.

Я передернулась. Это... как она назвала меня? Услышать то же самое слово от леди Дахаун — это был довесок к моему грузу ужаса и вины.

— Итак? — губы леди Дахаун сжались в линию. — Она избирает такой путь? Но тебе следует кое-что понять, Крита, потому что у тебя нет тренировки, такой, какую следовало дать тебе, когда талант впервые проявил себя. Верно, ты

осталась уязвимой для таких, как Лайдан. Не знаю уж, почему. Трудно сказать, чему она могла научиться за Темные Века между Проигранной битвой и этим часом. Но есть пределы и у нее, и ты должна понимать это. Она никогда не командовала Зеленым Покоем, — теперь в голосе леди Дахаун была гордая самоуверенность. — Этому слишком долго обучаться, а она всегда была нетерпеливой и алчной. В прошлый раз она овладела твоим телом и сама управляла им. На этот раз оно было хорошо защищено, — она жестом указала на письмо на полу, — поэтому она смогла вызвать тебя только во сне, что для нее бесполезно, так как сон — это другая плоскость существования; и во сне человек не может действовать физически. Если Ионан и Урук будут удачны, — тут она резко остановилась.

— Ионан... что с Ионаном? — на момент я была выведена из состояния погруженности в себя. — Разве... разве он пошел охотиться на эту Лайдан?

Леди Дахаун покачала головой:

— Нет, ее не будет там, куда он собирался.

Больше она не сказала ничего. И с болезненным чувством я понимала, почему: во сне эту информацию из меня могли высосать, если Лайдан снова призовет меня.

— Она не сделает ни того, ни другого, — леди Дахаун отвлекла меня от размышлений, — так как мы уже сделали еще одну предосторожность. Верь в это, Крита. И у тебя нет причины чувствовать свою вину из-за того, что тебя поймали в ловушку. Даже адапты в прошлом бывали околдованы своими противниками. Раз мы предупреждены — как это в обычае у нашего врага, — мы можем принять и меры предосторожности.

Вот таким образом я и стала на время пленницей своего собственного народа, чтобы не навредить ему, но теперь мне не следовало доверять, что бы я ни собиралась делать. Я жила в маленьком домике, где одна из женщин народа Ящериц обслуживала меня, потому что люди этого народа умели распознавать с помощью своих собственных, врожденных способностей, не подвергаящихся чуждому влиянию, любое изменение во мне. Кроме того, мне было запрещено использовать свой талант для чего бы то ни было, даже для врачевания, поскольку такое использование могло открыть маленькую тропинку между мной и той, кого леди Дахаун называла Лайдан.

Ионан и Урук... лишь несколько дней спустя я поинтересовалась, куда они ушли и по какой причине исчезли. Никто не осмелился сказать мне, а я не посмела настаивать. Но леди Крисвита пришла ко мне с предложением, которое могло стать мне ответом на мои страхи за будущее.

Хорошо известно, что, если девушка Старой Расы выходит замуж или вообще просто ляжет в постель с каким бы то ни было мужчиной, как иногда преднамеренно делали в старые дни с колдуньями, взятыми в плен, она теряет и свою Силу и свой Талант. За все истекшие годы было только одно исключение — леди Дженит. Но ее господин был чужеземцем, и сам он, вопреки всем нашим представлениям, обладал какой-то частью Таланта. Однако даже тогда, когда она доказала, что Сила не покинула ее после того, как она стала женой, все равно Ведьмы Экскарпа так и не приняли ее обратно в свои ряды и не видели в ней свою.

Вот это и было решением. Если бы я вышла замуж и легла в постель с Имхаром, я больше не представляла бы никакой угрозы тем, кто живет в Долине, поскольку своего Таланта я бы лишилась. И в своем отчаянии я почти ухватилась за это решение.

Однако Имхара я не любила. Правда, в моем народе брак всегда устраивался с пользой для Семейного Клана, хотя на протяжении многих лет изгнания и войны кое-что изменилось. Например, я знала, что сама леди Крисвита вышла замуж иначе, поскольку в ее клане не было старших, оставшихся в живых, кто мог бы выдать ее замуж. Лорд Хервон уже потерял свою семью во время резни в Карстене и в первый раз встретил ее, когда привез ей кое-какие новости от родных, сопровождавших к ней мою мать.

Таким образом, ее замужество состоялось по ее собственному выбору. Но ее дочери, как и в старые дни, получили в мужья безземельных лордов, связанных с лордом Хервоном, из среды Пограничников, и таким образом укрепили дома, вместо того, чтобы основывать свои собственные дома. Я была помолвлена с Имхаром чуть ли не с рождения. Только непрерывная война оттягивала нашу свадьбу, свадьбу воды и огня.

А теперь, хотя мы все еще были окружены опасностью, даже более еще серьезной, чем раньше, от меня требовалось только согласие на замужество. Я заняла бы свое место леди Имхар, оставив все надежды, и среди них — надежду стать обладательницей Силы.

Имхар был неплохим молодым человеком. Он был мил, виден, рожден воином, и он был наследником лорда Хервона. Только... только, несмотря на мой сегодняшний страх и тревогу, я не могла дать требуемого согласия. Внутри меня была соткана необходимость ожидания, а, может быть, стремление сохранить то, что было моим по праву рождения. Я не могла выговорить те слова, которые ждала моя приемная мать, они замерли у меня в гортани. Я боялась, что моя дорогая госпожа рассердится на меня, и готовилась уве-

личить ее гнев и недовольство к грузу всей той ноши, что мне предстояло вынести. Но она только сделала мне предложение того, что я могла бы сделать, а затем, после некоторого молчания, которое я не осмеливалась нарушить, добавила:

— Все рождаются с разными дарованиями или талантами, дорогое дитя. Имхар — сын своего отца, и в нем кипит бурная энергия, которая с самого его детства была сконцентрирована на войне. Далхис и Мигэн довольны той жизнью, какую принесли им их добрые мужья. Они не желали ничего иного, кроме дома и детей, рожденных ими. Но если человеку дано кое-что еще? — она замолчала и сидела так довольно долго, глядя на руки, лежащие у нее на коленях. — Мы в удивительном времени и месте, дитя. И мы, принадлежащие другому поколению, не имеем права делать выбор за тебя, как это делалось всегда. Имхар... — тут она снова помолчала и покачала головой, будто бы отвечая собственным мыслям. — У него есть собственный талант, и он счастлив использовать его так, как он и делает. Если ты хочешь оставаться тем, что ты и есть, мы не окажем на тебя никакого давления в отношении замужества.

— Но я помолвлена... — я была смущена и едва в состоянии поверить в то, что она имела в виду только именно то, что сказала.

— Подожди, Крита, — ее слова были торопливы и выразительны, как бы для того, чтобы подчеркнуть их преимущественно для меня. — Подожди, пока ты не будешь уверена.

— Но я — такая, какая я сейчас, — могу быть опасной для вас... для всех нас... и даже для Долины...

— Поверь, Крита, подожди. — Леди Дахаун поднялась на ноги немного тяжелее, чем обычно. И я ясно увидела по ее глазам, что лицо ее стало очень усталым, хотя она и не обнаруживала признаков возраста, так как люди Старой Расы не обнаруживают их до тех пор, пока не приблизятся к концу своей жизни. Казалось, ночной сон не приносил ей истинного отдыха.

Я поймала ее руку и крепко сжала:

— Благодарю тебя!..

Она мягко выдернула пальцы.

— Мне бы не хотелось видеть ошибки, — сказала она. — Дорогая, ты мне как дочь, и я не хотела бы, чтобы ты ошиблась.

Сказав это, она ушла.

Глава третья

Каждый вечер я боялась засыпать и так усердно выпивала зелье, которое леди Дахаун посылала мне, что, пожалуй, покушение на меня не могло бы состояться. Прошло немало ночей, прежде чем нашу защиту прорвали еще раз. Должно быть, Лайдан вынуждена была так долго собирать свои волшебные Силы, потому что до этого часа была просто не в состоянии добраться до меня.

У меня появились зрение и слух, и было такое ощущение, что до этого момента всю жизнь я была слепой и глухой. Но зато теперь мои чувства стали несравненно богаче: никогда до этого у меня не было таких впечатлений. Но я не была уверена, в телесном ли облике оказалась я тут или только мысленно.

Но я дрожала на холодном ветру, чувствовала тяжелый запах деревьев, которые вырывали худое из Долины и выбрасывали его во вне с расточительной силой. Наверху висела луна, старая луна, умирающая, готовая исчезнуть с небосвода, чтобы возродиться в новом цикле.

Я подняла руки и посмотрела вниз на свое тело. На мне был костюм для верховой езды, руки были исцарапаны, а ногти сломаны, точно я через силу подкралась к этому месту. Теперь я поглядела на Долину вниз и захотела вернуться. Было интересно: если я и в самом деле была здесь телом, как это я преодолела такую высоту.

Затем я осознала, что попала в ловушку волшебства, которая даже не позволит мне глядеть назад, а только вперед. Итак, я пробиралась по неровным тропинкам этого места, где было много ненадежных склонов, утесов, готовых поймать неосторожного. И, кроме того, я двигалась с целью и определенностью, хотя то, что гнало меня вперед, не было моей волей. И, конечно, можно было легко угадать, что воля вырвала меня из безопасности и отправила в такое путешествие. Я дважды пыталась преодолеть то, что держало мой ум и тело, но чары были так сильны и сосредоточены, что это было все равно, что голыми руками колотиться в дверь, окованную оружейной сталью.

Затем, осознав, что в таком противодействии нет ни одного шанса на успех, я подчинилась воле Лайдан. Я пересекла растрескавшиеся скалы, мои ноги безошибочно привели меня к пещере в стороне от вершины. Там я остановилась и пролезла в очень узкое отверстие, наполовину засыпанное осыпавшимся щебнем.

Здесь не воняло Тасами. Если Лайдан была правительницей этих пещерных жителей, то сейчас она их не использовала, скорее всего, из-за уверенности, что моя воля не

столько подавлена ею, что я в точности буду делать то, что мне приказано, и не сделаю попытки убежать.

Хотя я и не была тренирована Ведьмами, я все в тайниках своего мозга поняла о них в Экскарпе. Чтобы контролировать и усиливать повиновение другого, требовалась полная концентрация, всесторонняя и безжалостная. Я не знала, как близка к адаптам могла быть Лайдан. Но разве не сказала леди Дахаун, что сами адапты могли быть околдованы? Каждый шаг, который я делала, вытягивал много энергии из той, которая направила меня на выполнение какой-то задачи, нужной ей. Я шла запинаясь и так медленно, как только могла, то и дело рыская в стороны, неожиданно бросая острые стрелы ментальной Силы, стараясь отыскать хоть какую-нибудь слабость у той, что держала меня.

Пока причин для отчаяния не было. Лайдан, я была уверена, полностью закрепились за то, что во мне было значительно от таланта... Раньше или позже, она... она должна почувствовать напряжение или усталость от того, что делала. Итак, мне следовало продолжать попытки через неравные промежутки, готовясь к тому моменту, который принесет мне освобождение.

Эти подземные пути были темны. Я была поглощена чернотой, как будто меня проглотила утроба какого-то гигантского зверя. Но я решительно отогнала страх. Лайдан нуждается во мне, она не пожертвует тем, что ей нужно. Таким образом даже в темноте мне нечего было бояться, кроме воли, державшей меня в плену.

Я ощутила чье-то прикосновение к своему мозгу. Я была уверена, это не Лайдан. Та сейчас сосредоточена на том, чтобы крепко держать меня, и не может позволить себе такую вольность. Пожалуй, это было похоже на неясное шевеление памяти, пытающейся отыскать какую-нибудь дверь и выйти наружу.

В человеческом роде у всех есть также проявления памяти, в которых мы не можем дать себе отчет: временами мы видим раскинувшуюся перед нами землю, строения, когда внутренний голос внезапно говорит нам: «Я уже здесь был», даже если знаем, что это невозможно.

То, что так упорно вытаскивалось из меня сейчас, должно быть, было вот такой фальшивой памятью. Или верно то, что мы живем не одну жизнь, стараясь в каждой из следующих исправлять ошибки, которые мы упрямо совершали раньше? Я случайно слышала, как кое-кто из Старой Расы обсуждал такую возможность. Но для меня до этого настоящей жизни было достаточно: меня всегда наполняли интерес и обещание будущего.

Но когда-то... где-то... я уже шла этим путем. Я была так уверена в этом, что и в окружающей черноте знала, что за стены вздымаются слева и справа. Эти стены не из гладкого камня. Нет, на них имелись глубоко вырезанные символы. И чтобы доказать себе, что я не ошибаюсь, я приложила правую руку к стене, прижав ее так, что мои пальцы нащупали неровности и ямки от глубокой резьбы. Я не старалась проследить эти отпечатки, я просто знала, что уже была тут.

Однако эти письма не имели отношения к моему таланту. Вокруг них висел налет зла, уменьшающийся; пожалуй, с тех пор, как они были вырублены, за долгие века. Когда я нащупала их, моя плоть отпрянула, будто бы я коснулась огня или сильной кислоты. Пол коридора под моими башмаками был гладким, путь мне не преграждали ни камни, ни трещины. Затем дорога пошла вверх.

Я ощутила завихрения в воздухе, как дыхание. То, что подавало команды моему телу, повернуло меня налево до тех пор, пока мои вытянутые руки не ободрались о выгравированный камень. Теперь я нащупывала дорогу одной рукой, зная с той же уверенностью, будто видела это, что здесь в полу была яма, а единственный путь вокруг нее вел по узкому выступу, который нащупывал мой башмак.

Итак, я прижала плечи к скале, плотно вжалась в нее руками, лицом наружу, к яме. Шаг за шагом продвигалась мимо ловушки, которую даже не видела до тех пор, пока из глубины не пришел вздох и с ним несвежий запах. Казалось, мое путешествие заняло час, хотя могло длиться и минуты, прежде чем я снова оказалась на широкой и твердой поверхности коридора.

Теперь я намеренно сберегала силы, не делая больше попыток разорвать путы, державшие меня. Ибо этот переход потряс меня по причинам, которые, как я была уверена, лежали в глубине той памяти, которая и не была настоящей памятью. Я также чувствовала, что проход поднимается вверх, но таким пологим изгибом, что я сначала этого не заметила. По мере моего продвижения он становился все круче, и, наконец, обнаружилось, что мои ноги нащупали ряд ступенек, — и я поползла по ним. Стена слева от меня была гладкой, и я коснулась ее рукой, чтобы получить поддержку во тьме.

Вверх и вверх... Может быть, я была внутри, в сердцеви- не какой-то горы? Однако я не могла припомнить никакого пика необычной высоты среди тех, что окружали Долину. Нет, настоящая цепь гор лежала к северу и западу: это та, которую мы преодолели на своем пути в Эсмор.

Мои руки поднялись, скорее, по команде Лайдан, чем по моему приказу. Раскрытыми ладонями они ударили по поверхности как раз над моей головой. И я догадалась, что до-

бралась до какой-то разновидности потайной двери, защищающей это место. Я напрягла свои Силы, но не по приказу той, что держала меня в плену, а потому что сама хотела выбраться из этой ловушки.

Сначала я подумала, что выход заперт или на него наложено заклятие. Затем, весьма медленно и неохотно, вход растворился. Серый свет, сходный со светом зимних сумерек, очерчивал площадку с трех сторон. Я сделала еще два шага, которые мне оставались до двери, и с последним усилием с треском преодолела ее, услышав, как она захлопывается за моей спиной. Древняя пыль хлынула мне в лицо, заставив меня закашляться. На момент я заколебалась, не зная, чего ожидать. Потом, потому что должна была это сделать, я пролезла в отверстие. За ним были горы упавших камней, след стены: как будто этот заваленный путь когда-то вел в большую комнату. Но если так, путь был...

...Я мигала и снова мигала. Еще секунду назад я ясно видела следы разрушения — упавшие глыбы, подобные теням. Затем они исчезли. Стены поднялись над землей сами собой, став твердым веществом. Над моей головой теперь была крыша, загораживающая небо. Это место, где был череп? Нет, там были другие колонны, а сам зал был круглым. Возможно, я попала на первый этаж какого-то здания. Оконные проемы были, но давали мало света. Пожалуй, он в основном исходил от светящихся жезлов, расположенных на некотором расстоянии от стен, пульсирующих устойчивым внутренним огнем.

Отверстие двери-ловушки, через которую я вошла, отодвинулось в сторону, как меховой ковер, на который пошла не одна шкура снежного барса. За ним виднелись стулья и разные скамьи, ближе к стене находился стол, на котором стояла чаша из ярко-красного кристалла, переливающегося маленькими красными искорками того красивейшего и редчайшего цвета, какой знает мой народ. Рядом стоял металлический сосуд, поблескивавший и переливающийся золотыми и серебряными нитями, оплетенными в традиционной форме дракона. Его шея изгибалась вверх, рот был открыт, чтобы из него можно было наливать ту жидкость, чем бы она ни была, которая наполняла этот контейнер.

«Все это иллюзия». Мой разум дал быстрый и, я думаю, верный ответ. Хотя... когда я шагнула и потрогала складки ковра, то мои пальцы ощутили мягкий мех. Итак, иллюзия распространялась более чем на одно чувство в одно и то же время.

Я было двинулась к столу, чтобы проверить свою догадку и дальше, но тут воздух закрутился. Это было так странно, что я остановилась, глядя, как сгущается сама ат-

мосфера, формируя тело. И вот — я очутилась лицом к лицу с Лайдан.

Она засмеялась, подняв руку, чтобы откинуть с глаз прядь волос цвета пламени.

— Ну, ты должным образом удивлена, сестричка? Пришло время покориться судьбе, так как есть пространство и кое-какие границы, которые люди так самодовольно всегда принимают за незыблемые и неизменные... Это Зефар...

После того, как она выговорила это название, ее глаза на момент глянули на меня, как будто она ожидала, что я могу узнать это слово. Затем она пожала плечами.

— Не имеет большого значения, помнишь ты или нет, — сказала она. Она широко раскинула руки. Туманный покров, одевавший ее, стал прозрачнее и даже похожим на какую-то обычную ткань. — Все это, — продолжала она, — с готовностью отвечает на мой призыв с тех пор, как я однажды отдала такой приказ. Здесь, где память всего острее, мы можем победить и самое время.

— Однако отсюда вовсе не следует... Ты...

Она села, размышляя, на единственный настоящий стул в этой комнате, расположенный ближе к середине стола. На ее темной высокой спине, обрамленной волосами, пряди волос казались еще ярче.

— Да, мы в Зефаре, сестричка. И в Зефаре есть Нечто, что даже в этом кольцеобразно свернутом времени ты можешь сделать, — теперь она сидела, положив подбородок на кулак и твердо опираясь локтем руки на стол. Хотя ее губы продолжали легко улыбаться, глаза были похожи на кусочки льда, выковыранные из зубов Ледяного Дракона, и из них изливался такой холод, что в этой комнате становилось все холоднее. — Ты связана жизнью с тем, кого называешь Ионаном, хотя некогда у него было другое имя; и он играл дурацкую роль, но недостаточно хорошо. Он умер из-за своих притязаний, но не во времени...

И слово «время», казалось, эхом отдалось в этой комнате, как гонг на большом расстоянии, и этот звук нельзя было отрицать.

— Теперь он снова играет ту же роль, — продолжала Лайдан, — но прошлое не должно повториться. Напротив, его следует подправить. Ионан в сущности ничто, но он, к несчастью, может подтолкнуть к уничтожению время жизни... двадцати жизней... но не может привести их к бытию. Поэтому я воспользовалась тобой, чтобы воздействовать на Ионана. Вот так, сестричка, возьми руку, и все будет так, как мы пожелаем...

Наконец, я обнаружила, что у меня есть язык. Пожалуй, этому помогла мысль, что она собирается сделать из меня

оружие для уничтожения Ионана. Я заговорила, как закаркала, раздались заржавленные, скрипящие звуки, как будто мне в течение двух десятиков лет не давали говорить.

— Как ты хочешь... Разве мы с тобой уже стояли вот так и торговались? — Дразнящий призрак памяти заплясал передо мной еще раз... — Пожалуй, не в точности, но я уверена, что мы когда-то давно уже противостояли друг другу. Тогда я должна знать больше... гораздо больше.

Она засмеялась во второй раз.

— Если ты отыскиваешь в памяти этот совершенно забытый след, то не много же ты найдешь на его конце. Защищай то, что ты утратила тогда, — так же, как утратишь сейчас. Поверь мне, — ее глаза полыхали, точно лед алмазными блестками временами полыхает под солнцем, — ты проиграешь. На этот раз даже меньше, чем когда мы в прошлый раз противостояли друг другу. Да, ты отдашь мне Ионана, и все будет хорошо. Я сделала из этого нечто совершенно определенное. Подойди!

Она поднялась, поманив меня. И с тех пор, как я пришла в сознание, я была всецело подчинена ее воле. Она даже не взглянула назад, чтобы удостовериться, что я следую за ней. Нет, она пошла прямо к спиральной лестнице вокруг круговой внутренней стены и быстро начала подниматься. Я была вынуждена идти за ней.

Так мы пришли во вторую внутреннюю комнату, где потолок был не так высок. Полки и столы здесь были заставлены сосудами всевозможных форм, воронками и маленькими коробочками. С потолка и вдоль стен свисали пучки сухих растений, некоторые из них, думаю, я узнала бы. Но центр комнаты не был занят ничем. Там на полу, выложенная разноцветной мозаикой, — так, что она была здесь постоянно и всегда готова к работе, — находилась волшебная пантограмма. На кончиках ее лучей находились толстые черные свечи, должно быть, недавно зажженные, так как по бокам их были потоки этого дьявольски выглядевшего воска.

За пантограммой был круг меньшего размера, обрамленный черными и красными письменами, нанесенными прямо на каменный пол. А в середине его крепко связанный и с кляпом, зажатым между его широкими челюстями, лежал... Тсали! Хотя... как этого мужчину-Ящерицу можно было доставить сюда, трудно было даже догадаться.

Глава четвертая

Мой мозг инстинктивно попытался коснуться его мозга. Но мои мысли вытолкнулись на невидимый барьер, со-

тканый так сложно, что ничего не могло проникнуть сквозь него, тем более волшебство Лайдан. Она повернулась ко мне спиной, и в этом было презрение. Должно быть, она теперь уверилась в том, что я такое ничтожество, что больше ей не надо напрягать свои силы, чтобы держать меня под контролем. Теперь она сосредоточилась на поисках чего-то на этих заставленных полках, снимая оттуда то закрытый горшок, то сосуд, в котором, точно живая, переливалась жидкость.

Я посмотрела в глаза Тсали и постаралась дотянуться до него, хотя и не могла достичь его сознания из мозга в мозг, чтобы наладить контакт. Я видела, что он узнал меня, хотя в его пристальном взгляде было потрясение и, если я поняла правильно, безнадежность.

Вначале я уже говорила, что узнала о своем таланте потому, что могла общаться с другими жизненными формами, которые не ниже нас, хотя несведущие люди могут считать их таковыми, потому что они ходят, говорят и думают не так, как мы. Народ Ящериц — рентанты, Ворлунги этой Долины, все они произошли от ветвей, совершенно не похожих на наших собственных предков, но они не хуже нас... просто другие.

Например, рыба, плавающая в пруду, освещенном солнцем, корова, пасущаяся на лугу, барс, забравшийся на вершину, — все они ощущают при этом полную любовь к жизни и получают способ мышления, равный нашему по силе, пусть даже мы не можем их понять. Я должна также назвать чешуйчатых. Внезапная вспышка памяти напомнила мне, как ужасно я обеспокоила Ионана, когда однажды он обнаружил меня со змеей; мы были связаны так тесно, насколько позволяло различие в нашей природе.

Но все это были чистые звери, которые не имели в себе ничего от гнили Тени. В то же время здесь, в Эскоре, бродили создания, мысленное прикосновение к которым могло бы широко открыть ворота для вторжения. А интересно, много ли использовала Лайдан этих деградировавших, рожденных в результате порочных исследований, когда в древности вмешивались в природу целого народа для забавы или чтобы обеспечить себя слугами для дальнейшего зла?

Мужчина-Ящерица явно был ее врагом. А что плохого планировала она для него, я не могла сказать. Но как только она отвлекла от меня большую часть своей Силы, оставив ровно столько, чтобы удержать меня здесь, я начала в виде опыта осматриваться, отыскивая какое-нибудь оружие, хоть какого-нибудь союзника, если их можно было здесь найти.

В этой колыбели злого волшебника не было окон, а толстые каменные стены были заставлены полками. К тому же

потолок над моей головой был гораздо ниже, чем в первой комнате. Теперь я увидела, что в углах комнаты висели мягкие комки многолетней паутины, некоторые столь тяжелые от осевшей на них пыли, что выглядели как маленькие дражные обрывки занавесей. И в эту паутину я отправила пробные и слабые поиски мыслей.

Мозг, которого я коснулась, был совершенно чужим. Искра разума вспугнула в нем холодный алчный голод. Я никогда прежде не пыталась вызывать каких-либо членистоногих. И то, что я справилась с таким прикосновением вообще, было моим маленьким триумфом. Лайдан, очевидно, в своей озабоченности не уловила предупреждения, потому что я начала ускользать от сетей колдовства, которые она наложила на меня.

Я отыскала другое ползающее создание, а затем и третье. Держать их было очень трудно, так как уровень их сознания был столь отличен от моего, что это было похоже на нить, постоянно выскальзывающую из пальцев, которую я ловила каждый раз, как она выскальзывала.

Там, в этой паутине, таились охотницы, холодные и смертоносные. У них не было ко мне никакого интереса, и они не хотели иметь ко мне никакого касательства. Но они были там. Теперь я сделала усилие, концентрируясь на самой крупной паутине, какая могла быть, и самой старой. Что-то шевельнулось в дырке, что была в самом центре ее. Итак, я вытянула ее обитательницу к отверстию! У меня не было никакого плана, не было ничего, кроме надежды, да и та была весьма смутной. Но я использовала свой талант и испытала его, вызывая тех, кто жил наверху. Казалось, они питались очень плохо: естественно, не от хорошей жизни. А те, что жили в самой большой паутине, были крупные, с мою ладонь.

Это не были обычные пауки. У них были ядовитые челюсти. Они могли обездвижить свою жертву, заключить ее в паутину, оставив живой, чтобы съесть впоследствии. И крошечные их глазки сверкали дьявольским огнем.

Лайдан закончила приготовления к какому-то неизвестному волшебству, которым она здесь занималась. Теперь она перемещалась вокруг звезды, располагая вторые свечи рядом с первыми, посыпая соединяющие их линии толчеными травами, запах которых был достаточно неприятен.

Теперь можно было догадаться, что именно она собиралась сделать: мы должны оказаться внутри барьера, который она делала очень надежным, а Тсали должен остаться лежать там, где появился, какое бы олицетворение зла она ни собиралась притянуть из потустороннего мира. Тсали был предназначен ему в качестве кровавой жертвы.

Однако она была вынуждена держать меня не под таким строгим контролем, как следовало бы. Затем она начала бормотать слова, которых я не знала и которыми настоящая Ведьма не осквернила бы язык. Слова, должно быть, очень точные к ситуации, иначе она поплатилась бы жизнью за пренебрежение любым из охранительных мероприятий, какие она тут сотворяла.

Самая крупная паутина оказалась на краю с ее опасным созданием, раскачивающимся там и блестящими глазами отыскивающим жертву, мысль о приближении которой я поместила в ее мозг. Паучиха выпустила нить и опустилась, немного покачиваясь вперед-назад, а ее толстое тело, оранжевое с черным, мелькало в воздухе.

Я почувствовала, что создание не довольно запахом трав, поднимающимся снизу. Эта паучиха приготовилась убраться восвояси, но мысленная картина богатого пиршества, которую я послала ей, удержала паучиху. Второй затаившийся комок выпал из своего пыльного логова, затем третий.

— Ах! — Лайдан подняла руки и потеряла их друг о друга, освобождая от последних остатков листьев и стеблей. — Все готово, сестричка. Нужно только шагнуть вперед по зову — жертва будет принята, и тебя будут приветствовать, как одну из нас.

— А если я предпочту не шагать? — Я больше не наблюдала за пауками, чтобы сама Лайдан не взглянула и не увидела их.

— А у тебя нет выбора, — ответила она, — и у тебя нет защиты от того, кого я вызывала; и оно захватит тебя в пространство. Когда тебя вытянут, ты будешь его принадлежностью, и тогда... — она жестом указала на все, что находилось в комнате, — ты будешь изучать все это добровольно. В тебе есть то, что откроет нам двери. Ты не думала, что мы можем вытянуть тебя отовсюду и всегда? И... — теперь она странно взглянула на меня, — я думаю, что ты пошла бы на большее, используя то, что глубоко скрыто в тебе. Ты нашего рода, сестричка, и принадлежишь к тем, кто сам формирует, вместо того, чтобы быть сформированным... И это правда, которую ты не можешь отрицать.

— Я не из Тени, — упрямо сказала я.

Она пожала плечами:

— Что такое Тень, что такое Свет? Ты же слышала только одну историю, да и то рассказанную нашими врагами. Тебе предстоит многому научиться. Неужели мы должны закрывать двери от этого учения просто из страха перед тем, что лежит по ту сторону? Есть только одно, чего следует желать, — это власть. Все остальное разрушается, забывается, поглощается временем. И в человеке не остается

ничего, кроме жажды Власти. Увидишь, ты еще будешь радоваться тому, что ты одна из тех, кому такая Власть может быть дана, как зимнее вино наливают в ожидавшую его бутылку.

В ее словах было нечто, частично находившее во мне отклик. Так же я сомневалась в себе, когда леди Крисвита разговаривала со мной, так во мне и теперь росло сомнение. Я из тела... я хотела изучить его, чтобы использовать свой талант в полную силу! Я хотела... Власти!

Однако теперь поднялась на битву другая моя часть. Власть... ее можно повернуть и исказить, она может поразить также и того, кто ею пользуется. Это...

Первый из пауков висел теперь над Тсали. Я видела его яркие глаза в черепе Ящерицы, перебегающие с меня на это нависшее создание, замечающее также и ее сестер, размазывающих свои нити и спускающихся.

Лайдан подошла и встала рядом со мной внутри звезды. Она подняла маленький черный жезл, который принесла снизу, из той туманной завесы. Она указывала им то на одну свечу, то на другую, и каждая из них вспыхивала чающим, едким светом. В то же время в такт своим движениям она пела.

Внутри меня нарастала тошнота, поэтому я съежилась, прижав руки к груди. Что бы там ни было в моем существе, это было поднято ее волшебством, это было в таком смятении, что раздирало мне тело. И моя решимость усилилась.

В то время как Лайдан призывала то, что она имела Силу заставить повиноваться ей, я фиксировала свою волю на пауках над головой. Я еще не знала, смогу ли ими воспользоваться в качестве оружия, но у меня больше ничего не было. И леди Дахаун сообщила мне достаточно, чтобы я знала, что в таких волшебных делах равновесие должно быть очень точным, и что оно легко нарушается. Лайдан оттородила и круг, и звезду, в которой мы стояли, своими заклинаниями, но не подумала о том, что могло находиться наверху. Свечи испускали запах, который был отвратителен для меня, однако я видела, как Лайдан между словами глубоко вдыхала, как бы набираясь от этого запаха необходимой пищей или энергией. Тогда...

В кругу шевельнулся воздух. Но в его околоращение сверху упал первый паук. Воздух забурлил, и я увидела, как Лайдан остановилась, ее пение споткнулось. Второй и третий пауки исчезли в этой туманной колонне. Лайдан шагнула назад, подняв руку ко рту, как бы потрясенная тем, чему была свидетелем, или что почувствовала.

Я не так чувствительна, как Колдунья, но и у меня было предчувствие скорой беды. Нечто, вызванное Лайдан, отшатнулось: оно было рассержено. И... оно исчезло!

Лайдан вскрикнула, подняв руки к ушам, как бы защищая их от какого-то непереносимого звука. Но я ни к чему не была готова, кроме как к исчезновению вызывающего. Вслед за тем исчезла и Лайдан разом, в мгновение ока. Огоньки свеч погасли, оставив комнату почти по тьме. Я была... свободна...

В один миг я пересекла звезду, схватила со стола нож с крепким лезвием и направилась к Тсали, торопясь разрезать его пути. Между нами больше не было никакого мысленного барьера. Но что-то еще висело в воздухе этой комнаты, в том месте, которое Лайдан называла Зефар.

Тсали встал и его клешнистая рука сильно обхватила мое запястье. «Пошли!» — он выскочил из комнаты, таща меня за собой.

Контуров стен в комнате, контуры всех вещей в ней расплывались, как будто твердый камень таял и утекал в ничто. Сбегая по крушащейся лестнице, дрожащей под нашим весом, я чувствовала каждый шаг. И было понятно: какая бы иллюзия ни была здесь создана Лайдан, теперь она исчезала, и мы могли бы даже попасть в ловушку между временами или, возможно, могли быть, погребены под каменными блоками, которые веками падали бы со своих мест.

Наконец, задышавшись, мы выбрались на открытое пространство, а вокруг нас были только разрушенные угловые камни, заросшие мхом, которые когда-то могли быть частью наружной стены. Тсали не ослаблял хватки на моем запястье. Его голова моталась из стороны в сторону со скоростью, непостижимой для существа моего вида, а сам он стоял напряженно в позе такой постоянной готовности, что мне было ясно: до безопасности далеко.

«Лайдан?» — я нацелила в его мозг единственную мысль.

«Она не исчезла... пока... — он подтвердил мои собственные опасения. — Сейчас она у себя поглощена Ничем... если То, что она вызывала, не обратилось против нее. Там она пестует свою ненависть, которая будет расти и расти, когда она поймет, что случилось в другом месте. И потому что она связана с тобой, ибо только ты можешь открыть для нее время... дверь сквозь время еще раз».

«Но что случилось где-то в другом месте?» — ухватила я за эту часть его предостережения.

«Тот, кого она пыталась пробудить, умер, наконец, на самом деле. Юноша, которого ты называешь Ионаном, и Урук, Владелец Топора, соткали свое волшебство. Ненависть Лайдан, и без того непомерно большая, теперь станет еще больше. Хотя я не думаю, что она тут же осмелится сде-

лать что-нибудь. Слишком уж ее отбросило от нас несвершившееся заклятие. Однако мы с ней еще не покончили».

Тсали выбирал дорогу, все еще держа меня за руку. Прочь, прочь, прочь от этой оболочки древних развалин. Теперь увядшая трава поднималась мне до бедер, а ему почти до пояса.

«Что... почему пауки сделали...» — начала я. Так как эти прядильщицы действовали по моей воле и, несомненно, разрушили волшебство Лайдан, я не понимала, как же могла случиться такая вещь.

«Равновесие всех заклинаний...— начал Тсали. И все еще большую часть своего внимания он уделял тому, что лежало вокруг нас, невзирая на то, что последний из рухнувших блоков остался далеко позади.— Равновесие всех заклинаний должно быть очень точным. Тот, когда вызывала Лайдан, требовал кровавой платы, которую она приготовила для него...— Тсали мыслил спокойно, отмечая факт, как будто не он был той самой платой.— Но когда что-то другое живое попало ему, он был смущен и обозлен, наверное, что Лайдан отыскала его, чтобы он помог ей в ее делах, но приготовила при этом такое скудное угощение. То, из Тени, никому не верит. Заклинания заставили его повиноваться, но если какая-нибудь часть заклинания, сделанная скрупулезно, не выполняется, вызываемый становится свободным от повиновения. Три паука не равны одному Тсали...»— слова заставили меня улыбнуться, несмотря на гнетущее чувство близкой опасности в этом угрожающем мире, которое давило на меня во время бегства.

«Где мы? — спросила я.— Было ли это мое время? И можем ли мы вернуться обратно в Долину?»

«На все твои вопросы,— мой спутник быстро подхватил мои мысли,— я не могу дать полных ответов. Но мы должны идти со всей осторожностью. У Лайдан будет возможность собраться с силами. Когда она обнаружит, что Тарги больше нет,— его чешуйчатая голова качнулась из стороны в сторону,— тогда ее не успокоить ничем, кроме настоящего кровопускания. И поскольку к тому времени она, пожалуй, еще не сможет добраться до тех, кто убил то, что было Тарги, она обратится против нас».

«Ионан? Урук?» — этими именами я задала ему новый вопрос.

Ответ Тсали звучал так, как будто его сознание теперь было занято куда более важными делами.

«Их дорога — это их дорога. И свое дело они сделали хорошо. А вот нам нужно сохранить связь с Долиной. Но мы не можем вернуться, пока Лайдан...»— его мысль метну-

лась, как будто он хотел сохранить ее от меня. Но я с горечью поняла, что он хотел сказать, и сделала это сама.

«Пока на мне лежит заклинание Лайдан?» — Это был практически не вопрос, так как я знала, что это правда, которую я должна принять, собрав все силы своего тела и духа.

Глава пятая

Мы побрели. Тсали выбирал путь таким образом, что мы оказались подальше от развалин. Земля была серовато-коричневой. Поздняя осень наложила на нее свой отпечаток и опустошила ее от всего, что растет, тогда как мороз вытянул жизнь из трав и сорняков, которые так высохли, что слабо звенели на ветру.

Между тем обнаружили остатки дороги в виде глыб, кое-где покрытых нанесенной на них почвой или вспученными корнями безжизненных деревьев. Я озиралась по сторонам в попытке отыскать хоть какой-нибудь ориентир, за который можно было бы зацепиться. Правда, теперь я знала, что не могу еще раз рисковать, возвращаясь в Долину: до тех пор, пока полностью не освобожусь от влияния Лайдан.

Я уже испытывала голод и жажду и просто брела вслед за Тсали. Но вопросы не задавала. Более того, я шла, как в полусне, повинаясь его настойчивости, а внутри себя отыскивала то, что могло находиться там, как часть моего Таланта. Против Лайдан у меня защиты не было. Или я так считала? Интересно, далеко ли она затаилась, стремясь снова сделать меня своим орудием?

Орудием! Каким-то образом моя тревожная мысль зацепилась за это слово. Человек работает двумя способами: использует свой мозг, который сам по себе вовсе не волшебство, и своими руками или теми изобретениями, которые он придумал, чтобы разрешить свои проблемы.

Существуют орудия крестьянина: плуг, чтобы вспахать землю перед посевом, мотыга и грабли, молоток и пила, названий других я не знала. Были орудия, знакомые мне: горшки, пригодные для приготовления пищи на огне, поддерживающие жар, веретено для изготовления пряжи, игла, ткацкий станок, ложка, если хотите, и короткий нож и...

Кроме того, были другие орудия: орудия для войны. Был арбалет, — мои пальцы неосознанно шевельнулись без приказа, как бы потянулись к такому орудию, отыскивая его спусковую кнопку. Были мечи и кинжалы. В те дни, когда мы не могли больше пользоваться стрелами, люди все чаще обращались к ним. Существовали щиты для защиты. И в До-

лине каждый из Зеленого Народа носил на поясе силовой бич. Бичи были детьми молний, прирученными и одомашненными для такой службы.

Все это были орудия, даже разум. Но мое поражение состояло в том, что я не была как следует обучена тому, что можно сделать с тем орудием, которое было дано мне от рождения.

Тсали уклонился идти до конца древней дорогой, потянув меня на восток. Я, спотыкаясь, шла за ним по принуждению, поскольку никаких соображений, куда идти, у меня не было.

День был пасмурный, серый, как иссохшая трава, сквозь которую мы прокладывали себе путь. Но, насколько я могла видеть, облаков не было. Вдруг я уловила звук бегущей воды, который отозвался у меня во рту, наполненном, казалось, пылью. Тсали потащил меня вниз по склону, который становился все круче. Только теперь я заторопилась, так как увидела воду, бегущую среди скал в каменистом ложе.

Я упала на колени на берегу ручья и омыла в ледяном потоке руки, затем сложила ладони чашей и поднесла воду к губам. Тсали отошел в сторону и, притаившись, лакал воду длинным языком. Напившись, я огляделась вокруг более осознанным, пристальным взглядом. Напиться то я напилась, но нужна была также и пища.

Тсали сделал внезапный выпад обеими передними лапами и вытащил рыбу, которая извивалась в его челюстях, а вода капала с его чешуйчатой кожи. Подождав, пока рыба не затихла, он бросил ее на землю позади себя, затем присел на корточки, а его глаза пристально уставились в поток.

Хотя уже я прошла длинный отрезок по дороге своей жизни, сама бы я не убила на съедение никого из живущих. Но сейчас я знала, что подобная логика против меня в борьбе за выживание, и если добыча Тсали означает жизнь и силы, тогда мне придется принять ее. Но я не могла себя заставить коснуться мертвой рыбы, могла только наблюдать, как Тсали выдернул вторую рыбу из ее мира. Он порылся на берегу среди наносов мусора и вернулся с тонко заостренной палкой, которую использовал, чтобы выпотрошить рыбу. Чешую он соскреб подходящим камнем.

Огня не было, да и, как я знала, Тсали в любом случае предпочтет есть рыбу сырой. Я с отвращением смотрела на порцию, которую он положил передо мной. Но мне нужно было выжить, а другой пищи у нас не было. Я заставила себя откусить несколько кусочков жесткой плоти и, давась, глотала. Это было подобно испытанию для будущего воина. Ибо против Лайданы и ее мира мне ничего не оставалось, кроме войны.

Над головой раздался вскрик, так поразивший меня, что я чуть не выплюнула изо рта последний кусочек, зажатый у меня в зубах. Поглядев вверх, я увидела птицу с открытым клювом, готовую издать следующий вскрик, планирующую к востоку как бы для того, чтобы вырвать пищу из наших рук. Ее оперение было таким же пасмурно-черным, как и небо. Но вокруг глаз у нее были огромные круги, глаза поблескивали красным, и это создавало впечатление, что она глядит на нас сквозь точки огня. Прежде я не видела ничего подобного. Я мгновенно напряглась, возбудив свое ушибленное и израненное внутреннее чувство, но не нашла в нем ничего опасного, кроме того, что это птица жертвы. Да, но птица следовала своей свирепой природе, а не приказу Тени.

Ее крик вызвал еще одно такое же существо. Однако, так как они пожирали останки рыбы, выброшенные Тсали, я еще раз исследовала то отдаленное шевеление, которое и не могло быть памятью, потому что, я могла поклясться, в жизни не видела таких птиц, однако... Взмахи их желтовато-серых крыльев, горящая краснота маски вокруг глаз становились для меня все более важными. Я обнаружила, что вскочила на ноги, сжав руки в кулаки и плотно придавив их к груди.

— Нинутра! — закричала я вслух, и голос мой в этот момент поднялся над непрерывным криком птицы.

Нинутра!.. Личность? Место?

Перед необходимостью узнать, я неохотно открыла свой мозг. Я искала, безрассудно искала, глубже... глубже... Прежде такое копание я делала только под контролем леди Дахаун. И в том месте и времени, где я сейчас находилась, опасность могла быть очень велика. Но об этом я сейчас не думала. Мне нужно узнать!

Нинутра... Возник туманный образ. Я отгородила глаза от неба, от птиц, от мира, который знала, обратив свой взгляд внутрь.

«Нинутра — приди!» — такой приказ я отдала этим обрывкам мысли... или памяти... И что такое это было, Нинутра?

Затем появилось ощущение головокружения. Мысленный образ стал четче. Он, я чувствовала, затаив дыхание, наполнился сущностью, и в моем ожидании в этот момент над страхом и благоразумием преобладало возбуждение.

Фигура, вокруг которой держалось облачко пламенного цвета, соответствовало полоскам вокруг глаз птиц. Если бы я только могла отодвинуть этот занавес ослепительного одеяния... и увидеть яснее!

Нинутра — Сила, а не место. Чья Сила? Сила Тени? Что же я тогда вызвала?

Нет, то врожденное предупреждение, которое было усилено уроками леди Дахаун, не явилось к жизни. Однако я чувствовала, что у меня нет уверенности, что это обращено к свету. Не могла ли существовать на этой разорванной и противоречивой земле третья Сила, противостоящая Тьме и Свету, следующая путем, непостижимым и для той и другой?

Я старалась выяснить свое отношение к этому образу или Силе. Свет окутывал это слишком плотно, но постепенно он слабел, как крути, разбегающиеся по воде, когда кто-нибудь бросит в нее камень. Я чувствовала энергию, тепло... горячее... горячее...

Может быть, я вскрикнула, содрогнувшись и стремясь теперь изгнать этот образ, но не могла. Жар опалил меня, но без ощущения гнева. Я чувствовала, что Нинутра может быть просто удивительным, что он очнулся от своей глубокой задумчивости, когда мой слабый вызов побеспокоил его. Может быть, это кто-нибудь из адаптов? Если так, то все, что было в нем от человека, давным давно исчезло. Это была чистая Сила того вида, которого я не понимала, настолько чуждая...

Затем этот образ исчез из моего сознания. С ним частично ушел и жар. Теперь было такое впечатление, будто я гляжу вдоль длинного коридора, стараясь разглядеть фигуру, стоящую в дальнем его конце. Красный жар утекал обратно в это тело. Я сказала «это» потому, что не знала, есть ли пол у этой Силы. Вероятно, была только чистая Сила. И пока я смотрела на это, появилась уверенность, что я или та часть, уже расколота и давно похороненная, пожалуй, другими жизнями и веками, когда-то имела контакт с этой Силой, и эта Сила когда-то отвечала мне. Но это было давно, безмерно давно, и нить, связующая нас, истерлась в пыль.

Я открыла глаза и увидела тоскливый мир вдоль потока. Птицы исчезали. Тсали сидел на корточках на камнях, глядя на меня своими изумрудными глазами. Я заметила, что все еще шепчу это имя: Нинутра. Затем я мысленно заговорила со своим спутником:

«Тсали, кто или что была эта Сила?»

Его голова качнулась, но не ко мне, а как будто к тому изображению, которое я вызвала так таинственно.

«Один из Великих, рожденный не от твоего народа, не от моего и ни от какой-либо другой расы, живущей выше. Один из тех, кто остался с нами до сих пор, пока не поднимутся те, кто искал худшего из Тьмы и не попытался признать ее...»

«Но почему я сейчас увидела это?»

«Не знаю, девушка-Ведьма, если бы не те птицы... — он сделал жест в небо, где я увидела отдаленное колесо крыльев. — Давным-давно когда-то Нинутрой было выбрано потайное место — гора или пещера, где он находился, стараясь иметь как можно меньше контактов с нашим миром. Там же были и те, кто, открывая свой разум и сердце, временами говорили о том, что предстоит в будущем. И когда они становились устами Нинутры, к этому прислушивались даже адапты».

«Тсали... я была когда-нибудь Устами?»

Он покачал головой.

«Не задавай таких вопросов, девушка-Ведьма. У каждой расы, у каждого рода свои легенды. Если мы живем снова и снова, мы должны исчезать в очистительном огне, не так ли? А если это так, то разве мы можем помнить? Не знаю...»

«Я видела... Нинутру... — медленно ответила я. — И... — я охватила себя руками, — была согрета Силой. Я...»

Моя голова пошла вверх. Теперь во мне встрепенулась уже не память, а, скорее, часть знания, вложенного в мой мозг чистым и свежим, как будто бы в воздухе передо мной развернули слиток с еще не просохшими чернилами, с текстом, написанным Хранителем Древнего Знания. Я искала долго. И, как каждый, кто ищет, оставила себя открытой, так что Лайдан была в состоянии проникнуть в ту часть меня, которая оставалась незанятой и готовой для ее нехитрого внушения. Не знаю, как мое видение работало надо мной в те моменты, когда я стояла перед Нинутрой, но теперь некоторые пустые ячейки в моем Мозгу были заполнены.

Тсали стояла, высоко подняв голову, увенчанную гребнем и наливающуюся цветом. Я видела, как его кожа подергивалась и трепетала, как будто бы всем своим телом он выражал эмоции.

«А что теперь девушка-Ведьма?»

«Я делаю то, что должно быть сделано», — оборвала я его полувопрос-полупротест.

Отглядев берег речки у нас под ногами, я нашла то, что искала, — длинную палку, занесенную песком, ломкую, побелевшую, но, насколько было видно глазу, прямую. Я крепко зажала ее в руке. И, как кистью кладут мазки на картину, я нарисовала то, что теперь было вложено в мой разум. Итак, это должно продолжаться и продолжаться...

И вот стало возможным увидеть то, что я нарисовала. Сначала — в виде слабых линий. Затем эта линия изнутри налилась светом, создавая призрачную твердость. Это сияло, как мог бы сиять уголь в утасающем ночном костре. Я уронила палку и стояла, глядя на то, что висело прямо в воздухе до тех пор, пока с моих губ не сорвались звуки, не по-

хожие ни на какие слова. Они были схожи с резкими признаками тех птиц, которые некогда гнездились там, где находилась Сила Нинутры, и теперь пришли пожрать остатки рыбалки Тсали.

Я медленно протянула руку. Во мне жила уверенность, что однажды мои пальцы уже сжимались на том, что неподвижно висело между мужчиной-Ящерицей и мной, и мне следовало собрать свои силы для борьбы, которой я не могла понять.

Красный цвет этой вещи угасал, но появление вещества становилось резче и все более определенным. К чему колебаться? С тех пор, как Нинутра ответил мне, я и в самом деле знала, что это должно быть сделано. Я сжала руку на твердой поверхности, такой же скучно серой, как и небо над нами. И окончательно вытащила из воздуха то, что сотворило Знание, которого я еще сама не понимала, — меч, который все еще казался глазу нечетким, с туманными очертаниями.

— Это сделано по воле Нинутры, — медленно сказала я вслух, — так что это Меч Тени. Он не принадлежит ни Тьме, ни Свету, но, может быть, рожден лишь чьей-то верой. И теперь я заявляю право на него во имя Света!

Я провела призрачным лезвием по воздуху, точно воин, пробуящий равновесие нового оружия. Потому что в этот момент я и была воином. Меч не был так тяжел, как стальной, насколько мне было известно, и не обладал ни острым режущим краем, ни даже острым концом для битвы. Его опасность лежала в другой плоскости.

Мысль Тсали дошла до меня: «Это сделано». Я прочла в этих словах тяжесть предвидения.

«Это сделано, — согласилась я. — Думаю, что для этого я и была рождена. Теперь я то, чем должна быть, то, чем меня задумали. И пусть Лайдан думает, что это она задумала меня такой».

Глава шестая

Странный меч потерял свою вещественность медленно, как распадающиеся клочья тумана, исчезающие под яркими лучами солнца, хотя над нами в этот момент вовсе не было солнца. И скоро я держала... ничто. Однако теперь во мне осталось знание и право вызывать его опять. Я удивленно перевела дух. Мой ум...

Мой ум... Если бы я только могла найти в мире пространство, чтобы рассортировать то, что было сейчас налито без какой-либо последовательности в мое сознание! Теперь у

меня не было другого руководителя, кроме инстинкта и уверенного сознания, что битва еще впереди, такая битва, какой я не могла себе вообразить, хотя кое-что в моей памяти и было создано Силой.

Я смотрела вниз, на свою пустую руку, и знала, что когда бы я ни призвала его, это оружие, выкованное именем Нинутры, вернется. Но Тсали внезапно посмотрел назад, туда, откуда мы пришли. Он зашипел, и гребень на его голове вспыхнул почти кроваво-красным цветом.

«Охотники!» — дошло до меня его предупреждение.

Я была уверена, что эти охотники не из Долины и, пожалуй, вообще не человеческого рода. Поэтому я отправила испытующую мысль, стараясь исследовать пустой промежуток времени и следы Тсали. Хотя узнать, к какому виду они принадлежали, я не осмеливалась, даже ради уверенности.

«Они охотятся на нас», — послала я мысль Тсали. В этом сомнений у меня не было.

«Они идут по следу, но нас пока не нашли», — ответил Тсали. Он разомкнул свои клешни и свистнул.

Итак, на нас охотились. Может, вернулась Лайдан, чтобы предать нас своим дьявольским соратникам? Или на наш след они напали совершенно случайно? Причина их появления не имела значения. Из-за этого появления мне не хватало времени, чтобы разобраться в том новом проявлении моего таланта, о существовании которого я никогда не догадывалась.

«Куда бы нам спрятаться?»

Голова Тсали закрутилась кругом до такой степени, как не смогла бы ни одна человеческая шея. Вокруг нас лежали холмики, но горные высоты лежали далеко позади. И, кроме того, сейчас я бы не осмелилась идти даже к ним. Нигде вокруг не было и признаков голубого камня, обещавших хоть некоторую иллюзию укрытия для тех, кто ненавидит Тьму. Прежде нас наставляли, что такие места могут быть островами безопасности в подозрительном краю.

«Вода», — мой спутник жестом указал на поток, скользящий в берегах, предлагая перейти его вброд.

Ну, конечно, это же старая истина: зло, какой бы природы оно ни было, не осмелится пересечь чистую проточную воду. Я тут же направилась за Тсали, чувствуя, как наполняются башмаки, потому что небольшие волны, возникающие у меня между ног, захлестывали обувь через край. Я поднимала свою разорванную юбку как можно выше, но ее край все равно быстро намок. Пока я неуверенными ногами наступывала подводные камни, замедляющие мое продвижение, Тсали легко несся по воде над ними.

Мой настороженный, измученный разум уловил новую эманацию — как грязь на моем мозгу, как мои ноздри могли уловить зловоние. До сих пор у меня еще не было достаточных данных даже для того, чтобы назвать наших преследователей. Теперь я сознательно старалась не коснуться их снова, чтобы это не выдало нас во время бегства.

Ложе реки было широким, но, по мере того, как мы шли, поток сузился, и перед нами вытянулась кипящая полоска воды, стремнина потока, окаймленная полосами гравия. И из этого следовало, что поток периодически поднимался выше того уровня, какой наблюдался сейчас, но какого еще не бывало в этом сезоне. Поток здесь был мелким и совершенно чистым. Я видела стайку рыб и каких-то бронированных существ, которые ползли по дну, побеспокоенные нашим присутствием. Одно обстоятельство тревожило меня: Тсали шел со мной, тогда как он мог бы оставаться за безопасной стеной, ограждающей Долину. Наконец, я приняла решение и передала ему:

«Тсали, воин не виноват, я приняла судьбу, возложенную на меня, но эта судьба не твоя ноша. Ты можешь вернуться».

Дальше я не продолжала. Он взглянул назад, поверх своего узкого чешуйчатого плеча, и зашипел на меня. Я почувствовала гнев, бурлящий в его мозгу:

«Мы идем вместе, девушка-Ведьма. Разве так бывает у братьев из Рето, чья мудрость сдерживает даже Великого Змея, чтобы если одному из них угрожает опасность, то другой оставил бы его на произвол судьбы, повернувшись спиной к древнему врагу и говоря при этом: «Какое мне дело?»

«Прости, воин, — мне больше нечего было сказать, — но здесь есть... я ощущаю тяжесть чего-то, чего я не понимаю, что может даже меня заставить совершить ошибку в момент, когда мы встретимся с нашими врагами. Я бы никого не хотела тащить туда, где может быть соткана сеть дурной судьбы».

«Какое существо может провозглашать свободный выбор, когда Великие снова проснулись? Наши легенды мало говорят о твоём Нинутре: был ли он из Тьмы или принадлежал Свету, но я думаю, что он из тех, кто отвернулся и от того, и от другого и направился к месту, созданному им самим. И...»

Что он мог бы добавить, я никогда не узнаю. Я опять услышала те же пронзительные крики и увидела, что над нами снова летают те же самые птицы серо-пламенного цвета. Они кружились и пикировали, оглушительно крича. В эти мгновения я начала верить, что они связаны со Злом, которое следовало за нами по пятам, что они разведчики, кото-

рых отправили сюда, чтобы получить уверенность, что у нас нет шансов скрыться.

Я пыталась зажать руками уши от их воплей. Однако они настолько отвлекли мое внимание, что я наткнулась на осклизлый камень и упала на колени, и обжигающе холодная вода дошла мне до запястий. Тсали стоял тихо, пристально, как и я, глядя на этих крылатых бичей. Я видела, что он потирает своими когтистыми пальцами основание гребня у себя на голове.

У него была поза человека, который напряженно вслушивался, как будто в этих непрерывных криках имелся примечательный смысл. Я же ничего в них не понимала, невзирая даже на то, что в прошлом всегда могла установить контакт с любым живым существом. Потому что, когда я осторожно искала мысленного соприкосновения с ними, там не было ничего, даже тех остатков инстинктивного коварства, какие были у пауков, с которыми я работала в волшебной комнате Лайдан. Они были... они были совершенно пустые! При работе я не ощущала даже мысленного барьера. И уж сам факт, что эти птицы так хорошо защищены, вызвал у меня тревогу.

Эти летающие стрелы приблизились, и я наклонила голову, когда одна из вскрикивающих птиц, казалось, собралась атаковать в лицо, выклевать мне глаза. И я вскинула руки, защищаясь.

«Наши проводники», — Тсали казался неподвижным, потому что они летали так близко от его головы, что, казалось, их крылья вот-вот заденут его лицо или гребень.

«Проводники куда?» — с вызовом спросила я, закрываясь плотнее, так как одна из птиц снова направилась прямо на меня.

«Кто знает? — Тсали пожал своими узкими плечами. — Если мы последуем за ними, они прекратят этот шум, который, должно быть, слышен далеко отсюда по всей реке».

Я знала: это выбор из двух зол. Никто и никогда не говорил, что у тех из Тьмы нет коварства. Но поднятый птицами крик и в самом деле должен был насторожить любого на большем пространстве, чем мне бы хотелось.

Тсали уже перебирался вброд на правый берег. Птицы кружили над его головой, уделяя больше внимания все же мне. Медленнее, чем он, из-за намокшей юбки, но и я сделала то же самое. Как только я оказалась на берегу, крики птиц прекратились, как будто их не было вовсе. Наоборот, теперь птицы были молчаливы, хотя и продолжали летать вокруг нас и, главным образом, перед нами.

Мы были уже далеко от района развалин, среди которых мне было как-то не по себе, где я задыхалась. Перед

нами расстился наклонный лут. Высокая трава увяла и почти высохла, но то тут, то там последние задержавшиеся цветы делали клочки земли алыми или рыжевато-желтыми. Однако, не считая птиц Нинутры, поле было пустым. Эта пустота тянулась перед нами вплоть до леса, стоявшего в отдалении.

Мы шли через это огромное поле. Конечно же, после этого за нами оставался такой след, что Темным можно было вынимать нас без каких-либо усилий. Но серость дня сейчас немного рассеялась. Придерживая свою вымокшую юбку, я села, стянула башмаки и вылила из них воду.

Путь через открытое пространство был длиннее, чем показалось сначала. Было такое впечатление, что отдаленная линия деревьев каким-то чудом украдкой отступает при каждом сделанном нами шаге. Птицы Нинутры продолжали молчать, но они кружили и пикировали, определенно следуя некоему шаблону, подгоняя нас в направлении отдаленного леса.

Было очень тихо. А затем такое слабое, что воспринималось лишь как колебание воздуха, раздалось завывание. По дням, прожитым в Долине, я знала, что это зов Серых, тех созданий Тьмы, которые не были ни людьми, ни волками, но являли собой богохульственное слияние тех и других. Сам звук шел от реки, давая мне последний ключ к разгадке природы врага.

У меня на поясе не было ни длинного ножа, ни меча, ни арбалета. И ножны Тсали в поясе для ножа и меча висели пустые, поскольку те, кто взял его в плен, разоружили его, когда схватили. Я услышала, как он шипит, и увидела, что он поднял руки, выпустив когти во всю длину.

Мы бросились вперед с самой большой скоростью, на какую были способны. Если бы Темные поймали нас в открытом поле, у них было сильное колдовство, против которого нельзя было защититься никакой магией. Им нужно было только окружить нас трижды, и мы были бы беспомощны убежать и оказались бы полностью в их воле. Но если бы мы успели добраться до тех манящих деревьев, выполнить такое окружение было бы гораздо труднее.

Здесь птицы оставили нас. Сильно забивая воздух, они выстроились клином и устремились прямо к лесу. Какая бы странная задача ни была поставлена перед ними, пожалуй, она была ими выполнена.

Моя юбка волочилась по земле, что заставило меня дважды споткнуться, хотя я держала ее так высоко, как только можно. И я не могла терять времени, оглядываясь назад, ибо вой охотников раздался снова, уже ближе, значительно ближе... Тсали, не обремененный одеждой, мог бы

быстро умчаться прочь, за пределы видимости, задолго до того, как я бы добралась до укрытия в тех деревьях. Но он не сделал этого. Он остановился, дважды быстро наклонился, каждый раз поднимая камень и крепко зажимая его в когтях. Но разве это защита, при всем его мужестве, против того, что нас преследовало.

Я торопилась изо всех сил, едва ли сознавая, что должна достичь деревьев, так мне было трудно. Дыхание пресекалось, по щекам текли слезы до тех пор, пока я не ударилась о ствол с такой силой, что остался кровоподтек. Затем я ухватилась за эту живую колонну, одетую корой, удерживаясь за нее всей силой отчаяния, понимая, что, если я упаду, подняться на ноги буду не в состоянии.

Рука Тсали поймала мою руку: он заметил, что моя судорожная хватка ослабевает.

«Дальше!»

Он был прав, но я не была уверена, смогу ли. Но когда сзади в третий раз раздался вой, на этот раз близко и в полный голос, паника подтолкнула меня с достаточной силой, и я, пошатываясь, двинулась за Тсали, тащившим меня.

Я цеплялась за деревья, на мою одежду нацепливались колючие шипы низкорослого терновника, когда я вырывалась из зарослей. Дальше, я снова шла дальше. Свет здесь едва брезжил. Я начала понимать, что эти деревья не сбрасывают своих листьев или, скорее всего, своих игл, потому что мусор под моими скользящими и оступающими ногами состоял из коричневатых игл длиной с мое предплечье. И было так мало подлеска, даже терновника, как только мы пробились сквозь опушку леса.

Теперь я снова увидела птиц, рассеявшихся на ветвях и перепрыгивающих все дальше вперед. А мы тянулись за ними, как и раньше, по нашей многотрудной дороге в их кильватере. Не было слышно ни звука, даже ветерок не тревожил ветвей деревьев. Ни один вскрик не вырвался из птичьего горла. Тишину нарушало только мое тяжелое дыхание, но я не смогла сдерживать его. Я снова запаталась и едва не упала, но из последних сил уцепилась за огромный камень справа от себя. И лишь когда мои пальцы вцепились и ободрали мох, покрывающий камень, до меня дошло, что это не ствол, а вырезанная из камня колонна, единого нам разума. Когда я прислонилась к ней, чтобы выровнять дыхание, то смогла увидеть, что она первая в ряду таких колонн, ведущих в глубь леса. И резьба... У меня под пальцами была вырезана птица. Ее глазами служили глубокие ямки, в которых даже мох не укрепился.

Еще один фрагмент этой непамяти, еще один момент видения, или что-то вроде этого... камни на этой дороге, еще

ничем не заросшие! Наоборот, то серые, то сверкающие разными цветами там, где резьба была покрыта краской. Я искала предупреждения о Темных, поскольку здесь не было голубого камня. Но нет... ни Тьма, ни Свет этим местом не владели. Думаю, уже тогда я догадалась, что лежит перед нами! Другая, совершенно другая реальность, с которой и было связано нематериальное в моей крови. Может быть, это и было место Нинутры?

Снова раздался вой, теперь уже совсем близко, должно быть, Серые пересекли луг. Я озиралась в поисках намека на укрытие. Можно было бы прижаться спинами к этому каменно-колонне, но результат был очевиден — долго бы мы не продержались.

Или...

Моя рука сама протянулась вперед в воздух, подготовившись получить что-то невидимое. Я открыла в своем мозгу дверь этому месту, тому хаосу, куда было налито все то, чего я еще не могла понять. Вещество коснулось моей ладони. Я быстро сжала пальцы вокруг того, что попало мне в руки. Появилось алое сияние, будто очерненное свежeproлитой кровью. В моей руке снова был Меч Тени.

И оттуда в меня хлынуло что-то чуждое моему виду, с чем я была вынуждена бороться... Я перевела взгляд с Меча на Тсали и заговорила, потому что теперь знала правду: «Это еще не то место, идем!»

С того места, где мы стояли, я пошла вдоль линии колонны, а птицы Нинутры летели у меня над головой, и, как я хорошо понимала, ужасная смерть неслась по нашим следам.

Глава седьмая

Мы остановились перед огромной аркой, которая была чудом, так как было видно, что она вырублена из цельного каменного блока, столь колоссального, что я не представляла себе, каким образом его можно было доставить на это место или же просто поставить стоймя. Сама арка была гладкой, без резьбы, кроме самого верха, где было вырезано лицо. Глаза изображения, расположенного высоко над нами, уставились на тропинку, по которой мы должны были идти. Лицо было человеческое по очертаниям, но лишенное всякого выражения: такую отстраненность во взгляде не встретишь у человека. И я не могла сказать, кто это — мужчина или женщина. Пожалуй, в его чертах были признаки и того и другого. Но более всего изображение передало то, что в отличие от колонн, которые привели нас сюда, это ли-

цо, казалось, было не тронутو временем, на нем не было и следа разрушения.

Меч в моей руке двинулся сам по себе, поднимаясь вверх в официальном салюте перед этим изображением. Я догадывалась, что здесь было потайное место существ, которые притянули нас. За аркой была только пустая земля или, скорее, песок серебряного цвета. Но на нем с помощью песков других цветов были выложены символы, которых я не знала. Двумя узкими тропиночками, пересекающимися под прямым углом, этот участок был разделен на четыре части, и в каждой из них были свои рисунки и символы.

Я пошла вперед, сойдя с тропинки, которая вела к воротам. Немедленно, как только я пересекла границу, мое тело начало покалывать, волосы зашевелились, как будто вытянутые энергией, с какой я прежде и не сталкивалась. Я не оглядывалась, чтобы удостовериться, что Тсали идет следом. В этот момент мне было необходимо только одно — достигнуть самого центра этого места. Там, несомненно, была Сила, какой я раньше никогда не испытывала, даже в той комнате, где Лайдан творила свой ублюдочный наговор, или в кругах, которые леди Дахаун использовала для ее зеленого волшебства.

Существует много видов магии: зеленая, принадлежащая земле и всему растущему на ней, включая и мастерство врачавателя; коричневая, имеющая дело с животными, нашими меньшими братьями, которых мы можем постараться понять, но мало кто в состоянии сделать это; желтая, голубая, черная. О большинстве из них я немного знала. Но здесь не было ни Тьмы, ни Света, и источник всего этого находился где-то во вне... Но и то, что находилось тут, заставляло меня чувствовать, по мере того, как я храбро двигалась в направлении центра этого места, что я как будто сбросила одежду и омылась в субстанции, которая не была ни жидкостью, ни светом, но обладала свойствами того и другого.

Я шла к центральной точке этого странного участка, открытого песком, где соединялись четыре шаблона, образуя пространство, достаточное лишь для того, чтобы можно было стоять, не наклоняясь ни на одну из четвертей, выложенных символами. И это... и это было мне знакомо!

Всю свою жизнь я не имела настоящего дома, хотя, принятая своими родственниками, я жила в безопасности и радости. Но во мне всегда жила тоска о чем-то еще, за пределами той жизни, какую я знала всегда. Сначала я надеялась найти это в Долине, когда леди Дахаун стала открывать мой мозг тому, чем я могла стать, будь у меня умение и терпение следовать по пути, указанному ею.

Но это...

Я держала меч обеими руками. Пальцы одной сомкнулись вокруг другой. Вплоть до этого момента я слышала, напругаясь с целью разобрать, шепоты, лежащие за пределами моего восприятия, так что в расстройстве могла закричать от ярости и разочарования вслух.

Теперь я подняла голову, увидела небо, то самое небо, которое серостью нависало над нами с самого начала. Птиц там не было, и даже облака разорвались, напоминая о приближающейся угрозе.

И я осмелилась сказать вслух, а не мысленным прикосновением.

— Великий, я здесь!

Мне казалось, что присутствие, которое я так энергично искала, не может быть далеко, что в любой момент я могу увидеть перед собой ту, закутанную в туман форму, которую я уловила мысленным видением, но не смогла различить ее истинных очертаний. Это было место Нинутры, в этом я была уверена, хотя...

Ответом мне было только молчание. Прекратилось даже бормотание голосов, которые так беспокоили меня, потому что я ничего не могла в них разобрать. Во мне появилось ощущение какого-то промаха. Если я уже прошла этим путем прежде, я теперь была уверена, что в очень отдаленном прошлом я, моя внутренняя часть, уже сделала это. Тогда моя вся истинная память об одном оказалась утраченной, оставив меня здесь обездоленной и съезжившейся.

Глаза мои наполнились слезами, и слезы эти потекли струйками по моим щекам. Потому что до сих пор во мне жила уверенность, я сжилась с нею, что знаю все... Я опустила глаза. Ответ не пришел бы, нет. Я больше не была той, которая могла бы проникнуть в те тайны, которые так сильно притягивали меня. Я взглянула на фигуры на разноцветном песке. Некогда я уже знала их. Теперь же мне оставалось попытаться разбудить то, что было похоронено в моем сознании, и чувствовать очень слабо малую часть смысла этих извилин и спиралей.

В моей руке был Меч... он теплый, он... нагревается. Лезвие его стало слабо светиться, как стальное, будто бы этот Меч и в самом деле был выкован для мира в пламени. Жар становился все сильнее, и я все еще крепко сжимала его, хотя мне пришлось до боли закусить нижнюю губу, чтобы выдержать это. Я была всего лишь человеком, и, как я понимала, не для меня было знание запретов в этом месте.

«Нинутра...»

Это слово я выговорила мысленно, собрав все силы, чтобы заслониться от боли в руках. Чувство было такое, будто плоть отделяется от костей, но я все еще держала Меч. Для

этого я собрала все возможности того малого таланта, которым обладала, и могла бы рассчитывать на такую малость, как ответ.

Вдруг в моем мозгу прозвучала команда, резкая и ясная: «Убей!»

Я повернулась на маленьком клочке тропинки. Тсали не последовал за мной в это место. Он замешкался как раз по ту сторону гигантской дути.

«Убей!»

Я сделала шаг, затем другой. Боль в моих обожженных руках могла остудить только кровь, стекающую по лезвию, которое было у меня в руках. Мне нужно было только ударить, и эта кровь брызнет, гася его огонь, который так жестоко наказывал меня за самодеятельность, за вторжение в храм, который теперь не открывался передо мной.

«Убей!»

В этот миг Тсали исчез, на его месте сидел Серый...

Я снова была обманута. Потом осознала и сделала неверный шаг вперед. Затем еще один, уже последний шаг. Но еще более доблестно я боролась в уме. «Я не расплачивалась кровью, Нинутра, — сказала я и ощутила соленый привкус собственной крови, текущей у меня из прокушенной губы. — Я имею дело не со смертью, а только с жизнью!»

Казалось, эти слова были ключом, заржавленным от долгой неподвижности, — они принесли мне освобождение. Я еще держала Меч и видела волдыри от ожогов, покрывающих мои руки, поскольку источник муки был почти на пределе того, что я могла вынести, но только почти.

«Я не пролью крови друга по разуму, Нинутра».

И был другой, долгий миг полной тишины. В состоянии ли я общаться с этой Силой, которая здесь так всевластна? Или ее существо давно улетучилось отсюда, оставив тут только налет?

А затем я была свободна от всякого давления. Рукоять Меча в моих руках охладилась. Я не повернула головы, чтобы убедиться, но была уверена, что то создание из Тени и тумана, которое явилось мне в видении, наблюдает за мной, что меня оценивают то одним способом, то другим. Я даже ощутила очень слабое удивление — первый признак эмоций, которые нарушили безразличие того, кто общался со мной.

Серого в воротах не было. Там стоял Тсали, глядя назад на дорогу, по которой мы пришли, и все его тело было так напряжено, как у того, кто в следующий момент ожидает нападения.

Теперь я могла присоединиться к нему. И была уверена, что знаю, что именно встревожило Тсали: те, кто преследо-

вал нас, осмелились последовать за нами даже сюда. Правда, несмотря на недавний приказ, которому я бросила вызов, у меня не было уверенности, что это место не владения Темных.

Я взглянула на руки. Волдыри исчезли бесследно, а вместе с ними исчезла и боль. Но Меч все еще оставался у меня в руках. То присутствие, которое находилось в этом святилище, оставило меня вооруженной.

Мы стояли рядом: мужчина-Ящерица и девушка человеческого рода, Тсали с куском породы, который он подобрал ранее и нес с собой в руках, держа наготове, чтобы бросить его при необходимости, и я с Мечом Нинутры. Итак, Серые достигли нас, но не по тропинке, отмеченной колоннами, а прямо из леса. Когда они выскочили на открытое место, птицы Нинутры металась и кричали у них над головами. Я увидела кровь, текущую из раны — из вырванного левого глаза переднего из этой вонючей банды.

Тсали бросил камень. Один из Серых хлопнулся на землю с огромной дырой во лбу. Другой взвыл и схватился за плечо. И тут я подняла Меч. Из его острия вырвался жгут огня, яркий, точно огненная плеть, как энергетический бич. И Серые бросились назад.

Но от отряда отделились двое. Один был в капюшоне и маске, с неестественно длинными когтями на руках, которыми он нацелился на мое запястье. Но я рубанула Мечом, и это создание развалилось пополам. Его спутник засмеялся, и этот звук, казалось, привел Серых в ярость. Они зарычали на нее, как собаки, которые знают свою хозяйку и ненавидят ее.

— Итак, служанка того, кто исчез давным-давно, — сказала Лайдан вслух, и я знала, что, судя по ее голосу, она старательно искала, как бы больнее ударить меня, пожалуй, для того, чтобы обманом сделать так, чтобы я ошиблась, — ты, наконец-то, вспомнила и прибежала сама сюда для того, чтобы обнаружить, что Сила, которую ты ищешь, исчезла? Так ты больше ее и не признаешь, поскольку Госпожа Огня первая открыла себе двери и ушла куда-то в другое место...

Я была слегка поражена. Каким-то образом, по не понятной мне причине я думала, что Нинутра был одним из Великих, да, но волшебником. Адапты были одновременно женщинами и мужчинами. Если мое внутреннее «я» служило Нинутре в отдаленном прошлом, я помнила не так много, как думала Лайдан.

— Нинутра исчез, — подтвердила Лайдан. — Прошло уже слишком много лет с тех пор, как закрылись эти ворота. И неужели же ты думаешь, что твой тонкий голосок может

пробиться между разделенными мирами? Но даже если и так, что тебе ответят? Говорили, что он идет своим путем, и нет никого, кого бы он особенно лелеял.

Я не пыталась отвечать на ее вопросы и насмешки. Что-то отвечало мне на самом деле, иначе я не держала бы Меч Тени. Что-то коснулось меня, когда я стояла на месте многоцветных песков. Но не был ли это только отзвук той Силы Нинутры, способной действовать еще немного, ответ тех, кто знал, как эту Силу призвать, кто знает?

А может быть, это самое «что-то» вложило в мои уста ответ Лайдан? Не знаю, но ответила я ей без осознанной мысли.

— Ты искала меня, Лайдан. Теперь ты меня нашла. Давай поборемся. Пусть из нас двоих останется одна.

Какое-то мгновение я опасалась, что она не согласится. Похожая на гримасу, кривая улыбка все еще держалась у нее на губах, когда она заговорила.

— Очень маленькая сестричка, — ее голос звенел от одной насмешки, — неужели ты осмеливаешься вызывать меня?

— Если хочешь.

Ее улыбка стала шире.

— Очень хорошо. — Она щелкнула пальцами, и Серые оттянулись назад. Но горящие их глаза не отрывались от нас, и я хорошо знала, что ее власть над ними, возможно, не будет слишком долгой.

Из своего облачного одеяния Лайдан вытащила наружу тот черный жезл, которым прежде пользовалась для своего волшебства, тогда как я сжимала рукоять Меча Тени. Лайдан ни разу не взглянула на него и не подала знака, что видит, что я держу какое-то оружие. У меня в уме мелькнуло слабое подозрение, что она действительно не видит того, чем я обладаю.

Она нацелила кончик своего оружия на меня на высоте груди. Я видела, как губы ее выговаривают слова, которых я не слышала, но ощущала всем своим телом, как выворачивающую боль. Моя рука сжалась на Мече. Рукоять в моей ладони снова стала нагреваться. Я медленно покачала Мечом туда-сюда в воздухе перед собой, как будто таким жалким действием могла отразить проклятие, которое Лайдан швырнула в меня. Мне казалось, что я даже могу видеть эти слова, которые она, однако, не произносила вслух. Казалось, они превращаются в злобные стрелы, летящие по воздуху и пронизывающие меня. Лезвие моего Меча начало сиять еще более ярко, чем в прошлый раз, но я должна была перетерпеть боль своей плоти там, где пальцы стискивали рукоять.

Затем я увидела, что Лайдан вздрогнула. Ее глаза распирились, взгляд следовал за качанием лезвия Меча. Она как будто впервые увидела его...

— Нет! — Она метнула жезл, как тренированный воин метнул бы копье.

Я видела, как он летит. И тут каким-то странным способом время остановилось на несколько биений сердца. Так что, вместо полета с нормальной скоростью, жезл чуть ли не висел в воздухе, давая мне шанс. Я опустила Меч Тени, борясь с мукой, которую причиняло мне это движение, так, чтобы вся сила его удара обрушилась на черный жезл.

Лайдан пронзительно вскрикнула, ужаснее, чем любая птица Нинутры. Жезл распался на кусочки, рассыпавшиеся на маленькие иглы, усеявшие землю между нами. Каждая из них взорвалась маленьким язычком черного пламени и дохнула вредоносным духом. Но Лайдан корчилась от боли, ее тело извивалось, как будто оно было охвачено исполинской рукой, что выкручивала ее.

Я услышала, как завывли Серые, и увидела, что они как безумные бегут прочь. Двое ослепленных, спотыкаясь и падая, ползли по тропе, затем затихли и остались лежать.

Но Лайдан подвергалась нападению, взвивалась и вскрикивала.

«Убей!»

Еще раз пришел этот приказ, и сейчас я ему не сопротивлялась. Я бросила Меч точно так же, как Лайдан до этого бросила свой жезл. Острие затуманенного лезвия в точности попало в ямочку на ее горле. Она обмякла, ее тело приняло странное очертание, и затем там ничего не оказалось.

Как исчез жезл, так теперь исчезал и Меч Тени. Я стояла с пустыми руками, уставившись на то, что я сделала по этому последнему приказу. Затем Тсали мягко прикоснулся к моей руке.

«Она исчезла, но они... — он указал в направлении молчаливых Серых, — они могут собраться с мужеством, сами или по воле хозяев. Лучше бы нам уйти тоже...»

Я стряхнула его руку с той же мягкостью, как сделал и он. Теперь я держала свои руки прямыми и широко расставленными. Под свинцовым небом кружились и падали вниз птицы Нинутры. Они усаживались на мои руки, мои плечи молчаливо, но так, как будто это было правильно и прилично.

Я подумала об Имхаре. Он был таким далеким, кого я некогда знала и кому желала добра, но с кем меня больше не связывали никакие узы. А затем я подумала об Ионане. Со слабой печалью я осознала внутри себя, что Ионан желал

мне более чем добра, что я могла отдать ему свою руку, и он принял бы ее со страстным желанием. Но я больше не могла сделать этого.

Должно быть, Найденные Врата Нинутры были закрыты в прошлое совсем. Но во мне То, другое Я, которое тихонько шевелилось прежде, уже готово было полностью проснуться. И теперь я не могла избрать дорогу, которая традиционно лежала передо мной, — стать леди Имхар. Но я не могла и принять богатство, которое Ионан желал предложить мне. Я была сама по себе, одна. Я еще не знала в точности, кто или что было это существо во мне, или кем оно могло быть. Но как Меч Тени сжег своей Силой мои руки, так теперь мой дух горел у меня внутри, вспыхивая неукротимым огнем желания изучать, знать, быть...

Я смотрела на Тсали, и мой разум работал, выбирая подходящие слова. Но прежде, чем они сложились, он кивнул:

«Так и должно быть. Ты вкусила Власти... Будь же совершенно уверена, что это не порок».

«Не порок?! — В одном я была уверена: с этих пор Лайдан мне не угрожала. Так много не было мне позволено раньше, что я была обманута Тьмой. — Скажи им, что я должна обучаться... и что я — все еще я... и что ничто не изменит ни меня, ни родственные узы. Клянусь в этом на крови, которую я бы не пролила!»

Я наблюдала, как он уходит. Затем повернулась спиной к столпившимся Серым. И с птицами, все еще окружавшими меня, я повернулась лицом к святыне Нинутры. Или, быть может, это была школа для изучения предметов не этого времени и пространства. Теперь мне казалось, что уже некоторые из линий цветных песков начинают приобретать осмысленное значение, несмотря на то, что Великие, которые начертали их, давно исчезли.

Корона из слоновых рогов

ГЛАВА 1

Дождь лил с надоедливym постоянством, и дорожные плащи висели на плечах таким же тяжелым грузом, каким висел страх на сердцах и умах людей. Те из них, кто не был образованным, кто никогда не удалялся от полей и пастбищ, принадлежащих господам, молились Глом Випер и с опаской смотрели на серое небо, словно ожидая, что вот-вот увидят над собой ее наполненные слезами глаза, почувствуют ее жалость, такую же тяжкую, как проклятие. Даже те, кто волей случая получил образование, тревожились при мысли о проклятии, об осуждении и изгнании, которое обрушилось бы на них.

Мой народ, клан за кланом, прошел через Небесные Врата, которые открыли наши Барды, и оставил за собой не только родину, но и тяжелую память о ней. И теперь мы могли бы спросить, зачем мы едем по этой чужой, заливаемой водой, ужасной стране. Однако, чем дальше мы продвигались на север, тем меньше нам хотелось задавать этот вопрос. Мы были твердо уверены в необходимости этого переселения.

Братья с Мечами, готовые вступить в бой при первых признаках опасности, ехали впереди нас по этой странной, чужой, незнакомой земле, а у Врат оставался в качестве арьергарда другой отряд. С ними были Лаудат и Оуз, чье волшебное пение открыло Врата между мирами, и теперь они закрывали их, так что путь к отступлению был отрезан так же, как и возможность для преследования.

Тот отряд, что возглавлял сейчас нашу колонну, встретил нас сегодня по эту сторону Врат. Братья провели здесь почти целый месяц, изучая то, с чем придется столкнуться здесь по прибытии. Их рассказы были весьма странными и туманными. Они рассказывали о высоких холмах и широких долинах, о том, что тут когда-то жили люди, или какие-то разумные существа, подобные нам. Но теперь страна была пуста, покинута, и оставались только следы их былой жизни.

И все же страна не была полностью безопасной. Тут и там попадались места, где действовали явно враждебные нам силы, и нужно было проявлять крайнюю осторожность, чтобы благополучно избежать эти места. Однако здесь было и много полей, ожидавших плуга, а склоны холмов поросли густой травой, на которой с успехом можно было пасти наших овец, коров, лошадей, тянувших сейчас тяжело груженные повозки.

Каждый лорд, предводитель клана, ехал со своими людьми. Весь скарб был уложен на повозки. Старики и дети ехали в фургонах, а вооруженная молодежь охраняла караван.

И все же мы двигались очень медленно. И не удивительно: овцы и коровы не могли идти быстрее. А кроме того, я полагаю, что эта чужая страна давила на нас. Нам иногда попадались по пути странные колонны и развалины чужой архитектуры. Да и само солнце казалось нам менее теплым и ярким, чем на нашей покинутой родине.

Моим лордом был Гарк, и поэтому наш клан не мог сравниться с остальными ни по богатству, ни по снаряжению, ни по военной мощи. Наших овец легко можно было пересчитать по пальцам. У нас был всего один бык и пять коров, за которыми мы должны были особо присматривать. Наш скарб занимал всего три повозки, на которых восседали несколько молодых женщин, державших при себе маленьких детей.

Я был благородных кровей, хотя и не прямой наследник лордов. Я был последним сыном дяди Гарка. Но тем не менее, у меня был родовой щит, и четыре верных арбалетчика были под моей командой — весьма незначительная сила, чтобы обеспечить полную безопасность клана.

Я был молод и не мог серьезно относиться к своим обязанностям, но со своими людьми, следовавшими за мной с небольшими интервалами, охранял правый фланг нашего отряда. По дороге я внимательно приглядывался к окружающей нас местности, разыскивая среди холмов то, что двигалось и могло представлять хоть какую-то опасность.

Когда мы прошли через Врата, то лорды сразу же заговорили о разумности продвижения по этой дороге. И только Братья с Мечами сумели убедить нас, что дорога ведет через покинутую страну, и никаких следов других людей нет поблизости.

Это и в самом деле была дорога, выложенная большими каменными плитами, очень старая и заброшенная. Тут и там в щели между камнями пробивалась трава и молодые деревца. Нашим фургонам гораздо легче было двигаться по ней, чем по голой целине.

И не только непрерывный, заунывный дождь скрывал от нас эту новую, древнюю землю. Над холмами, по обеим сторонам дороги, кое-где висели шапки тумана. Местами он имел какой-то зловещий темно-голубой оттенок, и это вселяло в нас чувство беспокойства.

Один из Братьев проскакал мимо меня, направляясь к передовому отряду. Я с завистью посмотрел ему вслед. Это были независимые люди. У них не было ни лордов, ни родовых связей, после того, как они принимали Клятву Меча. Их искусство владения мечом, луком, коротким копьём было достаточно хорошо известно каждому, поэтому они всегда могли настоять на своем мнении, даже не притрагиваясь к оружию. Однако и снабжали они себя всем сами. У них даже были свои стада скота, которые пасли пешие братья. Быть принятым в их число было заветной мечтой юношей всех кланов. Но для большинства из них эта мечта так и оставалась навсегда неосуществимой, так как количество братьев всегда было неизменным, и они возобновляли свой состав, заменяя погибших и только...

Я все еще смотрел вслед всаднику, когда ко мне в сопровождении двух всадников подъехал мой лорд Гарк, решивший лично проверить охрану своего каравана. Этот человек вечно был таким же утрюмым и замкнутым, как и страна, по которой мы сейчас ехали, и низкое серое небо над головой. Он говорил мало, но замечал малейшее упущение по службе. Его молчание было высшей похвалой, которую мог заслужить человек на службе у лорда Гарка. Я невольно крепче стиснул поводья в руках, когда ястребиное лицо Гарка повернулось в нашу сторону, туда, где неторопливо трусил наш маленький отряд. Я ожидал, что он сейчас отругает меня за что-нибудь или же пошлет проверить замыкающий отряд, которым командовал его сын Эверад. Однако он просто поравнялся со мной и некоторое время ехал рядом. Его свита держалась на некотором расстоянии позади.

Я не ожидал от него жалоб на отвратительную погоду этой страны или же нареканий на старую жизнь на родине. Я просто ждал, торопливо вспоминая все, что могло вызвать его неудовольствие. Его голова постоянно поворачивалась из стороны в сторону. Он то оглядывал окружающий ландшафт, то старался высмотреть замыкающих воинов клана Рараста, который ехал впереди нас.

— Здесь хорошая трава.

Я был безмерно удивлен этим словам, хотя и знал, что лорд Гарк был из тех людей, кто мог верно оценить богатство страны и кто прекрасно знал, как их использовать с максимальной отдачей. Я знал всех людей в нашем клане,

знал их достоинства и недостатки, знал, что они любят, а что терпеть не могут, как они относятся друг к другу. Я знал свое место в клане, знал, зачем меня обучали искусству владения оружием, знал все, кроме одного: зачем мы пришли в этот мир, каких опасностей старались избежать этим своим переселением.

— Этой ночью будет совет,— продолжал между тем Гарк.— На нем будет решено, где мы будем селиться. Братья с Мечами славно потрудились, произведя кропотливую разведку территории. Страна очень большая. Фортуна может улыбнуться даже тем из нас, кто на старой родине не смог приобрести большого богатства.

Я все еще пытался понять причину такой доверительности и теплоты со стороны лорда. Это было так же невероятно, как если бы вдруг заговорила моя лошадь. И только после того, как прошло первое удивление, слова лорда Гарка стали проникать в мое сознание. Мы находились в огромной стране — открытой для поселения. Среди нас была почти сотня кланов, и большинство из них превосходили нас по численности, по богатству, по всему тому, что делало лорда клана могущественным и влиятельным. И здесь была добрая возможность разбогатеть даже такому маленькому и бедному клану, как наш.

— Уже решено,— продолжал Гарк,— что выбирать можно только одно — либо прибрежные страны, либо внутренние. Сивен, Урик, Фаркон, Лавуан уже высказались за побережье. Остальные из нас должны сделать выбор. Я думаю,— тут он заколебался,— я должен переговорить с тобой, Хевлином, Эверадом, а также со Стигом, когда мы остановимся на отдых.

Моего согласия он не услышал, так как сразу же резко осадил лошадь, развернулся и проскакал туда, где со своим отрядом двигался Эверад. Он оставил меня растерянным и изумленным. Гарк всегда все решал сам и никогда не нуждался в консультациях кого бы то ни было, даже со своим наследником. И вдвойне удивительно было то, что он собирался просить совета у Стига, который был главой полевых рабочих и даже не приходился ему родственником.

«Что у него в голове? Почему он упомянул о прибрежных странах? Мы никогда раньше не селились у моря. Неужели мы забудем наши старые обычаи? А может быть, их нужно просто отбросить за ненадобностью, ведь мы пришли в новый мир и жить здесь будем уже по-другому?»

Я попытался припомнить, далеко ли мы сейчас находимся от моря. Братья с Мечами разведали только небольшую часть побережья. Они говорили об утрюмых утесах, о которые разбивались бешеные волны. Мы не были мор-

ским народом, хотя те из четырех кланов, о которых сказал Гарк, занимались рыбной ловлей на родине.

Утренний туман постепенно рассеялся. К полудню сквозь водяную пыль проглянуло тусклое немощное солнце. Оно прогнало зловещие тени, которые делали эту страну такой чуждой нам. Мы разбили лагерь для отдыха и обеда прямо на дороге. И наши кланы расположились на ней по всей длине, как узелки на туто натянутой нити.

Тут же появились небольшие переносные очаги, которые бережно хранились на первом фургоне. В них подбросили угля и раздули веселое пламя, чтобы приготовить живительный настой трав для поддержания сил путников. Пища состояла в основном из черствых сухарей, которые размачивались в этом отваре. Я быстро расправился со своей порцией, чтобы не заставить ждать лорда Гарка.

Он сидел чуть поодаль на стуле, который специально для него достали из фургона. У ног его была разостлана ковром грубая холщовая скатерть, на которую он и приказал нам сесть. Я осмотрелся. Рядом с Эверадом и Стигом мирно восседал Гевлин — самый старший воин из его охраны. Лицо охранника было таким же суровым и неподвижным, как у хозяина.

— Нам нужно сделать выбор, — начал Гарк, как только мы расселись. — Я разговаривал с Квеном, который проехал по берегу дальше всех. Он мне сообщил, — лорд вынул из-за пояса тоненькую трубочку, раскатал на коленях, и все увидели, что это кусок тонкой кожи. Мы склонились над ней, разглядывая множество непонятных тоненьких линий.

Толстая черная полоса извивалась вдоль всего куска кожи, и к ней с одной стороны присоединялись три тоненьких извилистых линии. В двух местах у черной линии уже стояли жирные кресты. На них и показал Гарк: — Это карта побережья, которую сделал Квен. Здесь и здесь две бухты, которые выбрали для своего поселения два клана, пожелавшие жить у моря. — Палец Гарка двинулся дальше по карте вдоль толстой линии, изображающей побережье, пока не уткнулся в небольшую бухточку. — Здесь река. Она не такая большая, как другие, но вполне судоходна. Река — это хорошее средство для перевозки товаров на рынок, например шерсти...

«Шерсть! — я подумал о нашем жалком стаде овец. — Что мы повезем на рынок?» Все, что мы состригали с них, шло на наши собственные нужды, и каждый из нас мог ожидать не более одной новой куртки или пары нижнего белья в три или четыре года.

И вопрос, который у всех вертелся на языке, осмелился, наконец, задать Эверад.

— И ты, лорд, решил выбрать это место, когда очередь дойдет до тебя, и если оно останется свободным?

— Да, — коротко ответил Гарк. — Там есть и другое... — он замолчал, но никто из нас так и не осмелился спросить, что же там еще есть такое.

Я смотрел на линии, нарисованные на коже, и пытался представить, что они означают: море и землю, реки и широкие поля, готовые принять наши плуги и наши небольшие стада? Но они упрямо оставались только линиями, и я ничего не мог разглядеть за ними.

Гарк не просил у нас ни совета, ни обсуждения. Я ничего другого и не ожидал от этого совещания. Он созвал нас только для того, чтобы сообщить свое решение, чтобы мы приготовились к тому, что выберет он, если фортуна при дележке будет благосклонна к нему.

Река, которую указал Гарк, лежала на севере, далеко за теми бухтами, которые уже выбрали первые знатные лорды. Я подумал о том, сколько же времени займет у нас это путешествие. Была весна, и скоро предстояло заниматься севом, если мы хотели получить пищу на следующий год.

Никто не мог сказать, насколько суровы здесь зимы и как скоро они наступают. А сколько времени длится здесь период созревания хлебов?.. Слишком долгое путешествие могло привести нас прямо в зиму — зиму без всяких запасов пищи. Этого боялись люди любого клана. Но все же основной выбор делал Гарк, а ни один лорд не поведет своих людей на гибель, если у него есть возможность избежать этого.

Вечерний совет лордов состоялся в самом центре каравана, вблизи того места, где расположились многочисленные повозки и фургоны лорда Фаркона. Костер ярко пылал, и вокруг него широким кольцом сидели лорды. Ближайшие родственники их располагались за спинами своих господинов. Лаудат и Оуз, оба кутающиеся в свои серые дорожные плащи, словно они страдали от промозглой сырости больше остальных, а также Вавент, уже десятый год капитан Братьев с Мечом, находились в центре этого круга.

Оба Барда были усталыми, изможденными, с серыми осунувшимися лицами. Открытие и закрытие Небесных Врат отняло у них слишком много сил и едва не привело к смерти, но они с честью выполнили возложенную на них задачу. Первым заговорил Вавент.

Он снова коротко описал страну, в которую они пришли со своей родины. В ней нет широких степей и полей. Она вся перерезана холмами, между которыми располагались долины — одни богатые и плодородные, другие же, напротив, — голые и пустынные. Он также рассказал о ре-

ках, которые я видел на карте Гарка, о двух великолепно расположенных бухтах.

Он не успел закончить, как его прервал лорд Фаркон.

— Ты совсем ничего не рассказал, капитан Вавент, о тех странных местах, которые были оставлены Старым Народом, да и о самом народе, населявшем некогда эту страну. Может быть, они еще где-то остались, и тогда не возьмут ли эти люди мечи, чтобы защитить свою землю так, как это сделал бы любой из нас?

Послышался разноголосый шепот. Я увидел, как Оуз выпрямился, словно собираясь встать для ответа, но не встал, а предоставил право для ответа Вавенту.

— Да, когда-то в этой стране жили люди,— с готовностью признался капитан.— Но те, кто жил здесь, давно ушли. Они многое оставили после себя, но все это уже безвредно. В основном эта страна — земля мира и покоя, но есть здесь и такие места, и в этом я не собираюсь вас обманывать, лорды, которые прямо-таки являются сосредоточением зла! Вы их легко узнаете по ужасному зловонию. А также будет лучше, если вы не будете иметь дело со зданиями и развалинами, оставшимися от старых дней. Мы проехали эту страну вдоль и поперек, но не обнаружили ничего, кроме диких зверей, ни малейшего следа бывших обитателей этой страны. Теперь эта страна пуста, и мы не знаем, почему...

Лорд Рольфин покачал головой. Свет костра отразился пламенными бликами от трех красных камней, украшающих его шлем.

— Значит, вы не знаете, почему те, кто жил здесь, оставили эту землю? — повторил он.— Следовательно, мы можем столкнуться здесь с каким-то неизвестным, невидимым врагом.

Опять волна шепота пробежала по кругу. Когда она смолкла, со своего места поднялся лорд Оуз. Он отбросил капшон плаща со своей головы, чтобы все могли видеть его седые волосы и тонко изборожденное морщинами лицо.

— Эта страна,— сказал он спокойно,— пуста! С тех пор, как мы вошли сюда, мы не смогли почувствовать ничего, что могло бы оказаться враждебным. Прошлым вечером, лорды, я и Лаудат пели песню предупреждения и зажигали Пламя. Оно горело ровно и спокойно. Ничто не воздействовало на нас, и ничто не противится нашему переселению сюда. Здесь есть следы старых сил — мы не знаем, что они из себя представляют, но Пламя не может гореть там, где присутствует Зло, где готовится война.

Я услышал, как недовольно хмыкнул лорд Рольфин. Все хорошо знали, что он всегда ищет угрозу в новом месте, од-

нако он никак не отреагировал на заверения Оуза. Ведь на самом же деле Вечно Живое Пламя не может выжить там, где Зло окружает его. Я услышал запоздалые вздохи облегчения со всех сторон.

После этого Вавент выдвинул ногой большой медный таз, который Лаудат поставил перед ним. Капитан наклонился и поднял его обеими руками.

— Здесь, лорды Халлака,— голос его звучал торжественно, как будто он произносил ритуальные слова,— лежит ваш жребий! В свете Вечно Живого Пламени все лорды равны. Так было раньше, так будет всегда! Так пусть же каждый из вас испытает судьбу, и утром, когда мы дойдем до первых долин, кто-то из вас уже закончит путешествие и обретет новый дом.

Держа таз на уровне глаз сидящих лордов, он обошел круг, останавливаясь перед каждым из них. При этом лорды вытаскивали кусочек кожи, где был обозначен надел земли, который фортуна послала ему. Но все знали, что, когда дележ закончится, желающие смогут обменяться своими наделами по взаимному согласию.

После того, как Вавент обошел круг и уселся на свое место, встал Оуз и пошел по кругу с маленьким серебряным сосудом, предлагая его тем лордам, которые отказались от результатов первой жеребьевки. Все знали, что он предлагает попытать счастья тем, кто выбрал побережье. Гарк тоже протянул руку к сосуду Оуза, вызвав тем самым удивленные взгляды соседей-лордов. В протянутой руке Гарка чувствовалось напряжение и волнение ожидания, но никаких эмоций не отразилось на его бесстрастном лице.

Никто из лордов не смотрел, что они вытаскивали, пока жеребьевка не окончилась. В сосуде Вавента осталось еще несколько кусков, а в сосуде Оуза было пусто. Он перевернул его перед лордами вверх дном, а затем вернулся на свое место.

Все сидели и молча ждали, пока Вавент не вернется на свое место у костра. И только когда он сел у огня, лорды начали разворачивать свои свитки, которые извлекали из сосудов, и смотреть письма, начертанные на них. Братья с Мечами и Барды, еще до того, как Кланы прошли через Врата, разметили и разделили все земли, и теперь каждый знал, куда ему идти, где поселиться и что его там ждет.

Нам всем не терпелось узнать, что же вытащил Гарк, но он, как и все остальные лорды, не торопился сообщать нам результаты жеребьевки. Вокруг слышались предложения по обмену. Одним нужно было больше полей, другим — пастбищ для скота. А мы все сидели и молча ждали, еле сдерживая себя, пока наконец Гарк не произнес:

— Пламя было милостиво к нам! Мы получили земли при реке в той бухте, что я наметил.

Это был подарок судьбы, который люди довольно редко получают. То, что он вытащил по жребию именно ту землю, которую выбрал для себя, казалось подстроенным заранее, или же на этот раз он получил могущественного союзника в лице фортуны.

Я увидел одного из Братьев с Мечами, который вышел из тени за внутренним кругом, куда костер бросал неверный, колеблющийся свет. Это был Квен, тот самый, который первым рассказал нашему лорду о землях на побережье. Он подошел к Гарку и спросил с любопытством:

— Ну как, повезло, лорд?

Гарк поднялся на ноги, зажав полоску кожи в кулаке. Он одарил Квена одним из своих пронзительных взглядов, которые заставляли любого подчиниться его приказам. Но Квен не был его подданным или родственником, и поэтому стоял спокойно, как будто беседовал с Гарком о погоде.

Квен был того же возраста, что и Вавент. Он был капитаном до него. Я решил, что ему столько же лет, сколько и Гарку, но в волосах его не было седины, а тело было юношески стройным. Он обладал грацией хорошо тренированного воина и передвигался стремительно, легко и бесшумно.

— Я вытащил, что хотел, — ответил Гарк на вопрос. — Но туда очень долго идти. — Он смотрел на Брата с Мечом, словно ожидая от него каких-то других и очень важных слов.

Квен ничего не сказал, и Гарк отвел от него взгляд, спокойно уставившись на пламя костра. Он был человеком, чьи мысли невозможно прочесть, но мне почему-то показалось, что он не так уж доволен результатами жеребьевки, как старался показать нам. Во мне шевельнулся червячок сомнения в том, что жребий пришел ему только из рук одной фортуны. Хотя я и был уверен, что ни Вавент, ни Оуз не будут вмешиваться в жеребьевку даже для самых влиятельных лордов среди нас, а Гарк был довольно посредственным и по богатству и по влиянию.

— Будет лучше, — сказал Квен, — если те, кто решил сесть у моря, поедут вместе. Есть еще одна дорога, которая ведет сначала на восток, а затем поворачивает на север, но она гораздо древнее и находится в еще более плачевном состоянии. Если же вы поедете вместе, то сможете помогать друг другу в случае необходимости.

Гарк кивнул, заткнул кусок кожи за пояс. Затем он произнес четыре имени с вопросительной интонацией:

— Сивен? Урик? Фаркон? Лавуан?

— И еще Милос и Тутнес,— добавил Квен.

Гарк бросил на него такой взгляд, что моя рука автоматически потянулась к мечу, и я осознал это только тогда, когда мои пальцы охватили рукоятку. Память должна была остаться за Вратами, исчезнуть, когда мы вошли в этот мир, но кое-что осталось. Тутнес всегда был врагом клану Гарка. Эта вражда началась давно и пролила много крови, хотя теперь она выражалась только в том, что они не обращали внимания друг на друга и не ходили туда, где могли встретить противника.

— Где? — коротко спросил Гарк.

Квен пожал плечами.

— Я не спрашивал. Твоя земля самая северная. Значит, он где-нибудь к югу.

— Хорошо.

— Мы свернем с дороги перед заходом солнца. Я поведу Братьев, сопровождающих поселенцев у моря,— сказал Квен.

Гарк кивнул и не попрощавшись пошел к своему лагерю, что располагался неподалеку. Он не сказал нам ни слова, но мы все как один встали и последовали за ним.

И хотя я очень устал за день — очень утомительно и трудно было приноравливаться к медленному шагу коров и овец,— но все же, когда я завернулся в плащ и положил голову на седло, заменявшее мне подушку, уснул далеко не сразу же. Я лежал и слушал звуки лагеря. Вот в фургоне женщин заплакал ребенок — видимо, внук Стига. Вот еле различимый хруст травы, которую жуют овцы, а это храп и стоны уже уснувших переселенцев. Гарк скрылся в маленькой палатке, где жил один. С того места, где я лежал, можно было видеть, как в палатке появился свет: это Гарк зажег свечу. Возможно, он рассматривает подарок, который фортуна преподнесла ему сегодня.

Я подумал, что фортуна была милостива к нам, но очень встревожился, когда узнал о выборе Тутнеса. Это было наихудшее, что можно было предположить. И если нам в будущем придется жить рядом, то жизнь наша будет проходить в постоянном ожидании нападения. И единственное, на что мы могли надеяться, это хрупкое перемирие. Это была неизвестная страна, покинутая своими прежними обитателями по не известной нам причине. Хотя Барды и Разведчики утверждали, что врагов здесь нет, оставалось еще одиночество, которое чувствовалось тем больше, чем дальше мы продвигались на север. Жизнь здесь будет в основном зависеть от помощи добрых соседей. Ведь может наступить такой момент, когда все люди Халлака должны

будут встать как один на защиту жизни, забыв все старые распри и ссоры.

Но здесь был не Халлак, Халлак навсегда остался позади. Эту страну мы называли Высокий Халлак потому, что она была страной гор и холмов. Такой она останется в памяти Бардов с того самого времени, как они впервые вошли сюда.

Сон все не шел и не шел ко мне, хотя свеча в палатке Гарка уже погасла. Я посмотрел в ночное небо, стараясь отыскать знакомые звезды. Но меня охватила дрожь и мертвенный холод. Волосы зашевелились у меня на голове потому, что надо мной сияли совершенно незнакомые звезды. Я тщетно метался взором по ночному небосклону. Где же Стрела, Бык, Рог Охотника? Их не было, как не было и многих других.

Дождь прекратился несколько часов назад, и небо постепенно очистилось от туч. В нем сверкали тысячи звезд, но все они были чужие, новые и незнакомые! Куда привел нас путь через Небесные Врата? По внешнему виду эта страна была такой же, как та, которую мы покинули: та же земля, трава, кусты, деревья... И только звезды здесь были совершенно другими. Мы очутились в стране, где должны были жить, но находились страшно далеко от страны, где родились...

Я лежал и дрожал под теплым плащом, глядя на далекие чужие звезды, которые в большей степени, чем наше путешествие через ворота, дали мне понять, что мы теперь действительно изгнанники; и что единственное, что будет помогать и поддерживать нас здесь, это наши силы, и далеко не единственное, с чем придется нам бороться здесь, — это наша слабость. Что может ожидать нас впереди? Я подумал о море, о выборе Гарка, и во мне проснулось желание поскорее исследовать этот новый мир, чтобы понять многое, к чему стремится мой разум. Но, с другой стороны, мне хотелось как-то укрыться от тех опасностей, которые могут находиться в этом новом и неизвестном мире. В конце концов хаос моих мыслей и чувств окончательно сморил меня, и я провалился в темное беспмятство сна.

ГЛАВА 2

Позади остались широкие долины, в которых поселились люди Фаркона, Сивена, Урика, Лавуана. Справа от нас непрерывно бушевало море. Наш караван становился все короче и короче. Мы могли лишний раз удостовериться, что страна эта действительно покинута ее обитателями, хо-

тя нам постоянно встречались развалины домов и мостов. Изредка мы натыкались на древние дороги, идти по которым было гораздо легче и быстрее. Квен и три Брата ехали впереди, указывая места, где, по их понятию, таилось неведомое и неизвестное, а значит, почти наверняка опасное. Они останавливались поодаль и долго совещались между собой. Они явно не доверяли излучениям этих мест.

Мы видели башни, здания, вымощенные площади, окруженные колоннами, вытесанными из огромных каменных монолитов. Меня очень заинтересовали люди, которые смогли проделать такую воистину титаническую работу: вырубить громадные камни и положить их друг на друга. Я ехал и размышлял: за какую же провинность наказали они себя таким тяжелым трудом?

Самая большая и самая богатая часть побережья осталась далеко сзади нас. Мы уже двадцать дней ехали только на север. Дважды за время нашего путешествия нам приходилось подниматься вверх по течению рек, преграждавших нам путь, чтобы отыскать брод. К счастью, реки были спокойными в это время года, и мы спокойно переправлялись через них. Правда, это каждый раз отнимало у нас лишний день пути.

На двадцать четвертый день путешествия люди лорда Милоса оставили нас. Они свернули на запад и двинулись по узкой долине. Один из Разведчиков поехал с ними в качестве проводника. На нашем пути не было реки, но нам все равно пришлось обходить крутые горные хребты, окружающие долину, прямо по песчаному берегу моря. Мы сердечно попрощались, договорившись на будущее о встречах. И я уверен, что во всех нас — и тех, кто остался, и тех, кто продолжал свой путь дальше в новые земли, — зрело ощущение того, что наши старые связи рвутся навсегда, и что мы все будем горько сожалеть об этом в будущем.

Правда, все мы сплотились за время этого долгого путешествия. Мы понимали, что одиноки в этой странной стране. Уже не оставалось, по крайней мере на поверхности, старой вражды с Тутнесом и его людьми. Мы все работали вместе, перетягивая телеги через броды, перевозя на седлах овец и ягнят, не думая, кому принадлежат они. И хотя на ночь мы располагались по-прежнему отдельно, люди непрерывно ходили в гости друг к другу.

Именно тогда я и увидел впервые эту стройную девушку, которая ехала на мохнатой лошади. Лошадь без всякого труда несла на себе девушку и два громадных кожаных мешка и каждый раз косила глазами и показывала желтые зубы, когда кто-либо приближался к ней. Несмотря на

свою кажущуюся хрупкость, девушка была сильной и выносливой, как любой парень, и во всем была независима, что так выгодно отличало ее от прочих женщин клана, работавших на полях. Я чувствовал, что она уверенно вела бы себя и за столом лорда.

На третий день нашего путешествия я выделил ее из числа остальных женщин, которые путешествовали с нами, чтобы внести свой вклад в освоение новой земли. Она медленно двигалась за маленькой тележкой, лишь немногим больше тех тележек, на которых крестьяне вывозили излишки урожая на рынок. Повозку тащили два таких же мохнатых животных, как и то, на котором она ехала. И лошади, и сама повозка были унылого серого цвета. Люди нашего клана обычно раскрашивали свои повозки и фургоны в яркие цвета, и это было предметом их гордости перед остальными. Но серая повозка явно выделялась среди них. На повозке был укреплен балдахин, под которым сидела, управляя лашадьми, пожилая женщина. Она была одета в плащ такого же уныло серого цвета, как и все остальное. Но я с первого взгляда узнал в ней Мудрую Женщину.

Эти две путешественницы, как я решил, ехали сами по себе, не примыкая к людям лордов. Я заметил, как Оуз однажды подъехал к повозке и перекинулся с женщиной несколькими фразами, причем девушка при этом отъехала чуть назад, чтобы уступить ему место у повозки. То, что Бард говорил с этой женщиной, могло означать только одно: она принадлежала к тем, кто обладал Внутренним Знанием, несмотря на то, что она была почти нищая.

Я думал, что они свернут в сторону вместе с кланами знатных и богатых лордов. Ведь там у них почти наверняка была бы работа по лечению больных, физических и духовных. Однако кланы отделялись и уходили, а эти двое со своей повозкой оставались и продолжали свой путь.

Никто не смеет задавать вопросов Мудрой Женщине. Они не молятся пламени, но никто не вправе порицать их за это. Они обладали своим таинственным искусством, и многие матери и воины благодарят и благословляют их за это. Они свободны в своих желаниях приходить и уходить. Они служат всем, никогда не задавая лишних вопросов. Однако каждый может узнать то, что захочет. Так я раскрыл, что девушку зовут Гатей. Она была сиротой и подкидышем, которого Мудрая Женщина взяла на воспитание. Таким образом, она жила отдельно от народа и не принадлежала ни к простому люду, ни к тем, кто живет в холлах.

Ее трудно было назвать красивой: тело девушки было слишком худым, кожа слишком коричневой, а черты лица слишком острыми. Но было в ней что-то привлекающее.

Может быть, та свобода, с которой она ходила и ездила, ее независимость, которая поражала сердца мужчин. Я поймал себя на том, что думаю, как же она выглядит во время праздника, когда вместо куртки и камзола на ней надето длинное платье, а волосы не заколоты вокруг головы, а распущены, и в них искусно вплетена серебряная цепь с тонко позванивающими колокольчиками, как у дочери Гарка Инны. Но я не мог себе представить Инну, перевозящую через реку отчаянно лягающуюся овцу. Одна рука крепко держит животное за шерсть, а другая подгоняет лошадь, заставляя ее идти вперед.

И когда Мудрая Женщина не повернула за фургонами Милоса, я был очень удивлен. Я не думал, что она решила ехать с людьми Тутнеса. Она с девушкой никогда не оставалась в их лагере, а разводила свой собственный костер в стороне от лагеря. В соответствии с обычаями, Мудрые Женщины никогда не жили в обществе, но всегда искали место, где они могли бы варить свои травы и вершить таинственные дела, многие из которых были окутаны покровом тайны и не могли быть раскрыты непосвященному.

Тащить повозки по песку было очень трудно, и мы теперь передвигались еще медленнее. Этой ночью мы устроили лагерь прямо на берегу, возле утесов. Для многих из нас море было чужим, и мы с опаской поглядывали на него. Только дети чувствовали себя превосходно. Они искали ракушки, охотились на морских птиц, которых здесь было превеликое множество.

Когда лагерь был разбит, неудержимое любопытство привело меня к берегу, туда, где одна волна догоняла другую, чтобы с тихим шорохом умереть в песке. Воздух на берегу был таким, что им до отказа хотелось наполнить легкие. Я смотрел на темнеющие воды и удивлялся мужеству тех, кто строит хрупкие деревянные скорлупки и пускается в плавание по этому загадочному бурному морю, вооружаясь только своим искусством интуиции. Я смотрел на мерцание воды в небольших лужах между камней. В них кто-то жил: странные создания, каких я никогда не видел. Они удивили и заинтересовали меня. Я опустился на корточки у одной из луж и принялся наблюдать за ними, за их жизнью и охотой. А они действительно были охотниками и добывали себе пищу, как любые сухопутные существа, пожирая себе подобных.

Неожиданный плеск воды оторвал меня от наблюдений. Я повернулся и увидел Гатею. Ноги ее были босы, а брюки завернуты выше колен. Она стояла в воде и изо всех сил тянула длинную красную водоросль, похожую на ви-

ноградную лозу. С водоросли свисали большие листья, держалась она крепко, и Гатей, несмотря на все старания, не могла вытащить ее. Я не успел и подумать, как уже сбросил сапоги и, даже не заворачивая штанов, вошел в воду и тоже взялся за водоросль позади Гатеи. Я стал помогать ей. Девушка оглянулась через плечо. Мгновенная тень мелькнула на ее лице, но затем она согласно кивнула, принимая мою помощь, и мы стали вдвоем тащить упрямое растение.

Но водоросль не поддавалась нашим совместным усилиям. После нескольких безуспешных попыток я вытащил меч. Она снова кивнула, но требовательно протянула руку, и я, опять же не раздумывая, отдал ей свой меч. Девушка двумя быстрыми ударами разрубила водоросль. Одной рукой она подхватила упругий стебель, а другой протянула мне меч рукояткой вперед.

— Благодарю, Эльрон из дома Гарка.

Голос ее был низким, хриплым, как будто она говорила очень редко. То, что она знает мое имя, тоже было весьма удивительно, так как никто из наших ни разу не говорил ни с ней, ни с ее хозяйкой. И к тому же я вовсе не был заметной фигурой в нашем клане.

— Что ты собираешься делать с этим? — спросил я, выходя на берег и помогая ей вытащить водоросль.

Гатей не отвергла моей помощи, но и не попросила меня о ней.

— Листья нужно высушить и растолочь, — заговорила она тем тоном, с каким крестьянин рассказывает о себе. — Этим порошком хорошо удобрять почву. А, кроме того, она обладает и другими свойствами, о которых знает Забина. Это хорошая находка, да и сорвали мы ее с тобой в подходящее время.

Я посмотрел на скользкую длинную ветку, которую мы вытащили из воды. Песок налип на ее острые листья. Я подумал: как часто бывает так, что вещи оказываются лучше, чем они кажутся. Затем она ушла, не сказав больше ни слова и волоча ветку за собой, пока я стряхивал песок и натягивал сапоги.

Приближался вечер, и я направился в наш лагерь, чтобы поесть и поразмыслить над тем, что принесет нам следующий день, и сколько нам еще идти, пока мы доберемся до той земли, которую выбрал Гарк для нашего поселения.

Я приготовил себе похлебку из сушеного мяса, хлеба и воды и принялся ужинать. Но ложка моя остановилась на полпути ко рту, когда я увидел двух незнакомцев, подошедших к центральному костру. Квен, который сидел рядом с Гарком, махнул им рукой, но сам Гарк не поднял руки в знак приветствия и только смотрел на них неотрывным безразличным взглядом, не выпуская из рук рог для питья.

И тут я узнал лорда Тутнеса. Я видел его много раз за время нашего путешествия: но впервые он был так близко от меня, что я мог при желании дотянуться рукой до его ножен. Он был низенький, но широкоплечий. Его любимым оружием был боевой топор, и постоянные упражнения с ним развили у него колоссальную физическую силу. Когда он сидел на лошади, то выглядел весьма внушительно, но пеший он передвигался маленькими шажками и казался еще более тяжелым, чем был на самом деле.

Как и на всех нас, на нем поверх дорожного камзола была надета кольчуга. Шлем он держал в руке, и ветер играл его жесткими красно-коричневыми волосами. В отличие от людей нашей расы, которые имели скудную растительность на лице, у него была широкая окладистая борода, которой он очень гордился. Над широким ртом торчал нос, который в юности был сломан и теперь был сильно искривлен и расплюснут. Из-за этого Тутнес постоянно фыркал.

На шаг сзади стоял его сын. Он был тоньше в кости, но выше своего отца почти на голову. В руке он держал копье. Выглядел он совсем не по боевому, но каждый, кто знал его или слышал о нем, понимали, что не так он прост, как кажется. Ему не было равного в искусстве стрельбы из арбалета. Но он всегда был лишь тенью отца, и самому ему мало приходилось действовать самостоятельно и принимать ответственные решения. Когда к нему обращались с вопросом, он терялся, делал испуганное лицо с вытаращенными круглыми глазами и в большинстве случаев отмалчивался.

Лорд Тутнес сразу же начал разговор по существу. Так же в бою он пускал в ход и свой топор, предпочитая не тратить время на никчемные переговоры. Однако обратился он к Квену, старательно не замечая Гарка, даже не глядя в его сторону, и повернулся боком к своему старому заклятому врагу.

— Когда же мы, наконец, выберемся из этого дьявольского песка? — спросил он и яростно пнул ближайшую кучку песка, чтобы Брат Меча не сомневался, о чем идет речь. — Мои люди устали. Они оборвали все руки, помогая лошадям вытаскивать повозки. Ты обещал нам землю. Где же она?

На лице Квена не появилось и тени смущения. Он молча поднялся и встал против Тутнеса, глядя ему прямо в глаза сверху вниз. Большие пальцы его рук были заложены за пояс.

— Если Пламя будет милостиво к нам, лорд Тутнес, к завтрашнему вечеру мы будем на расстоянии полета стрелы от твоей земли.

Тутнес фыркнул. Я видел, как его пальцы сжались, словно стискивая рукоять боевого топора. Глаза яростно сверкали из-под густых бровей.

— Нам нужна хорошая земля! — Он снова пнул песок. — Этот проклятый песок постоянно хрустит у меня на зубах во время еды и дерет горло во время питья. С нас хватит! Мы сыты по горло! Смотри, чтобы твое обещание сбылось! — В его последних словах слышалась явная угроза. Он резко повернулся, так, что струя песка, вырвавшаяся из-под его сапога, осыпала сидящих поблизости людей. За ним легкой, бесшумной походкой разведчика неведомых земель скользнул его сын. Проходя мимо, он на мгновение поднял голову, и наши глаза встретились.

Я был молод, но обладал искусством чтения мыслей по глазам людей, даже если их лица ничего не выражали. И сейчас, встретившись со взглядом Торга, я замер от удивления. Но я надеялся, что мне удалось скрыть это. Почему сын и наследник Тутнеса, с которым наши пути никогда не пересекались и вряд ли пересекутся, поглядел на меня со смертельной ненавистью? Я был уверен, что мы с ним враги только потому, что я сын своего клана, а он своего. Но ненависть его была не такой, с какой смотрят на формального врага. Этот взгляд поселил во мне сильное беспокойство.

Этой ночью на небе появилась луна: прекрасная, серебряная, чистая и холодная. Звезды в ее сильном свете почти не были видны. Старики говорили, что луна воздействует на сердца и души людей точно так же, как солнце воздействует на кожу, покрывая ее коричневым загаром. Но сильнее всего луна воздействует на женщин, и в особенности на тех, кто обладает Мудростью.

Я отошел от спящих, с нетерпением ожидая окончания своего дежурства, и подошел к фургонам. И тут я увидел Мудрую Женщину, которая бесшумно шла среди песчаных дюн. За ней следовала Гатея, прижимая к груди, как ребенка, какой-то узел. Видно было, что девушка очень дорожит им. Они направлялись на север, и я знал, что никто не может сейчас заговорить с ними, и даже дать понять, что видел их. Ведь было совершенно ясно, что идут они по своим каким-то тайным делам. И тут я заметил еще кого-то третьего, кто украдкой шел за ними, скрываясь в тени камней, окаймлявших пляж.

Я укрылся за фургоном и сбросил плащ. Для меня было очень важно, хотя я и не мог сказать почему, узнать, кто же преследует этих двоих, кто следит за ними из укрытия.

Хотя я и не был настолько искусен, как Братя с Мечами, но все же прошел хорошую школу и знал, что внезап-

ная атака всегда выгоднее, чем длительный бой. Ползком и короткими перебежками я пробрался к камням, откуда мог с удобством и безопасностью следить за незнакомцем.

Очень долго мы оставались на местах: он в своем укрытии, а я в своем. Но затем он не вытерпел и вышел, так как женщины ушли уже далеко, и в лунном свете не было видно ничего, кроме песка и бесконечных морских волн. Я не мог разглядеть его лица, но сразу же узнал его по походке. Почему Торг следил за Мудрой Женщиной и ее воспитанницей? Он нарушил обычай; и если это станет известно, то он понесет заслуженное наказание. Возможно, не от мужчин, но от женщин своего клана обязательно. Это было их правом, так как ни один мужчина не смеет вторгаться в тайны женщин, и месть их за нарушение табу всегда была быстра и безжалостна.

Он повернулся и пошел в лагерь Тутнеса, и я не стал преследовать его. Я остался и принялся размышлять над тем, что заставило Торга нарушить табу. Он не мог положить глаз на Гатею, одна мысль об этом казалась мне невероятной. И все же...

Я покачал головой и погрузился в полудрему, пока не наступило время будить следующего часового. Приблизился рассвет, и я мог уже видеть восход солнца. Это было очень странное утро, так как над водой висел плотный туман, такой густой, что казался осязаемым белым островом. На нем можно было разглядеть горы и долины. Я мог поклясться, что если подплыть к нему на лодке, то можно будет высадиться на этот белый берег, и он не провалится, а будет таким же реальным и твердым, как земля под нашими ногами. Я с восторгом и изумлением смотрел на этот призрачно белый остров и вдруг услышал позади себя какой-то шорох. Я мгновенно выхватил меч и резко обернулся, готовый к бою. Но позади меня стоял Квен, заложив пальцы рук за пояс, и я стыдливо опустил оружие.

— Можно подумать, что это земля...

Я вложил меч в ножны и снова повернулся к морю.

— Я не знаю моря, — сказал я. — Может быть, тут всегда так по утрам?

— Нет, — он покачал головой. — Я уверен, что сейчас мы видим отражение какой-то далекой страны. Смотри!

Его голос прозвучал как приказ, и я невольно подчинился ему. Посреди этой облачной страны теперь четко вырисовывались горы на слегка розовеющем небе. Ближние склоны гор прорисовывались теперь очень четко, и, приглядевшись повнимательней, я вдруг с изумлением обнаружил на склоне крепость, окруженную высокой каменной стеной. Над крепостью гордо возвышались две башни. Од-

на была чуть ниже другой. Видение было таким отчетливым, что я готов был поклясться, что эта крепость существует на самом деле.

Несколько мгновений она была видна вся очень отчетливо, и вдруг исчезла! Не медленно расплылась, как при движении облаков, а просто пропала, словно кто-то убрал картинку. Но четкие профили башен навсегда запечатлелись в моем мозгу, и в любой момент я мог нарисовать их на песке.

Я посмотрел на Квена, так как был совершенно уверен, что это не просто очередная причуда утреннего освещения, а одна из чудесных странностей этой загадочной страны. У меня появилось отчетливое ощущение, что эта крепость где-то реально существует, и я готов был тут же пуститься на поиски ее. И я осмелился произнести вслух часть тех сумбурных мыслей, что кружились у меня в голове:

— Крепость... она... настоящая...

Квен посмотрел на меня так, как смотрит Гарк, когда я совершаю какую-либо оплошность.

— Что ты видел? — спросил он тихо, почти шепотом. Я еле расслышал его голос в шуме непрерывного прибоя.

— Крепость. С двумя башнями. Но как она могла оказаться на облаке?..

— Если долго смотреть на облака, то можно увидеть все что угодно, — ответил он.

И я почувствовал себя пристыженным, как ребенок, который вдруг заплакал, слушая страшную сказку, когда вместо обыкновенных камней его воображение рисует страшных зверей.

Но Квен продолжал стоять и смотреть на облако, пока оно совсем не исчезло, растаяв в утреннем свете. Там, где я только что видел крепость, уже ничего не было. Я слышал звуки просыпавшихся людей со стороны нашего лагеря. И только после этого Квен повернулся и посмотрел на меня так, словно хотел прочитать мои мысли.

— Это очень странная страна. — Он опять говорил очень тихо, словно делился со мной какой-то тайной. — Здесь очень много такого, чего мы вряд ли сможем понять. Благоразумный человек оставил бы все эти странности в покое, но... — он заколебался и потом продолжил: — Для некоторых из нас любопытство полезно. Оно заставляет нас изучать окружающую природу. Но здесь нет проводников, и тот, кто неразумно возьмется за дело, неминуемо погибнет. Будь осторожен, молодой Эльрон. Я думаю, что, возможно, именно на тебя возложена Ноша...

— Ноша? — переспросил я, не понимая.

— Да, так называют себя мудрые, или те, кто считает себя такими. А другие называют это «Дар». Все будет зави-

сеть от того, как ты будешь использовать его, как ты познаешь то, что тебе суждено будет познать. Я должен сказать тебе — не ходи беззаботно по этой земле. Она вдвое опаснее для тех, кто не удовлетворяется первым взглядом на нее.

Он резко повернулся и ушел сразу, как только произнес эти зловещие и загадочные слова. Только я так и не понял, от чего он предостерегал меня. Я также не понял его слов о «ноше» и «даре». Я был самой маленькой и незаметной деталью клана Гарка, подобно тому, как сам наш клан был маленьким кусочком нашего сообщества. Все, что я имел, — это одежда на мне, меч, кольчуга и шлем со щитом, принадлежавшие моему отцу, да еще тощий мешок пожиток, который болтался в одной из повозок. В мешке лежали книга старых баллад, над изучением которой я проводил много времени, хотя она и была написана не теми обычными буквами, какими пользуются сейчас, праздничная туника из хорошей шерсти, немного белья и нож с рукояткой, украшенной драгоценными камнями, подарок матери. И, конечно же, никакой ноши, о которой говорил Квен...

Когда мы возобновили наш путь, я все время продолжал размышлять о крепости, которую видел в туманных горах. Видел ли ее Квен? Когда он спросил меня о крепости, то не признался мне, что тоже видит ее, хотя сам же привлек мое внимание к этому облаку. У Братьев с Мечами свой подход к жизни и свое знание. Они исследовали эту страну еще до того, как мы осмелились пройти через Небесные Врата. Может быть, они отыскиали здесь нечто такое, что хранили только между собой или же поделились знаниями только со старшими членами нашего сообщества.

И тем не менее, пока я медленно ехал возле фургонов, принаравливаясь к неспешному шагу овец и коров, меня мучили две тайны: первая — почему Торг следил за Мудрой Женщиной и ее воспитанницей, как будто они были его врагами, и вторая — что же я в действительности видел в облаках.

Квен был прав. Мы, наконец, пришли к долине между утесов. Выход долины к морю был настолько узок, что его нельзя было использовать в качестве порта. Но дальше на материке, позади скалистого горла, она расширялась, и взору открывались обширные луга и широкие поля, покрытые сочными зелеными травами. Это была воистину прекрасная земля. Даже лорд Тутнес не мог что-либо возразить против нее. Здесь его люди покинули наш отряд в сопровождении одного из двух воинов Квена.

Мы быстро попрощались, так как единственное, что нас связывало, это общая дорога попутчиков. Я слышал,

как наши люди с завистью обсуждали богатство земель Тутнеса и выражали свое сомнение относительно наших будущих угодий. Но для меня это не играло уже никакой роли, так как Мудрая Женщина повернула свою повозку по следам тяжелых фургонов Тутнеса. Я сожалел, что она решила остаться здесь и не последовала за нами.

Наш совсем уже маленький караван медленно покатился дальше. И снова мы остановились на ночь на берегу моря, но луна в эту ночь пряталась за черными тучами. Как и в предыдущее дежурство, я выбрал время караула перед восходом солнца, но никакой крепости в облаках на этот раз не было. Вместо этого на меня обрушился поток соленых брызг, несомых ураганными порывами холодного ветра, хотя наш лагерь и был установлен в приличном отдалении от береговой линии. Утром пошел сильный дождь. Фургоны еще тащились по раскисшей дороге. Часто приходилось спешиваться и помогать лошадям вытаскивать повозки из ям и колдобин.

Мы изнемогали от усталости, борясь с дорогой, и когда, наконец, обогнули отвесную стену утесов, нашим взорам открылась гавань, гораздо меньшая, чем мы видели на юге, утыканная вдобавок острыми клыками скал, торчащими тут и там из-под воды. Мы поняли, наконец, что добрались до места. Это и была наша земля. В гавань впадала река, мелкая и несудоходная. Но она нам понравилась: ведь это же была наша река. Лошади в последний раз натянули поводья, мы подняли овец на седла и перевезли их через реку, которая плавно струилась между отвесными стенами утесов, где в изобилии гнездились морские птицы. Камни были замшелы и белы от их помета.

Птицы кружились над нами, оглушительно крича. Их крики многократным эхом отражались от каменных стен устья долины. Пройдя его, мы, наконец, оказались в самой долине, которая показалась нам такой же прекрасной, как и долина, доставшаяся лорду Тутнесу. Овцы и коровы тут же с жадностью набросились на сочную траву, а мы медленно поехали дальше вдоль берега, пока наконец не остановились на приглянувшемся нам месте. И теперь это место будет нашим навсегда.

ГЛАВА 3

Я медленно поднимался вверх, и слой земли под моими ногами становился все тоньше и тоньше. Из-под него то тут, то там выступали каменные кости планеты — горный хребет. Вскоре поверхность скалы окончательно вышла на-

верх, оттеснив участки земли в лощины, где только и могли расти хилые клочья травы да отдельные чахлые кустики. Но я упорно лез по хребту, пока не достиг вершины, где на меня обрушился свирепый порыв ветра. Только сейчас я оглянулся назад на долину Гаркодэйль.

В лесу, который отсюда казался пушистым зеленым ковром, кое-где уже виднелись прогалины, где наши топоры валили деревья. Затем очищенные от веток бревна перетаскивались туда, где Гарк решил создать временное укрепление. Четыре из наших лошадей были заняты перетаскиванием бревен. Остальные шесть уже работали на полях, вспахивая их и готовя землю под посевы. Работали все: и простые члены клана, и родственники лорда. Сегодня я был свободен, так как пришла моя очередь дежурства на вершине хребта. Хотя земля и казалась пустой, Гарк не хотел быть застигнутым врасплох, если вдруг возникнет опасность. А к тому же дежурным на хребте могло посчастливиться, и они могли подстрелить какого-нибудь зверя, чтобы разнообразить нашу более чем скудную пищу.

Квен и двое его товарищей оставались с нами десять дней, а затем усаkali на запад, направляясь в неизведанные земли. Так же, как и я, сидя на хребте, охранял наши владения, они собирались патрулировать западные границы вместе с остальными своими Братями по Мечу, охранять новые поселения.

Одной из их обязанностей было отыскивать и наносить на карты остатки поселений тех таинственных существ, которых мы стали называть «Прежние». Одно из таких мест было расположено над нашей долиной. Хотя это и не было слишком уж впечатляющим сооружением, Квен сказал, что таких заброшенных таинственных мест много по стране, однако каждый патрульный обязан был осмотреть его и досконально познакомиться с ним. Именно это я и собирался сделать сейчас.

Я был в кольчуге, шлеме, с арбалетом и мечом на поясе, словно на самом деле собирался отразить нападение врага, хотя мы пришли в покинутую землю и до сих пор еще никого не повстречали. Я спрыгнул в неглубокую расщелину между камнями и пошел на запад, вдоль нашей южной границы.

В этой новой стране животная жизнь была довольно разнообразной. Звери в большинстве своем мало отличались от тех, за которыми я охотился дома, разве что по размеру и расцветке. Быстроногие лани, которые раньше в изобилии паслись в долине, убежали после нашего появления, и теперь их видели чрезвычайно редко. Высоко в горах появились животные, напоминающие наших ослов. Но

у них были длинные и острые, загнутые клыки и когти. Нрав у них был очень крутой, но зато и мясо на вкус было нежным и восхитительным.

Здесь водилось громадное количество птиц самых разнообразных размеров и расцветок. Они, как маленькие молнии, бесшумно рассекали небо во всех направлениях. Водились здесь и черные птицы, на которых нельзя было смотреть без содрогания. Они прятались обычно в ветвях деревьев внизу в долине и хриплыми гортанными голосами кричали на наших людей, рубивших деревья. Иногда, вспугнутые, они небольшими стайками поднимались в небо и неизменно улетали на запад, как будто спешили сообщить кому-то о тех опустошениях, которые мы производили в их владениях. Вот и сейчас я увидел, как очередная черная стайка стремительно поднялась над лесом и умчалась прочь.

Я внимательно наблюдал за окружающим меня пространством. Рольф, который передо мной нес вчера службу, доложил, что заметил весьма странные следы, глубоко отпечатавшиеся в земле. Он наткнулся на них на самом краю хребта, словно кто-то следил за нами сверху. Кроме того, Рольф видел и другие следы: отпечатки лап, таких больших, как его рука. Может быть, он наткнулся на какого-то местного хищника, который мог охотиться за нами и представлял собой огромную опасность. Я молча пробирался между обломков скал, стараясь не оставлять лишних следов и производить как можно меньше шума. Воздух был свежим и чистым. Я был уверен, что он напоен ароматами цветущих лугов и леса. Вскоре с предосторожностями я добрался до самой западной части хребта и посмотрел вниз, туда, где между скал укрывалось то, что осталось от нашей земли от Прежних. Деревья, которые были чуть выше меня, казались очень старыми, с перекрученными стволами и сучьями. Они поднимались из трещин каменных плит, которыми была вымощена площадь. Эти деревья были в полном цвету. Цветы большие, светло-розовые, с кремовым оттенком были почти плоскими. Кончик каждого лепестка был окрашен в темно-розовый цвет. Многие из лепестков были сорваны ветром и устилали каменные плиты пушистым ковром.

Однако, кроме лепестков, здесь не было ничего: ни травы у стволов, ни мха в выбоинах плит. В центре площади был установлен монумент-символ: полумесяц, выточенный из голубоватого камня, совершенно не похожий на серый гранит, которым была вымощена площадь. В каждом углу на площади возвышались каменные колонны в человеческий рост. Вершину их венчали кольцо, полукольцо, чет-

верть кольца и черный диск, который резко отличался от остальных деталей изображения, выточенных из сияющего голубым светом камня.

Многие из нас впервые видели что-то подобное, поэтому первое время все наши разговоры крутились вокруг этих монументов. Инна, которая одна из первых сходила туда вместе со своим братом, уверяла, что это атрибуты лунной магии, а изображение — ни что иное, как луна в различных своих фазах. Она была сильно возбуждена увиденным и несколько раз говорила, что очень хотела бы побывать там в полнолуние, чтобы убедиться, действительно ли там концентрируются древние силы. В том, что она одна решится на такое путешествие, я сильно сомневался: все же она была женщиной. Но я также был уверен, что вряд ли какой-либо мужчина согласится ее сопровождать. Рука Гарка была тяжелой, и наказание могло быть быстрым и жестоким, независимо от того, кто нарушил приказ, простолудин или же родственник самого лорда.

А лорд приказал, чтобы ни одна нога не появлялась в том месте. Часовые могли осматривать загадочное место во время своего патрулирования, но спускаться туда не имели права. Это было весьма предусмотрительно и благоразумно.

Но благоразумие было чуждо молодым. И меня, как и других, тянуло вниз посмотреть, что это за металл, из которого сделаны изображения луны, почему на него не оказывают своего воздействия ни время, ни вода, ни ветер. Ведь ничего угрожающего внизу не было заметно. Напротив, когда я стоял и смотрел, как тихо осыпаются лепестки цветов на каменные плиты, устилая их прекрасным ковром, на меня опускался тихий покой. Я не мог сказать, откуда во мне возникало это ощущение, но оно было во мне. Некоторое время я как замороженный смотрел вниз, но затем, преодолев соблазн, двинулся дальше выполнять свои обязанности, ради которых я был послан сюда. Мне казалось, что вслед за мной плывет нежный запах цветов и легкий шелест лепестков, как будто неизвестное Нечто провожает меня, но не прощается со мной.

Я всегда был уверен, что не подвержен мечтаньям и влиянию волшебных снов. Подобные люди просто не могли ужиться в доме Гарка. Тех, кто был подвержен влиянию чувств, Гарк считал подозрительными. Но когда мы прошли через Врата, меня обуревало страстное желание ехать по этой стране свободно, как Брат с Мечом, встречаясь лицом к лицу со всем, что здесь было доброго и злого. Я плохо спал, с трудом заставлял себя работать и с нетерпением, которое тщательно скрывал, я дожидался своей очереди на патрулирование.

Обход долины занимал весь день, с раннего утра до позднего вечера. Поэтому я прибавил шаг, следуя машинально по пути, который уже прекрасно знал.

К югу хребет значительно расширился, и было видно, как громоздятся и тянутся вверх голые, лишенные растительности, серые утрюмые утесы. Если пройти через эти дикие горы, то можно попасть в земли Тутнеса; но никто из нас не имел ни малейшего желания идти туда. К западу хребет примыкал к реке. На другом берегу начинался новый хребет, и на этих прибрежных скалах должны были встречаться патрульные, один из которых обходил северную границу, а другой — южную. Здесь мы должны были подойти к берегу, каждый со своей стороны, и обменяться приветствиями, прежде чем пуститься в обратный путь.

Сегодня моим напарником был Гевлин. А он всегда был пунктуально точен, так что у меня не возникло желания опаздывать на встречу и заставлять его ждать, хотя в обычное время мы были добрыми товарищами и частенько охотились вместе.

Гевлин был уже на своем месте, видимо, пришел чуть пораньше меня. Он сидел, прислонясь спиной к теплому камню. Мы обменялись ритуальными приветствиями повстречавшихся воинов. Я заметил, что ему повезло больше, чем мне, так как у его ног лежала тушка какого-то зверька, уже освежеванная и приготовленная для костра. Я жестом поздравил его, но он, со своей обычной сдержанностью, не ответил мне. Затем он взвалил на плечи свою добычу и пустился в обратный путь. Я удобно устроился среди камней, чтобы перекусить и выпить немного тепловатой воды из деревянной фляги.

Но тут я увидел стаю черных птиц, которые стремительно вывернули из-за утеса. Они летели так низко, что я мог хорошо рассмотреть их. Красная голова с сильным черным клювом, по обеим сторонам которого сверкали злобные кроваво-красные глаза, что придавало птице еще более неприятный вид. Две птицы отделились от стаи и принялись кружиться у меня над головой, издавая хриплые звуки, которые нарушили тот идиллический мир, царивший в моей душе после посещения Лунного Святилища.

Одна из птиц неожиданно бросилась на меня. Я инстинктивно закрыл лицо рукой, и когти летающей бестии буквально вцепились в кожаный рукав куртки. Я выхватил меч и вскочил на ноги. Птицы снова кружились вокруг меня с явным намерением напасть снова. Я еще никогда не сталкивался с подобным поведением птиц.

Глаза их зловеще сверкали, клювы раскрывались, и из них вырывались хриплые воинственные крики. Одна из

них снова, сложив крылья, ринулась на меня. Я взмахнул мечом, но она с легкостью увернулась. Другая же в это время стремительно снижалась для атаки. Впервые на этой планете я почувствовал беспокойство. Моя защита долго не простоят. У меня нет возможности избежать их клювов и когтей, если они будут непрерывно атаковать. Если, конечно, я не найду укрытия. Я быстро огляделся вокруг, ища глазами укрытие.

Через десять минут эти две крылатые фурии загнали-таки меня под нависший камень. Хотя стая уже давно улетела, эти две бестии, вероятно, решили довести свое дело до конца. Нависший камень хорошо защищал мне голову и плечи, и теперь, чтобы напасть на меня, птицы должны были лететь над самой скалой, где я их готов был встретить острым клинком. Я стоял и молча ждал. Однако оказалось, что эти твари обладают довольно развитым разумом и не желают нападать на меня, поняв мое преимущество в данной ситуации. Вместо этого они тоже стали выжидать.

Минуты шли, и гнев мой рос с каждой секундой. Какие-то две твари осмелились напасть на человека, угрожать ему! Меня беспокоило только одно: как бы их встревоженные крики не привлекли внимание остальной стаи. Если раньше мне казалось невероятным, что птицы в состоянии напасть и победить, причем победить хорошо обученного и вооруженного человека, то теперь мое мнение резко изменилось. Они могут это и весьма эффективно, если только человек находится на открытом месте.

Я стал обдумывать свой дальнейший шаг. У меня был с собой арбалет, но его стрелы вряд ли могли помочь мне в борьбе с этими стремительными бестиями, и поэтому я забраковал его как эффективное оружие для борьбы с фуриями. Но как же все-таки мне выбраться отсюда? Птицы, судя по всему, и не думали улетать. Должно быть, они решили стеречь меня, пока не подойдет подкрепление.

Они, между тем, продолжали с криками кружить над моим убежищем, как вдруг что-то произошло. Я так и не мог толком понять, что же именно. Обе птицы вдруг с каким-то жалобным криком почти отвесно взмыли в небо и исчезли. Все произошло так внезапно, что я даже испугался. Я не мог понять, что же это спугнуло птиц.

Я долго ждал, сжимая в руке меч. Но птицы исчезли и больше не появлялись. Несмотря на это, я все же был готов к бою, когда покидал свое убежище, так как был уверен, что они предприняли какой-то неизвестный маневр, или же то, что отогнало их, также могло, не меньше, чем им, угрожать и мне.

И тут я увидел ее.

Гатя, воспитанница Мудрой Женщины, стояла на камне недалеко от меня. Руки ее были воздеты вверх и пальцы медленно и плавно двигались, сплетаясь в сложный узор, который она ткала в воздухе. Я видел, что губы ее шевелятся, но слов слышно не было.

Я увидел ее, а за ней...

Я крикнул, чтобы предупредить девушку, а сам выдернул из-за спины арбалет, чтобы защитить ее. Но мои пальцы вдруг застыли на спусковом крючке, и сам я словно превратился в камень. Я увидел, как ее правая рука вдруг указала на меня, и с ужасом понял, что мною овладела какая-то сила, какое-то нечеловеческое, волшебное могущество, каким владела эта девушка так же легко и естественно, как я владел своим мечом. Она сделала меня своим пленником.

И все же... за ней... Ее нужно предупредить!

Я крикнул, — а может, это был мой страх, смешанный с гневом, потому что она околдовала меня, — сделал так, что крик мой разнесся грозным эхом по всему ущелью.

Из-за камня, на котором стояла Гатя, показалась мохнатая клыкастая морда огромной кошки. Зверь поднялся, широко расставив лапы по обеим сторонам камня позади девушки. Голова его поднялась, и желтые глаза посмотрели прямо на меня. Он распахнул пасть и зарычал. Огромные кривые клыки его верхней челюсти ужаснули меня. Длинные, словно кинжалы, они были страшны в своем зловещем белом блеске.

Гатя слегка повернула голову и взглянула на зверя. Я мог поклясться, что глаза ее не двигались, двигалась только голова. И все же их глаза встретились. Они долго смотрели друг на друга. Затем зверь спрыгнул обратно, обошел камень и застыл между Гатеей и мной, не сводя своих желтых глаз с меня. Но страшные его челюсти были закрыты. Я не сомневался, что она как-то могла оказывать влияние на этого страшного хищника, подчинять его себе. Возможно, так же она смогла отогнать и птиц.

Рука ее шевельнулась. Я почувствовал себя свободным. Я был достаточно благоразумен и опустил оружие, показав тем самым девушке, что не собираюсь угрожать ей. Однако я не мог уйти отсюда, словно эта страшная встреча околдовала меня. Громадный кот был по-звериному прекрасен. Я вынужден был признать это. Шерсть его была серого, светло-серебряного цвета. Лишь на спине и на боках виднелись полосы темного серебра. Таких зверей я еще не видел в своей жизни.

— Он... он ручной?.. — Я нашел такую форму вопроса, которая, спрашивая, одновременно не являлась вопро-

сом в прямом смысле слова. Этот зверь не сопровождал ее во время переселения, значит, он жил на этой земле. Но как она могла так быстро отыскать его и подчинить своей воле?

— Нет. Не ручной, — она покачала головой. — Это означало бы, что его воля сломлена человеком. Так человек поступает с себе подобными. А это животное знает, что я не причиню ему вреда, оно знает, что я искатель! Возможно, много лет назад предки этого животного знали других искателей и были их друзьями. Эта страна очень богата... — руки ее сделали такой жест, словно она видела нечто такое, о чем мечтала всю жизнь. Я с удивлением отметил огоньки возбуждения, загоревшиеся в ее глазах, а затем радость, дикую и свободную радость. — Если мы не будем грубо обращаться с этой землей, то она многократно отблагодарит нас. Только... — тут ее глаза вдруг сделались такими же дикими, как у зверя, — люди не могут не приложить все силы, чтобы подчинить своей воле все, буквально все!

— Ты... а что ты сделала с птицами? — Я не хотел спорить с ней. Я все еще был зол, немного потому, что она подчинила меня своей воле и не видела в этом никакого вреда, а в основном потому, что, выручив меня из беды, сделала это настолько легко и эффективно, что я поневоле испытывал чувство досады.

— Я... Нет! Это не предмет для разговоров, Эльрон из дома Гарка! Живи со всеми живыми существами в мире и не старайся сделать их слугами или рабами.

— Птицы плохие слуги, — возразил я.

— Для нас, конечно! Я думаю, что они слуги древних злых сил. Возможно, они оставлены здесь для присмотра. В долине Тутнеса их тоже целая стая. Забина пытается определить, что они охраняют и куда постоянно летают...

Меня поразило то, что я думал о том же самом, наблюдая за птицами. Неужели они обучены шпионить, доносить? Если так, то кому они служат? Нужно ли предупредить об этом Гарка? Но я тут же представил себе его презрительную усмешку, в ответ на мое донесение.

— Мудрая Женщина, — сказал я. — Она поделится своими знаниями, когда узнает, куда летают птицы, и многое другое?

— Если это послужит благу для всех нас, то да! — кивнула Гатейя. — Мы видели, как они нападают, а потом улетают куда-то. Но на человека они напали сегодня впервые. Ты чем-то очень разозлил их.

Я почувствовал растущее внутри меня раздражение от того, что она заподозрила меня в провокации.

— Я просто стоял и смотрел, как они летят на запад. Они почти все время сидят в лесу, смотрят за работой, а затем с криком поднимаются и улетают, и всегда на запад.

— Точно так же они ведут себя в долине Тутнеса. Может быть, сегодня они решили испытать свои силы на пришельцах. Мы должны предупредить всех, чтобы люди остерегались. Ведь эти птицы могут заклевать до смерти овец и даже коров. Могут напасть на человека, и если он растеряется, то изуродовать его, выклевав глаза, а то и совсем убить... Посмотри на свой рукав.— Она показала пальцем на мой рукав, которым я защищался от первого нападения птицы. Кожа была прорвана и выхвачен здоровенный клоч.

Прежде, чем я смог ответить, она прыгнула с камня, на котором стояла. Зверь, который уже сонно моргал глазами, тоже поднялся. Его мохнатая голова была на уровне плеча девушки. Гатей положила руку на шею зверю, и она полностью утонула в густой серебристой шерсти.

— Ты ходишь одна? Ведь здесь может быть кое-что хуже, чем птицы и звери...— Я говорил и чувствовал, что мои слова не звучат твердо и решительно. В них слышалось только робкое предостережение, которое она должна была встретить той же презрительной усмешкой, какой встретит мой рассказ Гарк.

— Я ищу то, что может помочь нам,— сказала она уклончиво.— Забина для этого использует видения. Но здесь есть много такого, о чем лучше не говорить и с чем нужно работать крайне осторожно, чтобы ненароком не разбудить того, кому лучше оставаться спящим. Эта страна во многих отношениях ловушка для нас. Правда, когда мы шли сюда, у нас не было выбора, и теперь мы пребываем в положении человека, находящегося между двух враждебных армий.

Она буквально подавляла меня своей волей и знаниями. Я не знал, что погнало наш народ через Врата. Может быть, страх перед катастрофой, которая не оставляла нам никакого выбора. И теперь, несмотря на заверения Братьев с Мечами, я поверил, что в этой стране много враждебных ловушек и сил, которые даже наши разведчики не смогли обнаружить.

Но мы находились уже здесь, и пути назад не было. С чем же предстоит нам столкнуться лицом к лицу в этой стране с оружием в руках?

Она двинулась вперед, и я, так как наши пути совпадали, поспешил за ней. Зверь шел впереди нас, мягко и бесшумно ступая своими огромными мягкими лапами. Он

изредка останавливался и обнюхивал камни тут и там, хотя я не видел повода для такого интереса.

— А в вашей долине есть места Прежних?

Она подняла голову, отвернувшись от меня, устремив взгляд вдаль. Ноздри ее трепетали. Сейчас она походила на своего гигантского кота, обнюхивающего камни.

— Нет. И это не наша долина, — резко ответила она. — Мы не принадлежим к клану лорда Тутнеса... и ни к какому другому. — Она нахмурилась. — Нам просто нужно было идти с его людьми. А останемся ли мы там, — она пожала плечами, — это решится в будущем.

С этими словами она побежала вперед, перепрыгивая через камни, пересекая открытые пространства с легкостью и грацией тех оленей, которые ушли из долины с нашим приходом. Перед ней серебристой тенью неслись огромный кот, легко перескакивая те препятствия, которые ей приходилось огибать. Из любопытства я побежал за ними, но немного отстал, так как не мог утнаться за ними.

Неожиданно я понял, куда они направляются. Она бежала прямо к маленькой горной долине, где находилось Лунное Святилище. Помня приказ Гарка, я прибавил шаг. Никто не должен входить туда, помнил я слова лорда. Мы не знали, что может произойти с тем, кто там будет долго находиться. Но остановить Гатею я не мог.

Я дважды позвал ее, громко выкрикивая имя. Но оба раза и девушка и кот были словно глухи к моим крикам. Они не только не замедлили шаг, но даже не обернулись в мою сторону.

Когда я дошел до края долины, Гатея уже стояла между двумя корявыми деревьями на краю площади. Руки ее были плотно прижаты к груди, глаза устремлены на каменные плиты, которыми была выложена площадь, как будто там она увидела нечто удивительное, видимое ей лишь одной. Позади нее стоял кот. На этот раз глаза его не были полузакрыты, а, напротив, смотрели настороженно и бдительно. Гатея сделала шаг вперед.

— Нет! — крикнул я, стараясь перелезть через каменный барьер, чтобы остановить ее до того, как она ступит на древние плиты.

Я понял, что не успею, и прыгнул прямо через камни, но вдруг неловко опрокинулся на спину, отброшенный какой-то неведомой силой, выронив из рук арбалет. Я беспомощно махал в воздухе руками и ногами, как жук, лежащий на спине.

Наконец, мне удалось перевернуться и встать на четвереньки. Я протянул руку вперед и почувствовал, как она уперлась в какую-то невидимую стену, словно сложенную из прозрачного камня. Да, она была передо мной, твердая

и невидимая. Я ощупал ее обеими руками, потом поднялся на ноги и, вытянув руки, пытался достать до верха, но не смог. Передо мной находился непреодолимый барьер, который легко и свободно пропустил Гатею.

Я посмотрел вниз и увидел, что девушка уже стоит на площадке между двумя колоннами, украшенными темным диском и ярко-голубым. Я разглядел, что губы ее шевелятся. Она медленно опустилась на колени, уронила руки, склонила вперед голову, как будто возносила молитву какому-то божеству. Лепестки цветов все еще плавали в воздухе. Несколько штук опустилось ей на голову. Руки девушки двинулись, и она осторожно подобрала несколько упавших лепестков и сложила их в ладонь правой руки. Вскоре ее голова поднялась, и я смог разглядеть ее лицо. Глаза были закрыты, словно она слушала кого-то, стараясь запомнить, чтобы передать другому.

Она снова поклонилась, прижимая к груди горсть лепестков. Затем легко поднялась на ноги и повернулась с видом человека, выполнившего свою задачу. В то же мгновение барьер, преграждавший мне путь, исчез.

Я осторожно вытянул вперед руки, и они свободно прошли сквозь воздух, не встречая препятствия. И все же я не решился прыгнуть вниз, как намеревался. Это было бы святотатством с моей стороны. Я покрутил головой, стараясь освободиться от какого-то подспудного наваждения, и в то же время инстинктивно чувствовал, что это было проявление какой-то не понятной мне реальности. Я не мог заставить себя переступить границу и войти в Лунное Святилище, хотя там не было никаких признаков зла. Просто я чувствовал, что это место не для таких людей, как я. Войди я туда, и могло случиться нечто непоправимое. Могло разрушиться что-то прекрасное и драгоценное, что было выше моего понимания.

Затем я пошел к Гатее, точнее за ней и ее спутником, чтобы присоединиться к ним, но только некоторое время спустя я понял, что она идет на юг. Очевидно, она больше не желала идти со мной. Кот шел рядом с ней все время, пока я стоял и смотрел им вслед, не смея окликнуть девушку. А затем серебристое тело зверя мелькнуло в воздухе в грациозном прыжке, и кот оставил ее, направившись на юго-запад. Очевидно, он пошел один, отыскивая свой собственный путь в горах. Я стоял и смотрел, как Гатея уверенно идет вперед не оглядываясь. Она так и не попрощалась со мной.

Когда наконец до меня дошло, что она просто направляется к дому своей хозяйки, я молча пошел своим путем.

Я шел и размышлял. Что из того, что открылось моему взору, можно было доложить Гарку? Я никогда в своей

жизни ничего не скрывал от лорда. Но теперь я понимал, что то, чему я был невольным свидетелем, не только не мое дело, но и не Гарка тоже. Ведь он мог просто приказать разрушить Лунное Святилище. Мысль эта, промелькнувшая в моем мозгу, привела меня в ужас. Я прекрасно знал, что он не признает те элементы неизвестного, которые нельзя объяснить просто и понятно. И он будет разгневан, если узнает, что Гатейя обнаружила здесь нечто, что не укладывается в рамки его отношения к действительности и понятия реальности, и чему свидетелем был я. Ведь эта таинственная прозрачная стена не была сном!..

Птицы! Да, вот о них я должен был предупредить обязательно. Ведь Гатейя сказала, что они могут нападать на людей и на скот. Так что мы должны быть полностью готовы к неожиданному повороту в нашей жизни на новом месте.

Пока я спускался в долину по крутому склону, то составил в голове обтекаемый доклад лорду Гарку о происшедшем. В то же время в душе у меня шевелился червячок любопытства. О чем это молилась Гатейя в Лунном Святилище, и что еще можно найти в этой стране, доброго или злого, если получить свободу и соответствующие знания для ее изучения?

ГЛАВА 4

Хотя я был первым человеком в нашем клане, кто испытал на себе враждебность черных птиц, я вовсе оказался не последним. Когда мы углубились в лес и принялись валить огромные вековые деревья, столь необходимые для постройки дома, который должен был послужить нам убежищем в первую зиму здесь, вокруг нас собралось огромное количество этих птиц.

Однажды дети, которые пасли наших овец, вдруг подняли страшный шум, и мы увидели, как они стали размахивать палками и бегать по поляне. Оказывается, птицы напали на новорожденных ягнят, на которых мы возлагали большие надежды, так как это был первый приплод в новой стране.

После этого случая Гарку пришлось выделять ежедневно для охраны стада несколько лучших охотников с луками, тем самым отрывая их от работы. Но, несмотря на это, ни одна птица не была убита. Они оказались настолько хитры и изворотливы, что даже самый меткий стрелок не мог попасть в нее. Недовольство людей и особенно Гарка против этих птиц росло с каждым днем, ведь они стали постоянной, непрерывной угрозой для всех нас и нашего стада.

Но в один прекрасный день мы вдруг поняли, почему птицы начали проявлять такую бешеную агрессивность. Когда гигантское дерево, протяжно затрещав, рухнуло под натиском наших топоров, безжалостно ломая кусты и густой подлесок, нашим взорам открылся еще один священный объект. Оказалось, что Лунное Святилище было не единственным местом в нашей долине, сохранившимся от Прежних.

Снова перед нами возвышались колонны. Но теперь их почему-то было семь. Высотой в человеческий рост, они стояли так близко друг к другу, что между ними едва ли могла пройти человеческая рука. Эти колонны были выточены из грязно-желтого камня, совсем не похожего на те камни, что окружали нашу долину малопроходимыми хребтами. Поверхность колонн была такой гладкой, словно была слеплена из замерзшей жидкой грязи, хотя наверняка стояли колонны здесь давно и непрерывно подвергались воздействию погоды и растительного мира. В каждую из колонн была врезана пластинка с выправленным таинственным символом, причем ни один символ не повторялся.

И как только солнечные лучи коснулись этих колонн, воздух словно взорвался от сильного крика птиц. Они принялись бешено кружиться в воздухе, и Гарк вынужден был отдать приказ отойти назад, оставив сваленное дерево лежать на прежнем месте. К счастью, птицы недолго предавались гневу. Они собрались в стаю и полетели на запад, не обращая больше ни малейшего внимания на нас. И с тех пор больше их никто не видел.

Но только по истечении трех дней Гарк разрешил вывезти срубленное дерево. Ему не нужно было предупреждать нас о том, что нельзя приближаться к этим колоннам. Словно подчиняясь неведомой команде, мы прекратили всякую вырубку в этом направлении. Нам самим не хотелось лишний раз подходить к этому святому месту Прежних.

Тяжелая работа по вспашке первых полей была завершена, и первые зерна легли в землю. Все мы очень волновались, пока не появились первые всходы, какой будет урожай. Да и у многих не было уверенности, что зерна вообще прорастут в чужой почве. Но теперь, когда поля дружно зазеленели, только страшные стихийные бедствия, хорошо известные нашим земледельцам по старой родине, могли помешать нам собрать первый урожай, пусть даже небольшой.

Несколько женщин под руководством Фестафсы, старой няньки Инны, а теперь домоправительницы Гарка, собирали в лесу дикорастущие плоды. Здесь в основном

произрастали дикие вишни и кое-какие ароматные травы. И хотя над нашими головами светили чужие, незнакомые звезды, эта земля очень напоминала нам тот мир, из которого мы пришли сюда.

Стены общего дома постепенно поднимались. Конечно, они были сделаны не из камня, стены нашего первого дома, камень был нам пока не под силу, а из огромных бревен. Внутри дома помещение было разгорожено на многочисленные отсеки и комнаты, объединенные в секции для каждой семьи нашего клана. Большой и широкий центральный зал был предназначен для места общего сбора и принятия еды. Так же было во всех остальных кланах. По обоим концам длинного здания и в центре были установлены большие очаги для отопления. Они воздвигались под присмотром самого Стига, крупного мастера в таких делах. Он сам отбирал камни на берегу реки для центрального очага. Все они были примерно одного размера и гладкие, отполированные водой до блеска. Когда здание было подведено под крышу, Гарк устроил небольшой праздник по случаю окончания строительства первого нашего дома. Младшего сына Стига торжественно выбрали для того, чтобы он закрепил под коньком крыши травы, собранные женщинами для просушки.

Для овец и коров мы сделали просторные загоны. Мы не знали пока, насколько суровы здешние зимы, поэтому на всякий случай старались утеплять стены и потолки.

Когда строительство было закончено, все силы были брошены на заготавливание пищи. Все, кто мог держать в руках оружие, теперь целыми днями пропадали на охоте, чтобы заготовить и засушить мяса на зиму. Кроме того, наша мелкая речка была очень богата рыбой, и за сравнительно короткий срок мы сумели засолить несколько бочек.

Это было время напряженной работы, и мы практически ни разу не встречались с жителями соседнего клана или с Братьями по Мечу. Я с нетерпением ждал возвращения Квена, но никто из них не приехал. Несмотря на занятость работой, Гарк все же не отменил своего приказа об охране границы, и каждый раз, собираясь на патрулирование, я с нетерпением поднимался на хребет, не чуя под собой ног, и с бьющимся сердцем устремлялся к Лунному Святилищу, чтобы отыскать там малейшие следы пребывания Гатей.

Весеннее цветение давно закончилось, и деревья на площади покрылись большими листьями странной формы. Они были значительно темнее листьев лесных деревьев и казались какими-то пушистыми на взгляд, а иногда в прямом солнечном луче они вдруг вспыхивали таинственным

голубым светом, словно загадочные символы, оставленные давно исчезнувшими строителями. Дважды я встречал там Инну, которая вела себя так, словно что-то искала там. И каждый раз она делала вид, что удивлена моим внезапным появлением.

Во время первой же нашей встречи она потребовала, чтобы я никому не говорил о ее появлении здесь. Это было против закона, но я подчинился ее желанию, но не потому, что она была дочерью Гарка, а, скорее, потому, что мы с ней были ближайшими родственниками.

И все же эти таинственные посещения ею Святилища сильно беспокоили меня. Ведь она отнюдь не была девушкой авантюристического склада характера, а, напротив, была очень скромной и находила удовольствие в типично женских занятиях. Она была очень искусной вышивальщицей и почти так же хорошо, как Фестафса, управлялась с хозяйством и занималась заготовками пищи.

Я знал, что Гарк обещал ее руку второму сыну лорда Фаркона. Великолепная партия, которая сразу же позволяла Гарку войти в крут сильных мира сего. Правда, время свадьбы еще не пришло. Мы, родственники лордов, не были свободны в выборе своих невест и женихов. Все наши свадьбы в первую очередь учитывали интересы Дома, а не свои личные. Крестьяне в этом смысле были более свободны, но и они иногда страдали, если тот или иной лорд считал, что эта свадьба должна быть выгодной для его Дома.

Мы никогда не говорили с ней об этом, но я был уверен, что красивое лицо Инны, ее спокойный, уравновешенный характер привлекут к ней хорошего парня, который будет ей достойным мужем. Я видел сына Фаркона: высокий юноша, достаточно привлекательный. В нем соединились достоинство отца и красота матери — комбинация, довольно редко встречающаяся среди нашего народа. И верил, что Инна будет счастлива с таким мужем.

Так почему же теперь она нарушила обычаи и тайно ходила в Святилище? Она не сказала мне, хотя я спрашивал ее об этом. Единственное, что она говорила, это то, что ей просто нужно, а потом она начинала плакать. Так что я вынужден был прекращать разговоры и расспросы. Но я предупреждал ее об опасности и пытался взять с нее слово, что она больше не придет сюда. И каждый раз она давала это обещание и клялась так искренне, что я не мог не верить ей. Но в следующий раз я опять находил ее на самом краю площади, как будто она стояла у двери комнаты, куда она хотела войти, но у нее не хватало мужества сделать первый шаг.

Во второй раз я сказал, что больше не верю ее обещанию и должен предупредить Фестафсу, чтобы ее держали в долине и не позволяли гулять без сопровождающего. И тогда она заплакала тихо и безутешно, как будто от нее отобрали что-то ценное, чего невозможно заменить. Она повиновалась мне, но с таким несчастным видом, что я почувствовал себя жестоким лордом, хотя все, что я делал, было направлено для ее же блага.

Вскоре после того, как мы закончили строительство нашего жилища, в воздухе почувствовалось дыхание приближающейся зимы. Мы спешили убрать урожай хлеба и заготовить сено. Наши посевы дали хороший урожай. Стиг ходил очень довольный и непрестанно повторял, что урожай гораздо лучше, чем он рассчитывал. Он уже начал составлять планы засева новых площадей на будущий год.

Гевлин из своей охотничьей экспедиции на западные окраины наших владений принес третье свидетельство того, что здесь когда-то жили люди. Он поднялся вдоль по реке, зажатой между скалистыми берегами, и обнаружил там широкую равнину. Там было полно фруктовых деревьев, сплошь увешанных спелыми плодами. И по тому порядку, какой чувствовался в ровных рядах деревьев, можно было с уверенностью сказать, что здесь был когда-то культурный сад.

Мы собрали большую группу для сбора плодов: Фестафса, женщины и взрослые дети, я, Эверад и трое наших воинов. Инна отказалась ехать с нами, заявив, что очень плохо себя чувствует. Фестафса оставила ее в постели.

Мы ехали два дня, так как путь по скалистому берегу был нелегким. Весной во время паводка эта дорога будет закрыта бурным потоком, отметил я, разглядев следы высокой воды на скалах.

Сразу же по прибытию на место мы принялись за работу. Пока люди наполняли корзины, Эверад и я предприняли несколько коротких вылазок для разведки нашей новой территории. И мы оба пришли к одному и тому же выводу: эта долина во всех отношениях более удобное место для жилья, и нам следует приложить все силы, чтобы уговорить Гарка переселиться сюда будущей весной.

Кроме фруктового сада, больше никаких следов пребывания Прежних мы не обнаружили, что тоже очень обнадеживало. К тому же здесь не было зловещих птиц-шпионов. К утру третьего дня мы были полностью готовы к обратной дороге. Все были нагружены тяжелыми корзинами, и только два воина с оружием наготове охраняли постоянно наш отряд. Какой бы красивой и безопасной ни казалась эта вновь нами открытая земля, мы все посто-

янно чувствовали какое-то внутреннее беспокойство, как будто мы жили на границе с враждебным государством.

Всю дорогу я бился над тем, откуда у меня это нехорошее чувство беды. Ведь если не считать черных птиц, которые уже давно улетели на запад и не вернулись, мы здесь больше ничего и никого не обнаружили. И все же мы все время были настороже, словно в любую минуту ожидая нападения.

И в конце концов то, чего мы так долго ждали, случилось. Мы уже приближались к дому, когда навстречу нам выехал Гевлин в полном боевом снаряжении. При виде его, мы поспешили навстречу, на всякий случай проверив оружие, а наши женщины сгрудились в кучу вокруг корзин и притихли.

Гевлин подъехал к нам и, затормозив коня, быстро пробежался взглядом по нашей группе, словно отыскивая кого-то.

— Леди Инна,— обратился он к Эверад,— она что, не с вами?

— Нет... она же больна... мы уехали... Фестафса! — рывкнул Эверад и повернулся в сторону домоправительницы, которая вышла вперед, едва только было произнесено имя девушки. Глаза ее были широко раскрыты, а лицо бледно, несмотря на сильный загар.

— Миледи!.. Что ты сказал про нее? — она остановилась рядом с Эверадом, свирепо глядя на Гевлина.— Она же оставалась здесь. Я дала ей сонного настоя. И потом, Трудас же сидел все время с ней. Что вы сделали с ней?

— Инна исчезла. Она сказала служанке, что ей стало лучше, и попросила провизии в дорогу. Она сказала, что вдвоем они отправятся вдогонку за вами. Но когда девушка вернулась с продуктами, госпожи уже не было!

И в то же мгновение я до конца осознал всю пропасть своей вины. Я сразу же понял, куда направилась Инна. Но если она исчезла на следующий день после нашего отъезда, то она пропадает уже двое суток. Мне теперь оставалось только сообщить, куда скрылась Инна, и принять наказание.

Когда я увидел взбешенное лицо Гарка, то отчетливо понял, что моя несчастная жизнь целиком и полностью находится в его руках. И все же это было ничто по сравнению с тем, что ожидало Инну, если она попадет в лапы тому ко-ту, с которым прогуливалась в горах Гатая. Ведь, в отличие от нее, моя кузина не могла приручить этого зверя. И я стал открыто говорить о том, что знал и видел, о тайных походах Инны к Лунному Святилищу.

Я увидел, как поднялся кулак Гарка, закованный в боевую перчатку. И я не противился удару, который обрушил-

ся на мое лицо и сбил меня на пол. Рот мой наполнился кровью. Рука Гарка потянулась к мечу. Я лежал перед ним, не предпринимая никаких попыток защититься. Меч был уже на полпути из ножен. Это было его право — перерезать мне горло, если он того пожелает. Ведь я предал своего лорда, разрушил кровные узы, и каждый знал это и понимал. Верность господину — это первейший долг каждого члена клана. Нарушить эту заповедь значило остаться без клана, без родственников и друзей.

Но он вдруг отвернулся с таким видом, словно я перестал для него существовать и не стоил даже того, чтобы убить меня. Он коротко приказал тем, кто находился в этот момент в доме, и они оставили меня в покое. Теперь, согласно обычаю, для них я уже перестал существовать. Я с трудом поднялся на ноги. В голове шумело и звенело от страшного удара. Но никакой удар не мог поразить меня больше, чем сознание предательства своего лорда. Теперь для меня здесь жизни не было, никто не захочет иметь дело со мной.

Когда я вышел из дома, то увидел, что все члены клана направляются в сторону склона, где располагалось Лунное Святилище. Однако я почему-то был совершенно уверен, что они не найдут там Инну. И хотя теперь я был клятвопреступником и не существовал больше для клана, кое-какая надежда все же еще оставалась.

Ничто не могло вернуть меня к жизни в глазах Гарка и клана. Правда, я остался жив только благодаря тому, что Гарк не посчитал меня достойным смерти от его руки. И хотя теперь я не мог обратить время вспять, чтобы совершить то, что должен был сделать раньше, но, может быть, мне чем-нибудь удастся помочь Инне?..

Хотя я все рассказал лорду о тайных посещениях Святилища его дочерью, я почему-то умолчал о Гатее. Если бы сейчас мне удалось добраться до Мудрой Женщины и ее воспитанницы, — мне почему-то казалось, что они знают гораздо больше о судьбе Инны, чем любой из нас, — то, возможно, мне удалось бы найти следы моей кузины.

Но без имени, без рода я не имел права ни на что, даже на свой меч. Гарк не отобрал его у меня, и я решил оставить его себе. Возможно, он поможет мне: если не искупить свою вину, то хотя бы просто помочь Инне.

Я повернулся спиной к людям, направляющимся вслед за Гарком в Лунное Святилище, и пошел на юг, рассчитывая за день добраться до долины Тутнеса и отыскать Мудрую Женщину. Мой шлем с эмблемой Дома я оставил валяться там, куда он откатился после удара Гарка, вместе с арбалетом, который был личной собственностью клана. С

непокрытой головой, с пустыми руками, спотыкаясь и падая, я пошел вниз по реке. Голова моя разламывалась от боли и гудела, в глазах двоилось.

Ночь я провел на берегу моря. Соленая вода, как огнем, опалила мои раны на лице. Один глаз распух и почти не открывался, а голова болела так, что в ней не оставалось ни одной мысли, кроме той, что я должен отыскать Мудрую Женщину или Гатею — только они могли знать, какое могущество заключено в Лунном Святилище.

За мной могла начаться охота, если Гарк не найдет следов дочери. Я был уверен, что так оно и будет: какие следы могут остаться на голых камнях? И тогда Гарк начнет мстить, потому что гнев воспламенит его гордость. И любой из нашего клана, кто притащит меня, заслужит его высочайшее благоволение. Если я хочу остаться в живых, чтобы постараться помочь Инне, то должен быть очень осторожным. Голова моя отчаянно кружилась, мысли не задерживались в ней надолго, и, сам того не замечая, я потерял сознание, пока морские волны прилива не привели меня в чувство.

Остаток ночи и весь день я шел вперед, с трудом переставляя ноги. Временами мне казалось, что я слышу крики позади. Однажды я даже в ужасе обернулся, ожидая увидеть сверкающее лезвие меча, занесенное над моей головой, но это были лишь крики морских птиц. В конце концов я добрал до того места, где повозки Тугнеса свернули с дороги. Здесь я обессиленно прислонился к камню и постарался собрать воедино те жалкие остатки мыслей, что билась у меня в голове. Прийти открыто в долину означало поставить себя под удар. Раз Тугнес не был другом Гарку, точнее, потому что они не были друзьями, он не упустит удовольствия схватить меня. Ведь как приятно будет говорить везде и всюду, что один из рода Гарка предал своего лорда, и вдвойне ему будет приятно передать этого преступника в тот клан, чье имя он носил.

Поэтому я должен использовать всю свою хитрость, что осталась в моей больной и разбитой голове, и все свое искусство воина и охотника, чтобы ускользнуть от людей Тугнеса и отыскать убежище Мудрой Женщины. Я даже не думал над тем, сможет ли она помочь мне. Единственное, что я помнил, это то, что такие люди не придерживаются старых обычаев. Их не связывают узы родства, и они могут проявить жалость ко мне и указать путь, на котором я могу служить леди из дома Гарка.

Я не помню, как проник в долину. Какие-то инстинкты, которые были сильнее моего сознания, помогали мне и оберегали от беды. Я старался держаться подальше от по-

лей и домов. Большую часть дня я пролежал среди камней почти без сознания, и мне показалось, что одна из черных птиц села мне на лицо и клюнула. Страшная боль пронзила меня с головы до ног. Но, может быть, это мне только показалось?

Была черная ночь, когда я очнулся. Меня мучала жажда, а тело горело так, словно я лежал на раскаленных углях.

Я медленно подполз к краю хребта. Спуск, лежащий передо мной, был очень крут. Единственная мысль, которая поддерживала меня, это что Гатей где-то здесь нашла проход, а, значит, по нему мог спуститься и я, чтобы найти жилище Мудрой Женщины. Я был почему-то уверен, что они живут в отдалении от того места, где поселились люди Тугнеса.

Прошло некоторое время, в течение которого я вставал и падал бесчисленное число раз, пока в последнем рывке я не сорвался и не покатился вниз, где ударился о камни с такой силой, что из меня вышибло дыхание, и я погрузился в темноту, которая была не сном, а чем-то гораздо более глубоким и менее легким для тела и разума.

И в конце концов, те, кого искал я, нашли меня. Я с трудом очнулся и увидел над собой прокопченные брусья, перевитые лозой и увешенные пучками сушеных трав, что напомнило мне сад, подготовленный к зиме. Моя голова все еще болела, но огонь, что жег меня всю дорогу, прошел. Но я был так утомлен, что руки едва повиновались мне, когда я попробовал пошевелить ими. Эта слабость не позволила даже страху проникнуть в мое сердце. Я попробовал повернуть голову. Жуткая боль пронзила все мое измученное тело, но теперь я мог хотя бы кое-что видеть одним глазом. Я понял, что лежу на постели у стены. В комнате не было ничего, кроме стульев и очага, в котором горел слабый огонь. Очаг был сложен из крупных камней и обмазан глиной. Из камней же были сделаны и полки, на которых лежали пучки сушеных трав, глиняные и деревянные сосуды и миски.

Воздух казался густым от наполнявших его запахов. Одни были приятными, другие же, наоборот, отвратительными. На огне стоял большой закопченный котел, в котором что-то булькало. От него шел такой незнакомый запах, что я не мог понять, почему вдруг ощутил пустоту в своем желудке: запах не был запахом пищи.

Тут за пределами моего поля зрения послышался шорох, и я, преодолевая боль, постарался больше повернуть голову. В полутьме комнаты мне удалось разглядеть Мудрую Женщину. Она несколько мгновений молча смотрела на меня, потом подошла к постели. Рука ее коснулась моего

лба, где сосредоточилась вся боль. Я дернулся, несмотря на то, что старался скрыть, какие муки приносит мне любое движение или прикосновение.

— Лихорадка прошла, — голос ее был тихим, но хриплым и суровым. — Это хорошо. Теперь... — Она подошла к очагу и зачерпнула глиняной чашкой какой-то черной жидкости, разбавила ее водой, добавила несколько щепоток сушеных трав из сосудов и коробочек.

Во время нашего совместного путешествия она была одета так, как одеваются все наши женщины. А теперь на ней была какая-то накидка, едва доходившая ей до колен, а из-под нее выглядывали кожаные брюки, заправленные в сапоги, такие же, как носят мужчины. Она подошла ко мне, осторожно просунула руку мне под спину и приподняла с такой легкостью, словно я был пушинкой. После этого она поднесла к моим губам чашку с горячим напитком.

— Пей! — приказала она, и я молча повиновался, как ребенок повинуетсЯ главе дома.

Напиток был горьким. Такого по собственной воле я бы не выпил. Но все же я мужественно проглотил его, стараясь не показать своего отвращения. Я был уверен, что это какое-то лекарство. Когда чашка опустела и она собиралась опустить меня обратно на постель, я попытался схватить ее за рукав, задержать, чтобы сообщить ей всю правду о себе. Я знал, что должен был сказать все сейчас, когда пришел в сознание, потому что позже это будет уже предательством. Моим вторым предательством...

— Я лишен рода... — собственный голос показался мне чужим. Слова, которые с легкостью формировались в моем мозгу, язык произносил с трудом, чужим, незнакомым голосом, словно язык и губы принадлежали не мне, а кому-то другому.

Она осторожно, но решительно высвободила свой рукав из моих слабых пальцев.

— Ты болен, — сказала она, как будто этот факт освобождал ее от греха, как бы черен он ни был. — И сейчас тебе нужно отдохнуть.

Когда я попытался снова заговорить, чтобы объяснить ей все, она молча положила свою сухую ладонь мне на губы, и опять я содрогнулся от страшной боли. Затем она отошла от меня и занялась каким-то своим делом, не обращая на меня никакого внимания. Она бесшумно и легко перемещалась по комнате, переставляя многочисленные сосуды и коробки, навоя порядок, известный и понятный лишь ей одной.

Наверное, ее напиток оказал на меня усыпляющее действие, так как вскоре глаза мои сами собой закрылись, и я провалился в глубокий сон, спокойный и без сновидений.

Когда я проснулся во второй раз, то увидел у очага Гатею. Котел все так же кипел на огне, и она медленно помещивала его содержимое большой ложкой на длинной ручке. Предосторожность эта не была излишней, так как, когда кипящая жидкость неожиданно выплескивалась на огонь, ослепительная вспышка озаряла комнату. Должно быть, я издал какой-то звук, так как Гатея сразу же положила ложку на полку и подошла ко мне со знакомой чашкой в руках.

На этот раз я уже без ее помощи приподнялся в постели и обнаружил, что в чашке налита обыкновенная вода. Я жадно проглотил ее, и мне показалось, что никогда в жизни я не пил ничего более вкусного. Затем я попытался объяснить Гатее то, что не захотела выслушать Мудрая Женщина.

— Они лишили меня рода... — я смотрел ей прямо в глаза. Мне было стыдно, но я должен был сказать ей это. — Лорд Тутнес с большим удовольствием отошлет меня обратно к Гарку. Он может наказать Мудрую Женщину, если она не сообщит ему о моем появлении...

Девушка нахмурилась и резко оборвала меня.

— Забина не имеет никакого отношения ни к лорду Тутнесу, ни к лорду Гарку. Ей нет никакого дела до того, что он хочет или не хочет. Ты болен и нуждаешься в ее помощи. Это ее ремесло, и никто не смеет вмешаться в ее дела!

Я чувствовал, что она все еще не понимает меня. В нашем народе тот, кто изгнан из рода, проклят навеки; и каждый, кто даст ему убежище, рискует навлечь на себя большие неприятности. Следовательно, ни один мужчина, ни одна женщина не могут заговорить со мной. Я был живым мертвецом, а кто захочет общаться с человеком без родины, без имени.

— Это из-за леди Инны... — я внезапно вспомнил, что привело меня сюда. — Она ходила в Лунное Святилище. Я несколько раз встречал ее там и не сообщил об этом лорду Гарку. Теперь она исчезла, возможно, пострадала от злых сил этой страны.

— Мы знаем... — кивнула она.

— Вы знаете? — я с трудом сел в постели, хотя голова моя была так тяжела, как будто на ней было одето сразу два боевых шлема. — Ты видела ее? Может быть, Инна встретила Гатею и та оказала ей помощь и дала убежище... хотя, зачем ей это делать?

— Ты говорил об этом в бреду, — девушка развеяла все мои надежды. — И сам лорд Гарк приезжал сюда. Но они быстро ускакали на запад, так как здесь никто не встречал ее.

— Запад... — повторил я. — В эту незнакомую и таинственную землю, которой даже Братья с Мечами советовали остерегаться. Что могло завлечь туда Инну?

— Может быть, ее туда позвали... — сказала Гатя, словно прочтя мои мысли. — Она пошла в Лунное Святилище в полнолуние и не имела защитного экрана...

— Позвали?... Кто и куда? — спросил я.

— Возможно, ты не имеешь права знать об этом. Забина все решит. А сейчас, — она достала с полки кусок свежеиспеченного хлеба и чашку с мягкой массой из фруктов, — ешь и набирайся сил. Возможно, тебя... и других... ждет дальняя и трудная дорога.

Оставив все это в моих дрожащих от слабости руках, она вышла из хижины, оставив меня одного. У меня в голове вертелась масса вопросов, но никто не мог ответить мне на них. А у меня ответов не было...

ГЛАВА 5

Я изо всех сил боролся со слабостью. Мне необходимо было как можно быстрее подняться на ноги и уйти отсюда. Я знал, что независимо от того, что Забина была Мудрой Женщиной, она рискует навлечь на себя большие неприятности, укрывая меня. Лорд Тутнес, я был уверен в этом, не будет считаться с обычаями, если решит, что ему будет выгодно нарушить их. Правда, все, что я знал о нем, было порождением слухов и сплетен, но в каждой сплетне есть доля истины.

Моя голова все еще тупо болела, но я уже мог смотреть тем глазом, по которому пришелся удар перчатки лорда. Я осторожно дотронулся руками до головы. Пальцы наткнулись на тугие кольца повязки. Я осторожно приподнялся и, борясь с приступами головокружения, медленно натянул штаны, сапоги и взял рубашку, которая лежала поверх моей постиранной и аккуратно сложенной одежды, когда в комнату вошла Мудрая Женщина.

Она быстро подошла ко мне.

— Что ты собираешься делать? — резко спросила она, хмуря брови.

Я молча натягивал рубашку через голову, дергаясь при малейшем неосторожном движении от пронзительной боли.

— Леди! — Я не рискнул поклониться, но вложил в свое обращение всю почтительность, на какую был еще способен. — Я должен покинуть твой дом как можно быстрее. Я

изгнан из своего клана...— Я не мог дальше продолжать, так как она резким жестом остановила меня и сама в свою очередь спросила.

— Ты знаешь, какие натянутые отношения у Гарка с Тугнесом?

— Эти люди готовы убить друг друга!..

— Не между ними.— Она явно удивилась моему ответу.— Между кланами. У них очень старая вражда.

— Я слишком молод, чтобы знать об этом.

— Да. Это очень старая история. Почему у глупых людей такая долгая память? — Тон ее был нетерпеливым. Она сделала резкий жест рукой, как бы отметая то, что считала людской глупостью.— Это началось задолго до того, как отец Гарка вышел из чрева своей матери. В роду произошло похищение невесты.

Я неподвижно замер на месте, даже не пытаюсь заправить рубашку в штаны. Хотя голова у меня по-прежнему кружилась, но я был не настолько глуп, чтобы не понять намеков, прозвучавший в ее словах.

— Сын Тугнеса?

То, что исчезновение Инны можно было объяснить самым простым человеческим поступком, никогда не приходило мне в голову. И теперь мне стало ясно, что Инну похитили не какие-то злые силы Лунного Святилища, а наши старые враги. Но если это так, то насколько безграничная вина падает теперь на меня!.. Допустить такое?! Торг, наверное, долго шпионил за нами, внимательно следил за всеми перемещениями Инны, изучал ее маршруты. А я, кому было поручено патрулирование, даже не заподозрил, что мы находимся под наблюдением. Я был по-глупому захвачен необычностью этой страны и совсем забыл про наши старые родовые неприятности.

Та мысль, которую Забина посеяла в моей голове, возшла быстро. Она настолько возродила мои силы, что я уже мог стоять на ногах. Я не мог надеяться победить в битве с неизвестным, хотя ничто не могло остановить меня от этой попытки, но победить Торга я, пожалуй, мог. Для этого мне нужен был только меч!

Теперь я заговорил с той уверенностью, которой у меня не было пять минут назад.

— Твоя воспитанница говорила о силах Лунного Святилища. Теперь ты натолкнула меня на мысль о Торге и старой вражде между кланами. Где же правда?

Она нахмурилась еще сильнее, и я заметил, что она прикусила губу, как бы стараясь сдержать нетерпение или скрыть готовые вырваться предательские слова. Затем она сухо произнесла.

— Торг много раз за последние дни самовольно ходил на охоту. Он часто ездил в горы, несколько последних дней возвращался без добычи. И потом, он еще ни с кем не обручен. Я строго предупредила его, когда он стал слишком заглядываться на Гатею. Сейчас женщины очень воспаляются его. И вообще, это очень бурная семейка, и немногие могут сказать об этом доме что-либо хорошее за время последних трех поколений. А, кроме того, еще и Кампур...

— Кампур? — Я мог понять все из сказанного ею, за исключением последнего слова, которое не имело для меня никакого смысла.

Она пожала плечами.

— Теперь дело не в этом, ведь все уже в прошлом. Однако это внушает людям сомнение в том, действительно ли лорд Тугнес думает о важных проблемах сегодняшнего дня.

Глаза ее встретились с моими и буквально впились в них, как будто она старалась воздействовать на меня, чтобы я забыл все сказанное ею, словно она уже жалеет о содеянном. Но так ли это? Я был уверен, что Забина не делает промахов: вероятно, она специально произнесла это имя, чтобы проверить меня, но я не мог понять, с какой целью.

— А Торг? — Я старался разобраться во всем до конца. Гораздо важнее было разобраться сейчас в настоящем, чем с головой погружаться в прошлое. — Он сейчас укрывается где-то здесь?

Она покачала головой.

— Он уехал вчера утром и до сих пор не возвращался. Перед этим он тоже пропадал целый день.

Значит, у него была возможность сделать то, что предполагала Забина: встретиться с Инной и завоевать ее расположение или, что гораздо более вероятнее, подстеречь ее, захватить и спрятать в надежном месте, которых в этой таинственной стране было более чем достаточно. Да, это гораздо проще и доступнее объясняло исчезновение Инны, чем проявление каких-то таинственных сил. Торг был человеком. И пусть он был искушен в военном искусстве, я был почему-то уверен, что смогу одолеть его в честном поединке. И хотя я мало знал о нем, да и видел всего лишь несколько раз во время путешествия, он был всего лишь человеком, и обычный человеческий разум мог победить его.

То, что он совершил, было когда-то принято в нашем народе и служило причиной вражды между многими кланами. В далеком прошлом юноши и девушки обручались при рождении, и затем тот, кто похищением разрушал намеченные связи между родами, подвергался наказанию и изгнанию.

Может, Торг решил, что, раз мы на новой земле, он может совершить это злодеяние и ускользнуть от наказания? Тем более, что сын Фаркона был далеко. Я плохо знал Торга, но такое объяснение вполне могло оказаться справедливым. Чтобы добраться до лорда Фаркона, требовалось потратить много времени, а у самого Гарка была лишь горстка людей, плохо знавших эту страну. Лорд Тутнес мог притворно присоединиться к экспедиции Гарка и чинить всякие искусные препятствия, чтобы задержать ее и дать возможность сыну добраться до своей цели. Ведь как только Торг ляжет с ней в постель, она будет считаться его невестой по праву, хотя она и обещана Фаркону. А Торг потом может откупиться от сына Фаркона.

Я уже видел, что стал причиной кровавой вражды между двумя, а, может быть, и тремя кланами. Разве не я позволил Инне тайно посещать Лунное Святилище? Разве не я проворонил шпионящего за нами врага? Да, суд Гарка надо мной был полностью справедлив. Теперь мне ничего не оставалось делать, как только выследить Торга. Он, скорее всего, еще не знал, что я изгнан из клана. И если я его вызову на поединок, он должен принять вызов. Я могу, нет... должен убить его! И его кровью смыть оскорбление наше-го... нет, дома Гарка!

— Лорд Тутнес знает? — Я отложил кольчугу и взял фуфайку с утолщенными плечами, чтобы они смягчали давление кольчуги.

Она пожала плечами.

— Ты изгнан из рода...

— Но Торг этого не знает, — возразил я. — И если я смогу добраться до него раньше...

Мудрая Женщина улыбнулась, но ничего приятного не было в движении ее губ. Я был перед ней в огромном неоплатном долгу — она залечила мои раны, вернула к жизни, хотя я все еще чувствовал во всем теле страшную слабость. Но я обнадеживал себя тем, что все это она сделала из большой любви ко мне. Нет! Это просто было ее ремесло. И чем скорее я уйду из ее дома, тем приятнее и свободнее она будет себя чувствовать.

— Тебе нужно перевязать голову, — она повернулась к полкам и стала копаться в многочисленных мисках и бутылочках, отыскивая нужное снадобье. Затем она смешала что-то в ступке и, взяв чистую тряпку, наложила немного мази.

— Тебе крупно повезло, — сказала она, подходя ко мне и осторожно меня повязку на голове. Я ощутил знакомый степной запах трав. — У тебя был расколот череп. Рука у лорда Гарка действительно тяжелая. Но внутренних по-

вреждений не оказалось, иначе ты не сидел бы сейчас передо мной.

— Это сделал не кулак лорда, — возразил я. — Голову я разбил при падении. А след кулака должен был остаться на щеке, — я дотронулся до разбитой скулы и вспомнил, что оставил свой шлем в доме лорда. Хорошо еще, что он не сорвал с меня меч, ведь он имел на это полное право. Может быть, гнев настолько ослепил его, что он забыл об этом?..

Она ничего не сказала, только плотнее обвязала голову и закрепила повязку. Затем неожиданно она схватила меня за подбородок, подняла мою голову и вперилась в мои глаза.

— У тебя двоится в глазах?

— Сейчас нет.

— Тогда хорошо! Но я предупреждаю тебя, что если ты пойдешь по следу до того, как полностью выздоровеешь, то просто погибнешь и не сделаешь ничего.

— Леди! Здесь я именно потому, что не сделал того, что должен был сделать. Если я сейчас выслежу Торга, то тем самым искупаю перед Гарком хотя бы часть своей вины.

— Вины?! — презрительно воскликнула она. — Что ж! Неси, если тебе так хочется, никому не нужную ношу своей вины. Каждый человек идет по той дороге, которая ему предначертана. Дороге, имеющей на своей протяженности много поворотов и канав. Ты думаешь, что сам распоряжаешься и управляешь своей жизнью, но не знаешь, что нити сплелись в ткань еще до того, как ты вышел на дорогу своей жизни.

Я поднялся.

— Леди, прими мою благодарность за все, что ты сделала для меня. Теперь я перед тобой в вечном долгу, если, конечно, лишенный рода может заявлять такое. Но у меня есть более старый долг перед лордом Гарком. И хотя я больше не принадлежу этому дому, но долг свой должен уплатить.

— Иди своим путем, Эльрон, как идут все люди. Но предупреждаю тебя: иди только туда, куда влекут тебя твои желания. И будь осторожен! — Она отвернулась, и я взял свою кольчугу...

Пока я с трудом обряжался в защитную одежду, не решаясь обратиться за помощью к Забине, она взяла с нижней полки сосуд, не глиняный и не деревянный, а серебряный, ослепительно сверкавший полированной поверхностью. Она осторожно взяла его в обе руки и долго смотрела на него, а затем подняла голову и взглянула на меня странным, загадочным взглядом. Все это было сдела-

но так, словно Мудрая Женщина пришла к какому-то чрезвычайно важному решению. После этого она быстро, но осторожно поставила сосуд на место.

Затем она взяла дорожную сумку, которую обычно путешественники носят за спиной, и принялась складывать в нее вещи, столь необходимые мне. В деревянную бутылку она переложила остатки мази и завернула ее в чистые полотенки тряпки, затем стала быстро перебирать свои миски и ящички. А я в это время затынул перевязь с мечом и, проверив, легко ли он движется в ножнах, повернулся к Мудрой Женщине.

Она сложила в сумку хлеб, но не положила ни кусочка сушеного мяса. Я знал, что люди ее ремесла никогда не едят мяса животных. Зато она дала мне мешочек с сухими фруктами. И, наконец, она подала мне большую глиняную бутылку для воды.

— Наполнишь ее водой из источника. Там хорошая вода, ее благословила луна! — И сумку, и бутылку она бросила на постель рядом со мной. И тут я почувствовал себя страшно одиноким. Как будто и здесь меня преследовали проклятья Гарка. Я чувствовал, что, несмотря на то, что она лечила и заботилась обо мне, она все же в глубине души желала, чтобы я покинул ее дом как можно быстрее. Но я не мог ругать ее за это.

И теперь, когда я уже был на ногах, я не мог уйти, не признав, что обязан ей жизнью. И, как это было положено по обычаю, я вынул меч из ножен, взял его за лезвие и протянул ей рукоятку. Правда, в глубине души я был уверен, что она не примет оружия. С людьми, лишенными клана, нельзя было даже разговаривать.

Забина посмотрела на меч, а затем перевела испытующий взгляд на меня. Как я и думал, она отказалась принять меч.

— Такие, как я, никогда не имеют дела со сталью, — сказала она. — Но твоё предложение, Эльрон, я принимаю. Может быть, когда-нибудь придет день и мне понадобится твоя услуга.

Я молча вложил меч в ножны, ощущая, как на мои плечи легла еще одна ноша. Но я гордо выпрямился и постарался забыть все, что теснилось сейчас в моем мозгу. Мудрая Женщина не лорд, не предводитель клана, но она всегда знает, что говорит. И я для нее не просто человек без рода и без имени. Я взял сумку и поблагодарил ее за лечение, хотя больше всего я был благодарен ей за то, что она считает меня человеком.

— Там в мешке лекарства, — сказала она. — Там все обозначено, как ими пользоваться. Лечи голову до тех пор, пока боль полностью не прекратится. И иди. Я благослов-

ляю тебя! — Забина сделала рукой жест, который не имел ничего общего с тем, что делают Барды, охраняющие священное Пламя. Но этот знак явно обладал могущественной силой, и я снова склонил голову в знак благодарности.

Мне очень хотелось увидеть Гатею, поблагодарить ее за заботу обо мне. Но ее не было, а мне пора было идти, и я не стал дожидаться возвращения девушки.

Судя по солнцу, была вторая половина дня, когда я покинул наконец хижину Мудрой Женщины. На востоке виднелись обработанные поля, и вдали возвышались бревенчатые стены хижины Тугнеса. Жилище Забины стояло прямо у подножья горы, и мне показалось, что отсюда по прямой совсем недалеко от Лунного Святилища, куда по своей глупости так часто ходила Инна... Это место действительно было самым удобным для выслеживания врага. Люди Гарка наверняка уже прочесали все скалы вокруг. Интересно, возникла ли у кого-нибудь мысль, которую внушила мне Забина, что явно не сверхъестественные силы похитили Инну, а повинен в этом наш старинный враг? А если возникла, то, значит, часовые без разговоров пустят стрелу в каждого, кто выйдет из этой долины. И я тем более буду для них желанной добычей.

Я подошел к источнику, чей бурный поток падал со скал, и наполнил бутылку водой. Затем, чувствуя приятную тяжесть у бедра, я двинулся вдоль подножья хребта в сторону моря, внимательно осматривая землю. Следов было очень много. Возможно, где-то здесь есть и следы Гатеи, которая посещала Лунное Святилище. Я знал, что это место представляло для наставницы Мудрой Женщины нечто важное. Я остановился в самом начале своего пути-поиска и прощально оглянулся на зеленую долину.

Стадо овец паслось на склонах холмов. Люди работали на полях, убирая последние колосья хлеба и травы. Я нигде не видел всадников. Картина, открывшаяся передо мной, была полна мира и покоя. Мог ли я считать это доказательством того, что Тугнес ничего не знает о действиях своего сына? А может, это было просто военной хитростью, чтобы обмануть невидимых наблюдателей противника, не спускающих глаз с долины? Ответ мог быть любым, а я плохо знал лорда Тугнеса. Я должен был идти, каждую секунду ожидая, что в спину мне вонзится стрела или вражеское лезвие меча.

Может быть, мне лучше было начать поиски вечером, когда стемнеет? Но ведь темнота тогда скроет и все следы, которые мог оставить Торг. Да, теперь я твердо был уверен, что Инну похитил именно он, старый враг лорда Гарка, потому что это было наиболее логичное объяснение.

И я решительно направился вверх по склону, так как начинать нужно было наверняка со Святилища. Действительно ли оно привлекало Инну своей загадочностью, или же оно было местом тайных встреч ее с Торгом?

Это предположение почему-то представило мне Инну совершенно в другом свете, чем я привык ее видеть. Робкая, слабая, полностью поглощенная мыслями о хозяйстве, какая-то бесцветная, была ли она в действительности такой? Или же все это было просто маской, прикрытием, под которым она скрывала свою сущность, свою жажду свободы, которая удовлетворялась лишь здесь, на новой земле. Теперь, оглядываясь назад, я понял, что ничего не знал о ней. Это страшно поразило меня. Ведь она была частью моей жизни. С детских лет мы росли вместе, и только потом, согласно нашим обычаям, она отделилась от меня. Но я не мог припомнить в ней ничего выдающегося.

Как она относилась к тому, что была обещана другому, совершенно незнакомому человеку, без всякого согласия с ее стороны? Но это был древний обычай, и я раньше никогда не задумывался над этим. Но для Инны это могло иметь решающее значение. Могла же она чувствовать неприязнь к незнакомому жениху, и на этом наверняка мог сыграть Торг и убедить ее нарушить обычаи своих предков.

Я взобрался на вершину хребта и сел передохнуть. Мне показалось, что дорога наверх отняла у меня уйму времени и сил. И не только потому, что я внимательно изучал тропу, по которой шел, ища малейшие следы, но еще и из-за того, что слабость, не покинувшая меня, давала знать о себе, заставляя часто останавливаться для отдыха.

Единственные следы, которые я обнаружил, были следами гигантского кота, который везде сопровождал Гатею. Отпечатки его мягких лап были хорошо видны на земле. Я осторожно передвигался от одного укрытия к другому, каждый раз внимательно прислушиваясь. Но ничего, кроме радостного пения птиц, не долетало до моих ушей. Если кто-то и подстерегал меня, то они хранили до поры до времени полную тишину, стараясь не спугнуть меня.

Подход к Лунному Святилищу с этой стороны был очень удобен для меня, потому что изобиловал нагромождениями камней, за которыми я мог скрыться в случае опасности. Может быть, они и предназначались когда-то для этого, я не знал, но, во всяком случае, они не были возведены искусственно руками человека.

Наконец, я добрался до последнего камня, откуда хорошо мог разглядеть деревья, окружавшие Святилище. Сейчас они были полностью покрыты листвой, так что колонны и площади почти не было видно. Мне бросилось в глаза, что

ветки на одном из деревьев были безжалостно обрублены, видимо, для того, чтобы не скрывали проход на площадь.

Долгое время я лежал, прислушиваясь и выжидая, даже нюхал воздух, который поднимался из долины Гарка. Однако ничего подозрительного обнаружить не мог. Если меня здесь ждет западня, то она скрыта очень искусно. Я уже собирался спуститься вниз, как вдруг между деревьев мелькнула чья-то тень. Мгновение — и гигантский кот вышел на поляну и внимательно огляделся по сторонам. Затем его голова медленно повернулась в мою сторону, да так и замерла. Видел ли он меня или же просто чувствовал мое присутствие по запаху, я не знал. Но в одном я был твердо уверен: он знал, что я нахожусь здесь!..

Однако теперь я был уверен, что здесь нет никого из людей Гарка. Этот зверь не стоял бы так спокойно на открытом пространстве, если бы здесь были еще люди. Поэтому я поднялся в полный рост и вышел из-за камня, служившего мне укрытием. Раз кот здесь, значит, и Гатей где-то поблизости. А если он один, то, может быть, по старой памяти позволит мне приблизиться и поискать следы Торга и его племянницы?

Мое первое предположение оказалось справедливым. С легким изяществом и грацией, не уступавшей зверю, из зарослей выскользнула воспитанница Забины. Она была одета так, словно собиралась в дальний путь, а волосы были заколоты и спрятаны под маленькой шапочкой серо-коричневого цвета. Такого же цвета была и остальная ее одежда. Теперь она стояла между деревьями и тоже смотрела в мою сторону. Она совершенно не была удивлена моим появлением, напротив, она стояла с таким видом, словно поджидала меня и сердилась за то, что я опаздываю.

Как и у меня, за спиной ее висел туго набитый дорожный мешок, пожалуй, даже больший, чем мой, а на поясе висела бутылка с водой. Никакого оружия у нее не было, кроме небольшого ножа, который служил разве только для приготовления пищи. Она утробно смотрела на меня, не здороваясь, словно мы были совершенно не знакомы и не нужны друг другу. Кот приподнял верхнюю губу, но, если это и был жест угрозы, то я его не понял.

— Значит, ты пришел...

Слова ее мне показались загадочными. Неужели она думала, что я не приду? Мне было уже не оправдаться перед своим кланом, но для самого себя я должен был найти след Инны.

— Да, пришел! Если след есть, — сказал я, — то он должен начинаться отсюда. Здесь я часто встречал ее, здесь же

ее мог и подстеречь Торг... или же где-нибудь поблизости от этого места. Другого пути для...

— Она... он... они? — перебила она меня. На ее лице было написано такое изумление, что я замер на месте.

— Торг, — наконец, с трудом подавив растерянность, произнес я. — Он решил добыть себе жену и обчистить дом своего заклятого врага.

— Какое отношение имеет Торг к этому? — она махнула рукой в сторону Святилища.

— Он мог увидеть ее здесь, подстеречь и похитить. Ее легко было напугать. — Я не был теперь полностью уверен в своих словах, но честь дома Гарка требовала, чтобы я говорил только о насильственном похищении, а не о добровольном побеге.

Гатяя сделала несколько легких шагов в мою сторону. Она смотрела на меня таким же взглядом, каким незадолго до этого смотрела на меня Забина, как будто стараясь проникнуть в глубину моих мыслей.

— Почему ты думаешь, что это Торг? — наконец спросила девушка.

— Твоя госпожа сказала мне об этом...

— Неужели она? Ты уверен?! — Гатяя говорила резко и язвительно.

Я стал припоминать слова, которые говорила мне сегодня Мудрая Женщина. Сказала ли она, что это сделал именно Торг? Я постепенно восстановил весь наш разговор. Нет, она только задала пару вопросов и кое-что сказала о прошлом. Все остальное было моим домыслом.

Гатяя, видимо, с легкостью прочитала все мои мысли и поняла, к какому заключению я пришел. Она кивнула удовлетворенно.

— Забина не говорила этого, — ровным голосом произнесла она. — Ты сам вложил эти слова в ее рот.

— Но она и не отрицала моих слов, поэтому я и пришел к такому заключению!

— Она не может отвечать за мысли тех, кто старается найти себе врага полегче.

— Я и не думал о Торге, пока она не натолкнула меня на эту мысль, — возразил я. — Когда я сказал, что собираюсь выследить его, она не возразила мне ни единым словом.

— А зачем? Какое ей дело до ваших ссор?

Я сделал шаг вперед, взбешенный от мысли, что эти две женщины позволили играть мной, как им хочется. Да, они излечили мое тело, но это же их профессия! А какое им дело обоим до меня? Забина весьма коварно послала меня по следу, ведущему в никуда, а эта девушка ведет себя со

мной открыто враждебно. Но почему тогда она не подтвердила мои заблуждения и не отправила очень надолго по ложному следу на дикий запад, откуда я мог вообще не вернуться?

— Где тогда леди Инна? — Я решил, что у меня больше нет времени ошибаться и гадать. Мне оставалось только искать Инну. Не бросать же ее в жертву похитителю, будь то человек из наших долин или же выходец из прежних времен.

— Я не знаю.

И я сразу же поверил ей. Только... Если она не знает, где моя кузина, то, возможно, она хотя бы знает, что с ней произошло? В этом я был почему-то убежден. Я готов был вытрясти силой из нее правду, так силен был мой гнев. Но тут грозный страж зарычал, обнажив великолепные клыки, и гнев мой митом улетучился.

— Ее позвали, — медленно сказала Гатя. — Я видела ее. Она приходила сюда вовсе не из простого любопытства, как думаешь ты. Нет, в ней всколыхнулись глубочайшие женские инстинкты. Она находится в таком возрасте, когда Великая Леди посылает женщинам зрелость. Даже такие, как эта Инна, которые всю жизнь жили по обычаям и законам людей, откликаются на женскую магию, если она достаточно сильна. Поэтому ее и тянуло туда, где лунное прикосновение было особенно мощным. Однако она не была защищена теми силами, которые известны нам, и была открыта полному потоку энергии.

— Я не понимаю тебя. Она пошла в Святилище. И что же произошло? Не растворилась же она в воздухе, не провалилась сквозь землю? Ее мог унести только зверь или человек. Если это человек, то Торг! Больше никому!

К моему удивлению, Гатя рассмеялась.

— Запечатая свой мозг, отвернись от непонятного и загадочного, как это делаете всегда вы, люди! Инна исчезла, и ты должен искать ее. Если у тебя хватит мужества, иди! В этой стране много тайн. Открой их и, может быть, ты обнаружишь нить, которая приведет тебя туда, куда надо. А может быть, ты и не сможешь этого сделать. Ответ на это может дать только попытка.

Она поддернула повыше свой дорожный мешок и повернулась. Кот, оставаясь все время между нами, пошел за своей хозяйкой. Гатя направилась на запад с уверенностью человека, твердо знающего, куда и зачем он идет.

ГЛАВА 6

Я смотрел ей вслед, уверенный, что больше она мне ничего не скажет. Но я чувствовал, что она совершенно уверена в непричастности Торга к похищению Инны. Я повернулся и направился к Святилищу, но смог пройти только до начала прохода в деревьях. Дальше пути не было. Таинственная невидимая стена стояла на моем пути. Я попробовал навалиться на нее всем весом своего тела, но тщетно. Святилище снова было закрыто барьером, которого я не мог преодолеть. Я толкал его изо всех сил, бил руками и ногами, но все мои попытки ни к чему не привели.

Мои скудные знания не позволяли мне понять это странное явление. Все наши кланы издавна поклонялись только Вечногорящему Пламени. Мы слушали песни Бардов о людях, которые выигрывали битвы или, проигрывая, погибали на поле боя. Но мы никогда не встречались и не слышали о наличии невидимых сил, против которых не могли сражаться бранным оружием даже самые сильные воины.

Но сейчас я не был охвачен трепетом. Я был страшно зол на Забину и ее воспитанницу, так как был уверен, что они наверняка знали больше, чем говорили. А мне они пока не сказали ничего, кроме глупых мистификаций и обмана.

Значит, мне не подойти и не осмотреть это место, где нет ничего, кроме голых камней? Ну хорошо, Инны здесь нет. Но она не вернулась домой, а, следовательно, находится где-то в другом месте. Я обернулся, чтобы посмотреть, куда пошли Гатей со своим сопровождающим. Вполне могло быть, что эта надменная искательница неизвестного пошла туда же, куда и Инна, хотя цели их мне были не понятны. Я только думал о туго набитом мешке на спине Гатей. Вполне могло быть, что она несет продукты кому-то... Я не видел причины, почему это не может быть моя кузина, которая может поступать так по наущению Забины.

Мудрые Женщины... Я подумал, что же мне известно о них. Все они были целителями и, согласно слухам, обладали каким-то могуществом. Они давали клятву использовать свое могущество только для добра, так что ни один человек не мог поднять на них руку с оружием, и они могли находиться и жить там, где только захотят, и даже выбирать себе учениц. Но с того мгновения, как ученица была выбрана, она сразу же лишалась клана и имени, независимо от того, в каком клане она была рождена. Но самое интересное было в том, что ни одна Мудрая Женщина не имела двух учениц. Разве Забина могла взять себе Инну, если у нее уже была Гатей? А, кроме того, ученицы выбирались тогда, ко-

гда они были еще маленькими детьми, а вовсе не в то время, когда девушка уже созрела для брачного ложа. Однако я был уверен, что Гатяя что-то знает о судьбе дочери Гарка, и если я хочу узнать что-то, то должен следовать за ней. И я пошел следом, остерегаясь кота, так как наверняка он охранял и прикрывал ее путь от меня или кого-нибудь другого.

Я внимательно вглядывался в землю, но отчетливого следа не было. Изредка я натыкался на отпечатки кошачьих лап, которые словно специально для меня были оставлены на открытых местах. Вскоре следы завели меня в узкое ущелье, гораздо более узкое, чем наша долина. И тут же я наткнулся на след, который заставил меня усомниться в правильности принятого решения. Та, за кем я шел, не могла оставить такого открытого следа. Я наклонился и поднял узкий кусочек тонкой ткани от накидки, которой Инна укрывала свое лицо от солнца.

Сначала следы кота, а потом это! Они, наверное, считают меня идиотом? Но у меня не было выхода, потому что я был почему-то уверен, что Мудрая Женщина и ее ученица не могли вступить в преступный сговор с лордом Тутнесом, и поэтому я продолжил свое путешествие.

Узкая тропинка все круче и круче сбегала вниз, пока не превратилась в ступени каменной лестницы, вырубленной в скалах. Старые, выщербленные, кое-где заросшие травой, они были все же ступенями лестницы, вырубленной человеком. Они были слишком правильные и равномерные, чтобы быть просто следствием игры природы. Кое-где почва была сдвинута, и там я различал отчетливые отпечатки сапог и кошачьих лап. Теперь мне стало ясно, почему я так быстро потерял Гатею из виду: она просто спустилась сюда.

Она шла очень быстро, так как я все еще не мог увидеть ее впереди. Я прибавил шаг, понимая, что так очень трудно будет нагнать Гатею, если я буду задерживаться над каждым подозрительным следом.

Лестница вскоре кончилась, и я оказался на перепутье. Узкий каменный проход уходил в обе стороны, а прямо передо мной на последней ступени лестницы были вырезаны два глубоких знака. Один из них был в виде пары острых рогов, а другой представлял собой какой-то таинственный рисунок в виде изогнутых, переплетающихся линий, очевидно, знак или слово на древнем, давно исчезнувшем языке жителей этой страны.

Присев на корточки, я оперся плечом о стену и внимательно осмотрел знаки на скале. Потом провел рукой по знаку в виде рогов. Пронзительный крик боли вырвался из моей груди. Я отскочил назад, тряся рукой. Впечатление

было таким, словно я сунул руку в костер и попробовал вытащить раскаленный уголек.

Я осмотрел пальцы, ожидая увидеть следы ожога, но, хотя боль и была ужасной, рука была совершенно здоровой. Я покрутил пальцами, потом осторожно перешагнул через эти рога, стараясь держаться как можно дальше от того, что казалось всего лишь серым камнем. Какая-то неведомая сила потянула меня в ту сторону, куда указывали эти обжигающие рога. Сделав несколько шагов, я далеко впереди себя увидел фигуру Гатей, так как проход был прямой и ничто не загромождало обзор.

— Гатей! — рискнул крикнуть я, хотя и не ожидал от этого ничего хорошего. Но она не оглянулась и ни на мгновение не замедлила шаг. Не прореагировал на мой крик и огромный кот, который бесшумной тенью сопровождал девушку.

Мне ничего не оставалось делать, как идти следом за этой парочкой. И по мере того как стихала боль в пораженной руке, у меня все более крепло желание добиться от Гатей прямого, правдивого ответа.

Мы уже шли довольно долго, но девушка не сбавляла шаг, ни на мгновение не останавливаясь на отдых. А я, как ни старался, все никак не мог догнать ее. Это было еще одной загадкой для меня, так как расстояние между нами было неизменным, несмотря на то, что я уже почти бежал.

Впереди неожиданно посветлело. Похоже, что ущелье должно было закончиться. Интересно, куда оно привело нас? В долину Тутнеса или долину Гарка? И в том и в другом случае опасность для меня резко возрастала. Ведь в этом случае мне придется не только следить за Гатеей, но и самому стараться быть не узнанным.

Неожиданно Гатей и кот пропали, видимо, они вышли из ущелья и свернули в сторону. Мне ничего не оставалось делать, как припустить бегом по-настоящему. Если они скроются сейчас, то вряд ли я смогу их быстро отыскать.

Я выбежал на открытое пространство и сразу понял, что это не долина Гарка. Передо мной лежала земля, полностью лишенная какой-либо растительности: на каменистой почве тут и там были разбросаны груды камней и валунов. Огромные, грубые и необработанные, они образовывали огромные крути, вложенные друг в друга. Внешний круг был выложен из самых больших и высоких камней. Внутри него находился другой круг из камней поменьше, а затем шел внутренний, центральный круг из маленьких камней. Здесь не было видно колонн, как в Лунном Святилище, но можно без сомнения было сказать, что камни эти были положены разумными существами, правда, неизвестно для

чего. Сооружение это не было оборонительным, так как расстояние между соседними камнями было достаточно широким, чтобы там мог свободно пройти человек или животное.

Я шагнул вперед. И в то же мгновение откуда-то сбоку на меня бесшумно налетела бело-серая тень. Мощный удар сбил меня с ног. Тяжелые передние лапы огромного кота упирались в мою грудь, плотно прижав меня к земле, длинные обнаженные клыки были нацелены на горло. Я попытался высвободить руку и дотянуться до меча или хотя бы до ножа, но зверь сделал меня совершенно беспомощным. И в то же время он не делал никаких попыток покончить со мной. Он просто сидел и держал меня в неподвижности.

Откуда-то со стороны пришел незнакомый звук, какое-то слово, которое я не смог уловить и понять. Кот оскалил зубы и прорычал в ответ. Затем он мягко отпрыгнул в сторону, хотя и недалеко, освободив меня, но готовый в любое мгновение снова броситься на меня.

Теперь я был совершенно свободен и ухватился за рукоятку меча. Я почти вытащил его из ножен, когда из-за камней неожиданно вышла Гатей.

— Разве я Торг, чтобы ты следил за мной? — произнесла она презрительным тоном. — Или ты думаешь, что я где-то прячу леди Инну, чтобы обесчестить ее?

— Да, — ответил я ровным и спокойным голосом. А затем добавил: — Может быть, и не для того, чтобы обесчестить, а для каких-то своих собственных целей...

Она неожиданно рассмеялась беззаботно, легко и спокойно. Она чувствовала себя в полной безопасности под охраной своего кота. Она смотрела на меня, уперев руки в бедра, а мой гнев постепенно уступал место ледяному спокойствию и уверенности в том, что мне нужно было делать.

— Спрячь оружие, — приказала она. Улыбка пряталась в уголках ее губ, которые казались узкими на ее широком рте. — Радуйся, что тебя вовремя остановили и не позволили войти туда! — Коротким движением подбородка она указала на каменный круг.

— Там таится опасность? — И тут я вспомнил, как камень с вырезанным знаком обжег мне пальцы таинственным жаром, и неуверенность охватила меня своей холодной волной. Кто знает, что здесь может ждать человека?

— Ты бы быстро понял это...

Я почему-то решил, что она собирается оставить меня здесь. Под бдительным взглядом немигающих глаз зверя я медленно поднялся на ноги, так как в таком положении чувствовал себя гораздо увереннее.

— Это западня! — сказала она жестко. — Иди сюда и посмотри сам.

Когда я подошел к ней, с опаской косясь на кота, она взяла меня за рукав куртки и повела к тому месту, откуда можно было увидеть центр этого каменистого колеса. В центре его лежал человек, уткнувшись лицом в землю. Он лежал неподвижно и, вероятно, нуждался в помощи. Но когда я хотел подойти к нему, Гатяя остановила меня, а кот зарычал и метнулся вперед, преграждая мне путь.

— Он мертв, — сказала она без всякого выражения в голосе, — и уже давно. Это Джамиль из клана Тутнеса. Он преследовал меня, как когда-то Торг. Ему нужна была женщина, и он собирался сделать меня своей жертвой. Но, войдя в этот каменный круг, он уже не смог его покинуть. Я думаю, что он обезумел, так как начал бегать внутри маленького круга и с криками ужаса кидаться на камни, пока не упал замертво.

— Как я могу поверить твоим словам, Гатяя? Ведь никто не смеет поднять руку на Мудрую Женщину, — сказал я. Но в голове в то же мгновение всплыли слова Забины о том, что наследник Тутнеса тоже пробовал преследовать ее воспитанницу.

Девушка понимающе кивнула головой, словно прочитала мои мысли.

— Ты плохо знаешь лорда Торга. Среди его клана есть клятвопреступники и кое-что еще похуже. Они... — она покачала головой. — Мне кажется, и Забина думает так же о том, что Барды пропустили через Врата слишком много из нашего прошлого. По-моему, теперь наше зло получило здесь благодатную почву и начало бурно расцветать. Однако Джамиль один из первых встретился с силами, которые сумели остановить его.

И снова все мои сомнения в искренности ее слов рассеялись, словно туман в солнечных лучах. Но меня очень интересовало ее собственное мнение обо всем происшедшем, поэтому я спросил:

— Что убило его?

— Могущество, — упрямо ответила она. — Здесь скрыто какое-то могущество, которое даже мы не можем понять. Но Гру может свободно ходить здесь, — рука ее опустилась на шелковистый загривок кота и потрепала за уши, словно это был маленький домашний зверек. — Я видела, как и другие живые существа пробегали здесь без всякого ущерба для себя. А ты не ощущаешь никакой угрозы, исходящей оттуда?

Она так пристально смотрела на меня, что мне вдруг захотелось укрыться от этого давящего взгляда, и неочи-

данно для самого себя я высвободил свой рукав и направился к каменному барьеру. Вроде бы ничего не происходило, но чем ближе я подходил к круту камней, тем сильнее дрожала моя плоть. Невидимого барьера здесь не было. Однако во мне вдруг возникло мощное чувство опасности, и чтобы избежать его, я почему-то должен был прыгнуть в самый центр каменного крута, только там было спасение от неведомой угрозы, которой я не мог назвать, хотя и ощущал все яснее и реальнее.

И ощущение это было настолько сильным, что когда от мощного удара лапы кота, возникшего на моем пути, я отлетел к ногам Гатей и она за куртку оттащила меня прочь от этих камней, я был готов драться с ними, чтобы освободиться и найти спасение в центре крута.

— Там не спасение!.. — прокричала Гатей мне прямо в ухо. — Там гибель! — Прочла ли она мои мысли или же сама испытала аналогичное, но смогла справиться, не знаю.

Она оттащила меня подальше, туда, где не чувствовалось воздействие этого таинственного сооружения. Меня била крупная дрожь.

— Инна! — Я содрогнулся при одной мысли о том, что она могла попасть сюда, если бы шла этим путем. В центре ловушки лежал один только труп, но это ни о чем не говорило. Если присмотреться хорошенько, то можно было заметить тут и там разбросанные между камней светло-серые кости и черепа. Ловушка действовала безотказно.

— Ее здесь не было. — Гатей отпустила меня. — Я же сказала тебе, что ее унесла другая магия...

— Нет. Ты где-то спрятала ее, а теперь несешь ей пищу. — Я указал на ее туго набитый мешок. — Возможно, она сама спряталась от преследований Торга, а возможно, ты околдовала ее, чтобы она стала такой же, как ты.

— Как я? И ты говоришь это мне, словно считаешь меня ниже этих ваших леди, с их куриными мозгами и мягкими телами, с их огромным желанием поскорее попасть на брачное ложе! — Она отошла от меня. — Нет! Возможно, в твоей маленькой мягкой леди и была искра таланта, так глубоко запрятанная годами жизни среди вас, что она никогда не подозревала о том, что спит в ней, пока она случайно не нашла место, которое разбудило, вызвало к жизни спрятанное в ней могущество. Я не прячу Инну и не ношу ей пищу. Она исчезла, и я сама не знаю, куда, но пытаюсь ее найти так же, как и ты, но с другой целью, так как она сама не знает, что ей делать с тем, что проснулось в ней. — В ее голосе теперь слышалось открытое презрение. — Меня не было в тот момент, когда Святилищу вернулась жизнь. Поэтому исчезла она... хотя на ее месте по

праву должна быть я! — Глаза Гатей гневно сверкали, а голос возбужденно звенел. — Она отобрала у меня то, что принадлежит мне по праву. И я даже не могу предположить, что она будет делать с этим, будучи тем, что она есть. И я иду не затем, чтобы освободить маленькую глупую леди, воин, но чтобы предотвратить те глупости, которые она может совершить со своим неупрямляемым любопытством.

— Где?

— Где? — как эхо повторила она, вздернув свой упрямый подбородок. — Там... — И она указала на запад. — Я иду по следу, который тебе не понять. Мой проводник находится здесь. — Она прикоснулась пальцем ко лбу между глазами. — И здесь. — Она ткнула пальцем в грудь. — Может, конечно, оказаться, что я не обладаю необходимым могуществом, но попытаться все же стоит... каждый может сделать попытку.

— Ты уверена, что Инна попала в колдовские сети и похищена? — медленно произнес я. — Ты уверена, что сможешь найти ее? После этого... — я указал на каменную западню, — как я могу сказать, что истинно, а что ложно в этой стране? Но если есть шанс найти мою госпожу, и ты можешь служить проводником, то я тоже пойду с тобой.

Она хмуро взглянула на меня.

— Это женское могущество, — медленно произнесла она. — И я сомневаюсь, что ты можешь идти туда, куда пойду я.

Я покачал головой.

— Я не знаю ни одного могущества. Но я знаю, что на мне лежит долг чести, и я пойду везде, где есть шанс спасти Инну. Я думаю, что Мудрая Женщина знает это. Может быть, она и хотела сбить меня с пути намеками на причастность Торга, но она дала мне в путь вот это, — и я указал на мой мешок с продуктами. — И она не пыталась отговорить меня от этого.

Гатей скупой улыбнулась мне самыми уголками рта. Эта улыбка ее не нравилась мне все больше и больше.

— Забина прекрасно знает, что бесполезно спорить с теми, чей разум ограничен, закрыт голосу другого разума. А она поняла, что твой разум закрыт наглухо!..

— Возможно. А как твой?

Она еще больше нахмурилась.

— Ты слишком много говоришь. — Она отвернулась. — Если ты способен подвергнуть себя таким опасностям, каких не можешь даже представить, то идем, безродный! Скорее наступит ночь, а в этой стране лучше ночевать в убежище.

И она пошла, осторожно обогнув каменную западню, даже не оглянувшись на меня. Я молча пошел за ней.

Идти было трудно. Все было завалено обломками каменных блоков, плит, колонн. Мы карабкались по ним, причем я старался держаться как можно ближе к Гатее. Я боялся угодить в еще какую-либо ловушку.

Кот, к огромному моему облегчению, шел теперь впереди нас. Я не доверял ему, хоть он и преданно служил моей спутнице. Он уходил далеко вперед и дожидался, пока мы подойдем к нему.

Солнце уже клонилось к земле, когда, в очередной раз подойдя к коту, мы увидели, что он лежит в удобной нише, под каменным козырьком. Далее нашему взору открылась дикая каменистая стена. Лишь кое-где виднелись зеленые островки растительности. А в основном там вздымались хаотические скопления каменных обломков.

Топлива для костра здесь не было. Но мне и не хотелось почему-то разжигать огонь. Ведь он мог привлечь... Кого? Людей Гарка или же жутких созданий, гораздо более страшных и беспощадных, чем разгневанный лорд? Солнце, казалось, задержалось на небе, давая нам возможность как следует изучить все подходы к нашему убежищу, которое отыскал для нас кот. Сам он исчез в дикой долине, собираясь, как я полагаю, там поохотиться. Гатей и я поели из наших скудных запасов и сделали по глотку воды. Впереди не было заметно никаких признаков воды, разве что у островков растительности можно было наткнуться на родничок или лужу с дождевой водой.

Мы не разговаривали, хотя у меня на языке вертелось множество вопросов. Гатей демонстративно отвернулась от меня, дав понять, что мыслями она сейчас находится далеко-далеко отсюда, так что я не стал нарушать звенящей тишины, которая опустилась между нами.

Я внимательно рассматривал местность, лежащую перед нами, отыскивая наиболее легкий путь на завтра среди дикого нагромождения камней. Долина была пустынна, но в ней таилась угроза. Казалось, что она полна опасностей. Вероятно, каменная ловушка предназначалась для защиты от тех, кто мог прийти со стороны моря, и она, наверняка, была всего лишь первым сюрпризом на пути странника.

— Это не земля Гарка, — наконец сказал я, не вытерпев тишины, а в основном для того, чтобы услышать свой голос, так как тишина воздвигала все более непроницаемый барьер между нами. Если мы собираемся и дальше идти вместе, то нам необходимо было общаться друг с другом, чтобы противостоять неведомым опасностям, которые, как я был уверен, лежат перед нами.

— Но и не Тутнеса.— Гатя удивила меня своим ответом.— Этой страной правят другие. Нет, нет, не спрашивай меня, кто... Я не могу сказать. Мы здесь пришельцы и поэтому должны быть крайне осторожными.

Согласилась ли она на наше партнерство, произнеся это? Во всяком случае в ее голосе я не обнаружил презрения или недовольства, и она не хмурилась, как обычно, разговаривая со мной. Солнце постепенно склонялось за горизонт. От камней к нашим ногам потянулись тени, словно кто-то тянул к нам свои руки.

— Это проклятая страна, и мы были идиотами, когда решили завладеть ею,— невольно вырвалось у меня.

— Проклятая. И благословенная, и все, что лежит между этими двумя словами. И все же мы должны были прийти сюда, иначе Врата вообще не открылись бы нам. Следовательно, во всем этом есть какой-то смысл, и мы должны раскрыть, в чем он заключается, и зачем мы здесь.

— Врата,— медленно произнес я.— Я знаю, что пение Бардов открыло их, но при этом из нашей памяти была удалена вся информация о том, почему мы должны были уйти. Зачем это было сделано? — И тут мои мысли потекли совершенно в другом направлении.— Может быть, потому, что здесь нам придется встретиться с новыми врагами, а воспоминания о прошлом будут только мешать нам? И все же мысль о том, зачем мы пришли, не дает мне покоя с того самого момента, как мы ступили на эту землю...

Гатя молча сложила остатки пищи в мешок и затянула лямки.

— Спроси об этом у Бардов, но не жди ответа. Эта страна может быть более благословенной, чем проклятой...

Она замолчала, потому что в вечернем воздухе раздался звук. Я затаил дыхание. Говорят, что Барды своим пением могут выманить душу из человека, оставив ему лишь пустую оболочку. Я всегда считал это выдумками людей, которым нравится враньем украшать свои рассказы. Но этот звук, который раздался вдруг в каменном мире, без сомнения, был пением, которого я не слышал никогда в жизни, даже когда пел Бард Оуз на празднике середины лета.

Это был даже не голос человека, а, скорее, пение небесных созданий или группы женщин. Иногда звук достигал такой высоты, что казалось, будто щебечут невиданные птицы. И раздавался он откуда-то сзади!

Я мгновенно вскочил на ноги и выбежал из убежища. Гатя стояла рядом со мной так близко, что мы соприкасались плечами. Мы оба напряженно вглядывались в ту сторону, откуда сегодня пришли. Именно оттуда раздавался голос, так ошарашивший меня. Это был хвалебный гимн,

нет, это была призывная песня возлюбленных. В ней звучала радость победы, приглашение в домашний уют тех, кто храбро дрался, не щадя себя. В нем звучало...

Теперь я их увидел. Это были женщины, и они были прекрасны, хотя лица их были закрыты длинными волосами, которые волновались на ветру. Странно, никакого ветра я не чувствовал. А их тела, стройные, женственные тела, тоже были скрыты только длинными волосами, или же это были прозрачные одежды, такие тонкие и невесомые, что казались издали локонами, плывущими в воздухе. Серебряными казались их волосы, серебряными были и тела. Они были далеко от меня, и тем не менее, по мере того, как каждая из них делала шаг, напевая этот гимн, мне казалось, что я вижу их яркие глаза, огненно-яркие, цвета ночного пламени, которые я видел, несмотря на то, что лица их были скрыты вуалью волос.

Они шли рука об руку, и вот они разошлись, образовав круг... за ним другой... третий! Три круга! Я вскрикнул.

Там, где раньше стояли каменные обломки в виде трех концентрических кругов, теперь шли эти поющие женщины. Может быть, это неверное вечернее освещение обманывает мое зрение? Серебряные тела, волнистые волосы, которые светились сами по себе таинственным сиянием.

А они продолжали свое чарующее, обворожительное пение. Мир и счастье, любовь, приветливый дом, вечная жизнь, но жизнь совсем другая, чудесная неземная жизнь. Нужно только идти к ним, и все это будет, все исполнится. Все слаще, призывнее, соблазнительнее становилась песня. И я пошел, но мое сознание не участвовало в этом. А я шел, должен был идти...

И снова я был безжалостно и грубо брошен на камни. Сильный удар заставил меня даже перевернуться через голову. Затем, мгновение спустя, рядом со мной упало второе тело, и мы некоторое время боролись друг с другом, стараясь освободиться от противника, до тех пор, пока большое, тяжелое и мохнатое тело не обрушилось на нас, придавив к земле своей тяжестью.

Я почувствовал сильный кошачий запах, услышал глухое ворчание, такое низкое, что казалось вибрацией самого тела, чем просто звуком. А пение все продолжалось и все манило нас, но сбросить с себя Гру было невозможно.

Затем сквозь разрывающее сердце пение прорвался голос Гатей. Лицо ее было совсем рядом с моим, я даже почувствовал ее дыхание на своей щеке.

— Пальцы... в уши... заткни...

Я почувствовал, как она заворочалась рядом со мной, и понял, что она старается заткнуть уши, чтобы оттородиться

от сладкого пения. Я тоже освободил руки и заткнул уши, хотя мне совершенно не хотелось этого. Гру, однако, не шевелился. Гатя тоже не делала попыток освободиться из-под тела кота, прижимающего нас обоих к земле. Я чувствовал запах трав, чистый и свежий, который исходил от волос девушки, прядь которых лежала у меня на щеке.

Теперь я понял, что это была вторая, пожалуй, самая опасная часть ловушки, и изо всех сил старался сосредоточиться на чем-то отвлеченном. Например, на мысли, когда же мы наконец уберемся подальше от этого опасного места, и сколько еще таких мест повстречается на нашем пути.

Я еще слышал слабые звуки пения, и оно продолжало тянуть меня, хотя и не так неотвратимо, к этим ждущим меня женщинам. Но постепенно пение стихало, таяло вдали. Может быть, я потерял сознание, во всяком случае, я смутно помню все, что происходило, пока призрачный свет луны не лег на нас.

Гру наконец соизволил подняться, освобождая нас. Я чувствовал себя совершенно разбитым, так как слишком долго был прижат к острым камням, и с трудом сумел подняться на колени. Гатя уже стояла на ногах. Она смотрела на Луну, и руки ее двигались в каких-то ритуальных жестах.

Луна была очень яркой, и лучи ее превращали камни в серебряные глыбы, разделенные угольно-черными тенями. Я убрал руки от ушей. Ночь была настолько спокойной и тихой, что я легко услышал слова, которые тихим шепотом произносила Гатя на незнакомом мне языке. Я отошел от нее и снова посмотрел в сторону каменных кругов. Они были очень далеко, а между тем женщины казались мне гораздо ближе. Камни теперь снова стали просто камнями, уложенными определенным образом и с не известной мне целью. Сумеречные певички исчезли. Только луна висела над нами да Гру терся о бок Гатей с мурлыканьем более громким, чем шепот девушки.

ГЛАВА 7

— Это опять твои проделки? — спросил я Гатею, стараясь казаться невозмутимым.

— Нет. Я здесь ни при чем. — Тон девушки был легкий и задумчивый. Мне даже показалось, что я заметил тень восторга на ее освещенном луною лице. — Сирены!.. Вот это да! И они заманивали... — Она раскинула руки, словно собиралась обнять весь свет. — Сколько же здесь чудес! Кто сотворил эти заклинания, это колдовство? Сколько же они

должны были знать?! Насколько больше нас, тех, кто считают свои жалкие знания великими? — Она говорила, обращаясь, казалось, не ко мне, а к самой ночи. Она вела себя так, как будто подошла к уставленному яствами столу и теперь не знает, с чего начать, какое блюдо самое вкусное.

Может быть, оттого, что она уже имела кое-какие знания, выходящие за пределы наших обычаев и законов, для нее эта страна действительно была полна загадочных чудес. Но для меня, для простого человека, все было наоборот. Однако, помимо беспокойства, настороженности, опасений, во мне зрели также и семена любопытства.

Ночь больше не принесла нам звуков, и Гатей послала Гру сторожить наше убежище на некотором удалении в долину, предварительно заверив меня, что он определит любую опасность гораздо лучше и надежнее, чем самый бдительный человек. И я вынужден был согласиться, вспомнив, что именно он спас меня в первый и, возможно, во второй раз. Я уснул быстро и спокойно, и если что и видел во сне, то после пробуждения ничто не осталось в моей памяти.

Когда я поднялся, солнце уже раскинуло свои лучи по синему небу. Гатей сидела, скрестив ноги, спиной к солнцу и долинам, где поселились наши люди. Глаза ее были устремлены вдаль, как будто она изучала страну, лежащую перед нами, и по ее напряженным плечам я прочел в ней настороженность охотника, нашедшего свежий след.

Под яркими лучами солнца земля казалась еще более пустынной, чем ночью, когда серебряный свет луны скрывал мелкие детали рельефа. Впереди, насколько видел глаз, простиралась каменистая пустыня. Однако я был рад, что впереди не было видно никаких сооружений из камня, за исключением естественных образований, которые природа не только поставила на нашем пути, но и тщательно отполировала песчаными ветрами за долгие годы.

Эта проклятая страна была настолько пустынной, что я даже начал сомневаться, правильно ли мы идем. Хотя нельзя было скидывать со счетов и тот вариант, что Гатей знает место, в котором укрылась Инна, потому что сама помогала ей бежать. Однако я вынужден был пока оставить все свои сомнения при себе и полностью отдался во власть Гатей. Я признавал, что у воспитанницы Мудрой Женщины были свои веские причины идти в эту страну, и причины гораздо более сильные, чем спасение Инны или прямая помощь мне в этом деле.

У меня мелькнула мысль: исследовали ли эту землю Братья с Мечами? Если да, то как им удалось миновать эту каменную ловушку?

— Куда мы пойдём? — спросил я самым безразличным тоном.

Гру снова исчез. И хотя я не очень-то доверял этому зверю, но все же вынужден был признать, что его помощь может нам еще понадобиться в будущем.

— На запад! — ответила она. Гатя произнесла это, не поворачивая головы и таким тоном, что я понял: мысли девушки находятся где-то далеко отсюда.

Наконец, она поднялась на ноги, закинула свой мешок за спину и молча пошла вперед, по пустынной каменистой стране. Вскоре мы добрались до одного из зеленых оазисов. Здесь я нашел родничок, который пробивался из-под камней, весело струился между камнями и опять пропадал под огромной плоской глыбой.

Здесь росли два вполне приличных дерева и множество низких кустов, среди ветвей которых весело пели птицы и скакали какие-то мохнатые зверьки. Они так стремительно перемещались, что глаз просто не мог уследить за их неуловимыми движениями. Кусты были усыпаны крупными спелыми вишнями, таких больших ягод я еще никогда не видел: огромные темно-красные, некоторые даже полопались от зрелости. Много ягод валялось на земле.

Гатя сорвала одну ягоду, разломила ее, понюхала и осторожно лизнула языком. Затем она сунула ее в рот, жадно проглотила и потянулась за другой. Я, вполне доверясь ей, последовал ее примеру. После длительного путешествия по залитой солнцем каменистой почве было настоящим блаженством есть эти сочные, прохладные ягоды, которые одновременно утоляли и голод и жажду. Мы ели до тех пор, пока не насытились. Затем мы собрали с собой в дорогу ягод, наложив их в кульки, свернутые из больших листов каких-то растений, облепивших родник. Я выплеснул остатки воды из наших бутылок и наполнил их доверху чистой и холодной водой.

В это утро мы не обнаружили больше никаких следов древней жизни. Чем дальше мы удалялись от зловещих кругов, тем пустыннее становилась страна, и мужество постепенно опять возвращалось ко мне. Когда наши запасы воды подходили к концу, мы сворачивали к ближайшему оазису, чтобы отдохнуть и напиться.

После полудня, когда мы отдыхали у одного из последних оазисов, видневшихся на нашем пути, я вскарабкался на камень и, заслонившись ладонью от слепящих лучей солнца, внимательно осмотрелся. Отдаленная линия горизонта стала выше и резко изгибалась на фоне безоблачного неба. Я решил, что впереди холмы, а может быть, даже и горы. Мое беспокойство постепенно росло. Во мне крепла

уверенность, что Инна одна, без помощи и запасов пищи, вряд ли смогла проделать такой путь. И опять, уже в который раз, во мне вспыхнуло подозрение о причастности человека к исчезновению дочери лорда. Только закаленный в трудных походах, привыкший к постоянным лишениям человек мог проделать этот путь. А Инна всю свою жизнь была защищена от малейших трудностей и неудобств. Даже наш длинный путь в эту страну она проделала в фургоне, где для нее были созданы все удобства. Гарк не был мягким и ласковым человеком, но свою дочь он ценил, ведь она должна была обеспечить прочный союз его маленького клана с могучим соседом. И во всем, что касалось благополучия дочери, он не хотел рисковать.

Придя к такому решению, я спрыгнул с камня и направился к Гатее, которая мыла руки в ручье, с намерением раз и навсегда разобраться в своих подозрениях. Она даже не взглянула на меня, но когда заговорила, то ввергла меня в растерянность.

— Ты снова вернулся к мыслям о Торге. Ты уверен, что я что-то знаю и не скажу тебе о том, что приключилось с вашей маленькой взбалмошной леди? — Она вскинула голову, и взгляд ее сверкающих от гнева глаз обжег меня, словно пламя костра. Наверное, такими глазами ястреб осматривает с высоты свою территорию и выбирает жертву, на которую он обрушит неотразимый удар. — Я знаю и скажу тебе! В Святилище есть могущество, которое тебе не понять, но которое должно было проявиться в определенный момент. Я ждала его! Я должна была пойти по пути, который откроется! Но твоя леди сорвала плоды, которые предназначались мне! Она глупа и сама не понимает, куда ее приведет этот путь. И ничего хорошего ее там не ждет, да! Ничего хорошего!..

— Не знаю, как понимать твои слова. Но одно я знаю точно: самостоятельно, в одиночку, она не добралась бы сюда! — Я с трудом сумел вклинить в ее речь. — Она была не из тех девушек, кто может переносить трудности долгого пути. Следовательно... или я не заметил следов повозки, или...

— Или я тебя сбила с толку и не дала заметить их? Нет! Она взяла то, что по праву принадлежит мне! Я должна вернуть себе это! Я уже говорила тебе, что она не ведает, что творит, и мы можем до самого конца пути не найти ни одного ее следа на земле.

Гатей встала, стряхнула воду с рук, а затем приложила мокрые ладони ко лбу.

— Но здесь нет и следов лошадей... — тупо продолжал я гнуть свою линию.

— Да пойми же ты, что могут быть такие лошади, которые и не снились тебе! — рывкнула она. — Или же другие, совсем немыслимые для тебя пути передвижения! Я думаю, что дверь, которая открылась перед ней, вела прямо туда, куда мы сейчас стремимся.

И так как у меня не нашлось больше, что ответить ей, то пришлось принять на веру ее слова и действия. Мы быстро собрали свои небогатые пожитки и двинулись в путь. Гру опять исчез куда-то. Если он по-прежнему сопровождал нас, то, вероятно, ушел на разведку далеко вперед. Однако не успели мы отойти от последнего оазиса на расстояние полета стрелы, как набрели на путь, который значительно облегчил наше передвижение в этой раскаленной каменной пустыне, где солнечные лучи обрушивались на нас не только сверху, но снизу, отражаясь от светлых камней.

Перед нами возникло узкое ущелье с пологим спуском. Воды там не было, но когда мы спустились туда, то оказалось, что солнечные лучи не проникают туда, и воздух был приятно прохладен и свеж. Дно ущелья было чистым и свободным от камней, и, что самое главное, оно вело строго на запад. Я внимательно осмотрел стены, но не смог найти ни малейшего следа разумной деятельности, которая указывала бы на искусственное происхождение этого ущелья.

Гатя без колебаний двинулась вперед, словно прекрасно знала, куда следует идти, и что нужно торопиться. Я быстрым шагом шел за ней, не переставая внимательно прислушиваться и осматриваться по сторонам, особенно обращая внимание на отвесные стены над нашими головами.

Может быть, из-за этой моей чрезвычайной бдительности я вдруг увидел то, что вряд ли заметил бы в обычном состоянии. Это не было какое-то видение или звук. Это было нечто внутри меня, словно я вдруг раздвоился, и этот второй я, находясь в моем теле, одновременно жил в другом месте, другом мире. Сначала это была просто тоненькая нить Его мыслей о моих собственных заботах и рассуждениях, которые Он почему-то не мог ясно осознать. Мне было очень трудно описать то, что предстало перед моим внутренним зрением, постепенно заслоняя картины каменного ущелья, что не существовало в реальности.

Если бы мы шли под палящими лучами солнца, то я мог бы приписать это действию жары. Ведь видят же путешественники в пустыне миражи, причем в погоне за ними люди часто сходят с караванного пути и, заблудившись, погибают в песках. Но здесь не было пустыни и не было знойной жары. И чем дальше мы шли, тем выше поднима-

лись каменные стены над нашими головами, и тем прохладнее становился воздух вокруг нас.

И все же... Разве могут в мозгу человека формироваться видения сами по себе? Картины, которые рождены не памятью о виденном или воображением от рассказов. Я не знал этого. В одном я был твердо уверен: картины, возникающие у меня перед глазами, не могли прийти из моей памяти, как не могли они быть отражением моих сновидений.

Дважды я закрывал глаза и шел так, выставив руки в стороны. И тогда я чувствовал, что Он или Я — я уже стал путаться — идет не по каменному ущелью в пустынной стране. Нет, я шел по хорошо известному мне пути с определенной целью. Передо мной была поставлена ясная задача, которую я непременно должен был выполнить, чтобы победить зло. Я шел по гладкой дороге, и по сторонам возвышались прекрасные сверкающие здания, между которыми ходят люди; правда, ни лиц, ни даже фигур я не мог разглядеть. Какие-то мелькающие тени и все. Но я прекрасно знал, что это были люди, мои соплеменники. А когда я открывал глаза, то яркая картина таинственного мира тускнела, но не сразу, а как бы постепенно, и на меня наплывали словно из темноты отвесные каменные стены ущелья. И... все же видение по-прежнему оставалось во мне, или в Ней...

Ощущала ли и Гатяя нечто подобное? Чувствовала ли она это таинственное смещение миров, я не знал, а спрашивать не хотел. В этом моем втором мире были и звуки: не сладостные песни зла, как предыдущей ночью, не отдаленные крики или приказы, а шепот, убеждающий Его, меня... Его совершить то, на что он шел...

Мне кажется, что я целую вечность находился между двумя мирами. Но внезапно я снова полностью очутился в ущелье и один. Мой таинственный двойник исчез, растворился, словно вода в песке. Солнце уже катилось к горизонту. Ущелье, постепенно понижаясь и расширяясь, перешло в обширную зеленую равнину, где колдовству, казалось, не было места.

Вдалеке паслись животные, похожие на оленей. Одно животное подняло голову, увенчанную рогами, сверкавшими на солнце так, словно они были выкованы из серебра. Олень был больше тех животных, что повстречались нам в долине у побережья. Шерсть его была светло-серебряного цвета с темными полосами у передних ног.

Он издал предупреждающий трубный крик и в сильном прыжке исчез в высокой траве. Но тут же откуда-то сбоку вылетело длинное серебристое тело и, словно молния,

сверкнув на солнце, исчезло следом за оленем. Это мог быть только Гру. Он обрушился на оленя, словно горный обвал, и уложил его замертво одним ударом могучей лапы. Когда мы подошли к коту, он уже жадно облизывал свежую кровь и при виде нас угрожающе зарычал.

В олене было достаточно мяса, чтобы насытиться всем, и мне не терпелось поскорее отрезать кусок свежего мяса и зажарить его на костре. Это могло бы разнообразить нашу скудную пищу во время путешествия. Однако мне вовсе не хотелось из-за этого конфликтовать с котом, опасивая его право на добычу.

Пока я стоял так, раздумывая, Гатя спокойно прошла вперед, и кот позволил ей сделать это. Она наклонилась и, положив руку на голову мертвого оленя между рогов, громко сказала:

— Слава Великому Богу Лутов! Благодарим его за четвероногих, которых мы можем есть. Нельзя отказываться от того, что дано нам.

Гру поднял голову и прорычал глухо, словно присоединяясь к ее словам. Девушка повернулась и призывно махнула мне рукой. Я подошел к телу оленя и отрезал два больших куска на ужин, оставив остальное Гру. Я собрал сучья для костра и быстро развел яркое пламя, не особенно заботясь о маскировке. У меня была уверенность, что ночь не принесет нам опасностей.

Гатя достала из своего мешка маленький сверток и, развернув его осторожно, высыпала на ладонь какие-то зернышки. Она держала их очень осторожно, боясь выронить, а затем резким движением бросила их в пламя. Ослепительная ярко-голубая вспышка — и костер окутался густым дымом. В воздухе запахло травой, но я не был искушен в этом и не смог определить, что это был за запах. Бросив пустой сверток на землю, Гатя подалась вперед и стала быстрыми, но плавными движениями рук словно разгонять дым, и он, повинувшись ее жестам, поплыл сначала плотным облаком на юг, затем, повернув вспять, на север, восток и, наконец, на запад. Затем девушка подняла сук, очищенный от листьев, который она нашла под ближайшим деревом, когда я собирал сучья для костра, и стала водить им над дымом.

Затем она стремительно вскочила на ноги, пошла вокруг костра и начала проводить по земле какие-то линии. Она очертила костер большим кругом и пририсовала к нему длинные острые лучи, превратив его тем самым в странную звезду. На каждый луч этой звезды она накапала крови убитого оленя и посыпала какой-то трухи, очень похожей на сушеные измельченные листья. После этого она

вернулась к костру и села на землю, подняв свой сук, как знамя, только на нем не было куска материи.

Я не задавал напрасных вопросов, так как знал, что сейчас не получу никакого ответа. За все время нашего совместного путешествия она вела себя по отношению ко мне так, словно я был законченный тупица. Поэтому я молча воспринял все ее ритуальные приготовления, с помощью которых она собиралась обезопасить наш ночлег, хотя я был уверен, что все это ни к чему. В этой спокойной зеленой стране нам ничего не может угрожать. Впрочем, это могло лишний раз указывать на то, насколько я был слеп, не замечая ловушек, которые окружали нас.

Надвигалась ночь. Я наблюдал за опускающимся за горизонт солнцем и любовался четкой линией гор на западе, которые еще резче выделялись своими зазубренными вершинами на фоне закатного неба.

Гатей молчала, я тоже. Неожиданно раздался рев, и из быстро сгущавшейся темноты вдруг выскочил Гру, который очень удивил меня своими действиями. Он бесстрашно подошел и улегся около костра, словно ища убежища около всесильного пламени.

Я нарезал мясо кусками, насадил его на прутья и подвесил над костром, чтобы оно зажарилось. Сочные капли с шипением падали на угли, распространяя такой аппетитный запах, что рот мой помимо воли наполнился слюной. Я медленно поворачивал куски, чтобы мясо как следует прожарилось. Все это вернуло меня в то счастливое время, когда мы еще были в своем старом мире. Правда, помнил я это очень смутно, как сквозь густой туман.

Наконец, я протянул своей спутнице один из прутьев, а своим начал размахивать, чтобы жаркое немного остыло. Гатей взяла мясо с таким видом, словно оно ее совершенно не интересовало. Она молча смотрела в темноту. Сначала мне показалось, что она пытается разглядеть что-то на горизонте, но потом вдруг понял, что она не только вглядывается в темноту, окружавшую нас, но и к чему-то напряженно прислушивается. Насколько я мог судить, в долине все было спокойно, только изредка раздавался крик оленей или каких-то других животных. Даже птиц не было видно во все еще светлом небе.

Но я снова удержался от расспросов, хотя меня так и подмывало спросить ее о том, что она выискивает в непроглядной темноте. С огромным аппетитом я начал поглощать горячие куски вкусного, ароматного мяса. Я испытывал такое наслаждение, какое сравнимо разве что с чувством утоления жажды после многих дней жары и отсутствия воды. Гру лежал возле костра. Глаза его были по-

лузакрыты, и он иногда довольно облизывался. Если что-то и двигалось в долине, то Гру не было до этого никакого дела.

Когда ночная тьма окончательно опустилась на землю, низкие тучи стремительно заволокли небо. Я решил, что надвигается буря, и подумал, что неплохо было бы где-нибудь укрыться от дождя. Хотя бы под деревьями, раскинувшими густые кроны рядом с нашим костром. Я уже собирался сказать это Гатее, даже раскрыл рот, да так и замер. Девушка напряглась, как натянутая тетива лука, вся превратившись в слух. Голова Гру также медленно поднялась, а глаза широко раскрылись. Оба они смотрели в ночь, прямо на запад.

В темноте не было слышно пения, не было видно колеблющихся серебряных теней. То, что приближалось к нам, ничем не выдавало себя, оно двигалось совершенно бесшумно. Шерсть Гру на загривке вдруг стала дыбом. Он уже не лежал как раньше, лениво развалившись на земле. Лапы его были подобраны, тело напряжено, и весь он был готов к стремительному прыжку. Огромные страшные клыки обнажились, но зверь не рычал, а молча ждал.

Я не знал, что видели в ночи мои спутники, но мне казалось, что в какое-то мгновение мрак вокруг нас распался на отдельные куски. Некоторые из них поднимались вверх, чтобы мгновение спустя стремительно упасть на землю. И все это в полной тишине. Это были всего лишь более темные пятна в ночи, которые, словно птицы, стремились в небо, но у них не было для этого сил. Однако было совершенно ясно, что они приближаются к нашему костру, бесшумно и угрожающе. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным и беззащитным.

Правда, я обнажил свой меч, хотя было непонятно, как я могу использовать его против этих бестелесных созданий ночи, которые появились словно из-под земли. Однако мое движение не осталось незамеченным, и я услышал слова Гатей, сказанные ровным, спокойным голосом.

— Отлично! Холодная сталь иногда тоже может защитить, хотя для этого не всегда требуется острое лезвие. Я не знаю еще, кто это, но уверена, что они не создания Света.

По тому, как она сказала «Света», я понял, что она имеет в виду что-то такое, что нельзя воспринять обычными органами чувств.

Гатей протянула руку и схватила свой сук-посох, лежащий на земле, но не подняла его, а застыла, ожидая чего-то. Ждал и я, сжимая рукоять своего меча. Тьма казалась мне совершенно непроницаемой. Мои глаза не могли ничего

различать, но я почему-то чувствовал, что вокруг звезды, которую начертила Гатя, что-то ходит, нажимая то тут, то там.

Тот, кто пришел сюда, ощущал страшный голод и уверенность, что сейчас утолит его, так как добыча здесь и никуда не денется. Но постепенно уверенность сменялась нетерпением, удивлением и, наконец, гневом, когда тот понял, что такое беззащитное нечто осмеливается сопротивляться ему. Я знал, что это тут, рядом. Я вертел головой, чтобы быть готовым вступить в бой... не знаю, с чем, когда оно ворвется в наш лагерь. Я понятия не имел, что это может быть и насколько оно опасно.

И вдруг на одно короткое мгновение я увидел, как в освещенное костром пространство просунулась рука, а может, это была лапа, скрюченная, туго обтянутая желтоватой кожей кость. Я не успел разглядеть ее как следует, так как она тут же пропала, отдернувшись обратно. И тут страх впервые охватил меня, так как, в отличие от сладостных певич, которые заманивали нас прошлой ночью, зло на этот раз было в своем собственном жутком обличье.

Гатя подняла одним легким движением свой посох с земли. Она опустила заостренный конец посоха прямо в острый угол звезды, куда перед этим капала кровь оленя и сыпала сушеную траву. Одновременно она заговорила, и говорила что-то повелительное на незнакомом мне языке.

Там, куда она указывала посохом, земля вдруг зашевелилась. Казалось, что она стремительно кружится и поднимается столбом вверх. Гатя пела все громче и громче, постепенно убыстряя темп, и столб пыли, поднявшись до уровня головы, вдруг застыл на месте.

Еще мгновение — и вместо него стояло какое-то подобие человеческой фигуры. Во всяком случае, у него были две руки, две ноги, тело и круглый шар вместо головы. Примерно таких же человечков дети лепят из глины. Когда он встал прямо, Гатя стукнула посохом по земле и что-то громко выкрикнула.

И чудовище пошло вперед на своих уродливых беспомощных ногах. Однако он держался уверенно и шел быстрее, чем я мог ожидать от такого уroda.

— Быстро! — Гатя впервые за последнее время взглянула на меня. — Твой нож... холодная сталь... закрой им входное отверстие. — И она указала посохом куда.

Я выхватил нож из-за пояса и, ловко перехватив его за лезвие, метнул в землю. С легким скрежетом острая сталь вошла в плотную жирную землю в том месте, куда указы-

вало острие посоха, в то место, откуда восстала жуткая фигура.

Гатя, казалось, прислушивалась. Я тоже затаил дыхание, старательно напрягая слух. Все было тихо, ничто не тревожило ночную тьму. Но я ощущал то, что пыталось проникнуть в наш круг, исчезло, хотя, может быть, и на время.

Девушка стояла в напряженной позе. Я тоже не посмел расслабиться. Кот вдруг вздохнул и моргнул первый раз за последние несколько минут. Но если кот и был удовлетворен, то Гатя нет.

— Еще не все, — сказала она, как бы не давая себе успокоиться, обмануться. Она не хотела верить, что ее колдовство было таким успешным.

— Что ты сделала? — спросил я, не в силах больше сдерживать свое любопытство. — Ты направила его туда, к тем, кто поджидает нас в темноте?

Она кивнула.

— Он на некоторое время отвлечет их, но это не может продолжаться слишком долго. Слушай!..

Возможно, это было именно то, чего она ждала. Низкий звук разнесся в воздухе так, словно мы находились не на открытом воздухе, а в огромной гулкой пещере. Это был даже не крик, а какое-то жуткое завывание, наполненное такой злобой и угрозой, что я не выдержал и выхватил меч из ножен, готовый сразаться с врагом, которого я не видел, но в крике которого было столько злобы.

— Бога ради, — сказала девушка, — не выходи за пределы круга. Он вернется, когда поймет, что его одурачили, и будет в два раза страшнее.

— Что это? — спросил я.

— Это не то, что можно убить или поразить оружием, — она кивнула на меч. — Холодная сталь, конечно, полезна, но не как оружие, а как барьер. А что касается этого... — она содрогнулась, — я не могу назвать его. Я просто не знаю, что это. Мои предосторожности были вызваны не ожиданием его прихода, а просто тем, что это странная страна, а мы пролили здесь кровь. Кровь — это жизнь, и по ней темные силы узнают, где они могут найти жизнь.

— Ты сделала защитный круг с помощью крови?

— Я же сказала, что кровь — это жизнь, и с ее помощью можно сотворить контрзаклинание. Теперь...

Ее посох поднялся, как меч. Те, что были здесь, вернутся снова. Они уже пришли и опять давили на круг, стремясь прорвать невидимую защиту. Мы не могли видеть их, только чувствовать.

Дважды еще руки-лапы просовывались в наш защитный круг в том месте, где был воткнут мой кинжал, но что-то тут же отбрасывало их назад. Я ощущал, как во мне закипает жар гнева. Он, как огонь, обжигал мой мозг. Что-то темное, жуткое и страшное пыталось пробиться к нам, и оно давало понять, какие муки ожидают нас, когда оно прорвет защитный барьер.

Гру приподнялся, сел на задние лапы и, закинув назад голову, страшно зарычал. Зарычал так, что у меня зазвенело в голове. Через несколько секунд откуда-то издалика донеслось такое же ответное рычание, настолько похожее, что я сначала принял его за отголоски эха. Иногда раньше я слышал похожий трубный зов, но никогда так отчетливо и ясно, как теперь. Это напоминало мне зов рога лорда на границе с соседом — зов-предупреждение, зов-вызов.

И лорд этой страны услышал рев Гру. Из черноты ночи пришел ответ: лорд ответил на этот вызов.

ГЛАВА 8

В третий раз прозвучал рев, уже много ближе и громче. Я был уверен, что, кроме него, слышу и другие звуки — что-то вроде рычания, издаваемого, несомненно, каким-то зверем. Гру ответил ему со всей своей свирепостью. Он рвал когтями землю. Он желал вырваться на свободу и сцепиться с врагом во мраке ночи. Гатая шагнула к нему и успокаивающе положила руку на голову зверю. Гру посмотрел на девушку и, обнажив зубы в улыбке, лизнул ей ладонь.

Хотя рева больше не было слышно, я увидел в ночном мраке вспышку света и услышал грохот, как будто кто-то использовал молнию в качестве своего оружия. Мрак был настолько густым, что кратковременная вспышка не позволила мне что-либо разглядеть. Молния ударила еще и еще, на этот раз в стороне от нашего костра. Это было похоже на приближающуюся стаю хищников.

Я не мог видеть, но мог ощущать. То, что осаждало нас за пределами круга, тоже съежилось от страха при приближении мечущего молнии нечто.

Гатая снова подняла вверх свой посох. Она осмотрелась вокруг и начала писать им в воздухе какие-то символы.

Они возникли и задрожали в воздухе, опускаясь и поднимаясь, зеленые... и в тоже время голубые, как волны, бьющиеся о каменистые берега. Они сгрудились вокруг нас, а затем, словно птицы, разлетелись в разные стороны,

по сигналу волшебника, но не погасли, а собрались у границ нашего круга и неподвижно повисли в воздухе.

Я не услышал злобного рева, но почувствовал, как волна гнева ударила меня и откатилась, словно кто-то открыл, а затем снова закрыл дверь. То, что стремилось добраться до нас и уничтожить, теперь исчезло из этого мира.

Мы слышали шум в ночи, как будто приближающийся противник разделился на две части и, обтекая нас, устремился дальше. Затем и этот шум утих и наступила, наконец, тишина. Я ощущал пустоту, сквозь которую пробивался лишь свист ветра и ничего больше.

Гру опять развалился на земле, положив голову на передние лапы. Гатей с посохом в руке свернулась клубочком возле него, оставив мне место по другую сторону костра. Девушка положила голову на плечо коту, словно на подушку, и закрыла глаза, как будто все опасности остались позади. Я все еще сидел у костра, переживая события этой ночи. Мне показалось, что с тех пор, как я покинул долину Гарка, нет, еще раньше, с тех пор, как я впервые заглянул в Лунное Святилище, моя жизнь круто изменилась, и я стал совсем другим. Я уже не был тем Эльроном, который проехал через ворота, подданный лорда Гарка, не знающий в жизни ничего, кроме своих обязанностей по обеспечению безопасности клана.

На меня, должно быть, очень сильно подействовал удар лорда. Он не столько нанес мне телесную рану, сколько поколебал уверенность в верности клану. Однако теперь это уже не имело никакого значения. Я не только пришел в страну, в которой никогда не был представитель моего народа, но в страну, где я мог сказать себе: «Смотри, ты, лишенный рода и чести, но тем не менее ты человек, ты бесстрашно идешь навстречу опасности и смело смотришь в неизведанное».

Но все же не мое воинское искусство спасло нас на этот раз, это я должен был с горечью признать. Талант Гатей, ее колдовская сила снова и снова вставали между нами и опасностью. Такое признание даже самому себе мне было нелегко и, главное, не очень приятно сделать.

Возможно, это было обусловлено тем, что до этого я имел дело только с нашими женщинами, которые занимались только хозяйством, а Гатей, я инстинктивно чувствовал, презирала это. Она совсем не была похожа на наших женщин. Я понял это с момента нашей первой случайной встречи на море. Она никому бы не позволила сказать: отойди, это не твоя битва, дай мне защитить тебя, как это было положено по древнему обычаю. Но тем не менее я

ощущал стыд, что она полностью руководит нашим путешествием.

Желание Гатеи идти на запад, ее намеки на то, что Инна каким-то образом забрала то, что по праву принадлежит ей, могущество, связанное с Лунным Святилищем, — все это я принял, согласился с ним. Многое в этой стране приходилось принимать вслепую, на веру. Со многим людьми никогда не сталкивались в прежней жизни, и даже в балладах Бардов не упоминалось о том, с чем нам приходилось здесь сталкиваться.

Я некоторое время размышлял над тем, кто же пришел этой ночью, чтобы помочь, спасти нас? Отозвался ли он на призыв Гатеи? Или же сам почувствовал, что злые силы осадили наш лагерь? А может быть, это Гру помог нам? Я чувствовал, что это были не люди. Но почему я мысленно называю его в единственном числе и мужского рода? Может быть, оттого, что весь мой жизненный опыт приучил меня к тому, что охота и битва — это привилегия мужчин?..

Я раздумывал обо всем этом, изредка подбрасывая сучья в костер, хотя он все равно скоро должен был погаснуть, из-за недостатка топлива. Но я не ложился, продолжая сидеть у костра, поигрывая рукоятью меча, который давал мне какую-то уверенность в себе и относительное спокойствие. Невеселые думы тревожили меня. Я начинал чувствовать себя неразрывно связанным с этой страной, полной тайн, хотя я, как и другие люди, пришел в эту страну совершенно посторонним человеком. Я не знал, сколько прошло времени. Небо все еще было затянуто тучами, хотя дождь не начинался и буря не приходила. На небе не было видно звезд. Мы находились внутри круга у небольшого костра. А за пределами этого круга сплошной стеной стоял непроницаемый мрак.

Я услышал какой-то мягкий звук и посмотрел на своих спутников. Глаза Гру были открыты. Он изучающе смотрел на меня. Затем он моргнул и перевел взгляд во тьму. Я понял это как знак, что теперь могу отдыхать, а он берет на себя обязанности часового.

Я растянулся на земле, подложив под голову свой мешок и держа руку на рукоятке меча. Повязка на голове показалась мне очень тугой, и рану под ней нестерпимо жгло. Но, несмотря на это, сон сразил меня, как только я закрыл глаза.

Проснулся я, словно кто-то подтолкнул меня под бок. Я открыл глаза и, подняв голову, осмотрелся по сторонам. Гатея продолжала мирно спать, устроившись на плече у кота, а глаза Гру были открыты, и он зорко посматривал по сторонам. Костер уже давно погас, но свет его уже был не ну-

жен. На землю опускалось утро, и тьма сменилась серым неверным полумраком.

В долине началось движение. То тут, то там прыгали олени. А еще дальше паслись какие-то большие животные. Я поднялся на ноги и вложил меч в ножны. Любопытство одолевало меня. Мне не терпелось осмотреть следы того, кто угрожал нам ночью. По ним я мог хоть как-нибудь оценить противника. А кроме того, мне хотелось бы взглянуть на следы того, кто прогнал неведомого врага.

Я подошел к ножу, который все еще торчал в земле, выдернул его, вытер травой и вложил в ножны. Затем храбро вышел за пределы круга, чтобы осмотреться.

В нескольких шагах впереди меня темнела куча свежей земли. К ней я и подошел вначале. Комья земли, достаточно влажные, чтобы из них можно было слепить грубое подобие человека. Я осторожно тронул их носком сапога, и куча рассыпалась прахом. Это все, что осталось от того чучела, что сотворила Гатей нынешней ночью, чтобы обмануть зло, осаждающее нас. Только одна земля и ничего более. Я не мог понять, каким образом она смогла придать этой пыли подобие тела человека и вдохнуть в нее подобие жизни. Как это она сказала? Кровь — это жизнь. У нас был старинный ритуал первой охоты: большой кусок мяса подвешивается на дереве, и никто не трогает его, кроме птиц; таким образом мы делимся добычей с кем-то могущественным. Но кто был этот могущественный, никто уже не помнил.

Я обошел кучу пыли, стараясь найти следы. Здесь было несколько отпечатков, и я измерил их пальцами, стараясь представить того, кто оставил их здесь. Я видел несколько раз когтистую лапу-руку, которая пыталась добраться до нас ночью. Самый четкий из отпечатков на земле имел эту форму.

Я был уверен, что чудовище передвигалось на двух ногах. Оно должно было быть огромных размеров. Об этом красноречиво говорили следы и глубина их в мягкой земле. Я прошел по следам, их было довольно много, но так и не смог определить, одно или несколько чудовищ осаждали наш лагерь.

Покружившись немного вокруг, я пошел дальше, пытаюсь отыскать следы других: охотника и его стаи, которые спасли нас. Однако никаких следов, кроме нескольких полос содранной почвы в направлении, откуда раздавался ночной рев, не было. Это меня озадачило, и я пошел дальше от лагеря, внимательно осматривая землю под ногами. И вскоре я нашел его. Мухи густым роем вились над чем-то, что походило на большую грудку мяса. Я подошел ближе, и

первое, что бросилось мне в глаза, это огромные когтистые лапы, которые тянулись к нам ночью. Когти были длинные и острые, как ножи. Остатки кожи были отталкивающего желто-белого цвета. Мухи настолько густо облепили труп, что я так и не смог разглядеть каких-либо подробностей. Волна отвращения и рвоты подкатила к горлу, и я поспешил отвернуться. Судя по всему, у нашего охотника была сегодня удачная ночь.

— Эльрон!

Я поднял голову. Гатя махнула мне рукой, и я с радостью пошел обратно к лагерю, весьма довольный тем, что не нужно было дальше расследовать ночное происшествие.

Я ничего не сказал девушке о своей находке. Она уже развязала мешок и готовилась к завтраку. Как обычно, она молчала. А я думал о том, какой из множества жгущих меня вопросов задать ей. Если она знает что-либо, представляющее ценность для нас обоих, то она сама расскажет об этом без всяких расспросов, рассудил я.

И я ждал, раздраженно пережевывая холодное мясо. То, что Забина дала мне с собой, уже кончилось. Я думал над тем, не остаться ли здесь на день, чтобы накопить мяса и поискать съедобных растений. А кроме того, следовало бы запастись водой, ведь это было гораздо важнее, чем пища. Может быть, Гатя тоже думает над этим?..

Она подняла голову и неотрывно смотрела в долину, пока из зарослей густой травы не появилась усатая морда Гру. Кот облизывался и довольно жмурился, а в уголке его пасти висело зеленоватое перо. Видимо, он решил несколько разнообразить свой рацион. Девушка и кот обменялись взглядами, значения которых я не понял, и Гру направился куда-то на север. Гатя забрала свой мешок, взяла посох, которым пользовалась этой ночью, и встала на ноги.

— Там вода... — произнесла она, впервые за время ужина нарушив тишину. И мы направились в ту сторону, где исчез кот.

Трава здесь была очень высокой, почти по грудь. Она полностью скрывала кота, и мы могли следить за его передвижением только по шевелению верхушек. В воздухе резвились птицы. Я с опаской посматрел на них. Может, тот, кто приходил ночью, имеет крылья? А кроме того, существовали и те ужасные черные птицы, которые уже нападали на меня в долине Гарка. Может быть, тут где-то их гнезда? Но я увидел самых обыкновенных птиц, самой рязнообразной расцветки. Они кружились над мирно пасущимися оленями. Может, их привлекали мухи, в изобилии кружившие в воздухе?

Внезапно мы вышли на тропинку — полоску земли, плотно утрамбованную множеством лап и копыт. Несомненно, это была дорога на водопой. Идти по ней было трудно, но все же лучше, чем продираться сквозь густую траву, которая резала руки и скрывала возможные ловушки. Вскоре мы подошли к довольно бурному потоку, видимо, стекающему с гор, которые высились впереди. Пышные султаны пены стояли в тех местах, где упругие струи натывались на камни.

Мы осторожно спустились к воде. Я оставил Гатею и Гру в кустах, а сам осторожно, перескакивая по камням, спустился к самой воде. Сняв куртку и рубашку, я с огромным удовольствием вымылся в ледяной воде. Бинт на моей голове намок, и я снял его. Осторожно ощутив голову, я убедился, что рана зажила и опухоль спала. Я выстирал бинт и, смотав его, запихал в мешок. В этой стране могла пригодиться любая мелочь.

Гатея нахмурилась, когда я вернулся. Она потребовала, чтобы я показал ей свою голову. Внимательно осмотрев ее, девушка сказала, что рана действительно закрылась, и я могу ходить теперь без повязки. Она тоже спустилась к реке, и, когда вернулась, я нашел ее очень посвежевшей. Она распустила волосы и стянула их узким кожаным ремешком в длинный хвост за спиной.

Мы хотели было идти дальше берегом реки, но, пройдя немного, вынуждены были снова углубиться в травянистую долину, так как бурные воды разливались иногда широкими бухточками с неприступными берегами. Мы пробирались в зарослях, стараясь держаться вблизи потока.

Гру исчез сразу же после того, как утолил жажду. Я все больше и больше был уверен, что Гатея может поддерживать каким-то образом мысленный контакт с котом даже на значительном расстоянии.

Тучи, которые ночью плотным слоем затянули небо, все еще висели над головой, заслоняя солнце. Постепенно мы вошли в полосу густого низкого тумана. Трава, ветви низких деревьев, наша одежда и тело покрылись тонкой холодной пленкой воды. Животные совершенно скрылись из виду. Видимо, они приходили сюда только на водопой. И хотя все вокруг было спокойно, я на всякий случай был наготове и не терял бдительности.

Я с удивлением отметил, что Гатея продолжает нести свой посох в левой руке. Очевидно, он для нее значил то же, что для меня меч, хотя это был всего лишь сук, очищенный от листьев и коры.

Так мы шли довольно долго, пока тишина не стала давить на меня ощутимым грузом, и я вынужден был нарушить данное самому себе слово: не расспрашивать Гатею ни о чем.

— Ты слышала когда-нибудь о том, что рвалось к нам сегодня в лагерь?

Она покачала головой.

— Я не знаю, что это было, но пришло оно из Тьмы! Это порождение Мрака. Следовательно, против него можно применять заклинания защиты. А что касается таинственного охотника...— она замолчала надолго. Я уже было решил, что она вообще раздумала просвещать меня, как она снова заговорила: — Возможно, он тоже порождение Тьмы, но он враг тому, кто напал на нас. Я не знаю его природы. Здесь, в этой стране, мы имеем дело с творениями Тьмы и Света. Здесь мы можем одновременно столкнуться и с тем, и с другим. А я так мало знаю!..

В ее голосе прозвучало явное отчаяние. Я подумал, не мне ли она жалуется на недостаток своих знаний, или же это был просто крик ее души.

— О, у меня есть способности,— добавила она горячо,— в противном случае Забина не смогла бы ничему обучить меня. Но я знаю, что во мне заложено большее, чем смогла она пробудить. Я сейчас нахожусь на таком уровне знаний, на каком ты, воин, был бы, если бы познал искусство фехтования на деревянных мечах и не перешел на настоящее оружие. Забина ругала меня, называла нетерпеливой и пророчила всяческие ужасы, потому что я хотела знать как можно больше. Больше и быстрее! В тот момент, когда я прошла через Врата, у меня возникло такое чувство, словно я, наконец, вернулась домой, хотя прежде я даже не могла подозревать о существовании этого мира. Здесь передо мной открылись такие чудеса, которые следовало постичь и понять, о которых я раньше не могла и мечтать, до которых жалкое искусство Забины никогда не смогло бы дойти. Это,— Гатея широко раскинула руки, на лице ее была гордость и радость познания,— страна, которой я никогда не знала, но о которой всегда мечтала. Когда я пришла первый раз в Лунное Святилище, мне показалось, что я всю жизнь ходила по этой тропе, настолько реальны и знакомы были окрестности вокруг Святилища. Сама природа приветствовала меня как свою. Следовательно,— тут голос ее угрожающе зазвенел и поднялся до крика,— ваша леди ограбила меня! Ты не согласен со мной? Она — без крупинки таланта или же с талантом, но закопанным так глубоко под грузом всех ваших обычаев, традиций и понятий,— взяла то, что

принадлежало мне! Много ли она получит из того, на что пошла?

— Ты все время говоришь со мной загадками,— резко ответил я, чтобы хоть немного сбить с нее спесь.— Что же случилось с леди Инной, можешь ты мне объяснить?

Она искоса взглянула на меня через плечо, так как я все время шел немного сзади. Ее загорелое лицо разругмнилось и в ореоле черных волос выглядело прекрасным.

— Врата открылись,— голос Гатеи дрожал,— о, это не те Врата в другой мир, что привели нас сюда. Скорее всего, это был путь в другое, более мощное Святилище, где-то на западе. Ведь все эти места бывшего могущества давно опустели и власть их истощилась, ослабла. В Лунном Святилище я нашла ключ, но замок был очень стар. Я не могла открыть его, настолько он заржавел за долгие годы бездействия. Я разработала тогда ритуал... я призвала на помощь Луну...— Она подняла руки и положила их на грудь.— Я сделала все это!.. Но я опоздала в ту ночь. И когда должен был прийти ответ, не я, а ваша леди вошла туда. Туда, куда она боялась бы даже посмотреть. И вот она выиграла, а я потеряла все!

Я решил, что леди Инна попала в какую-то западню, что ее заколдовали где-то далеко отсюда. Хотя, как ее смогли переправить туда, я до сих пор не мог понять. Должно быть, она страшно испугалась, и этот страх полностью лишил ее разума. Придя к такому выводу, я повернулся к Гатее.

— Ты знала, что она ходит в Святилище. Почему же ты не предупредила ее, не преградила дорогу, как мне?

— Предупредить ее? А что же я, по-твоему, делала?! Но зов был настолько силен и могуществен, что противостоять ему мог только очень хорошо защищенный человек, вооруженный к тому же знаниями! Инна — женщина, и, как все женщины своего клана, она была дочерью Луны. А лунная магия влияет на всех женщин без исключения, хотя не многие знают об этом. А если и знают, то не понимают, что это мощная сила, которая может подчинить себе человека полностью. Этой магией можно управлять, но сопротивляться ей бесполезно. И она, несмотря на то, что была под властью всех ваших традиций и обычаев, откликнулась на этот зов. Вы могли ее связать, запереть, и это бы не помогло. Когда в первый раз она побывала в Святилище, ее могущество уже взяло вашу леди в плен, и она не могла сопротивляться его зову.

Я осмотрелся вокруг: на широкую долину, на синеющие вдаль неровной линией горы, окутанные призрачной дымкой тумана.

— Ты уверена, что сможешь найти ее? — это не было по своей сути вопросом, так как я заранее знал на него ответ.

— Да! Потому что она взяла мое, и, кроме того... смотри!..

Она замолчала и повернулась на север. А затем она перевела свой взгляд на посох, который спокойно лежал на ее ладони вытянутой вперед руки. Она смотрела на него, и я почувствовал, что в этом взгляде сейчас сконцентрированы все ее душевные силы. Я тоже уставился на посох и вдруг увидел...

Эта суковатая палка, что неподвижно лежала на ее раскрытой ладони так, что девушка никак не могла воздействовать на нее, вдруг медленно начала перемещаться. Словно живой, посох медленно повернулся в ее руке так, что острый конец стал указывать прямо на запад, на окутанные призрачным туманом горы.

— Ты видишь? — спросила она, и голос ее дрожал, то ли от усталости, то ли от возбуждения. — Я очень много работала, чтобы вырастить это в себе. Оно направляет меня, ведет меня безошибочно вперед к цели. И сейчас оно ведет туда, где я должна быть, и где сейчас находится Она!

Я больше не сомневался, что она верит в то, что говорит. Такова уж эта страна, в которой так много странного, по которой ведет меня девушка, уверенная в том, что ищет высшую магию, и что она обладает достаточным могуществом, которое приведет ее туда, куда надо, а вместе с ней и меня!

Мы ничего больше не нашли в этой долине. Единственное, что мы видели на пути к горам, это огромные стада оленей, которые паслись в отдалении.

Мы затратили два дня, чтобы пересечь долину. И каждый раз, останавливаясь на ночлег, я расчищал площадку от травы, а Гатя делала защитный круг. Но незваных посетителей больше не было. На вторую ночь тучи разогнало сильным ветром, и полная луна сияла над нами во всем своем великолепии. Гатя стояла, облитая лунным серебряным светом, и пела. Слова этого гимна были мне совершенно незнакомы. Он как будто воздвигнул между нами толстую невидимую стену. Эта страна была не для меня, человека и обыкновенного воина, я просто был ее случайным спутником.

К утру третьего дня мы были уже у подножия гор. Теперь Гатя шла медленно, часто останавливаясь, чтобы с помощью посоха отыскать дорогу среди скал, которые постепенно уводили нас все выше и выше в небо. И ее посох

безошибочно указывал нам на ту пустынную страну, где травы уже не было и все было покрыто серым камнем с тусклыми красноватыми и светло-желтыми прожилками. Хотя река осталась далеко позади, мы с помощью Гру находили небольшие источники, чтобы пополнить запасы воды. Он же приносил нам и добычу. Я уже начинал задумываться над тем, сколько нам еще предстоит идти через эту страну. Здесь не было ничего, кроме изредка встречавшихся диких зверей.

Вскоре мы наткнулись на небольшую долину, которая, к счастью, шла в нужном нам направлении. Здесь было больше растительности и иногда даже встречались деревья. Правда, все они были низенькие и какие-то искривленные, так что даже неприятно было на них смотреть. К вечеру, когда мы устраивали лагерь, Гатя была так возбуждена, что даже не могла усидеть спокойно. Она постоянно вскакивала и быстро ходила вокруг, вертя посох в руках, словно ожидая чего-то, что неминуемо должно произойти. Иногда с ее губ слетали не понятные мне слова. Гру тоже был неспокоен. Он мягко кружил возле костра, глядя в том же направлении, что и Гатя. Он как будто хотел найти источник опасности впереди.

— Гру тоже чувствует! — Гатя потрянула головой, так что волосы ее, освобожденные от кожного шнура, рассыпались по плечам. Я замер от удивительной картины! Пряди волос на ее голове приподнялись, словно подхваченные ветром, хотя было совершенно спокойно. У меня появилось ощущение, словно от девушки исходит поток какой-то энергии, заставляющий шевелиться ее волосы.

Она вытянула вперед руку с посохом, и я готов был поклясться Вечно Неутасимым Пламенем, что на конце его плясала искра огня.

— Здесь... Я здесь! — Она кричала в полный голос, словно стояла перед закрытыми воротами и требовала впустить себя туда. Она кричала и знала, что ее слышат и отказать ей не посмеют.

И затем... Гатя бросилась бежать. Я был настолько ошарашен, что какое-то время неподвижно стоял на месте. А затем, подхватив мешки, ее и свой, бросился за ней.

Гру несли впереди, словно серебряная молния, петляя между деревьями. Гатя уже исчезла из виду. Но я бежал за ней, хотя было совершенно темно, и я ничего не видел перед собой. К тому же длинные ветви низких деревьев мешали мне отыскивать их следы. Неожиданно я налетел на какой-то ствол и потерял сознание от сильного удара. Боль вернулась в мои старые раны. Ветки схватили меня, цепля-

лись за одежду, царапали кожу, и в конце концов я не выдержал и, выхватив меч, стал прорубать себе дорогу сквозь заросли. Я очень боялся потерять след Гатей, потому что понимал, что вряд ли смогу отыскать ее вновь.

Тот шум, что я создавал при своем движении, заглушал все остальные звуки. По правде говоря, я боялся остановиться и прислушаться, так как еще больше боялся отстать от нее и остаться совершенно один в этой непонятной стране.

К тому шуму, что производил я, вскоре прибавилось карканье птиц, потревоженных мною в ветвях деревьев. Дважды что-то бросалось прямо на меня, оцарапав в кровь щеку и шею клювом или когтями. После этого я двинулся вперед, закрывая лицо локтем. Пот заливал глаза, рубашка прилипла к телу. Я изнемогал от усталости. Дыхание с хрипом вырывалось из моей груди, но я продолжал бороться.

Это была настоящая борьба. Я был уверен, что деревья знают, кто я такой, и всеми своими силами стараются помешать мне пройти. Мне даже показалось, что я слышу какие-то слабые крики, звуки отдаленной битвы. Я уже не мог стоять на ногах, но что-то упрямо заставляло меня стремиться вперед из последних сил. И, наконец, я вскарабкался на склон, почти теряя сознание от усталости и обрубив мимоходом последнюю ветку, вцепившуюся в куртку и преграждавшую мне путь. Передо мной расстилось огромное открытое пространство.

ГЛАВА 9

Я стоял на вершине горного хребта, полностью лишенного всякой растительности, и передо мной расстилось каменистое плато. Впереди не было никаких признаков ни Гатей, ни Гру, одни только голые камни. Я прислушался, надеясь, что, если каким-то чудом обогнал их, то услышу, как они пробираются сквозь заросли; но все было тихо. Они, вероятно, исчезли через одни из своих «Врат», которые так им нравились, и которых я никак не мог понять, бросив меня на произвол судьбы.

Я медленно пошел через равнину. Луна давала достаточно света, чтобы я мог отыскать следы, но ничего не было на голом камне. Я старался идти к каменной стене, которая обрамляла со всех сторон плато, словно барьером, выбрав направление на самый высокий пик.

Вскоре я приблизился к подножию этого утеса и разглядел то, чего не мог увидеть издали. В каменной стене были цепочкой вырезаны небольшие углубления в виде

ступеней, достаточно больших, чтобы ухватиться за них руками или поставить ногу. Однако я все еще не мог поверить, что Гатяя проделала весь этот путь с такой быстротой, что скрылась из виду, прежде чем я вышел на гребень хребта. Как бы быстро она ни бежала, я все равно должен был увидеть ее в тот момент, когда она забиралась на утес. А кроме того, как туда мог подняться Гру?

Как охотник, потерявший след, я осмотрелся по сторонам. Если Гатяя все еще идет через лес, то двигаться дальше не было никакого смысла. Но, поразмыслив, я все же решил влезть наверх. Закрепив поудобнее мешки за спиной, проверив, надежно ли держатся в ножнах меч и кинжал, я начал подъем. Это было далеко не так просто, как казалось мне в самом начале. Я быстро понял, что выемки в скале были вырублены для кого-то более высокого, чем я, и мне постоянно приходилось напрягать все свои силы, чтобы не сорваться и медленно продвигаться вверх. Интересно, как это Гатяя умудрилась подняться здесь?

Я лез очень осторожно, внимательно проверяя каждую выемку, прежде чем взяться за нее рукой. И каждый раз пальцы мои погружались в толстый слой пыли. Я понял, что Гатяя не могла идти этим путем. Однако я все же решил подняться до конца и сверху попытаться отыскать следы моих спутников.

Тяжело дыша, я выбрался на широкий карниз утеса и медленно огляделся. Это была далеко не вершина, а всего лишь выступ, причем искусственного происхождения. Везде были видны следы инструментов. Мое внимание привлекла передняя стенка ниши.

Чтобы увидеть полностью, что было передо мной, мне пришлось задрать вверх голову. Большое искусство было вложено в это творение. И было сразу ясно, что тот, кто создал это, был чужд людям, враждебен им. В огромной искусственной нише в теле утеса, на пороге которой я стоял, был вырезан барельеф — огромная фигура двуногого существа. В ней было мало общего с человеческой фигурой, скорее, что-то птичье, но с полной уверенностью можно было сказать, что это была фигура женского пола. Она была полностью обнажена. Единственное, что можно было с натяжкой назвать одеждой, это широкий воротник, который длинными складками спадал за спиной.

Стройные ноги были широко расставлены, руки протянуты вперед, а лицо, совершенно не похожее на человеческое, угрожающе устремлено вперед и вниз. Первое, что вызывало испуг и отвращение, это два огромных скошенных глаза, сделанных с большим искусством. В них были

вставлены какие-то драгоценные камни, которые в свете луны горели пронзительным красным огнем.

На вытянутых вперед руках я разглядел огромные когти. И тут же передо мной возникла картина нашего первого ночлега в этой долине и труп, обнаруженный мной неподалеку от нашего костра. Но здесь руки и когти были выполнены из камня, а не из костей, обтянутых желтоватой кожей.

Неизвестный скульптор придал лицу чудовища именно то выражение, которое полностью соответствовало этим страшным когтям. Всю нижнюю часть лица занимал большой тяжелый клюв. По обе стороны тела виднелись большие крылья, растущие, казалось, прямо из тонких плеч.

Между широко расставленными ногами зияло темным провалом отверстие, очень похожее на вход в пещеру. Я подошел поближе и, согнувшись, заглянул туда, но ничего не разглядел. Волна удушливого зловония заставила меня отшатнуться. Видимо, это было логово какого-то не очень опрятного существа. Мой взгляд, помимо воли, снова и снова обращался к злоеющим красным глазам чудовища. У меня появилось странное чувство, что скульптура разглядывает меня со злоеющим видом, словно живое существо. Во мне все больше и больше зрело беспокойство.

Не думаю, что если бы сейчас здесь была Гатя, то она пошла бы этим путем. Тесный вонючий ход — не Лунное Святилище, которое дышало миром и покоем. А здесь прямо в воздухе висела угроза, подобная той, что излучали Серебряные Певицы, и то чудовище, чей барельеф сейчас возвышался надо мной.

Я с большим трудом сумел отвести взгляд от горящих красных глаз. Нет, лезть в эту дыру мне совершенно не хотелось. Возможно, где-то есть и более безопасный проход.

И он был. Когда я обошел всю площадку, то, завернув за острый выступ скалы, который, подобно рогу, преграждал путь, обнаружил узкий, но постепенно расширяющийся карниз, который круто вел к вершине утеса. Я опустился на четвереньки и медленно пополз вверх, стараясь по возможности чаще оглядываться назад. Какое-то смутное беспокойство не покидало меня.

Карниз вскоре перешел в широкую и высокую расщелину. Я поднялся на ноги, с изумлением отметив, что передо мной высились ступени огромной каменной лестницы. Но не успел я сделать и нескольких шагов, как странный звук заставил меня резко обернуться. Я посмотрел на гигантскую статую, которая была видна мне почти в профиль. Откуда-то, вероятно, из темной дыры пещеры

послышались скребущиеся звуки. Я быстро выхватил меч и прижался спиной к каменной стене. Сначала слышался громкий скрежет и шелест, затем раздался пронзительный вопль, отдаленно напоминающий крик совы.

В черном отверстии появилось что-то бесформенное и сторбленное. Оно неуклюже поворочалось на месте, затем медленно распрямилось, поднявшись на когтистых лапах. Я сразу же узнал в нем живой оригинал статуи, но много меньшего размера и представителя мужского пола. Но глаза и клюв были те же, зловещие и страшные.

Голова чудовища повернулась на сутулых плечах. Она казалась более крупной и более уродливой, чем у статуи. Оно повернулось ко мне и уставилось на меня. Огромные глаза вспыхнули зловещим огненно-красным пламенем. Крылья чудовища затрепетали за спиной, но не раскрылись полностью, словно у него не было пока для этого сил. Чудовище бросилось ко мне по узкому карнизу, и крылья служили ему только в качестве дополнительной опоры, чтобы сохранить равновесие. Когти вытянулись во всю длину и не уступали теперь моему кинжалу. Издав победный крик и подавшись вперед, чудовище ринулось на меня, вытянув вперед свои страшные лапы-руки. Я ожидал его, подняв меч над головой. Казалось, чудовище никогда не имело дело с такими противниками. Все его тело было открыто моим ударам.

И острое лезвие со свистом ударило в основание шеи в тот момент, когда когти чудовища почти уцепились за мою одежду. Со страшным хрустом голова отскочила, но не упала, а осталась висеть на узкой полоске кожи и сухожилий, подобно мешку, свесившись на грудь. От сильного удара чудовище отлетело немного назад. Тутая струя черной жидкости хлынула из шеи. Несколько капель этой крови попало мне на кожу, и места эти словно опалило огнем. Существо беспомощно размахивало страшными лапами, стараясь дотянуться до меня. Крылья его полностью расправились и упруго бились в воздухе, но взлететь оно не могло. Я решил, что битва наша на этом закончилась, и собрался уже было повернуться, чтобы продолжить путь, но не тут-то было. Голова чудовища по-прежнему висела на груди. Кровь фонтаном била из страшной раны, когда чудовище пошло в новую атаку.

Я ударил мечом наотмашь, метаясь по когтистым лапам. Одна из них, отсеченная напрочь, упала на каменную ступеньку прямо передо мной. Второй фонтан крови бил из обрубка, и я приготовился отбить третью атаку чудовища, которое упрямо шло на меня, как вдруг уголком глаза заметил какое-то движение под ногами. То выпуская, то втяги-

вая обратно когти, отрубленная лапа чудовища обрела свою самостоятельную жизнь и, словно жуткое насекомое, подбиралось ко мне.

Сильным ударом ноги я отправил этот страшный кошмар в пропасть и снова поднял свой меч. Струя крови из обрубка лапы, которую зверь протягивал ко мне, словно не замечая, что смертоносная кисть отрублена, оросила мою руку с мечом. Страшная боль, как от огня, обожгла меня, и только огромным усилием воли я не потерял сознание, а обрушил всесокрушающую сталь на врага.

Возможно, эта гадина знала, какую боль мне причиняет ее кровь, потому что она усиленно поливала меня черной кровью из обрубка лапы. Капли огненными пчелами жгли мне лицо, шею, участки кожи, не защищенные кольчугой, и только чудом не попадали пока мне в глаза.

Несмотря на чудовищную боль в руке, я бросился вперед и нанес страшный удар. Фонтан крови вырвался вверх и попал на плечи и грудь, скрытые, к счастью, кольчугой. Я отпрыгнул назад. Мой удар разрубил грудь чудовища до самого живота. Кровь лилась струей. Казалось, что убить это существо невозможно. Страшный удар, разваливший его тело чуть ли не пополам, только добавил крови, как будто это был бурдюк с кровью, а не живое существо из костей и мяса. Я никак не мог поверить своим глазам: чтобы из такого тщедушного тела выливалось столько крови, и оно продолжало жить и угрожающе шло на меня. Казалось, что он был неисчерпаем.

Я обратил внимание на то, что мой противник в основном теперь использует для атак свои крылья, опираясь на них, как на ноги. Я должен был, рискуя, получить изрядную порцию жидкого огня, постараться обрубить их. Я бросился вперед, едва удержавшись на ногах, поскользнувшись в луже крови, и сильным ударом отсек правое крыло. Нанеся удар, я тут же отскочил назад и поднялся еще на одну ступеньку, так как изуродованное, окровавленное чудовище снова пошло на меня, раскинув широко руки в стороны, потому что оно не могло видеть меня и ориентировалось неизвестно на что. Правая часть его тела, разрубленного и кровоточащего, все время заваливалась назад, лишившись опоры, и поэтому оно развернулось ко мне боком, подставляя под удар второе крыло, чем я немедленно воспользовался.

Мой враг упал на спину, царапая камни когтями, а я, тяжело дыша и прижимаясь спиной к скале, смотрел с ужасом, как этот окровавленный обрубок поднимается, чтобы снова идти на меня. Кровь хлестала из него во все стороны, словно из дырявой бочки.

Я понимал, что теперь чудовище беспомощно. Но вот одно ли оно было в этой пещере, охраняемой статуей? Внутри пока не было слышно никакого движения, но это могло ни о чем не говорить. Может быть, эти существа, явно ведущие ночной образ жизни, кружат где-нибудь сейчас в вышине, выбирая удобное мгновение, чтобы обрушиться на меня сверху. Чем быстрее я уберусь отсюда, тем лучше, хотя взбираться на скалу, когда в любую минуту из темноты ночи могут появиться эти кошмарные создания, было весьма рискованно. Я мог только надеяться, что мне повезет, и я смогу добраться до вершины без борьбы.

Подвесив меч к поясу и стараясь не касаться его поверхности, испачканной кровью, я, как мог, вытер руки о штаны. Места, облитые кровью чудовища, ужасно жгло.

Повернувшись и бросив последний взгляд на беспомощное, но еще живое чудовище, я пошел наверх, все время прислушиваясь и поглядывая в небо. К счастью, дорога вскоре углубилась в стену настолько, что я больше мог не опасаться нападения сверху, скрытый от посторонних глаз мощным каменным козырьком.

Вид изувеченного противника и звуки, которые он издавал, придали мне сил для бегства, заставили забыть о боли в руках. Вскоре я достиг вершины утеса. Необходимость отыскать убежище, где бы я мог спрятаться от жутких созданий ночи, все время подгоняла меня.

Оказавшись на вершине утеса, я замер от удивления. Я стоял на краю пропасти, а передо мной простиралась долина, в которой рос лес. Это был явно очередной подарок фортуны. Я бросился вперед, уверенный в том, что под прикрытием его кроны я буду в относительной безопасности от крылатых чудовищ.

И с той же яростью, с какой я совсем недавно старался вырваться из зарослей внизу, теперь я старался забраться в самую гущу этого леса. Обессиленный, я присел у ствола и, набрав целую пригоршню листьев, начисто вытер меч, лицо и руки. Затем я с трудом отыскал в мешке лекарство, которое дала мне с собой Забина. Затаив дыхание, я смазал обожженные места сначала на руках, потом на лице.

Постепенно боль стала стихать, и мне оставалось только надеяться, что яд будет не очень сильным. Но в этом я не был полностью уверен, так как вскоре начал сильно дрожать от холода, хотя ночь была очень теплой. Кроме того, меня все время тошнило, во рту, полном слюны, был отвратительный кислый привкус, а голова отчаянно кружилась. Кроме того, когда я попробовал встать на ноги, то не смог удержаться, и мне пришлось вцепиться в ствол дерева.

Может быть, яд коснулся моего мозга, так как я вдруг снова очутился на уступе, передо мной лежала отрубленная лапа, которая угрожающе ползла ко мне, желая отомстить за своего хозяина. Только огромным усилием воли мне удалось взять себя в руки и прислушаться, чтобы не пропустить приближение врага.

Я, должно быть, долго был в кошмарных видениях, так как, когда очнулся от последнего, в котором отрубленная лапа готова была уже вцепиться в меня, а у меня не было даже сил поднять меч или шевельнуться, я обнаружил, что наступило утро. Яркие пятна света лежали тут и там: видимо, листва была недостаточно плотной, чтобы полностью скрыть небо. Горло у меня пересохло, и, достав дрожащими руками бутылку с водой, я напился.

Зловоние от крови, покрывавшей мою кольчугу, вызвало приступ тошноты. Я поднялся на ноги, но вынужден был тут же ухватиться за дерево. На руке запеклась страшная язва. Я попытался пошевелить пальцами — кожа треснула, и я с трудом сдержал крик боли. Я не имел понятия, куда идти, но знал, что обязательно должен найти воду, чтобы обмыть раны и выстирать одежду. Здесь наверняка были источники воды или просто ручьи. Оставалось только найти их. Я надеялся, что мне повезет, что фортуна не до конца оставила меня.

Мухи плотным облаком роились надо мной, привлекаемые зловонием, исходящим от моей одежды. Я пробирался от дерева к дереву, часто останавливаясь для отдыха. Вскоре я вышел на поляну. Она лежала передо мной, ярко освещенная солнцем. Это наполнило меня радостью. Чудище, напавшее на меня, было ночным зверем, и теперь у меня был в запасе целый день, чтобы уйти подальше от его логова.

На западе виднелись голубые силуэты гор, но я направился на север, чтобы некоторое время идти под прикрытием леса. Но вскоре лес кончился, и я остановился на опушке, выбирая путь полегче, так как чувствовал я себя очень плохо. Все пространство передо мной заросло высокой травой, из которой кое-где торчали каменные глыбы. Долина постепенно поднималась вверх, но склон был полог, так что можно было идти вперед без особых усилий. Недалеко от меня поднималась сплошная стена утесов, ограждающая долину. Я пошел вперед по долине, так как, чтобы карабкаться на стену, у меня не было сил.

Я уже отошел достаточно далеко от леса, когда с удивлением понял, что иду по мостовой, по каменным плитам, которые были уложены так искусно, что между ними не было видно даже земли. Дорога была не такой широкой,

чтобы по ней могли проехать фургоны, но пешие и конные всадники могли легко передвигаться. Как бы то ни было, но мне сильно повезло. Я медленно шел вперед, останавливаясь на отдых, чтобы преодолеть приступы кошмарного бреда, которые приходили внезапно и заставляли меня обливаться холодным потом от страха.

Эта мощеная тропа, я не мог назвать ее дорогой, вела на север. Постепенно я вошел в узкое ущелье между двумя огромными утесами, вершины которых уходили в самое небо.

Несмотря на жар солнца, волны ледяного холода постоянно накатывались на меня, иногда такие сильные, что я вынужден был садиться прямо на камни и отдыхать от слабости, ожидая, когда приступ схлынет.

Сразу же за передовыми утесами ущелье значительно расширялось, но я обратил внимание, что вымощена только центральная часть. Остальное пространство до самых скалистых стен было тщательно очищено от камней и растительности. Можно было предположить, что сделано это для того, чтобы полностью исключить возможность засады или западни. Думая об этом, я не забывал внимательно осматриваться по сторонам. Воспоминание о крылатых чудовищах заставило меня прибавить шаг, чтобы уйти как можно дальше при свете дня. О Гатее и Гру я больше не вспоминал. Теперь мне приходилось думать о собственной безопасности, а это требовало концентрации всех моих сил.

Дорога снова пошла в гору. Прохладный ветерок, дувший мне в лицо, относил в сторону смрадное зловоние, исходящее от моей одежды. Наконец, я достиг самого узкого участка ущелья и мог рассмотреть более внимательно этот, несомненно, первый бастион западных гор.

Спуск, лежащий передо мной, был более крутым, чем подъем. Однако те, кто проложил эту дорогу, позаботились об удобстве путников: на перевале у дороги был сделан каменный бассейн, куда постоянно втекала свежая вода. Я бросился к бассейну, упал перед ним на колени, погрузил руки в ледяную воду по локоть, которая быстро успокоила жгучую боль.

Я не мог противиться искушению. Я снял меч и положил его рядом, затем скинул с себя верхнюю одежду и тщательно выполоскал и оттер ее мокрым песком от следов ядовитой крови. Затем я тщательно вымылся, стараясь полностью отмыть следы недавней битвы. Обожженные участки кожи покраснели и кое-где кровоточили. Я намазал их мазью Забины, мне хотелось верить, что она поможет. На руке у меня была огромная страшная язва. Я смазал ее и тщательно забинтовал кисть руки.

Избавившись от ядовитой, зловонной грязи, я смог наконец немного поесть. Я сидел на краю бассейна, ел и осматривал то, что лежало передо мной.

Внизу расстилалась странная земля. Некоторые участки выглядели настоящей пустыней, так как на них не было и следа растительности, и голая земля была желто-коричневого цвета. Дорога, вымощенная светло-серым камнем, поворачивала на юг, огибая горы. Причем, дорога шла по самому краю гор, очевидно, она была вырублена в самой скале. Эта титаническая работа строителей дороги поразила меня больше всего. Я знал, каких трудностей стоит проложить дорогу даже по равнине между владениями лордов. Для этого требовалось очень много людей, и даже самые крупные из кланов редко отваживались на такое грандиозное предприятие. А здесь каменные блоки лежали плотно друг к другу. Я не говорю уже о той части дороги, которая была вырезана в скале. Меня изумило искусство строителей. Сколько же времени потребовалось на это, и какой могущественный правитель имел столько людей в подчинении, чтобы решиться на такой титанический труд?!

Дорога пересекала небольшую рощу. Издали она казалась мне лишь ярким зеленым пятном. Я сидел и размышлял, стоит ли мне идти дальше или же лучше остаться здесь на ночь. Не слишком ли я близко от зловещей пещеры, откуда на меня могут напасть крылатые чудовища? Может быть, мне лучше пойти по дороге и укрыться под защитой деревьев? А вдруг в этих деревьях таится для меня какая-то другая опасность?

В конце концов мысли о нападении крылатых демонов ночи подняли меня на ноги и погнали дальше. Отдых, пища и вода укрепили мои силы, да и лекарство Забины, несомненно, сказывалось. Если ночь опять будет лунной, то это будет мне очень на руку. Я осмотрел небо в поисках туч и не обнаружил ни одной. Да, лучше всего будет устроиться на ночь на опушке леса.

Решившись на это, я уверенно пошел прямо по дороге к лесу, размышляя о Братях с Мечами. Видели ли они чудовище, с которым я сражался, или Серебряных Певиц, неведомого охотника, пришедшего к нам на помощь? Знали ли они обо всем этом, когда вели нас по прибрежным землям? Я всегда мечтал быть с ними, вести разведку в новых землях, неизвестных странах. И вот я один на неведомой земле, и настоящее исследование страны оказывается во все не похожим на мои мечты.

Дорога, идущая под уклон, помогала идти мне довольно быстро. Она нигде круто не изгибалась: видимо, строители позаботились об удобствах перемещения путников. Она

плавно огибала скалы. Камень был здесь тот же, что и везде: серый с красными и желтыми прожилками. Но плиты дороги были сделаны из другого камня, очевидно, привезенного откуда-то из других мест. Каменные плиты были светло-серого цвета и существенно отличались от окружающих более темных камней. Я прошел уже треть пути, как вдруг заметил, что плиты, по которым ступал, перестали быть совершенно гладкими. На каждой из них были вырезаны символы. Одни из них были чернильно-черного цвета и напоминали мне цвет крови ночного чудовища, которое напало на меня у пещеры. Другие же были красного цвета, похожие на мою собственную кровь, впитавшуюся в камень.

Сами символы были очень сложными, и мне трудно было рассмотреть их детально на ходу. Поэтому я старался не обращать на них внимания, так как у меня начиналась кружиться голова. Я решил, что эти символы характеризуют какие-то злые силы, враждебные тем, кто строил эту дорогу. И они вырезали их, чтобы попираť ногами и тем самым утверждать свое могущество, свою власть над злыми силами. Но это было только моим предположением, и я прервал поток мыслей, чтобы не зайти слишком далеко в своих рассуждениях. Мне достаточно было того, что цвет символов вызывал какое-то смутное беспокойство и отвращение, поэтому я решительно отвел взгляд от дороги.

Но не все птицы были украшены символами. Довольно часто встречались чистые, и их я использовал для того, чтобы перевести дух, остановиться, поглядеть на деревья, которые были все так же далеко, как будто я не шел к ним, а оставался на месте.

Воздух был неподвижен. Только однажды налетел мимолетный порыв ветра, горячий и сухой, как в настоящей пустыне. Вскоре дорога опять повернула на запад. Я уже не останавливался так часто на отдых, стараясь как можно быстрее пройти этот участок пути.

Идти на запад? Когда Гатя исчезла и некому теперь вести меня вперед! Впервые с момента исчезновения моей спутницы я понял, что до сих пор не задумывался над тем, что мне делать дальше. Если Гатя действительно знала о судьбе Инны, то мне она не дала никакого ключа к разгадке. Бродить по этой дикой стране и пытаться найти следы, которые, возможно, вообще не существуют, казалось мне довольно глупым занятием.

И все же, что оставалось делать мне? Единственное, что я знал, — это идти на запад. Мне, лишенному клана, ничего другого не оставалось делать. Эта горькая мысль грызла меня, пока я шагал по украшенным зловещими символами плитам.

Когда приблизился вечер, я перешел на легкую рысь и, наконец, добрался до того места, где дорога углублялась в лес. Я остановился, раздумывая, стоит ли мне заходить в лес, когда ночь так близка, а что меня ждет впереди, я не знаю...

ГЛАВА 10

Пока окончательно не стемнело, я постарался приготовить себе лагерь с большой тщательностью и предосторожностью: из толстых сучьев я сплел себе навес, который совершенно закрывал меня сверху, и никакие птицы не могли обнаружить меня. Могли ли крылатые чудовища отыскивать свою жертву по запаху, я не знал, но я не собирался разводить костер, чтобы не привлечь чьего-либо внимания.

Вспомнив, что Гатей говорила о холодной стали оружия, я воткнул нож у входа в свой шалаш и, устроившись поудобнее на подстилке из старых листьев и травы, тщательно исследовал содержимое своего мешка. Мешок Гатей я отложил в сторону, даже не открывая. Пищи оставалось самая малость. Я достал коробочку и смазал раны на голове и теле.

Головная боль и боль от ожогов сразу же вернулись ко мне, как только я растянулся на своей подстилке. И хотя мазь действовала довольно благотворно, но раны мои затянулись не полностью. Во всяком случае, боль не давала мне уснуть.

В лесу, в районе моего шалаша, тихо не было. Постоянно раздавались какие-то звуки: тихое шипенье, шелест листьев. Все выглядело так, словно жизнь в лесу пробуждалась с наступлением ночи. Когда раздалось зловещее уханье, рука моя сама собой стиснула рукоятку меча. Однако никто не обращал на меня особого внимания.

Снова и снова я возвращался мыслями к Гатее, ругая себя за то, что упустил ее след и теперь не знаю, где искать ее, куда идти.

Несмотря на все мои старания уснуть, я провел ночь в какой-то полудреме, изредка забываясь ненадолго, чтобы снова проснуться от малейшего подозрительного звука, и постоянно быть готовым к схватке с неведомым противником.

Что я буду делать утром, я пока не знал. Но мысли о возвращении обратно на дорогу у меня не возникало. Мне совсем не хотелось еще раз встретиться с крылатыми чудовищами. Второй раз мне может так и не повезти в битве. Единственное, что мне оставалось, это пройти лес и про-

должать двигаться на запад, вдоль скалистой стены долины, и искать следы Гатей или Братьев с Мечами, которые тоже направились на запад. Впервые с тех пор, как Гарк изгнал меня из клана, я понял, что такое быть совершенно одиноким. В эту ночь я осознал, что нет худшего наказания для человека, чем остаться одному. Я понимал, что мои надежды отыскать леди Инну с тех пор, как исчезла Гатей, стали очень призрачными. У меня не было ни малейшего шанса на успех. Но я решил продолжать свои поиски, пока удача или смерть не остановят меня. А что мне еще оставалось делать?

Ночь была долгой, а мой прерывающийся все время сон короток. К счастью, никто так и не посягал на меня, как будто шалаш действительно сделал меня невидимкой для ночных обитателей этого леса. Рассвет, наконец, наступил. Я наскоро перекусил, собрал мешок, забросил его вместе с котомкой девушки за спину и пошел дальше по каменным плитам дороги.

Она повела меня через лес, где могучая крона деревьев совершенно закрывала небо и не пропускала солнечные лучи. Плиты дороги были теперь совершенно чистыми и светлыми. Мне даже казалось, что от них исходит какое-то слабое сияние. И теперь на них уже не было этих неприятных для глаза символов.

Сама дорога не была прямой, как стрела. Она причудливо петляла среди толстых деревьев с гладкой красно-коричневой корой. Стволы были совершенно голые, а могучие ветви с большими листьями росли только высоко над землей у самых верхушек.

Я шел уже довольно долго, когда деревья привлекли, наконец, мое внимание. Это были необычные деревья. Листья их были ярко-зеленые и казались совсем свежими, как будто была весна и они только что распустились. Но странность заключалась не в этом. Я даже не сразу понял, что привлекло мое внимание. Когда я проходил под деревом, то листья начинали сами по себе шелестеть, хотя ветра не было и в помине. Я остановился под деревом и задрал вверх голову. Да, действительно, я не ошибся. Листья над моей головой пришли в движение, они как будто переговаривались друг с другом.

Может, это яд действовал все еще на мой мозг, что мне видятся всякие непонятные и сверхъестественные вещи? Мне бы очень хотелось, чтобы это было так: ведь не мог же я всерьез думать о говорящих деревьях...

Страха у меня не было, одно только любопытство. Я размышлял, идти ли мне дальше или же выяснить причину непонятного поведения деревьев. Ведь если хотя бы одна

из этих могучих ветвей рухнет мне на голову, то это будет означать верную смерть. А листья все шелестели и шелестели. Я начал уже верить в то, что они разговаривают между собой на незнакомом мне языке.

В этом шелесте мне слышалось нетерпение, как будто они ожидали от меня ответа и никак не могли дождаться. Я так проникся мыслью об этом, что даже непроизвольно спросил вслух:

— Что вы хотите от меня?

Листья так дружно зашелестели, словно могучий порыв ветра пронесся над вершиной дерева. Даже толстые сучья зашевелились, как бы желая привлечь к себе мое внимание.

Листья все шелестели, и чем дольше я смотрел на них, тем больше мне казалось, что это вовсе и не листья, а тысячи язычков ярко-зеленого пламени. Да, пламени, с редкими проблесками ярко-голубого, желтого и темно-фиолетового... Я стоял как бы под тканью, чудесным гобеленом, на котором неведомый искусник выткал незабываемый по красоте узор.

Разноцветные огни неожиданно плавно начали опускаться вниз, словно они капали с листьев. Я не мог отвести от них взгляда, когда они медленно начали кружиться вокруг меня.

Я уже находился не в лесу, но не мог сказать, где... Единственное, что я точно знал, что здесь никогда не бывали люди. Свет вокруг меня становился все ярче. Страх не было. Я ощущал только благоговейный трепет: ведь мне посчастливилось увидеть то, что до меня никто не удосужился видеть. Световой гобелен разделился и разошелся на две стороны, наподобие занавеса. И передо мной предстало что-то совсем необычное.

Во мне шевельнулось чувство беспокойства, которое охватывает каждого, когда ему открывается неведомое. Но я стоял и ждал. Я хотел знать, что ожидает меня.

Она была высокой и стройной, эта женщина, которая возникла передо мной, одетая в сверкающее зеленое платье из множества мелких листочков. Эти листья не лежали спокойно, они непрерывно переливались — я не мог подобрать другого слова — с места на место, открывая на мигновение то стройные ноги, то упругую маленькую грудь великолепной формы, то белоснежные плечи, а затем снова скрывали всю ее от горла до колен.

Длинные распущенные волосы не лежали спокойно на плечах, а, как и листья одежды, непрерывно шевелились, образуя туманное облако вокруг ее головы. Они были тоже

зеленого цвета, но красно-коричневые пряди тут и там гармонично вплетались в них. Красно-коричневой же была и кожа рук и лица, которая находилась в поразительном контрасте с ее ярко-зеленой одеждой.

На лице женщины выделялись огромные зеленые, как изумруды, прекрасные глаза. Они сверкали и, казалось, изливали море изумрудного света. Такими же блестящими были и ногти на руках, когда она подняла руки, чтобы поправить пряди непослушных волос.

Она была прекрасна. Я даже не подозревал о существовании такой неземной красоты. Такое совершенство не приходило ко мне даже во сне. Однако во мне не возникло никакого желания, так как между нами не было моста, который я мог бы перейти. Я мог только смотреть на нее, как на прекрасный цветок, изумляясь ее совершенной красоте.

Ее огромные чудесные глаза смотрели на меня, и не было защиты от их чар, да я и не искал защиты. Я ощутил легкое прикосновение ее разума, ее мысли, более мягкое и интимное, чем прикосновение руки или тела.

— Кто ты, который идет по старой дороге Алафиана?

Не слова, а мысли услышал я, так как губы ее не шелохнулись. И я тоже попытался сформировать ответ с помощью мыслей. Ее прикосновение и вопрос всколыхнули мою память, и я начал живо вспоминать то, что считал уже давно забытым, с того самого момента, как мы вошли в долину Гарка.

Но, вспоминая, я чувствовал, что делаю это не по своей воле. Кое-что мне хотелось бы забыть навсегда, но, увы, это было не в моих силах. Я вспоминал, а она читала мои мысли.

— Итак...

Моя память была высосана насухо, но я не чувствовал обиды на нее за это. Я считал, что это ее право знать, кто я такой и зачем пришел в эту страну, где так долго царили мир и покой. Ведь мое вторжение должно было нарушить это счастливое равновесие.

— Ты пришел не туда, куда надо тебе, человек. Но твои поиски ведут тебя и...— Ее мысль исчезла на мгновение, оставив странное опустошение в душе. Я чувствовал на себе тяжесть большую, чем просто одиночество.— Тебя ведет твой долг. Но твои заботы далеки от нас. Мы не можем ни помешать тебе, ни помочь. Иди и, может быть, ты найдешь больше, чем ожидаешь. Многое возможно, если правильно взяться за дело. Иди с миром, хотя не его ты ищешь, ибо нет мира в твоей душе.

И снова мысль ее исчезла. Но теперь уже и занавес хлопнулся и рассыпался яркими искрами, надолго ослепившими меня.

Я снова стоял на старой дороге под деревьями. Листья теперь не шелестели надо мной. Деревья были спокойны, как будто жизнь, только что наполнявшая их, исчезла. На моей ноге лежал маленький листочек, совершенный по форме и ярко-зеленый, как глаза девушки. По краю его бежал красно-коричневый ободок. Такого же цвета было ее прекрасное тело.

Может быть, у меня опять были видения, вызванные слабостью вследствие отравления. Нет, я не мог поверить этому. Я наклонился и поднял листок. Он не был похож на обыкновенный древесный листок, который можно высушить и растереть в порошок. Нет, он был тяжелым, словно вырезанный из камня, не известного нашему народу.

Я аккуратно уложил листок в кожаный кошелек. Для чего она оставила его, я не знал, хотя надеялся, что это подарок, и решил хранить его как сокровище.

Я долго не мог двинуться дальше. Я стоял и ждал под деревом, пока, наконец, не понял, что видение, чудесное и загадочное, больше не вернется. На утесе я встретился с ужасом в виде крылатого чудовища, здесь в лесу повстречался с невиданной красотой. Похоже, в этой стране можно испытать либо страх, либо благоговейный трепет, третьего не дано!

Я медленно пошел по дороге, которая плавно вилась между деревьев, но листья уже не болтали обо мне. Я прибавил шаг. Мне почему-то хотелось побыстрее уйти отсюда, где один вид деревьев напоминал об утрате, о боли, которая теперь терзала меня — не тело мое, а душу.

Я даже не остановился, чтобы поесть, хотя уже изрядно проголодался. Я шел и шел вперед, пока не вышел на открытое место. Здесь я сошел с дороги, так как она резко поворачивала на север, и пошел на запад, настороженно оглядываясь по сторонам. Передо мной вдали снова синела неровная строчка далеких гор, а прямо передо мной расстилалась земля, заросшая кустарником и деревьями, не такими огромными и высокими, как в лесу, а обычными, что росли в этой стране повсюду. И тут я увидел нечто, привлекавшее мое внимание.

Крепость! Здесь?

Каменные стены, башня — строение, подобное тем, что я помнил с тех времен, когда мы еще не прошли через Врата. Можно было подумать, что я вернулся в родной мир, где родился и вырос. Вот только гордое знамя лорда не разве-

валось на башне, и никаких признаков жизни не заметно на стенах замка и около него.

И уже в который раз я задумался над тем, для чего Барды открыли нам Врата и привели в этот мир. От какой угрозы бежали мы? Почему многое было оставлено в нашей памяти, но главное, ключевое, стерто? Передо мной возвышалась крепость, которая могла принадлежать только очень могущественному лорду. Если крепость построили такие же люди, как и мы, значит, мы можем найти союзников в этом мире, таком непонятном и чуждом для нас.

Стены замка были мне странно знакомы, и я бросился к крепости напрямик, проламываясь сквозь редкий кустарник. Когда-то здесь были поля. Тут и там среди высокой травы встречались колосья, склонившиеся к земле под тяжестью зрелых зерен.

Я набрал горсть колосьев, потер их в руках, отделяя зерно, и кинул в рот, как я часто делал это на полях моего детства. Вкус был знаком мне до слез. Как близки были эти миры, связанные между собой Вратами! Во всяком случае, то зерно, что мы привезли с собой, должно было дать здесь обильный урожай, если, конечно, не вмешаются враждебные силы.

Я жевал зерно и шел к крепости. И чем ближе я подходил, тем больше она казалась мне знакомой, похожей на наши крепости. Я понял, что строители крепости вынуждены были защищаться от кого-то. Толстые стены с узкими окнами высоко над землей...

Однако массивные двустворчатые ворота были не просто открыты а распахнуты настежь так, что одна половинка висела на одной петле, угрожающе наклонившись вперед. Было ясно, что крепость давно покинута ее обитателями. Камни, из которых были воздвигнуты стены, не были похожи на скалы ближайших гор. Они были более светлые и сверкали в лучах заходящего солнца, как будто в них были вкраплены кусочки серебра. В этом была какая-то очаровывающая прелесть. Она даже придавала этому могучему сооружению некоторое легкомыслие.

Прямо над воротами в стену была вмурована отполированная до блеска каменная плита. У нас на таких плитах обычно изображался герб клана, а здесь был изображен кот, бело-серебряный кот, очень похожий на Гру. Он не скалил хищно зубы на входящих, как можно было ожидать, исходя из его расположения. Нет, он просто сидел, и длинный его хвост изогнулся так, что кончик находился между передними лапами.

Зеленые глаза, такие же блестящие, как у лесной леди, были сделаны так искусно, что казались живыми, и каждый, кто входил в ворота, невольно думал, что кот наблюдает за ним. Не знаю, почему, но я отдал воинский салют мечом этому безмолвному стражу, который так долго и бессменно несет свою службу.

Я прошел в ворота и очутился в большом дворе. Прямо передо мной возвышалась крепость, увенчанная башней. Это, несомненно, был жилой дом, а не холл для собраний. Здесь наверняка жил сам лорд и находились подсобные помещения, склады, оружейная. Вдоль наружных стен лепились хозяйственные постройки: сарай, стойла для животных, бараки для слуг и оруженосцев.

За исключением сломанной двери, ничто не говорило о том, что время наложило свою тяжелую руку на эти постройки. Любой из наших кланов с огромным удовольствием сменил бы свои деревянные халупы на это прекрасное сооружение.

Я смело пошел вперед. Может быть, потому, что все здесь было до странности знакомым мне, я не ощущал беспокойства, которое упорно не покидало меня с тех пор, как я вместе с Гатеей вошел в эту страну, полную непонятого колдовства. Дверь в башню была приоткрыта. Я вошел. На полу валялось множество сухих листьев, занесенных сюда ветром. Это лишний раз указывало на то, что крепость пустует уже не один год.

Над аркой была вделана полоска блестящего камня, по которой затейливой вязью тянулись непонятные буквы. Что это? Предупреждение? Имя лорда? Я мог только предполагать, ибо ответа мне ждать было неоткуда.

Я решительно вошел в большой, просторный холл. Единственной уцелевшей мебелью здесь были изделия из камня. Я разглядел в полумраке широкий помост с большими каменными креслами посредине. Четыре кресла с широкими прямыми спинками из темного зеленого камня, украшенными сложным орнаментом, рисунки которого я не мог разобрать с такого расстояния. Из этого же камня были сделаны два стола и длинная скамья вдоль стены.

В зале стоял полумрак, так как узкие окна находились почти под самым потолком. Сбоку от стола я разглядел огромный камин, в который при желании можно было засунуть целый ствол дерева. Каминную полку с обеих сторон поддерживали два сидящих каменных кота, каждый из которых был много больше меня ростом. И опять здесь, на стенах, полу, камине, столе, тянулась затейливая вязь письмен, которые ярко сверкали, несмотря на недостаток света.

Любопытство, смешанное со странным чувством, что все это мне давно знакомо, но забыто по какой-то причине, упрямо заставляло меня продолжать исследования. По узкой и крутой лестнице я поднялся на верхний этаж, где располагались жилые комнаты. Здесь тоже было пусто. Мебель состояла только из огромных каменных очагов, густо исписанных все теми же загадочно светящимися письменами. Может быть, когда-то давно эти голые стены были покрыты богатыми коврами, но сейчас они были унылы и голы. Везде лежал толстый слой пыли, по которому ступала только одна нога, моя, и впервые за много лет.

Я отыскал кухню, оборудованную широкими столами, тоже каменными, как и все в этом замке, на которых когда-то приготавливали пищу. Я обнаружил здесь хитроумную систему для нагрева воды, такое искусство не знал мой народ. Сейчас вода была холодной, но очень вкусной. Я с большим удовольствием напился, затем решительно вернулся в холл, чтобы переночевать.

Когда темнота скрыла от меня окружающие предметы, я с удовлетворением, не понятным самому себе, отметил, что буквы, которые и днем казались чересчур яркими, теперь начали призрачно светиться. Они ощутимо освещали внутренность холла. И чем темнее становилось снаружи, тем ярче разгорался этот колдовской огонь. Я подошел и стал рассматривать каменную панель и светящиеся буквы на ней. Мне пришлось задрать голову вверх, так как каменная плита была размещена довольно высоко. И, несмотря на это, мне удалось разглядеть, что, кроме таинственных букв, на ней изображены различные рисунки.

И все они изображали сцены охоты. Но охотников, которых следовало ожидать, нигде не было видно на рисунках. Одни только коты. Коты, сидящие в засаде, коты, прыгающие на своих жертв. И каких жертв! Я без труда разглядел ненавистные крылатые фигуры ночных чудовищ, с представителем которого мне пришлось столкнуться недавно. И это было наименее странное и страшное чудовище, которое мне удалось разглядеть на рисунках. Достаточно было внимательно рассмотреть сцены этой искусной охоты, чтобы у любого путешественника возникло чувство страха перед этой страной. И если только эти чудовища не исчезли с лица земли за прошедшие годы, то мне, пожалуй, не стоило вообще пускаться в это опасное путешествие.

Я разглядел змею, вернее, так для себя я назвал этого зверя, когда только заметил его и не успел еще рассмотреть как следует. Ужасная рогатая голова была посажена на торсе человека, который плавно переходил в чешуйчатое тело

змеи, оканчивающееся опять-таки человеческими ногами. В обеих руках чудовище держало по мечу, явно угрожая ими коту, который искал возможности прыгнуть на него. Вся осанка этого неведомого чудовища выдавала в нем опытного, искусного воина.

Следующая картина: еще один кот, запрокинув голову, издавал торжествующий вопль победы, который я уже слышал от Гру. Под его могучей лапой билось прижатое к земле существо. Разглядеть его как следует я не смог, так как все было перепутано длинными волосами, но огромная лапа с чудовищными когтями, вытянутая вперед, словно все еще стараясь ухватить победителя, говорила сама за себя.

То, что эти рисунки отражали истинные события, теперь не вызывало у меня никаких сомнений. И я впервые подумал о безрассудстве своего беззаботного вторжения в эту страну, где, возможно, не перевелись еще эти чудовища. С одним из них мне уже пришлось повстречаться. Я с ужасом подумал о леди Инне и Гатее и впервые по-настоящему пожалел, что не знаю, где их искать.

В замке не было топлива, чтобы разжечь огонь в камине, но я сначала решил перекусить и поэтому уселся возле очага и решительно развязал свой мешок. Запасы еды явно подходили к концу, и я решил завтра утром, если ничего не произойдет, отправиться на охоту. Здесь на заброшенных полях наверняка пасутся олени или еще какая-нибудь дичь. Перекусив, я с удовольствием напился и снова пошел по холму.

Было совсем темно, и я представил себе, как обитатели этого замка и гости с нетерпением ожидают сигнала могущественного лорда приступить к ужину или пиру, по случаю удачной охоты. Я расхаживал по залу и представлял себя великим и могущественным лордом, одни звуки голоса которого способны вселять страх и трепет в сердца людей. Но я был без рода и без имени, и мое будущее было таким же пустым, как этот темный холл. Да, я мог представить себя лордом, но только лордом теней, населявших дальние углы этого громадного холла.

И все же я гордо прошелся мимо громадного стола, взшел на помост и пошел мимо ряда стульев в центр. На ходу я рассматривал изображения на спинках кресел. Здесь уже не было идиллических сцен охоты или сражений. Наоборот, на спинках кресел были изображены фруктовые деревья, тучные нивы, прекрасные цветы. Все это заставило меня непроизвольно вспомнить о лесной леди и снова задуматься над тем, кто же в конце концов она. А может, это

был дух леса, который явился ко мне, чтобы оценить меня, узнать мои намерения и планы?

Я подошел к центральному креслу и уселся в него. Я с удовлетворением заметил, что оно вполне подходит мне. Конечно, оно было твердым и холодным, ведь сидеть приходилось на голом камне, но все же оно было достаточно удобным. Я положил руки на подлокотники и горделивым взглядом обвел холл.

Но тут мое внимание привлек стол. На его поверхности тоже были нанесены какие-то символы. Я машинально начал водить пальцем по замысловатой линии знаков. Раз... другой... третий... Не знаю, почему я стал водить по ним пальцем правой руки, на которой все еще пламенел шрам от язвы, полученной в схватке с чудовищем.

...Три раза...

Линия ярко вспыхнула. Может быть, я просто стер с нее пыль?.. Я посмотрел на другие символы. Они тоже светились, но тот, что находился передо мной, был ярче всех.

Откуда-то, может быть, прямо из воздуха, родился звук. Он отдаленно напоминал звук рога. И кроме того, откуда-то издали словно донесся рокот барабана. Или же это был просто хор голосов, звучавших на одной низкой ноте? Я никогда раньше не слышал такого звука. Невольно я вскочил на ноги и, ухватившись руками за спинку кресла, уставился широко раскрытыми глазами в темноту холла, стараясь определить источник, откуда исходил звук. Он повторился три раза. Последний раз звук пришел откуда-то издали, я даже решил было, что это просто эхо. Но тут я обратил внимание, что около камина начал постепенно сгущаться мрак, который даже не могло рассеять сияние надписей.

У меня возникло странное ощущение, что крепость, где я находился, стала каким-то странным и загадочным образом меняться. Хотя я ничего не мог разглядеть во мраке, но чувствовал, что вокруг меня что-то происходит. Я так сжал ладонями спинку кресла, что не почувствовал, как острые каменные грани впились в тело. Темнота стала непроницаемой. Я безостановочно падал куда-то... или летел, или меня тащили... куда-то в совершенно другое место, а может, в иное время, откуда не было возврата.

ГЛАВА 11

Видимо, эта темнота была вызвана каким-то колдовством. И хотя я очень скоро очнулся и понял, что все это не сон, но очень скоро пожалел, что это не так. Я сидел в

кресле во главе стола, но когда обвел взглядом холл, то увидел, что он заполнен кем-то. Я пытался разглядеть тех, кто был в холле, но все, казалось, подернуто дымкой, и я не мог ясно различить детали. Перед моими глазами маячили только расплывчатые очертания фигур да бледные, смутные цветовые пятна. Ни одного лица я не мог разглядеть, как ни пытался. У меня возникло ощущение, что многие из тех, кто находились в холле, были похожи на меня, но среди них встречались и другие, не знакомые мне формы тела: некоторые красивые, некоторые явно уродливые. Но все они довольно мирно и дружески общались между собой.

Было ясно, что я очутился на празднестве по какому-то торжественному поводу. Это я скорее почувствовал, чем услышал. В холле раздавались какие-то странные звуки, мало похожие на голоса. Скорее всего, они напоминали мне шелест волн о песчаный берег.

Я подался вперед, стараясь рассмотреть того, кто сидел прямо передо мной. Я до боли в глазах вглядывался в него, но все равно туманная дымка до неузнаваемости искажала черты лица. Затем я повернулся направо. Рядом со мной сидела женщина в платье янтарного цвета. Но лицо ее было для меня сплошным расплывчатым пятном. Я посмотрел налево. Соседом с этой стороны был мужчина, но больше о нем я ничего не мог сказать.

Я ждал, все так же крепко вцепившись в ручки кресла, что же произойдет дальше: либо все они исчезнут, либо каким-то образом изменятся и войдут в мою реальность из этой неверной, призрачной дымки. Но время шло, а ничего вокруг меня не менялось, за исключением того, что эти туманные формы двигались, ели, пили, поднимали кубки, переговаривались. Они находились в своем мире, куда я не мог проникнуть, как ни старался, а мог только смотреть на него со стороны, как сквозь пленку воды.

Только одно ярко и четко светилось в этом холле — надписи на столе прямо передо мной. Они полностью находились в моем мире, и я видел их ясно и отчетливо. Мои глаза раз за разом упрямо возвращались к ним, когда начинали болеть от колеблющихся фигур. С огромным усилием я оторвал руки от подлокотников кресла, протянул их вперед и положил на стол. Я осторожно дотронулся правой рукой до символов, которые так приковали мое внимание. Возможно, они смогут вернуть меня обратно.

Мне пришлось собрать все силы, чтобы пальцы не дрожали. Значит, мне нужно провести по этим линиям... три раза. Что же произойдет, если я сделаю это? Я стиснул до боли зубы и начал. Линии были холодными на ощупь, как будто я опустил пальцы в горный ручей.

Так... так... так... Один, два, три раза.

Я сделал это, сконцентрировав на пальцах все свое внимание. Мгновение — и вдруг до меня ясно донесся гул голосов. Далекие и негромкие, но достаточно чистые и реальные. К сожалению, язык, на котором они говорили, был не понятен для меня.

Я рискнул поднять голову, оторвав взгляд от светящихся знаков на столе. Теперь все стало на свои места, обрело реальные черты, словно освободилось от тумана, который окружал все вокруг. Здесь сидели мужчины и женщины, одетые с такой роскошью, какой я не встречал даже в домах богатейших наших лордов. Одежда их была изготовлена из мягких роскошных тканей самых разнообразных расцветок. На всех присутствующих были широкие пояса, густо усыпанные драгоценными камнями. Огненные искры сверкали на рукавах, воротниках и пальцах рук гостей.

Темные волосы всех присутствующих были стянуты украшениями, причем у женщин это были короны или диадемы, усыпанные драгоценными камнями так, что казались сотканными только из них и словно отражали в себе звездное ночное небо. У мужчин тоже были короны, но, в отличие от женщин, их украшал только один крупный камень надо лбом, светившийся, словно осколок солнца. Короны были сделаны из золота, серебра и еще какого-то темно-красного металла, не знакомого мне.

Среди людей, подобных мне, встречались и иные существа. Поблизости от себя я разглядел женщину, которая была похожа на ту, что явилась ко мне в лесу. Далее я заметил мужчину, правда, это я думал, что он мужчина, у которого все тело было покрыто шерстью, а посреди лба красовались два витых черных рога, которые довольно красиво гармонировали с его большими красными глазами. Единственной его одеждой были два украшенных драгоценностями ремня, которые крест-накрест стягивали его могучую грудь. Затем мне показалось, что на дальнем конце стола восседает кто-то с большими крыльями за спиной, сложенными на манер плаща. Но когда я постарался рассмотреть его повнимательней, чтобы убедиться, что это не ночное чудовище, кто-то дотронулся до меня. Я почувствовал тепло прикосновения на своей руке.

— Лорду не нравится весеннее вино? У тебя такой вид, словно ты не на празднике.

Голос был тихим, но я слышал его отчетливо, несмотря на шум. Я медленно повернул голову и увидел ту, что сидела рядом со мной и говорила на моем языке. У нее были темная кожа и волосы. Даже по сравнению с моим загаром, она казалась совсем черной. Но я был уверен, что цвет ее

кожи не связан с воздействием солнца и ветра. Она была высокого роста, так как мне, даже сидя, приходилось смотреть на нее снизу вверх. Глаза ее, огромные, прекрасные, лучистые, тоже были коричневого цвета, того самого цвета темного янтаря, который так ценился среди моих соплеменников. Но прямые брови ее, черные, как смоль, были прямыми и тонкими, словно две стрелы, нацеленные мне в сердце. Она держалась так, как будто привыкла приказывать, повелевать. Тот янтарь, что мне удалось рассмотреть перед этим в туманной дымке, был мантией, которая теперь, когда она положила свою руку на мою, откинулась немного назад. Под мантией было платье цвета созревшего зерна. Платье обтягивало тело с пышным бюстом, но тонкой талией. Между ее полными грудями покоился янтарный кулон. Цепь, поддерживавшая его, состояла из чередующихся бусинок черного и желтого янтаря. Кулон имел форму колоса с зерном, обвитого виноградной лозой.

Волосы, уложенные короной на ее голове, были закреплены не булавками с головками из драгоценных камней, как у остальных женщин, а тонким ажурным золотым обручем с кусочком янтаря надо лбом, выточенным в виде того же знака, что и кулон.

Я был потрясен. Я даже не мог ответить ей, не мог найти подходящих слов, так как мысли мои разбежались, словно испуганные рыбы в воде. Страшное возбуждение охватило меня.

Она улыбнулась, и ее улыбка была такой, что только огромным усилием воли я заставил себя оставаться на месте. Я едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее и не прижать это роскошное тело к своей груди.

Выражение ее глаз неожиданно изменилось. Теперь в них сквозило неприкрытое удивление. Нет, больше чем удивление. Я увидел, что она поняла мое состояние и догадалась, что я не принадлежу к их обществу. Что я совсем чужой, и только неведомое колдовство принесло меня сюда, усадило между ними.

Теперь я уже не мог двинуться с места, хотя мне безумно хотелось вскочить и бежать прочь. Это ее чудесные янтарные глаза держали меня. Она подняла руку и медленно стиснула кулон у горла. Я ждал ее гнева, ждал, когда она громогласно объявит всем, что я враг, непрощенный пришелец, чужак и вор, который проник сюда, чтобы забрать то, что не принадлежит ему по праву.

Но она просто очень внимательно рассматривала меня. Теперь в ее глазах было ожидание и интерес. Пальцы, до этого неподвижно лежавшие на моем локте, двинулись вперед и сжали мою кисть с такой силой, что мне, если я

собирался вырваться наверняка, пришлось бы приложить все силы. Я с трудом верил, что женщина может обладать такой силой.

Она заговорила, и снова я четко расслышал все ее слова сквозь шум и гомон пира. Она приказала мне, и я не смог ослушаться.

— Пей!

Рядом со мной стоял кубок. Так как она сковала мою правую руку, то мне пришлось поднять его левой рукой. Этот кубок был выточен из черного дерева и поразил меня своей странной формой. Каким образом он оказался здесь, среди роскоши и богатства пира, этот деревянный кубок? На нем была вырезана голова человека, или какого-то весьма близкого к нему существа. Глаза его были скошены, и это, в сочетании с причудливым изгибом губ и острым подбородком, придавало лицу крайне своеобразное выражение. На голове красовалась корона, выполненная в виде сплетенных оленьих рогов. Кубок был полон до краев, и, когда я поднял его, вино, булькая, полилось через край. Но делать было нечего, и я молча выпил все до дна.

Жидкость была холодной, хотя я почему-то считал, что она очень горячая. Когда она проникла в мой желудок, то по всему телу разлилось приятное тепло, и даже нечто большее. Она зажгла мою кровь, обострила восприятие, усилила желание.

Я пил и смотрел поверх края кубка на свою соседку. Уловив открытое желание в моем горящем взоре, она улыбнулась понимающе. Пальцы правой руки все еще сжимали янтарный кулон между роскошными грудями, которые, казалось, сами вылезали из платья, желая похвастаться своей упругостью, своей дивной формой.

Она заговорила снова.

— В тебе есть могущество, человек из будущего времени, иначе ты не был бы среди нас.

Она наклонилась ко мне. От нее исходил аромат, от которого у меня закружилась голова. Я был уверен, что это был запах ее тела, а не одежды и благовоний. Я был в таком состоянии, что не мог даже поставить кубок на стол. Я был ее пленником, и она забавлялась своей властью надо мной.

— Жаль, — продолжала она, — что наши времена не накладываются друг на друга, так что твои желания тщетны. Но ты береги их и подари той единственной, которая предназначена тебе. Подари в нужном месте и в нужное время.

И она крепко поцеловала меня в губы. Жаркий огонь пробежал по моему телу, но это был не тот огонь, который зажгло во мне вино. Я твердо знал в этот момент, что нет для меня другой женщины, что именно она...

— Нет, — прошептала она, отодвигаясь, — твоя женщина придет к тебе в свое время. Я, Гуннора, обещаю тебе это. Ты выпил из кубка самого Охотника. И теперь тебе суждено искать и найти. Она придет. И ты не узнаешь ее, пока не пробьет твой час.

Ее рука медленно стала двигать моими пальцами. И снова я ощутил под ними холод письмен на столе. Но пальцы мои теперь двигались в обратном направлении. Три раза — и снова все подернул туман. Но я все еще чувствовал ее руку. Еще три раза. И вот снова темнота, и миг мое путешествие кончилось. Что это было? Путешествие во времени, в пространстве? Я не знал.

Я снова сидел за столом. Но холл на этот раз был пуст и темен. Холод и мрак ночи парил в нем. Я поднял руки и почувствовал, что у меня что-то находится в левой руке. В слабом свечении букв я разглядел кубок. Оказывается, я захватил из того времени кубок Охотника. Мое тело все еще ощущало желание и близость женского тела, которое пробудила во мне Гуннора, и которое я не мог удовлетворить здесь и сейчас.

— Гуннора!..

Я громко выкрикнул ее имя. Звук гулким эхом прокатился по пустому холлу. Однако ничего не произошло. Тогда я нетерпеливо поставил кубок на стол, положил на него руки и, опершись головой, задумался. Мне очень хотелось вернуться туда, на этот загадочный пир, к этой чудесной женщине. Но стоило мне только коснуться светящихся букв, как неведомая сила отбрасывала мою руку. Я был уверен, что это больше никогда не произойдет, и ждать мне здесь больше нечего.

Три дня я провел в этой крепости, спал перед очагом, целые дни проводил в кресле, снова и снова пытаясь вернуться в прошлое. Я еще никогда не имел женщины, но всегда с жадностью слушал рассказы взрослых мужчин из клана Гарка об этом. У нас было принято, чтобы люди женились уже в преклонном возрасте. Может, именно из-за этого наши семьи были такими маленькими. К тому же лорды соединяли людей в семьи по своим собственным соображениям, редко учитывая личные привязанности людей.

Но постепенно я пришел к решению, что необходимо все же идти дальше, хотя мои неудовлетворенные страсти снова и снова заставляли меня предпринимать безуспешные попытки вернуться к Гунноре на праздник в прошлое. Однако я, в конце концов, заставил себя думать о других делах. Я устроил небольшую охоту на зверей, пасшихся на старых хлебных полях, и закоптил себе достаточно мяса на

дорогу. Кроме того, я, как мог, собрал зерна и перемолол их в грубую муку на плоском камне.

Я знал, что должен идти, но страстное желание вернуться мучило, не отпускало меня из замка. Правда, я уже убедился, что никакое колдовство больше не позволит мне проникнуть на праздник, перейти границу между настоящим и прошлым временем. В эти дни я почти не вспоминал о Гатее и Инне. Казалось, что они находятся где-то очень далеко позади, в прошлом, и между нами словно опустился какой-то занавес, который напрочь отрезал меня от прошлого, от того, кем я был раньше.

На четвертое утро я поднялся с твердым намерением идти дальше. У меня было смутное ощущение, что это янтарная леди Гуннора приказала мне сделать это. Правда, я мало верил в ее обещание, что какая-то женщина из моего времени заменит ее в моих мыслях.

Вскоре после рассвета я весьма неохотно покинул крепость. Мой путь по-прежнему лежал на запад. Однако вскоре после того, как я удалился на порядочное расстояние от замка, все внезапно резко изменилось. Вероятно, там я был охвачен какой-то магией, но теперь она освободила меня, и я снова стал думать о необходимости отыскать дочь Гарка и найти следы исчезнувшей Гатей.

Снова передо мной лежала дикая страна без единого следа разумной деятельности. Даже дороги не было теперь у меня под ногами. Я пошел прямо на один из пиков гор, которые возвышались впереди. Пик врезался в небо, как меч, поднятый над головой врага. Я шел, с большой осторожностью осматриваясь по сторонам. Теперь, когда я удалился от покинутой крепости, мне в каждом камне, в каждом кусте чудилась западня. Однако ничего угрожающего пока не происходило. На земле не было никаких следов, а в небе беззаботно резвились птицы. Казалось, что здесь нет никакой жизни, кроме растительности и птиц.

На второй день я, наконец, достиг подножия гор. Здесь я плотно поел и пополнил запасы воды. Мой мешок уже заметно похудел, а в мешок Гатей я так и не заглядывал с того самого момента, как мы расстались, словно ожидая с минуты на минуту встречи с ней. В одном месте я набрал на дикие вишни, густо усыпанные ягодами, и с большим удовольствием полакомился и набрал с собой про запас.

На горные пики спустился туман. Близился вечер. Туман, как медленно опускающийся занавес, полз вниз. Заметив это, я решил остановиться на ночь, и немедленно стал искать площадку, удобную для ночлега, до тех пор, пока утреннее солнце не разгонит холодные клубы тумана.

Я отыскал небольшую пещеру в камнях, куда я смог забраться со всеми предосторожностями. Спина моя была защищена от нападения, а лицо уж я постараюсь защитить. Ночи в этой загадочной стране требовали большого терпения и мужества, и я всегда с беспокойством ждал их. Спал я очень настороженно, вскакивая при малейшем шорохе, и поэтому ночь не приносила мне желанного отдыха.

Хотя здесь вокруг было достаточно топлива, костер я все же не рисковал разводить. Я полусидел, полулежал, откинувшись спиной на каменную стену и вглядываясь в сгущающиеся тени. Я вспоминал тот праздник в покинутой крепости. Перед моим мысленным взором стояли мальчайшие детали и подробности. Почему они ушли оттуда? Почему оставили такую прекрасную крепость? Никаких следов военных действий и насилия я не заметил. Может быть, им что-то угрожало, что-то настолько страшное, что они вынуждены были в спешке покинуть крепость?

Неожиданно я насторожился. Послышалось ли мне? Нет, крик этот словно родился в моем мозгу. Я вскочил на ноги и, напряженно глядя в ночь, пытался понять, кто же это вызывает о помощи. Откуда донесся призыв?

И снова молящий крик судорогой прошелся по моим нервам. Откуда? С этих окутанных туманом гор! Но кто? Я посмотрел на пелену тумана, словно пушистым одеялом укрывшую острые вершины. Где-то далеко-далеко проблескивал огонек. Костер? Но это мало походило на пламя. Западня? Ловушка? Я хорошо помнил еще Серебряных Женщин и их сладостное пение, зовущее на гибель.

В третий раз пришел этот безумный, бессловесный крик о помощи. Осторожность приказывала мне оставаться на месте. Но я не мог заткнуть себе уши, вернее, мог, но это ни к чему не приводило: крик звучал во мне! И я не мог больше сопротивляться ему. Каким был странным он ни казался мне, это был крик о помощи. Гатей? Инна? Это могла быть и та и другая. В этой колдовской стране все могло произойти.

И, отбросив все свои сомнения и мысли о собственной безопасности, я полез вверх. Ветер дул мне в лицо. Он доносил какой-то запах, не зловоние, но и не божественную сладость, которая связывалась в моем мозгу с Гуннорой, с Лунным Святилищем, с лесной леди. Я не знал этого запаха, но чувствовал, что он как-то связан с проявлением колдовских сил.

Хотя я и чувствовал, что совершаю глупость, отправившись в путь ночью, в полной темноте, я все же шел вперед, внимательно прислушиваясь. Я часто останавливался и настороженно ждал, не повторится ли опять этот крик о по-

мощи. Но ничего, кроме неясного чувства ожидания и надежды, я не воспринимал. И это ощущение неумолимо росло с каждым моим шагом вверх по склону.

К счастью, склон густо порос низкорослым кустарником, и я мог использовать его для скорейшего подъема. Вскоре я вошел в полосу тумана, который, словно мутным сырым плащом, окутал меня. Капельки воды осели на лице, руках, одежде. И все же я поднимался вверх, к слабому свету, который пробивался сквозь этот занавес.

Через каждые десять шагов я останавливался, чтобы осмотреться по сторонам. И хотя я ничего не мог разглядеть в этом сером киселе, но слух мой был обострен, хотя туман, словно толстое одеяло, глушил все звуки.

Свет, манивший меня, не исчезал, но и не увеличивался в размерах. Он, как маяк, оставался на одном месте. Маяк?! Для кого? Не попаду ли я в очередную ловушку, предназначенную для кого-то другого? Но я уже не мог повернуть обратно, хотя крики о помощи больше не повторялись.

А затем...

Прямо передо мной с земли вдруг поднялось что-то огромное и призрачно светлое, как туман. Оно вытянулось во весь свой рост, и я сразу же узнал это глухое ворчание, низкий рокот. Гру?

Я остановился как вкопанный, сжимая рукоятку меча. Кот был такой же огромный, как Гру, но если это просто дикий кот, то никакой меч и никакое искусство не спасут меня от гибели.

Кот снова что-то проворчал, затем повернулся и бесшумно растворился в густом тумане. Гру! Да, это был он, иначе наша схватка была бы неизбежной, как и моя собственная гибель в ней. А это могло означать только одно: где-то здесь недалеко и Гатя.

Я буквально взлетел по склону. Я хотел окликнуть девушку, но побоялся потревожить возможного врага. Светло-серебряный кот поджидал меня наверху, на небольшой площадке в круге призрачного света.

Сияние исходило от какого-то предмета, лежащего на голом камне, на полке, которая была вырублена в скале разумными существами. Я не мог разглядеть, что это было. Да и сейчас меня больше тревожило распростертое тело, лежащее на земле, над которым склонился кот, изредка облизывая шершавым языком лицо человека.

Это была Гатя. С ней приключилось что-то ужасное. Вся ее одежда была изодрана в лохмотья, руки в глубоких царапинах. Они были обнажены до самых плеч. И даже штаны ее были разорваны кое-где. Волосы спутаны и разметались по земле. В них застряли сухие листья и трава.

Лицо настолько похудело и осунулось, что казалось, будто кожа обтягивала голый череп. Руки тоже, как у скелета, тонкие, кости просвечивали сквозь тонкую кожу.

Я опустился возле нее на колени, стараясь нащупать пульс, положил руку на шею. Я очень боялся, что крик о помощи, который донесся до меня, был ее предсмертным криком, и она умерла незадолго до того, как я нашел ее. Гру отодвинулся немного назад, освобождая мне место возле девушки, но большие зеленые глаза зверя неотступно следили за мной, как бы безмолвно охраняли своего гостя.

Она была еще жива. Но сердце билось так слабо, что смерть ее, вероятно, бродила где-то уже рядом. Я сдернул со спины мешок и достал бутылку с водой. Осторожно обмыв ей лицо и прижав голову к своей груди, я насильно заставил Гатею сделать несколько глотков. Это привело ее в чувство. Она открыла глаза и посмотрела на меня.

Но она не узнавала меня. Взгляд ее был пуст и бессмысленен. Она смотрела сквозь меня куда-то в другие миры. Но я все же заставил ее выпить еще, а затем, размочив в воде немного муки, ложкой, как беспомощного ребенка, накормил ее. Гатея жевала и глотала, не понимая, что делает. Она даже не знала, кто рядом с ней. Меня она не видела. Затем я взял ее мешок и впервые развязал его. В одной из коробочек я нашел мазь и, уложив Гатею на землю, очень аккуратно смазал все ее раны.

Гру был рядом, не сводя с меня внимательного взгляда, словно безмолвно разрешая делать мне все эти манипуляции. Но когда я заканчивал перевязывать девушке наиболее глубокую рану, он вдруг вскочил на ноги и стал внимательно вслушиваться и вглядываться в ночь. Голова его была поднята и напряжена так, словно он пытался определить направление опасности. Затем он начал нетерпеливо прохаживаться между мной и полоской тумана на границе света и тени.

Неожиданно он замер на месте и прорычал громко и угрожающе. Это был крик, которым он вызывал на бой тех, кто укрывается в ночи. Прежде чем я смог опомниться, он прыгнул и растворился в сером тумане. Тут же раздался свирепый рев, рычание, звуки схватки, разыгравшейся во мраке.

Я стоял над Гатеей с мечом наготове. Но из туманной ночи ничего не появлялось, пока оттуда не вынырнул сам Гру. Шерсть его местами была вымазана чем-то черным, пасть окровавлена. Он молча уселся у огня и стал вылизываться, удаляя следы недавней битвы. При этом он недовольно ворчал и отплевывался, как будто грязь эта

вызывала у него отвращение. Я намочил водой обрывок тряпки и подошел к нему.

Я смело начал смывать огромное пятно на боку, которое глубоко въелось в его густую шерсть. Гру разрешил мне сделать это, и я понял, почему это занятие вызывало у него такое отвращение. То, что я смывал, было не кровью, а чем-то слизким и вязким с отвратительным запахом. Так что мне пришлось даже заткнуть нос.

Гатей так и не пришла окончательно в сознание, и не замечала, что я нахожусь рядом с ней. Однако я снова постарался накормить ее мучной кашей, и только после этого внимательно осмотрел ее раны и убедился, что они поверхностные и особой опасности не представляют. Как же она могла забраться так далеко без всякой пищи и воды, и что это за свет, привлечший мое внимание, оставалось для меня полной загадкой. Я уже начал думать, что она упала от истощения и усталости. И все же тот странный крик о помощи, который привел меня сюда, вряд ли мог исходить от этого истощенного и измученного тела.

Я посмотрел по сторонам. Гру лежал у огня и спокойно вылизывал лапы. Он был полностью поглощен этим занятием. Но я знал, что коту можно доверять: когда он на страже, я был спокоен, он не пропустит момента появления неведомой опасности. Впервые, с момента ухода из крепости, во мне появилось такое чувство.

Я уложил девушку поудобнее, положил под голову меховик и укутал ее своим дорожным плащом. Тряхнув бутылкой, я понял, что воды осталось совсем ничего. И утром мне надо будет отыскать родных. Я был почему-то уверен, что Гру поможет мне в этом.

Растянувшись на земле, недалеко от Гатей, я позволил, наконец, усталости овладеть моим телом. Свет все еще не погас. Он был таким же ярким, как и раньше, но глаз почему-то не слепил. Он был каким-то мягким, теплым и не раздражающим.

Я лежал в самом центре освещенного круга, и тут меня вызвал кто-то. Это был очень короткий вопрос, прозвучавший как вспышка света в моем мозгу. Откуда я пришел и что намерен делать? В ответ в моем мозгу возник символ, который носила янтарная леди, — колос, перевитый виноградной лозой. Это произошло как-то помимо моего желания.

Мой невидимый собеседник был удивлен, поражен, словно получил неожиданный удар. Но ничто во мне не хотело битвы между нами. Я не чувствовал неприязни к тому, кто требовал от меня ответа, кто спрашивал, имею ли я право находиться здесь.

То, что в моем мозгу сформировалось четкое изображение, удивило меня. Но затем изображение стало быстро трансформироваться: колос превратился в богатые хлебные поля, а затем перед моим внутренним взором поплыли фруктовые сады, причем все было настолько реально, что невольно хотелось протянуть руку и сорвать плод. Я почему-то был уверен, что в это время за мной, за моей спиной, стоит женщина из крепости, прекрасная Гуннора. Но у меня не было сил повернуть голову, чтобы встретиться с ней взглядом.

Теперь отношение моего невидимого собеседника ко мне резко переменялось. Исчезла та нетерпеливая надменность, с которой он допрашивал меня. Теперь он задавал вопросы и получал ответы на них помимо моей воли. Видимо, за меня отвечала та, что пришла мне на помощь.

Я ощущал, как могущественные силы окружают меня, протекают сквозь мою плоть. Шел их оживленный разговор, но я уже не понимал ничего. Единственное, что мне стало ясно, это то, что те могущественные силы, которые концентрировались за огнем, были удовлетворены полученными ответами, и пусть без особого желания, но они позволили мне продолжить путь. И только после этого на мое истерзанное усталостью тело опустился целительный сон.

ГЛАВА 12

Я смотрел в безоблачное небо, постепенно освобождаюсь от сковывавшего меня сна. Тело мое затекло так, как будто я проспал целую вечность. Затем я снова услышал то, что разбудило меня.

Слова — чистые и ясные, затем тишина, как будто говорившая, ждала ответа. А затем снова слова. Они звучали примерно так же, в том же ритме, в каком наши Барды расппевают историю Народа или величественные саги. Но я не понимал этих звуков, которые, вероятно, были словами.

Я повернулся: Гатей уже не лежала там, где я оставил ее на ночь. Она сидела, скрестив ноги, в лучах яркого солнечного света. Это она говорила, адресуя непонятные слова воздуху, так как поблизости не было никого, даже Гру.

Должно быть, у нее была лихорадка, и она сейчас бредит. Это была моя первая мысль, когда я застал ее за этим странным занятием. Она даже не повернула голову ко мне, когда я с трудом уселся. Я уже начал сомневаться, находится ли она в болезненном состоянии, или же это действие колдовских чар.

Она сидела перед каменным очагом, и перед ней находилось то, что служило источником света сегодняшней ночью. Когда я увидел это, то мне захотелось схватить девушку за руку и утащить прочь подальше. Потому что между камнями была воткнута часть посоха Гатей, который она на моих глазах смастерила из обычной ветки дерева.

Добрая треть его исчезла. И пока я смотрел на него, вытаращив от удивления глаза, от посоха отвалился еще один маленький кусочек — легкий ветерок сбил обгоревшую верхнюю часть его и унес с собой тончайший пепел. И другого топлива для этого «костра» здесь больше не было, только этот обгоревший сук.

Гатей все еще сидела и говорила, потом молчала какое-то время, словно ожидая ответа от невидимого собеседника, которого я, впрочем, тоже не видел и не слышал, и потом снова говорила. Иногда, выслушивая своего невидимого собеседника, она кивала головой в знак согласия. Несколько раз она хмурилась, как бы стараясь лучше понять то, о чем ей говорят. Не знаю, что она слышала в эти моменты: советы или предупреждения. И она вела себя так естественно, что я поневоле с горечью отметил, что глух и не слышу голоса, который разговаривает с ней. К тому же, говоривший был еще и невидим для меня.

Я хотел коснуться рукой ее плеча, но остановился. У меня возникло ощущение, что все происходящее здесь реально на самом деле, во всяком случае для нее.

Наконец, она вздохнула и подняла голову, как будто тот, с кем она говорила, поднялся, и теперь ей приходилось смотреть на него снизу вверх. Рука ее поднялась, как бы для прощания. И глаза ее провожали того, кто был для меня невидим и неведом, пока он уходил.

И только после этого я осмелился прикоснуться к Гатее. Я легко взял ее за руку, и она взглянула на меня с искренним удивлением. Однако теперь она видела меня и узнала.

— Гатей... — начал я.

Брови ее гневно выгнулись, и она отшатнулась от меня.

— Ты не имеешь права следить за мной!.. — выкрикнула она.

Нетерпеливым жестом она высвободила свою руку из моей. При этом я выронил свой мешок. Раздался громкий грохот, мешок раскрылся, и из него выкатился ко мне под ноги кубок с изображением человека с короной, сплетенной из рогов, который я вынес из крепости. А из кубка выпал маленький листок лесной женщины. Я сложил вместе эти два дара в замке, когда собрался в дорогу, прежде чем опустить их в мешок.

Глаза Гатеи уставились на кубок, который подкатился к самой ее ноге. Кубок лег так, что она видела рогатую голову, а листок ярко сверкал на солнце. Глаза девушки расширились от удивления. Она глядела на голову так, словно та была живая.

Потом она отодвинулась подальше, не спуская глаз с кубка, посмотрела на листок, потом снова на кубок. Я заметил, как она облизнула пересохшие губы. Теперь на ее лице не было и следа гнева. Я почувствовал, как ее охватила панический страх. Тихим голосом, почти шепотом, она спросила:

— Где это ты нашел?

— Это подарки, — ответил я небрежно. — Кубок подарила мне леди, которая рассказала кое-что о моем будущем.

Гатея, как зачарованная, не отрывала глаз от кубка. Лицо ее сильно побледнело, так, что это заметно было даже под маской загара.

— Она сказала тебе свое имя? Та, которая дала тебе этот кубок? — голос ее звучал почти как шепот. Сильное беспокойство ее проявилось в том, что она резко повернулась и схватила в руки остатки своего посоха. Таким жестом воин хватается за меч при виде врага.

— Ее имя Гуннора, — ответил я. Мне было приятно видеть ее растерянность. Ведь она всегда так далеко была от меня по духу, хотя чисто физически почти все время находилась рядом, так что я мог дотянуться до нее рукой.

Она снова облизала губы. Теперь она смотрела на меня. Она словно что-то напряженно обдумывала, рассчитывала. Раньше она не принимала меня всерьез, а теперь я невольно приобрел что-то новое в ее глазах, и со мной необходимо было считаться.

— Какой у нее символ? — Это уже был не шепот. Она сказала громко и повелительно и ожидала от меня моментального ответа.

— Хлебный колос, перевитый виноградной лозой. — Я как живую увидел прекрасную леди, сидевшую рядом со мной в другом времени, а может быть, и в другом мире.

Гатея кивнула.

— Правильно. Но... — она замолчала, покачала головой, как бы переживая какую-то важную для себя утрату. Затем посмотрела мне прямо в глаза. Она рассматривала меня так, словно видела впервые, и тем не менее в ее глазах было недоверие и сомнение. — Почему... Почему она дала тебе это? И где ты повстречал ее? Здесь нет Святилища. — Она прижала свой посох к груди, держа его как щит, которым она хотела закрыться от неизвестного.

— Я встретился с ней не в Святилище,— произнес я, поднимая кубок и листок и бережно укладывая их вместе.— Там есть крепость, старая и заброшенная. Какие-то силы перенесли меня в прошлое на пир тех, кто жил здесь когда-то. Моя янтарная леди одна знала, кто я, и она дала мне это.

— Но она не сказала тебе...— Глаза Гатеи сузились. Ее трепет и беспокойство исчезли прямо на глазах. Если раньше я был какой-то важной фигурой для нее, но теперь потерял все, перед чем она преклонялась.— Нет, она тебе ничего не сказала. Правда, кубок у тебя, но раз ты не знаешь, как им пользоваться...

Я был поражен такой быстрой переменой в своем положении, мгновенным возвращением ее надменности по отношению ко мне, ее превосходством надо мной.

— Она дала мне кое-что еще,— сказал я.— То, что я должен использовать в нужное время... Взгляд Гатеи упал на мешок, куда я прятал свои сокровища. Но теперь я покачал головой.— Нет, это не лист, хотя его мне тоже подарила леди, обладающая могуществом. У тебя есть тайны от меня, у меня свои тайны.

Я вовсе не желал говорить ей о поцелуе янтарной леди и о том, что она сказала мне затем. Все это не касается ее. И я не желал делиться с ней своими пылкими мечтами и желаниями! Я сам спросил ее:

— А что ты узнала относительно Инны и своей лунной магии? С кем ты только что говорила?

Гатея презрительно передернула плечами.

— То, что я ищу...— начала она, но я резко оборвал ее.

— Что мы ищем. Я найду дочь своего лорда, если это возможно, в стране магии и колдовства. Ты узнала у своего невидимого друга, куда нам идти дальше?

Я был уверен, что сейчас она просто повернется и уйдет прочь. Но я знал также, что больше она не сможет меня так третировать, пренебрегать мной. Я не знал, какое могущество заключено в том кубке, но он был моим, и Гатея неохотно признала мое право на то, что я должен идти с ней.

— Туда, за эти горы...

Я взглянул на горы, возвышающиеся перед нами.

— Слишком обширное поле для поиска,— заметил я.— Ты могла бы спросить и поточнее.

Какое-то мгновение мне казалось, что она прогонит меня. Брови девушки гневно сдвинулись, и она подняла свой посох так, словно собиралась ударить меня по лицу. Я почти физически ощутил ее гнев, как будто она действительно ударила меня. Я изумился, что могу так четко и ясно вос-

принимать ее эмоции. Конечно, она не скрывала свой гнев, и я мог легко читать его на лице девушки, но, помимо этого, я ощутил то, что она чувствует внутри себя.

Я отстегнул мешок, ее мешок, который таскал так долго, и протянул его Гатее.

— Это твой. Я ничего не трогал там. А ремень порвался в бою.

Мои мирные действия несколько успокоили ее. Гатей взяла свой мешок, повертела в руках, словно видела впервые. На нем виднелись ясные следы когтей крылатого чудовища.

— Это на меня напало крылатое существо, — сказал я небрежно. — И мне пришлось убить его.

— Крылатое существо?! Это Варк! Ты дрался с Варком?

— Да, пришлось. Я сомневаюсь, можно ли его убить вообще. Когда я уходил, он оставался еще живым. — Я с содроганием вспомнил отрубленную кисть с когтями, которая сама ползла ко мне. — Я полагаю, что ты многое уже узнала об этой стране, с тех пор, как мы разделились. Во всяком случае, ты даже знаешь имя этого чудовища. А что еще ты узнала?

И снова ее лицо сделалось непроницаемым:

— Хватит с тебя и этого...

Хватит?! Нет, это становится невыносимым. Но я спокойно спросил:

— Куда же мы теперь направляемся? Снова на запад?

Гатей негромко свистнула, и откуда-то из-за камней бесшумной тенью выпрыгнул Гру. Он занял место рядом с ней, готовясь сопровождать ее. Гатей выглядела очень урюмой, и мне захотелось плюнуть на все, повернуться и уйти, оставив ее одну. Но только она одна могла привести меня к Инне. А это было делом моей чести — вернуть дочь моего лорда, дочь моего народа, которая пропала из-за моего легкомыслия.

Мы поднимались молча. Впереди шел Гру. Он как будто точно знал, куда идти, хотя я не видел никаких следов, никаких знаков. Туман уже полностью рассеялся. Я оглянулся назад, на страну, лежащую внизу под нами. Далеко на горизонте я разглядел старую крепость. Неужели Гатей прошла мимо? Где же было ее чутье на магию? Но спрашивать ее об этом я не стал. Она уже воздвигла между нами высокий барьер, и я был отчасти доволен этим.

Мы забирались все выше и выше в горы. Я с опаской поглядывал на небо, ожидая увидеть крылатых чудовищ — варков. Но все было спокойно. День был солнечным, и ничто не предвещало зловещего финала нашего путешествия.

Вскоре дорогу нам преградила отвесная стена, и Гру повел нас в обход вдоль расщелины, которая местами была такой узкой, что мы с трудом протискивались между острыми клыками скалистых обломков. К полудню, насколько я мог судить по высоте солнца, мы добрались, наконец, до выступа, откуда могли бросить взгляд вниз, на новую страну.

То, что ждало нас, было смесью пустыни и диких джунглей. Это была странная пустынная страна. Вдали с трудом проглядывались какие-то башни и светлые полосы дорог. Гатя долго стояла и смотрела вдаль. Затем она сухо бросила через плечо:

— Это охраняемая земля...

Я понял, что она хочет сказать этим. Она явно имела в виду, что только у нее есть могущество, благодаря которому она может двигаться дальше. Ну что же, я проверю это, когда придет время, хотя даже беглого взгляда на землю, расстилающуюся перед нами, было достаточно, чтобы вселить в меня уверенность, что, если Инна попала сюда, я напрасно боялся: ее положение не такое уж и жуткое.

Гатя резко повернулась ко мне.

— Ты что, не понимаешь? — Она даже зашипела, как шипит дикий кот, готовый напасть на врага. — Тут есть преграды, которые ты не сможешь преодолеть!

— Но они все же падут перед тобой? Может быть, их разрушит твой невидимый друг?

Она постучала концом посоха по раскрытой ладони. Этот жест выдавал ее нетерпение и крайнюю степень раздражения. Затем, как бы придя к определенному решению, резко произнесла:

— Тебе этого не понять. Нужны многие годы учебы, чтобы перед тобой открылись двери в знания. Я училась с детства. И, кроме того, я была рождена в семье, где могущество передавалось из рода в род, из поколения в поколение. Я женщина, и эти знания могут быть доверены только тем, кто может стоять под луной и петь хвалу Великой леди. А ты... у тебя нет ничего!

Я подумал о Гунноре, о моей янтарной леди, о кубке и драгоценном листке, которые покоились в моем мешке. И потому я не поверил в то, что только женщина может править здесь.

— Ты думаешь о своем оружии, — продолжала Гатя быстро, почти захлебываясь словами. — Здесь есть оружие, о котором ты даже мечтать не можешь. Здесь нет места для тебя! И я ничем не могу помочь тебе. Все мое могущество нужно мне самой, чтобы я смогла сделать то, за чем пришла сюда! Твоя леди украла то, что принадлежит мне! И я возь-

му это обратно! — Ее глаза были свирепые, как у коршуна. Она стиснула свой посох так, что побелели костяшки пальцев.

— Мне уже надоели твои высказывания о том, что леди Инна похитила принадлежащее тебе могущество. Похоже, что настало время для мечей. Я не скажу, что не верю в твое могущество или в странность этой страны. Но у меня есть контакт с этой страной. — И моя рука сжала не рукоять меча, а узел на мешке, в каком были завернуты мои реликвии, которые я чувствовал даже сквозь грубую ткань.

Она расхохоталась презрительно.

— Да, у тебя есть кубок коронованного Рогатой Коронной! Но ты даже не знаешь смысла этого кубка. По древней традиции, тот, кто носит Рогатую Корону, обладает могуществом только один год или же около того, а затем его кровь и плоть идут на удобрение полей! Прекрасный же дар ты получил!..

— Гуннора?.. — спросил я ошарашенно и не поверил ей.

Гатя посмотрела на меня.

— Ты... ты... — злость буквально кипела в ней, не давая выхода словам, и она захлебывалась ими.

Затем она повернулась и начала спускаться с такой быстротой, что мне понадобились все мои силы и сноровка, чтобы не отстать от нее. Гру огромными стелющимися прыжками обогнал меня, выскочил вперед и встал перед Гатеей, остановив и задержав девушку, пока я не догнал их.

— Мы идем... вместе?! — полувопросительно, полуутвердительно произнес я.

Я знал, что она буквально кипит от гнева, что она хочет продолжать путешествие одна, как это было в прошлый раз. Но теперь впереди стоял Гру, не давая пройти, и Гатя поневоле задумалась.

— Иди, но только вини потом во всем самого себя! — рывкнула она.

И снова между нами воцарилось молчание, пока я не нарушил его. Я решил, что такая враждебность ни к чему хорошему не приведет.

— Может быть, ты и действительно найдешь здесь хороший прием, — произнес я спокойно. — Но я поклялся отыскать леди Инну, ведь это мой долг перед кланом. И я буду стремиться к этому всеми своими силами. Я не знаю, поможет ли мне мой меч, но я все же воин...

Почему я говорил все это? Ведь другого пути у меня нет. Но теперь я чувствовал, что мной движет не просто чувство долга перед кланом. Кто сказал, что во мне есть зерно, которое должно прорасти? Я знал, что я не Бард. Так что же влечет меня вперед, что заставляет изучать эту стра-

ну, проникать в ее тайны? Мною двигало нечто большее, чем просто поиски Инны. Это уже было желание узнать страну, которую населяли люди, виденные мною в заброшенной крепости.

— Ты — человек! — сказала она таким тоном, будто ставила мне это в вину. — И ты — мужчина!

Мудрые Женщины никогда не выходили замуж. Они были уверены, что потеря девственности неминуемо влечет за собой потерю могущества. Возможно, в глубине души она даже ненавидела мужчин, и эта ненависть сейчас случайно прозвучала в ее голосе.

Я рассмеялся.

— Конечно! — Я снова вспомнил тот жар, который вспыхнул во мне после поцелуя янтарной леди. Но если эта тощая, обгоревшая на солнце девчонка думает, что вызывает во мне какое-то желание после того, как я видел Гуннору, то она глубоко ошибается. — Поэтому ты и не хочешь посвятить меня ни во что? Ты говорила о коронованном Рогатой Короной и его жертве. Почему же я никогда не слышал об этом? Если даже и был когда-то такой обычай, то мы обязательно должны были знать о нем...

Она вспыхнула.

— Теперь уже многое забыто. Даже я не понимала этого, пока не прошла через Врата. А попав сюда, я словно вырвалась из тюрьмы на волю. Я начала учиться. Я пошла по тому пути, по которому тебе никогда не пройти. Возвращайся назад, лишенный рода, тебе здесь нечего делать!..

— А это мы еще посмотрим, — резко ответил я. Она пыталась оскорбить меня, очень расчетливо ударив в больное место. Она снова напомнила мне о том, что я должен восстановить свою честь. Теперь я, более чем когда-либо, был уверен, что должен идти вперед, иначе я низко паду в собственных глазах.

Мне очень хотелось узнать что-либо о ее невидимом собеседнике. Но раз она не хочет говорить сама, то я спрашивать не буду. Я внимательно посмотрел на нее, с удивлением отметив, что выражение злобы исчезло с ее лица, что она растерянно вертит в руках то, что осталось от ее посоха.

— Почему бы тебе на самом деле не остаться? — тихо спросила она. — Ведь даже одно твое присутствие может привести к поражению. Я могу направить это на тебя... — конец посоха в ее руке медленно стал поворачиваться в мою сторону. — Но если я использую это мое могущество против тебя таким образом, то оно ударит и по мне. Я не могу прогнать тебя, но я очень прошу тебя: уйди!.. Я плохо отзывалась о леди Инне, но ты можешь быть уверен,

что, когда я отыщу ее, использую все свои силы на то, чтобы вернуть ее в прежнее состояние, куда она попала из-за собственной глупости. Я клянусь тебе в этом. Ты не сможешь...

— Потому, что я мужчина? — спросил я. — А может быть, я еще удивляю тебя? Мы идем наконец?..

Она пожала плечами, повернулась и снова начала спускаться вниз, но на этот раз медленнее и более осторожно, так как дорога стала гораздо труднее. В некоторых местах нам даже приходилось помогать друг другу.

Больше мы ни о чем не говорили, но руки наши с готовностью протягивались друг другу, когда в этом была необходимость.

Наконец, мы дошли до ровной и пологой тропы, по которой быстро спустились вниз. В долине было много деревьев, таких же, как в том лесу, где я встретил женщину в платье из зеленых листьев. Между стволами совсем не было кустарника или подлеска, только зеленый мох мягким ковром устилал все свободное пространство. На небольших, залитых солнцем полянах обильно росли цветы, в основном белые, лепестки которых были тронуты слабым розовым или желто-зеленым цветом.

Густой аромат висел в воздухе на этих полянах, но Гатее каждый раз старалась обойти их стороной, по самому краю, в лучшем случае, стараясь ни в коем случае не наступить на цветы. Однажды, когда я споткнулся и упал, она моментально подскочила ко мне и помогла подняться.

— Они опасны для нас, — сказала она просто на мой вопросительный взгляд. — В их аромате скрыт сон. Эти цветы могут навеять на путника волшебные сны, и он никогда уже не очнется от грез.

Для меня это было новостью, но я мог доверять Гатее. Мудрые Женщины очень хорошо знали растительный мир, и, возможно, девушка интуитивно чувствовала опасность, хотя и сама впервые встретилась с этими цветами.

Гру уже исчез. Он умчался вперед сразу же, как только мы спустились с горного склона. Мы не останавливались на отдых и еду, но все равно я знал, что пищи в моем мешке надолго не хватит. Я уже серьезно проголодался и стал с интересом осматриваться по сторонам в поисках добычи или каких-нибудь съедобных плодов. Но в этом лесу ничего такого не было.

Наконец, мы вышли из этого странного пустого леса с его прекрасными полянами-ловушками и попали в более естественный и дикий лес. Деревья здесь походили на те, что когда-то росли на нашей родине. Здесь я быстро наткнулся на след оленя.

Но Гатя не останавливалась, и мне пришлось молча следовать за ней и только грезить о куске свежего мяса, поджаренного на костре. А девушка все шла, не замедляя шага, и, в конце концов, я разозлился и, не вытерпев, обратился к ней.

— У меня еще кое-что осталось из еды. Может быть, имеет смысл остановиться и немного перекусить?

Гатя настолько была погружена в свои мысли, что, когда мой голос вывел ее из задумчивости, она даже вздрогнула. Она остановилась и скинула с плеча свой мешок. Оглядевшись, она направилась к поваленному дереву, ствол которого уже порос мохом настолько, что казался просто холмом. На него мы и уселись. Я открыл свой почти пустой мешок. На дне лежало немного вяленого мяса и мешочек с мукой.

Гатя достала из своего мешка сухие фрукты и два куса черствого хлеба. Чем же она питалась последние несколько дней, пока пропадала где-то? Может быть, Грю охотился для нее? Или же дорога, по которой она шла, проходила через фруктовые сады?

— Нет, — покачала она головой, когда я протянул ей кусок мяса. — Я стараюсь не есть мяса в этой стране. И тебе не советую. Будет лучше, если ты закопаешь это. Запах может привлечь к нам...

Она не договорила, но я уже думал над ее словами. Возможно, она и права, так как лучше меня знает эту страну. Может быть даже, это ей посоветовал ее невидимый друг. На всякий случай следует прислушаться к доброму совету.

Вздыхнув, я выкопал ямку в мягкой земле, положил туда мясо и с сожалением присыпал его листьями, и придавил сверху куском дерна. Затем я взял сухарь и горстку фруктов, которые Гатя протянула мне, а свою грубую муку мы решили отложить на будущее.

В лесу было очень тихо, малейший шорох звучал подобно грому, и приближение самого опасного хищника было бы слышно заранее — поэтому мы разрешили себе немного расслабиться. Постепенно я стал различать живые звуки леса.

Вот по дереву рядом с нами проворно спустился какой-то зверек с большим пушистым хвостом, украшенным перьями. Он замер на месте и внимательно посмотрел на нас, затем свистнул и пропал среди ветвей.

Гатя издала какой-то звук. Зверек вновь появился и опять устоял на нас. Судя по всему, у него не было естественных врагов, на зато сам он был, похоже, удачливым охотником, так как был довольно упитанным, с гладкой лоснящейся шерстью.

Он снова пискнул. Мне показалось, что он ответил Гатее. Потом быстро спустился с дерева и бесстрашно подбежал к девушке, которая держала в руке кусочек сушеного плода. Зверек схватил его передними лапами, совсем как человек. Он смешно пожевал добычу и проглотил. Затем снова пискнул. Хвост его все время двигался из стороны в сторону. Было похоже, что он говорит что-то на своем языке, и я решил, что, вероятно, он обладает все же разумом.

Гатей тоже посвистывала, а затем покачала головой. Мне показалось, что она не очень поняла, что сообщил ей зверек. Похоже, что она не все знает об этой стране. Зверек издал последний пронзительный свист, в котором мне показалась нотка тревоги, и быстро исчез на дереве. Его тельце, подобно молнии, мелькнуло среди зеленых листьев.

В лесу по-прежнему было спокойно и тихо, слишком спокойно, и слишком тихо. Гатей сложила остатки пищи в мешок, завязала его и закинула за спину. Неожиданно она замерла на месте и прислушалась, слегка подавшись вперед. Я еще ничего не слышал, но мне показалось, что в этой звенящей тишине леса зрела угроза. Я был бы счастлив увидеть сейчас серебряную голову Гру, поднимающуюся из кустов. Его врожденному чувству опасности я доверял больше всего. А в том, что в лесу таилась какая-то неведомая опасность, я не сомневался.

Я как можно спокойнее встал на ноги и вдруг замер на месте. Над головой раздался громкий зов, какой я уже хорошо слышал раньше. Это были крики тех дьявольских черных птиц, которые так досаждали нам в долине Гарка. Они не могли пока добраться до нас: им мешали деревья, но я был уверен, что они знают о нашем присутствии и будут ждать, пока мы не выйдем на открытое место, где они смогут без труда напасть. Мы раскрыты и теперь можем стать жертвой какой-то неведомой и, несомненно, враждебной нам силы, если она руководит этими птицами, приказывает им!

ГЛАВА 13

Гатей стояла позади меня, задрав вверх голову. Я видел ее раздувающиеся ноздри, как будто ей, как и Гру, необходимы были запахи, чтобы опознать опасность. Если она и ощущала тревогу, то не показывала ее мне. Я слушал крики птиц и внимательно осматривался по сторонам. Кота нигде не было видно, хотя мне очень хотелось, чтобы сейчас он был с нами.

Я повернулся к Гатее, решив получить у нее ответ на мучивший меня вопрос: как мы будем защищаться от этих птиц?

— Что это за крики? Я знаю этих птиц и уверяю, что ничего хорошего от них ждать не приходится.

Она встретила мой вопрошающий взгляд, и только теперь я понял, как она потрясена.

— Крылья Орда, — голос ее был еле слышен, настолько силен был птичий гам наверху.

— И это Орд? Кто он?

Гатее покачала головой.

— Не знаю, но думаю, что какой-то из древних богов. Я... — Она взглянула на жезл в своей руке, затем снова перевела взгляд на меня. — Я могу кое-что сделать, но это может защитить только меня. А вот ты... Впрочем... Дай сюда кубок! — Приказ был очень повелительным, и я молча повиновался, даже не раздумывая.

Снова лицо Рогатого было обращено ко мне. Пятна солнечного света бегали по нему, ежесекундно изменяя его выражение, и мне даже показалось, что его серебряные глаза ожили и оценивающе посмотрели на меня.

— Мне нужен виноград... — задумчиво сказала Гатее и быстро огляделась по сторонам, словно ожидая, что он тут же вырастет. Затем она полезла в свой мешок и достала оттуда несколько сушеных шариков, твердых и черных. — Положи их в кубок!

Я протянул ей кубок, и она бросила в него ягоды, стараясь не коснуться его. Я заметил, что ягод было семь штук.

— Теперь воды! Быстро! Нет, из твоей бутылки!

Я плеснул на сухие ягоды воды, стараясь не проронить ни капли. Ведь одному богу было известно, когда нам еще удастся пополнить наши запасы.

Во мне возникло какое-то странное чувство. Я стиснул кубок обеими руками, держа его на уровне подбородка. Затем я слегка поболтал им, чтобы вода полностью смочила ягоды. Плохая замена вину, только сильное желание выпить может заставить человека сделать такой компот.

— Смотри туда! — приказала Гатее. — И думай о нем! Думай о вине, о тосте в честь Охотника! Его кубок подарен тебе. Может быть, ты заслужил его милость? Это именно та магия, которой не могут управлять женщины. Думай о вине, вспоминай его вкус, клянись служить Ему! Быстро!

Я смотрел на это лицо под Рогатой Коронай. По-видимому, это все же был не человек, хотя в его лице много было человеческих черт. И это позволяло надеяться, что его магия поможет нам. И хотя раньше я никогда не пробовал управлять зрением с помощью разума, однако я знал, что

смогу сделать это, даже если я и не посвящен в тайны Магии.

Серебряные глаза смотрели прямо на меня. То, что отличало его от людей и делало чужим, постепенно исчезало. Я уже ощущал его могущество. Это был лорд, который вершит справедливый суд над своими подданными, но в случае необходимости и защищает их.

Я поднял кубок выше, закрыл глаза и стал убеждать себя, что в кубке вино, а не простая вода, и несколько сушеных виноградин. И я приготовился выпить этот напиток, вспоминая вкус того вина, которое преподнесла мне Гуннора. И, приложив кубок к губам, я выпил его содержимое. И я могу поклясться всем сердцем, что выпил действительно вино. Ароматный сладкий напиток, как тот, что я пил на пиру в ином времени, приятным холодом опалил мое небо и желудок. Я пил это прекрасное вино и клялся в своей преданности, в своей вечной службе. Я, который был лишен рода и имени, который был обещен в своем клане.

Я клялся не кровью, не сталью, и даже не Пламенем, как это было принято среди нас. Я клялся вином, которое пил. Выпив до дна, я перевернул кубок, по обычаю нашего народа. И из него вылились не капли воды и не выкатились черные сморщенные ягоды, из него вылились капли вина, светлого, как солнце, чистого и желтого. Капли упали на мох и тут же исчезли. Я запрокинул голову и выкрикнул те слова, которые пришли в мой разум. Выкрикнул, не понимая их смысла, не зная, что они означают.

— Ха, Курноус! Ха, Хе Вентур!

Мой крик прокатился по всему лесу, снова и снова отзвываясь эхом между деревьев. Листья на деревьях громко зашелестели, словно по лесу пронесся вихрь. Они падали на землю, устилая все вокруг плотным зеленым ковром.

Новые, неведомые прежде силы переполняли меня. Я чувствовал себя сильнее всех. Во мне кипело что-то такое, чего я не мог назвать, но что возбуждало в организме такую энергию, какую я чувствовал впервые в жизни. Сейчас бы я мог один на один противостоять любому мастеру фехтования, мог бы с мечом в руке биться против целого клана и смеясь победить всех противников. Или же с голыми руками выйти против гигантского кота, вроде Гру, и он бы потерпел поражение, а не я!

Сквозь завывание ветра до нас доносились дикие крики птиц. Они, видимо, просили помощи у того, кто послал их. Но этой помощи не было. Я видел, как ветер безжалостно швырял жалкие тела птиц, и они, разбиваясь о стволы деревьев, черными комками падали на землю. Те, которые

не погибали сразу, смотрели на нас злобными красными глазами, полными ненависти.

Ветер кружил над лесом, постепенно собираясь в компактный вихрь. Когда крики поверженного противника стихли, он улетел, растворился в бескрайней синеве неба. Остались только сорванные им листья да черные трупы птиц.

Мое возбуждение постепенно улеглось. Оно словно улетело вместе в этом вихрем. Я испустил глубокий вздох и посмотрел на Рогатого Охотника. В его лице теперь уже не было жизни, оно казалось старым и измученным. Я с благоговением держал кубок в руках. То, что я сделал с его помощью, потрясло меня до глубины души. Как, каким образом смог я это сделать?

Я бережно положил кубок в мешок и посмотрел на Гатею. Она стояла, прислонясь к дереву, и глядела широко раскрытыми глазами на меня. Она держала перед собой жезл, словно старалась оттородиться им от меня.

— Он пришел... — голос ее предательски дрожал. — Он действительно откликнулся на твой зов. Но ты же мужчина, мужчина из клана Гарка. Как мог ты совершить это?

— Я не знаю... Но ты же ожидала этого... Ты же сама научила меня...

Она покачала головой.

— Я только рассчитывала, но до конца не верила в это. И ты сделал то, на что не решился бы даже Бард. Ты посмел вызвать того, кто охотится, и он ответил тебе! Теперь идем быстрее отсюда, пока тот не послал Черных, не выследил нас снова!

И она побежала между деревьями, огибая препятствия. Я молча последовал за ней и, когда мы выскочили на поляну, инстинктивно схватился за меч.

Я очень боялся, что кто-нибудь из стаи остался жив и будет преследовать нас. Но в небе не было ни души, и только какая-то одинокая черная точка виднелась над самым горизонтом, постепенно удаляясь, пока не скрылась из виду. И я, успокоенный тем, что пока не было необходимости вступать в открытую схватку, повернулся к Гатее, схватил ее за руку и стал сжимать изо всех сил. Пришло время ей ответить на мои вопросы.

— Кто тот, который Охотится? Черные Птицы, кто они, чьи посланники? Орда? Теперь ты скажешь мне все, что знаешь!

Она попыталась вырваться. Девушка оказалась сильной, много сильнее, чем я ожидал. Но я смог сдержать ее порыв и даже успел перехватить ее руку с жезлом, которую она было подняла, нацелившись им мне в голову. Еще

никогда в жизни я так грубо не обращался с женщинами, и мне совсем не нравилась эта наша борьба. Однако я должен был получить у нее те сведения, которые могут помочь нам обоим избежать новых опасностей.

Гатя смотрела на меня. Она прекратила сопротивление. Я видел, что губы ее шевелятся, но не понимал, что она говорит. Тогда я подтянул ее голову к себе и, прижав к груди, зажал ей рот ладонью: вдруг она зовет себе на помощь кого-нибудь против меня.

— Ты скажешь! — прорычал я ей в ухо, сильнее прижимая ее к себе. — Я долго молча шел за тобой, слепо подчиняясь твоим выходкам. Ты даже втянула меня в колдовство, и теперь я получу от тебя ответ на все свои вопросы! — Она была в моих руках, как стальной прут, хотя уже и не пыталась вырваться. Что еще я мог сделать? Я не представлял, как иначе получить у нее ответ. — Ты же не дура, — продолжал я уже спокойнее. — Нельзя дальше углубляться в эту страну, если мы не станем полноправными партнерами. Мне не нужны твои тайны, но я же воин! Я не могу и не хочу идти вслепую, пока не получу от тебя всю необходимую информацию, которая наверняка поможет нам обоим. Ты понимаешь?

Я знал, что упрямство ее еще не сломлено. Но я не знал, как мне поступить дальше. Не держать же мне ее так все время?! Неожиданно в моем мозгу словно зазвучали слова, и я, чувствуя, что поступаю верно, произнес их тоном, не терпящим отлагательств.

— Во имя Гунноры, я требую!

Я чувствовал, что, произнося эти слова, обращался к могуществу, с которым был связан кубок, и которое только могло повлиять на ее решение. Она так много говорила о том, что магия — дело женское, и ни один мужчина не смеет касаться ее. Она так гордилась тем, что магия разделяет нас!.. Но Гуннора была божественной женщиной, и я был уверен, что она обладала не только тем, чем обладают все остальные женщины, но и огромным могуществом.

И я почувствовал, что поступил правильно, так как Гатя дернулась в последний раз, в попытке освободиться, и затихла. Но я был готов к этому и не позволил ей вырваться.

— Во имя могущества Гунноры, я требую!

Неожиданно она словно обвисла у меня на руках. Я осторожно раскрыл замок объятий и медленно отошел в сторону, не сводя глаз с жезла в ее руках. Девушка держалась за него обеими руками. Обгоревший конец жезла смотрел в землю. Она не глядела на меня и только говорила холодным, жестким тоном.

— И все же ты суешься не в свое дело. Будь осторожен, нельзя обращаться к тому, чего не понимаешь. Идиот! Ты же не перенесешь этого!..

— Лучше я буду живым идиотом, чем мертвым. И я уверен, что ты знаешь эту страну достаточно хорошо и можешь вооружить нас для похода по ней, и не только с мечом в руках. Ты знаешь, куда мы идем...

— Куда я иду! — перебила меня Гатя. Она все еще не смотрела на меня, как будто стыдилась того, что я держу ее в плену, а она не может освободиться. Это унижало ее в своих собственных глазах. Но я всегда, с самого начала, держался с ней почтительно, чего нельзя было сказать о ней.

— Куда же идем мы оба, — спокойно поправил я ее. — У тебя есть проводник, тот, невидимый. Я видел, как ты с ним разговаривала. Он или... она здесь?

— Это тайна, которую не может знать непосвященный, — возразила Гатя.

— Меня уже посвятили. Я разговаривал с Гуннорой, она подарила мне кубок, с помощью которого я вызвал Охотника. Разве этого недостаточно?

Она все еще не смотрела на меня. Глаза ее бегали из стороны в сторону, как у загнанного в угол зверька.

— Я дала клятву. Ты даже не представляешь, что требуешь от меня...

И снова кто-то подсказал мне эти слова.

— Спроси у того, кто невидим. Спроси, должен ли я оставаться слепым среди зрячих? Я требую это во имя Гунноры!

Жезл дрогнул в ее руках.

— Она... Почему ты говоришь о ней? Ее имя не для уст мужчин.

— Она вполне нормально относится к мужчинам. Я сидел рядом с ней за праздничным столом, и она говорила со мной так ласково, как никогда не говорила ты. Она подарила мне этот кубок.

— Я не могу сказать...

— Тогда вызови того, кто может, — настаивал я. — Вызови своего невидимку.

Только теперь она подняла на меня глаза, и в них пылало пламя гнева или ненависти...

— Что ж, пусть будет по-твоему!

Она опустила на землю, скрестив ноги, и воткнула прямо перед собой жезл в землю. Взгляд ее сфокусировался на обгоревшем конце посоха.

Моя рука скользнула в мешок, где лежал кубок, и я сформировал в своем мозгу образ янтарной леди, полный жизни и красоты.

Холодная волна пробежала по мне, хотя еще секунду назад солнце нещадно жгло кожу. Я чувствовал, как холодное дыхание Ледяного Дракона вырывается из обгоревшего посоха, который так много значил для Гатеи. Я стоял, каждую секунду ожидая, что посох начнет излучать свет или энергию, но излучать непременно. Однако ничего не происходило. Только холод становился все сильнее, как будто она решила заморозить меня. Я стоял и думал о Гунноре, о кубке, который она мне подарила. Неожиданно пальцы мои наткнулись на что-то теплое. Я вытащил руку из мешка. На ладони лежал лист лесной леди. Может быть, это был все же какой-то талисман?

Гатея заговорила нараспев на чужом языке. Она, вероятно, читала какую-то молитву. Холод резко усилился. Должно быть, я уже превратился в ледышку с головы до ног. Только рука, державшая лист, ощущала живительное тепло, благодаря которому я мог сопротивляться этому убийственному холоду. Я не знал, хотела ли Гатея причинить мне вред. Может быть, тот, кто отвечал ей, таким вот образом защищался от вторжения непосвященного в свои дела?

Я не слышал больше голоса девушки. Однако почувствовал, что Гатея перестала петь и заговорила теперь с тем, кто излучал холод. Я снова попробовал вызвать в мозгу живой образ Гунноры. Но видение ускользало, таяло, несмотря на все мои усилия. Вместо янтарного прекрасного лица неожиданно возникло другое. Это была молодая девушка, которой я никогда раньше не видел. Прямые волосы ее были отброшены назад и стянуты серебряным обручем с изображением луны надо лбом. Ее светло-серые глаза были цвета зимнего льда, и тепла в них было не больше, чем в нем. Волосы были цвета зимнего вечернего неба, а платье, перетянутое тонким поясом, было белого цвета и хорошо обрисовывало стройную фигуру молодой женщины.

В ней не было ничего человеческого. Я не знал, вижу ли я своим внутренним зрением ту, что вызвала Гатея, но эта девушка бесстрастно, почти презрительно изучала меня. И это презрение касалось не меня лично, а вообще мужчин. Я не мог избежать ее изучающего взгляда.

— Гуннора!.. — выкрикнул ли я вслух ее имя или просто подумал?

Во всяком случае, именно это нарушило ее ледяное спокойствие. Она не нахмурилась, не отшатнулась, но каким-то образом я почувствовал, что она сильно обеспокоена и

потрясена. Видимо, в этой стране существовали разные силы, которые не всегда были союзниками. Я встретился с одной из них, Гатей вошла в союз с другой. И похоже, что эти силы не были дружны между собой, а, скорее, даже наоборот.

Все это молнией промелькнуло у меня в мозгу. И затем начали происходить перемены. Сквозь снежную белизну платья неожиданно проступили разводы ярких красок. Стройное, по-девичьи угловатое тело девушки округлилось, полумесяц над лбом превратился в круг, полную луну. И в этом обличье я узнал ее: Гуннора! Только она была в другой одежде. Девушка, теперь зрелая женщина — все это она, только с разными символами в волосах.

Холод, который окружал меня, постепенно исчезал. Становилось теплее. Я ощущал запах лета, зрелых фруктов, пыльный аромат колосьев. Две стороны одной и той же монеты! Гатей поклонялась одной, а во мне жило воспоминание о поцелуе другой.

Но только одно мгновение я видел перед собой мою янтарную леди. Затем она исчезла из моего внутреннего поля зрения. Однако она оставила после себя ощущение того, что я принят, что теперь передо мной откроется больше ворот, ведущих в эту загадочную страну. Значит, я могу получить то, что желаю, только силой своего ума, своей воли. Мало-помалу все придет ко мне, и чем больше я приложу при этом сил, тем большей будет награда.

— Гуннора! — позвал я ее снова. Мне страстно хотелось услышать опять ее голос, мои губы вспыхнули огнем, как будто их вновь обжег пламень поцелуя.

— Диана! — произнесли ее губы. Гатей протянула руки, как будто хотела удержать кого-то. Но я знал, что мы снова одни. Могушество, которое вызвала она, ответило и мне.

Голос ее был несчастным, как будто она звала ближайшего родственника, который покинул ее навсегда. Затем ее руки бессильно упали на колени, голова безвольно свесилась на грудь.

Я не подошел к ней, так как чувствовал, что малейшее прикосновение только усилит ее боль. Я только сказал ей:

— Это была Гуннора — девушка, потом женщина...

— Это была Диана, которая не знает мужчин. Она... — Гатей подняла голову. Слезы ее удивили меня, как если бы я увидел плачущее дерево. — Это была Лунная леди! Затем... Затем... — И снова в ее глазах сверкнула злость. — Гуннора тоже только для женщин, но для тех женщин, которые отдали свою девственность мужчине... подчинились ему...

— Подчинились?..— переспросил я. В моей янтарной леди не было ничего, что говорило о смирении, покорности.— Я думаю, что ты не права. Женщина если и подчиняется, то только по собственной воле. Женщина — поле, на котором прорастают семена новой жизни. Гуннора — тепло... а твоя Диана — холод...

Гатя медленно покачала головой.

— Действительно, Гуннора ответила на твой зов. Я не понимаю, почему она одарила своей милостью мужчину. Ее Тайны не для тебя. Но, видимо, как это ни невероятно, она действительно почему-то выбрала тебя. Но только... мы направляемся в Святилище Дианы, а это совсем другое дело.

Я обратил внимание, что теперь она произнесла «Мы», а не «Я», но я был достаточно разумен, чтобы не заострять на этом внимание. Гатя медленно поднялась на ноги, как будто происшедшее полностью истощило ее силы. Она вытащила посох и положила его на раскрытую ладонь.

Посох стал поворачиваться сам по себе, и вскоре конец его указывал влево. Гатя кивнула.

— Ну, вот. Мы можем идти. Путь указан.

Страна, которая простиралась перед нами, казалась необитаемой, я был в этом уверен. Но появление черных птиц было первым нам предупреждением. Мы должны были быть очень осторожными и стараться держаться подальше от того, чего не понимаем до тех пор, пока не решим, опасно ли это и насколько.

Мы шли, и я постепенно убеждался, что когда-то эти долины населяли разумные расы, не всегда похожие на людей. Я вспомнил празднество во дворце, теперь заброшенной крепости, и припомнил, что на пиру присутствовали не только люди. Однако мне казалось, что все они находились в мире между собой и полном согласии.

— Ты говорила что-то о птицах Орда.— Я решил, что теперь между мной и Гатей не существует барьера, и я могу расспрашивать ее.— Так кто же этот Орд?

— Я не знаю. Мне известно только, что он господин Тьмы, и эти ужасные черные птицы нападают на того, на кого он укажет.

— А крылатое чудовище, с которым я столкнулся в горах? — Я кратко рассказал ей о своей схватке с чудовищем и о загадочной статуе, которая охраняла вход в пещеру, откуда оно появилось.

— Это тоже зло, но оно пришло откуда-то из другого места много лет назад. С тех пор здесь произошли большие перемены.

— Ты многое знаешь об этой стране,— задумчиво произнес я.

— А ты еще не понял этого? — насмешливо спросила она. — Я родилась на свет, зная, что обладаю талантом, но у меня не было ключа, чтобы полностью раскрыть его. И теперь я здесь, где хранятся все ключи! Забина хотела, чтобы я шла вперед медленно, чтобы я училась всему постепенно, как маленький ребенок. Я молода, да! Но жизнь моя не бесконечна, и я не могу ждать. Ждать, выцарапывая жалкие крохи знания, когда могу получить все сразу, если очень постараюсь. Лунное Святилище дало мне ключ. Благодаря ему я могла попасть туда, куда Забина предлагала мне плестись шагом. Попасть сразу и мгновенно! Но я не успела воспользоваться этим. Ваша леди Инна украла у меня все. Надеюсь, теперь она поняла, что нельзя воровать надежды других!

Она говорила и губы ее кривились. Я понимал, что Гатя в душе шлет проклятья Инне.

— Я знаю Гуннору. Она — другая фаза твоей Лунной леди, и она излучает солнечное тепло. А кто этот Охотник, который откликнулся на мой призыв?

— Он именно то, что выражает его имя. Женщина хранит семена, высаживает их, ухаживает, собирает урожай, когда они созреют. А мужчина охотится, ищет жертвы... Его рука всегда на рукоятке меча, и он всегда готов срубить росток жизни. Коронованный Рогатой Короной охотится и... убивает!..

— Значит, он олицетворяет собой зло?

Я увидел на ее лице желание согласиться с моими словами, но потом она передумала и неохотно произнесла:

— Все в мире сбалансировано. Свет и тень, луна и солнце, жизнь и смерть — ничто не может перевесить. Женщина дает жизнь, мужчина приносит смерть, когда наступит нужный момент. Женщина работает на полях, мужчина охотится на четвероногих или крылатых зверей. И так продолжается до тех пор, пока не появляется кто-то, обладающий могуществом и способный разрушить существующий порядок. В этом-то и есть природа зла, стремление нарушить равновесие между жизнью и смертью.

— Значит, Охотник — противоположность Гунноре и Диане, и, тем не менее, он тоже на своем месте.

То, что она считала задачей Рогатого человека смерть и убийства, мне совсем не понравилось, хотя это и была реальная жизнь. Не бывает жизни без смерти. Правда, мы всегда с ужасом смотрели на смерть, хотя бывало и так, что смерть ждали, как благословенную избавительницу от мук. И я призывал Смерть на помощь нам! Это сильно обеспокоило меня. Я даже хотел было выкинуть прочь свой кубок и, может быть, даже лист и больше не иметь с ними ника-

ких дел. Но кубок подарила мне Гуннора, а она была воплощением жизни, и с какой стати стала бы дарить мне символ смерти? Если, конечно, в нем не было какого-то скрытого смысла.

Но я никогда бы не признался Гатее в этих своих сомнениях относительно Гунноры. Я решил больше не думать о будущем, а жить только настоящим. То, что ждет меня, я встречу без колебаний и сожалений. Я не верил в то, что Гуннора подарила мне кубок, желая предупредить, предостеречь меня, может быть, даже как знак угрозы. Она говорила о моем будущем, и я склонен был верить в ее пророчество, тем более, что оно было мне по душе.

Гатее теперь не могла прочесть мои мысли. Словно невидимый барьер возникал на пути ее разума, когда она пыталась проникнуть в мой мозг. Она нахмурилась. Но не потому, что гнев охватил ее, а, скорее, потому, что я сильно озадачил ее, обезоружил и вместе с тем пробудил любопытство.

— Коронованный Рогатой Короной не противник Дианы, — медленно, как бы против воли, произнесла она. — Его почитает и Диана-девушка, и Гуннора-женщина. Он им брат и муж, даже сын Мудрейшей...

— Кто она, эта Мудрейшая?

— Мудрейшая умирает, когда в жизнь приходит Девушка. Это Темная Луна, которой мы никогда не видим. Да, Коронованный равен ей по могуществу. Но у него свое собственное Святилище. И...

Но она не успела договорить то, что намеревалась, так как в воздухе сверкнула серебряная молния. Одним длинным прыжком Гру присоединился к нам. А за ним следовало что-то еще. Мне показалось, что это больше похоже на черную молнию, если бы она существовала. В воздухе пронесся сухой треск, словно удар хлыста...

Удар хлыста! Вот что это было! Откуда-то к нам мчались три всадника. Один из них на скаку размахивал в воздухе черным кнутом, держа его в обеих руках, словно собираясь метнуть его в нас. Он скакал, не держась руками за поводья, и его лошадь летела вперед, оскалив зубы и стремительно перебирая сверкающими чешуей ногами, с такой быстротой, какой не могло бы достичь ни одно живое существо. Это были необычайные лошади. Передние ноги у них были много короче задних, так что седла держались почти на самых плечах.

Я заметил, что черные кольца хлыста раскручиваются, готовые метнуться в нашу сторону. Гру зарычал и стал рядом с Гатеей, оскалив могучие клыки. Я выхватил меч из ножен и встал перед девушкой. Времени бежать обратно в лес у нас уже не было.

Действительно «приносящий смерть». Я вызвал охотника и теперь должен был заплатить ему, принимая участие в делах, которых совершенно не понимал.

ГЛАВА 14

Нападающие не предприняли попытки приблизиться к нам. Они стали кружить вокруг нас на своих чудовищных лошадях. Я крутился, следуя за ними, а Гру страшно рычал, подняв голову. Хвост его бил по земле. Вскоре я понял, что всадники сидели вовсе не на лошадях, а на больших ящерицах, которые громко шипели и поминутно высовывали свои длинные раздвоенные языки. Я не понимал, почему эта троица выжидает и не нападает на нас.

Времени взывать о помощи, как я это уже делал в лесу, не было. Да я и не был уверен в том, что помощь эта придет. Ведь могло быть так, что эти трое и появились именно потому, что я вызвал того, к кому не имел права обращаться.

Наконец, все трое остановились. Я не мог видеть их лиц, скрытых капюшонами. Но я хорошо разглядел бледную кожу и заостренные подбородки. Один из них остановился слева, другой справа от того, кто размахивал черной молнией.

Говорят, что лучшая защита — это нападение. Но в данный момент я понимал, что нужно выждать. Нападение ничего не принесет. Но почему они не нападали на нас и не испепелили своими черными молниями? Этого я не мог понять.

Несмотря на то, что я стоял впереди, Гатей придвинулась ко мне, и ее плечо коснулось моего. Правда, вместо меча она держала в руке свой посох, но, кто знает, не окажется ли он более мощным оружием, чем простая сталь. Мы стояли и ждали, и тишину нарушало только рычание Гру да шипение ящериц.

Я вспомнил, как Гатей говорила, что холодная сталь отпугивает силы зла. Может быть, они боялись моего меча? А если это так, тогда мне лучше нападать первым.

И вдруг в пустынном небе раздался голос, подобный раскатам грома. Он отвлек мое внимание от этой троицы и невольно заставил поднять голову к небесам, чтобы найти обладателя этого голоса.

Но в небе ничего не было.

Хотя, нет! В воздухе было какое-то волнение, похожее на то, которое вызывает на поверхности пруда неосторожно уроненный камешек. Неужели звук можно видеть?

В воздухе возник какой-то след в виде голубоватого дыма. Он не исчезал, уплотнялся и извивался вокруг нас, над нашими головами, окружая нас. И мы стояли и ждали, как бы повинувшись приказу этого еле видимого крута. Я сопротивлялся изо всех сил, но неведомая сила сначала ненавязчиво, а потом все сильнее и сильнее стала толкать меня в спину. Я старался зацепиться за кусты, камни, но тело не подчинялось мне, я был пленником. Гру и Гатя тоже двигались вместе со мной, так же упираясь изо всех сил. Создавалось такое впечатление, что нас тянули невидимые веревки.

Тот, кто сидел перед нами на своем скакуне, повернулся и поехал прочь. Мы следовали за ним. По обе стороны от нас ехали двое других. Над нами светило солнце, земля вся была в зелени и цвету, а мы были пленниками, брошенными в невидимую тюремную клетку.

Мы пересекли старую дорогу, но тот, что ехал впереди, не свернул на нее. Он ехал напрямик через поля. Туманный круг над нашими головами не исчезал. Он все время перемещался вместе с нами.

— Ты знаешь что-нибудь про них?

Я не имел понятия, насколько глубоко Гатя проникла в тайны этой страны, но все же она могла хотя бы дать мне малейший намек, который мог оказаться полезным. Я был, конечно, беспомощен против колдовства, но если есть хоть малейший шанс...

— Они из Тьмы, — коротко ответила она. — Их господин очень могущественен. Это его голос наложил на нас заклинание. Кроме того, что они враги, я ничего не знаю...

Она прижала руки с жезлом к груди, как будто хотела защитить его от враждебных сил. Меня неумолимо тащило вперед, но меч свой я не вложил в ножны. Будет все же лучше, если я буду наготове.

Так мы и шли, влекомые неведомой силой, пока не оказались на местности, изобиловавшей гораздо более богатой и сочной растительностью. Однако все здесь выглядело зловещим и враждебным. Я увидел цветы, которые больше были похожи на оскаленные пасти хищника, готовые с жадностью наброситься на все, что приблизится к ним. Другие, смертельно белые, источали вокруг себя сладковатый запах смерти. Стоявшие вокруг деревья со страшными перекрученными стволами, покрытыми уродливыми наростами, напоминали уродливые маски лиц мужчин и женщин, умерших в страшных муках. Зеленые листья деревьев были покрыты беловатым налетом, словно пораженные какой-то жуткой болезнью.

Земля стала темно-серой, и при каждом нашем шаге в воздух поднимались удушливые облачка испарений. Кое-где виднелись грибы странной формы и цвета, очень похожие на разложившуюся плоть.

Но здесь была и жизнь. Иногда до нашего слуха доносились шорохи, а временами из-за кустов на нас смотрели чьи-то мертвые в своей беспощадности глаза. Изредка нам удавалось рассмотреть этих существ, и мне показалось, что это были животные, обезображенные каким-то колдовством.

Перед нами темнела стена деревьев, так переплетенная между собой, что я не представлял, как может живое существо пробраться через него. И тем не менее, в глубине леса над деревьями возвышалась черная башня. Угрюмые камни, из которых она была сложена, зловеще чернели на фоне безоблачного неба. Нас тащило к этой башне, но я не мог разглядеть впереди никакого прохода. Однако когда передний всадник приблизился к лесу, деревья расступились перед ним в стороны, открыв узкий путь. Вероятно, это была просто иллюзия. И, тем не менее, я понимал, что этот барьер стал бы по-настоящему непреодолим и реален для того, кто, не обладая могуществом, попытался бы пройти сквозь него.

Всадник скакал вперед, не останавливаясь, а мы трое тащились за ним, не в силах противиться тому, что толкало нас вперед. Когда мы шли по темному лесу, где было гораздо более шумно, чем в обычном лесу, я внимательно осматривался по сторонам. На ветвях торчали острые шипы, длиной с мой кинжал. Между деревьями росли цветы, белые лепестки которых были опутаны красными жилками. Создавалось впечатление, что это были живые существа и по их жилам течет горячая, живая кровь. В центре цветков желтели капельки, и я готов был дать голову на отсечение, что это был смертельный яд. Тут все было чужим и зловещим, мрачная атмосфера страха висела над лесом. Но я старался преодолеть этот страх, подавить его в своем мозгу. Я понимал, что все здесь было создано для того, чтобы поразить жертву до глубины души, потрясти ее воображение и помутить сознание, воздействуя сразу на все органы чувств: зрение, слух, обоняние. Но внутри я оставался по-прежнему самим собой, всеми силами сопротивляясь колдовству, стараясь сохранить мужество. Тело мое может быть и беспо мощным, но дух и разум...

Почему я думал обо всем этом, не знаю. Вероятно, потому, что мне ничего не оставалось делать, ведь это был для меня единственный способ сопротивляться злу.

Вскоре мы очутились на поляне у подножия башни. Вокруг нее не было ни стен, ни других вспомогательных строений. Только вот эта черная, врезающаяся в небо колонна. В стене виднелось входное отверстие, и не было никаких дверей или ворот.

Всадник остановился напротив входа, поднял крут, и из него вылетела черная молния. Видимо, он отсалютовал своему повелителю, сообщая о своем прибытии. Он не произнес ни слова. Прекратилось даже злобещее шипение его ящерицы. Возле башни на поляне все было спокойно, но ужасно жарко. Воздух настолько был наполнен удупливыми испарениями, что поневоле хотелось хотя бы разок вдохнуть чистого прохладного воздуха.

Все было тихо. Но вот всадник отъехал в сторону, как будто получил неслышный приказ от своего повелителя. Голова его, скрытая капюшоном, повернулась в нашу сторону, как бы проверяя, идем ли мы за ними. Он направился прямо в чернеющий вход.

Темнота плотной пеленой охватила нас. Здесь не было никаких источников света. Мы оказались словно в ночи, когда небо затянато низкими плотными тучами. Мы сразу же потерялись в темноте. Я попытался протянуть руку, чтобы нащупать мех Гру или тело Гатеи. Но приказ моего мозга не дошел до мышц. Руки остались на месте, как будто парализованные. Темнота изолировала нас друг от друга, и я слышал только свое собственное дыхание. Я почувствовал, как паника постепенно овладевает мной.

Мы... или, вернее, я... больше не шел. Дневной свет не проникал сюда, он остался где-то далеко позади. Я не мог даже себе представить, где мы теперь, так как с того самого момента, как мы вошли в башню, у меня появилась уверенность, что теперь нас окружают не ее стены. Мне казалось, что я нахожусь в центре какого-то невообразимого огромного пространства.

Сколько времени я простоял так? Этого я никогда не узнаю, так как время здесь текло совсем по-другому. В этой темноте существовало только «здесь» и только «теперь». Окружающая темнота с каким-то садистским сладострастием медленно и неотвратимо давила на меня, превращая мое естество в ничто. Я чувствовал себя в этом мраке примерно так же, как чувствует себя насекомое, попавшее в липкую сосновую смолу.

Мы, люди, боимся темноты. Это заложено в нас от рождения. В нас заложено и то, что мы должны бороться с этим страхом, пытаться подавить его, иначе жизнь наша превратится в кошмар. Но еще ни один человек, я был в этом уверен, никогда не подвергался такому испытанию,

какому подвергся я. И, к своему удивлению, я обнаружил, что могу сдерживать страх, держать его под контролем. Время шло, я отсчитывал его по своим вдохам. И если я до сих пор не поддался страху, то, значит, смогу держаться и дальше.

Что-то изменилось впереди. Влажные горячие испарения перестали терзать мои легкие. Вместо этого повеяло тяжелым сладковатым запахом разложения. И все это сопровождалось слабым, еле заметным свечением. В воздухе над нашими головами снова возник серый светящийся круг. Он постепенно переходил в овал. Серый цвет сменился на болезненно белый с желтизной. Теперь он стал похож на зеркало, хотя в нем не отражалось ничего. Неожиданно я понял, что это не зеркало, а овальная дверь. Однако те силы, что привели нас сюда, не толкали нас к ней. Вероятно, кто-то приближался к ней с другой стороны.

И вот в овале появилась тень. Она вместе с овалом переместилась вперед и развернулась так, что теперь находилась прямо перед нами. Она медленно сгущалась, пока не превратилась в туманную фигуру, чисто человеческую фигуру. Только с краев она была как-то странно искажена. Затем в какое-то мгновение изображение вдруг стало ясным и четким.

Я увидел женщину с бледной кожей, с волосами темными и длинными, достигавшими колен. Тело у нее было чисто женское и такое же совершенное, как тело Гунноры. Меня снова пронзило острое желание, как в тот раз.

Но что это... Или, может быть, меня обманывает зрение? Когда я подумал о Гунноре, невольно сравнивая ее с этой женщиной, ее совершенное тело вдруг заколебалось, подернулось дымкой, а в глазах изумрудно-зеленых, как у Гру, вспыхнуло красное пламя. Меня, словно волной, охватило непонятной вспышкой гнева.

И все же я невольно сделал шаг вперед. Меня охватило то же чувство, которое я испытывал к Гунноре. Больше ни о чем не думая, я вложил меч в ножны. Я хотел только одного, чтобы мои руки были свободны для объятий.

И тут моя рука прикоснулась к небольшой выпуклости на мешке. Кубок... И снова женщина, которая ждала меня, манила, подернулась колеблющейся дымкой. Она, должно быть, восприняла мое смятение. Теперь, когда изображение снова прояснилось, она тянула свои дивные руки ко мне, и волна неистового желания буквально опрокинула меня. Я готов был на все, только бы пройти разделяющее нас расстояние, коснуться своими руками ее шелковистой кожи, ласкать ее, обладать ею... О такой женщине мог меч-

тать каждый мужчина... И она манила меня, звала к себе... Она была...

И тут что-то мелькнуло передо мной. Гру в стремительном прыжке взметнулся в воздух. Я вскрикнул и бросился за ним. Я должен был спасти ее от этого дикого зверя. Рука моя потянулась к мечу. Женская фигура снова подернулась дымкой. Моя рука скользнула по мешку и, наткнувшись на кубок под тонкой кожей, словно прилипла к нему и, несмотря на все мои попытки освободиться, оставалась неподвижной. Тут я заметил, что Гру не рвет на части эту женщину. Он сцепился в схватке с другим котом, и теперь они катались по земле в смертельных объятиях. Я слышал их приглушенное рычание. Но женщины теперь я не видел. Здесь были только два кота.

Затем они оба исчезли, и в овале снова появилась Та женщина, и ее чары снова стали манить меня. Но теперь в ней было что-то другое, что-то неуловимо изменилось, появился какой-то изъян. По телу ее бежала все время какая-то мелкая рябь, и я понял, что это была только иллюзия. То, что ждало меня, манило к себе, возбуждая во мне дикое желание, было всего лишь колдовским созданием, предназначенным для того, чтобы заманить жертву, меня, в западню.

Я крепче прижал ладонь к мешку. Если кубок обладает каким-то могуществом, то оно мне сейчас очень нужно! Коронованный! Гуннора!.. Я стремился воскресить в своей памяти ее изображение, чтобы создать хоть какой-то щит против этих проклятых чар.

Женщина все еще стояла в дымном овале — дьявольское создание того, кто правил в этом гнезде зла. Возможно, она или он еще не поняли, что у меня появилась защита. Желание ослабло, но было все еще очень сильным. Мое тело, помимо воли, все еще стремилось вперед к ней. Страшный жар возбужденной плоти сжигал меня. Я отчаянно боролся с самим собой, пытаясь убедить себя, что все это лишь иллюзия, но не находил нужных слов.

Я упал на колени, распластался на земле, но меня упрямо тянуло к ней. Я цеплялся за малейшие обрывки воспоминаний, как утопающий цепляется за соломинку, словно умирающий, старался раздуть в себе искру жизни. Но я не мог совладать со своим телом, хотя твердо знал, что впереди меня ждет смерть!

— Коронованный! Курноус... Курноус!!!

У меня не было вина, чтобы вызвать его, у меня не было ничего, кроме памяти. Вызвать Гуннору? Нет! Я поспешно откинул эту затею. Гуннора только усугубит сжигающее меня желание. Вызвать ее — значит еще шире распахнуть предательскую дверь. Охотник! Убийца!..

Фигура в светлом овале резко изменилась. Теперь там не было манящей женщины. Там стоял мужчина, высокий, хорошо сложенный, на голове его возвышалась корона из переплетенных оленьих рогов. У него было спокойное гордое лицо настоящего лорда. И он протягивал руку мне. Мне, лишенному рода, лишенному клана, имени, будущего! Теперь я никогда не буду одинок. Стоит мне только принять эту руку, и я больше не буду захудалым дальним родственником, я буду другом великого лорда! Это не Гарк, он намного выше Гарка! Это был лорд, с которым я могу отправиться в большой поход по этой загадочной стране, могу разделить с ним славу. Это его я звал, и именно он пришел мне на помощь...

Не спуская с него восхищенных глаз, я развязал мешок, чтобы достать кубок и показать ему, что я, именно я призвал его, того, кому я клялся, кто снова спас меня от нашествия сил Тьмы!

Я открыл мешок. Рука торопливо скользнула в него и нащупала кубок.

Мужчина подернулся туманом. Нет, нет! Не уходи!.. Я могу доказать... Я могу...

Он еще сильнее заколебался. И вот я увидел ее, эту девушку. Руки ее были протянуты ко мне... Это был не мужчина. Не Коронованный воин, это была женщина. Не та, что чуть не заманила меня в свои сети, нет, это была юная, стройная, гибкая девушка. Тело ее частично скрывала серебристая туника, застегнутая на одном плече. На голове ее сверкал серебряный символ месяца. Какое-то мгновение она призывно смотрела на меня, потом пропала, и на ее месте опять стал формироваться силуэт мужчины.

Я достал кубок и с трудом поднес его к подбородку. Какая-то древняя, заложенная в меня мудрость заставила сделать это. В кубке было пусто, но в ноздри мне почему-то ударил резкий чистый запах, запах листьев, шелестящих под утренним восходящим солнцем, аромат полевых сочных трав.

С моих глаз словно упала пелена, и я увидел. Внутри овала клубились облака. В просвете между ними я разглядел неподвижно лежащее тело Гру. На его могучем теле виднелись страшные кровавые полосы. Сбоку появилась Гатей. Вытянув вперед руки, она пошла к нему. Она обогнула меня и легко двинулась вперед. Я шагнул за ней и почувствовал, что сила, удерживающая нас, пропала. Прижимая к груди кубок, я бросился вперед и преградил путь девушке. Она стояла уже почти у самого клубящегося туманными облаками овала.

Лицо ее было несчастным, глаза устремлены туда, где лежал Гру. Сначала она хотела просто оттолкнуть меня, как будто не понимала, что может ожидать ее там. Я почувствовал, что мне не оттащить ее назад, пользуясь только одной свободной рукой, ведь в другой у меня был зажат кубок. Мне ничего не оставалось делать, как вцепиться левой рукой в ее пояс и тащить прочь. Но поздно: туман уже коснулся ее ноздрей!

Она вздрогнула, застыла и упала на землю, увлекая меня за собой. Я перекатился через нее. А она уже начала отчаянную борьбу за свое освобождение. Она уже не узнавала меня. Теперь я был для нее просто очередным препятствием на пути к тому, куда она должна была попасть. Она пустила в ход все: кулаки, зубы, ногти, а я мог только прижимать ее к земле, тщетно пытаясь избежать ударов и царапин. Но я знал, что кубок Охотника мое, а значит, и ее единственное спасение. Пока я держу его и вдыхаю этот странный свежий аромат, моя голова будет оставаться чистой, и никакие иллюзии не смогут обмануть меня.

Я держал его и очень надеялся, что кубок поможет ей так же, как и мне. Я постарался приблизить кубок к ее лицу, хотя она и вертела головой, стараясь вдобавок еще укунить меня.

Мы все еще боролись, когда...

Я по-прежнему старался придавить ее к земле всем телом, удерживая свободной рукой кубок, когда почувствовал, что что-то переменилось. Теперь мы были в каком-то другом месте. Нас охватил холод, такой жуткий, что я был уверен: ни одно живое существо не может выдержать его и секунды. И тут снова вспыхнул свет. Красный, обжигающий. Только что холод сковывал наши тела, а теперь пламя лизало их, стараясь сжечь, испепелить.

Гатя лежала неподвижно, закрыв глаза. Но я чувствовал, как вздымается и опускается ее грудь. Я поднялся на колени и осмотрелся. Жар был таким, что мне казалось, как ощутимо сжигает он мои легкие. Мы лежали на камнях, тоже очень раскаленных. Я приподнял Гатею, чтобы девушку поменьше жгло. До меня донесся запах паленых волос, и, повернув голову, я увидел Гру, который лежал неподвижно рядом со мной.

Мы были со всех сторон окружены сплошной стеной пламени, красно-желтой, обжигающей. Когда налетал ветер, порывы которого мы не ощущали, языки пламени протягивались к нам, пытаясь лизнуть наши тела. Пламя было очень ярким и сплошным, так что я не мог разглядеть, что находится за ним. Я решил, что тот, кто завлек нас туда,

разгневался на нас и решил покончить с нами, своими узниками, самым простым и быстрым способом. Ведь очень скоро от нас не останется ничего, кроме обутленных костей.

— Диана! — Гатей открыла глаза. Но она еще не видела меня, а просто тревожно осматривалась вокруг. Я был уверен, что она жаждет увидеть, что же еще ожидает нас, какую новую иллюзию создал хозяин башни. Она нахмурилась, когда поняла, что к ней вернулось ее истинное зрение. Девушка посмотрела на меня с такой яростью, что, обладая ее взгляд физической силой, я неминуемо был бы брошен в окружающее нас пламя. — Диана! Она была здесь! Наконец-то она позвала меня!

Она вскочила на ноги и с такой силой оттолкнула меня, что я чуть было и на самом деле не упал в огонь, но успел извернуться. Однако я все еще держал кубок, не выпуская его.

— Все это была лишь искусная иллюзия, — возразил я. Гатей была просвещена в колдовстве. Неужели она сама не понимала этого, не видела, как Гру бросился туда, как меня самого дважды чуть было не заманили во Мрак? — Что ты видела? — продолжал я, подходя к ней и произнося слова с таким жаром души, который заставил бы померкнуть даже неистовый огонь, если бы она вслушивалась в их. — Гру бросился на другого кота. А я сначала видел женщину, — тут я не стал вдаваться в подробности, — а затем человека в Рогатой Короне. А ты видела свою богиню? Дочь Луны?

Я был уверен, что Гатей не слушала меня. Она была так потрясена иллюзией, что ко мне у нее уже почти не осталось гнева. Она подняла руки, сжала кулаки, как будто собиралась ударить меня, но затем бросилась к Гру и упала на его неподвижное тело.

— Гру! — громко вскрикнула Гатей. Затем приподнялась, взяла голову кота обеими руками и, подняв, заглянула в его полуприкрытые глаза. Она гладила его, что-то шептала, и вдруг глаза девушки широко раскрылись, словно она наконец очнулась, пришла в себя после тяжелого, изнурительного сна. Она медленно повернулась ко мне. — Он... он не... — Пальцы ее глубоко погрузились в шерсть животного. — Он не мертв. Ты... — Прижимая голову кота к груди, она с удивлением и испугом смотрела на меня. — Ты видел, что случилось с Гру?

То, что она ничего не видела, не удивило меня. Я уже понял, что для каждого из нас были созданы свои собственные иллюзии. Гру бросился на другого кота, который, несомненно, был самкой. А меня пытались соблазнить,

сначала воздействуя на тело, как это было с Гру, а затем, после неудачи, на более тонкие стороны сознания.

— Его соблазнили, показав ему самку.

— Диана! Диана была здесь! — девушка качала головой, как бы не в силах расстаться с чудесными грезами. — Я нашла Святилище... Я была... — Она замолчала, но рука ее все еще гладила голову Гру. — Ты не видел ее. Тебе явились другие... — Гатя посмотрела на стену пламени за моей спиной, как будто только что увидела ее. — Тот, кто создает эти иллюзии... — Она вздрогнула, как будто ее охватил холод, хотя это было немыслимо в такой жаре. — Это был один из Мрака. Но почему?.. И Гру... — Она перевела взгляд на неподвижное тело кота. — Как мы попали сюда? — спросила она. Голос ее снова стал твердым. Она полностью овладела собой и теперь была готова без страха смотреть в лицо неизбежности.

Я рассказал ей все о кубке и о том, как запах из него уничтожил все мои иллюзии, и как я удержал ее от того, чтобы она не бросилась навстречу гибели, и как нас затем перенесло сюда. Она молча слушала. Я был уверен, что она не только понимала все, но мой рассказ, в сочетании с ее знаниями, поможет ей придти к какому-то правильному решению.

— Нас было трое, — медленно проговорила она. — И для нас троих одновременно создавались различные иллюзии. Заклинание, с помощью которого его слуги привели нас сюда... Оно управляло нашими телами, но при этом ему помогали и всадники. Когда же мы втроем оказались против его одного, он не смог справиться с нами. Бедный Гру. Он был очень умен, но все же не смог понять, что его нагло обманывают, и поэтому попал в западню первым. А ты... у тебя была защита, о которой он не подозревал.

— Что же видела ты?

— Я видела Святилище. Лунное Святилище. И алтарь был ярко освещен. Я ждала, так как была уверена, что она придет, что это именно то место, которое я искала. Нет, я ничего не видела, что создавалось для тебя. Однако он не мог создавать одновременно иллюзии для всех нас. Когда он потерпел поражение с тобой, тогда появилась Диана, которую ждала я. Кубок помог тебе освободиться от его чар, а затем ты помог и мне... Однако, — продолжала она, бросив взгляд в сторону пламени, — куда же он теперь забросил нас, когда его усилия не увенчались успехом?

— Мы в его царстве зла, — ответил я. — Больше я ничего не знаю. Но нам нужно как можно быстрее выбираться отсюда, если не хотим быть зажаренными здесь живьем.

Гатей прижалась щекой к голове Гру.

— Я не могу больше пользоваться посохом, у меня больше нет его, — сказала она. — Мои знания здесь ничего не значат. И если мы глубоко погрузились в царство Мрака, то у нас нет надежды вырваться отсюда. Между этими мирами, Мраком и Светом, нет переходов. Есть только границы, где они постоянно воюют между собой. Я полагаю, что здесь нам уже ничто не поможет, даже лунная магия.

Я не мог поверить, что она решила безропотно отдаться на милость судьбе. Я знал, я был уверен, что она никогда не сдастся, как бы ни безнадежно было положение. То, что мы довольно успешно сопротивлялись тому, чье могущество я даже не мог представить себе, вдохновляло меня.

Гатей уже развязала свой мешок. Она достала оттуда пакет с сухими листьями, выбрала семь штук и, сунув в рот, стала жевать.

— Что?.. — спросил я ее.

Она только покачала головой и показала, что не может говорить. Затем она указала на кота, и я понял, что она хочет что-то сделать для спасения Гру.

ГЛАВА 15

Гатей достала разжеванную массу изо рта и осторожно положила ее на глаза Гру. Затем она самыми кончиками пальцев прикоснулась к голове кота между его ушами. Она, казалось, не замечала жаркого пламени вокруг нас, хотя его дыхание становилось все жарче. Я попытался взглядом проникнуть сквозь огненную стену, но тщетно.

Огонь всегда был помощником людей, но он же иногда становился и их проклятьем. И теперь я чувствовал, что узкое пространство вокруг нас может в любой момент сомкнуться, и огонь проглотит нас. Гатей сидела неподвижно, закрыв глаза и удерживая голову Гру в своих руках. Она использовала все свои внутренние силы, чтобы изгнать из верного друга то, что привело его к смерти, почти к смерти.

Неожиданно Гру двинул мощной лапой. На мгновение показались его страшные когти. Какое-то жалобное мяуканье донеслось из его пасти. Гатей ласкала его голову, гладила уши, что-то шепча.

— Все хорошо, — сказала она, подняв голову. — Он пришел в себя.

— Для чего? — с горькой усмешкой произнес я. — Если мы не можем выбраться отсюда, — я кивнул на страшные

языки пламени, — то, может быть, его и не стоило выводить из транса?

Во рту у меня пересохло и я с вожделием подумал о каплях воды, которые еще остались во фляге, прицепленной к поясу. Пот насквозь пропитал одежду, и она прилипла к телу.

— Иллюзия, — задумчиво сказала Гатей. — Кажется, она главное оружие нашего врага. И...

Она посмотрела на беснующееся пламя. Не было нужды говорить о том, какая мысль пришла ей в голову. Она все еще гладила кота.

— Может, это и иллюзия, — сказал я. — И все же она такова, что мы не можем уничтожить ее...

— Как сверху, так и снизу... — задумчиво произнесла Гатей загадочные слова, не особенно, впрочем, заботясь о том, понимаю ли я их.

— Иллюзия, — продолжала она, — это введение образа в мозг врага, жертвы или больного. И тогда субъект перемещается в другую плоскость реальности, туда, куда он особенно стремится или чего смертельно боится, и он начинает жить в этой плоскости.

— Ты имеешь в виду, что мы сами поддерживаем у себя иллюзию, питаем это пламя?..

— Да. Пока мы верим, что видим его, наша вера питает это пламя.

— А что, если ты не права, если это пламя все же настоящее?

— Только реальность может ответить Могуществу. То, что может быть вызвано, создано, то может быть и уничтожено. Разве сам ты уже не доказал это?

Я видел капли пота, блестящие на ее лице. Затем голова Гру поднялась с ее колен. Разжеванная масса листьев упала с глаз, которые широко раскрылись. Взгляд его остановился на лице Гатей. Из широкой груди кота вырвался низкий урчащий звук, что-то среднее между мурлыканьем и ворчаньем.

Да, я сам успешно сопротивлялся иллюзиям, уничтожал их. Но здесь было что-то совсем другое. Я был уверен, что если суну руку в огонь, то она обгорит до костей. Какие уж тут иллюзии.

Девушка устало закрыла глаза, а кот поудобнее устроился около нее. Неужели они решили поспать? Но в неверном свете красных бликов я разглядел шевеление ее губ, хотя вслух она ничего не произносила.

Черт бы побрал все эти заумности! Неудивительно, что мои соплеменники стараются держаться подальше от Мудрых Женщин, конечно, когда не испытывают в их знаниях

и искусстве крайней нужды. Я предпочел бы встретиться с любым врагом, сразиться с ним в обычном честном поединке, померяться силами, как это было принято среди моего народа. И пусть бы меч решил всю эту запутанную ситуацию.

А теперь я даже не знал, в каком мире мы сейчас находимся. Наверняка нас забросило сюда совсем не тем способом, каким привыкли путешествовать люди. И даже если мы сумеем победить пламя с помощью колдовства, которое пытается вызвать Гатей, то что потом? Что, если мы совсем в другом пространстве... и времени?..

Она открыла глаза и взглянула прямо на меня.

— Ты мешаешь мне! Твое неверие слишком сильно! О!.. — Она опустила руку на горячий песок, словно это был ледяной родник. — О! Если бы я была здесь одна!.. Ты!.. Ты всячески препятствуешь мне!

Ее эмоции передались Гру. Он поднял голову и оскалился на меня.

Я был потрясен ее обвинением. Она совсем забыла, что я сделал для нее, что это я помешал ей ринуться к фальшивой Диане. Я снова поднял кубок, надеясь, что его терпкий холодный запах вновь поможет мне. Но запаха этого уже не было. Гатей смотрела на меня сузившимися глазами. Выражение ее лица слегка изменилось... Она увидела кубок и думала теперь о нем, о том, что его, вероятно, можно было использовать более эффективно.

— Если бы ты знал побольше...

— Так скажи мне! — Мне показалось, что стена огня медленно, но неуклонно приближается к нам.

Гатей подняла руку и отбросила со лба прилипшую прядь волос.

— Ты просишь невозможного. Нельзя передать несколькими словами то, что приобретено годами напряженных учений.

И тут вырвавшийся сбоку язык пламени чуть было не коснулся ее лица. Она резко отшатнулась, и в глазах ее я заметил отчетливый страх.

— Теперь у нас уже нет времени даже для того, чтобы попытаться сказать эти несколько слов, — утрюмо пробормотал я.

— Те, кто обладает Могуществом, — торопливо заговорила девушка, — говорят, что можно переносить объекты из одной плоскости в другую, это плоскости существования или реальности. Они смотрят на что-то и видят его внутреннюю сущность. Для каждого объекта, будь он сделан или рожден, сначала существовала мысль, и, следовательно, он все время частично остается как бы мыслью. И этот объект, будучи ма-

териальным в своей плоскости существования, где мы видим его, существует еще где-то в другой плоскости, но в несколько иной форме. Тот, кто обучен, может легко увидеть в предмете эту мысль, выделить ее, уменьшив до первоначального состояния, то есть, до мысли.

— Ты видела когда-нибудь, чтобы кто-то это делал?

Гатя отрицательно покачала головой.

— Нет, я не видела таких, кто может видеть внутреннюю сущность вещей и использовать ее.

— Но ты сказала, что если бы я знал больше, — настаивал я. — Что я должен еще знать?

Она снова покачала головой.

— Мы не знаем внутренней сущности сил, которые захватили нас. И...

— Это... — я показал на пламя, беснующееся вокруг нас. Я был уверен, что огненное кольцо неумолимо сжимается вокруг нас. — Это огонь. Огонь рождается из дров, горящих жидкостей. Какова же внутренняя сущность огня, что питает его?

В огне я не видел ни дров, ни следов горячего масла, которое мы обычно жгли в лампах.

— Что питает его... — задумчиво повторила Гатя. И затем волна возбуждения тронула ее лицо. Глаза широко раскрылись и возбужденно заблестели. — Да, возможно, что топливо для огня существует где-то в другом месте, в иной плоскости.

Это ее заявление показалось мне абсолютной бессмыслицей, но в ней оно пробудило новую жизнь и готовность к действиям.

Она протянула мне руку.

— Кубок... У тебя есть немного воды, чтобы налить туда?

— Очень мало.

— Должно хватить. Я не могу сделать этого, ведь кубок твой. Только ты можешь вызвать силы, которые содержатся в нем. Налей туда воды и держи крепко. Затем подай мне руку. Может быть, Гру тоже присоединит к нам свои силы. Давай, это наш единственный шанс! Я одна не могу сделать этого!

Я вылил всю воду из бутылки в кубок. Она едва прикрыла его дно. Крепко держа кубок перед собой, я сел на камень и взял руку девушки.

— Теперь закрой глаза. Это огонь. Он горит, там дрова. Совсем, как в очаге. И вот вода, источник воды. Много воды. Она все прибывает и прибывает... Увидь это! Ты должен это увидеть!

В ее голосе прозвучал приказ, повеление. Но когда я закрыл глаза, то мой разум восстал. Я не мог представить себе этого. Я пытался, но картина была слишком бледной, она дрожала и все время исчезала.

Где-то вддали послышался голос, очень слабый. Я должен был напрячь все свои силы, чтобы услышать его. Нет, это был не голос, это был костер. Обычный костер, весело потрескивая горел на лесной поляне. Огонь, в котором пылали дрова, обычный костер охотника.

И тут что-то пробудилось во мне: силы, о существовании которых в себе я даже не подозревал. Мне казалось, что могущество огня и могущество воды превратились в какие-то физические субстанции и объединились во мне, наполнили меня. Слабая, трепещущая картинка в моем мозгу стала устойчивой и ясной. И, кроме того, я увидел камни, из-под которых бил родник. Огонь и вода — старые враги! Огонь и родник — это был весь мир сейчас. Ничего, кроме них, только их я изо всех сил старался видеть в мозгу четко и ясно. Вода и огонь!

Во мне бурлила та самая сила, которая позволила мне дезавуировать костер и родник. Теперь с ее помощью я ставлял воду подниматься все выше и выше. Вот она уже стала перехлестывать через края родника, вот грозным валом стала приближаться к костру.

Огонь горел, потрескивая. Как только я сконцентрировал внимание на нем, вода отхлынула. Нет! Выше вода! Выше! Еще!.. Я увидел, как она поднимается, заливая все, превращается в огромное море. И снова, когда картинка на мгновение заколебалась, я ощутил прилив новых сил, настолько мощных, что я не выпустил их из-под своего контроля.

Вода все прибывала. Вот она коснулась дров, вот залила их. Пламя заметалось, стараясь перекинуться на еще сухие поленья, но вода упорно преследовала его. Картинка последний раз мигнула. Огонь знал, что силы его кончились. Но я ждал, чтобы вода залила все, до последнего полена. Все! Последние искры угасли. Я освободил воду. Она тут же схлынула, но не показалось ли мне, что на поверхности воды на миг отразилось чье-то изображение? Голова мужчины! Голова, коронованная Рогатой Короной! Но я не был полностью уверен в этом. Я открыл глаза. Голова в короне была здесь, на стенке кубка, испуская ослепительно белоголубое свечение. Но все остальное было погружено во мрак, так как стена огня, окружавшая нас, исчезла.

Я удивленно моргал. Единственным источником света был мой кубок, но и его свет постепенно таял. Если бы я не сидел на твердом камне, то был бы уверен, что мы умерли

и попали в загробное царство. Сгущающийся мрак поглотил меня, стал давить на тело и все мои чувства. Из мрака до меня донесся вздох облегчения. Я знал, что это Гатей.

— У меня... у меня получилось, — я, наконец, овладел собой. — Но мы не вернулись. Мы все еще в башне?

Я почему-то инстинктивно не верил в это. Здесь было что-то другое, что, как и Мрак, ощутило давило на нас. После того, как я победил огонь с помощью своего разума, я понял, что сделать один шаг это не значит еще совершить путешествие. Откуда-то из темноты до меня донесся голос Гатей, еще более усиливший мое беспокойство.

— Мы все еще в ловушке, — сказала она. — Это не наше время и не наш мир. И...

Что она хотела еще сказать, я уже не узнал, так как в тот же момент темнота вокруг нас изменилась. В ней появился светлый овал, нет, но нас куда-то потащило со страшной силой и огромной скоростью. Мы неслись так стремительно, что я с трудом вбирал воздух в легкие. Но я крепко держал Гатей за руку. Больше всего я боялся, что неведомое вновь раскидает нас, предоставит своей собственной судьбе.

Тело мое казалось невесомым, легким и хрупким, как сухой лист, который несет порыв ветра. Я даже закрыл глаза, так как мы летели через сплошной мрак, и я боялся, что ослеп. Нас влекло вперед и швыряло с такой легкостью, как будто мы были стянуты тугими веревками.

И вдруг ощущение полета пропало. Мы остановились, но по-прежнему оставались узниками мрака, так как, открыв глаза, я ничего не увидел. Но я ощущал что-то странное вокруг себя. Я удивился тому, что чувствую неизвестное. Мне не приходилось так долго учиться этому, как мне говорила Гатей. Что же пробудило во мне это новое для меня чувство, способность чувствовать неведомое?

Мы были совершенно беспомощны в ожидании того, что должно произойти, и чего я даже не мог предположить. Все, что связывало меня теперь с реальностью, это была рука Гатей. Я хотел заговорить с ней, но давление мрака было таким сильным, что слова застряли у меня в гортани.

Я был недалеко от того, чтобы призвать к себе смерть, как убежище от того, что обрушилось на меня. Слабый свет, который излучал кубок, угас окончательно. Я крепко сжимал его, его и руку Гатей. Я чувствовал, что только в них я могу искать свое спасение.

И вдруг мы снова полетели. Тут же я почувствовал нестерпимый холод, как будто мы проскочили неведомый барьер. Появился свет, очень слабый, еле заметный... но все же я видел его. Он был где-то внизу, как будто мы на-

ходились где-то высоко в небесах. Постепенно свет становился сильнее и ярче. Мы летели к нему с громадной скоростью, влекомые чьей-то враждебной волей. Чьей? И почему все это?..

Вдруг меня что-то страшно рвануло в сторону, и я с ужасом понял, что выпустил руку Гатеи. Меня потащило куда-то в другом направлении. Я смотрел вниз словно глазами чудовищной птицы или какого-то другого летающего существа.

Внизу подо мной возник серый круг, каменный, освещенный яркими серебряными лучами полной луны. В центре круга стоял сверкающий каменный блок. Свет, исходивший от него, был так ярок, что я закрыл бы глаза, если бы мог поднять руку. Снова мое тело не подчинялось мне. На каменном блоке кто-то лежал. Женщина! Волосы ее были распущены и свисали с камня. Она была совершенно обнажена, и я сначала решил было, что она мертва. Во всяком случае она не подавала пока никаких признаков жизни.

Вокруг стояли четыре каменные колонны, на вершине каждой из которых были укреплены символы разных фаз луны. Точно такие же символы были в Святилище близ долины Гарка. Возле колонн что-то копошилось, колебалось, медленно перемещаясь. Это было похоже на человеческие тела. Они постепенно становились более четкими и материальными, по мере того как я подлетал ближе.

Они так же, как и женщина, были совершенно голыми. Но это были мужчины. В руках каждого из них был посох, и они не стояли на месте, а переминались с ноги на ногу, как в странном танце, но с места они не сходили. Какое-то странное возбуждение поднялось бурной волной откуда-то снизу и захлестнуло меня, пытаясь завладеть телом, проникнуть в мой мозг.

Откуда-то из тени, окружавшей сверкающий круг, вышла пятая фигура. Черное тело его в лунном свете отливало серебром. Кубок в моих руках ожил, стал постепенно нагреваться, наливаясь гневом, яростью.

Я был инструментом, оружием в руках Мрака. С моей помощью он хотел исказить Свет. И я не мог сопротивляться этому.

Черная тень передвигалась в странном танце от одной колонны к другой, от одного человека к другому. Она на мгновение останавливалась перед каждым, воздевала руки к небу и двигалась дальше. Те, перед кем останавливалась черная тень, становились реальнее, как будто в них вливались свежие могущественные силы. Но все это

время женщина лежала на алтаре, погруженная в глубокий сон.

Я приблизился уже настолько, что мог различать все лица, кроме движущейся по кругу черной тени, которая излучала могущество. Она струилась вокруг меня, как бурный поток.

Если кто-нибудь из них и видел меня, то не показывал виду. Я уже достиг земли. Мои ноги коснулись каменного круга. Я внимательно огляделся и увидел... Инну!

Но это уже была не та девушка, что ехала в фургоне Гарка. Она изменилась, но я пока не понимал, как. Ее губы, темные по контрасту с бледностью лица, были не красными, а, скорее, черными в свете луны. Они раздвинулись в легкой улыбке. Я был уверен, что она спит и видит во сне то, что никогда не могла бы видеть скромная девушка, какой она всегда была. Она была так подавлена своим отцом, что боялась даже поднять глаза без его разрешения.

Инна! Жертва. Мне не нужно было думать об этом. Все, что происходило здесь, не было актом добра, это было зло, такое же черное, как Мрак там, откуда меня принесло.

Я стоял неподвижно, сжимая кубок, который все сильнее и сильнее нагревался. Его металлическое сердце, наверное, было наполнено пламенем: так он жег мои руки. Так он, наверное, защищался от того, что собиралось произойти здесь. Серебряное лицо на кубке сверкало, глаза метали блестящие копыта света — белые, как луна над ними, и все же другие.

Танцующая тень, которую все еще невозможно было рассмотреть, — видны были только костлявые руки — отошла от последнего человека, и пританцовывая, двинулась ко мне. Голова была закрыта капюшоном. В его тени лица нельзя было разглядеть. И все же я знал, что он был обеспокоен моим появлением, что он находится в союзе с тем, кто бросил меня сюда.

Руки его вздымались в воздух и опускались. Рукава развевались на ветру, и я мог видеть руки-кости, обтянутые кожей. Старая кожа, старые кости. Я мог видеть их почти до плеча. Скрюченные пальцы с длинными кривыми ногтями извивались и тянулись над спящей девушкой к кубку. Я крепко сжал кубок, зная, что в нем мое единственное спасение.

Я напряг всю свою волю, но не против того, кто принес меня сюда, так как знал, что у меня нет ни малейшего шанса победить его. Нет, я старался извлечь все могущество, которое содержалось в кубке Рогатого Охотника. На этом я сосредоточил все свои усилия.

Пальцы коснулись меня и ногти вцепились в одежду, но я вырвался. Однако черный человек возобновил свои попытки отобрать у меня кубок. От резкого движения капшон свалился с его головы. Снова женщина. Точно какое-то ужасное подобие на женский пол. Она была стара, но не похожа на добропорядочных старушек, состарившихся в мирном труде. Нет. На ней была запечатлена маска ненависти, вся изрытая сетью морщин. На почти лысом черепе кое-где болтались редкие пряди грязно-седых волос, а когда она открыла рот, чтобы выкрикнуть проклятия, я увидел во рту один или два желтых зуба, более похожих на клыки Гру, чем на человеческие зубы.

Она исходила злобой, и от нее истекало могущество. Она обладала гораздо большей силой, чем я мог ожидать в таком хрупком костлявом теле. Потерпев неудачу в первой попытке завладеть кубком, она обогнула алтарь, на котором лежала Инна, и снова устремилась ко мне. Глаза ее горели, как угли. В них было коварство и безумие. Ее скрюченные руки тянулись ко мне, словно собирались разодрать мое лицо и тело в клочья.

Противостоять могуществу, которое швырнуло меня сюда, было бесполезно. Я не мог увернуться от нее, но я не выпустил и кубка. Я старался укрыть его от когтей этой старой карги свободной рукой и плечами.

С кончиков ее губ стекала желтая слюна. Она хриплым голосом выкрикивала какие-то непонятные слова. К своему удивлению, я видел эти слова, висящие в воздухе, словно клубы дыма. Красные, они кружились над моей головой, опускались вниз, как языки настоящего пламени.

И вот тогда я поднял голову и громко крикнул:

— Ха! Курноус! Во имя Рогов!..

Она как будто со всего налетела на непреступную стену: отскочила назад, сделала еще один шаг, чтобы устоять на ногах. Губы ее шевелились, слюна стекала по подбородку. Теперь руки ее чертили в воздухе замысловатые фигуры. Они тоже поплыли в воздухе, красные, испускающие клубы дыма.

Кубок стал таким горячим, что я еле держал его в руках, но я поднес его к губам, как будто хотел выпить его содержимое, хотя он и был пуст. Глаза Рогатого Охотника метали копыя света, как будто хотели поразить врагов.

Они ударялись об одетую в черное каргу, отражались от нее и летели мимо каменного алтаря и распростертой на ней девушки. Этот световой фонтан не прекращался, а наливался силой, становился ярче, интенсивнее, смешиваясь с лунным светом.

Старуха с прытью, которой я не ожидал от нее, отскочила дальше назад, стараясь держаться подальше от этой стены света. Она хрипло вскрикнула что-то, и этот крик жуткой болью отозвался у меня в голове.

Но я перенес эту боль. Я твердо стоял на земле. То могущество, что принесло меня сюда, исчезло. Теперь я мог, если бы захотел, отбросить кубок, жгущий мне руки. Но я знал, что этого делать нельзя. Это была битва, которую я должен был продолжать. Я держал кубок на вытянутых руках, и лучи света простирались все дальше и дальше.

Карга тем временем постепенно отступала. Теперь она стояла на самой границе светового круга. Здесь она остановилась, как бы решившись удержать свой последний рубеж. Я хорошо понимал, что теперь она призвала все свое могущество. Хотя я долго был в плену того, чего не понимал и не мог понять, я все же оставался воином. Я заметил легкое движение, поворот ее головы, заметил, что глаза ее теперь смотрят не на меня, а на девушку.

Теперь пришла моя очередь нападать. И мое искусство воина не подвело меня. В одно мгновение я стал между девушкой и старухой. При этом я бросил взгляд на четверых мужчин: не будут ли они защищать свою колдунью? Они были совершенно голые, и никакого оружия у них не было, кроме посохов. Однако кто мог сказать, на что способны они?

Те, двое, которых я мог видеть, не двигались. Они стояли у колонн, пританцовывая на месте. Глаза их были устремлены не на меня, не на каргу. Они смотрели в центр круга, хотя я не был до конца уверен, что они видят Инну.

Огненная молния ударила в меня. Я крепче сжал кубок. Ответный удар нанесли не глаза Рогатого Охотника. Весь кубок озарился сиянием, яркие лучи ударили во все стороны, создали световой барьер между мной и каргой. Они достигли голых ног ближайшего мужчины. И он как будто проснулся, понял, что происходит вокруг. Он повернулся, поглядел на землю и увидел, что сияние кубка достигло его колен.

Черты лица его исказились от боли. Его прекрасное тело корчилось, как будто попало в огненную печь. Он вскрикнул от боли, как дикое животное, посох его вспыхнул, охваченный ярким пламенем. Мужчина отбросил его от себя.

И теперь это был уже не высокий, хорошо сложенный мужчина. У подножия колонны корчилось сторбленное волосатое существо с широким ртом — жуткая смесь зверя и ящерицы. Он бросался из стороны в сторону, стараясь вырваться из моря огня.

Я перевел взгляд на другого мужчину. Тот тоже преобразился. С огненным морем, истекавшим из моего кубка, боролось существо, напоминающее громадную птицу, каких я никогда не видел. Она напоминала тех черных птиц, что нападали на нас в долине Гарка, только гораздо больших размеров.

Карга отступила еще дальше и вышла за пределы светового круга. Поток пламени не достиг еще ее. Она наклонилась вперед, как бы пытаясь остановить сияние, и все время смотрела на меня. Я внезапно понял, что она еще очень далека от поражения.

Губы ее все время шевелились, как будто она посылала в мою сторону страшные проклятья. Только теперь эти слова были невидимы, их забивало сияние кубка. Она резко хлопнула в ладони, и звук этот был подобен удару грома.

Она вдруг исчезла!

Я прислонился спиной к алтарю. Те двое не исчезали и оставались на месте у колонны, все еще продолжая борьбу. Я повернулся, чтобы увидеть двух других. Сияние подступало к ним, хотя еще не достигло их ног. Хотя они, казалось, не замечали, что опасность близится, они постепенно отступали назад, как и старуха. И вот они тоже исчезли.

Опираясь на каменный алтарь, я пытался рассмотреть, что находится за пределами серебряного круга. Я был уверен, что меня уже вышвырнуло из того мира, где правил господин башни Мрака. Это был мой мир, но где именно я находился, я не мог понять. Это было, конечно, не то Святилище, что находилось в горах у долины Гарка. А где же Гатя и Гру? Неужели они еще остались там? Если так, то как же они выберутся оттуда?

Сзади послышался вздох. Я повернулся. Глаза Инны открылись. Она проснулась, хотя улыбка все еще играла на ее губах, а глаза были счастливыми, как будто она только что вернулась из такого сна, какого не видела еще ни одна обычная девушка.

ГЛАВА 16

— Инна!

То, что мы должны были бежать отсюда, из этого страшного места, наполненного неведомыми силами, было первой моей мыслью. Кубок уже потух и больше не испускал своего пронзительного сияния. Даже лицо на кубке постепенно остыло, и ничто уже не говорило о том былом могуществе, которым обладало оно.

Девушка спустилась с алтаря. Движения ее были медленны и расслабленны, как у человека, только что очнувшегося от глубокого сна. Она еще не полностью воспринимала окружающее.

Руки ее машинально оглаживали свое тело, как неоценимое сокровище. Она стала мягко, негромко напевать, глаза ее упорно не встречались с моими. Ее мягкий, нежный шепот на мгновение перенес меня куда-то далеко-далеко во времени и пространстве. Ведь эту песню я слышал еще в детстве. Это была колыбельная, которой убаюкивала нянька Инну, когда та была еще ребенком.

Она все еще не видела меня. Взгляд ее, блуждая, медленно перемещался по ярко освещенному кругу, словно ожидая увидеть то прекрасное будущее, обещанное ей. Лунный свет бледным сиянием обливал ее стройное тело.

— Сверхилось! Бог приходил ко мне, и я подчинилась его воле. Дитя его будет выше и могущественнее любого лорда! Могущественнее... Могущественнее!..

Голос ее был таким же мягким, но песня уже не была колыбельной, а стала песней торжества.

Неужели она совсем сошла с ума? Я осторожно поставил кубок на землю, стянул с плеча скатанный плащ, развязал его и набросил на плечи девушке. Она сидела на камне алтаря, и на губах ее блуждала нежная улыбка, а руки бережно ласкали ту новую жизнь, которая, как она была уверена, зреет в ее теле.

— Сын!.. Сын, который пойдет вперед и соберет Великие силы в свои руки, и они будут его оружием. Мне оказана великая честь!..

— Инна!

Я произнес ее имя как можно более повелительно, чтобы вывести ее из этого состояния транса и дать ей понять, что я здесь.

Только теперь она вздрогнула всем телом и повернулась ко мне. Я увидел ее мгновенно расширившиеся глаза и понял, что наконец-то иллюзии покинули ее.

— Эльрон! — узнала она меня. Руки ее вцепились в полы плаща и стали судорожно натягивать на плечи, стараясь скрыть обнаженное тело. — Но... — Она осмотрелась по сторонам, как бы желая увидеть того, кто пришел со мной. Она, должно быть, увидела чудовищ, все еще корчившихся у колонн. Я заметил изумление и страх, вспыхнувшие в ее глазах. Она вскрикнула резко и пронзительно. — Эльрон! Кто они? — Страх овладел ею, полностью вытеснив чудесные видения иллюзий. — Это... — Я увидел, как ноздри ее судорожно раздулись, голова высоко вздернулась вверх. —

..Здесь зло! Это не должно прикасаться ко мне. Я отдалась богу... Его сын во мне!

Она быстро спустилась с алтаря и отошла подальше от чудовищ, которые продолжали корчиться и испускать страшные крики, крики не агонии, но ярости. Я внимательно всматривался в ночь за пределами Лунного Крута. И хотя старая карга исчезла, я не мог поверить, что она так легко сдалась. Нас могло ожидать впереди все что угодно.

— Эльрон! — Инна схватила меня за руки, но тут же судорожно вцепилась в опадающие полы плаща. — Уведи меня отсюда!

— Хорошо, но не раньше, чем я буду уверен, что впереди нас не ждет западня.

Я поднял кубок с земли и, держа его как меч, — а здесь кубок был более сильным оружием, чем любой меч, — взял Инну за руку и медленно пошел от алтаря... Я старался не выпускать из виду чудовище, но одновременно из всех сил старался разглядеть в темноте и тех двоих, что исчезли вместе со старухой.

Неожиданно чувство огромного облегчения накатило на меня. Значило ли это, что я полностью освободился от колдовства? Я мог только рассчитывать на это.

Инна все еще шла за мной, крепко держась за мою руку. Без особых затруднений мы дошли до края освещенного крута. Я, заслонив девушку собой, осторожно выглянул за границу света и тени, чтобы узнать, что ждет нас впереди.

Мне потребовалось некоторое время, пока глаза мои привыкли к темноте, которую не освещали лунные лучи. В отличие от Лунного Святилища, которое я видел в горах у долины Гарка, это не было окружено деревьями или скалами. Площадь, выложенная каменными плитами, простиралась и дальше за пределы лунного крута, но плиты не были такими гладкими и светлыми, как внутри Святилища. Дальше от него, словно лучи, отходили невысокие каменные строения.

Я почему-то ожидал найти здесь жизнь, увидеть церемонию встречи меня и Инны, или нечто подобное. Но все было тихо. Это было безжизненное место, давно покинутое и необитаемое. Только Святилище сияло здесь неизвестно для какой цели.

Инна неожиданно резко дернулась назад, пытаясь вырваться из моей руки. Но теперь я крепко держал ее.

— Райдан! — крикнула она. — Райдан! Где она? Почему ее нет?

— Успокойся.

Мне не нравилось, что ее крик громким эхом прокатился по пустынному месту, среди покинутых строений. То, что мы были предоставлены самим себе, показалось мне маловероятным, и я не без оснований считал, что следовало сохранять максимум осторожности.

— Пусти меня! Райдан!.. — она снова пронзительно закричала, и мне ничего не оставалось делать, как заткнуть ей рот углом плаща.

Кубок я все время держал перед собой, доверяя ему больше, чем любому другому оружию. Одновременно я боялся, что, если отпущу Инну, она наверняка сбежит от меня. А мне вовсе не хотелось ловить ее здесь, среди утрюмых темных зданий.

— Она ушла, — сказал я первое, что пришло мне в голову. Если это было имя той ведьмы, которую я выгнал из Святилища с помощью кубка, то это было правдой. — Слушай! — Я резко дернул ее за руку, чтобы привлечь внимание. — Ты видишь этих чудовищ у колонн? Очень даже может быть, что вокруг в темноте скрываются другие, подобные им. Нельзя громкими криками привлекать их внимание.

Ответ ее был для меня полной неожиданностью.

— Я не понимаю тебя! Что ты здесь делаешь? Райдан сказала, что бог возьмет меня, и его могущество возродится из моего тела. Поэтому Лунное Святилище и перенесло меня сюда. И это свершилось! Бог пришел... и взял меня!..

Я должен был реагировать на ее заявление моментально.

— Ты спала! Должно быть, тебя просто одурманили наркотиками, и у тебя были видения. Здесь не было бога!.. И это не Лунное Святилище...

Мне оставалось только надеяться, что мои слова хотя бы наполовину были правдой. Я не имел ни малейшего понятия, что здесь происходило до моего появления, но был уверен, что помешал свершению какого-то злого плана. Может быть, эти монстры были превращены богом мрака в людей, чтобы они стали отцом ребенка этой наивной девушки, чтобы она произвела на свет еще более страшное зло. Это показалось мне наиболее вероятным.

— Пусти меня! — она извивалась, как змея, в моих руках. — Откуда ты можешь знать правду? Райдан сказала мне...

К счастью, она была гораздо слабее Гатей, и я мог удерживать ее даже одной рукой.

— Если Райдан — это тот мешок костей, что недавно бул тут, — сказал я, — то она ушла, и надеюсь, что очень далеко. Но теперь...

Девушка вырывалась изо всех сил. Мне пришлось даже заткнуть кубок за пояс и держать ее двумя руками. Затем я взвалил ее, плающую и лежащую, на спину и молча потащил между строений, от всей души жалея, что она пришла в себя, и моля бога, чтобы ее крики не навлекли на нас беду.

Мы медленно шли по мощеной улице. По обеим сторонам ее стояли низкие одноэтажные темные дома. Они были без окон. На более светлых стенах чернели пустые проемы дверей. Дорога шла все время вперед, постепенно поднимаясь вверх, и мы прошли более десятка домов, прежде чем вышли на равнину.

Только тут Инна, наконец, замолкла. Она тихонько плакала, и все тело ее содрогалось от судорог. Она казалась теперь мне более легкой. Инна понуро плелась теперь за мной, и ее сопротивление, казалось, было не из-за того, что ей хотелось остаться здесь, а просто девушка сильно устала и ослабла. Она споткнулась и почти повисла на моем плече. Я заглянул ей в лицо. Глаза Инны были закрыты: вероятно, она была в обмороке.

Однако мне хотелось уйти отсюда как можно дальше. Поэтому я подхватил ее на руки и широко шагал дальше. Вскоре мы дошли до конца долины. Здесь я вынужден был остановиться и опустить Инну на землю. Разогнувшись, я оглянулся назад.

Лунное Святилище все еще сверкало бледным сиянием. Но я уже не мог различить двух чудовищ у колонн. Во всем окружающем городе больше не было видно света. Ни звука, ни движения не доносилось оттуда. Дома прижимались к земле, темные и мрачные. Дорога между ними была пустынной. Все было спокойно и тихо.

Всхлипывания Инны вскоре перешли в еле слышные вздохи. Она обессиленно прислонилась ко мне, как будто силы окончательно оставили ее. Я медленно пошел вперед, поддерживая ее и внимательно глядя по сторонам.

Дорога расстилалась перед нами тусклой белой полосой. Луна светила достаточно ярко, и теперь, когда глаза мои окончательно привыкли к полумраку ночи после яркого сияния Святилища, я видел, что местность вокруг покрыта густой растительностью. Деревья небольшими рощицами возвышались тут и там по сторонам, а скопления кустов образовывали темные пятна, которые мне чрезвычайно не нравились. Я мог легко вообразить, какие чудовища скрываются там.

Хотя дорога наверняка была под наблюдением злых сил, я все же решил, что идти по ней гораздо безопаснее, чем просто по равнине.

— Ты можешь идти самостоятельно? — спросил я Инну. Таща ее на себе, я не имел возможности использовать свои руки для защиты в случае нападения врага. И, кроме того, я не испытывал огромного желания оставаться здесь в опасной близости от Святилища.

— Ты не имеешь права! — Она рванулась было от меня в сторону, но плащ, оставшись в моей руке, соскользнул с нее, и, негромко ахнув, она вынуждена была вернуться и снова закутаться в него, стыдливо опустив голову.

— Райдан еще вернется. Она не позволит тебе увести меня!..

— Ты свободна и можешь идти, куда тебе вздумается, — я не пропустил мимо ушей ее предупреждение, так как и сам боялся этого.

— Да... — утрюмо протянула она. Но если она думала, что ей удастся так легко убежать обратно в Святилище, то она глубоко ошибалась. Я положил ей руку на плечо и повел по дороге, подталкивая впереди себя.

Некоторое время мы шли молча. Так как теперь Инна не доставляла мне беспокойства, я мог более внимательно оглядеться по сторонам. Я был настороже, чтобы не пропустить внезапного нападения. Но все было спокойно. Только налетающие порывы ветра качали деревья и шумели листвой.

— Почему ты пришел сюда? — спросила Инна, и слова ее удивили меня. Я привык думать о ней, как о ноже, грузе, а не о живом существе.

А на самом деле, почему? Я вовсе не стремился сюда. Я пошел в эту страну только затем, чтобы загладить вину перед лордом Гарком. И то, что я нашел Инну, вовсе не моя заслуга. И я не понимал, почему могущественные, не известные мне силы забросили меня сюда.

— Я изгнан из клана, — просто сказал я. — Лорд наказал меня справедливо. Ведь я должен был предупредить его о том, что ты посещаешь тайно Лунное Святилище.

Она долго молчала. Затем заговорила, и голос ее был тих.

— Значит, ты пришел сюда, чтобы спасти свою честь?

Но это говорила не та Инна, которую я всегда знал. Голос девушки был теперь резок и саркастичен.

— Мне нечего спасать, ведь я лишен рода, а это равносильно бесчестью, которого ничем не смыть. Я пренебрег своими обязанностями и наказан за это.

— И теперь ты думаешь вернуть меня обратно к тем, кто видит не дальше своего носа, кто не имеет могущества, кто даже не подозревает о своем ничтожестве. Голос ее стал громче, напряженнее, пронзительнее. — Я тебе не про-

стая девушка, которую можно таскать туда-обратно, особенно когда она этого не хочет. Я... — Она замолчала.

А я не сумел удержаться от искушения и спросил:

— Так кто же ты теперь, леди Инна?

Она рассмеялась, чем несказанно удивила меня. Голос ее снова зазвенел победно и горделиво.

— Подожди, лишенный клана, и ты увидишь! Ты только что коснулся таких вещей, о которых не можешь иметь понятия. Я ношу в себе... да-да, я, девушка, ношу в себе ребенка! Дитя могущества, такого сильного, что он будет в скором времени править всем этим миром! Я — избранница бога и мать его ребенка! Ты не можешь теперь забрать меня из этой страны... попытайся, и ты сам увидишь, что с тобой произойдет!.. Я сама теперь часть этого могущества!..

Я вспомнил о карге и ее заклатиях. Вспомнил о двух чудовищах, которые корчились в священном пламени возле колонн. То, что они были союзниками Властителя Черной Башни, я теперь не сомневался. Но не могла же Инна добровольно примкнуть к силам зла. Наверняка она была обманута, введена в заблуждение.

Я невольно замедлил шаг, достал из-за пояса кубок и повернул его так, чтобы она могла увидеть лицо Рогатого Человека. Оно было хорошо видно в лунном свете. Мне почему-то казалось, что он прекрасно понимает меня и сделает все, чтобы помочь мне.

— Ты знаешь его, Инна?

— Да. Это Курноус. Охотник. Но что тебе до него, Эльрон?! — Сквозь презрительную резкость ее слов слышалось удивление. — Он защитник Лунной Леди. Это она вызвала меня сюда...

Нет, это не слова Дианы, и не Гунноры, и даже не Рогатого Лорда. Кто-то умышленно извратил весь ритуал, чтобы обмануть наивную девушку. Как глубоко она запуталась в искусно расставленных сетях. Я должен разобраться в этом, чтобы обеспечить безопасность нас обоих.

— Тебя вызвала Диана?

— Диана? — она повторила это имя так, что мне стало ясно, что она слышит его впервые. — Кто такая Диана? Нет. Это была Райдан — самая старшая из богинь. Правительница Лунной Тени. Она самая Мудрейшая. Это она дала жизнь великому Господину. И теперь вызвала меня, чтобы я дала ему свое тело.

— А Гуннора? — спросил я. — Она тоже была?

— Диана, Гуннора?! — в голосе ее снова послышалось презрение. — Эти имена ничего для меня не значат. Где ус-

лышал их ты, лишенный рода? Впрочем, лучше скажи, почему ты носишь с собой Кубок Рогатого Охотника?

— Его подарили мне. Слушай, Инна, ты попала в руки Зла. Диана и Гуннора — они истинные Лунные Леди. Эта Райдан каким-то образом узурпировала их могущество. Неужели ты не поняла, когда увидала чудовищ, что имеешь дело со Злом?

— Ты сошел с ума! — пронзительно закричала она. — Это ты имеешь дело со Злом, а не я! Меня вызвали... Я избранница! Эту ночь я провела в объятиях Великого! Я его возлюбленная... Я его избранница!..

И с этими словами она едва не вырвалась из моих рук, вцепившись мне ногтями в лицо в тот момент, когда я этого совсем не ожидал. В моих руках остался только пустой плащ, но я тут же в большом прыжке настиг ее и крепко прижал к себе трепещущее девичье тело, так, что на лице ее появилась гримаса боли и страха.

— Я не буду спорить с тобой, — мне было ясно, что сейчас до нее не дойдет голос разума. Гатей, Гру... Как сейчас мне не доставало их. Только сейчас, когда битва в Святилище закончилась, я вспомнил о них, и мне стало жутко при одной мысли, что они все еще находятся во власти Господина Черной Башни. — Мы сейчас одни в стране, полной колдовства, и нам нужно держаться вместе, иначе мы погибнем.

Ее руки бессильно опустились и тело, напряженное, как камень, расслабилось. Она посмотрела по сторонам, и на лице ее в серебряном свете луны появилось выражение страха, как у загнанного в ловушку зверька.

— Я в безопасности... В безопасности!.. Райдан найдет меня!.. — Но уверенности в ее голосе уже не было.

Хотя она и продолжала еще слабо сопротивляться, я пошел вперед. Мне не хотелось больше оставаться на открытой дороге, которая вела прямо в Лунное Святилище. Я силой вынудил ее следовать за мной, и она пошла, прекратив всякую борьбу.

Нам необходимо было как можно быстрее найти убежище. Все, что произошло, хотя и было похоже на сон, сильно истощило мои силы. Но если я отыщу подходящее место для лагеря, то где гарантия, что она не сбежит от меня, пока я сплю? Может быть, стоит связать ее по рукам и ногам?

Дорога широкой дугой постепенно поворачивала в сторону, и по ее бокам я разглядел высокие темные холмы, которые почему-то напомнили мне могильные курганы, какие люди наших кланов насыпали над могилами своих лор-

дов. Если это действительно был мемориал, то, похоже, здесь очень долго жили люди.

Ветер, который тихонько шелестел листвой придорожных деревьев, неожиданно смолк, а потом резко изменил свое направление. Теперь он дул справа. Судя по звездам, это был западный ветер. Он принес с собой запах, который живо напомнил мне аромат свежести из моего кубка. Инстинктивно я поглядел туда, словно надеясь увидеть хоть какую-либо путеводную нить, связывающую меня со своим Рогатым Охотником. Я был так потрясен случившимся, что даже запах казался мне этой путеводной нитью.

Еле заметная тропа отходила от дороги. Она змейкой вилась между курганами и вела прямо на запад. Нужно ли нам идти туда? Ничего, кроме этого еле уловимого запаха, не указывало мне направления. Тропа то и дело исчезала в тени курганов. Я остановился и стал внимательно всматриваться вдаль, стараясь пронзить мрак взглядом.

Инна опять стала сопротивляться.

— Куда ты смотришь? — спросила она. В ней странным образом уживались две девушки: одна — тихая и скромная, запутанная могучим лордом Гарком, а другая, гораздо чаще, была враждебна мне. И она хотела освободиться от меня.

Я был прав. Этот запах доносился из долины, где выселись темные курганы. Не отпуская Инну, я достал кубок и повернул его лицом Рогатого в том направлении, куда вела тропинка.

Я уже привык к его помощи и полностью доверял подарку Гунноры. Поэтому я не удивился, увидев, как зажглись светом глаза Охотника на кубке. Слабые световые лучи, как две тонкие нити, потянулись в самое сердце того, что было мемориалом давно умерших лордов или воинов, погибших во время битвы, защищая свою страну, и похороненных здесь.

Я слышал позади себя тяжелое дыхание Инны. Она не сопротивлялась, когда мы свернули с мощеной дороги и пошли по узкой темной тропе.

Тени утрюмо проплывали мимо нас. Я притянул Инну поближе к себе и поднял голову вверх. Там я увидел громадную птицу. Неужели это было то чудовище, с кем я сражался и которое не погибло от страшных смертельных ран? Но птица пролетела мимо, не обратив на нас никакого внимания. Я не мог рассмотреть ее, но у меня сложилось впечатление, что это все же не та птица. Она летела прямо, и вдруг над одним из курганов она оглушительно захлопала крыльями и резко повернула на север. Видимо, наткнулась на какое-то препятствие, не видимое нам. То, что это суще-

ство было отброшено в сторону, придало мне силы. Поэтому, дождавшись, пока она не скроется из виду, я подхватил Инну под руку и почти бегом мы устремились вперед. Правда, девушка, тут же начала жаловаться, что сильно поранила ноги о камни, и что нам вообще не следует никуда спешить.

Тропа вилась между курганами, и я вскоре заметил, что многие из них были увенчаны каменными плитами. И из них струился вверх голубоватый свет, подобно столбам дыма, но он был недостаточно ярким, чтобы помочь нам в пути.

Я чувствовал, что скоро мы доберемся до убежища. Мне очень хотелось есть и пить. Я не знал, как чувствует себя Инна. Правда, мне иногда казалось, что я улавливаю ее дрожь от слабости, но нести ее на руках у меня не было никакого желания.

Наконец, мы дошли до самого высокого кургана. На вершине его был установлен квадратный камень, из четырех углов которого поднималось голубоватое сияние, как будто там стояли четыре огромных свечи. У нашего народа тоже был обычай устанавливать погребальные свечи по углам ложа усопшего. Я посмотрел наверх, но ничего, напоминающего убежище, разглядеть не сумел.

С вершины кургана мы могли видеть все вокруг. Тот, кто лежал под ним, был давно уже мертв, но он мог дать теперь защиту тем, кто находился возле него, а не только в сердце могильного холма.

Инна воспротивилась моему желанию искать место для лагеря на вершине кургана. Но когда она попыталась отойти в сторону, двойной яркий луч света из глаз Рогатого упрямо указал на курган. После этого Инна только плотнее закуталась в плащ, как будто это было ее броней, и молча стала карабкаться вверх по склону.

Вершина кургана была плоской. Здесь в центре площадки в небольшом углублении лежала каменная плита, подобная низкому алтарю. Столбы света из углов плиты, как пламя на ветру, наклонились к кубку, когда я приблизился к ней.

Инна вскрикнула. Она упала на колени и спрятала лицо в руках. Ее спутанные волосы рассыпались по плечам, подобно второму плащу. А я стоял и прислушивался. Из темноты ночи доносились какие-то звуки. Я слышал звон мечей, звук сталкивающихся щитов, крики, пока далекие и слабые, но постепенно крепнущие и приближающиеся, некоторые — торжествующие, некоторые — крики боли и отчаяния. И затем над всем этим разнесся торжествующий звук рога, охотничьего рога, и он прозвучал призывом к битве. Возбуждение охватило меня. Усталость, голод, жаж-

да — все было забыто. Одной рукой я поднял вверх кубок, а второй выхватил меч, не зная, почему я это сделал. Я не был готов к встрече с врагом. Нет, не то, враги давно исчезли, осталось только торжество, радость победы, такая же чистая и ясная, как эти огни, горевшие на вершинах курганов. Нет, мой меч вознесся сейчас в безмолвном салюте, приветствии лорду, для которого я был слугой. Рукоять меча коснулась моих губ.

Кому... или чему приносил я сейчас клятву верности, я не знал. Но чувствовал, что это было нужно, и это было правильно. Вокруг меня струилось голубое сияние, и кубок светился.

А потом вдруг все исчезло. Как будто порыв ветра задул пламя и унес пряный запах свежести из кубка Рогатого Лорда. Меня охватило желание — острое, как боль, — найти, отыскать немедленно того, чей призывный звук рога раздавался только что. Но мое время, видно, еще не пришло, и поэтому я остался на месте.

Медленно я вложил меч в ножны. Голубое свечение стало совсем слабым. Остались едва заметные следы его. Инна подняла голову и посмотрела на меня широко раскрытыми глазами. Они были полны страха и трепета.

— Кто ты? — спросила она.

Я холодно посмотрел на нее и сказал правду:

— Я — Эльрон, лишенный клана, хотя... — тут мой голос прервался. Горечь потери клана и рода оставила меня с тех пор, как мои ноги вступили в эту загадочную страну. Я посмотрел на того Эльрона со стороны, каким я был когда-то, и увидел очень юного и довольно глупого человека. Хотя я и теперь знал лишь ненамного больше, чем он, зато я знал, что не знаю ничего, — а это было достаточно много теперь, это был большой шаг вперед.

Инна отбросила волосы с лица. Я присел рядом с ней, протянул ей бутылку с водой и немного еды, что еще оставалась в моем мешке. Девушка схватила пищу и стала жадно есть, не обращая внимания на то, что еда была черствой, а вода уже затхлой. Так мы сидели и ели, изредка передавая друг другу бутылку с водой. Нас освещали луна и слабое мерцание могильных огней. Каждый из нас думал о своем. Мои мысли все время возвращались к Гатее и Гру.

Покончив со скудным ужином, я взял кубок, поднес его к груди и заглянул в него, как будто это было зеркало... или окно куда-то. Затем я напрягся и постарался вызвать в мозгу видение девушки, которая стояла рядом со мной в Черной Башне. Для этого я призвал на помощь все мои внутренние силы, все свое воображение.

Было очень трудно сосредоточиться, чтобы получить четкое изображение ее лица. Она то появлялась, то исчезала. Я закончил свой поиск, выполнив то, что задумал. Инна была со мной. Гатя же выбрала свой путь по собственной воле. Мы не были связаны между собой ничем. Нет! Для меня не может быть покоя, пока я не буду уверен, что она снова в этом мире... что она свободна и может осуществить свои желания. И пока этого не произойдет, не может быть покоя! Нет!..

ГЛАВА 17

— Эльрон!

Сначала этот крик возник в моем мозгу, и я никогда не слышал таких нот в голосе Инны. Девушка стояла на коленях и смотрела на долину курганов, освещенную неверным светом могильных огней и сиянием луны.

Но ночное светило уже опустилось низко к горизонту, и свет его лучей сильно ослабел. Инна указывала на запад. И тут я тоже увидел их. Между курганов пробирались тени. Их можно было разглядеть только в те короткие мгновения, когда они перебегали от кургана к кургану. Я напрягся. Мне показалось, что нас неумолимо окружают. Их трудно было рассмотреть как следует, так как они все время скрывались в тени. И поэтому я не мог определить, кто же это: стая зверей, люди или чудовища, населявшие эту страну, и которых послал на нас тот самый властитель Черной Башни, который так активно вторгается в мою жизнь.

— Я вижу,— прошептал я. Хотя ближайшие из них были еще далеко от кургана, где находились мы, я не хотел говорить громко, так как их слух был, возможно, гораздо острее слуха людей.

Девушка прижалась ко мне. Ее плечо легло на мое колено. Сейчас она казалась гораздо старше, выглядела бледной и очень усталой. Прошедшие после пробуждения часы отняли у нее много сил. Теперь она смотрела на меня с надеждой и страхом.

— Ты видишь...— зловещие искры вспыхнули в ее глазах.— Они идут за мной!.. Я...— руки ее легли на живот, как бы прикрывая, защищая то, что, как она сказала, находилось в ней.— Я ношу их будущего повелителя, и они уже знают об этом! Беги, лишенный клана, спасайся, если сумеешь! Даже я теперь не смогу спасти тебя от их мести!

Она непоколебимо верила в триумф тех сил, с которыми она считала себя в союзе. Но я не собирался бежать, так

как не был уверен в такой же степени, как и она, что те, кто сейчас двигался во мраке, были миньоны Ночи.

Кубок шевельнулся у меня в руках. Я был уверен в этом, так как очень плотно сжимал его. Он слегка наклонился назад. В его глубине больше ничего не было. Я слегка повернул кубок и посмотрел на лицо... Глаза Рогатого Охотника смотрели... Они властно приковали к себе мой взгляд, хотя я чувствовал, что сейчас нужно следить за теми, кто приближается к нам.

Я знал, что я уже не тот неопытный и глупый юноша, который совершил ошибку и был за это изгнан своим лордом. Теперь... теперь я стал...

Нет!.. Я испустил громкий протяжный крик, чтобы разорвать магическое притяжение этих глаз, которые, как я был уверен, были просто металлическим изображением в неверном свете ночи, а вовсе не живыми. Они просто были очень искусно сделаны и казались живыми, хотя на самом деле были металлическими, не реальными и не могли воздействовать на мой разум. Мысли мои путались, и я окончательно сбился.

Тем не менее я чувствовал, как неведомая сила вливается в меня. И не просто сила, а что-то еще новое и непонятное. Какой-то иной разум, превращающий меня в кого-то другого. Однако я был не тем сосудом, которого он ждал и в котором нуждался. Между нами оставался тонкий барьер: все, что осталось от меня, прежнего Эльрона, что решило умереть, но не отдать себя незнакомцу.

Однако несмотря на то, что неведомая воля не смогла полностью войти в меня, я почувствовал, что обладаю могуществом, которого просто не мог знать раньше. Видимо, тот, кто отдал его мне, рассчитывал на то, что я верно буду служить ему. А, может быть, он решил служить мне? Но в последнем я сомневался. Я был не колдун и не Бард. Я не мог до конца раскрыть свой разум и подчинить его неведомому.

Одним легким движением Инна вскочила на ноги и отодвинулась от меня. Прежде, чем я сумел схватить ее, она вытянула вперед руки по направлению к движущимся теням, которые были теперь уже много ближе, и закричала:

— Холла! Лунорожденный носитель света, я здесь!..

Я сунул кубок обратно за пояс и кинулся к ней. Схватив ее одной рукой за горло, я легко поднял девушку и подошел с ней к алтарю. А она словно опять превратилась в дикую кошку. Она царапалась, шипела, брызгаясь слюной, и старалась при этом еще и укусить меня, словно настоящая змея. И так продолжалось до тех пор, пока я всем своим

весом тела не придавил ее к земле. Плащ соскользнул с нее во время нашей борьбы и лежал теперь в стороне от алтаря. Я прислонился к голубой каменной плите, стискивая в руках ее тело, ставшее скользким от пота. Я с трудом удерживал ее и не решался выпустить. Она совсем обезумела. Это была не та Инна, которую я знал в детстве.

Поднявшийся ветер нагнал тучи, закрывшие луну, и теперь единственным источником света были призрачные надгробные свечи. Дважды она порывалась закричать, но оба раза я вовремя стискивал ей горло, и ничего, кроме шипения, она не могла издать.

Должно быть, в последний раз я слегка придушил ее, так как она вдруг беспомощно обвисла на моих руках. Тогда только я слегка ослабил хватку, но продолжал оставаться настороже, так как не доверял ей: она вполне могла меня обмануть. Инна не шевельнулась, когда я осторожно положил ее на землю, замотал в плащ, а потом вместе с ней вскарабкался на камень алтаря. Ее тело пахло чем-то странным, чужим, как будто кожа ее была смазана маслом. Она стонала и тяжело дышала, словно не могла вдохнуть в полную меру. Но, кроме ее тяжелого дыхания, до моего слуха долетело еще кое-что. Я услышал вдалеке звук рога, тот самый звук, который мы слышали с Гатеей в первый раз, когда кольцо смерти стягивалось вокруг нас. В тот раз я впервые прибегнул к помощи кубка. И сейчас я услышал этот чистый высокий звук.

Облака ступились над нами, и вскоре пошел мелкий дождь. Я поднял Инну на ноги, придерживая ее одной рукой.

— Прикройся как следует, — хрипло приказал я. Ее мягкое упругое тело вызывало во мне непреодолимое желание, которое уже использовали против меня в качестве оружия в Черной Башне, когда пытались искушать меня. Нет, ни в коем случае мне нельзя поддаться страсти, чтобы не открылась дверь для наших врагов.

Звуки рога постепенно приближались. Я попытался разглядеть врагов, которые чернели тут и там среди курганов. Но все, что было хорошо видно, — это голубые огни «свечей». То, что стремилось проникнуть в меня, когда я смотрел на кубок, оставило свои попытки полностью овладеть моим мозгом, хотя и раскрыло передо мной гигантское море знаний.

Я выпрямился и плотнее уперся ногами в камень. Окружавшие нас враги не рисковали подняться на курган. Когда я обратился за помощью к кубку, то еще не знал, хорошо это или плохо. Ведь могущество, которое я получил сейчас, могло помочь мне, но могло и оказаться слишком опасным.

Сейчас мы находились в таком месте, которое имело свои собственные, не доступные для непосвященных людей средства защиты.

Инна пришла в себя и снова стала тихонько всхлипывать. Теперь от злости, решил я про себя, так как других причин у нее не было. Она плотно закуталась в плащ и отвернулась от меня, прислонившись к камню. Она напряженно вглядывалась в темноту, словно чего-то ожидая.

В третий раз прозвучал звук рога, ближе, но все еще далеко от нас.

Дочь Гарка погрузилась в тяжелое раздумье. Дождь и ветер хлестали нас, и мы угрюмо молчали. Я не видел, что происходит в тени между курганами, но ощущал, что опасность усиливается с каждым мгновением.

Небо стало постепенно светлеть. Приближалось утро. Свет «свечей» постепенно слабел, пока не пропал полностью. Теперь я уже мог увидеть надпись на камне: странные, не знакомые мне буквы, совершенно не похожие на наши. На верхнем, восточном конце камня, там, где должно было находиться сердце захороненного, виднелось очертание кубка. По форме он был очень похож на мой кубок, который мне подарила Гуннора, но на нем не было головы. Однако над изображением кубка виднелась корона, сплетенная из оленьих рогов, корона древнего лорда.

— Дартиф Двойной Меч!

Я поднял руку ладонью вверх. По обычаю этой страны это означало, что теперь я пойду в битву за ним, даже если мы совершенно не знаем друг друга.

— Ты назвал его имя?! — с удивлением, граничащим с ужасом, произнесла Инна, выглянув из-под полы плаща.

— Я назвал имя величайшего лорда, — ответил я, понимая, что это имя, это приветствие пришли откуда-то из глубины моего сознания помимо меня. — Это Фартфелл, — я окинул взглядом огромную долину печальных курганов. — Когда силы Зла, ведомые Арчоном, пришли с севера и Рог войны созвал все силы Света на битву, здесь произошло страшное сражение. Они убивали и умирали сами, их мир кончился. Эта битва не принесла победы, осталась только память о лучших днях.

Я произносил эти слова, но словно и сам впервые слышал их. Я поклонился с глубокой печалью, какой еще никогда не ощущал. Такая печаль возникает у людей, когда Барды своим пением о давно прошедших временах, о великих победах и страшных поражениях вселяют в людей веру, что раньше люди были сильнее и лучше, что они давали миру героев, идеалы, к которым следовало стремиться.

Ведь если люди будут иметь героев, то они будут стараться стать лучше, достичь такого же величия. Именно потому мы, слушая Бардов, плачем или предаемся гневу, что жизнь наша не такая, какая была раньше. И это укрепляло наше мужество, когда приходило время идти на бой. Барды дарили нам надежду, соединяя нашу жизнь с героическим прошлым. Но я не был Бардом, и у меня не было лютни. Я просто смотрел на могилу, на Рогатую Корону, хорошо зная, что тот, кто похоронен здесь, намного выше меня, так как я другой человек, но он не смог поработить меня, и, значит, во мне есть что-то, что позволило мне устоять перед его волей и мощью.

Наступило хмурое утро, но ничто теперь не шевелилось и не двигалось в долине Фартфелл среди курганов. То, что угрожало нам под покровом ночи, исчезло и растаяло с наступлением света. Я протянул руку и помог Инне подняться на ноги.

Я не знал, куда идти теперь нам. Рог звучал на западе, и я решил идти туда, хотя долина Гарка, куда я должен был отвести Инну, находилась на востоке.

— Куда мы идем? — спросила девушка, отказываясь двигаться, пока я не схватил ее грубо за руку и не заставил силой идти за собой. Я ожидал, что она опять начнет сопротивляться, а применять силу мне совсем не хотелось.

— На запад...

Она оглянулась на долину Фартфелл, где кое-где среди мрачных курганов виднелись отдельные деревья.

— Ты напрасно держишь меня, — сказала Инна. — Меня ждут. Пустить меня, теперь я не дочь Гарка, во мне растет ребенок. Я та, кто будет величайшей из матерей!..

Я пожал плечами. Ведьма внушила ей очень сильную иллюзию. То, что она теперь не простая девушка, было правдой. Хорошо это или плохо, но наши судьбы теперь переплелись, и я не должен был отдавать ее тем силам, с которыми схватился в смертельной битве сегодняшней ночью в Лунном Святилище.

Когда мы спустились с кургана великого Дартифа, я увидел на дороге, по которой мы пришли сюда, множество следов: копыта, лапы, человеческие следы, только с огромными когтями. Были здесь также и следы грубой обуви, глубоко вдавленные в почву.

Мы молча пошли по тропе, пока не добрались до реки. Здесь я наполнил флягу свежей водой, и мы слегка перекусили. Запасы мои совсем истощились, и мне, вероятно, придется поохотиться, чтобы мы не умерли с голода.

Фартфелл лежал между двумя горными хребтами. Подумав немного, я решил, что восточный хребет я пересек

перед тем, как попасть в Черную Башню. Я смотрел на восточный хребет, и внутренний голос подсказывал мне, что именно там находится конечная цель моего путешествия.

Дождь постепенно стих и вскоре перешел в водяную пыль. Хотя мы и могли спрятаться под деревьями, я все же предпочел остаться на открытом месте и продолжать путь. Слишком уж много раз опасность наступала меня именно во время остановок.

Я пошел вперед, а Инна слегка отстала. Похоже, она не очень-то стремилась вперед. Ее длинные волосы под дождем скатались в тощие сосульки, и она очень была похожа сейчас на ведьму. Я с удовольствием предложил бы ей одежду, но никто не мог сотворить ее из травы и листьев.

— Идиот! — она крепко стиснула кулачки и ударила ими друг о друга. — Отпусти меня! Этим ты ничего не добьешься, только накличешь на себя их ненависть...

— Я не держу тебя... теперь, — ответил я многозначительно, так как мне до смерти надоело воевать с ней. И я бы с большим удовольствием повернулся и ушел от нее, если бы мог.

— Ты держишь меня! Держишь своей нечеловеческой волей!.. — пронзительно закричала она.

Затем она медленно поднялась на ноги, как смертельно уставший человек, и поплелась на запад с таким выражением на лице, что было ясно, что идет она против своей воли.

Мы прошли совсем немного к западу, как вдруг плечи ее выпрямились, голова гордо поднялась и повернулась на север. В нее словно вливалась какая-то новая энергия, такая могучая, что я почти физически мог видеть ее. Отшвырнув плащ в сторону, словно одежда теперь для нее ничего не значила, она припустилась бежать. Ноги ее неуловимо мелькали в утреннем свете солнца.

Я подхватил плащ и бросился вслед за ней. Хотя на мне была кольчуга и меч, я все же старался не отставать и не выпускать ее из виду, и даже начал понемногу догонять. К счастью, она старалась бежать по открытому месту. Я опасался, как бы она не свернула в лесок, где легко могла бы спрятаться от меня. Но, похоже, она вообще забыла о моем существовании. Я был уверен, что она снова попала в колдовские сети.

Дорога постепенно начала подниматься вверх. Инна легко бежала в гору, перескакивая с камня на камень, с уступа на уступ. Она уже была на вершине холма, когда вдруг замерла на мгновение и в стремительном прыжке скрылась с глаз. Одним махом я взлетел на холм и резко остановился, так как разглядел, куда она так спешила.

Внизу нас ожидала все та же, одетая в черное карга, с которой я уже имел дело в Лунном Святилище. Но она была не одна, и ее спутники не были людьми. Слева от нее стояло одно из летающих чудовищ, с каким я сражался на утесе. Чудовище это было женского пола и намного превышало ростом старую ведьму. Громадные крылья лениво шевелились в воздухе, но когтистые лапы твердо стояли на земле. Справа стояло другое чудовище, и при виде его я невольно замер на месте.

Это была жуткая смесь зверя и человека, причем самых жутких его составляющих. Тело его от пояса вниз было покрыто жесткой грубой кожей, и ноги оканчивались огромными копытами, как у быка. Половой орган, толстый и огромный, был выставлен вперед, словно специально на показ, как какое-то оружие.

Выше пояса кожа становилась менее грубой, но на груди, плечах и руках она все же оставалась серой и шершавой. Сами руки были чрезвычайно длинными и болтались почти у самой земли. Но больше всего меня поразили голова и особенно лицо.

Оно до ужаса было похоже на лицо, изображенное на моем кубке, но его выражение было совсем другим, как обратная сторона монеты. Если одно было благородным, то это гнусным и отвратительным. Лицо было одно, но человек-зверь был полной противоположностью Рогатому Лорду, и он не был коронован. На его курчавых густых волосах не красовалась корона из переплетенных рогов.

Голова его запрокинулась назад, и он издал крик, похожий на язвительный смех человека и одновременно на звериный рык. Карга вскинула вверх руи, и пальцы ее тихо шевелились, словно сплетаясь в сложный узор. Крылатая женщина сардонически улыбалась, и огромные страшные клыки сверкали в ее пасти.

Инна, словно не замечая всего этого, огромными прыжками неслась вниз, к ним. Она, правда, вынуждена была замедлить свой бег, так как, споткнувшись о камень, она едва не упала на землю. Я смерил расстояние. Она была слишком далеко от меня, для того, чтобы я успел перехватить ее. В отчаянии я смотал плащ жгутом и швырнул его вслед беглянке. И тут словно кто-то неведомый стал управлять моими руками. Они стремительно взвились вверх и замерли, устремившись раскрытыми ладонями в сторону девушки. Странная, до конца не подвластная мне энергия изливалась из них. Словно живой, плащ развернулся в воздухе и стремительно понесся за Инной.

Подобно огромной живой птице он настиг ее и, обернувшись вокруг тела, сковал ее движение. Девушка сдела-

ла шаг, другой и беспомощно опрокинулась на землю. Она была еще довольно далеко от гнусной троицы чудовищ.

Я стремительно подбежал к ней, когда она, ворочаясь, пыталась освободиться от непонятного предмета. Смех человека-зверя стих, словно оборванный мечом. И тут карга запела. Я прекрасно понял, что она призывала на помощь свое Могущество.

Человек-зверь стоял ухмыляясь, уперев длинные руки в могучие бедра. Он весь теперь дышал уверенностью в победе. Глаза его вспыхнули красным огнем, словно угольки, и в них ничего нельзя было прочесть, кроме этого зловещего света смерти. Вероятно, эти огненные глаза видели мир совсем не таким, как глаза обыкновенного человека.

Крылатая женщина покачивалась взад и вперед. Крылья ее сотрясали воздух могучими ударами, и она теперь едва касалась земли кончиками ступней. Я почувствовал, что она сейчас бросится на меня, и на всякий случай приготовил меч.

Увидев это, человек-зверь разразился громким хохотом. Лево́й рукой я обхватил Инну и прижал ее к себе как можно крепче. Если она теперь вырвется и сбежит к ним, то никакое Могущество, каким теперь обладал я, не в состоянии будет освободить ее из лап этой карги. Все, что было в ней чистое, доброе, человеческое, умрет, и останется только то, чему лучше было бы умереть. Ведь тогда единственное доброе дело, которое я смогу сделать для нее, это убить ее для блага всех людей. Когда я подумал об этом, то перед моими глазами на мгновение возникла ужасающая картина того, что эти чудовища могут с ней сделать, и у меня страшно зачесались руки всадить ей меч в горло...

— Давай, давай, сделай это, идиот! — Я краем глаза заметил всплеск пламени в глазах человека-зверя. — Дай нам ее кровь! Мы с радостью примем от тебя этот подарок!

Помимо своей воли я смотрел на него. Он до ужаса был похож на Рогатого Лорда. В каждом человеке смешано плохое и хорошее. Так в облике Охотника было собрано все хорошее, а тот, кто стоял передо мной, олицетворял собой все самое худшее, самое темное, самое отвратительное.

— Да, ты правильно думаешь, кретин! Ты мой, если я пожелаю это, — и он сделал непристойный жест.

Словно огнем опалило меня. Дикое плотское желание охватило меня точно так же, как и в Черной Башне. «Сорвать плащ!.. Схватить девушку!..» Я так крепко сжал рукоятку меча, что она впилась мне в руку. И боль эта отрезвила меня. Я смог оторвать взгляд от чудовища.

Карга между тем плела вокруг меня сеть своих заклинаний. Я внимательно огляделся. Если мне повезет, то меня

постигнет быстрая смерть, но Инну ждет гораздо более страшная судьба.

И тут во мне зашевелились силы, которые вошли в меня на кургане. И я мог или принять их, или отвергнуть. Наступило время сделать окончательный выбор. Если я решусь принять их, то нужно это сделать полностью, до конца. Но я был человеком. И, как человек, я шел своим путем. Мог ли я позволить сделать себя орудием Могуущества, Доброго или Злого? Ведь тогда я отдам все то, что делало меня человеком, что позволяло мне оставаться, несмотря ни на что, самим собой.

— Время... Мне нужно было время! — Я застонал от бессильной злобы. Именно времени у меня не было. Я поднял голову и посмотрел на небо, на низкие облака, сомкнувшиеся над нами, как потолок тюремной камеры. Даже долина вокруг нас покрылась какой-то темной хмарью, выбелившей зелень листвы деревьев и травы.

Я провел языком по пересохшим губам. Последний раз я чувствовал себя Эльроном, тем самым Эльроном, каким был всегда! И затем я прокричал во всю силу легких:

— Хи, Холла... Курноус!..

Меня как будто стиснуло могучей рукой, кровь со страшной силой устремилась по жилам, а кости затрещали под чудовищным натиском могучих сил. Я закачался из стороны в сторону, как будто сильный ветер накинудся на меня. Но я устоял. Резкая боль пронзила мой мозг. Я мог только думать о каком-то незнакомом мне месте с большим количеством дверей, закрытых дверей. И в эти двери кто-то ломился изнутри и снаружи одновременно. Наконец, двери слетели с петель и то, что было за ними, наконец, освободилось.

«Что я такое?» — Теперь я этого и сам не знал. Я видел и слышал то, для чего на нашем человеческом языке даже не было названия. Дикая боль в голове постепенно уменьшалась. Сколько времени продолжалось все это? Моему измученному естеству казалось, что прошли целые дни...

И вот я выпрямился. Инна лежала на земле у моих ног, свернувшись клубочком. Из ее раскрытого от изумления рта стекала тонкая струйка слюны, широко раскрытые глаза с изумлением и ужасом смотрели на меня.

Троица все еще стояла передо мной. Но я с удовлетворением отметил, что улыбка исчезла с губ крылатой женщины, стих смех и человека-зверя. Он тоже распахнул свою огромную пасть. Я видел, что снопы пламени вырывались не только из его глаз, но и изо рта тоже. Казалось, что он дышит пламенем, и сейчас под ним задымится трава.

Та, которую Инна называла Райдан, стояла, все еще подняв руки, но пальцы ее теперь обессиленно замерли. Руки ее стали медленно опускаться вниз, как будто карга потеряла все силы. Я не знал, что эта троица почувствовала во мне, но сердце мое забилося уверенно и мощно. Я считал, что, подчинившись неведомой воле и силе, потерю свою сущность. Но оказалось, что я приобрел нечто огромное, оставшись самим собой. Теперь мне нужно было торопиться, забыв на время о чуде перевоплощения. Удивляться сложно будет и потом.

Снова я посмотрел в затянутое облаками небо и закричал:

— Холла, Курноус! — Голос мой громом прокатился по долине.

И в ответ пришел... звук рога. Он звучал триумфом, как будто жертва была не просто близко, а она была уже затравлена. Но я не чувствовал себя гончей собакой, нет, скорее, я был разящим мечом в руках охотника.

И затем...

Он появился ниоткуда. Нет, вернее, откуда-то из другого мира, который вскоре должен был стать моим миром. Он был высок, как Гарк, и кольчуга его была соткана из разных переливающихся светом пластин: голубых, зеленых и коричневых. Я был прав: именно его лицо было изображено на кубке. Но оно так же походило и на лицо человека-зверя, словно было его плохой копией. И тут я понял! Это были Свет и Тьма! И я вспомнил, как однажды Гатя сказала: «Как сверху, так и снизу. Каждое Могущество имеет две грани — светлую и темную, и эти грани хорошо сбалансированы. Но когда одно берет верх над другим, то баланс нарушается, и тогда судьба берет все в свои руки. Восстановление баланса — очень страшное и кровавое дело, но необходимое. И баланс должен существовать во всех мирах».

Троица однако не смутилась. Они начали раздуваться, увеличиваться в размерах. Они явно готовились к схватке с Охотником в Рогатой Короне.

Тут в воздухе снова что-то возникло. Сильное желание опять охватило меня при одном только взгляде на нее. Одежда ее была соткана из золотого и янтарного света. С гордо поднятой головой она встала напротив карги. Да, Райдан оказалась старой, гнусной пародией на прекрасную янтарную леди.

И затем появилась третья, крылатая леди. Ее роскошь и великолепии ослепили меня на мгновение. Я не мог смотреть на нее. Ветер, поднятый ее крыльями, донес до меня

чистый запах весенних цветов, появившихся весной среди старых прошлогодних листьев.

— Как сверху, так и снизу, — тихо произнес я.

За мной кто-то зашевелился. Инна, пошатываясь, вышла вперед. Она как будто ожидала поддержки. Я крепко взял ее пальцы вытянутой руки в свою ладонь. Пальцы были холодные, и вся она дрожала, словно стояла на холодном зимнем ветру.

ГЛАВА 18

И вот они встретились: Свет и Тьма. И хотя Инна и я не были прямыми участниками, я понимал, что это не первая их встреча. В этой странной стране баланс между ними был нарушен давно. Побеждали то Свет, то Тьма!.. И я знал, что появление моего народа еще больше нарушило это равновесие. И теперь должна произойти последняя битва, подобно которой еще не видел ни один человек.

Заклинание Гунноры держало меня, она управляла одной моей половиной. Другая половина принадлежала Рогатому Лорду, и я не жалел об этом. Я добровольно поклялся ему в верности. В нем я видел то, чем восхищался в Барде Оузе, открывшем Врата, и в Братьях с Мечами. Сейчас я уже начал сомневаться, что мы сами выбрали этот мир. Мне стало казаться, что мы были вызваны сюда, чтобы попытаться восстановить баланс между бессмертными силами Света и Тьмы.

Как проявится могущество тех, кто сейчас противостоял друг другу? Может быть, они нуждаются и в простых смертных, не имеющих тайных знаний, чтобы нарушить баланс в свою сторону? Ведь это очень древняя страна, и количество прежних жителей сократилось до таких мизерных величин, что им приходится сражаться друг с другом за право обладания нами, людьми. Пока я думал, между могучими противниками произошел разговор. Я обнял Инну одной рукой, и она обессиленно повисла на мне, словно ноги совсем отказались поддерживать ее. Очевидно, она была в полуобморочном состоянии.

Костявые руки Райдан висели вдоль тела, прячась в широких складках мантии. Крылатая женщина корчила ужасные гримасы. Она плюнула прямо под ноги прекрасной женщине, сияние которой не мог бы вынести простой смертный.

— Час опять пришел...

Услышал ли я его ушами или же слова его рождались прямо в моем мозгу? Говорил Курноус. Он сделал шаг к человеку-зверю.

— Ты вызвал, Кунтиф. Я ответил тебе. Но твои врата не собираются открываться.

Его противник фыркнул.

— Зато твои открыты настежь. Теперь ты ввел в игру других, разве это не запрещено издавно? — Он указал огромной рукой прямо на меня. — Твоя кровь разжижилась, и твои герои все погибли, и теперь ты призвал на помощь этих, сделал их своими слугами. Это против Клятвы...

— Против Клятвы? А разве вы сами не собирались использовать его? Кто вызвал его сюда с кубком, кто задумал это грязное дело? Мы не потерпим, чтобы в Арвоне рождалось дитя Зла, — это сказала Гуннора. — Ты слышишь, Райдан? Твоя западня разрушена, и твоя жертва вырвана из коварных сетей. Она еще девушка, несмотря на все твои заклинания, и она не родит Зло!..

Она взмахнула крыльями, и воздух наполнился трелями, напминающими пение птиц. Эти прекрасные звуки радовали сердца. Та, что была гнусной пародией на нее, пожала плечами, и кончики больших серых крыльев царапнули землю и высокую траву.

— Да, врата открыты, — спокойно сказал Охотник. — Когда придет время битвы, мы должны созвать всех, кто может подняться. Они могут стать новым началом. Мы слишком долго были одни в нашей пустынной стране. Не все могут подойти нам, но всегда есть плодородная почва, которая ждет нужных зерен. Они должны будут сделать выбор, и они сделают его, но свободно, ведь это право всех живых существ.

— Девушка уже выбрала! — Райдан ткнула костлявым пальцем в сторону Инны.

Я крепче прижал к себе дочь Гарка. Но она не собиралась присоединяться к этой зловещей троице.

— Но не свободно. И ей никто ничего не объяснил, — возразила Гуннора. — Ты думаешь, я не знаю, как ты заманивала ее? Ты зажгла в ней искру, которой у нее не было. Посмотри, разве это не так? — Она обернулась и указала совершенной рукой в нашу сторону.

Я почувствовал такое горячее желание, что думал, смогу ли устоять на ногах. Но тут Инна вскрикнула, как будто кто-то ударил ее, и прижалась лицом к моему плечу. Она явно не хотела смотреть на них.

— Ты хотела использовать ее, обманув предварительно, — жалость и сострадание светились в глазах Гунноры.

— Когда-то, — снова заговорил Курноус, — была борьба между Светом и Тьмой, и многие тогда погибли. Смерть и разрушения опустошили страну. Я считаю, что свобода выбора должна остаться и теперь.

— У меня свое место в этом мире, твое могущество, и ты не можешь пренебрегать мной, — рывкнул человек-зверь.

— Разве я пренебрегаю? — удивился Курноус. — Свобода выбора! Те, кого вы честно завоюете, будут вашими подданными, но ими будут только те, кто сами ответят на ваш зов. А эти двое уже выбрали...

— Она — нет! Ты сам сказал это! — закричала Райдан.

— Она сделала выбор. Она ведь из тех, чей разум закрыт для нас. Колдовство в этих вопросах запрещено! Позови ее без заклинаний! — приказала Гуннора.

Старуха разразилась проклятиями. Я видел, что ее рукава шевелятся, видимо, она усиленно двигала руками, но ритуальные жесты она все же не рисковала делать. В конце концов, она вынуждена была признать справедливость слов моей янтарной леди.

— Ты видишь? — в голосе Гунноры прозвучала странная нотка. Неужели это была нотка жалости? Неужели она чувствовала хоть каплю тепла к этой безобразной, гнусной, отвратительной старухе? — Что сделано, то нужно исправить.

Она излучала могущество, теплое золотое сияние окружало ее фигуру. И из этого сияния вырвалось вдруг золотое копье. Я увидел, как ведьма вдруг отступила на шаг. Лицо ее исказила злобная гримаса. Рот перекосялся, как будто она хотела плюнуть в нашу сторону ядовитой слюной.

Затем плечи ее бессильно опустились. Если годы что-то и значили для нее, то именно сейчас они легли на ее плечи тяжелым грузом. Руки ее вознеслись вверх. Я каким-то образом видел, как она борется с могучей силой, но не может преодолеть ее. И Гуннора тут была ни при чем. Все дело было в самой старухе. Все ее усилия нарушить баланс, достигнуть большего могущества оказались тщетными. Она выкрикнула четыре слова, которые громом пронесли по долине. Мне показалось, что небо и земля откликнулись на них, содрогнулись, как будто с ужасающей силой столкнулись два мира. И затем все снова успокоилось. Мы снова оказались в одном времени и пространстве.

И тут я почувствовал, что Инна исчезла. Ее не было в моих объятиях. Я невольно вскрикнул, и Гуннора бросила на меня быстрый взгляд.

— Не бойся за нее. Она вернулась к своему народу. Она все забудет. И в ней не зреет дитя Зла, которое бы уничтожило всех вас. И это потому, что ты был тверд.

— Вы еще не выиграли! — зарычал человек-зверь. В глосе его была жажда крови и угроза смерти.— Это еще не конец...

Курноус покачал головой в короне.

— Никто из нас никогда не выиграет. Вы все время будете стараться подчинить все себе, но всегда окажется кто-то, кто встанет на вашем пути, и баланс сохранится...

— Но не навсегда!..— Человек-зверь жестом негодования ударил себя в грудь руками. И исчез...

Карга показала свои желтые кривые зубы в презрительной усмешке.

— Не навсегда! — повторила она. Ее черные рукава хлестали по костлявому телу, как будто налетел сильный ветер, которого никто не ощущал. Да и трава не шевелилась там, где она стояла. Но странный ветер все сильнее трепал ее черную мантию, пока наконец не сорвал ее с места и, как сухой лист, бросил ее в ничто...

Крылатая женщина испустила хриплый рев, расправила свои крылья и взвилась в воздух. Затем она быстро понеслась на север, поднимаясь все выше и выше. Сверкающая женщина тоже взвилась в воздух и полетела за ней.

Гуннора и Курноус остались, внимательно разглядывая меня. Во мне осталось еще много от того юного, неопытного, глупого Эльрона. И этот Эльрон спросил:

— Значит, темные силы еще будут здесь продолжать свое дело? Какова же будет тогда судьба моих соплеменников?

— Нет стран, где только Свет или только Тьма властвуют на свете. Ведь если не будет Мрака, зачем тогда стремиться к Свету? — спросил Курноус.— Как ты уже слышал, эта страна почти совсем опустела. И среди тех, кто пришел сюда, найдутся люди, чьи сердца откроются нам — Свету или Тьме. Но выбор они будут делать сами. Остальные не будут знать ничего и ни о чем не будут подозревать, так как они не те, что подходят нам.

Я подумал о властелине Черной Башни. Неужели и это зло будет свободно творить свои черные дела?.. И если его жертва останется без помощи...

— Она не останется без помощи.

Я понял, что нам не нужны слова для общения, мы легко обменивались мыслями. Передо мной стоял лорд, которого я сам выбрал, и с этого часа я буду жить в соответствии со сделанным выбором. И все же может наступить момент,

когда меня начнут грызть сомнения, когда мне будет казаться, что добро могло бы сделать многое, но не желает...

— Могущество!.. Все дело в балансе могущества, — продолжал Курноус. — Неужели ты не понимаешь этого? Кто бы ни нарушил баланс могущества, Тьма или Свет, это приведет к тому, что в стране воцарится хаос... Много лет назад мы уже получили один такой урок, очень жестокий урок! Страна была сильной и богатой, пока баланс не был нарушен. Восстановление страны оказалось очень долгим и трудным процессом, и много раз это оказывалось не по силам тем, кто пытался сделать это. И твои люди будут терпеть неудачи, но они будут пытаться, так как в твоём народе заложены семена. Они возрастут в вас, несмотря на то, что сами вы не будете верить в то, что этого можно достичь.

Какая-то часть меня понимала справедливость его слов. Но человеческое нетерпение оставалось.

— А леди Инна действительно в безопасности?

— Она проснется в том же месте, откуда ее взяли. Рай-дан устроила там западню перед приходом ваших людей. Но у нее сорвалось, потому что она вызвала так же и кубок. Но пришел ты, который сумел подчинить себе кубок, — сказала Гуннора.

Теперь она была совсем другой. Ее влияние на меня в значительной степени ослабло, даже, можно было сказать, совсем исчезло. Я уже мог спокойно смотреть на нее, и испытывал огромное удовольствие, которое ощущал впервые, не безумное плотское желание, которое сжигало меня, а просто человеческую радость братства и единения душ. Я увидел, что она в ответ мне понимающе улыбается.

— Еще не время, — загадочно произнесла она. — Тот голод, который ты уже испытал, ты удовлетворишь в свое время, когда ты найдешь ту, которая разделит с тобой наслаждение.

— Гатя?!.. И Гру?

На лице Курноуса не было улыбки, когда я в изумлении перевел взгляд на него, словно ища у него подтверждения. Он, скорее, смотрел на меня как на своего воина, который готовится к битве. Он хотел убедиться, хорошо ли вооружен воин, готов ли он к бою.

— Кубок твой. Остальное решишь сам. Выбор свободный — для вас обоих. Вы сами выберете, что захотите, — добро или зло.

Я не понимал, о чем он говорил, и задал вопрос, который больше всего мучил меня.

— Гатей... Гру... может быть, я нужен им. Я должен вернуться туда...

Не было ни вихря, который понес меня, ни могучих крыльев за спиной. Скорее всего, это было похоже на мгновение тьмы, крошечной тьмы, как в Черной Башне, куда никогда не проникал свет. И затем пришел свет — лунный свет, как будто день остался уже позади.

Передо мной было Лунное Святилище. Но не то, что располагалось возле долины, а то, где Райдан со своими помощниками хотела совершить зло. Оно было освещено ярким светом — возможно, другая часть колдовского мира, — и оно было точной копией того Святилища, где Инну ожидало осквернение тела и смерть духа.

Та, которую я искал, была перед каменным алтарем, и тело ее было серебряно-белым. Она, сбросив одежду, купалась в лунном сиянии, впитывая в себя Могущество, которое, как я чувствовал (или видел), жило в этом святом месте. В воздухе над алтарем сиял столб, нет, закутанная в вуаль фигура, которую я не мог рассмотреть.

Воздев руки вверх, Гатей молилась с закрытыми глазами, и лицо ее было полно радости. Мои пальцы стремительно пробежали по пуговицам, застежкам и шнурам одежды. Я отбросил от себя сначала то, что было связано со смертью и войной, а затем и все остальное. Теперь на мне был только свет, свет и кубок, а в нем, как мне приказало знание, находился листок лесной феи.

Когда я приблизился к Святилищу, стена света сгустилась передо мной, словно препятствуя моему проходу. Я чувствовал его сопротивление не только телом, но и разумом. Свет протестовал против того, что я вхожу, что несу с собой, что хочу сделать. А затем из света соткалось серебряное тело Гру, который бесшумно возник между колоннами. Губы его раздвинулись, обнажив огненные клыки, как бы предупреждая меня.

Затем глаза его, горящие, как драгоценные камни, остановились на кубке, потом снова переметнулись на меня. То, что пробудилось внутри меня, позволило мне теперь общаться мысленно с этим огромным котом, который был к тому же гораздо больше, чем кот. Он занимал и будет занимать определенное место в моей жизни.

— Это мое право и ее выбор!

И Гру отодвинулся в сторону. Я вошел в Лунное Святилище.

Сколько здесь было Могущества! Оно буквально захватило меня, обрушилось на мои плечи. Я ощущал его давление на свое тело. Его буквально пронзали тысячи иголок. Мне хотелось броситься вперед, но я сдержал себя и мед-

ленно, шаг за шагом пошел вперед. Кубок я держал у сердца, лист же грелся в другой руке.

Гатяя резко повернулась, как будто почувствовала, что в атмосфере колдовства, наполнявшего Святилище, появилось что-то чужое. Я увидел ее расширяющиеся глаза. Она подняла было руку, чтобы отослать меня обратно.

Но я знал, что нужно было делать. Я сделал свой выбор, и теперь была ее очередь. Я опустил лист в кубок. Несколько мгновений он лежал неподвижно, а потом расплавился. Бурлящая жидкость наполнила кубок, сама природа благословляла этот час.

Как верноподданный, я опустился на одно колено. Мне показалось, что что-то давит на мою голову. Может быть, это был свет?.. Но я готов был и для короны, правда, к этому я и не стремился.

Гатяя ткнула пальцем в мою сторону.

— Уходи!

Это был приказ, но он был окрашен нотками страха. Голос ее увеличил давление на меня. Если бы она была тверда до конца, то я вынужден был бы уйти, и мы никогда бы не соединились.

— Диана! — Я не повиновался. Гатяя снова повернулась к алтарю, над которым висела сверкающая колонна.

Я мог ее видеть, но неясно. Ни один человек, не обладающий могуществом, не мог рассмотреть ее. Некоторое мгновение ее контуры слабо виднелись в ярком сиянии, но потом в ослепительном свете выделилась темная фигура стройной женщины. Ее лицо было похоже на лицо Гатей: такое же гордое, замкнутое. Она была верна тому, чему решила посвятить жизнь.

— Диана! — снова выкрикнула Гатяя.

Лицо, стало холоднее, на нем мелькнула тень враждебности, неприязни. Я вдруг вспомнил, что Диана может убить того, кто покусится на ее служанку, без согласия самой девушки.

Я хотел было попросить помощи, но понял, что ее не будет. С этим мне придется справиться самому.

— Диана!..

Может, я ошибся? В голосе Гатей появились вопросительные нотки, но она уже не была столь непреклонна, столь неприступна.

Из кубка спиралями поднимался вверх золотой туман — туман цвета одежды Гунноры. Затем туман стал янтарным, и опьяняющий аромат заполнил пространство между нами.

— Диана... — Гатяя уже не крикнула, а промурлыкала ее имя. Теперь она уже отвернулась от серебряной фигуры, чтобы видеть меня. Я заговорил, и эти слова пришли из

моей памяти, где хранились с незапамятных времен, о которых уже давно не помнил никто.

— Поле ждет семян. Могущество леди вспахало поле. Пришел тот, кому суждено пробудить поле, чтобы затем созрел урожай, который оживит тело, разум и душу.

Гатей двинулась ко мне. Один нерешительный шаг, другой. На лице ее отражалась вся внутренняя борьба. Я держал кубок и ждал. Выбор! Выбор был за ней. Я не мог настаивать. Она сама должна была придти ко мне. Сама!

Очень долго она стояла так близко от меня, что я мог, протянув руку, коснуться ее мягкого тела. Но так нельзя. Да, могущество передается от мужчины к девушке и затем от новой женщины обратно к мужчине. И только когда обмен будет совершен, целое будет более величественное, чем отдельные части. И все же выбор был за Гатеей.

— Диана... — еле слышно прошептала она. Серебряный свет запульсировал вокруг нас. Сначала горячий, потом холодный, как будто он отражал внутреннюю борьбу Гатей.

Она пристально смотрела мне в глаза. Ничто не передавалось между нами. Я не знаю, что хотела она увидеть, а, может быть, и увидела. Ее руки медленно поднялись, и... она хочет взять у меня кубок? Или сделать что-то другое?

Ее пальцы обхватили мои пальцы, сжимающие кубок. Затем она вынула его из моих рук. Когда она взяла его, я наклонился и коснулся ее белой ноги. Старые слова полились с моих губ.

— Тот, кто ищет, всегда найдет. В каждой девушке находится королева. И, во имя Леди, я приветствую ее, так же как приветствую и тебя.

Я поднял руки и положил их туда, где ее стройные бедра соединялись с телом.

— В каждой девушке всегда живет поле, ждущее урожая. Во имя Леди, я приветствую тебя.

Поднявшись на ноги, я коснулся ее твердых маленьких грудей.

— В девушке живет тот, кто придет, когда наступит время. Во имя Леди, я приветствую тебя.

Гатей держала кубок так, что он находился между моими губами и ее. В глазах ее появилось другое чувство: удивление, нетерпеливое ожидание.

Я выпил то, что она предложила мне, затем выпила она. Теперь кубок был пуст, и она отвела его в сторону. Он не упал на землю, когда она разжала пальцы, но плавно пролетел по воздуху и мягко опустился на каменный алтарь.

Колонна серебряного света стала изменяться, густеть, приобретать золотой цвет. Я привлек к себе Гатей, и поце-

луй, который я дал ей, как и обещала Гуннора, решил мою судьбу и убрал последний барьер.

Золотой свет — тепло — мы забыли обо всем на свете. Все, что осталось, это жрица и Леди, мужчина и Лорд, коронованный Рогатой Короной. Из их соединения родится могущество, которое может совершить все! И когда я взял ту, которая больше не пойдет по девственным дорогам Дианы, я ощутил, как что-то опустилось на мою голову. Корона! Я был простым слугой и в этот час стал господином Лордом!

Лишенный клана, лишенный имени — и коронован!

СОДЕРЖАНИЕ

Гиацинтовый леопард. Пер. Н. Краснослободский	3
Тройка мечей. Пер. Н. Краснослободский	145
Корона из сплетенных рогов. Пер. Н. Краснослободский	277

Литературно-художественное издание
для старшего школьного возраста и юношества

Нортон Эндрю

ГИАЦИНТОВЫЙ ЛЕОПАРД

Фантастические романы

Ответственный редактор *Н. Чагович*
Художник *В. Макаренко*

Подписано в печать 05.10.93. Формат 84x108 1/32. Бумага газетно-офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 24. Уч.-изд.
л. 29. Тираж 100 000 экз. Заказ 889.

ООО «Пелев». 220005, г. Минск, ул. Красная, 22—44. Лицензия ЛВ № 589.

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220041,
г. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

